

СИБИРИАДА

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

СКИТНИКИ

2-е издание, переработанное и дополненное

Москва
«Вече»

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6
359

Зиганшин, К.Ф.

359 Скитники : романы / Камиль Зиганшин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Вече, 2022. — 496 с. — (Сибириада).

ISBN 978-5-4484-3531-7

Знак информационной продукции **12+**

Камиль Зиганшин — писатель, путешественник, лауреат премии Президента в области литературы и искусства, Большой литературной премии России, литературной премии им. В.Г. Распутина и др.

Роман «Скитники» посвящен истории жизни староверческой общины, зародившейся в ветлужских лесах в середине XIX века, одолевшей трудный путь через Сибирь и обосновавшейся в Забайкальском крае, оттесненной затем в глушь Алданского нагорья.

В романе «Золото Алдана» повествуется о драматических событиях в жизни той же общины в период с 1935 по 1955 год, когда ее судьба тесно переплелась с судьбой белогвардейской колонии, образованной уцелевшими участниками Якутского похода дружины генерала Пепеляева.

Книга выходит в новой редакции.

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

АЛДАНСКИЕ СКИТНИКИ

О трилогии Камиля Зиганшина

«Скитания очищают... роднят нас с небом». Эти слова Константина Паустовского писатель-путешественник Камиль Зиганшин считает одним из своих жизненных девизов. Другой девиз он сформулировал сам: «Хотите быть счастливыми, чаще общайтесь с Природой!» Пожалуй, это самый известный афоризм писателя, его «визитная карточка» в литературном мире. Кто только не цитировал эти его слова! А уж на родине, в Уфе, его, конечно же, знают все от мала до велика. И те, кто читал его «Маху, или Историю жизни кунички», «Боцмана», «Щедрый Буге», «Возвращение росомахи», и те, кому оказалась по силам его эпопея о старообрядцах, включающая в себя романы «Скитники», «Золото Алдана», «Хождение к Студёному морю».

Валентин Распутин в своё время дал высокую оценку прозе Зиганшина, отмечая, что она удивляет «сочностью и красочностью языка. Много чудес-кудес, но на это только в начале чтения обращаешь внимание, а затем всё становится естественным и необходимым, появляется полное доверие к автору...»

О художественных достоинствах прозы Зиганшина писали также Мустай Карим, В. Ганичев, Н. Дроздов, В. Бондаренко, В. Дворцов, С. Замлелова, С. Чураева. По мнению Э. Анашкина, «если у писателя нет биографии, даже талант ему не поможет». А у Камиля Зиганшина есть и невероятная биография, неоспорим и блестящий талант. Критик Вл. Бондаренко даже утверждает, что тут «героическая биография» писателя «не укладывается в его лучшую прозу». «Его большая проза как бы вне его внешней столь экзотичной биографии, — считает он. — Одних своих читателей и поклонников Камиль Зиганшин пленяет путешествиями по Патагонии и Огненной земле, покорением вершин Гималаев и Эльбруса, странствиями с буддийскими монахами и тан-

МАРИНА МАГЛОВА

цами с шаманами. И это прекрасно...» Но не это сделало его писателем, настаивает критик. «Других увлекает таежными историями, знанием языка зверей. Всё это замечательно...» Но и это ещё не решающий фактор в его писательской судьбе. «Совсем другой мир раскрывается всё же в другой, не похожей на следопытную, пожалуй, вершинной его прозе...» И вот тут, наконец, истоки его художественного мастерства, утверждает критик: «Такой роман написан Камилем Зиганшиным, минуя все его странствия и покорения вершин и погружения, его автор мог и не быть путешественником. ...Это роман человека... прекрасно знающего русское староверчество».

И ещё одну цитату Вл. Бондаренко стоит привести, чтобы не придумывать новые формулы в отношении того, что уже признано бесспорным и очевидным. «Дело даже не в этнических или фольклорных описаниях быта староверов, всё это можно было изучить и по книгам историков и краеведов, он сам принимает внутри себя этот мир, эту пусть и суровую, но нравственно чистую жизнь. Всё-таки главное в романе не сцены охоты, не хороводы и пляски, даже не своеобразный уклад старообрядческой общины, уже добрую сотню лет затерявшейся в глухой восточносибирской тайге. Главное... — это сага древнерусского мира, это богатый мир староверов и эвенков, вдруг соприкоснувшихся сначала с затерявшимися в тайге белогвардейцами, затем и с советским обществом, сага о крушении чистого сурового природного мира людей и зверей».

«Скитники» сегодня сравнивают с романами Мельникова-Печерского и прозой Вячеслава Шишкова, Михаила Пришвина, Владимира Личутина, Всеволода Иванова. «Скитники» — это феерически многоцветный художественный мир, созданный точным словом и сердечным чувством многоопытного следопыта-писателя. Авторское слово здесь таково, что многие критики, вслед за В. Распутиным, восхищаются глубиной и достоверностью исторических картин жизни русского древлеправославия.

Василий Дворцов размышляет о «собственной теме» Камилы Зиганшина. По его мнению, «поиск симфонии мира», «жажда убеждаться в том, во что веришь», — вот что главное в писателе. И ещё — страсть к путешествиям: «для Зиганшина дни измеряются в вёрстах, километрах, милях». Он жаждет убедиться в том, что «мир целен».

АЛДАНСКИЕ СКИТНИКИ

«Эвенки и чилийцы, осетины и эскимосы, французы и суахильцы, его родные башкиры и сказочные для всех непальцы — во все встречные лица Камиль Зиганшин всматривается широко раскрытыми глазами и сердцем, томительно ища и счастливо находя схожесть в разнообразии, целостность в разнесении — ища и находя симфонию мира. Урал и Саяны, Памир и Кавказ, Тянь-Шань и Анды — вершины хребтов распахивают ему круги горизонта за пределы континентов, и он счастлив виденьем единства жизни...»

* * *

«Скитники» в известном смысле приключенческое повествование. В последней книге-трилогии, романе «Хождение к Студёному морю», увлекут нас не только тайны души и духа, но и самые невероятные приключения, необычайные обстоятельства и героические поступки исключительной личности.

Героические судьбы литературных героев необязательно предполагают вымысел. Тем и замечателен герой Камилы Зиганшина, скитник Корней, что его судьба, насыщенная невероятными и, казалось бы, непосильными для человека испытаниями, будучи художественным вымыслом, оказывается вдруг, при нашем интересе к каждой мелочи и каждому оброненному героем слову, не просто правдоподобной, но совершенно убедительной, в каком-то смысле исторически достоверной.

В связи с романом «Хождение к Студёному морю» вспоминается жизненная эпопея знаменитого путешественника-велосипедиста Глеба Травина, объехавшего на специально подготовленном для кругосветного маршрута велосипеде весь Советский Союз вдоль его границ, включая побережье Северного Ледовитого океана. Во время своей полярной одиссеи спортсмен-велосипедист, радушно принимаемый коренными народами Сибири и Чукотки, получил прозвище «человек с железным оленем», потому что велосипед его, бегущий так же резво по заснеженной тундре, как и северные олени, даже «рогами» имел сходство с кроткими тягловыми животными якутов, эвенков, чукчей и юкагиров.

Если бы не эта легендарная личность, о которой прозаик и публицист А.А. Харитановский написал документально-художественную

МАРИНА МАГЛОВА

повесть «Человек с железным оленем» (1960), события книги Зиганшина могли бы показаться нам сегодня невероятными. Да, его герой вымышленный. И всё-таки необыкновенно сложный и опасный маршрут скитника Корнея, его хождение к океану в одиночку, на одной ноге (вместо второй — протез), кажется, не мог бы возникнуть в творческом воображении писателя, не будь ему известен реальный маршрут Глеба Травина, осуществившего своё дерзновение под девизом: «Человек может всё, даже победить самого себя». Зиганшин не скрывает своих симпатий к легендарному путешественнику, его имя упоминается в тексте романа. И даже мотивация у литературного персонажа оказывается близкой к той, какой руководствовался Травин: «Хочу увидеть, как живут мои соотечественники».

В предисловии к третьей книге о скитниках автор, напоминая, что его герои — хранители древнего христианского благочестия, размышляет: «Погружаясь в мир староверия, понимаешь, что у этих сильных духом людей можно поучиться способности преодолевать трудности, находить счастье и радость там, где другие не видят ничего, кроме проблем. А ещё — и это, пожалуй, главное — способности быть благодарным Создателю за каждый прожитый день». Вот этой удивительной способности, превышающей, пожалуй, самые невероятные достижения современного человечества, как-то постепенно, исподволь учит нас мужественный герой Камиля Зиганшина.

Повествование созвучно и с «Хождением за три моря» Афанасия Никитина (которого «тянет мир поглядеть»), и с записками православного миссионера, просветителя Сибири и Америки, свт. Иннокентия (Вениаминова), который объезжал свою паству по заснеженной тундре на собачьей упряжке; и с «Белым безмолвием» Джека Лондона, воспевающего красоту и мощь северной природы; и даже, в эпизодах общения героя с коренными чукотскими народами, с рассказом Н.С. Лескова «На краю света». В третьей книге писатель, заставив Корнея преодолеть многие тысячи километров и встретить много добрых людей, кажется, решил донести до читателей главную свою мысль: люди веры — золотой запас России!

Корней благословляется в дорогу родовой иконой Николая Чудотворца (покровителя путешественников), подобно тому, как благо-

АЛДАНСКИЕ СКИТНИКИ

словляли в дорогу родители Афанасия Никитина, которого неудержимо повлекли странствия. Это было, по вычислениям историков, в 1468 году. Пять веков спустя, в 1958 году, совершает своё хождение к Ледовитому океану алданский скитник.

Вообще-то, если строго подходить к жанру, «хóждения», «хóжения» — это форма путевых записок, в которых русские путешественники описывали свои впечатления от посещения чужих земель. И хотя герой Зиганшина за пределы родных российских просторов не уходит, его «хождения» совершаются по бескрайним землям Империи, объединившим в себе такие территории, какие прежним путешественникам «за тридевять земель» даже не снились. Так что Корней прошёл расстояния, быть может, даже большие, чем его предшественники-землепроходцы и паломники во святые земли. И впечатления его, если бы он решил их записать, как сделал это Афанасий Никитин, не уступали бы по многообразию наблюдений запискам его тверского соотечественника.

Прощание Корнея с отцом, старцем Елисеем, когда тот говорит собравшемуся на Север скитнику: «Сынок, ты уж не отступи, нашу мечту исполни», неожиданно отсылает читателя, знакомого с биографией одного из самых знаменитых путешественников современности отца Фёдора Конюхова, к рассказу последнего о том, как он стал мореплавателем. Его дед участвовал в экспедиции Георгия Седова на Северный полюс. «Перед своей последней экспедицией в Арктику Седов оставил другу нательный крестик с просьбой передать его самому крепкому из сыновей или внуков, который смог бы осуществить его мечту». Конюхов признаётся, что с этим крестиком «побывал на Северном полюсе три раза». Он исполнил мечту Седова.

Удивительным образом сегодня перекликается эта жизненная биография с событиями художественного повествования, одухотворяя и наполняя их достоверностью. Литературный герой здесь несколько не уступает в правдоподобию живым историческим личностям. И ничто не мешает нам допустить, что автор, зная судьбу Фёдора Конюхова, присваивает своему герою, христианину Корнею Елисеевичу Кузовкину, не какую-то фантастическую биографию и неслыханный героизм, но, спокойно оглянувшись на невероятные

МАРИНА МАГЛОВА

достижения легендарного собрата по путешествиям, рассказывает о скитской жизни и дальних странствиях самого обычного во всех отношениях человека. Нам он кажется необычным. Но эта история отсылает читателя к реальным людям, их мужеству и неколебимой решимости в достижении поставленных целей.

Скитник Корней каждым поступком своим напоминает нам о лучших человеческих качествах, воспитать которые в себе может каждый. Он показывает, что любой человек может осуществлять свои лучшие мечты, если будет жить в согласии с волей Бога. Отец Фёдор Конюхов выразил это мироощущение так: «Иди к своей мечте и никогда не сдавайся. И Бог будет с тобой!»

Автор не упускает случая показать читателю, как «работает» Промысл Божий в судьбе человеческой. Для этого он отправляет своего героя в стан кочевых якутов, и там Корней обнаруживает больного, которому необходимо удалить зуб. Без него этого никто не мог бы сделать. Вот и выходит, что ему вовсе неслучайно захотелось вдруг развезьтсья и прокатиться на оленях до ближайшей якутской стоянки. А где Корней научился дёргать зубы плоскогубцами? А тут тоже всё не случайно: будучи крепким и сильным, помогал он врачу держать больных при этой чрезвычайно болезненной процедуре, когда отбывал срок в Алданлаге. У якутов не было плоскогубцев, и он дёргал щипцами для колки сахара.

Писатель при каждом удобном случае не преминет показать веру своего героя и то, как она ему мгновенно помогает находить решения в трудных ситуациях: «Утром Корней по следам на окровавленном снегу и обглоданным костям на реке понял, что остался без оленей. Тут он впервые за много лет запаниковал: до судна около двадцати километров... а сам он так плох, что эти расстояния без лыж не одолеет. Скитник тяжело вздохнул: он один, помочь некому, надо срочно что-то придумать. Вспомнился Робинзон Крузо — тот из любой ситуации находил выход. Неужто я хуже?! «Святой Боже, святой правый, вразуми» — взмолился Корней, глядя почему-то на нарты. И тут его осенило: «Полозья! Сниму и пойду на них, как на лыжах!»

А читатель тут снова может вспомнить русского путешественника протоиерея Фёдора Конюхова, у которого есть созвучное трилогии Зиганшина утверждение, что человек не может ничего добиться

АЛДАНСКИЕ СКИТНИКИ

в жизни, если не прочитал эти две книги — Евангелие и «Робинзон Крузо». Совершенно очевидно, что изобретательный Корней читал и то, и другое.

* * *

По мере продвижения странника в сторону Ледовитого океана автор вместе с героем внимательно присматривается к окружающей природе. Эти страницы книги будут особенно интересны тем, кто любит пейзажные зарисовки, умеет наслаждаться тонкими штрихами в неспешном описании окружающего ландшафта. Не менее увлекательны эпизоды, где герои встречаются с обитателями водной стихии или загадочными атмосферными явлениями вроде горного хребта из неподвижной громады чёрных туч или многоцветного северного сияния.

Достигнув устья реки Яны, скитник, привыкший к древесным вертикалям Алданского нагорья, впервые почувствовал, что разочаровался в ландшафте Севера: «Для Корнея вокруг посёлка не было ничего интересного: во все стороны простиралась кочкастая тундра, местами поросшая карликовыми берёзками и стелющимися ивами: взгляду не за что зацепиться...» Если бы не кузнец Трофим, научивший Корнея ковать железо и показавший ему свою домашнюю библиотеку, скитнику было бы тоскливо ждать попутного ветра: «Обличьем он напоминал былинного богатыря. Корней познакомился с ним в кузне, стоящей недалеко от его избы. Услышав дробный перепляс молотков, он заглянул в открытую дверь. Тут для него всё было интересно. Чёрный, прокопчённый сруб. На железном верстаке навалены разные инструменты. Земляной пол у наковальни усыпан бурой окалиной. По углам груды железа. А самое интересное — горн, в котором тлели древесные угли. Но стоило чёрным мехам «задышать», как они оживали, вспыхивали летучими синеватыми язычками. Корней с жадностью принюхивался к единственному в своём роде воздуху: тут пахло смесью древесного угля, горелого железа и сыплющихся от ударов искр».

Здесь «дробный перепляс молотков» старинной кузни нечаянно напоминает нам родственный «весёлый перепляс» и «гомон» инструмента в кузнице курской деревни Серпилки в рассказе Евгения

МАРИНА МАГЛОВА

Носова «В чистом поле за просёлком»: «Как начнут с молотобойцем Ванюшкой отбивать — что соборная звонница: колоколят молотки на всевозможные голоса. И баском, и залиivistым подголоском. Праздник, да и только в Серпилках! Особенно по весне, перед посевной: небо синее, чистое, с крыш капает, теплынь, а они вызванивают на весь белый свет...» Отраднo нам это лирическое перезвучье классика и современника русской литературы.

В гостях у кузнеца Корней впервые и услышал про велосипедиста Травина, вдохновившего скитника своим мужественным и невероятно опасным арктическим переходом. Известно, что начальник экспедиции на Диксоне даже откровенно говорил Травину: «...девятию девять шансов за то, что вы погибнете», но тот не дрогнул. И вот Корней, узнав об этом человеке, даже укорил себя за поблажки: «Выходит, Травкин герой, а я слабак — на пароходе-то всяк горазд...».

И далее начинается самое интересное в третьей книге — полярная одиссея скитника. Он сошёл с сухогруза «Арктика» в Русском Устье 2 июля 1959 года, став с этого момента путником-одиночкой, прозванным «одноногим русским». А мы с этого отрезка повествования можем называть его (по аналогии с прозвищем легендарного велосипедиста) «человек с индигирским зверем», потому что от юкагиров алданский скитник получил собачью упряжку с умнейшим жожаком — индигирским псом по имени Борой. А индигирские ездовые собаки — самые лучшие на Севере. Борой спас Корнею жизнь, и если бы не эта собака, путешествие скитника оборвалось бы в тундре за Колымой. Потому этот могучий и выносливый зверь заслуживает того, чтобы считаться одним из главных попутчиков Корнея в его рискованном и невероятно опасном одиночном переходе на Чукотку, откуда он планировал возвращаться пароходом снова на Алдан.

Самым сложным оказался для него маршрут по Заполярью. Пёс Борой не раз показывал преданность хозяину, а после гибели других собак упряжки остался и ближайшим другом, спасшись с ним на льдине. Дрейфуя целую неделю, достигли они берегов неведомой земли. Повествование на этом завершается, но читатель, успев полюбить двух отчаянных друзей, чудом выживших в океане, уже не хочет с ними расставаться. Кажется, у этой удивительной истории непременно будет продолжение.

АЛДАНСКИЕ СКИТНИКИ

* * *

Алданского скитника Север манил так, как может манить верующего человека непостижимость и бесконечность любви Божией. Разочаровавшись в северном ландшафте, лишённом столь милых ему горных и древесных вертикалей, Корней не разочаровался в людях и сохранил веру. Этот необычайно яркий и самобытный герой являет нам образ мужественного и сильного человека, способного преодолевать любые преграды.

Герой Камиля Зиганшина в отличие от своих исторических (к тому же светских, не общинных) «прототипов» искал в опасном путешествии не только «себя», то есть познания своих сил, но, кажется, в большей мере искал он встреч с близкими по духу людьми, чтобы увериться в неколебимости традиций русской общинной жизни. И будто по заветному слову псалмопевца — «С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со избранным избран будеши...» (пс. 17, 26) — Корнею большей частью встречались те, кто был либо его единоверцем, либо просто человеком с чистой совестью.

Автор, понимая, что сомневающемуся читателю надо как-то пояснить причину такого благоприятствования обстоятельств, в беседе скитника с одним из старожилов чукотского посёлка, дедом Евсеем, приоткрыл тайну такого «везения». Корней на вопрос деда о сложностях дальнего пути отвечает: — Спаси Христос! Не устаю благодарить Вышняго: завсегда хороших людей шлёт.

Евсей этому не удивляется, а резонно замечает: — Хороших Господь тебе пошто шлёт? Сам душой чист и в вере стоек, вот и благоволит...

В этом, быть может, и отличие литературного «хождения к океану» скитника Корнея от реально-исторического «хождения за три моря» тверского купца Никитина: путешественника пятнадцатого века тянуло «мир поглядеть», а герой Зиганшина по своей стране пошёл единоверцев искать. Потянуло его в дорогу с неудержимым стремлением, но было то по воле Божией, чтобы в странствиях Корней постиг и необозримость земных просторов, и неисчерпаемость благодати Христовой, всюду посылающей навстречу страннику помощь людей Божиих. Господь устраивал обстоятельства таким образом, что и Кор-

МАРИНА МАСЛОВА

ней оказывался для гостеприимных единоверцев свидетельствующим о разлитой в мире Божией благодати.

Много ещё интересного можно рассказать о трилогии Камиля Зиганшина, только вряд ли пересказ будет столь многокрасочен и многозвучен, как страницы удивительного повествования о первозданной природе и живущих в её окружении сильных и чистых духом людях.

Марина Маслова

кандидат филологических наук, член Союза писателей России

ЗАЩИТНИК ДРЕВНЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ

Возможен ли сегодня монументальный роман в традициях «Тихого Дона»? Большинство ответит на этот вопрос отрицательно. Между тем вы держите в руках книгу современного писателя Камиля Зиганшина, ещё десять лет назад поставившего перед собой задачи, сомасштабные шолоховской эпопее. И, как не удивительно, с ними достойно справившегося.

В трёх продолжающих друг друга книгах-летописях — подробное, неторопливое жизнеописание не менее экзотической, чем донские казаки, части российского народа — старообрядцев. Иногда кажется: автор тяготеет и к столь ценимому женщинами-читательницами жанру семейной саги: все части романа-эпопеи — «Скитники», «Золото Алдана», «Хождение к Студёному морю» — написаны на материале жизни нескольких поколений одной общины. При этом в ткань романа естественно вошли и драматические эпизоды из истории Белого движения в Сибири.

Автор использовал для воплощения сложнейшего замысла самые разные литературные формы, жанры, приёмы: от традиционного жанра путешествий и элементов мистики до записок офицера.

А начало всему этому положили старообрядцы, когда много лет назад спасли молодых путешественников в отрогах древнего хребта Сихотэ-Алиня — автора и его друга Юрия Сотникова — от голодной смерти. Бескорыстные приверженцы первоисточного православия не подозревали о литературных последствиях своего поступка.

ЗАЩИТНИК ДРЕВНЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ

С тех далёких пор проснулся в душе молодого инженера, любителя экстремальных походов Камиля Зиганшина интерес к замкнутому сообществу староверов, не допускающих в свой круг празднолобопытствующих.

История старообрядцев, хоронящихся в дебрях восточносибирской тайги, превращается под пером Зиганшина в восхищённый гимн их цельности, духовной чистоте, последовательности, бескорыстию, преданности Господу. Эти нравственные качества стали большой редкостью в нашем технократическом обществе, благодаря чему книга обретает ещё одну — этическую — ценность. Многие главы её способны стать нравственными уроками для сегодняшнего человека, разучившегося по-настоящему любить, ценить семью, верность, преданность близким людям и в то же время ощущать поэзию нехоженых троп в далёкой тайге. Именно в неё писатель погружает читателей, заражая их страстью к путешествиям и восхищением перед красотой и могуществом Природы: *«Во все стороны разбегались могучие, в мазках снега и языках осытей, хребты. Между ними бесчисленные цирки, ущелья, террасы. Чем дальше скитник обращал взор, тем таинственней и привлекательней представлялись ему размытые дымкой зубчатые гребни. Самые высокие находились на юго-востоке, где брал начало Малый Анной. Над всем этим величественным хаосом торжественно плыли облака, вслед за ними прыгали по скатом гор их тусклые тени».*

Перед читателем проходит многолетняя история жизни общины староверов, зародившейся в ветлужских лесах во второй половине XIX столетия, проделавшей труднейший путь через всю Сибирь и нашедшей приют в Забайкальском крае, а затем вынужденной отступать в глушь Алданского нагорья и там скрывающейся по сию пору.

Что больше всего ценит писатель в своих персонажах? Без сомнения, силу духа. Именно это качество любимых героев писателя — как мужчин, так и женщин — подчёркнуто двумя эпитафиями из таких разных поэтов, как Дж. Байрон (*«Сомнение — гибель, вера — жизнь»*) и Станислав Куняев (*«Не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие»*).

Камиль Зиганшин хорошо знает мельчайшие детали быта, особенности общения старообрядцев друг с другом и с посторонними

ЛОЛА ЗВОНАРЁВА

людьми, историю злоключений этих сильных духом людей, выдержавших многовековую травлю. Дорогого стоит одна маленькая сноска в первом томе трилогии «Золото Алдана»: *«В старообрядческих общинах, как правило, не принято целоваться, а только «ликоваться» — то есть щекой прикладываться к щеке другого».*

В финале третьей книги писатель как бы случайно упоминает судьбоносный для истории старообрядчества государственный документ. После его появления *«прекратились гонения на староверие и стало даже престижно и похвально приглашать на работу его приверженцев»:* *«Между страниц выглядывала закладка — пожелтевший газетный листок. Это был Манифест Николая II о веротерпимости и Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 года, узаконивший в правах старообрядчество».*

Семья как центр домашней вселенной

Отец *«пятерых детей от одной женщины»* — так нередко с понятной гордостью представляется автор этой эпопеи. И мы догадываемся — уже по этой причине писатель не мог не поставить в центр своей литературной вселенной семейные ценности, да и посвящена одна из книг трилогии — роман «Скитники» — любимой жене Татьяне.

Поэтому такие немислимые испытания обрушиваются на главного героя эпопеи — Корнея, ровесника XX века, родившегося в 1900 году. Корней, не выдержав искушения изысканной красотой горожанки-геолога, предаёт беременную бескорыстно и горячо любящую его супругу и становится на короткое время эротической игрушкой в руках коварной и расчётливой женщины.

Оставленная мужем Дарья пытается понять — что есть любовь? Мудрый уставщик общины отец Григорий помогает ей найти ответ: *«...любовь, это когда две души, две выбранные на небесах половинки сливаются воедино...»*

Расплата за измену оказалась страшной — не только мучительная смерть на глазах у обманутого Корнея алчной разлучницы — светловолосой красавицы Светланы, но и двенадцать лет в лагерях за несовершенное преступление, отторжение от родной старообрядческой

ЗАЩИТНИК ДРЕВНЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ

общины, ампутация ноги, постоянные нравственные и физические муки.

Но, подобно лётчику Маресьеву, герою когда-то знаменитой книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке», Корней не сдаётся. Он поселяется сначала в маленькой избушке, в отдалении от родного скита, потом — в возрождённом старообрядцами монастыре, а затем отправляется в сложнейшее путешествие — на Чукотку, стремясь исполнить свою давнюю мечту: увидеть Океан, удивляя отвагой не только одноверцев и близких людей, но всех, кто встречается ему во время его беспримерного труднейшего «хождения к Студёному морю».

И всё же самое трудное для любого человека — утрата семейного гнезда, неприятие близкими людьми. Потому так трагична судьба парализованного торговца Василия, продавшего собственную дочь, вскоре погибшую, так и не успевшего признаться любимому внуку в кровном родстве и передать ему спрятанные богатства, собиравшиеся в течение всей жизни.

Разрушительная сила жёлтого металла, эта мысль, мощно прозвучавшая когда-то в прозе Джека Лондона, убедительно проиллюстрирована многими драматическими эпизодами в романах Камиля Зиганшина. Именно корыстолюбие, бесконечная борьба за «рыжуху» становится причиной гибели одиноких золотоискателей, убивающих друг друга, бесславной смерти бандитов, оставшихся голыми в тайге после неудачной попытки ограбить партию геодезистов.

Энциклопедия быта коренных народов

Монументальное историческое полотно Камиля Зиганшина обладает ещё одним редчайшим качеством — это подлинная энциклопедия повседневной жизни (включая быт и обряды) коренных жителей Крайнего Севера — эвенков, юкагиров, якутов, чукчей. Писатель блестяще, в мельчайших деталях знает их жизнь:

«На третий день после полудня загудела турга. При сильных порывах чум начинал жалобно скрипеть. Ветер забрасывал через верхнее отверстие снег и загонял дым обратно в чум. Спасаясь от него, все за-

ЛОЛА ЗВОНАРЁВА

брались в меховой полог — самое важное и оберегаемое место в чуме. По сути это большой, многоместный спальный мешок, натянутый на каркас прямоугольной формы метра два в ширину, три в длину и полтора в высоту... Полог — единственное место в чуме, где всегда тепло. В сильные морозы в нём не только спят, но и едят.

Освещается полог светильником — каменной плошкой, заполненной жиром. Роль фитиля исполняет прядка из плотно скрученного мха, горящая тусклым, но ровным пламенем. Женщины так искусно заправляют их, что они совершенно не чадят и дают на удивление приличный жар.

Альтернативы пологу нет: в самом чуме, как только догорали дрова, становилось так же холодно, как и снаружи, разве что ветер не гуляет. Каждое утро женщины снимали полог с каркаса, выворачивали мехом наружу и выносили на мороз, где с силой колотили оленьим рогом до тех пор, пока из него не высытятся все кристаллики влаги.

Вот интереснейшее описание юкагирского праздника «Длинные Дней», проходящего на большой поляне. Он явно сделан с натуры и, безусловно, может вдохновить на новые исследования профессиональных этнографов: «Женщины в одеждах, отороченных полосками разноцветного меха, украшенных бисером и разноцветными бусинами. На головах металлические подвески, на груди богатые монисто, на поясе серебряные бляшки. Мужчины в парках, подпоясанных красиво расшитыми кожаными ремнями с ножнами. На ногах торбаса с узорами из кусочков белого и коричневого камуса. Перед тем как ступить на поляну, каждый исполнял обряд очищения — проходил под берёзовой аркой между двух костров. Начался праздник с кормления огня...»

Поэзия первопроходцев

Если в советское время российские подростки играли в индейцев, ходили в походы — на байдарках и пешком, мечтали о далёких путешествиях, то сейчас всё чаще летают с родителями в комфортабельных лайнерах по миру и хвастаются перед менее обеспеченными ровесниками. Эпопея Камиля Зиганшина способна пробудить во впечатлительной юной душе желание стать настоящим первопроходцем-путешественником. Ещё бы: читателю предстоит проделать вместе

ЗАЩИТНИК ДРЕВНЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ

с главным героем, смелым и сильным духом одноногим Корнеем, пешком, вплавь, на ездовых собаках и даже на льдине немислимой сложности путешествие — от Алдана до Ледовитого океана и Чукотского Носа.

«В первые дни скитальческой жизни его особенно восхищало и радовало то, что в лесу даже ломоть чёрствого хлеба стал несравненно вкуснее и аппетитнее: горьковатый дым костра, благоухание цветов, щебет птиц, — эти незатейливые приправы необычайно скрашивали скудные трапезы. Под вольным небом, среди лесистых холмов и чистых речушек, Варлаам стал ощущать себя частичкой окружающего мира. Это с каждым днём крепнущее чувство слитности доставляло душе странника особую усладу».

Постоянно возвращается автор и к мысли о тех, кто открывал и осваивал север Восточной Сибири в середине XVII века. Писателя восхищает *«невероятная выносливость и отвага казаков-землепроходцев»*, которая *«дала возможность России за каких-то пятьдесят лет прирасти, сравнительно бескровно, огромными территориями»*. В сноске, стараясь быть предельно объективным, писатель поправляет восторженную речь одного из героя: *«Побуждение местных народов к платежу ясака (налога) белому царю не везде происходило добровольно. Случалось и упорное сопротивление, в том числе военное, но не было физического истребления и подавления местной культуры, нравов и верований»*.

Напоминает Камилль Зиганшин и о том, что огромные просторы нашей страны нуждаются в охране от агрессивных алчных соседей: *«В начале XX века... Американские фактории были разбросаны по всему побережью от Охотска до Колымы... Американцы настолько обнаглели, что в июле 1920 года судно пограничной охраны США установило на мысе Пузино в бухте Провидения столб с надписью, объявляющей Чукотку территорией США»*.

Ошеломляющая красота сибирских пейзажей

Мастер пейзажа Камилль Зиганшин помогает нам, его читателям, задуматься о необходимости воспитания в собственной душе способности видеть красоту Природы.

ЛОЛА ЗВОНАРЁВА

Вот мастерское описание печального утра — прощания старейшин общины с молодыми духовными чадами, судя по всему, покидающими её навсегда. Оно пронизано поэзией драматического расставания, точными и свежими метафорами и олицетворениями: *«Тяжело гружённые кладью уёмистые телеги заскрипели, заплакали. Медленно пробуждаясь ото сна, утро поднимало с земли молочные веки предрассветного тумана. С ветвей густо капала холодная роса».*

Одноногий Корней, переживший столько утрат, сохранил главное — способность видеть красоту мира и наслаждаться ею:

«Мощные льдины, налезая друг на друга, лопались, крошились, словно перекалённое стекло, переворачивались, вставали торчком и, сияя свежими сколами, громоздились неприступными редутами. Правда, недолговечными: теснимые со всех сторон, они разрушались прямо на глазах. Тех, что попрочней, выпирало на берег, где они безжалостно срезали молодые деревца и кустарники. В воздухе запахло свежей водой.

— Лена — женщина. Сегодня она рожает, — объяснил якут».

А вот каким видится героям романа *«торжественное величие и бескрайность открывшегося простора Сибири»*: *«На востоке, подступая к хребту, волновался зеленокудрый океан, кое-где рассеченный витиеватыми прожилками рек и щедро украшенный блесками больших и малых озер. По его изумрудной ряби не спеша плыли тени облаков. Огромность и бескрайность открывшегося простора вызывали трепет и благоговение. Какое приволье! Сибирь!!! Трудно представить, что тянется эта таёжная страна от Урала до самого Тихого океана шесть тысяч вёрст!!!»*

Ну а можно ли не восхититься удивительной красотой редчайшей *«улыбки неба»* — северного сияния? Мне довелось увидеть его в первый день приезда на Аляску в 2014 году, и я восхищаюсь предельно точным, поэтически нежным описанием этого природного чуда Камилем Зиганшиным:

«На западном краю неба колыхалась, будто от ветра, прозрачная вуаль, меняющая цвет от нежно-зелёного до лилового. Сквозь неё застенчиво мерцали звёзды. Наполняясь светом, вуаль на глазах превращалась в огромный многоцветный занавес, сотканный

ЗАЩИТНИК ДРЕВНЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ

из множества вспыхивающих и довольно быстро гаснущих лучей. На смену им тут же выстреливали сотни новых. Непонятно было, откуда они возникали и куда исчезали. Казалось, небо охватил волшебный пожар».

Драматический эпизод из истории Белого движения

Сын офицера, детство которого прошло в военных городках, Камиль Зиганшин не мог не думать о причинах краха Белого движения. Очевидно, именно поэтому он обратился к последнему походу Белой гвардии — армии генерала Пепеляева. Да и многие другие герои этой книги так или иначе связаны с Белым движением. Интересно, как меняется стилистика описаний, когда автор повествует о драматической судьбе белых офицеров: *«Николай... выбрал карьеру военного. Похвально окончив юнкерское училище, он провоевал с 1914 по 1918 года на германском фронте. За храбрость был награждён именным оружием и двумя орденами. В Гражданскую сначала победно прошёл вместе со своим батальоном от Екатеринбурга до Казани, а потом, стиснув зубы, бесславно отступал до Дальнего Востока. Летом 1922 года, по воле случая, оказался в Охотске, где в числе первых записался в соединение полковника Лебедева, отправлявшегося в Якутск на помощь повстанческой армии Коробейникова».*

В центре нескольких глав — судьба небольшого отряда белогвардейцев, укrywшегося после разгрома армии Пепеляева в соседних со скитом старообрядцев лесах. А вот какую оценку даёт один из героев *«походу дружины генерала Пепеляева»*, не желающий допустить, *«чтобы подвиг её участников канул в Лету»*: *«Это была последняя, выдающаяся по мужеству и трагическая по исходу, масштабная экспедиция Белой гвардии... Русские офицеры! Пройдёт время, и не поверят потомки, что могли существовать на земле люди, во всём, казалось бы похожие на нас. С такой же плотью и кровью, а на самом деле возвышающиеся над всеми, как вершины Эльбруса возвышаются над остальными горами. Их предавали политики, союзники, жатка смерти десятки раз прокатывалась по их непокорным головам, а они не падали духом и просили об одном: не мешайте стоять за Отечество...»*

Свой в мире хвостатых и крылатых

Среди главных героев этой книги — животные и птицы, умеющие отплатить добром за добро. Камиль Зиганшин до тонкости знает их повадки, привычки, вкусы, может по достоинству оценить нрав и характер, например, ездовых собак-лаек: *«Всегда активный Борой — и тот сник — видимо, надсадился, работая за двоих. Уловив слабинку вожаса, остальные тоже стали халтурить. И тут неожиданно для Корнея инициативу на себя взяла миниатюрная трудолюбивая, но малосильная, с остренькой мордочкой и умными глазками рыжая Белка. В какой-то переломный момент её как будто кто подстегнул. Она стала работать с упоением и время от времени подзадоривала других визгом. Пристыженные её бойцовским поведением собаки оживились, потянули резвей».*

И мы запоминаем каждого из этих хвостатых и крылатых героев. У каждого из них — свой нрав и своя, порой не менее драматическая, чем у людей, история: *«заматеревший, дурашливый»*, но ручной, домашний медведь Потапушка, разговорчивый ворон Карлуша, *«добропамятливый»* беркут Рыжик. Умница выдра, освобождённая от гигантской занозы и одарившая спасителя в ответ свежевыловленной рыбой: *«Иногда вдруг подбежала, тыкалась лбом в ноги до тех пор, пока Корней не погладит, не взъерошит густую, с блестящей сединкой шубку».* *«Свирепого вида рысь»* Лютый: *«...Корнею удавалось переговариваться со зверьём взглядами».* *«Горбоносый великан»*, *«непревзойдённый таёжный вездеход»* лось Снежок: *«...лось, уловив призывное улюлюканье или свит приятеля, иноходью бросался на зов...»* Лиса Златогрудка: *«...Златогрудка, выражая радость от встречи, лизнула Корнею руку и заюлила между ног».* Умная лайка Борой, опытный и сильный вожак ездовых собак: *«Не уделишь внимания, и собака потухла: весь день будет работать без настроения».*

Всем им, без исключения, свойственна *«добропамятность»* и потому нередко спасают жизнь позаботившихся о них людей, бескорыстно любят тех, кого считают друзьями, и даже порой подкармливают их.

Корней видит в любом из них *«братьев наших меньших»*. Вот, например, казалось бы, такой незначительный эпизод, а за ним — за-

ЗАЩИТНИК ДРЕВНЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ

ботливое, отцовское отношение главного героя к новорождённому беспомощному существу, слишком рано утратившему материнскую заботу: *«Спал на нарте вместе с оленёнком: земля после грозы была очень сырой. Вернувшись в стойбище, Корней отправился к соседу Омолоя с мальшом на руках. Тот, обрадованный неожиданным пополнением, тут же подложил его к недавно отелившейся важенке».*

И ещё. Блестяще усвоенные писателем и достойно развитые на отечественном материале традиции прозы Джека Лондона, Сетона-Томпсона, классиков «природоведения» Михаила Пришвина, Виталия Бианки, Николая Сладкова, ставят Камиля Зиганшина, умело соединяющего увлекательный сюжет с уникальным знанием мира тайги и Крайнего Севера, в этот достойный ряд.

Причём в мир, освоенный классиками, прозаик входит не робким учеником, а достойным наследником признанных мастеров русской и мировой прозы, способным говорить с сегодняшними искушёнными читателями разных поколений на самые трудные темы.

Лола Звонарёва, литературовед, критик, доктор исторических наук, академик Российской академии естественных наук.

СКИТНИКИ

*Моей ТАНЮШЕ,
бесценному,
прелестному дару
судьбы, посвящаю.
Твоя ВЕРА в меня и твоя
ЛЮБОВЬ дали мне силы
одолеть немало вершин.*

ИСТОРИЯ ВАРЛААМА

Потомок знатного княжеского рода Василий Шмурьев родился в 1800 году. Молодые родители, измученные бесконечными хворями первенца, отвезли его к престарелой тетушке в имение под Тверью, когда малышу не было и двух лет.

Спокойная, размеренная жизнь в деревне способствовала не только укреплению здоровья мальчика, но и развитию в нём самых добродетельных свойств и устремлений. Да и сама тётюшка, глубоко верующая, просвещённая женщина, всячески поддерживала в мальчонке первородную чистоту и любовь ко всему живому.

Ограждённый от пороков высшего света, Василий вырос одним из тех редких и чудных людей, у которых напрочь отсутствуют не только самолюбие, но и проявления обиды и ненависти: его душа любила всех и каждому желала добра.

Вернувшись в 1816 году в столицу, повзрослевший обладатель русой шевелюры и бархатного пушка над пунцовыми губами по настоянию отца поступил в Императорское училище правоведения.

Батюшка с матушкой, стремясь помочь отпрыску освоиться в столице и приобрести светские манеры, регулярно вывозили его на званые

СКИТНИКИ

вечера, приёмы и балы. Роскошь и блеск, царившие там, поначалу ошеломили и восхитили юношу. Но мало-помалу у Василия открывались глаза. За внешним лоском и довольством аристократического общества, всё ещё смаковавшего триумфальную победу над Наполеоном, он стал примечать хитрословие, чванливость, притворство, блуд и мотовство.

Это поколебало, а вскоре и вовсе разрушило его наивную веру в особое предназначение своего сословия. Будучи непритворным и в высшей степени набожным человеком, он легко отказался от дарованных знатным происхождением благ и в 1819 году тайно ушёл в отдалённый монастырь на севере Тверской губернии, где после трудного послушания, пройдя искусы и приняв монашеский постриг, с новым именем Варлаам остался служить во славу Божью.

Читая старинные рукописные книги, коих в библиотеке обители было великое множество, молодой инок был умиротворён нестяжательной и благочинной жизнью в монастыре. Ладил с игуменом¹ и братией, но вскоре он стал замечать, что и здесь, среди божьих служителей, уживались всё те же, только умело утаиваемые пороки и завуалированная борьба за власть. У Варлаама подспудно начало вызревать решение уйти подальше от тщетной суеты и жить в лесах в уединении. Спустя три года, испросив благословения настоятеля, он отправился странствовать, выбирая дороги дикие, малолюдные. Настоятель при прощании дал ему две книги: Евангелие от Матфея и довольно увесистый фолиант «Травознаи Руси» со словами: «Будешь жить в лесу — пригодится».

В первые дни скитальческой жизни инока особенно восхищало и радовало то, что в лесу даже ломоть чёрствого хлеба стал несравненно вкуснее и аппетитнее: горьковатый дым костра, благоухание цветов, щебет птиц — эти незатейливые приправы необычайно скрашивали скудные трапезы. Под вольным небом, среди лесистых холмов и чистых речушек, Варлаам стал ощущать себя частичкой окружающего мира. Это с каждым днём крепнущее чувство слитности доставляло душе странника особую усладу.

Отдыхая как-то под громадной, пронизанной солнечным дождем сосной, Варлаам рассеянно поднял шишку, лежавшую на рыжей по-

¹ Игумен — настоятель православного монастыря.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

поне из старой плотно спрессованной хвои. Из неё на ладонь выпало невесомое семя. Разглядывая его, юноша невольно подумал: «Экая крохотулька, а такой исполин из неё вырастает! Сколь же велика сила Господня, таящаяся в семени!»

В дальнейшем, размышляя о гармонии и благодати, царящих в лесах и полях, Варлаам пришел к убеждению, что именно в чудном творении Царя Небесного — Природе-матушке и заключён вечный источник жизни для всего сущего. Именно через Природу Создатель пробуждает в человеке чувство единения с окружающим миром и очищает душу от всего суетного, делая её добрее и мягче.

ВАРЛААМОВА ОБИТЕЛЬ

В поисках пристанища по сердцу скиталец через четыре седмицы¹ достиг кондовых лесов Ветлужского края, издавна населенных поборниками старой, неправленной веры. Первые из них пришли сюда, спасаясь от антихристовых² Никоновых новин, еще в семнадцатом веке, вскоре после Раскола.

Варлааму сразу приглянулись суровые старообрядцы, выделявшиеся усердием к труду и почитанием древнерусского православия. Каждый день кроме двенадесятых праздников³ в их поселениях с утра до ночи кипела работа. Женщины пряли шерсть, ткали холсты и даже сукно; филигранно вышивали золотом. Мужчины делали конскую упряжь, мастерили красивые розвальни, искусно писали иконы, переписывали книги старозаветного содержания. У них все поступало в общину: на себя работать никто и не мыслил. Перед началом любого дела и по завершении его усердно молились, благодарили Создателя за милость к их общине.

От неправленного православия не отступали ни на шаг. Не признавали здесь ни государевых ревизий, ни податей и иных повинностей.

¹ Седмица (*устар.*) — неделя.

² Антихрист — противник Христа — человек, который явится перед вторым пришествием Христовым, выдавая себя за Бога, и воцарится над всеми народами. Будет уничтожен Христом Спасителем.

³ Двенадцатые праздники — двенадцать главных (после Пасхи) православных праздников. Вечером, накануне их, всегда служит торжественное всенощное бдение.

СКИТНИКИ

Про себя они говорили: «Мы хранители истинного православия, мы не в воле царя-антихриста». Сойдясь на почве общей страсти к рыбалке с одним из местных старцев поближе, Варлаам как-то полюбопытствовал:

— Вот вы, батюшка, себя староверами именуете, а почему вы считаете, что старая вера отлична от нынешней?

— Известное дело, перво-наперво молимся по неправленным, первоисточным текстам и не кукишем, а двумя перстами, как и Сам Иисус¹ Христос. И крещение совершаем, яко Он — полным погружением, а не брызганием на голову. Табаку не курим и не нюхаем оно, инострану одёжу не носим, бороды не скоблим. Да много ещё чего...

— Тем не менее тьма людей новую веру приняла. Отчего вы так упорно старой держитесь?

— Вера, сынок, не штаны, чтобы менять. Вере износу нет, на то она и Вера, на том она и стоит. По какой вере наши родители жили, по той и нам надобно, с их благословения. А за других мы не в ответе. Одно знаю — диавол тока слабых духом в своё войско прельщает...

Глядя на строгое соблюдение общинно-жительного устава, писанного еще Сергием Радонежским, лад в семьях и хозяйстве, почитание старших, Варлаам уверовал, что там, где следуют первородному православию, где царит дух добросердечия и братской взаимовыручки, живёт и дышит земля русская.

Решив обосноваться неподалёку от одного из потаённых поселений, юноша приглядел хотя и тесное, но надёжное пристанище в дупле громадной сосны, росшей в версте² от староверческого скита. Землю вокруг нее густо перевили мускулистые плети корней, а сам ствол был столь мощным и объёмным, что дупло у комля выглядело пещерой.

Обустроив временный приют, Варлаам начал валить лес для своего первого настоящего жилища. Купив у ставеров топор и пилу, добела шкурил стволы, рубил венцы. Умения и сноровки ему, конечно, поначалу не хватало, он возмещал их упорством и старанием. Кровяные

¹ Иисус — по первоначальным книгам имя Христа пишется с одним «и», а не с двумя, как повелел впоследствии Никон.

² Верста — 500 сажений = 1500 аршин = 1066,5 метра.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

мозоли на руках постепенно сошли, кожа загрубела. К Рождеству Богородицы¹ новопоселенец соорудил полуземлянку: нижняя часть на метр в земле, верхняя, из пяти венцов, над землёй. В этот же день Варлаам перебрался из временного жилища в избушку, напитанную густым смоляным духом.

Пышнобородые старообрядцы на первых порах настороженно относились к пришельцу, ибо ко всякому новому человеку были недоверчивы. А иначе и нельзя — попробуй-ка столетиями хранить устои попорченной веры. Но с течением времени молодой пустынный своим благочестием и прилежанием к труду смягчил их настороженность, а иных даже расположил к себе...

Удаление от мира и его греховной суеты, физический труд, молитвы, земные метания, строгий пост, беседы с праведниками общины мало-помалу открывали перед Варлаамом всю глубину и гуманность почитаемой старолюбцами веры. Через год он прошёл переправу и с того момента, как ему повязали пояс, отделяющий греховное от возвышенного, Варлаам ни дня не ходил без него.

Изучая травы по подаренной ему игуменом книге, он познавал божественные силы, скрытые разных в былинках, овладевал искусством варить из них зелья от разных хворей. Живой, пытливый ум и острая наблюдательность Варлаама исподволь развивали в нём дар целительства.

Читал Варлаам вечерами при свете лучины, после любимого чая из листьев и ягод сушеной земляники. Поскольку лучины сильно коптели, а от дыма горчило в горле, да и сгорали они быстро, отшельник соорудил себе масляный светильник: вставил в плошку с конопляным маслом, которое научился давить, губчатую сердцевину рогоза, очищенную от «пуха». Она горела долго ровным, чистым, без чада, пламенем.

Способность Варлаама к целительству, внимание и обходительность к убогим влекли к нему страждущих. Плату за труды свои он

¹ Рождество Богородицы — христианский праздник, относящийся к двенадцатым праздникам. Отмечается 21 сентября, в день рождения Божьей Матери.

СКИТНИКИ

не брал, а ежели кто настаивал на вознаграждении, тому говорил: «Христос наставлял: даром получили, даром давайте».

Первые лета избушка Варлаама стояла одиноко, но по мере того как множилось число излеченных и через них ширилась в округе молва о необычайном даре новопоселенца, рядом начали расти сначала землянки, а затем и основательные постройки.

Пустынника, предпочитавшего уединение, стало тяготить шумное окружение, и он перебрался в глубь тайги версты за четыре от выросшего вокруг его первой обители селения, уже получившего в народе к тому времени имя Варлаамовка.

Новое пристанище располагалось в подковообразном ложке под защитой громады серой, с зеленоватыми разводьями лишайника, скалы. Из под её основания, вскипая песчаными султанчиками, бил родничок. Сбегая по ложку, он крепчал, шумел, сердился на крохотных водопадаках и замирал на карликовых плесах. Вода в ключе была всегда в меру студеная и настолько приятная на вкус, что каждый глоток доставлял ни с чем не сравнимое удовольствие.

На следующий год возле своей пустыни Варлаам соорудил крохотную часовенку во имя особо почитаемой им иконы Семистрельной Божьей Матери.

* * *

Шли годы. С неослабной теплотой и душевным рвением отшельник помогал всем страждущим и немощным словом и делом. Никто не имел отказа, для каждого по мере сил он старался творить добро. Дополняя зелья тихими и кроткими словами, а главное — исходящими от него любовью и участливостью, он ставил на ноги безнадежных и врачевал даже запущенные недуги.

Хотя послушать его, не по летам разумные, благочестивые, проповеди или излечиться от хвори по-прежнему приходило уйма люда, теперь ни один из них, из почтения к отшельничеству ревнителя древлеотеческой веры, поблизости селиться не смел.

Осенью 1863 года, когда Варлааму перевалило за шестьдесят, воздал Творец преданному человеку — привел прямо к порогу его обители мальчонку лет десяти-одиннадцати, одетого в сермяжные лохмотья и даже креста нательного не имевшего. Стоял он сизый от

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

холода, переступая босыми ногами на прихваченной инеем листве, и смотрел на Варлаама взглядом человека, познавшего всю горечь сиротства. Что удивительно, тяжесть пережитых невзгод не придавила его, не сделала униженно-заискивающим или недоверчиво-злым. Напротив, малец отличался дружелюбием и самостоятельностью: кормился не подавниями, как большинство бродяжек, а промыслом: копал съедобные корни, собирал орехи и ягоды, умело ставил на дичь силки, плетенкой ловил рыбу.

Варлаам понимал, что житие его на земле клонится к закату, и в этом невымытом создании он узрел того, кто способен будет пережить и понести накопленные им знания и опыт далее. Старец принял отрока, как чадо родное. Да они и схожи были. Оба сухопарые, высокие, с серыми глазами на узких благородных лицах, окаймленных волнистыми прядями волос.

Любознательному подростку, нареченному при крещении Никодимом, учиться нравилось. Он с легкостью осваивал не только грамоту, но и краткое изложение основных истин христианства — Катехизис¹, а затем и Библию, состоящую из Ветхого Завета и Нового Завета. С неослабным интересом постигая строго соблюдаемое в этих краях первоисточное православие, наизусть учил отрывки из почитаемого старолюбцами «Стоглава», псалмы из Псалтыря, до Никоновой поры писанные. Но особенно возлюбил «Житие» и «Книгу бесед» протопопа Аввакума.

Пытливый парнишка стал понимать, что Бог есть начало и причина всего сущего. Что Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой не есть три Бога, а Един Бог. Что сам Господь невидим и открывается людям посредством Слова, передаваемого через земное воплощение Бога — Сына Его — Иисуса Христа. Как образно объяснил Варлаам: «Бог — это вроде солнца. Оно ведь являет собой не только раскалённое тело, а ещё испускает свет и даёт животворящее тепло. То есть в нём одном, как и в Боге, заключены три сущности, неотделимые друг от друга».

Наряду с православием Никодимка усердно вникал в азы врачевания. Помогал готовить всевозможные отвары, настои, мази.

¹ Катехизис — краткое изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов.

СКИТНИКИ

Запоминал, что применяется внутрь, что наружно. Со временем, сосредоточенно глядя на растение, стал чувствовать, от каких недугов оно может помочь.

— Молодец, сынок! — часто хвалил, поглаживая воспитанника по голове за понятливость и прилежание, Варлаам. В такие минуты счастливая улыбка озаряла лицо старца.

«Как непостижимо велик мир отмеченного Богом человека! Он и время употребляет по-иному. Там, где простой смертный его бездарно тратит, такой без пользы для души и ума не проведет ни минуты, — размышлял он, с радостью наблюдая за переменами в воспитаннике. — Сколько в этом малом добра, разума, трудолюбия, как он созвучен природе и вере нашей».

Однажды, мотаясь по лесу, парнишка услышал треск повалившейся от старости ели. Падая, та переломила ствол росшей рядом осины.

— Больно, больно! Помогите! — донеслось до Никодимки.

Он кинулся на помощь, но ни под деревом, ни возле никого не обнаружил. Перепуганный мальчонка рассказал о странном крике Варлааму. Выслушав ученика, тот посветлел:

— Сынок, мертвого на земле ничего нет. Божья сила разлита по всему, что нас окружает. Она и в дереве, и в скале, и в озере, и в зорьке. Все вокруг живое. Только не каждому дано это чувствовать. Коли ты услышал боль дерева, стало быть, дарована тебе свыше способность воспринимать чувства других... Даст Бог, хорошим целителем станешь.

ВЕТЛУЖСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Как-то в затяжной июньский вечер у хижины отшельника остановились две ладно сработанные повозки. В сумеречной тишине было слышно, как пофыркивают, отмахиваются от назойливых комаров лошади. К вышедшему на порог хозяину обители приблизился, снимая на ходу с головы остроконечный куколь, крепыш лет девятнадцати, с пронизательными серыми глазами. Назвался схимник Маркелом. Сопровождавшие его возницы стянули с лохматых голов ермолки и учтиво поклонились старцу.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Люди прибыли к Варлааму с милостивой просьбой от почитаемого в округе настоятеля потаенной староверческой пустыни князя Константина приехать к нему по неотложному делу, непременно захватив лекарские снадобья.

Пустились в путь, забрав и Никодима, затемно, под шепот начавшегося мелкого, въедливого дождика. Сразу погрузневшие деревья понуро склонили отяжелевшие от влаги ветви. Узкую, извилистую, едва заметную ленту дороги, вьющуюся по глухому лесу, то и дело пересекали бугристые корневища вековых елей. Порой она съезжала в болотистое мелколесье, где колеса вязли во мхах, усеянных кустиками клюквы. Однако сильные, откормленные лошади и там тянули ровно, без надсады. Варлаам с одобрением отметил, что возницы не хлестали коней, хотя у каждого на руке висела сыромятная плетка. Понятливые животные и без принуждения старались вовсю.

На пологой хребтине дорогу путникам пересекли лоси. Они остановились, повернув головы в сторону обоза. Слабые зрением, сохатые долго водили мордами, всматривались в нечёткие силуэты и, разглядев наконец в пелене дождя людей, пустились наутек иноходью.

Довольно часто поднимали с ягодников дичь: то тетеревов, то глухарей. Шумно ударяя крыльями, они отлетали поглубже в чащу и, рассевшись на ветвях, покачивались, сторожко озираясь.

На следующий день, когда на смену угрюмым, мрачноватым елям появились жизнерадостные сосны, наметилась перемена и в погоде. Тучи, обнажая прозрачную синь, отползли к горизонту. Лес залили снопы солнечных лучей.

Когда путники подъезжали к монастырю, их облаяла косуля.

— Чего это она бранится? — удивился Никодимка.

— Шумим сильно, вот и намекает: потише, мол, надо подле святой обители, — повернулся к нему Варлаам.

Располагалась пустынь в глухом лесу, в удалении от дорог. За стенами из дикого камня блестели свежеемытые луковицы церкви, возвышающиеся над всеми остальными постройками.

Постучали в сколоченные из толстых плах и обитые железом ворота. В ответ предупреждающе залаяли псы, послышалось ржание коней. Через некоторое время глухой голос справился:

СКИТНИКИ

— Кого Господь дарует?

— Молви настоятелю: старец Варлаам прибыл.

Ворота открылись. Въехали во двор, покрытый мягкой травой-муравой. Обнюхав чужаков, собаки, чуть покрутившись, позевали, повытягивали спины и забрались каждая в свою конуру. Из приоткрытой двери церкви доносились красивые гласы песнопения.

Маркел, соскочив с повозки, помог слезть старцу и повёл его через двор. Остановились под березами возле крыльца отдельно стоящего здания, соединенного с другими, крытыми переходами. Перекрестившись перед входом, отвесили земные поклоны. Поджидавший их схимник провёл Варлаама в покои настоятеля. Оказавшись в гостевой, старец вновь перекрестился три раза в красный угол, где стояла деревянная божница с образами и висела лампада; сотворил молитву и только после этого прошел в почивальню.

На кровати полулежал-полусидел прикрытый огромным медвежьим тулупом остроносый, изможденный человек, в серой рубахе с воротом, расстегнутым ниже выпиравшего кадыка. Из-под густых бровей на старца внимательно глядели ввалившиеся глаза. Оправив черную, с легкой проседью бороду, больной произнес:

— Прости, отец, что не могу приветствовать тебя должным образом. Благодарствую, что уважил... Молва докатилась, что обладаешь ты даром исцеления от хворей. Покорно прошу, пособи и мне, Христа ради. С весны занедужил. Ломота замучила, да бессонье одолело, а теперь и вовсе сил лишился.

Варлаам, оmyвши руки и лицо, не торопясь, прощупал, простучал болезного.

— Ваше высокопреподобие, не хворь у вас — то недруги порчу наслали. Вот снимем ее, и силы вернутся.

Старец провел в почивальне несколько часов и вышел оттуда посеервший лицом, еле двигаясь.

— Прошу не входить. Преподобный спит, — прошептал он.

И — диво дивное! — на радость всем игумен со следующего дня пошел на поправку.

Надо заметить, что князь Константин был весьма многотим в староверческой среде и уже немало лет являлся настоятелем монастыря, славившегося особой преданностью первоисточному православию.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Не подчинялись здесь ни архиереям¹ новообрядческой церкви, ни государевым людям.

В стародавние времена, когда после очередного царёва указа «скиты порешить, старообрядцев в новую веру крестить» государевы слуги принялись силой брать непокорных священнослужителей, не желавших признавать «антихристову власть» и, заковав в кандалы, держать их в земляных ямах до покаяния, а упорным резать языки и полосовать тела кнутом, предки князя Константина, не жалея средств, скупали древние святыни, первоисточные рукописи и церковную утварь старой Руси, спасая эти реликвии от поругания. Господь к ним был милостив. Сумели они с верными людьми переправить собранные сокровища в сию глухую пустынь и укрыть в недрах подземных хранилищ.

Выздоровливающего настоятеля после простой снеди, вкушаемой совместно с насельниками монастыря в общей трапезной, Варлаам начал водить на прогулки. Он с первого дня почувствовал в князе родственную душу. А их общая беззаветная преданность идеалам первородного православия и многоначитанность только укрепляли возникшую симпатию.

Побродив по монастырскому двору, они, как правило, уединялись в тихом закутке, в тенистой прохладе берёз и, чинно перебирая кожаные лестовки², подолгу беседовали о жизни святых, их пророчествах и подвигах, изложенных в «Четьи-Минеи³». Особенно дотошно разбирали «Златоструи», «Пролог», услаждая души нескончаемым общением. Иногда и спорили.

¹ Архиерей — общее название высших православных священнослужителей (епископ, архиепископ, митрополит, патриарх).

² Лестовка (лестница) — распространённый в Древней Руси и сохранившийся в обиходе старообрядцев тип чётков. Представляет собой плетёную замкнутую кожаную ленту, сшитую петлёй. Символизирует собой одновременно и лестницу (лестницу) духовного восхождения от земли на небо, и замкнутый круг, образ вечной и непрестанной жизни. Употребляется для облегчения подсчета молитв и поклонов. Двенадцать первых «узелков» (валиков) — это 12 апостолов, за ними 38 — это 38 недель, что Пресвятая Богородица Христа в чреве носила. Следом 33 «узелка» — возраст Христа. За ними семнадцать «узелков» — 17 Его пророчеств.

³ Четьи-Минеи — сборники, содержащие тексты поучительного характера.

СКИТНИКИ

Во время одной из таких прогулок разразилась гроза. К ним тут же прибежал Никодим: принес широкую рогожину укрыться от дождя. Под ее защитой собеседники перебрались в келью настоятеля.

— Почтительный у тебя ученик! — заметил игумен. — А то ноне в городе молодые бороды побрили, заветы отцовы да дедовы позабыли.

— Да что бороды... Не в том ересь. Зелье проклятое курить чуть не все принялись. И что хуже всего — за достоинство сей грех выставляют! Срамота!

— Сам-то табак что — такая же божья травка, как и всякая другая, а вот то, для чего её используют, это точно от дьявола. И пыхают ведь дымом из уст, яко он.

— Вестимо, своеволие и непослушание на Руси от Никона пошло! С той поры народ наш больно слабостям подвержен стал. О будущем не мыслит, страха Божьего не ведает. Что есть — враз пропьет али в кости проиграет. Иной даже детям родным крошки не оставит. Трудиться своей волей разлюбил. Все из-под палки. Завистливые и вороватые народились. Отступили от догматов истинного православия, и раскололось, растлило наше племя! Встарь на Руси не ведали эдакого воровства да пьянства. Это всё происки антихриста... До Никона-отступника и церковь была немятежна, — с болью продолжил настоятель.

— А коснись нас, — живем мы в мире со всеми, зла никому не делаем. Оне сами по себе, мы сами по себе — оставить бы пора в покое наши общины. Так ведь нет, все пуще ярятся щепотники. Теснят, загоняют нашего брата в глушь трущобную. Кто в лесах непроходимых, кто на островах речных хоронится, кто в пещерах мрачных, кто в самые дальние, антихристам не доступные, скиты ушел. А кто и вовсе Рассеюматушку покинул... Ведь из-за чего в первую очередь воспротивились Никоновым новинам братья наши: это ж надо придумать — кукишем крестное знамение творить! Срам, да и только! Как мыслимо такое?! Ведь соединение большого и двух нижних пальцев, символизирует Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа. Прямые указательный и средний пальцы указывают на два естества Христова: божественное и человеческое. И вдруг всё это безосновательно переменили. Запмятовали, что решением Стоглавого собора 1551 года двуперстие

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

запрещено было изменять под страхом анафемы. Да и сами старые-то обряды были куда праведней¹.

— Что верно, то верно! Самим Христом заповедано двумя перстами крест класть. Щепотью не Богу молишься, а дьяволу. Будь ты хоть какой веры, только крестись истинным крестом. Наш народ в делах веры сильно привержен букве и точному соблюдению обряда. Он твёрдо знает, что молитва действует лишь тогда, когда в ней не изменено ни одно слово и прочтена она исстари установленным напевом.

— Справедливо речение твоё. Встарь, до Никона, православие было чисто и непорочно... Эх, всё у нас русских есть для достойной жизни, но не хватает, не достаёт нам сплочённости и самоуважения. Правители повадились под иноземные порядки подлаживаться, а свои предавать забвению или вовсе запрещать. В этом, я полагаю, основная причина происходящих бедствий и несчастий.

— Но вот что интересно, в каком ещё народе найдешь такую готовность помочь ближнему, такое радушие, такую силу и неприхотливость. Мы, конечно, сверх меры терпеливы, но ведь именно терпением собиралась и созидалась земля Русская, величаемая в дониконову пору Третьим Римом. Какие возводились храмы, ширились города! Так что терпение, быть может, и есть ценнейшее качество нашего народа! — подытожил игумен.

— Но вместе с тем, пожалуй, и горе, — мягко возразил старец...

Общность интересов всё крепче связывала этих людей. И неудивительно, что вскоре Варлаам стал у настоятеля особо доверенным лицом — духовником. Почтение и симпатия князя к старцу были столь велики, что он, решив открыть ему свой сокровенный схрон, повёл его через потаенный ход в скрадень, где в обитых железом сундуках хранились святыни старой веры: книги с серебряными

¹ Никоновы нововведения кроме троеперстия, подчинения церкви государству и объявления царя помазанником Бога включали в себя много других аспектов — сокращалась литургия, чин покаяния, тексты некоторых молитв. Крещение полным погружением (как Иисуса) заменили обливательным. Изменилась даже форма креста (восьмиконечный на шестиконечный). Вводилось хождение вокруг алтаря «противу солонь» (то есть против движения солнца) вместо «по солонь».

СКИТНИКИ

наугольниками, кресты, кадила, схима и иконы, в их числе древний образ Святой Троицы в ризе из тонколистового золота, с тиснённым орнаментом, украшенной жемчужной подвеской и самоцветными камнями. Икона та была освящена ещё Сергием Радонежским перед битвой на Куликовом поле.

С благоговением приложившись к ней, Константин обратился к Варлааму:

— Отец, за то, что исцелил меня, благодарен безмерно, но, — тут игумен понизил голос, — душа моя беспокойна, чует гибель близкую. Коли и вправду Царь Небесный приберет до срока, позаботься о святых наших, не дай сгинуть им. Сдается мне, что здесь их уже не уберечь. Антихристовы прислужники не дремлют. Весть до меня дошла, будто подписано новое указанье: все староверческие обители порешить как угрозу нынешней церкви. Думаю, надобно готовиться к уходу на восток за бугры уральские, за реки сибирские, в недоступный Байкальский край. Там, по слухам, утраченный человечеством рай, ибо сказано в пророчествах: «с востока свершится второе пришествие Иисуса Христа на землю». В тех краях немало уже нашего брата осело. Лишь в тамошней глуши и возможно уберечь сии реликвии до явления Спасителя.

В монастыре у нас разный люд, но в ком я уверен, так это в отце Федоре и его сыне Маркеле. Доподлинно знаю, что Федор семь попов к нам привел. Не убоился ни закона «О наказаниях», ни ссылки в Сибирь, ни каторжных работ. Ежели что, он меня заменит, а Маркел с людьми особо верными и стойкими в Сибирь пусть отправляется... На Никодима твоего, я думаю, тоже положиться можно. А дабы не угас огонь веры нашей, надобно жить им там не по монастырскому уставу, а по мирскому — семьями, но в жены чтобы брали девиц только из единоверцев. Коли удастся той общине первородную чистоту православия и её святыни бесценные сохранить, то, может статься, к ней и явится в свой срок Христос Спаситель. То будет светлый день всеобщего Воскресения и освобождения от тления

Прошла неделя. После полнощной службы, когда иноки читали в своих кельях молитвы и творили неустанно поклоны, Варлаам, проживавший в боковушке подле покоев настоятеля, был разбужен невнятными, но требовательными голосами. Почуввав неладное, ста-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

рец бросился к выходу, но дверь не отворялась. Он принялся стучать и звать на помощь. Наконец на шум прибежали монахи. Они с удивлением обнаружили, что дверь в келью Варлаама подперта снаружи колом. Еще больше изумились, когда освобожденный старец, ни слова не говоря, бросился прямо в покои игумена. Зайдя следом, монахи при свете свечей увидели преподобного Константина бездыханно лежащим на полу, залитом кровью. Рядом валялся топор. Ящики в столах выдвинуты, повсюду в беспорядке разбросаны вещи, бумаги.

У старца перехватило дыхание. Крестьясь, он пал на колени подле убиенного и зарыдал:

— Господи, прости мя, грешного! Не уберег богомудрейшего человека, а ведь он ведал, предупреждал!.. Господи, отправь извергов, сгубивших его, на муки вечные в геенне огненной!

Панихида по усопшему длилась сутки. Положив семипоклонный начал и отпев «вечную память», погребли князя Константина в одном ряду с могилами прежних настоятелей монастыря. На надгробном камне высекли:

«Раб Божий Константин.

Он жил во славу Божию.

Кто добром помянет — того Бог не забудет».

Душегубов князя, скрытно проникших в монастырь, так и не изловили. Обнаружили только верёвку, свисавшую с монастырской стены наружу, в сторону глухого леса.

На следующий после погребения день Варлаам призвал Никодима. Внимательно вглядываясь в очи воспитанника, он, подчеркивая важность момента, положил обе руки на его плечи.

— Сын мой, место здешнее, прежде крепкое, теперича стало ненадёжным. Того и гляди, царевы прислужники заявятся. А в монастырских тайниках хранятся многие реликвии, в их числе одна из самых почитаемых — икона Святой Троицы древлего письма. Их здесь нам не сохранить. Выведают, сожгут либо разграбят. И веру нашу в чистоте здесь не сберечь. Обложили кругом антихристы. Одно спасение — вывезти святыни в безлюдный Забайкальский край, почитателям истинного благочестия давно полюбившийся.

СКИТНИКИ

Так великомученик Константин перед страшной своей гибелью наказывал. Готов ли ты, чадо мое, сообща с сотоварищами исполнить дело сие многотрудное, аль не зрел ещё? — Варлаам испытующе всматривался в лицо ученика.

За годы, прожитые у старца, Никодим сильно переменялся. От прежнего худощавого отрока сохранился лишь задорный чуб. Был он теперь высок ростом и широк в плечах. Но выделяли юношу не столько эти внешние достоинства, сколько внутренняя сила, исходившая от него.

Никодим в глубочайшем волнении бухнулся на колени и горячо поцеловал руку старца:

— Отец, твоя воля — святая воля. Не посрамлю. Все исполню в точности, как велишь. Реликвии бесценные, с Божьей помощью, до места с сотоварищами доставим. Сбережем, живота не щадя.

Произнеся это, он взял в руки книгу Ветхого Завета в бархатном переплете с прочными пергаментными страницами из тонко выделанной телячьей кожи и, в подтверждение крепости клятвы, приложился к ней сначала губами, потом лбом.

Из красного угла на это действие внимательно и строго взирал лик Христа.

Варлаам, довольный тем, что не ошибся в воспитаннике, продолжил:

— Скоро ляжет снег. Посему пускаться в дорогу нынче нерезон. Отправитесь весной. Покуда будете собираться я Устав для вас напишу.

— А вы что — не с нами?

— Нет, сынок. Дорога многотрудная, молодым только под силу. Наставником вам преподобный Константин определил ещё при жизни Маркела. Я хотел бы, чтоб он заместо старшего брата стал тебе.

* * *

Всю зиму 1870 года продолжалась скрытная подготовка к дальней дороге. Варлаам тягучими студеными вечерами писал для новой общины устав, надиктовывал воспитаннику составы травяных сборов от возможных хворей, раскрывал свои целительские секреты. Никодим, имеющий редкостную память, впоследствии, через много лет,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

подробно воспроизвёл всё услышанное и частью записанное в своих рукописях-наставлениях.

Весна пришла поздно, но пронеслась быстро и неудержимо. Окна келий, еще недавно покрытые толстым слоем льда, оттаяли. Сразу после того как спала внешняя вода, подсохли дороги, ночью втайне погрузили в уёмистые телеги скарб, инструмент (в основном топоры, пилы да лопаты), провиант, боеприпасы к двум кремниевым ружьям, кованые сундуки с иконами и книгами старопечатными, завернутыми для лучшей сохранности в бересту, отслужили напутственный молебен и еще затемно тронулись.

Медленно пробуждаясь ото сна, утро поднимало с земли молочные веки предрассветного тумана. С ветвей густо капала холодная роса. Продрогшие Варлаам с Федором, отцом Маркела, идя рядом с подводами, на ходу наставляли любимых чад:

— Заповеди Господни и заветы прадедов исполняйте неукоснительно и стойте за них непоколебимо, во веки веков. Отеческие святыни оберегайте пуще жизни. Придет время — востребуются они Спасителю для воскрешения истинного православия на обширных пределах государства нашего многострадального. Во всех нуждах и тяготах обращайтесь с молитвою к единственному заступнику — Создателю.

— Всё делайте сообща, мирно, без перекоров. Зла никому не чините. Кого в нужде встретите — помогайте: вера без дел мертва! Чем больше благих дел сотворите, тем больше щедрот вам воздастся. Токмо от скобленных да табачных рыл держитесь подальше.

Остановившись, долго махали в след обозу:

— Помогай вам Господь, Аминь!

Впереди, держа лошадь под уздцы, широко шагал Никодим. Он как-то враз преобразился. Стал собранней, суровой. Казалось, что даже его курчавая юношеская бороденка, подковой обрамлявшая прямоносое лицо, загустела и стала жестче. Молодой годами, Никодим чрезвычайно гордился, тем, что она у него окладистей и гуще, чем у сверстников.

Долго ещё стояли у дороги Варлаам с Федором в армячках, накинутых на плечи, беспрестанно шевеля губами. Глядя туда, где скрылся обоз с девятнадцатью лучшими послушниками, они творили напут-

СКИТНИКИ

ственные молитвы. Оба понимали, что никогда уже больше не увидят этих столь дорогих их сердцу людей. Лишь моления и беспокойство за судьбы ушедших остались на их долю...

В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Путь до Байкал-моря предстоял долгий и трудный. Продвигались по самой глухомани, обходя тракты и царские заставы. В дороге встречали и беглых варнаков, и вольных промысловиков, и обиженный работный люд; видели и горе людское, и радость нечаянную. Почти у всех ноги попервости избились до крови

Никодим, с малолетства привычный к дальним странствиям, научил сотоварищей перед сном держать ступни ног в отваре из дубовой коры. Через несколько дней кожа у всех настолько продубилась, что путники забыли про мозоли.

В начале августа показались оплывшие от старости мягкие предгорья, а за ними и скалистые вершины Камня¹, окутанные голубоватой дымкой, отчего они были похожи на головы седеющих великанов. Караван незаметно углубился в невиданное доселе царство вздыбленной тверди, покрытой тёмнохвойным лесом с упавшими деревьями, одряхлевшими пнями, рывтинами, прикрытыми ажурным папоротником. Время изрубцевало отроги шрамами, осыпями, промоинами. Входное ущелье, унизанное, словно пасть хищного зверя, зубьями скал, как бы предупреждало путников об опасностях и лишениях, ожидавших их впереди. Из хмурой глубины хаоса хребтов на караван надвигалась непогода. Тайга глухо зарокотала, завыл ветер, следом полил дождь.

Тут им несказанно повезло: дым, тянущийся из бокового распадка, привёл их к хоронящемуся в его глубине староверческому скиту. Промокшие, обтрёпанные ветлужцы перед штурмом главного перевала задержались у братьев по вере на неделю: чинили одежду, обувь, приводили в порядок снаряжение.

Вместо телег, не пригодных для движения по горам, наделали из березовых жердей волокуши и, перегрузив на них всю свою поклажу и дощаный ящик с десятком кур, в сопровождении одноверца из

¹ Камень — так в старину называли Уральский хребет.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

местных, двинулись к вздыбленному рубежу, отделяющему Европу от Азии.

Ущелье, по которому они поднимались на перевал, загибаясь вверх, ветвился на более тесные и короткие. Их склоны покрывали островерхие ели и выветрившиеся руины серых скал. Почти достигнув перевальной седловины, обоз уперся в не проходимый для лошадей обширный многоярусный ветровал из упавших друг на друга в перехлест суковатых стволов. Пришлось поворачивать обратно и повторять подъем по сопредельному ущелью. С трудом одолев затяжной подъём, всё же вышли на водораздел.

Седловина оказалась гладкой, словно вылизанной переползавшими через нее облаками. Лишь в центре торчало несколько разрушенных временем каменных пальцев, стянутых понизу обручем из обломк угловатых глыб. Уже собравшееся в свою опочивальню солнце ещё достаточно хорошо освещало окрестную панораму.

На востоке, подступая к хребту, волновался зеленокудрий океан, кое-где рассеченный витиеватыми прожилками рек и щедро украшенный блестками больших и малых озер. По его изумрудной ряби не спеша плыли тени облаков. Огромность и бескрайность открывшегося простора вызывали трепет и благоговение. Какое приволье! Сибирь!!! Трудно представить, что тянется эта таёжная страна от Урала до самого Тихого океана шесть тысяч вёрст!!! На южной и северной окраинах сибирская тайга редет, а средний, весьма кстати широкий пояс в одну-две тысячи верст — это натуральные дебри, заселенные людьми только по берегам великих сибирских рек и отчасти по их притокам. Русский люд живет там, отрезанный от всего мира. Лишь одна постоянная ниточка соединяет эти огромные пространства Российской империи с Москвой и Санкт-Петербургом — Сибирский тракт.

Взобравшись на ближнюю скалу, Никодим сел на плоский уступ. Несмотря на приближение вечера, он был довольно теплым, и юноша невольно погладил шершавый, местами покрытый лишайником, бок камня. Бескрайние дали заорожили его. Душевное волнение, нахлынувшее на юношу, всё усиливалось. Его переполняло желание воспарить над этим простором и лететь вслед за плывущими по ветру рваными клочьями облаков, созерцая изъеденные временем грани отрогов, распадки, речки.

СКИТНИКИ

Впервые оказавшись высоко в горах, восхищённый Никодим как-то сразу, на всю жизнь, страстно полюбил эти вздыбленные цепи каменных исполинов — самое величественное творение Создателя.

Обнаружив за скалами озерцо с ледяной водой, решили заночевать прямо на его берегу. Закатный свет алыми волнами разливался по небесному раздолью, окрашивая грани отрогов нежным пурпуром. И такая библейская тишина воцарилась вокруг, что Никодиму казалось, будто слышно, как перешёптываются между собой горы-великаны...

Путникам не спалось. Взволнованные необычностью обстановки, они ожидали чего-то сверхъестественного и потустороннего: ведь отсюда до царства Творца, как им представлялось, рукой подать. Однако всё шло как обычно. Своим чередом высыпали всё те же звёзды с Большой Медведицей во главе. Всё та же медовая луна, недолго поскитавшись между ними, скрылась за горой. Сразу стало темно — хоть глаз выколи, зато над головой зажглась уйма новых звёзд.

Под утро край неба на востоке, еще не начав светлеть, стал как бы подмокать кровью, хотя солнце еще долго не покидало своих покоев. Наконец проклюнулась пунцовая капля, и первые лучи брызнули во все стороны. Капля на глазах наливалась слепящим свечением и в какое-то неуловимое мгновение оторвалась от обугленной кромки горизонта и, на ходу раскаляясь добела, поплыла, пробуждая землю, погруженную в тишину и прохладу. Только гнусавый крик высоко летящего ворона нарушал утренний покой.

Воздух за ночь настолько очистился, что утратил сизую дымчатость, и путникам удалось обозреть восточные земли на много вёрст дальше, чем давеча. Но и там простиралась все та же зеленая равнина без конца и края, без края и конца.

Сознание того, что до самого Тихого океана многие тысячи верст дикой, почти безлюдной тайги будоражило и волновало воображение путников. Им казалось, что здесь черта, отделяющая их от всей прежней жизни. На западе от нее хоть и привычный, но враждебный мир, а впереди неведомая, пугающе бескрайняя земля сибирская, в которой немудрено и сгинуть...

Перед утренней молитвой Никодим, как обычно, достал аккуратно завернутую в холстину икону Николая Чудотворца, которую дал ему

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

в дорогу старец Варлаам, и водрузил её на камень. После окончания службы путники еще долго стояли на коленях. Глядя на святой образ, каждый просил защиты и покровительства.

Когда спустились с гор, изнурённая братия единодушно поддержала предложение Маркела остановиться на зимовку на высоком берегу у подножья глубоко вклинившегося в равнину скалистого отрога. На стремительном речном перекате постукивала по дну галька; играли, скользили по воде солнечные блики, между которыми сновали бойкие пеструшки¹. Волны мягкими кулачками то и дело окатывали песчаную косу. Это место, защищенное от северных ветров, идеально подходило для становища.

У подола горы путники вырыли под землянки две глубокие ямы. Покрыли их накатником, завалили сухой травой и листвой, а сверху настелили пласты дерна. Земляные стены, чтобы не осыпались, укрепили жердями. Возле дверей с обеих сторон оставили небольшие проёмы для света. В центре землянки сложили из камня и глины печи. Лошадям соорудили шалаши наподобие конюшен. Для их прокорма заготовили сена, нарубили берёзовых веток.

Подоспела осенняя пора. Всё окрест раскрасилось яркими, сочными красками. Не верилось, что скоро земля и небо сольются в белом одеянии.

Отроги оставшихся позади гор в прозрачном воздухе проступали настолько рельефно и чётко, что казалось, будто они приблизились к становищу. Природа оцепенела от своей красоты, всё было пропитано грустью — не за горами зима. Завершалась осень уныло: дождь, хмарь. Однако братия, успевшая наладить свой быт, не тужила и занималась последними приготовлениями к зиме.

В один из таких промозглых вечеров их всполошил нарастающий гул. Встревоженные люди, выскочив из землянок, остолбенели: с гребня отрога прыгая по скальным уступам и разваливаясь при ударах на части, прямо на них катились большущие камни.

— Ребята, открываем лошадей и бегом на косу! — нашёлся Маркел.

¹ Пеструшка — речная форель.

СКИТНИКИ

Когда камнепад стих, братия с опаской вернулась в лагерь. На их счастье, осыпью смяло лишь навес из корья, под которым вялилась рыба. Разглядывая широкое полукружье скатившихся камней, люди с облегчением вздохнули: окажись землянки на сажень¹ пятнадцать левее, их завалило бы.

— Бес нас страшит, а Господь хранит и призывает к осторожности, — истолковал происшедшее Маркел.

Впоследствии даже перед кратким привалом путники всегда старались располагаться на безопасном расстоянии от крутых склонов.

Беглецы знали, что за Камнем есть разрозненные скиты единоверцев, но пока им не попадались. Исполняя наказ старцев, Маркел вёл свой небольшой отряд за озеро Байкал-море. Весной старолюбцы вновь тронулись в путь, продираясь через чащобы немереные, обходя топи, мхами покрытые, переправляясь на плотах через реки могучие, полноводные, кипящие водоворотами так, словно в их глубинах беспрестанно ворочаются гигантские чудища.

Провидение и непрестанные охранные молитвы святого старца Варлаама помогали им в пути.

Сколько уж поколений русского люда входит в эту Сибирскую страну, а все пустынна она — до того велики ее пределы. Но как дружны, добры, приветливы люди, живущие там.

Сибирская отзывчивость и взаимовыручка хорошо известны. Терпишь бедствие — все бросятся спасать. Голоден — разделят последний ломоть хлеба. Взаимовыручка — непреложный закон этих суровых и глухих мест — иначе не выжить! Ощутили их гостеприимство остановившиеся на следующую зимовку у братьев по вере и ветлужцы. С приходом весны, как только подсыхала земля, путники снова трогались, продвигаясь все дальше и дальше на восток, навстречу солнцу.

Наконец стали встречаться староверческие скиты. Их принимали как своих и делились всем, что сами имели, а ветлужцы в ответ усердно помогали хозяевам чем могли: справляли конскую упряжь, плели чуни — сибирские лапти, гнули сани, мастерили телеги, бочонки для засолки, валили лес. Осенью били кедровые орехи — в Сибири мел-

¹ Сажень — 2,16 метра.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

косеменная сосна сменилась кедром, родящим шишки с вкусными, питательными зёрнышками.

В Чулымском скиту два брата — Арсений и Мирон — за зиму так крепко сдружились с ветлужцами и особенно с Никодимом, что весной, немало огорчив родню, пошли вместе с ними, не убоявшись неизвестности и тягот дальнего перехода. В их глазах ветлужцы были подвижниками, Богом отмеченными хранителями отеческого православия.

На каждой зимовке один, а то двое или трое обзаводились семьями. И что любопытно, первым женился уже во вторую зимовку самый молодой — Никодим. В жёны взял полногрудую, миловидную и шуструю Пелагею — дочь Феофана. Благословил её отец словами:

— Готова будь, дочь моя любезная, к трудностям похода. Не ропщи и почитай мужа своего. Будь ему во всём надёжной опорой.

Пелагея еще в дороге принесла Никодиму сразу двойню: сына Елисея и дочку Анастасию.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ СКИТ

Путникам не единожды пришлось менять изъезженных коней и разбитые волокуши, искать обходные пути, дабы не попасться на глаза государевым людям, прежде чем добрались они наконец, к середине лета 1874 года, до стрельчатых хребтов Байкальского края, с давних пор облюбованного старолюбцами. Исполняя волю преподобного Константина, одолели они по бездорожью четыре тысячи вёрст, истоптали не одну дюжину лаптей.

Натерпелась братия в дороге лишений с избытком. Четверо из них остались лежать под могильными холмиками. К счастью, не померла в пути ни одна из женщин, взятых путниками в жёны во время зимовок, и ни одно народившееся в дороге дитё. Видно, Господь заботился о приумножении их общины. В итоге достигло цели пятнадцать из девятнадцати ветлужцев, двое примкнувших сибиряков, восемь женщин и семеро ребятишек.

Место для поселения нашлось как-то само собой. Пройдя между нагромождений валунов, закрывавших вход в лесистый распадок, люди увидели после надоевшего тёмного, насупленного ельника чистый пригожий березняк. На белых ветвях там и сям чинно восседали тетерева. Путники, умаянные угрюмостью байкальской тайги,

СКИТНИКИ

невольно оживились. Тут же шумела речка с прозрачной водой. Вдоль её берега тянулась поляна с янтарно-пламенной морошкой, едва ли не самой вкусной и сочной, просто тающей во рту ягодой, совмещающей в себе вкус спелой дыни и земляники.

Только решив остановиться, путники осознали, сколь рискованный и тяжёлый переход по невообразимо огромному пространству они с Божьей помощью завершили, исполнив тем самым волю любимого игумена, князя Константина.

Теперь им предстояла большая и напряжённая работа по устройству поселения. Они с воодушевлением принялись за дело.

Выбрав для строительства скита-деревни пологий увал, неподалёку от реки, Маркел объявил: «Негоже нам, православным, ютиться дальше в сырых землянках. Избы сразу будем ставить добротные. Зимы здешние суровой расейских, потому и готовиться надобно основательно. Хорошо потрудимся — выживем, послабу себе дадим — пропадем!»

Никто не возражал. Все понимали, что как на голом камне трава не растёт, так и без труда жизнь не налаживается.

Отслужили молебен и споро взялись за дело. Деревья валили посмолистей, с плотной древесиной и ровным высоким стволом. Ударишь по такому бревну, на другом конце слышен звук, похожий на звон колокола. С расчищенного от леса увала с утра до вечера неся дробный перестук топоров, звон пил ветлужцев. Сибиряки Арсений и Мирон занимались вместе со своими лайками охотой и рыбалкой. Женщины тем временем запасали ягоды, грибы, коренья, сушили травы, колотили орехи, вялили наловленную рыбу и добытое мясо.

Места под дома выбирали так: раскладывали на земле куски толстой коры и через три дня смотрели: если под корой пауки да муравьи — плохое место, если дождевые черви — подходящее.

На исходе шестой седмицы, когда мягкую хвою лиственниц окропили рыжими пятнами первые утренники, на бугре уже стояло несколько желтостенных, слезящихся янтарной смолой изб, а перед Покровом Пресвятой Богородицы на радость всем и просторный молебельный дом вырос. Довольные новопоселенцы после вознесения благодарственных молитв Господу пели песни и ликовались¹.

¹ Ликоваться — старообрядцы, как правило, не целуются, а ликуются — то есть щекой прикладываются к щеке другого.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Все постройки освятили нанесением на стены изображения восьмиконечного креста и окроплением жилища святой водой. Теперь можно было и жить и служить по чину. Но раньше всех всё же у студеного ключа, впадавшего в речушку, выросла курная баня с каменкой — первейшая отрада русского человека. После ее посещения, исхлеставши тело духмяным березовым веником, всякий молодец, а хвори отступали. Недаром на Руси говорят: «Кто парится — тот не старится». Можно только дивиться тому, что, по заветам византийских монахов, мытье с обнажением тела считалось грехом. Слава богу, этот неразумный для северной страны посыл русским православием не был принят и вековые обычаи мыться в бане с веником не только держатся, но и укрепляются, несмотря на греческие проклятия.

Время пролетало в каждодневных хлопотах: труд до седьмого пота и молитвы, молитвы и снова труд. На трапезу уходили считанные минуты. Об отдыхе и не думали — приближалась зима!

Уже по снегу, готовили дрова, строили для лошадей и четырех коров, купленных у усть-ордынских бурятов, бревенчатый сарай. А в следующем году соорудили из врытых стоймя в землю и заостренных сверху бревен заплот. Получился настоящий скит.

Наипервейшим делом у поселян всегда было служить Господу и угождать Господу. Служить и угождать не столько словами, сколько делами, ибо в Соборном Послании святого Апостола Иакова сказано: «Вера без дела мертва есть». В двенадцатые праздники богослужение совершали особенно усердно: вплоть до восхода солнца.

Жили единым уставом, Варлаамом писанным. И никакие происки и соблазны дьявола не могли нарушить лад в общине.

Зима явилась в одну ночь. Вчера еще было довольно тепло, сухо шелестели под ногами опавшие листья, и — на тебе! — за ночь тайга и горы покрылись пушистым саваном, загнавшим в теплые норы и дупла все живое. Через пару недель подоспел и мороз. Лёд на речке от вцепившейся стужи трескался, а солнце, еле пробиваясь сквозь витавшую в воздухе изморозь, почти не грело.

Первая зимовка далась тяжело, зима оказалась длиннее и студенее, чем ожидали. К весне люди стали страдать ещё и от нехватки соли. Сена для скотины тоже не хватало.

СКИТНИКИ

Слава богу, хоть дров было с избытком — не мёрзли. После крещенских морозов не выпадало и пары дней без пурги. Ветер, сгоняя с гор густые залпы снега, сутками яростно бился о бревенчатые стены, замечая всё, что возвышалось над белым покрывалом. В его рёве слышалась затаённая глухая угроза. Залетая в трубу он завывал особенно тревожно. Двери в домах пришлось перевесить с тем, чтобы они отворялись внутрь избы — иной раз за ночь так наметало, что их засыпало до самого верха. Скитники поначалу прокапывали в снежных наметах между постройками траншеи, но вскоре бросили это бессмысленное занятие и стали ходить за дровами и к хлеву кормить коров и лошадей чуть ли не по крышам.

От голода и болезней поселенцев спасали заготовленные впрок ягоды, орехи, грибы и травы. Но больше всего поддерживала охота на лосей и заготовленные с осени пролётные гуси и утки. Наваристый бульон из них и строганина из лосятины с лихвой возмещали нехватку хлеба и других продуктов. Так, благодаря терпеливости, усердному труду и приобретенному в пути опыту, студеную снежную пору пережили без потерь.

* * *

Весна! Ее живительный натиск разбудил ручьи. Оттаявшая земля источала дух прелых листьев. На ветвях набухали смолистые почки. Вербы у реки покрылись нежным жёлто-серым пухом. Молодая травка, с трудом пробивая сплошную коросту прошлогодней листвы, торчала изумрудной щетиной. На разлившейся речке и старицах буйствовали на утренней и вечерней зорьках пернатые. Треск крыльев, свистящий шум прилетающих и улетающих стай, плеск воды заполняли в это время воздух.

Новопоселенцы радовались обилию птиц, сочным побегам дикого лука, первым желтеньким цветкам мать-и-мачехи. Еще бы: только что закончился строгий Великий пост, и все изрядно исхудали.

Охотник Игнатий разыскал глухариный ток и с дозволения Маркела, избранного наставником, наладился промышлять слетавшихся на любовные утехи грузных краснобровых таежных красавцев. Для их поимки он сооружал между кустами невысокие загородки с воротцами и настороживал ловушки. А при охоте на оленей и коз выручала неказистая, но с отменным боем кремнёвка.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

За лето внутри скитской ограды выросло еще пять крепко рубленых изб, с широкими крыльчками под навесом. Теперь все семьи имели отдельные жилища. В каждой избе два окна на лицо и по одному сбоку. Лицевые окна и карнизы украсили резными узорами. Их рисунок ни на одном доме не повторялся. Наученные горьким опытом миновавшей зимы новосёлы соорудили для защиты от снежных задувов между всеми постройками крытые переходы.

Сами дома покоились на высоких подклетьях. Неподалеку летники, амбары. У крайних изб торчали две смотровые вышки. Посреди поселения красовался молельный дом с иконостасом внутри и деревянным билом¹, подвешенным над крыльцом: для призыва на службу или собор. На задах устроили огородные грядки под капусту, лук да морковь с репой. (Семенами их снабдили одноверцы ещё в Чулымском скиту.)

За частоколом, вдоль реки, сразу как сошёл снег, начали валить деревья, корчевать корни: расчищали под пашню первые лоскуты. Потом каждый год всем миром расширяли, защищая от набегов диких зверей засеками из поваленных деревьев.

Возле дома Маркела под приглядом петуха рылись в земле три курицы, одна из них с пухлявыми цыплятами. Лошади и коровы содержались в загоне из жердей под охраной собак. Хоть и немного скотины было в скиту, но всё равно не один стог надо было сметать на лесных полянках, чтобы хватило до следующей косовицы.

Как только прогревалась, отходила от стужи земля, начиналась полевая страда. Трудились в эту пору все. Понимали, что, коли земле не поклоняешься, хлеба не добудешь. Мужики на отвоеванных у тайги землях пахали, разваливая сохой с железными присошниками, бурые, влажные комья густо пахнувшей земли, потом боронили и приступали к севу. Тут уж и подрастающей детворе находилось дело — бегать по пашне и гонять грачей, чтобы те не успели склевать зерна ржи, ячменя и проса, до того как борона прикроет их землёй. Одну деляну оставляли под драгоценную картошку. Она родила здесь на славу.

¹ В староверческих молельных домах колоколов не вешают. Для призыва на службу использовали «било» — сухую доску, похожую на весло, по которой колотили деревянным молотком.

СКИТНИКИ

Из-за малости пашни в первые годы в ржаную муку для выпечки хлеба добавляли размолотые в ступе высушенные корневища белой кувшинки. Питались преимущественно похлебкой из мяса, ягодами да орехами.

Трудно давался хлеб в этих краях. Одна раскорчёвка чего стоила! Но как благостно было видеть летом среди чашобы небольшую, колышущуюся золотистыми волнами ржи деляну, а осенью сложенные крестцами снопы. Все это напоминало родимый край. Уже в первую жатву новопоселенцы были вдохновлены результатом: зерновые здесь не только вызревали, но и давали много лучший, чем на Ветлуге, урожай.

В свободное от молитв время они, наряду с полевыми работами и заготовками съестных припасов, ладили берестяные туеса, короба, выделывали кожи, кроили и шили из них одежды, занимались рукоделием, кололи дрова.

Детей с малых лет приохочивали к труду, воспитывали в послушании и почитании старших без своенравия. Занимался с ними в молельном доме сам Маркел. Обучал грамоте и Слову Божьему. После занятий детвора летом играла в городки¹, лапту; зимой рыли в сугробах пещеры, катались на салазках.

В пору редких посещений уездного городка, находившегося в семи днях пути, старообрядцы с грустью и сожалением отмечали там блуд, пьянство, слышали речь, испоганенную словами постыдными. Всё это только укрепляло их веру в то, что их обособленность разумна, а соблюдаемое вероисповедание единственно праведное.

Так прожили ветлужцы без малого четырнадцать лет. Они полюбили угрюмую байкальскую тайгу и окружавшие их горы как отчий дом. Щедро поливаемая потом земля в ответ благодарно кормила их.

Правда, на одиннадцатый год жизни произошло событие, надевшее немало убытку. В горах прошли обильные дожди, и по реке прокатился паводок невиданной силы. Ревущий поток, несший с собой коряги, валежины, камни, на глазах подмывал берег и зелёные великаны, склоняясь все ниже и ниже, с плеском рушились в объятую непонятным гневом воду.

¹ Городки — игра, в которой деревянные фигуры из круглых чурочек сбивают издали длинными палками (битами).

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Наводнение утащило баню, но хуже всего было то, что смыло треть пашни с уже туго налившимися колосьями ржи и ячменя. Однако эти потери, в сравнении с тем, что ждало их через три года, были не столь велики...

* * *

Налетела беда неожиданно-негаданно. Удалой люд разведал в окрестных горах на галечных косах студёных речушек богатые россыпи золота. Тихий, благодатный край в однолетье охватила золотая лихорадка.

Потянулся сюда разношерстный лихой люд. Кто мыть золото, кто скупать; кто, собравшись в ватаги, грабить и тех и других. По ручьям росли, как грибы после дождя, стихийные поселения. Следом для проведения описи и сбора налогов явились государевы чины. Непокорно стало в дремавшей прежде округе.

Добрались казаки в начале апреля, по прелому снегу перед Пасхой и до староверческого скита.

— Отворяй ворота, ревизия, по приказу генерал-губернатора, — зычно проревел подъехавший на сани в новехоньком мундире, перетянутом скрипучими ремнями, молодой подъесаул.

За ограду вышли Маркел, Никодим и трое из братии.

— Ты уж прости, чуж-человек. К нам в скит невозможно. Мы с миром дел не имеем. Живём тихо, никого не трогаем и своих уставов ни кому не навязываем, — степенно и твердо заявил Маркел.

— Я тебе покажу, чертова образина, «невозможно»! — заорал разъярившийся чин и приставил саблю к шее ослушника. — Бунтовать вздумал? Прочь с дороги! На каторгу в кандалах упеку!

Стоявший сбоку Колода, детина медвежьей силы, не стерпев прилюдного оскорбления наставника, так хватил пудовым кулаком обидчика по голове, что свернул тому шею. Офицер рухнул на снег замертво. Перепуганные казаки подхватили тело командира и спешно развернули сани обратно.

— Еще поплатитесь, раскольники треклятые! — прокричал один из них, отъезжая.

Маркел, осознав весь ужас и страшную нелепость происшедшего, наградил Колоду полновесной затрешиной:

СКИТНИКИ

— Кротостью и смирением надобно бороться со злом. Каждый ответ на удар вызывает новый удар, а кротость наоборот гасит его.

Верзила воспринял внушение как должное, не посмея даже рта открыть.

Никто не заметил, как в начале этой стычки с дальних грузовых саней скатился на снег и заполз под разлапистую ель связанный человек. Когда ржание коней и гиканье казаков стихли, беглец подал голос:

— Эй, почтенные!

Всё еще топтавшиеся у ворот скитники невольно вздрогнули:

— Спаси Иусе и помилуй! Кто здесь? — прогудел Колода.

— Лешак я. Развяжите, благодетели!

Колода с Никодимом осторожно приблизились и, перекрестившись, сняли путы с лежащего.

Со снега поднялся крепкотелый, простоватый с виду мужик, в воночем коричневом зипуне, в грязных чунях и онучах¹. Весь квадратный с короткими, словно обрубленными, руками, с черными от вьевшейся грязи пальцами. На загорелый лоб из-под плотно надетой шапки выбивались невымытые вихры темно-рыжих волос. Взъерошенная бородаща, медно пламенея в лучах заходящего солнца, укрывала широкую грудь. Из-под мохнатых бровей буравили хитроватые глазки. Судя по повадкам, человек бывалый и ухватистый.

— Воистину Лешак! Откель будешь?

— Вольный я, без роду и племени. Ноне в старателях фарт пытаю, — дробной скороговоркой отрапортовал беглец.

— И давно промышляешь?

— Да где уж! Мне от роду-то двадцать четыре.

Скитники изумлённо переглянулись: на вид бродяге было далеко за тридцать.

— За что ж повязали?

— Дак золотишка чуток намыл. Хозяин питейного заведения прознал про то. Не погнушался, пройдоха, холера ему в дышло, и по бражному делу обобрал, а утром, шельма, указал на меня яко на беглого колодника с Ангары реки.

¹ Чуни — лапти, сплетённые из пеньковой верёвки. Онучи — обмотка (портянки) на ногу под чуни.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Так пожаловался бы кому.

— Пустое дело. Правды-то в этих чащобах не сыщешь — всё одно что медведю жалобиться. Но Господь пожалел — вас послал. Благодарствую вам, люди добрые! — Лешак отвесил обступившей его братии земной поклон. — А подьесаула ты, дядя, крепко огрел! Силен! — уважительно добавил он, обращаясь к Колоде. — Только вот что скажу: теперича оне от вас не отвяжутся. Одно слово — бунт! Как пить дать вышлют карательну команду. Их власть велика! Надоть уходить вам отсель, покуда не поздно. Иначе не миновать смертной казни зачинщикам, да и остальных не пощадят, в кандалы и на каторгу. А дома в разор пустят.

— Спору нет, грех свершен великий, да ведь ненароком, не по злому умыслу. Молитвами и покаянием искупим его. Казаки вряд ли скоро явятся: через пять-шесть дней пути не станет — распутица, до уезда же только в один конец седмица ходу. Но что верно, то верно: оставаться нам здесь не след — житья проклятые щепотники теперича не дадут, — заключил Маркел.

* * *

На соборе решено было по речке уйти на Лену и в тамошних горах искать глухое, безлюдное место.

Братия, не мешкая, отправилась валить лес для лодок. Никодим, выбирая подходящие для роспуска на доски стволы, заметил Лешака, кружившего неподалеку.

— Дозволь, почтенный, слово молвить, — вместо приветствия выпалил старатель, поспешно стянув с головы шапку. — Может, негоже мне в чужи дела соваться, да помочь ведь могу. Прибился к нашему прииску ещё осенью один схимник, вашего староверческого роду-племени, человек души ангельской. Так вот, сказывал он мне, што ведом ему на Севере скит потаенный, Господом хранимый... Я што подумал: ежели пожелаете, могу доставить того схимника к вам для расспроса, тока с условием, што коли столкуется, то и меня с собой прихватите. Хочу золота самородного там сыскать. Мне тамошние угоры малость знакомы: с казаками в острог ходил, а скит тот заповедный где-то там запрятан.

— Это не мне решать. Должно с братией обсудить, — сдержанно ответил Никодим.

СКИТНИКИ

Вечером скитники долго обсуждали предложение Лешака, взвешивая все «за» и «против». Сошлись на том, что встреча с монахом будет нелишней: вдруг и впрямь скажет что дельное.

Поутру вышли к уже ждущему у ворот Лешаку.

— Вези своего знакомца, послушаем. Только вот как ты его доставишь? Снег-то поплыл, того и гляди вода верхом хлынет!

— Пустяшное дело! До прииска напрямки недалече. Ежели дадите коня и хлеба, мигом обернусь.

На второй день Лешак действительно привез худого высокого человека неопределенного возраста с голубыми, прямо-таки лучащимися добротой и любопытством глазами на прозрачном, кротком, точно у херувима, лице. Одет он был в драную рясу из мешковины и длиннополую домотканую сибирку¹, висевшую на нём, как на колу.

Сотворив уставные метания² и обменявшись приветствиями, все зашли к Маркелу и долго, дотошно пытали монаха: — Правда ли, что есть на Севере потаенный староверческий скит? Бывал ли он сам в нем? Далеко ли до него? Крепко ли то место? И верно ли, что беспоповцы там живут?

— Доподлинно знаю, такой скит есть. Сам живал в нём — я ведь тоже беспоповец, только бегунского толка³. Сторона та пригожа. Отсель верст девятьсот будет. Дорогу я вам обскажу в подробностях, но прежде хотел бы потолковать с очи на очи.

И, обращаясь к наставнику, спросил:

— Могу ли переговорить с очи на очи с Никодимом? Хочу кое о чём для себя его просить.

Отсутствовали они недолго. О чем беседовали — неведомо. Вернувшись, схимник принялся рисовать карту, давая по ходу подробные пояснения.

— А сам скит-то где будет?

— Вот здесь, в этой впадине... Только нет к нему иного пути, акромья водного. Поторапливаться вам надобно. Ажно до прииска

¹ Сибирка — верхняя мужская одежда из грубого сукна.

² Метание — малый земной поклон, особо соблюдаемый старообрядцами.

³ Бегунский толк — течение в беспоповском старообрядчестве, возникшее в XVIII веке. «Спасение души» для бегунов — это «вечное странствие».

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

слух докатился, что карательный отряд готовят. Как вода спадёт, так вышлют.

Монах отвесил поясной поклон и со словами «Храни вас Бог, братушки» и уехал вместе с Лешаком обратно.

Покамест мужики срочно мастерили лодки-дощанки, конопатили, смолили бока, крепили мачты, женщины паковали скарб, сшивали для парусов куски полотна, собирали провиант в дорогу. Лошадей и коров пустили под нож, а нарезанное тонкими пластинами мясо коптили, вялили в дорогу.

Как только сошли крупные льдины, снесли всё приготовленное к реке. Волоком по каткам стянули и суденышки. Все было готово к отплытию. Уж и бабы с тепло одетой ребятней собрались на покрытом галькой берегу.

Маркел с Никодимом покидали скит последними. Окинув его прощальным взором, тяжело вздыхая, переглянулись:

— Эх, сколько годов здесь прожили: горести и радости вдосталь познали, к каждой берёзке, к каждой тропке привыкли. Горько предавать огню столь ладное хозяйство, но не оставлять же его христопродавцам на поругание! — промолвил Маркел. Никодим молча кивал головой.

Запалив избы, они спустились на берег...

СНОВА В ПУТИ

Период рождения телят у лосей растянут. Отёл порой случается в июне и даже в июле.

Караван плоскодонок, подхваченный весенним половодьем, несся по стремнине. Позади разрасталось жуткое зарево с клубами черного дыма. Оглядываясь время от времени на горящее поселение, суровые старообрядцы смущенно сморкались, иные не скрывали своих слез, а бабы и вовсе ревели, как белуги: великих трудов и обильных потов стоило общине укорениться, обстроиться в этих диких местах.

Волны, разбиваясь о борта, то и дело захлестываясь в лодки, орошали беглецов ледяными брызгами. Женщины и детвора зябко ежались, а мужики не обращали на брызги внимания: они едва успевали отталкиваться шестами от угловатых льдин, норовящих опрокинуть

СКИТНИКИ

утлые судёнышки и отправить людей в бурлящую утробу норовистой реки.

Полуночью третьего дня, обгоняя караван, вдоль берега пронеслась белая метелицей, оглашая округу трубными криками, стая лебедей. Вслед ей ринулся холодный ветер: предвестник ненастья. По воде побежала кольчужная рябь. Отражения берегов покоробились, закачались. Река потемнела, нахмурилась. Мохнатые тучи, слившись в сплошной полог, беспрерывно сыпали холодную влагу на унылую пойму, рассеченную извилами русла. Временами дождь, словно очнувшись, начинал хлестать напрапалую, ниспадая на землю колышущимися завесами.

Все промокли, задрогли. Тревожась за здоровье ребятни, Маркел распорядился причалить к берегу и разбить на взгорке лагерь. Спешно соорудили из жердей шалаши, покрыли их толстым слоем лапника и залегли в ожидании конца ненастья. Прошли сутки, а дождь все лил и лил.

Вода в реке прибывала. Берега раздвигались прямо на глазах. Ещё бы! Вечная мерзлота не давала возможности дождевой влаге уходить в землю, и она вся сразу скатывалась в реку. Поэтому в этих краях при любом дожде случаются паводки. Иной раз он столь силён, что превращается в неукротимую стихию с непредсказуемым норовом. Вырвавшиеся из берегов потоки в слепой ярости смывают всё на своём пути, громоздят на излучинах огромные завалы. Запертая ими река порой вынуждена пробивать новое русло прямо через вековую тайгу, оставляя старому, забитому стволами ложу удел тихой и мелководной протоки, зарастающей со временем.

Стан староверов располагался на высоком, вытянутом мысу. Его покрывали сплоченные ряды елей и лиственниц. Кроме них вдоль берега росли береза, рябина, шиповник. Казалось бы, здесь, на лесистом возвышении, ничто не могло угрожать путникам. Каково же было их удивление, когда, проснувшись утром, обнаружили, что со всех сторон окружены водой: своевольная река за ночь промыла перешеек излучины и, укоротив свой путь к морю, заодно отрезала людей от коренного берега.

На третий день сквозь вороха туч ударили истомившиеся в заточении лучистые столбы. Участки, залитые живительным солнечным светом, загорелись празднично, весело.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Караван не мешкая покинул новорожденный остров. Мутная вода, грозно поблескивая, увлекла, понесла дощанки мимо вздрагивающих под напором воды подтопленных деревьев. Искусство кормчего теперь состояло лишь в том, чтобы не сойти с основного стрежня и не врезаться в какую-нибудь корягу или залом.

На исходе одиннадцатого дня полноводный поток вынес караван на широкую реку. Собирая притоки, она и дальше продолжала раздаваться вширь. Местность изменилась. Горы расступились, смягчились их очертания. Появилась возможность поднять паруса. Хлебнув попутного ветра, они повлекли суденышки на север, мимо крупноствольных, кондовых лесов, чередующихся то разводьями унылых марей, покрытых пружинистыми мхами и кустиками низкорослой голубики, то взъерошенными перелесками чахлах берёзок и лиственниц.

Сколь жалки на вид эти корявые, сутулые упрямы, вступившие в схватку с безжизненной заболоченной почвой: вершины засохли, стволы хилые. Растут, бедные, заваливаясь в разные стороны, с трудом держась корнями за мягкую моховую подушку. Но не будь этих отважных первопроходцев, некому было бы готовить почву для наступления высокоствольных лесов.

Попадались и обрывистые берега с льдистыми выходами вечной мерзлоты. С них прямо в воду свисали лохмотьями огромные куски дерна.

Берега безлюдны. Только однажды беглецы увидели три коптящих небо остроконечных чума коренных жителей. Чуткие собаки кочевников тут же высыпали на берег разношерстной стаей и дружным лаем подняли переполох в стойбище. Из чумов вышли пестро одетые люди, высыпала детвора. Увидев караван больших лодок с белыми полотнищами на длинных жердях, они застыли, будто каменные.

Чтобы избежать лишних разговоров, старообрядцы решили не останавливаться. На ночлег устроились далеко за полночь верст через пятнадцать.

Шел двадцатый день пути, когда в речном просвете вновь замаячили острозубые гребни хребтов. Люди сразу оживились: из дорожных наставлений схимника следовало, что скоро сворачивать вправо

СКИТНИКИ

в приток, вливающийся в Реку сквозь узкое, словно прорубленное мечом, ущелье.

Все сошлось. К полудню следующего дня подплыли к островерхому камню, одиноко торчащему посреди реки. Сразу за ним взяли вправо и зашли в теснину из громадных скал, похожих на лица каменных богатырей, грозно и угрюмо взирающих на незваных гостей. На рисунке схимника это место было обозначено как Чёртова пасть. В скором времени путникам пришлось убедиться в меткости названия.

Версты через полторы теснина раздвинулась, по берегам появились косы и отмели, но вскоре межгорная долина, сжимаемая отрогами, вновь сузилась. Сами склоны были сильно изломаны острыми рёбрами и выступающими зубцами.

Отсюда вверх по течению поднимались на шестах. Вот уж где попотеть пришлось! Мужиков выручала слаженность: все, кто с шестом, одновременно, по команде кормчего, отталкивались сколь доставало силы от каменистого дна. Лодка под надсадный крик людей рывком шла вперёд, и за этот миг мужикам следовало без промедления вновь перебросить шесты вперёд и опять разом что есть мочи оттолкнуться. И так многие тысячи раз!

Утром четвертого дня, с начала подъема, обогнули отвесный отрог. Долина за ним опять расширилась, и речка разделилась на два рукава. Неукоснительно следуя дорожным наставлениям, «флотилия» направилась в правый, более полноводный рукав, с прозрачной, изумрудного отлива, водой. Слепящие блики солнца красиво метались на её высоко дыбящихся бурунах.

По берегу, вдоль кромки воды, хрустя пестрой галькой, навстречу им брел медведь. Заметив лодки, подслеповатый зверь встал на задние лапы и, приложив к глазам переднюю, пытался понять, кто же вторгся в его владения. Слепу приняв дощанки за плавучие выворотни, он успокоился и продолжил прерванное занятие — ворочать валуны, слизывая с их влажных боков любимое лакомство — личинки ручейника. Следом показался второй косолапый. Уставившись на караван, он для отрастки заревел: мол, плывите, но знайте — хозяин тут я.

Дальше на отмели, нахохлившись, стояли, нацелив вниз клювы, цапли. Они с подозрением косили желтыми глазами и на всякий

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

случай отлетели в глубь заводи, обрамленной осинами с городищем гнезд.

«Эскадра» меж тем упрямо продвигались к громадам пепельных хребтов, изрезанных лабиринтами ущелий. В глубоких разломах и нишах белые отметины снега. Горная, неприступная страна! Все здесь было необычно. Дико, очень дико и голо кругом. На скалах выживали только желто-серые лишайники.

Берега реки, прорезавшей хребет, вздымались здесь почти на сто сажен и были так близки друг к другу, что солнце в эти каменные теснины заглядывало лишь в середине дня. Сверху искристым бисером беззвучно ниспадали белыми бородами водопадики. Попав в столь мрачное, неприятное место, люди, окружённые холодным величием, оробели.

Отвесные стены раскрашены пластами разноцветных пород: то серых, то желтых, то красноватых. Перед путниками как бы предстала окаменевшая многовековая летопись Земли. Но наши путники не задумывались об этом. Для них это была просто мрачная теснина, которую следует как можно быстрее пройти.

На каждой стоянке шевбутной Лешак в поисках знаков золота мыл песок. Но ничего путного в пробах не находил: в лучшем случае выпадали один-два знака.

Сжимаемая ущельем речка становилась все напористой и бурунистей. Кипя и пенясь, она без усталости мчала свои воды по уступам каменного ложа. Местами сила течения была столь велика, что сквозь шум потока доносились глухие удары перекачиваемых водой валунов.

С утра шло полегче. К полудню же оживал дремавший в верховьях реки ветер. Разгоняясь в узкой трубе каньона, он в союзе с бегущей навстречу водой, старался повернуть лодки вспять. Вероятно, другие впади бы от таких препятствий в отчаяние, но непреклонные староверы, невзирая ни на что, упорно продвигались вперед. Было в этих людях нечто сильнее мускулов. Это «нечто» — сила ДУХА, позволяющая совершать невозможное. Дружно наваливаясь на шесты, они рывками, раз за разом проталкивали лодки вперед. Солёный пот заливал глаза, рубахи липли к спинам, но дощанки вершок за вершком ползли к цели.

Там, где течение было особенно стремительным, за шесты брались и бабы. Особенно ловко орудовала им супружница Прокла — дородная

СКИТНИКИ

Марфа. Несмотря на солидный вес и кажущуюся неповоротливость, она не уступала иным мужикам. Когда все изнемогали от усталости, Маркел объявлял остановку для отдыха.

На одном из порогов лодку, в которой плыл Никодим, развернуло поперек русла. Мощное течение подхватило неуправляемую, залитую водой посудину и затащило под скалистый прижим. Слава богу, никто не утонул. Однако водоверть унесла немало полезной утвари. Больше всего расстроила утрата двух топоров и пилы.

Чем ближе к истоку, тем строптивее, норовистее становилась речка. Вскоре она стала представлять собой череду водопадов. Упругие, лоснящиеся потоки, низвергаясь с уступов, ударялись о скальное дно и иступленно бушевали в выбитых за многие годы каменных котлах, сотрясая ревом округу.

Над каждым порогом висели белесые облака водяной пыли. Путникам в некотором смысле повезло. Выпал как раз тот редкий час, когда солнце заглянуло в каньон, и над каждым сливом зажглась сочная радуга — ворота в сказочный, неведомый мир, из которого то и дело выпрыгивали хариусы, с цветистыми, словно отражения этих радуг, спинными плавниками.

Братия пригорюнилась:

— Неужто дальше не пройти?!

Дёргаясь от толчков шестами, подползла и пристала к берегу последняя лодка с Маркелом. Осмотревшись, он прокричал, стараясь пересилить шум воды:

— Надо искать волок! Я и Колода поднимемся по этой расщелине, а Никодим с Мироном переплывайте речку и осмотрите противоположный берег. Потом решим, где сподручней обходить. Остальным пока отдыхать.

Через два часа разведчики вернулись. По правому берегу, который обследовали Никодим с Мироном, обход оказался неудобным — склоны слишком крутые. Решили пробиваться по левому.

Из стволов, застрявших на береговых уступах во время паводков, заготовили катки. К днищам лодок для их сохранности подвязали полозья — берёзовые жерди. Подъем планировали начать с утра, но до полудня не могли тронуться: плотный туман затопил ущелье.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

На плато лодки вытягивали до самого вечера. С утра следующего дня покатали их по каменистому плато до обширного снежника, закрытого с одной стороны скальной грядой. Одна из скал напоминала лицо человека. Он глядел на измученных людей, скривив рот в зло-радной ухмылке.

На его плешивой макушке стояли грациозные бараны-толстороги. Заметив их, путники невольно остановились. Табунок постоял ещё немного, наблюдая за диковинными пришельцами, и бросился вниз. Самый лихой баран, оказавшись на снегу, покрывавшем одну из «щек» идола, вдруг сел на круп и лихо покатился вниз. Люди затаили дыхание: казалось, рогач неминуемо разобьется о камни, лежащие у подножья скалы, но в самый последний момент круторог вскочил на ноги и, оказавшись теперь впереди всех, как ни в чем не бывало, скрылся за грядой.

От оледеневшего снега, годами копившегося в этой ложбине, веяло холодом и сыростью. Люди из лета как бы угодили в зиму. Зато плоскодонки скользили по природному «катку», длинным языком сползавшему к берегу выше каскада водопадов, как по маслу. Чтобы они слишком сильно не разгонялись, их приходилось даже придерживать сзади.

Речка приняла их приветливо, без кипучей толчеи волн. Обход порогов так измотал людей, что на ночёвку встали, не дожидаясь вечера. Лешак не мешкая спустился на косу и промыл в лотке песок. В шлихе собралось около семидесяти крупных желтоватых зерен пластинчатой формы. Сгрудившись в головку, они тлели, будто угли догорающего костра. В глазах старателя вспыхнули искорки азарта. А когда он обнаружил в прибрежной гальке угловатый самородок размером с перепелиное яйцо, то и вовсе в раж впал: принялся плясать, подняв в невообразимом восторге руки и дико вопить на все ущелье... Наконец Лешак утихомирился и, шмыгая мясистым носом, объявил:

— Благодарствую, братушки, уговор соблюли. Дальше я не иду. Здесь остаюсь. А вам желаю обрести то, что ищете!

— Ну что ж, вольному — воля, спасенному — рай, — дивясь и в то же время тихо радуясь, отвечивал Маркел. — Может, еще и свидимся когда... Фрося, отдели ему снеди без обиды.

На следующий день отмахали сразу семнадцать верст. К вечеру шесты уже валились из рук. Онемевшие, ставшие как бы чужими, пальцы с трудом держали отполированное до блеска древко. И опять речка

СКИТНИКИ

вошла в очередной горный узел. Горы! Кругом горы! И справа и слева горы, горы, горы, вершины которых теряются в облаках. На мрачных склонах тут и там угрожающе торчат зубья скал. С каменистых уступов низвергаются жемчужными нитями ручьи. А по дну ущелья бежит речушка, по которой медленно, но упорно ползут лодки.

Вскоре речку перекрыли гряды базальтовых «сундуков», выставивших из воды мокрые, отполированные крышки. Вода неслась между ними так быстро, словно пыталась согреться. Мужики, одолевшие уже немислимое число преград, зароптали:

— Может, тот схимник со злым умыслом нас сюда спровадил?

— Да и Лешак, похоже, неспроста отстал!

Уловив перемену в настрое общины, Маркел воскликнул:

— Братья, то Господь нас испытует! Не гневайте Владыку, будем веровать в Его милость. Неужто не сдюжим, отступимся? Мы ведь почти у цели!

Уверенность наставника благотворно подействовала на братию. Все сразу приободрились, измождённые лица посветлели, в глазах вновь загорелся огонь.

На шестах по порогам подниматься было немисливо, а обходить невозможно — берега очень крутые. Поэтому решили тянуть лодки по-бурлацки, на веревках, привязанных к носу и корме. Бородачей выручало то, что вдоль одного из берегов всегда можно было идти вброд. Продвигались медленно, так как приходилось, одолевая мощные сливы, то и дело проводить дощанки меж камней.

СКИТ «КЕДРОВАЯ ПАДЬ»

На второй день бичевания¹ уставшие путники увидели в проёме каньона лесистую впадину, закрытую с севера и юга мощными хребтами. Более высокий, северный, венчался цепью снежных шапок, вокруг которых паслись «отары» облаков. Над самой же впадиной небо было чистое.

Строптивная речка, получившая уже у путников название «Глухоманка», брала начало с ледника на восточном, невидимом отсюда,

¹ Бичевание — протягивание судна по реке бечевой (веревками).

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

стыке хребтов. Сбежав по ступеням предгорий во впадину, она успокаивалась. Дальше шли на шестах играючи. Не заметили, как отмахали версты четыре. Перед двугорбым холмом спохватились и свернули в заводь, обрамлённую полосой песка. С него нехотя взлетел глухарь, клевавший мелкие камушки.

На светлом склоне холма тут и там росли громадные кедры. Некоторые спускались почти к самому берегу. Покоем и благодатью веяло от этого места. Вокруг царила такая тишина, что у изнурённых путников возникло чувство, будто этот райский уголок был сотворен специально для них.

— Братушки, лепота-то какая! Прямо земля обетованная, — торжественно выдохнул Глеб. — Сдается мне, что это и есть та самая впадина, о которой сказывал схимник!

— По всему выходит, что это так. Передохнем пару дней, а там обсудим, как далее быть, — согласился Маркел.

Братия, надорванная тяжелой дорогой, с нескрываемой радостью повалилась на теплый песок. Женщины тут же принялись разжигать огонь и готовить еду. А детвора, истомившаяся в тесных лодках, натаскав сперва для костра кучу хвороста, пустилась бегать между деревьев, играя в догонялки. Голосистое эхо понесло по долине речки звонкий смех ребятни.

Немного отдохнув, самые нетерпеливые мужики не мешкая отправились исследовать Кедровую падь. Тайга открылась богатая. Изумляло обилие следов и помета дикого зверья. Как выразился Игнатий:

— Дичи тута — что мошкары!

— Всех пород звери — не оголодаем! — поддержал Арсений.

С деревьев то и дело слетали стаи непуганой дичи: спесивые тетерева, грузные глухари, доверчивые рябчики. Тараня кусты, с шумом разбегались олени. Спасаясь от их копыт, с тугим треском от крыльев выпархивали из травы куропатки. По толстым ветвям кедров сновали жизнерадостные белки. Время от времени порывы верхового ветра срывали увесистые смолистые шишки. Они глухо шлепались о землю. Ноги мягко пружинили на толстом ковре из рыжей хвои. На прогалинах взор радовали кустики, усыпанные матово-синими ягодами голубики. Низинки затянуты россыпями поспевающей брусники.

СКИТНИКИ

Уверенный, что искомый скит где-то поблизости, очарованный не менее других, Маркел, повернувшись к Никодиму, произнёс:

— Каково благолепие! Здесь бы и обосноваться, да сперва своих братьев найти надобно.

От этих слов Никодим сразу помрачнел. Собираясь с духом, тяжело вздыхая, он мял пучок кедровой хвои. Наконец произнёс:

— Не гневайся, Маркел. Взял я на себя грех, утаил, по уговору со схимником, что община та поголовно вымерла... С ярмарки холеру занесли, а тут пурга случилась. Люди, в пещерах безвылазно сидемши, так и перемерли один за другим. Только монаха того благочестивого Бог и уберег: он в ту пору на месячное моление в дальний грот удалялся, а когда воротился, узрел сей ужас. Ладно сообразил — сразу ушёл... Обитатели их вон в той горе были. — Никодим указал рукой на каменистую плешину, на склоне хребта верстах в пяти-шести от них, значительно левее проема, через который Глухоманка покидала Впадину. На ней чётко различался ряд черных точек. — Это и есть их пещерный скит. Впадина велика и зело скрыта, а пещеры, сам видишь, далече и для нас неопасны. Только ходить туда не след — потому как зараза та, схимник сказывал, шибко живуча.

Ошарашенный наставник молчал.

В этот момент с небес полились торжественные, трубные, берущие за самое сокровенное в душе, звуки. Они заполнили собой все пространство над впадиной. Собеседники, подняв головы, увидели журавлиный клин.

— Господь благой знак шлёт! Здесь нам и быть, — твёрдо заключил Маркел.

Вечером собравшаяся у костра братия, выжидательно поглядывая на наставника, захлеб расхваливала прелести и достоинства Кедрового урочища.

— По мне краше и скрытней пристанища не сыскать, — прогудел Колода.

— Место и впрямь отменное, благостно было б пожить здесь, — поддержал Мирон.

— А зверья-то, зверья! — с надеждой глядя на наставника, вклинился Арсений.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Коли всем здесь так приветисто, тут и будем скит ставить, — подвёл черту Маркел.

— А как же искомая община? — заволновался Тихон. — Сыскать бы.

— Пошто нам чужие? Сами как-нибудь обживемся, нам не привыкать, — отрезал Маркел тоном, не терпящим возражений.

— Слава богу! Наконец-то! А то ведь, того и гляди, по земле ходить разучимся — все по воде да по воде, — обрадованно затараторила повязанная до бровей платком словоохотливая Агафья, жена Глеба.

По такому случаю на ужин стоговили полный котёл ячневой каши с щедро зправленной вяленным мясом. Съели всю без остатка, вылизав начисто чашки и ложки.

Когда последний человек завершил трапезу, сидевший на валёжине Маркел поднялся:

— Братья и сестры, помолимся — и спать. С утра за дело. Да благовословит нас на этом месте Господь. Аминь!

Только после этих слов путники наконец уразумели, что ставшая привычной бесконечная и изнурительная дорога закончилась, и даже несколько растерялись от того, что утром не надо будет больше садиться в валкие лодки и толкать их шестами. Их сердца постепенно наполнялись гордостью и радостью от сознания того, что они достигли цели и в этой изнурительной дороге не потеряли ни единого человека. Значит, и вправду шли Богом хранимые.

Надсаженная продолжительным переходом община угомонилась быстро. Над становищем воцарилась тишина, прерываемая лишь храпом уставших людей. Луна, разворошив тучи, осветила стан. Только два человека, охраняя покой спящих, не смыкали глаз: Маркел и Никодим.

Как ни устали новопоселенцы, а привычка вставать с первыми лучами солнца взяла верх. Отслужили благодарственный молебен Господу за милостивое соизволение на обживание земли новой. Продолжался он несколько часов. Мужики стояли отдельно от женщин. По завершении благодарений дружно принялись за работу.

Подходящее для скита место выбрали саженьях в шестидесяти от берега, на взгорке — там кедры росли пореже. Поскольку до снега оставалось всего полтора месяца, а путники были вымотаны тяжелым

СКИТНИКИ

переходом, решили ограничиться устройством курных землянок, сосредоточившись на первоочередном — заготовке припасов для зимовки.

Бабы и дети разбрелись по лесу собирать ягоды, грибы, орехи. Ребята постарше ловили рыбу. Когда завершился Петров пост, Маркел дозволил охотникам заклать диких зверей. Из кишок оленей, заполненных молотым орехом и залитых кровью, варили вкусные и питательные колбасы. Мужики рыли землянки, клали печи, вмуровывали котлы для варки пищи.

На счастье поселенцев, урожай в тайге в тот год выдался редкостным. Особенно уродилась любимая всеми брусёна. Ее красные, глянецовые ягодки обладают замечательным свойством: моченые не портятся годами. Посему хранят их в кадках с водой. Из собранных кедровых орешков надавили масла.

Белая кувшинка с крахмалистыми корневищами здесь не росла, и для выпечки хлеба копали рогоз, росший в многочисленных заводях: нарезанные, высушенные, затем измельченные в ступе, его корни были вкусной, питательной мукой. Пух из коричневых, как бы обгорелых, початков добавляли для тепла в подклад зипунов. Длинные листья тоже употребляли в дело: плели рогожи и корзинки. Привезённые четыре пуда семенного зерна не трогали — берегли на посев весной. Успели даже распахать одну лесную поляну под будущую пашню.

Первая зима прошла для скитников в трудах: наряду с будничными хлопотами, с утра до вечера готовили лес для будущих построек. Материал для срубов подбирали бревно к бревну. Волочили издалека, так как вокруг места, выбранного под скит, росли лишь громадные кедровые свечи в полтора обхвата. Иные так вымахали, что задерешь голову на вершину поглядеть — шапка валится. Вот и приходилось валить стволы потоньше по краинам бора. Спилев подходящее дерево, одни обрубали сучья, другие шкурили, третьи по снегу веревками волочили розоватые брёвна до места.

Зима в этих краях хотя и щедра на солнечные дни, долга, утомительна, а главное, необычайно морозна. Чтобы не застудить ребятню, землянки топили постоянно. Одна из них от огня, перекинувшегося с очага на заложённую сухостоинами стену, выгорела дотла. Слава богу, никто не погиб. Укутавшихся в уцелевшее тряпье погорельцев расселили по другим землянкам.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

В ожидании тепла и Святой Пасхи скитники все чаще посматривали на пробуждающееся солнце, сосульки, свисающие с наката над входами в землянки; с радостью вслушивались в повеселевшие голоса синиц. Вот уж и вокруг стволов деревьев протаяли воронки. С каждым днем они углублялись и расширялись, обнажая лесную подстилку.

На березах из образовавшихся за зиму морозобоин начался «плач». Под ближайшими к скиту деревьями расставили кадки. В них, особенно когда припекало солнце, тоненькой струйкой стекал сладковатый сок. Все с удовольствием пили его, а женщины, сражаясь с морщинами, ещё и умывались.

Как только подсохло, приступили к севу. Под огород распахали ещё одну делянку. Умница Марфа, когда покидали забайкальский скит, прихватила с собой в мешочках семена моркови и репы.

После сева и стройка закипела. Посреди двора воздвигли ладный молельный дом. Установили иконостас, привезенный в крепком, кованном железом сундуке. В центре — икона Святой Троицы в серебряной ризе. Рядом поставили особо чтимую икону Семистрельной Божьей Матери¹.

Четверым бобылям поставили ладный дом с украшением в виде конской головы на охлупе². (Пятеро из девяти холостяков к тому времени уже ожениться на девицах, рождённых ещё в дороге к Забайкальскому скиту, и в первые годы жизни в нём. Дочь Никодима — Настя, вышла замуж, по примеру отца, одной из первых в пятнадцать лет.)

Избы строили в традициях общинной жизни: глухим задом к ограде, лицом с оконцами к центру — «круговое поселение». Срубы все из кедра, только обитель наставника с молельней — из лиственницы. Внутри жилищ такая свежесть — не надышишься!

Потолки из тёсаных плах сверху промазали глиной и засыпали опавшей, но ещё не перепревшей хвоей. Венцы конопатили мхом. Оконца, с крепкими рамами, затягивали тайменевыми пузырями.

¹ Икона Богородицы «Умягчение Злых Сердец» в народе называется «Семистрельной», так как Богородица держит семь стрел (семь смертных грехов), направленных в её сердце. Так она берёт зло и грехи на себя, спасая нас. Этому образу более пятисот лет. По происхождению северорусская.

² Охлуп — конек крыши.

СКИТНИКИ

Выкладывали из дикого камня печи. Вокруг неё подвешивали к потолку жерди-перекладыны для сушки одежды и обуви. За печью полати — помост для сна.

В красном углу божница с образами. Вдоль продолговатого стола широкие лавки. По стенам деревянные «костыли» для одежды, домашней утвари, пучков травы; полки для чаш, больших и малых. Возле домов ледники, навесы для вяленья рыбы и мяса. Все поселение обнесли временной оградой, которую со временем заменили высоким частоколом из заострённых стволов лиственницы.

По праздникам братия собиралась в избе Маркела. Пели псалмы во славу Господа, милостивого к ним каждодневно. Слушали игру свирели или рожка доморощенного музыканта Онуфрия. Кто-нибудь тут же затягивал старинную песню. Их они знали во множестве, особенно Марфа и жена Онуфрия — Ксения. Остальные на голоса красиво подпевали.

Онуфрий из обычного рожка извлекал такие переливы, что у суровых скитников невольно выступали слёзы. Столько заветных воспоминаний пробуждали они! Кому-то слышался в них колокольный звон, запомнившийся с детства, кому-то колыбельная матери, кому-то торжественные службы в Ветлужском монастыре, а кто-то заглядывал в укромный уголок своей души...

В пору обживания нового пристанища в мир не выбирались. Дел и так было с избытком. Помимо стройки, заготовки даров тайги и сельхозработ выделявали шкуры добытых зверей. Сучили из конопли и крапивы волокно и ткали из него половики, мешки, а из конопли ткали полотно даже для одежды.

В первые два года из-за малой площади пашни они старались экономней использовать ржаную муку, смешивая её с мукой из рогаза. Чисто ржаная шла лишь на просфоры и хлеба в дни двенадцатых праздников. Интересно, что на протяжении многих лет наблюдалась благоприятная для урожая закономерность: на следующий день после завершения сева пашню поливал обильный дождь.

Несколько дуплистых деревьев, заселенных пчелиными семьями, развели еще в первый год. После Медового Спаса Никодим взбирался на помеченные деревья и, оберегаясь дымарем, осторожно

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

вынимал часть заполненных янтарным медом сот для лакомства в праздники и приготовления лекарственных снадобий. В хороший год собирал до двух пудов.

ПОСЕЩЕНИЯ ЯРМАРКИ

Громада безлюдного пространства и непроходимые горы надежно укрывали новорожденный скит от мира. Старолюбцы основательно обжились в щедром кедровом урочище, постепенно расширяя для себя границы приютившей их Впадины.

Четыре года они не покидали ее пределов. Но на пятый, после Великого поста, необходимость пополнения огнеприпасов, инструмента и прочей утвари, а также соли принудила снарядить ватагу из четверых мужиков в казачий острог, возле которого каждый год проходила весенняя ярмарка. Помянули добрым словом схимника, который не поленился изобразить, как из Впадины пройти к нему. Слава богу, острог находился не на западе, а на востоке и не нужно повторять страшный путь через пороги Глухоманки до Чертовой пасти.

Чтобы было на что менять товар, скитники всю зиму промышляли пушнину: в основном ценного соболя и носкую выдру. А еще летом, наученные когда-то Лешаком, намыли немного шлихового золотишка.

Путь к острогу пролегал через восточный стык Южного и Северного хребтов. Ходоки шли на снегоступах вдоль тропы-борозды, набитой горными баранами. Местами встречались их лежки, клочья шерсти, старый и свежий помет. Похоже, животные обитали здесь давно, добывая корм на малоснежных, прогреваемых солнцем террасах.

Тропа вилась по отвесным кручам, тесным карнизам, нередко зависала над жуткими безднами: вниз глянешь — озноб пробирает до пят.

Наконец головокружительные участки остались позади. Скитники выбрались на перевальную седловину и, перейдя на восточный склон, нашли безветренное место. Вырыли в снегу яму. Расстелили мягкие олени шкуры, поужинали и легли спать, прижавшись друг к дружке. Сквозь меховые одежды холод не проникал, спалось крепко. С восходом солнца начали спуск.

СКИТНИКИ

Сойдя на пойму какой-то речки, путники на третий день соорудили на нижних ветвях старой березы лабаз. Сложили в него часть припасов для обратной дороги: лепешки, вяленое мясо, комки мороженой брусники, все это укрыли корьем и придавили парой валёжин. После этого двинулись на север по ровной белой ленте с многочисленными нартовыми следами — оленные эвенки на ярмарку проехали. Благодаря накатанной дороге ходоки одолели оставшийся путь до острога за два дня.

Располагался он на высоком береговом куполе у подножья, изъеденного ветрами кряжа. В начале XVII века здесь заложили казачий пост, разросшийся со временем до деревянной крепости с двумя сторожевыми башнями: «воротной» — с выходом к реке и «тынной» — с бойницей и пушкой, направленной в сторону леса.

В этих диких и безлюдных местах острог являлся важным опорным пунктом для продвижения промышленного люда на восток и был известен всей округе. В обязанность служивых также входил сбор ясака с местного населения. Сюда в каждую весну съезжались на оленьих упряжках окрестные якуты, кочевники-эвенки и купцы с Аяна. Шумное многодневное торжище проходило прямо на реке, перед крепостью.

В такие дни к столбам печного дыма острога, подпирающие остекленевший от мороза небесный свод волнистыми, расширяющимися вверх колоннами, прибавлялись десятки дымов из чумов кочевников и промысловиков. Дым, поднявшись до вершин горных гряд, смешивался слабым течением ветра в одну белесую крышу, зависавшую над ярмаркой, будто специально для защиты многоликого торжища от стужи.

Пространство перед острогом заполняли нарты с товаром. На одних пухлые связки мягкой рухляди¹, туеса с брусникой, мешки с орехами, мороженой дичью. На других тюки с чаем и табаком, свинцом и порохом, мешки с сахаром и солью, ящики с гвоздями и скобами, топорами и ножами, рулоны материи, горы посуды. Отдельно, под присмотром казака, продавали ружья, боеприпасы.

Тут же ходили поп с дьячком. Батюшка читал проповеди, вёл беседы, увещевал эвенков и якутов креститься в православие.

¹ Рухлядь — пушной товар, меха.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Торговый люд тоже времени даром не терял. Поил «сердитой водой» доверчивых инородцев и скупал у захмелевших за бесценок таежные дары. С особым усердием выманивали соболей. Видя такой грабеж, скитники брезгливо отворачивались:

— Экая срамота! Не по совести поступают, а еще православные!

— Ровно басурмане какие. В прежние времена такого нечестия и в мыслях не допускалось.

А эвенки, дивясь пристрастию русских купцов к собольему меху, наоборот, ещё посмеивались над ними промеж собой:

— Луча¹ — глупый люди. Соболь любят, оленя — нет. Соболь — какой толк? Мех слабый, мясо вонючий. Олень — много мяса, мех тёплый.

Непривычные к обилию народа, многоголосому гаму и толчее скитники, чтобы побыстрее покинуть шумное скопище, не торгуясь, поменяли рыжьё и пушнину на надобный товар. Самым трудным оказалось найти писчей бумаги для Никодима.

Из острога уходили кругами — следы пугали.

В скиту, «опоганенные», не заходя в избы, долго мылись в бане, стирали облачение — скверну смывали. Над доставленным грузом Маркел прочитал очистительные молитвы.

Того, что принесли ходоки, хватило общине на два года. В очередной поход на ярмарку определили Изота — старшего сына Глеба, Елисея, сына Никодима, и Колоду, назначенного у них старшим.

На обратном пути, утром второго дня, когда скитники переходили замерзшую реку, неподалеку от места впадения в нее ключа Елисею показалось, что впереди вроде парит, и предложил обойти опасное место.

— И то верно, прямо только вороны летают, — поддержал Изот. Но Колода, не любивший долго размышлять и осторожничать, в ответ прогудел:

— Коль охота ноги по заламам ломать, идите, а я по чистому пойду.

Молодые не решились послушаться старшего, последовали за ним.

¹ Луча (эвенк.) — русский.

СКИТНИКИ

Истончившийся под покровом снега лёд не выдержал тяжело нагруженных ходоков — они разом оказались по грудь в воде. Мощное течение теснило их. Тем не менее скитники сумели скинуть ношу на край образовавшейся полыньи. Теперь следовало как-то выбраться самим. Первым вытолкнули на лед молодого и легкого Изота. Следом Колода подсобил Елисею.

— Оттащите поклажу и киньте мне веревку. Она сбоку торбы приторочена, — скомандовал он.

Исполнив все в точности, Изот с Елисеем принялись вытягивать старшего. Когда Колода наконец оказался на льду, закраина не выдержала, скололась, и веревка выскользнула из окоченевших рук ухнувшего с головой в воду скитского богатыря. Подхватив добычу, чёрная вода немедля затянула его под лед...

Поскольку до Впадины было ещё далеко, обледеневшие скитники решили бежать по следу эвенкийских упряжек, проехавших накануне, в надежде добраться до стойбища, расположенного где-то у подножья Южного хребта. Перетащив всю поклажу к приметному своей расщепленной вершиной дереву, засыпали её снегом...

В тех местах, где нартовая колея проходила по безветренным участкам, она была непрочной и часто проваливалась под ногами парней. Затрудняла движение и оледеневшая одежда. Тут ещё не вовремя налетела густеющая на глазах поземка — поднимала голову пурга.

— Сил нет... Надо остановиться! — прокричал, захлебываясь ветром и колючими снежинками, Изот.

Чтобы окончательно не застыть, повалили поперёк нартовой колеи ель и забрались под ее густые лапы. Дерево быстро заметало. Внутри, под пухлым одеялом, было тихо и тепло. Стремясь поскорее согреться, ребята обнялись. Над ними со свистом и воем неистовствовала стихия...

Припозднившаяся оленья упряжка, ехавшая с ярмарки, уперлась в высокий сугроб. Собаки, почуяв людей, принялись с лаем копать в нем. Эвенк Агирча с дочерью Осиктокан¹ разглядели в прорытой норе меховой сапог. Раскидав снег и раздвинув ветви, они обнаружили двоих бородатых лучи. Вид их был ужасен: безучастные лица, заин-

¹ Осиктокан (эвенк.) — звездочка.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

девшиеся волосы. Но люди, похоже, были живы. Переложив их на шкуры, покрывавшие нарты, эвенки развернули застывшие коробом зипуны, распорили рубахи и принялись растирать замерзшие тела мехом вывернутых наизнанку рукавиц. Грудь Елисея постепенно краснела, и вскоре он застонал от боли. Бедняга Изот так и не отошел. В чум привезли одного Елисея...

Глядя на покрытое водянистыми пузырями, багровое тело обмороженного, в стойбище решили, что луча не жилец. Лишь черноволосая, смуглолицая, с брусничного цвета щеками Осиктокан, которой очень понравился красивый бородатый русский, продолжала упорно выхаживать его: мазала омертвевшую кожу барсучьим жиром, вливала в рот живительные отвары. И выходила-таки парня! Она не отходила от него ни на шаг, даже когда тот совершенно оправился.

Когда Елисей заглядывал в её добрые, лучистые глаза или держал в руках её маленькие нежные руки, его сердце невольно сжималось.

Знакомясь с жизнью стойбища, он сделал для себя неожиданное и вместе с тем приятное открытие: эвенки, вопреки бытовавшему в их скиту представлению, одевались опрятно и красиво. Особенно женщины: юбки широкие, яркие, на груди и шее ожерелья из серебряных монет. На ногах лёгкие унты, сшитые из оленьей замши и украшенные замысловатым орнаментом. На первый взгляд женщины казались необщительными и даже замкнутыми. В самом деле они были приветливые и доверчивые.

Пролетел месяц. Елисею давно следовало вернуться в скит, однако молодые никак не могли расстаться. Агирча уже стал лелеять надежду породниться с высоким, статным русским. Но Елисей, воспитанный в правилах строгого послушания, не смел, не получив дозволения, привести в скит хоть и крещеную, но не их благочестивой веры девицу. Объяснив всё это Агирче, он попросил его подвезти до места, где осталась лежать их поклажа.

Эвенк утром набрал мелкими кругами ременный аркан — маут. По рисунку ветвистых рогов опознал свою любимую важенку и метнул аркан. Кожаное кольцо зависло над насторожившимся животным и успело накрыть его до того, как важенка метнулась в сторону. Теперь главное — удержать дико скачущего и раздувающего ноздри оленя.

СКИТНИКИ

Почувствовав крепкую руку, важенька смирилась и, не сопротивляясь, дала запрячь себя. Собрав таким манером в упряжку четырёх оленей, они тронулись в путь. Агирча затянул свою протяжную песню и за два часа довез Елисея до приметного дерева.

Раскопав поклажу и отобрав самое необходимое, парень на подаренных Агирчѣй окамусованных лыжах направился домой.

Скитники, уже и не чаявшие увидеть никого из ушедших на ярмарку, возрадовалась и прониклись особым сочувствием к чудом выжившему ходоку. По погибшим Колоде и Изоту отслужили панихиду.

— Выходит, Господь так и не простил Колоде убиенную душу, не сменил гнев на милость, на суд призвал. Плохо, видать, мы тот грех отмаливали, — заключил наставник Маркел.

А вот просьба Елисея дозволить жениться на эвенкийке вызвала в общине небывалое возмущение:

- Окстись!
- Как мог удумать такое?
- Не по уставу то!

Тосковавший по любимой юноша совсем потерял голову. Её чудные, раскосые глаза манили, не давали покоя даже во сне.

Через несколько дней он попытался вновь заговорить о женитьбе с отцом и матушкой, надеясь заручиться пониманием и поддержкой хотя бы с их стороны, но получил еще более резкий отказ. Закручинился Елисей. Хмурой тучей ходил по двору. Будучи не в силах терпеть разлуки с любимой, решил на крайний шаг: тайно ушел к эвенкам и остался жить там с Осиктокан вопреки не только воле родителей, но и воле всей общины.

На очередном скитском соборе братия единодушно наложила на отступника анафему за самовластье и непочтение к уставному порядку.

Прошло два года. Когда снаряжали очередную ватагу в острог, Никодим, все эти годы переживавший за сына, обратился к Маркелу:

— Не гневайся, хочу об Елисее поговорить. Понимаю, нет ему прощения, но все мы человеки, все во грехах, як в грязи, валяемся. Един Бог без греха... По уставу оно, конечно, не положено в супружницы

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

чужих, но где девок-то брать. Сам посуды, своих мало — все больше ребята родятся. Даже из ветлужских до сей поры трое в бобылях. А эвенки всё ж народ чистый, новообрядческой церковью не порченный. Добры, отзывчивы, не вороваты — чем не Божьи дети?

— Размышлял и я о том. Книги старые перечитал. Девица, спору нет, молодец — спасла парня!.. Думаю так: ежели согласится она пройти таинство переправы¹ и креститься по нашему обряду с полным троекратным погружением, а oprичь того, даст пожизненный обет не покидать пределы Впадины, то, пожалуй, и повенчаем. Бог-то един над всеми нами, — согласился наставник.

Собрали сход. Долго обсуждали сей вопрос. Много было высказываний «за», не меньше «против». Выступил и отец погибшего Изота — Глеб:

— Братья, вдумайтесь: когда с нашими чадами случилось несчастье, эвенки не посмотрели, что они другого рода-племени — постарались спасти. Теперь случилось счастье: двое возлюбили друг друга — мы же препятствуем их счастью. Не по-божески поступаем.

После таких слов сердца и противников смягчились.

Ватага, отправленная в острог, на обратном пути разыскала по следам остроглавое кочевье. Одарив Агирчу многими полезными в хозяйстве вещами, старoverы увезли счастливого Елисея и его пригожую суженую в скит. Совершив все установленные обряды, молодых определили жить в поставленный накануне пристрой под крышей родительского дома. Вскоре Бог дал новокрещенной Ольге и прощенному Елисею премилую дочку Варю.

БОЖЬЯ КАРА

Появление молодой эвенкийки привнесло в быт скитников немало полезных новин. Она научила делать сухари из высушенной крови, вытапливать впрок жир, выпекать хлеба из муки сусака². Он оказался питательней, а главное, вкусней, чем из корневищ рогоза. В скиту его

¹ Переправа — переход в старoverство (смена веры).

² Сусак — растение полутора метров высотой с бело-розовыми зонтиками цветов, с толстыми крахмальными корневищами.

СКИТНИКИ

так и называли «Ольгин хлеб». Еще вкусней оказались ломтики корня сусака, поджаренные на светло-желтом масле кедровых орешков.

Со временем Ольга обучила скитских женщин шить из лосиных шкур торбаса — унты. Они были до того носкими, что служили до пяти зим без починки.

Через два года вновь снарядили троих ходоков в острог. Маркел по-отечески наставлял перед дорогой:

— Смотрите, поаккуратней там. Поосторожней в речах. Что надобно обменяли — и немедля обратно. Ненароком лишнее скажите — острожники враз загребут.

Несмотря на наказ наставника, один из ходоков, Тихон, впервые попавший на торжище, неосмотрительно пробурчал в бороду в адрес священника, склонявшего эвенков принять христианскую веру:

— И здесь от этих щепотников спасения нет!

Эти слова, сказанные мимоходом, вполголоса, казалось, никто не мог услышать, а получилось, что не только услышали, но и мстительно донесли. Казаки тут же взяли голубчиков под стражу и отвели в острог.

Как ни пытались они на допросе выведать у старообрядцев, откуда они явились и много ли их, те молчали, как истуканы. Лишь один раз Тихон сквозь зубы процедил: «Не в силе правда».

— Сколь можно этих упрямцев терпеть, — разозлился казак со свежим шрамом на лбу. — Неча им потачки давать. Надоть шомполами выпороть, дабы народ не смущали.

— Пустое дело. Оне все одно не отрекутся. Така порода, — возразил многоопытный старшина.

— А мне, братцы, все едино: хоть христь, хоть нехристь. Лишь бы человек уважительный был, по правде жить старался.

— Ты, паря, язык-то попридержи, еще припишут нам самим крамолу. Мало ли что у нас в голове. Служим-то государю, — одернул говорившего пожилой казак.

— Покайтесь, мужики, и прощение вам будет. Чего в глухомани маетесь? Себя и детей без общества изводите?! — попытался лаской увещевать старшина.

— Соль горькая, а люди не могут без неё. Хоть и трудна наша жизнь, но за веру умрём, а не поступимся, ибо она непорочна, со Христа не

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

правленая. С ней родились, с ней и на суд Господний взойдём, — твёрдо отвечивал за всех Тихон.

Изяв по описи золото и мягкую рухлядь в казну, раскольников до приезда казачьего атамана заперли в холодной, темной клети.

Бесстрашные, кряжистые бородачи в ней сразу как-то оробели.

— Ох и погано тут, — вздохнул после долгого молчания Тихон.

— Ты бы лучше помалкивал. Язык больно распустил. Что в скиту скажем? Товару-то теперича взять не на что. — сокрушался Мирон.

— Прежде удумать надо, как отсель выбраться. Может, покаяться: якобы отрекаемся от веры нашей, а как отпустят — так домой чесать? — предложил Филимон.

— Типун тебе на язык. Укрепи дух молитвой! Неможно так даже мыслить, великий то грех перед Богом! — возмутился Мирон.

На следующий день казаки бражничали по случаю именин старшины. В клеть через дверную щель потянуло сивушным смрадом.

— Как такую гадость пьют? Даже от запаха тошнит.

— Одно слово — поганцы!

Гуляли казаки долго, но после полуночи, вконец одурманенные, все же уснули. Оставленным без надзора арестантам удалось, накинув кожаный поясок на дверную чеку, сдвинуть ее и бежать.

До скита оставалось два дня пути, когда Мирон с Филимоном захворали, да так, что не могли идти. Тихон, запалив под выворотнем костер, уложил товарищей на лапник.

Больные всю ночь бредили от сильного жара. У обоих перехватило горло. К утру от удушья помер Филимон. Тихон топором вытесал из отщепы лопату, отгрёб с кострища угли и, выкопав могилу, похоронил товарища. Мирону же немного полегчало, и они двинулись дальше. С трудом одолев двенадцать верст до лабаза с припасами, ходоки впервые со дня заточения поели.

Тихон соорудил из сухостоин жаркую нодью¹; из снежных кирпичей — защитную стенку и лег рядом с Мироном на лапник. В тепле

¹ Нодья — костер для ночлега: промеж четырёх кольев кладут два достаточно толстых сухих ствола; жар и скорость горения регулируют приподниманием или опусканием верхнего ствола клиньями.

СКИТНИКИ

сон сморил обоих: благо нодья горит долго и жарко. Когда Тихон проснулся, напарник был мертв — снег не таял на его лице...

К скиту он подходил в поздних сумерках. В кедровом бору было совсем темно, но над лоскутами пашен, укрытых осевшим крупнозернистым снегом, еще держался бледно-серый свет. У тропы, в замерзающем роднике, как всегда, услужливо качался берестяной ковш. Пахнуло дымом родных очагов. Между стволов проступили очертания заплота, над которым, предвещая мороз, поднимался прямыми, бугристыми столбами дым.

Подойдя к воротам, он отодвинул потаенный засов. Собаки признали и голос не возвысили. Из молельного дома неслось: «Аллилуйя! Аллилуйя!..» Взволнованный путник отворил дверь и, зайдя внутрь, в изнеможении повалился на пол.

Подбежавшие скитники уложили измождённого собрата на пристенную лавку:

— Остальные-то где?

— Бог прибрал, — едва прошептал Тихон.

Не поднимая глаз, он рассказал о постигших бедах.

— Господи, за что же наказание нам такое ниспослано?!

Все истово закрестились, ожидая, что скажет наставник.

— Не стоит нам боле в острог ходить, — заключил Маркел.

— И то правда, в остроге том нечисть. Одне бражники и табакуры, — добавил Тихон.

Но нашлись среди братии несогласные.

— Крот и тот на свет божий выбирается, а мы всё от мира хоронимся. Опостылела такая жизнь. Строгости пора бы ослабить. Вон русло реки туда-сюда ходит, а вода от того хуже не становится. Главное суть веры сохранить, — неожиданно выпалил младший брат Филимона — Лука.

Глава общины, всегда спокойный и чинный, вспыхнул от негодования. Он устремил на Луку взор, от которого тому вмиг стало жарко.

— Окстись, охальник! Поразмысли, что из твоих крамольных речей проистекает?! От истинного православия отойти возжелал? С нечистью спознаться захотел? Нет тому прощения ни в какие времена...

Перепуганный Лука покаянно пал ниц.

— Помилуй, отец родной, бес попутал, помилуй, Христа ради!

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— В нашем скиту ереси сроду не бывало! В яму нечестивца! Для вразумления! Пусть остудится, грех свой замолит. Наставник хотел было еще что-то сказать, однако от сильного волнения запнулся, а овладев собой, воскликнул:

— Прости, Господи, раба неразумного. Не ведает, что говорит!

Братия одобрительно загудела, закивала:

— Житие у нас, конечно, строгое, но иначе невозможно. Одному послабу дай, другому — так и иным соблазнам начнём уступать, а там и к диаволу прямая дорога. Про веру, про Бога забудем.

— И то верно, всякому богоугодному делу предыдет искуc. Со смирением надобно принимать то, что уготовано Господом во испытание крепости нашей.

Притихший народ разошелся по избам, а наставник всю ночь простоял перед иконостасом, отбивая земные поклоны:

— Много в нас, человеках, гордыни и своенравия. Помогите, Господи, единую крепость держать! Дай нам сил искусам противостоять, веру отеческую в чистоте сохранить. Отведи нас, неразумных, от греховных мыслей. Аминь!

Из глубокой земляной ямы всю ночь неслись причитания Луки:

— Нечистый попутал. Христом-Богом молю: простите! Пожалейте, околею ведь на холоде!

Сострадая, сбросили еретику охалку кедровых лап и широкую рогожу. В следующую ночь к нему втихаря пришла сердобольная Прасковья, жена Тихона. Спустила в корзине еду и воду. Лука воспрял было духом, но ни на второй, ни на третий день она не являлась. Он не ведал, что пророчества Маркела сбывались. В скиту начался лютый мор, и Прасковья, несмотря на старания Никодима, преставилась одной из первых.

Уловив на четвертый день отголоски псалма за упокой души, Лука уже не сомневался в том, что это его богохульное речение навлекло гнев Господа на обитателей скита. Дрожа всем телом, он истово шептал синими губами покаянные молитвы. Расслышав и назавтра обрывки отпевальной службы, отступник и вовсе отчаялся. Понял, что в скиту происходит нечто ужасное и общине не до него. Чтобы не умереть от холода и голода, Лука решил выбираться из ямы самостоятельно.

СКИТНИКИ

С упрямством обреченного принялся методично выковыривать в стенке обломками веток углубления, поднимаясь по ним всё выше и выше. Когда до кромки ямы оставалось четверть сажени, несчастный сорвался. Упал столь неудачно, что повредил позвоночник...

Крестов на погосте прибавлялось. Умирали все больше дети. У Никодима, вместе со сведущими в лекарском деле супружницей Пелагеей, дочерью Анастасией и невесткой Ольгой, в эти дни не было времени даже поест. Дотошно вчитываясь в лекарские книги, они пытались составить подходящее снадобье от косившей скит болезни. Зараза не пощадила и самих врачевателей: свалила и в несколько дней скрутила Пелагею...

Здоровые обитатели скита денно и ночью молились:

— Владыка вседержитель, Святой Царь, наказуя, не умервщляй, утверждай низ падших, поднимай низверженных, телесные человечьи скорби исправляй, молимся Тебе, Боже наш, рабов Твоих посети милостью Твоей, прости им всякое согрешение вольное и невольное. Боже наш, Тебе славу воссылаем ныне и присно, и во веки веков. Аминь...

После мора, изрядно опустошившего скит, Маркел собрал всех излеченных чудодейственным снадобьем, составленным-таки Никодимом, и объявил:

— Боле Впадину покидать не будем! Запрещаю даже думать о том! Кто ослушается — из скита будет изгнан навек!

Дня за три до этого подняли из ямы посиневшего, перемазанного глиной вероотступника Луку. Бедняга уже чуть дышал. Овдовевший Никодим, схоронивший во время мора ещё и совсем маленькую внучку Вареньку, из сострадания забрал увечного к себе и выхаживал его, как малое дитя, ежечасно растирая и разминая бесчувственные ноги, отпаивая целебными настоями и питательным молочком из кедровых орешков.

Горемыка поправлялся медленно, а ходить начал и вовсе лишь через месяцев пять. Но поврежденную спину согнуло так, что Лука при ходьбе почти касался земли перстами.

От перенесённого потрясения он укрепился в вере необыкновенно. Теперь он ни единым помыслом не допускал сомнения в необходимости

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

их затворничества. Со временем выучил на память многие своды Библии, составляющие Священное Писание христианства. Особенно близки ему были божественные откровения первой части Ветхого Завета. Сей библейский текст стал для него абсолютной и непогрешимой истиной. Перечитав все имевшиеся в скиту книги, иные по несколько раз, он многое осмыслил и глубоко прочувствовал. Стал одним из самых сведущих знатоков и ревностных поборников первоисточного православия.

Господь, видя столь глубокое покаяние Луки, великодушно вознаградил его за усердие, осветив разум способностью понимать самые мудрёные тексты. Даже наставник Маркел теперь порой советовался с ним по затруднительным разделам в трудах проповедников старообрядства. Любили они разбирать и спорные места в письмах несокрушимого протопопа Аввакума.

Тут они никак не могли прийти к согласию. Маркел считал, что если бы Аввакум со своими сотоварищами изначально не поддержали Никона, то Раскола бы не произошло. А Лука полагал, что Аввакум лишь попервости был с Никоном заодно, но видя, что изменения носят не только формальный характер, а вносят противоположные изменения в основы веры, включая провозглашение царя Помазанником Божиим и подчинение Церкви государству, был самым верным приверженцем истинного православия.

РОЖДЕНИЕ КОРНЕЯ

27 апреля 1900 года, как раз в ту пору, когда покалеченный Лука появился в доме Никодима, у Елисея родился сын — головастый, крепкий мальчуган. Покончив с родовыми хлопотами и уложив младенца в люльку, домочадцы помолились за здоровье новоявленного раба Божьего и матери его Ольги.

Малец необыкновенно оживил жизнь Никодимова семейства. Привнес в нее радость и отвлек от горечи недавних утрат. Нарекли новорожденного Корнеем. Это был удивительный ребенок. Малыш не доставлял родителям особых хлопот. Не плакал. Даже когда хотел есть, лишь недовольно сопел и ворочался. Подрастая, всегда сам находил себе занятие: пыхтя, ползал по дому, что-то доставал, поднимал, передвигал по полу, а устав, засыпал где придется. У малыша была ещё одна осо-

СКИТНИКИ

бенность, выделявшая его среди других детей скита — он не чувствовал холода. Уже на второй год бегал босиком по снегу. Став постарше, на удивление всем, купался зимой прямо в промоинах Глухоманки.

От него исходили волны тепла и доброты. Не только дети, но и взрослые тянулись к нему. Их лица при виде Корнейки озарялись улыбкой: как будто перед ними был не ребенок, а маленький ангел. Даже набедокурив, он поглядывал на старших искрящимися глазёнками так ласково и весело, что у тех пропадало всякое желание бранить. Внешне мальчуган сильно походил на деда. Лишь жесткие и черные, как смоль, волосы выдавали текущую в нем эвенкийскую кровь. Несмотря на то, что через два года после Корнея у Ольги с Елисеем родилась ещё одна дочь Любаша, для Никодима Корней на всю жизнь остался любимцем.

Так и оставшийся жить в их доме бездетный Лука тоже с удовольствием возился с подвижным и сообразительным пацанёнком. Калека так живо описывал Корнейке Жития святых и подвиги великих пустынников, что тот, несмотря на непоседливый нрав, слушал эти, пока, правда, мало понятные для детского разума истории, затаив дыхание и не сводя замороженного взгляда с выступавших вперёд длинных желтоватых зубов Горбуна. Мальчик боялся: вдруг они выпрыгнут изо рта и укусят?

Летом 1907 года Лука неожиданно исчез. Первые дни его усердно искали, а не найдя, решили, что калека сорвался в Глухоманку, на берегу которой сиживал часами, и его, немощного, унесло течением. Все жалели бедолагу, молились за него, но жизнь не терпит остановки: повседневные хлопоты потихоньку отодвинули это трагическое событие на второй план, и скитожители со временем забыли о нём.

БАРСУК

Осень. Пряные запахи вянущих листьев и трав заполнили лес. Спокойные зеленые тона Впадины и хребтов сменялись разноцветной мозаикой, яркость которой подчеркивалась особой прозрачностью воздуха. Заполыхали багрянцем рябины. Оранжевыми кострами запламенели лиственницы. Отливали золотом кроны берёз. Порывы ветра срывали отмирающие листья и укладывали их на мягкое ложе из уже опавших. Среди этой пестроты неизменным постоянством

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

выделялись зеленокудрые кедры, наштипованные увесистыми связками смолистых шишек, а в горах разбросанные по хитросплетениям ущелий островерхие ели и пихты. Вся эта хвойная рать бесстрастно взирала на лесной карнавал, но сама в нем не принимала участия. Наверное, из-за своего колючего характера.

Урожай брусёны в этот год выдался небывалым. В один из погожих сентябрьских дней почти все обитатели скита разбрелись по Впадине собирать любимую ягоду, сплошь усыпавшую низенькие кустики с мелкими яйцевидными листочками. Сборщики, чтобы побыстрее наполнить корзины, доили веточки двумя руками.

Корней, имевший привычку забираться в самую глухомань, заметил под обрывом у барсучьей норы лису. Забыв о ягодах, парнишка из любопытства стал наблюдать за ней. Вот барсук вылез из жилища и отошел в сторонку справлять нужду. В это время кумушка вынырнула из-за куста и юркнула в лаз. Пробыла она там недолго и покинула нору до возвращения барсука. А когда тот вернулся в «дом», оттуда сразу послышалось недовольное похрюкивание. Опрятный хозяин, любящий чистоту и уединение, брезгливо щуря маленькие глазки, очищал квартиру от зловонных испражнений, оставленных лисой. Нахалка на этом не успокоилась: она подбегала к норе и, лая, разрывала лапами отнорки.

Добродушный увалень, хотя и был крупнее и сильнее кумушки, терпеливо сносил эти мелкие пакости. Но, похоже, что наглость и упорство рыжей бестии в конце концов принудят его оставить просторное жильё и рыть новое. Корней сочувствовал барсуку, но вместе с тем и осуждал — такой большой, а постоять за себя не может! Самого же Корнея ожидал нагоняй от матери за полупустую корзину...

ОТШЕЛЬНИК

Никодим на десятое после смерти жены лето, когда Корнею шел девятый год, а внучке Любаше седьмой, уговорил-таки наставника Маркела благословить его на пустынножитие¹, дабы сосредоточиться на писании истории общины, поучений по лекарскому делу и молитвах за здравие скитской братии.

¹ Пустынь — уединенная обитель, лачуга отшельника.

СКИТНИКИ

Со своей сударушкой Пелагеей они прожили душа в душу немалый срок, и, оставшись без нее, Никодим, несмотря на то что был окружен любовью и заботой, чувствовал себя сиротой. Он уже давно замыслил удалиться в пустынь и при встрече с Маркелом часто заводил разговор на эту тему. Наставник наконец вял Никодиму, тем более что тот обещал не отгораживаться от братии и продолжать лечить и наставлять при нужде.

За седмицу Никодим с Елисеем и соседом Проклом сладили лачугу с двумя окошками для большего света у подножья Северного хребта, прямо возле студёного ключа. Переезд же затеяли в самое предзимье, когда злой ветер-листодер срывал с деревьев остатки осенних нарядов. Место нового проживания назвали Верхи. Находилось оно не так уж и далеко — всего в трех верстах от скита.

Правую половину стены опрятной, чистой обители заняли полки с книгами старинного письма, отобранные еще старцем Варлаамом, левая же заставлена его собственными рукописями и черновиками.

Здесь, в пустыни, Никодим, для пользы дела стал ещё больше внимания уделять наблюдениям за явлениями природы. Ничто не ускользало от его пристального взора и слуха, а великолепная память, подкреплённая записями в черновых бумагах, помогала сопоставлять и осмысливать все виденное и слышанное, делать верные умозаключения о причинах и следствиях подмеченных явлений. Отшельник с каждым годом все точнее и безошибочнее определял, какими будут лето, осень, зима. Что лучше сажать этой весной и в какую пору, когда откочуют олени, удачен ли будет сезон на пушнину, какие способы охоты будут уловистей.

Писал он острозаточенным глухариным пером на старославянском языке ровным почерком с затейливыми, фигурными буквами в начале каждого предложения. Чернила делал сам из берёзовой чаги с добавлением черничного сока. Для усмирения плоти старец иногда по несколько дней носил вериги, воздерживался от пищи. Со временем он так овладел собой, что, сидя на ледяном ветру, не мерз, а напротив, сосредоточившись, добивался состояния, при котором ему становилось жарко. В скиту, где его и без того изрядно почитали, стали поговаривать, что сие доступно только святым.

Скитожители по мере надобности хаживали к нему: кто за советом, кто за снадобьями, а кто просто поговорить. Он всех привечал с неиз-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

менной улыбкой и вниманием. Но самым желанным гостем для него был, конечно, Корнейка.

Никодим не жалел времени на внука, ибо давно пришел к твердому убеждению, что нет у человека дела важнее, чем воспитание в милых сердцу чадах стремления жить в любви, по заповедям Христа.

Мальчик относился к деду с детским обожанием, считая его самым лучшим и самым мудрым человеком на земле.

Поначалу, когда Корней был желторотым птенцом, дед подробно рассказывал ему об их многотрудном переходе через Сибирь, о жизни в забайкальском скиту, почему спешно бежали из него. Читал вслух предания старины, в книгах описанные. Слушая его, Корнейка любил разглядывать темные кожаные переплеты, вдыхать ни на что не похожий, особый запах пергамента, трогать медные и серебряные пластины накладок дорогих фолиантов и напрестольного Евангелия.

Никодим беседовал с внуком о Боге, рассказывал о мученической смерти Христа, его заповедях, о христопродавцах, поднявших руку на веками сложившуюся русскую обрядность, третье столетие гонимую и попираемую. Читал вслух книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, несшие в себе Слово Божье.

— Мир донельзя изалчился. Бога в людях не стало. О душе забыли. Совесть потеряли. Запомни: все бренно — и плоть и творения людские. Одна лишь душа бессмертна. Держи ее в чистоте, не пятнай, чтоб не гореть ей после смерти тела за грехи в аду, а вечно блаженствовать в Царствии Небесном, — поучал внука дед.

— Вот бы глянуть хоть одним глазком на то Царствие.

— Сие в земной жизни не исполнимо, но ежели твоё житие будет по совести, по Христовым заповедям, то Господь по завершении тобой земного пути может допустить в него.

— Деда, ты всё про совесть говоришь, а что это такое?

— Совесть — это глас Божий, звучащий в каждом человеке. Ежели живёшь по совести, стало быть, живёшь праведно, без греха. Посему, прежде чем что-либо сделать или сказать, прислушайся к ней.

Азбучке Никодим начал обучать внука сызмальства, когда ему едва стукнуло четыре года, ещё до занятий, проводимых наставником Маркелом со скитской детворой, достигшей шести лет. Чтобы заслужить похвалу деда, мальчонка усердно водил пальцем по страничкам, пытаясь сложить из букв слова.

СКИТНИКИ

Не только кровные узы, а и простота, сердечность отношений, взаимная потребность друг в друге способствовали их необыкновенной привязанности.

Когда Никодим удалился в пустынь, Корней частенько бегал к нему, помогать по хозяйству. Вместе с дедом готовил на зиму дрова, собирал орехи, ягоды, корни, попутно познавая лекарскую науку. А зимой, бывало, неделями жил в дедовой хижине, заваленной снегом. Какие это были чудные дни! Сколько полезного и интересного узнавал он, общаясь со старцем!

В одно из посещений Корней принес ему щенка по имени Простак. Дед обрадовался подарку, как малое дитя.

— Спаси Христос, внучек! Угодил! Давно хотел собаку, да всё недосуг было. Собака ведь — самое преданное существо. Она, как ни одно другое животное, наделена даром бескорыстной любви к человеку. Теперь будет с кем вечерами разговаривать.

Они тут же соорудили у входа в лачугу конуру и покормили новосёла свежей рыбой, предусмотрительно захваченной Корнеем.

* * *

Вечерело. Старец сидел у костерка неподалёку от хижины, выдвинув плечи вперед, что придавало его позе схожесть с орлом. Ветерок чуть шевелил длинные седые волосы. Простак, свернувшись у ног, сладко дремал. Время от времени он вздрагивал от глухого стука шлепающихся на землю созревших кедровых шишек.

По лежащему на земле стволу лиственницы к Никодиму деловито подбежал коричневый, с черными полосками на спине, симпатяга бурндучок — земляная белка. Встав на задние лапки и вытянув вверх тонкое тельце с прижатыми к груди передними лапками, он свистом принялся кланчить угощение.

Старец насыпал горку орешков и с детским любопытством наблюдал, как малыш торопливо запихивает их в защечные мешочки. Вскоре он набил орешков так много, что с трудом удерживал голову. Тем не менее зверёк продолжал лихорадочно заталкивать в рот остатки угощения: зима долгая, запас не повредит. И только после того как орешки стали буквально вываливаться изо рта, он, потешно ковыляя, понес драгоценный груз к норке.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Прибежавший из скита Корней, заметив сидящего на берёзе рябчика, сбил его метким броском камня. Ловко снял шкурку прямо с опереньем и, насадив тушку на заостренную палку, завертел над жаркими углями.

— Скоро поедим, — горделиво сообщил он деду.

Никодим в ответ глянул с укоризной.

— Чего-то не так, деда?

— Огорчил ты меня, Корнюша. Почто тварь Божью без нужды сгубил?

— Так поесть ведь...

— Ежели ты проголодался, орехов или меду в кади возьми. Не по нраву — масла лещинного с лепешками отведай, сливок из кедровых орешков попей. Для меня этот рябец в радость был. Летал, посвистывал, взор веселил, а ты удаль никчемную кажешь. Без особой нужды никого не надо лишать жизни. Даже дерево рубишь, помолись, дозволения испроси, по крайней нужде, мол, а потом в три раза больше семян посеи и непременно поблагодари Творца за дары. Это рачительно, по-хозяйски будет.

Погладив в задумчивости бороду, дед продолжил:

— По молодости и я тоже об этом не задумывался...

Тут Никодим опять замолчал. Поправив костерок продолжил:

— В матёрой Расеи то еще было. Сижу на зорьке в шалашике на берегу Ветлуги. Смотрю, опустилась на воду парочка крякв: селезень с уткой. И так стали они обхаживать друг дружку, такая радость и любовь, такое счастье исходило от них, что внутри у меня тогда все перевернулось. Ружье подниму, прицельюсь — а стрелять не могу... И так несколько раз. С тех пор охоту и бросил... Лучше уж погляжу, полюбуюсь на живых. До чего все они красивые и ладные! У каждого свой характер, свой порядок, свои привычки.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Весна 1914 года, щедро одарив Впадину теплом, умчалась на крыльях нескончаемых птичьих стай на север. Таежный край на глазах оживал, гостеприимно зеленел молодой травой и листвой, наполнился ликующим гомоном птиц, дурманящими ароматами си-

СКИТНИКИ

ренивых клубов багульника и белых облаков черемухи. Вдыхая их запахи, скитники ощущали радость в сердце: начинался новый круг жизни.

Ожило и унылое моховое болото, поросшее чахлыми елками, березками и окаймленное по окраинам черемушником. Сюда, по зову любви, с первыми намеками на рассвет, слетались, нарушая тишину тугим треском крыльев, глухари и глухарки. Сюда же медленно спускались с пологого холма, пощипывая на ходу лакомые кудри ягеля, олени. В подбирающемся к ним звериной поступью паренёк без труда можно было признать Корнея.

От деда и отца он взял и рост, и силу, и сноровку, а от лесом возвращенной матери-эвенкийки — врожденное чувство ориентировки, выносливость и способность легко переносить стужу. Все это помогало Корнею чувствовать себя в тайге уверенно и свободно.

Сегодня у него первая в жизни настоящая охота, благословлённая наставником. В руках тугой лук, ноги облачены в мягкие кожаные торбаса, скрадывающие звуки шагов.

Осторожно переходя под прикрытием кустов можжевельника от дерева к дереву, паренёк затаился у полусгнившего пня, обвешанного мхами. Он волновался — если промахнётся, то осрамится на весь скит. Табунок уже совсем близко. Отчетливо слышалось мягкое потрескивание отрываемого оленями ягеля, чавканье влажной почвы под широкими копытами.

Сейчас главное — не дать обнаружить себя. Все движения охотника сделались плавными, едва уловимыми. Олени все ближе. Вот лишь несколько суковатых деревьев, в беспорядке поваленных друг на друга, отделяют Корнея от ближайшего к нему рогача, но полоса некстати наплывшего тумана мешала прицелиться. Мускулы вибрировали от напряжения, сердце билось всё громче и чаще. И в эту самую минуту неподалеку с треском повалилась сухостоина. Табунок всполошился. Олени отбежали, к счастью, недалеко. Охотник замер в неудобной позе с занесенной для шага ногой.

Выручил союзник-ветер — зашуршал прошлогодней листвой. Наступило решительное мгновение. Человек бесшумно проскользнул сквозь завал и сблизился с рогачом на расстояние верного выстрела.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Как только бык стал поднимать голову, Корней отпустил стрелу с туго натянутой тетивы. Олень рухнул, не сделав и шагу.

Табун в течение какого-то времени в недоумении стоял, насторожив уши и осматриваясь. Потом, словно подхваченный порывом ветра, лавиной понесся прочь. За спиной паренька в это же мгновение раздался хриплый рев. Корней резко обернулся. Над кустами мелькнули бурые мохнатые уши. Ветви раздвинулись, и показалась огромная клинообразная голова. Зло блеснули налитые кровью глазки. Обнажив желтоватые клыки, медведь шёл прямо на него: он тоже скрадывал этот же табун и был разъярен тем, что двуногий помешал его охоте.

Давая понять, что хозяин здесь он, косолапый на ходу устрашающе рычал. Корней, зная, что звери хорошо чувствуют настроение и мысли на расстоянии, держался уверенно и не отводил твёрдого взгляда от приближающегося хищника. Это несколько остудило медведя: стоит ли нападать на могущественное существо, свалившее быка, даже не прикасаясь к нему?

Он в замешательстве потоптался и, рявкнув для острастки, нехотя повернул обратно. Но, удаляясь, то и дело оглядывался, угрожающе ворчал, надеясь, видимо, на то, что двуногий всё-таки уйдёт и уступит поживу.

Торжествуя двойную победу, Корней осмотрел оленя. Рогач оказался довольно упитанным для этого времени года. С трудом закинув добычу на спину, Корней зашагал в скит. Нести было очень тяжело, но ему не терпелось похвалиться знатным трофеем: добытого мяса скитским вполне хватит на четыре-пять дней. И только по истечении этого срока Маркел, если не случится наложение на пост, даст кому-то благословение на следующую охоту.

В дороге парнишке все чудилось, что кто-то следит за ним. Но, сколько ни осматривался, прощупывая взглядом кусты и деревья, ничего подозрительного не обнаружил. И все же ощущение, что за ним наблюдают, не покидало его.

«Неужто медведь идет следом? Вряд ли — он свой выбор сделал».

Корней, хорошо знавший повадки обитателей тайги, понимал, что никто из зверей по своей воле не станет обострять отношения с чело-

СКИТНИКИ

веком, признавая его особое превосходство. Превосходство не в силе, а в чем-то им самим не доступном и не понятном, дарованном свыше. Но ведь кто-то все же следил за ним! Он это чувствовал!

ЛЮТЫЙ

Лето выдалось знойным. Особенно томил июль. Алая земляника, напитанная солнцем, источала аромат, растекавшийся по лесу. Ласковый ветерок едва ворошил сонные от жары вершины кедров. Исполнив все родительские поручения, Корней побежал к каскаду водопадов на стыке Северного и Южного хребтов искупаться в бурливой, студёной воде. Хотя туда было верст девять, легкий на ногу парнишка одолел путь всего за час.

Он открыл это место давно, уж лет пять назад. И влекло его к нему не столько желание искупаться (были места и поближе), сколько стремление ещё раз полюбоваться на редкое по красоте зрелище череды белопенных сливов.

Уже за версту от них доносился волнующий сердце ровный гул. По мере приближения он нарастал, и вскоре воздух начинал буквально вибрировать от утробного рева воды, низвергающейся во Впадину по каменным уступам. Над самым высоким, четвертым по счету, к которому и направлялся Корней, всегда висели завесы водяной пыли. В солнечные дни в них трепетала, будто живая, многоцветная радуга. Высокий, противоположный Корнею берег, был сплошь утыкан дырочками стрижиных гнезд. Сами птицы стремительно носились в воздухе, охотясь за насекомыми. Из-за рева воды их стрекочущих криков не было слышно, отчего казалось, что это и не птицы вовсе, а черные молнии, разрезающие радужную арку на бесчисленные ломтики.

Берег, на котором стоял Корней, никогда не просыхал. Налетавшие порывы ветра то и дело орошали его волнами мороси, от которой прозрачнокрылые стрекозы, висевшие над травой, испуганно вздрагивали и отлетали на безопасное расстояние.

Скинув одежду, Корней нырнул в каменную чашу с открытыми глазами и, соперничая со стайкой пеструшек, поплыл к следующему сливу. Саженой за десять до него вынырнул и взобрался на теплую плоскую плиту, где бездумно наблюдал за хариусами, крутившимися в яме.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Возвращаясь по тропе в скит, Корней чуть было не наступил на что-то пушистое. Отдернув ногу, увидел в траве крохотного рысенка. Тот вздыбил шёрстку и устрашающе шипел. Мамаша лежала поодаль, в трёх шагах.

Парнишку удивило то, что она не только не бросилась на защиту детеныша, но даже не подняла головы. Такое безразличие было более чем странным. Приглядевшись, Корней понял, в чем дело, — рысь была мертва. «Что же делать с котенком? Пропадет ведь! Может, еще второй где затаился?»

Скитник пошарил в траве, но никого больше не обнаружил. Протянул руку к малышу — тот потешно фыркнул и вонзил острые, как иглы, зубки в палец.

— Ишь ты! Какой лютый!

Прижатый теплой ладонью к груди, тёплый комочек, пахнувший молоком и травой, поняв, что его уносят от матери, сначала отчаянно пищал, но ласковые поглаживания постепенно успокоили его.

Вид симпатичного усатика привел Любашу в неописуемый восторг. Они еще долго играли бы с ним, но мать посоветовала прежде покормить его. Дети, недолго думая, подложили рысенка к недавно оценившейся собаке в тот момент, когда та, облепленная потомством, блаженно дремала. Полуслепые щенята приняли чужака за собрата и не протестовали. Котенок быстро освоился в новой семье и даже сердился, если кто пытался отеснить его от полюбившегося соска.

Теперь, когда у Корнея с Любашей выпадало свободное время, они бежали на повесть¹ поиграть с потешным и милым рысенком. Особенно любила играть с Лютиком Любаша.

Поначалу поведение котенка мало чем отличалось от поведения молочных братьев, но к осени у него все явственней стали проявляться повадки дикой кошки.

Подросший разбойник частенько затаивался на крыше сарая или на нижней ветке дерева и спрыгивал на спину ничего не подозревавшего «братишки», пропарывая порой шкуру до мяса. Бедные собачата стали ходить по двору с опаской, то и дело нервно поглядывая вверх.

¹ Повесть — помещение под навесом.

СКИТНИКИ

За домом, под навесом, на жердях все лето вялились на ветру, разрезанные на пласты вдоль хребта хариусы и пеструшки. Как-то неугомонная сорока уселась на конёк крыши и воровато заозиралась по сторонам. Убедившись, что во дворе никого нет, перелетела на кончик жерди и, кося глазами, вприпрыжку, подергивая в такт длинным хвостом, бочком приблизилась к аппетитно пахнущим связкам. Вытянула шею — далеко! Скакнула еще раз. В этот миг затаившийся Лютый совершил стремительный прыжок — воришка даже не успела взмахнуть крыльями. Кот слегка сжал челюсти и удовлетворенно выплюнул воровку.

В конце февраля, в один из тех первых дней, когда явственно чувствуется, что весна уже не за горами, Корней обнаружил Лютого на подворье. Поначалу никто не придавал этому значения, полагая, что тот, как всегда, где-то затаился. Но кот не объявился ни на второй, ни на третий день. Мать успокаивала детей:

— Лютый не забыл и не предал вас. Просто люди живут среди людей, а звери — среди зверей. Лютый тоже хочет жить среди своих.

* * *

Молодая рысь, цепляясь острыми когтями, взобралась на склонившуюся над заячьей тропой лесину и распласталась на ней неприметным, благодаря пепельному с бурыми и рыжими отметинами окрасу, наростом. Увидев скачущего по тропе косоногого, Лютый напрягся, точно натянутый лук, и прищурил глаза — их блеск мог выдать его. Однако бывалый заяц в последний миг все же распознал затаившегося хищника и пулей метнулся в сторону. Силясь в отчаянном прыжке достать косоногого, кот влетел округлой головой в развилку молодой березы, да так неудачно, что в итоге его шея оказалась заклиненной между стволов. Попытки развести упругую рогатину лапами лишь усугубили положение — съехал под тяжестью тела еще ниже. Шея уперлась в основание вилки. Горло сдавливалось так, что зверь, извиваясь, захрипел от удушья.

По воле Божьей, Корней ходил в это время по лесу, выискивая на берёзах гриб чагу¹. Привлеченный странными звуками, он осторожно

¹ Чага — многолетний лекарственный гриб семейства тутовых. Развивается, как правило, на стволах березы в виде бугристого нароста черного цвета.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

подкрался и увидел Лютого. Кот из последних сил натужно всасывал воздух. Парнишка, выхватив из-за пояса топор, ловко подсек более тонкую ветвь развилки и, оттянув её, вытащил зверя из коварной ловушки.

Чуть живой кот, жадно дыша, распластался на земле, не сводя со спасителя полные благодарности желтые, с черными прорезями, глаза. Корней присел на корточке рядом и погладил друга по спине, ласково попрекая:

— Вот видишь, Лютик, ушел из дома — и чуть не погиб.

Отдышавшийся кот принялся, громко мурлыча, тереться о ноги спасителя.

— Очухался?! Пошли со мной чагу искать.

Кот согласно завилял хвостом-обрубком и побрёл рядом. Когда котомка наполнилась черными бугристыми комками лекарственного нароста, Корней повернул домой. Лютый проводил его, до заплота, но почему-то дальше не пошёл. Повернул в лес.

Через несколько дней они вновь свиделись. Кот приветственно мякнул, и Корнею показалось, что Лютый в этот раз намеренно поджидал его у тропы.

С тех пор они стали видеться довольно часто. Скитник даже приучил его являться на свист. При встрече он старался побаловать приятеля свежениной, кормя прямо с ладони. Лютый, даже если был сыт, никогда не отказывался. Перед тем как взять угощение, он, басовито мурлыча, терся о ноги и только после этого начинал есть.

Кот оказался не только преданным другом, но и внимательным слушателем. Когда Корней рассказывал ему про новости в скиту, о сестре Любаше, о скитских друзьях, Лютый всегда внимательно слушал, как будто всё понимал. Правда, когда слушать надоедало, вставал и тыкался в приятеля лобастой головой: мол, хватит болтать, пойдем гулять.

СНЕЖОК

Вечно угрюмый волк Бирюк цедил воздух носом. Густо пахло прелью, разомлевшей хвоей, дурманяще кадил багульник. Наконец сквозь эту мешанину в ноздри ударил самый желанный запах. А может, это только почудилось с голода? Но запах становился все сильнее. Волк присел и так глубоко вобрал в себя воздух, что шкура

СКИТНИКИ

плотно обтянула ребра. Вожденный дух, перебивая все остальные, так и застрял в носу. Зверь даже точно определил, откуда он исходит. Припадая к земле, обходя завалы, лужи талой воды и валёжины, он осторожненько направился на запах.

Лосиха, покормив теленка, два дня назад явившегося на свет, дремала, а сытый несмышлениш затаился неподалеку в сухой траве между кустов.

Бирюк подкрался совсем близко. Он отчетливо, до волоска, видел гладкий лосиный бок. Поджав задние лапы и напружинив передние, волк приготовился к прыжку. Он даже не волновался — добыча была верной. Мамаша, учуяв опасность, подняла голову. В этот миг на нее обрушился тяжелый серый ком: клыкастая пасть мертвой хваткой вцепилась в горло.

Захлёбываясь кровью, несчастная, стремясь отвести угрозу от детеныша, поднялась и, волоча на себе вгрызавшегося волка, побрела в чащу, стеляя, как человек. Сделав несколько десятков шагов, она повалилась на землю... Насытившись, хищник взобрался на скалистый утес и улегся в затишке понежиться на солнце.

— Жизнь прекрасна, — сказал бы волк, будь он человеком.

На останки лосихи, местонахождение которой разглашалось безостановочным треском сорок: «Сколько мяса! сколько мяса!», тем временем набрел Лютый. Он, конечно, не преминул полакомиться на дармовщину и, желая поделиться с другом найденным богатством, в тот же день привел к мясу Корнея.

Внимательно оглядев место трагедии, парнишка понял, что здесь поработал серый разбойник. Сажень в десяти в кустах кто-то шевельнулся, и донеслось призывное урчание рыси. Раздвинув ветки, скитник обомлел — в траве лежал лосенок, рядом сидел Лютый. Все лосята, виденные им прежде, были буровато-коричневые. Этот же имел совершенно иной окрас — его шерстка была бела, как снег.

— Какой ты умница! — похвалил Корней друга. — Смякитил, что дите без матери пропадет, меня позвал. Неужто помнишь, что и тебя так же спасли?

Кот тем временем, тщательно обнюхав малыша, принялся вылизывать его шерстку шершавой теркой языка. После этого принялся лобастой головой толкать малыша в бок, побуждать встать. Теленок,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

покачиваясь на широко расставленных, вихляющих ножках-ходулях, потянулся к «родителю».

В скиту отнеслись к появлению необычного лосенка по-разному. Кто-то настороженно, кто-то спокойно. А вот Любаша с радостью: она увидела в нем дитё, нуждающееся в её заботе.

Люди, живущие в тайге, волей-неволей относятся к ее обитателям почти как к домашним животным. И неудивительно, что время от времени то в одном, то в другом дворе нет-нет да появлялись осиротевшие барсучата, лисята, медвежата, зайчата или же покалеченные взрослые звери. И это было обыденно. Сама жизнь побуждала людей заботливо относиться и к диким животным.

Скитники и охотились-то только тогда, когда возникала необходимость в мясе, и то с дозволения Маркела. В посты же, а это не малый срок, зверей и дичь вообще не промышляли, поскольку ничего скоромного, то есть животного происхождения, употреблять в пищу во время постов нельзя.

Окрепнув или залечив раны, питомцы уходили. На смену им в скиту с удивительным постоянством, как будто по чьей-то воле, появлялись новые зверушки. Но белых лосят досель не выдвывал никто даже из стариков.

— Выродок! Как бы беды не навлек, — ворчали некоторые.

Корней с Любашей этим высказываниям не придавали значения, полагая, что в цвете шерсти нет греха. Напротив, грешно бросать беспомощную тварь в тайге.

Дети с удовольствием нянчились с малышом, однако, когда на дворе появлялся Лютый, лосенок неизменно отдавал предпочтение ему. Снежок так и считал его своим родителем, и пока его «мамаша» был рядом, ни на кого не обращал внимания. Кот тоже любил лосенка и по-отечески опекал его.

В разгар лета, возвращаясь домой с полными туесами жимолости, притомившиеся Корней с соседским Матвейкой прилегли на полянке в тени берёзы. В её вершине громко ворковал серо-сизый с зеленоватой шейкой вяхирь, в высокой траве без умолку стрекотали кузнечики, вдали куковала беспечная кукушка, повсюду весело щебетали разные пташки; над пахучими донником и медуницей деловито вились пчёлы.

СКИТНИКИ

Снежок пасся рядом, пощипывая мягкими губами сочную траву. Матвей задремал, а Корней, раскинул руки и лежа на спине, жевал дикий чеснок, наблюдая за пухлявыми облочками и парящим среди них беркутом.

Вдруг характер его полёта переменился: опускаясь всё ниже, он закружил над гарью, поросшей багульником. Круги стягивались все туже и туже. В какой-то миг птица, сложив крылья, камнем упала на землю и тут же взлетела. Мерно взмахивая крыльями, беркут набирал высоту с зайцем в когтях.

Провожая пернатого налетчика взглядом, Корней приподнялся и от изумления раскрыл рот: неподалёку от голенастого лосёнка сидел здоровенный волчище. Хищник, встретившись с взглядом человека, не проявил ни тени беспокойства и продолжал с любопытством разглядывать теперь их обоих поочередно.

— Ну вот! Пророчили, что белый лосенок к беде, а он, наоборот, даже серого приручил!

От этой мысли Корней тихонько хмыкнул. Простодушный лосенок закрутил большими ушами и недоуменно посматривал темными, окаймленными длинными ресницами глазами то на волка, то на человека. Серый, как будто смутившись, поднялся и, не оглядываясь, удалился.

На третье лето подкармливаемый всеми Снежок превратился в могучего красавца: горбоносая голова, увенчанная лопатами рогов, широкая грудь, длинные мускулистые ноги с крупными и острыми копытами, слегка сероватая белая шерсть, более тёмная в паху.

Пасся лось обычно неподалеку от скита, а зимой в сильные морозы и вовсе приходил ночевать в клеть, где специально для него держали душистое сено. Никого уже не смущал его необычный окрас. А после того как Снежок, используя свою недюжинную силу, перетаскал на волокуше изрядное число ошкуренных брёвен для постройки дома ожившемуся Матвейке, и вовсе зауважали.

Он стал для скитников незаменимым помощником. Ольга, обнаружившая в дальних заводях богатые заросли сусака, собирала там корни для всей общины и, навьючив лося полными торбами, доставляла их прямо к крыльцу. Елисей на санях, запряженных Снежком, вывозил из тайги дрова. А для Корнея лось вообще был вместо лошади. К деду

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

на заимку он теперь ездил только на нём. Что интересно, все хозяйственные работы Снежок выполнял с явным удовольствием.

Когда, одаренный превосходным слухом, лось улавливал призывное улюлюканье или свист друга, он иноходью бросался на зов, не разбирая дороги, тараня грудью подлесок, с легкостью перемахивая через завалы. Как только он подбегал, Корней запрыгивал на спину таежного вездехода, и, разыскав вместе с ним Лютого, всей компанией бродили по лесу. Со стороны троица выглядела весьма колоритно: впереди свирепого вида рысь, следом белый лось с лопатообразными рогами и черноголовым наездником!

Стоило Корнею почесать горбоносого друга за ушами, как Снежок замирал, и его мягкая губа расквашенно отвисала от удовольствия. Он готов был часами стоять так, не шевелясь, лишь бы не прекращалось это необыкновенное блаженство, но наездник уже шлёпал великана ладонью по крупу, требуя догнать кота.

Перед заходом солнца, когда спадала жара и исчезали овода, друзья обычно отправлялись к плесу, где плавали, плескались. Лютый же только делал вид, что купается: зайдет в воду по колено и фыркает у берега. Прогулка завершалась обычно у хижины деда. По дороге Корней собирал для него ягоды и травы.

Постоянное общение с лесными приятелями развило у Корнея способность по выражению глаз, мимике, движению ушей, хвоста, повороту головы, скрытому напряжению и еще чему-то трудно объяснимому улавливать настроение и желания не только Лютого и Снежка, но и других зверей. В его голове все эти мелкие штрихи складывались в понятные «фразы». А со своими друзьями Корнею удавалось объясниться даже взглядами: поглядели друг другу в глаза — и всё поняли.

* * *

Каждый год, с наступлением темных августовских ночей, когда звездам на небосводе нет числа, по холмам Впадины то здесь, то там нёсся низкий, хриплый рев рогачей, рыскающих по тайге в поисках невест, застенчиво прячущихся в глухомани и дающих о себе знать нежным зазывным пофыркиванием.

В один из таких дней молодой скитник, наколотив полную торбу кедровых шишек, возвращался домой. День уже покинул Впадину

СКИТНИКИ

и напоминал о себе лишь багровым отсветом на западе. С лесистого склона то и дело доносилось страстное мычание быка — призыв конкурента к схватке, победа в которой обеспечит благосклонность оленухи. Наконец на его вызов с поймы Глухоманки прозвучал долгожданный ответ: «Жди. Иду!» Корней сразу узнал этот голос — Снежок!

Бесшумно ступая, скитник направился к месту предполагаемой встречи соперников. Вот уже слышен стук рогов, яростное всхрапывание, треск веток. Вскоре мимо Корней по тропе пробежал, мотая серьгой¹, взмыленный сохатый. Похоже, бились быки крепко: у посрамлённого соперника на месте правого рога-лопаты торчал лишь короткий пенек.

Подойдя к месту схватки, Корней увидел стоящего на вытоптанном до земли пятачке Снежка. Тот торжествующе взирал на мир и имел необычайно гордый вид от того, что рядом свидетельница его триумфа — молодая важенка. Она тихонько приближалась к нему. Снежок нетерпеливо хоркнул. Важенка тут же отозвалась нежным мычанием и прибавила шаг.

Корней, радуясь за Снежка, повернул к избушке деду, чтобы похвастать победой своего любимца.

Олени же, прильнув друг к другу, принялись миловаться: ласково покусывать за уши, за холку, тереться скулами и... улыбаться.

От избытка чувств Снежок водрузил свою голову на шею трепещущей от волнения подруги и замер. Он явственно ощущал, как под бархатистой шкурой избранницы пульсирует горячая кровь. От этого тепла его сердце наполнилось блаженством... Это были сладчайшие минуты в их жизни!

Они были счастливы и не замечали ничего вокруг.

БЕРКУТ

Отчетливо видимая в синеве неба пара огромных птиц то скользила кругами, то поднималась так высоко, что превращалась в две черные точки, то зависала, то пикировала и вновь взмывала в поднебесье.

¹ Серьга — кожистый вырост под горлом, с кулак величиной, встречается как у лосих, так и у лосей.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Посреди Впадины, над тем местом, где они кружили, возвышалась скалистая гряда, напоминавшая силуэт сторбленного медведя. Налетавшись, величественные птицы спланировали на одну из её каменных зазубрин и замерли изваяниями.

Лет десять назад тогда еще молодой паре беркутов приглянулась эта одинокая скала, и они устроили на ней гнездо. Теперь оно представляло собой огромную кучу веток, вперемежку с перьями и костями. Подстилкой служил мох и верхушки пахучих веточек багульника. Орлы здесь чувствовали себя в полной безопасности: снизу гнезда не видно, а подняться к нему невозможно. Зато сами птицы могли обозревать прилегающие окрестности на десятки километров.

Как обычно в конце мая, в гнезде появилось яйцо, через два дня — второе. Теперь глава семейства летал добывать пищу один. Высмотрев жертву, камнем падал на неё и тут же, мерно взмахивая крыльями, поднимался уже с поживой в когтях.

Иногда орлица сходила с гнезда, и тогда на ее место спешил приресть супруг. А она разворачивала огромные крылья, потягивалась и взмывала в небеса размяться.

Настал момент, когда одно из яиц треснуло и в щелочке показался клювик. Он жалобно пискнул. Мать, отламывая крючковатым клювом кусочки скорлупы, помогла первенцу выбраться на свет.

Боже! До чего он был жалок и безобразен! Как дрожало покрытое мокрым пухом тельце! Но мать глядела на своё дитё с гордостью и нежностью. Правда, недолго: вместительный, малиновый изнутри клюв-колодец уже раскрыт и требует пищи. Отрыгнув птенцу мяса, орлица прикрыла его теплой грудью. Вскоре вылупился второй.

Птенцы были необычайно прожорливы и непрерывно требовали новых порций. Чтобы заполнить их бездонные утробы, родители по очереди без усталости промышляли леммингов, тетеревов, зайцев и прочую живность. Зато и росли малыши не по дням, а по часам, покрываясь бурыми перышками.

Чем старше они становились, тем бесцеремонней требовали пищу. Вконец измотанные родители пытались не обращать внимания на их раскрытые «кульки», но, не в силах терпеть душераздирающие вопли, теперь на поиски корма летали уже вдвоём.

СКИТНИКИ

Когда солнце пекло особенно сильно, кто-нибудь из взрослых оставался на скале и, расправив зонтом крылья, создавал для птенцов тень. Таким же способом укрывали их и от дождя.

В тот памятный тихий, безветренный день уставшая от бесконечных поисков корма мамаша парила в восходящих потоках, поджидая возвращения неумолимого супруга.

Тем временем беркутята, взобравшись на камень, беспрестанно хлопали крыльями и, подражая взрослым, пытались издать грозный клекот. Первенец, считавший младшего брата главным виновником нехватки еды, вероломно подскочил к нему и грудью вытолкнул из гнезда. Бедняга, то планируя, то беспорядочно кувыркаясь, полетел вниз...

Семья волков, пригнув головы к земле, рыскала в окрестностях горы Медведь. Внюхиваясь в следы, они старательно выуживали запахи, сулящие добычу.

Один из остромордых волчат, по примеру отца, гонял по траве туда-сюда, туда-сюда, неотвратимо приближаясь к затаившемуся в кустах беркутёнку. Пролетавшая в это время над скальной грядой орлица обратила внимание на то, что в гнезде только один малыш. Зорко оглядев окрестности, она увидела рыскающих у подножья гряды волков. Спланировав пониже, обнаружила и пропавшего птенца. Волчонок шел прямо на него. Мать, не раздумывая, спикировала, но кусты помешали с лёту прикончить молодого хищника. Орлица опустилась в стороне и, отвлекая внимание на себя, угрожающе защелкала клювом.

Перепуганный волчонок визгливо затыкал, призывая старших на помощь. Родители примчались тотчас. Они с двух сторон набросились на не успевшую взлететь грозную птицу, и волк, изловчившись, точной хваткой клыков ополовинил её крыло.

Забив что было силы целым, орлица попыталась подняться, но лишь неуклюже завалилась на кровотокающую култышку. Воодушевленные хищники вновь ринулись в атаку. Поняв, что в небо ей уже не подняться, птица опрокинулась через хвост на спину и, устрашающе клекоча, выставила страшные когти-крючья. Звери закружили вокруг, пытаясь напасть с тыла.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Услышав голос подруги, с неба на волка черным вихрем обрушился беркут. Восемь когтей-кинжалов вонзились в загривок и, приподняв, опрокинули зверя наземь. Мощный удар стального клюва оглушил его. Бесстрашный орел рвал когтями живот серого, когда ринувшаяся на вырубку волчица, сомкнув челюсти, обезглавила пернатого рыцаря. Добив и раненую орлицу, она подозвала перепуганных волчат. Вскоре от царственных птиц остались лишь две груды перьев.

Порыскав вокруг, волки обнаружили и затаившегося птенца. Не помогли тому ни хранимое им молчание, ни полная неподвижность. Слегка придушив орлика клыками, мать предоставила еще живую добычу выводку для забавы.

Израненный волк тем временем заполз под выворотень, чтобы никто не видел его последних мучений.

Ольга, ходившая с бабами по грибы, сообщила сыну о кучах бурых перьев у подножья горы Медведь. Когда Корней вскарабкался на орлиную скалу, то обнаружил в гнезде уже совсем сникшего от жажды и голода птенца. Увидев человека, тот с надеждой раскрыл клюв...

Через неделю орленок встал на крыло, но Корней еще долго подкармливал нового питомца, подзывая к себе особым свистом. Подрастающий беркут так привязался к кормильцу, что безбоязненно подлетал и брал пищу прямо из рук. Впоследствии, завидев с высоты своего спасителя, он трепещущей тучей внезапно налетал на него и, с трудом размещаясь на плече, складывал крылья, демонстрируя темно-коричневую с рыжиной грудь. Собрав золотистые перья на голове в хохолок, Рыжик заглядывал в лицо Корнея и, поблескивая желтыми глазищами, щелкал клювом. Парень гладил пернатого приятеля и угощал чем-нибудь вкусеньким: рыбой или дичью. Со временем Рыжик так избаловался, что, если лакомство не давали, дёрнув друга за волосы, обиженный, улетал. Пристыженный Корней сразу шел к речке, вынимал из ближней морды¹ пару рыбин и свистом возвращал беркута. Мир восстанавливался.

¹ Морда — ловушка для рыбы, сплетенная из гибких прутьев ивы или тальника.

СКИТНИКИ

СВОРА

В один из душных июльских вечеров волки, обитавшие в окрестностях Водопада, томилась на проплешины в ожидании сигнала разведчика. Над ними клубилась туча безжалостной, надоедливо звенящей мошкары. Чтобы согнать наседавших кровососов, серые трясли головами и совали морды кто в траву, кто в еловый лапник.

Наконец от подножья Южного хребта донесся вой, густой и немного расхлябанный. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, возвещавшим: «Чу-у-ую добычу». Спустя некоторое время вой вновь поплыл над тайгой, наводя на все живое безотчетный страх.

Отвечая вразброд, потянулись ввысь голоса встрепенувшейся стаи: «Слышим, жди!»

«Видящие» носом не хуже, чем глазами, волки затрусили цепочкой, то опуская, то вскидывая морды, стремясь не пропустить ни единого запаха. Беспшумно скользя сквозь непролазные заросли, мягко перепрыгивая через поваленные стволы и рытвины, звери готовы были в любой миг замереть или молнией ринуться на жертву.

Вел стаю матерый волчище — Дед. Он заметно выделялся среди прочих широкой грудью с проседью по бокам и более мощным загривком.

Звери, поначалу семенившие не спеша, учуяв вожделенный запах сохатого, перешли в намет. Густой лес не замедлял их бег: подсобляя хвостом-правилком, они ловко маневрировали между стволов и кустарников.

Горбоносый лось, дремавший в скалистой нише под обрывом, зашлышав вой, вскочил и, ещё не разобравшись, откуда грозит опасность, затоптался на месте. Увидев множество приближающихся из темноты огоньков, понял — схватки не избежать. Притиснувшись задом к отвесной скале и опустив голову, вооруженную уже окостеневшими рогами, бык приготовился к бою.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше все должно было развиваться по хорошо отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться ему в глотку, остальные в это время нападают с боков и режут сухожи-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

лия задних ног. Но, разгоряченный бегом и предвкушением свежей, горячей крови, Дед впервые совершил ошибку: сходу бросившись на быка, угодил под сокрушительный встречный удар — копыто проломило грудь. Зато подскочившие с боков волки сработали четко: лось осел на землю.

Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник — Смелчак — первым сомкнул мощные челюсти на горле быка и, дождавшись, когда тот, захлебываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на лежащего с проломленной грудью Деда, понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил его час! «Отныне я вожак!» — говорили его поза и грозный оскал.

Смелчак, выделяясь смелостью и силой, несомненно, являлся достойным преемником Деда. Он был настолько ловок и силен, что умудрялся прямо на ходу отрывать куски мяса от бегущей жертвы. А главное, обладал способностью подчинять сородичей своей воле.

Попирая справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда, он стал действовать нагло, руководствуясь только своими желаниями. И, что странно, волки подчинились. Это доставляло ему особое, прежде неведомое, наслаждение — наслаждение безграничной властью.

Способствовала уступчивости стаи и то, что оленей в тот год во Впадине расплодилось так много, что хищники безо особых усилий резали их чуть ли не каждый день. Обильная добыча упрочила владычество Смелчака и нескольких приближенных к нему угодников. Вокруг него вскоре образовалась как бы стая в стае. Питались волки столь хорошо, что шерсть приобрела особый блеск и при свете луны казалась серебряной.

Покорность стаи и заметное превосходство в силе довольно быстро растлили деспота. Предпочитая, чтобы, высунув языки, рыскали в поисках добычи рядовые волки, Смелчак со свитой подходили лишь, когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу отнимали ее силой, но мало-помалу сами добытчики свыклись с этим беспределом и, совершив набег, отходили в сторону в ожидании своей очереди. Изредка, когда охота ожидалась необременительно лёгкой, Смелчак, дабы размяться, тоже участвовал в ней.

СКИТНИКИ

Возможность играючи, без усилий, добывать пропитание, привела к тому, что и остальные, доселе вроде нормальные звери, втянулись в этот дикий разбой.

Скитники всё чаще натыкались в лесу на остатки зарезанных, порой даже не тронутых, оленей. Как-то обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела оглушенная потерей медведица. Безвольно опустив передние лапы, она раскачиваясь из стороны в сторону, горестно поскуливала. Люди ругали серых разбойников, но в то же время полагали, что «на всё воля Божья».

Волки, почувствовав себя хозяевами Впадины, стали бесцеремонно промышлять даже возле скита. Затравленные олени, ища защиту, всё ближе жались к заплоту.

Как-то табунок, в надежде, что волки не посмеют приблизиться к нему вплотную, расположился на ночь прямо у бревенчатого частокола. Не успели олени задремать, как встревоженно захоркал бык-вожак. Напуганные животные вскочили, сбились в кучу. Один из них вдруг принялся с силой, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько олени ни всматривались в безмолвный мрак, так и не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем рогач, взвившись на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом смерти.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из мрака со всех сторон, и вскоре табунок превратился в метущийся хаос: обезумевшие животные вскидывались, хрипели, падали, захлебываясь кровью. Резня продолжалась не дольше десяти минут. Когда поднятые лаем собак мужики уяснили, что происходит, и пальнули для острастки в черноту, было поздно.

Утром при виде множества туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, потрясенные скитники окаменели. Казалось, что даже белоголовые горы с немим укором взирают на столь бессмысленное побоище.

— Сие — проделки дьявола в волчьем обличии! Пора дать ему укорот! — возгласил Маркел.

Корней еще до этого случая, изучая по следам жизнь стаи, смекнул, что ею верховодит башковитый, но жестокий зверь. Скитник был уверен, что если ему удастся выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая паутину следов, он не единожды выходил

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

на место отдыха стаи, однако чуткий волчара, неизменно уводил её раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Смельчак тоже скрытно наблюдал за скитником. Корней чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он вскидывал ружье, зверь успевал исчезнуть — словно растворялся в воздухе. Просто дьявольщина какая-то!

Зная наиболее часто посещаемые шайкой серых места, скитники устроили с вечера засады на всех возможных проходах. Елисею с сыном достался караул возле ключа, отделявшего кедрач от осинника.

Натеревшись хвоей, они засели в кустах, держа ружья наготове. При свете луны вслушивались в ночные шорохи, редкие крики птиц. Вот привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхта, карабкался на косогор упитанный барсук. Забавлялись в осиннике зайцы. И только волков не было не слышно и не видно, хотя стая все это время бродила неподалеку, искусно минуя засады.

Среди ночи у Корнея на несколько минут возникало ощущение чьего-то взгляда, испытанное им еще во время первой охоты, но он так и не заметил Смельчака, вышедшего прямо на него. Волк некоторое время понаблюдая из за куста за давним противником и аккуратно увел стаю в путаную сеть отрогов.

Последующие засады также не дали результата. Лишь однажды, когда охотники насторожили самострелы, одного из волков стрела пробила насквозь. Живучий зверь с полверсты бежал, временами ложась на траву и пытаясь зубами вытащить стрелу. Скитники нашли его труп по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали — от волка исходила невыносимая вонь.

— Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно! — удивился Матвей.

— А то как же! Они же слуги дьявола, — пояснил Арсений.

После потери собрата стая словно испарилась. Через год ставшие уже забывать о ее существовании люди вновь были потрясены жестокой и бессмысленной резнёй в одном из распадков: большинство туш оленей лежали нетронутыми. Повторные облавы, пасти, луки на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата: предыдущие

СКИТНИКИ

уроки не пропали даром. К несчастью, Смелычак был настолько умён, что запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников.

Смышлёность вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, сообразил, как избавиться от блох, постоянно мучивших волков.

Как-то раз, переплывая речку, Смелычак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, он взял в зубы обломок ветки и стал медленно заходить с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на ветку, он разжал зубы.

А как-то зимой волки, обежав в поисках оленей все распадки и отроги, обнаружили наконец небольшой табунок. Но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: бдительные животные не позволяли приблизиться. Догнать же их по глубокому снегу узколапые хищники не могли. Вот если б весной по насту!

Интуиция подсказывала Смелычаку, что стаю выдает их резкий запах. Чтобы заглушить его, вожак перед набегом потерял о снег, политый мочой оленей. Остальные последовали его примеру. Эта немудреная процедура позволила подойти к табуну настолько близко, что удалось зарезать разом важенку и престарелого рогаца.

Случайно наткнувшись на пировавшую стаю охотники получили возможность расправиться с ней. Когда меткие выстрелы уложили двоих, звери тут же изрыгнули съеденные куски мяса и помчались широченными махами прочь. Одна из пушенных вдогонку пуля настигла замыкавшего цепочку волка. Смертельно раненный зверь зашатался. Изнемогая, повернулся к бегущим стрелкам и, злобно оскалившись, пошёл навстречу... Остальные члены стаи укрылись в окрестностях пещер, куда скитники никогда не заходили.

Корней не сомневался в том, что вожак есть порождение дьявола. Не мог же Господь наделить такими выдающимися способностями кровожадное чудовище!

Смелычак хорошо знал своих гонителей, а особенно Корнея, чужа в нем сильного противника. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого парня горел особый, отважный, огонь. Он страшил Смелычака, но вместе с тем непостижимым образом притягивал. Порождал желание схлестнуться, помериться силой взгляда.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Осмотрительно избегая прямой стычки с Корнеем, волк, дабы доказать свое превосходство, задумал прикончить его верного товарища — Лютого. Да и сама стая давно точила клыки на слишком независимого и оборотистого котяру. Но тот спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравнимо больше, чем у волков. Однако удобный случай своре всё же представился.

По изменениям в следах Лютого волки решили, что кот повредил лапу. И действительно, когда они увидели рысь на склоне отрога, та заметно хромала. Не воспользоваться этим было глупо, и вожак с ближайшими сподручными пустились в погоню. Спасаясь от преследователей, кот поспешил к массивному останцу. Бежал с трудом, а споткнувшись, даже неловко растянулся на камнях. Свора, окрыленная доступностью жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу. Но почти настигнутый кот успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде терпеливо караулил Корней с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди пошибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютого хитроумный замысел Корнея удался на славу. Кот, гордый убедительным исполнением роли увечного, подошел к другу. На дне пропасти лежали разбившиеся о камни разбойники.

Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смелычак, повинувшись своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Корнея, спускавшегося с вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие и на этот раз не обмануло его. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторожно поднялся по тропе и обнаружил, что все три волка из его свиты погибли.

Утрата своры приближённых потрясла Смелычака. Он вернулся в стаю, отдохавшую в глухом распадке, лишь на третий день. Волки дремали, блаженно развалившись в самых немислимых позах, в тени деревьев. Увидев Смелычака, они по привычке встали, но смотрели напряженно, даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство захватил Широколобый. Поняв, что вожак один, без свиты, он осмелел и открыто демонстрировал свое непочтение.

«Померяемся силой? Давай! Я готов!» — говорил он всем своим видом.

СКИТНИКИ

Смельчак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни последних лет не прошел даром: он утратил былую силу и ловкость. Однако, даже отдавая себе отчет в том, что, скорее всего, уступит Широколобому, Смельчак не мог добровольно отдать власть — гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый следил за каждым движением вожака. Приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности в победе. Вzbешенный таким непочтительным поведением Смельчак подскочил к самозванцу. Соперники, ощерившись, встали друг против друга, демонстрируя решимость отстаивать право на главенство. Стая наблюдала.

Уже были показаны белые, как снег, клыки, поднята дыбом шерсть на загривке, гармошкой сморщены носы, неоднократно прозвучал устрашающий рык, но звери с места не сходили. Наконец Широколобый, делая вид, что отступает, принудил Смельчака сделать бросок первым. А тот только и ждал этого — отпрыгнув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил вожака с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать загривок.

Смельчак, поняв, что ему не одолеть молодого, вырвался и метнулся в чащу. Еще никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а Смельчак все бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец добрался до местности, где зияли темные глазницы пещер. Эта окраина Впадины была богата зверьем, а следы людей отсутствовали.

Постепенно Смельчак свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать своё местоположение, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то стая Широколобого, перемещаясь по Впадине за стадом оленей, столкнулась со Смельчаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. Больше всего его задело то, что бывшая подружка отвернула морду, сделав вид, что не узнала.

От унижения Смельчак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

к верховенству, жаждой превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но приходилось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда: та не отходила от смертельно раненного супруга ни на шаг, а когда тот окошел, еще долго неподвижно лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смелчак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, где тот обнаружил падаль, и по его подсказке не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, переев изрядно протухшего мяса, Смелчак чуть не сдох. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали — у него тут же начинались рвотные позывы. Разучившись быстро бегать, он приноровился размеренно и упорно с присущей волкам выносливостью преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шел и шел, не давая намеченной жертве возможности передохнуть, подкрепиться.

Преследуемое животное поначалу уходило резво, металось, напрасно тратя силы, но постепенно шаг тяжелел, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх неминуемой смерти парализовывал жертву, лишал последних сил.

Смелчака же близость добычи, напротив, бодрила. Наконец до предела загнанное животное, смирившись с неминуемостью гибели, останавливалось уже безразличное ко всему. И, когда Смелчак подходил, даже не пыталось сопротивляться — расставалось с жизнью безропотно...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал: мало кому удавалось уйти от его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на лесине Смелчак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав налетные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи. Брюхатая осторожно брела по перекату прямо на него. Волк сглотнул слюну. От предвкушения возможности поесть свеженины в голову ударила кровь.

СКИТНИКИ

Когда лосиха остановилась под обрывом, чтобы дать стечь воде, Смелчак выверенным прыжком оседлал ее и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапного нападения мамаша, оберегая бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по хищнику. Тот, разжав челюсти, чуть живой отполз к воде, а потрясенная лосиха удалилась в лесную чащу...

Выполняя просьбу деда-травозная, Корней после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится и от долгого света Господня все травы животворным соком наливаются и вплоть до Иванова дня высшую меру целебности имеют, шел по высокому берегу, собирая лапчатку серебристую, необходимую для приготовления лечебного сбора прихворнувшему Матвейке. Приседая на корточки, с именем Христовым да именем Пресвятой Богородицы срывал ту траву так, чтобы не повредить корни.

Неожиданно Корней ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж холодок пробежал. Неужто Смелчак?! Он резко обернулся и вниз, у воды, увидел невзрачного, всклокоченного волка, но глаза сразу выдали его. Точно, Смелчак!

— Вот это встреча! Так ты, старый вурдалак, оказывается, жив?! — воскликнул Корней.

Волк вздрогнул и, прижав уши, замер. В его взгляде сквозили испуг и тоска. Ещё бы! Не было сил даже оскалить когда-то грозные клыки. Глаза заслезилась: то ли от жалости к самому себе, то ли от того, что трудно было мириться с участью обреченной жертвы.

Корней же смотрел на поседевшего зверя сочувственно, можно сказать, с грустью. Смелчак не выдержал, отвёл глаза, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент во взгляде Корнея вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворенность. Смелчак, почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

— Нечего плакаться, получил ты по заслугам.

Но просьба волка о пощаде и помощи была настолько открыто выраженной, что скитник смутился. Он спрыгнул с обрыва на галечную полосу и направился к Смелчаку. Тот в ужасе съёжился, дернул грязным, как дворовая метелка, хвостом и как будто всхлипнул. Шумно вздохнув, как-то сжался.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Не бойсь, лежачих не бьют. — Корней склонился над зверем и... наткнулся на угасающий взор...

Набрав травы, скитник вернулся в хижину и поведал деду о неожиданной встрече.

— Все как у людей, — задумчиво растягивая слова, проговорил отшельник. — Кто затевает раскол, сам от него и гибнет.

ГОРНОЕ ОЗЕРО

Исходивший Впадину вдоль и поперек Корней легко ориентировался среди холмов, ключей и болотин, покрывавших межгорное пространство. Никто лучше его не знал, где нынче уродилась малина, где крупней и слаще морошка, где пошли грибы. Зверье настолько привыкло к нему, что без опаски продолжало заниматься своими делами, даже если Корней проходил совсем близко. Он иногда останавливался возле них и говорил что-нибудь ласковое. Звери, насторожившись, слушали, а ему казалось, что они понимают его.

К восемнадцати годам Корней столь хорошо изучил окрестности, что ему стало тесно во Впадине. Он все чаще обращал свой взор на горные пики Северного хребта, манящие своим величием и неприступностью. Особенно любил молодой скитник наблюдать, как заходящее солнце красит грани хребта то в пурпурно-алый, то вдруг в лилово-зеленый, а чаще всего — в золотисто-желтые цвета.

Корней, как и все дети, во сне летал. Летал почему-то всегда над Впадиной. Во время таких воспарений он терял ощущение веса тела. С годами стал замечать, что если поднапрячь волю, то высота полёта начинает расти. Иногда ему удавалось взлететь до облаков, но как только он пытался дотронуться до пухлявых белых клубов, начинал стремительно падать. Неимоверными усилиями гася скорость, он приземлялся каждый раз на одну и ту же лесную поляну и тут же просыпался весь в испарине и обессиленный.

Став постарше, Корней стал думать о том, как бы научиться летать наяву так же, как и во сне. Стремясь развить эту способность, он, удаляясь в укромное место, закрывал глаза и часами представлял себя парящим, то над речкой, то над рокочущим водопадом, то над горными вершинами. Эти мысленные полёты порой уносили его далеко за

СКИТНИКИ

пределы Впадины. Богатое воображение, подпитываемое рассказами деда, как-то перенесло через бескрайнюю Сибирь, за Камень, в Ветлужский монастырь. То, что это именно он, Корней не сомневался. По рассказам деда и других первоскитников он представлял его так же явственно, как и родной скит.

Но сейчас монастырь ему виделся обезлюдевшим и разрушенным. Корней «вернулся из полёта» во Впадину с ощущением, что ему удалось необъяснимым образом прикоснуться к тайне.

После этого видения парнишка уверовал в то, что уже в нынешнем году сумеет пробудить в себе способность к полётам, но для этого ещё надо взобраться на самую высокую вершину Северного хребта. Оглядывая его склоны, Корней понял, что подниматься легче всего по ложбине, у основания которой находится пещерный скит. Он рассказал деду о своём намерении. Тот страшно рассердился и запретил даже помышлять о том.

— Деда, ты же знаешь, я шустрый — за день обернусь! — настырничал внук.

Поняв, что одними запретами не обойтись, Никодим вынужден был, взяв с внука обет пожизненного молчания, рассказать про благочестивого монаха, про страшный мор, выкосивший одноверцев, живших в пещерном скиту.

— Ведаем о том только я да Маркел. Ты третий, кому сия тайна доверена. Нарушишь обет, болтнёшь ненароком — не видать тебе Царствия Небесного. Человеки зело любопытны: найдется непоседа-ослушник навроде тебя, заберется, и тогда все мы вырем, яко те пещерники. Потому и наложили мы с Маркелом строгий запрет на посещение тех мест. — Тут Никодим внимательно оглядел внука, словно видел впервые. — А ты и впрямь вырос, возмужал... Я что подумал — ежели есть путь в стороне от тех пещер, то возражать не буду.

Помня условие деда, Корней несколько раз взбирался на скалу, торчащую неподалеку от Верхов и, разглядывая широкий предгорный уступ, упиравшийся в скаты хребта; отроги, иссеченные лабиринтами ущелий и трещин; гребни, утыканные стрельчатыми шпильями, намечал дорогу к вершине так, чтобы она проходила в стороне от пещер. В конце концов в его голове сложилось ясное представление о том, где идти, не нарушив дедов запрет.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

* * *

На первый уступ-террасу Корней взобрался без затруднений. Она оказалась много шире, чем представлялась снизу и была покрыта тучной, по пояс, травой. Там, где он шёл, в траве оставалась глубокая траншея. От окружавшей его безмятежности и раздолья ему даже захотелось повалиться с разбегу на перекатываемые ветром изумрудные волны и бесконечно долго лежать, слушая голос ветра и щебет птиц.

Сразу за террасой дыбились твердь высоченных гольцов с зелеными заплатками кедрового стланика. Среди них господствовал трехглавый снежный пик, от которого тянуло прохладой.

Там, где терраса упиралась в гольцы, взору Корнея открылась почерневшая от долгих годов небольшая часовня. Её кровля и нижние венцы поросли мхами. Неподалёку, на груде камней, возвышался потрескавшийся деревянный крест. Подойдя ближе, Корней увидел, что его поперечины покрыты резьбой со скорбными словами из Евангелия. На камнях, подле креста, лежал... букетик луговых цветов.

«Господи, помилуй! Неужто в пещерном скиту еще кто жив?» — со страхом подумал потрясённый путник.

Помолясь на потускневшую, изрядно облупившуюся икону Божьей Матери, висящую над входом, и поклонившись до земли, Корней с опаской заглянул в святилище. Темное снаружи, внутри оно излучало теплый медовый свет обтесанного дерева. В часовне было голо. Лишь резное распятие да пара потемневших образов. Выйдя из часовни, Корней почти сразу упёрся в провал с неподвижной чёрной водой.

Разморенный нараставшим зноем, Корней, не раздумывая, скинул одежду и, хотя в глубине души у него шевельнулось нехорошее предчувствие, нырнул прямо в слепящее отражение солнца.

Холодная вода обожгла, заполнила тело бодростью. От плеска волн между берегов заматалось гулкое эхо. Проплыв поперёк озера туда и обратно, Корней стал высматривать место, где можно было бы выбраться. Безобидные сверху, снизу берега выглядели по-иному: совершенно отвесные, местами даже нависали над ним.

Проклиная себя за неуместную прихоть, загнавшую в каменную ловушку, Корней лег на спину и, чуть шевеля ногами, глядя в голубой овал неба, принялся страстно просить у Господа помощи, но в ответ

СКИТНИКИ

с небосвода, как бы унося с собой последнюю надежду, уплывало одно-единственное облачко.

Вода в озере была такой студеной, что даже закаленный парень вскоре стал мёрзнуть. Озноб проникал все глубже и глубже. В голове пронеслось: «Неужто это конец?!»

Другой на его месте закрыл бы глаза, выдохнул воздух и погрузился в многометровую толщу, дабы без мучений обрести вечный покой. Корней же, напротив, принялся упорно плавать вдоль берега, высматривая хоть что-нибудь, за что можно зацепиться, но тщетно...

Вдруг спину что-то царапнуло. Перевернувшись на живот, Корней увидел в прозрачной воде, прямо под собой, гряду камней. Она тянулась пару саженой и, резко обрываясь, терялась в глубине. Приободрившийся пловец стал нырять и перекачивать легкие в воде глыбы в одно место. Когда над водной гладью вырос островок, выбрался на него, творя молитву:

— Господи Всемогущий! Не отведи милость Свою от раба Твоего неразумного. Отче наш, вразуми меня, грешного, спаси и сохрани. Во всем полагаюсь на волю и милость Твою. Аминь!..

Вот уже и светило скрылось за кромкой проема. Воздух резко охладился. Подкрадывалась ночь. Чтобы не замерзнуть, Корней перекладывал с места на место камни, приседал, размахивал руками, хлопал ими по бокам.

Скитник твёрдо верил, что Господь не даст ему сгинуть. Ведь Он уже подарил надежду — островок. Хорошо, что это было начало июля, когда ночи ещё коротки. Правда, взошедшее солнце осветило островок лишь к полудню. И сразу будто чья-то теплая, ласковая рука оживила съезжившегося на камнях человека. Уняв дрожь, Корней еще раз с надеждой прощупал цепким взглядом отвесные берега озерца и, в очередной раз убедился, что самостоятельно отсюда ему не выбраться.

Перед его мысленным взором неожиданно возник скромный букетик у креста. «Кто-то же положил его туда! И совсем недавно!» Корней принялся еще истовей просить Бога ниспослать ему в помощь того ангела или человека, который оставил цветы. Шли часы, но ничего не менялось.

Все требовательней заявлял о себе голод. Темноспинные рыбины, словно дразня скитника, то и дело подплывали к островку. Корнею

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

удалось камнем оглушить одну из них. Сырое мясо успокоило желудок.

К вечеру некстати зарядил дождь. Он лил, то ослабевая, то набирая силу, почти сутки. Корней продрог настолько, что уже не был в состоянии не только бросить, но и поднять камень — дрожь сотрясала скрюченное на островке посиневшее тело...

* * *

Громадный беркут, широко распластав крылья, парил в промытом дождём лучезарном поднебесье, наслаждаясь своей способностью подниматься выше самых высоких пиков, не прилагая никаких усилий.

В овальном зеркале озерца рядом со своим отражением беркут увидел островок, которого прежде не было, и лежащего на нем человека. Острое зрение позволило даже с заоблачной высоты признать в нем своего спасителя и друга — Корнея.

Рыжик радостно заклекотал и, камнем спикировав, сел рядом. Как всегда, подергал клювом за волосы. Человек приоткрыл глаза, но и это усилие оказалось для него чрезмерным: веки тут же сомкнулись. Подождав немного, беркут повторил попытку разбудить приятеля, но ответом был едва различимый стон.

Сообразив, что с другом неладно, добропамятливый беркут решительно расправил крылья и одним великолепным взмахом поднялся в воздух. Расстояние до скита он одолел за несколько минут. Шумно опустившись перед Ольгой, занятой выделкой оленьих шкур, ухватил клювом подол юбки и дёрнул на себя.

— Что, Рыжик? Проголодался? — Ольга вынесла с ледника мяса, но беркут, не обращая на угощение внимания, принялся дёргать еще требовательней. Отлетая и вновь возвращаясь обратно, он как бы звал её за собой. Необычное поведение встревожило женщину.

«Неужто с Корнеем что стряслось?» — подумала она и кликнула мужа. Рыжик сразу переключил своё внимание на вышедшего из избы Елисея и стал дёргать за штанину его. Было очевидно, что беркут просит следовать за ним. Сердца родителей сдавил обруч нехорошего предчувствия.

Позвав соседа Прокла с сыном Матвейкой, Елисей, спешно побросал в котомку еду, котелок с кружками, связки веревок, сплетенных

СКИТНИКИ

из сыромятины. За кушак сунул топор. Когда мужики смекнули, что беркут ведет их в сторону запретных пещер, они несколько оробели и замедлили шаг. Но птица настойчивым клёкотом требовала продолжать путь.

С опаской поднявшись на уступ-террасу в полуверсте от пещер, люди увидели, что Рыжик сидит на шпиле невесть откуда взявшейся часовни у самого подножья вздыбленного хребта. Скитники, не сговариваясь, бухнулись на колени и принялись истово креститься, класть поклоны.

Рыжик тем временем слетел с часовни и скрылся в траве.

Мужики, осеняя себя крестным знамением, двинулись к тому месту, где исчез беркут. Вскоре наткнулись на лежащие в траве вещи Корнея. Пройдя по высокой траве несколько шагов, увидели провал, частично заполненный водой. Посреди недвижимой глади на камнях лежал, свернувшись калачиком, голый Корней. Сверху казалось, что он спит, положив ладонки под щеку. Рядом сидел Рыжик.

Елисей скинул одежду, достал моток верёвки и, передав один конец Проклу, спустился к воде. Доплыв до островка, он обвязал бесчувственного сына и, поддерживая его голову, погрёб обратно. Стоящие наготове Прокл с Матвейкой вытянули наверх сначала Корнея, а следом и самого Елисея.

Влив в рот горе-путешественнику живительный отвар золотого корня, отец надел на него свою сухую рубаху. На лбу Корнея выступила испарина. Он задышал глубже и открыл глаза.

— Слава богу! Очухался!

— Тятенька! Матвейка! Откуда вы?

— Помолчи, родимый! Дома будем объясняться! — произнес Елисей. Он безмерно любил сына, но внешне чувств никогда не проявлял. А тут прорвало. Скупые слезы катились по его загорелым щекам в густую бороду.

— Доброе сердце у тебя, Корнюша, вот и послал Господь за нами твоего спасителя — Рыжика... Кабы не он, не свиделись бы, пожалуй, боле на этом свете.

Покормив Корнея и беркута, счастливые скитники долго молились, не стесняясь излить благодарность и любовь Царю Небесному за чудодеяние.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Корнюша, а что это за чело¹ в бреге? Мне поблазнилось даже, что там лестница, — вспомнил Елисей, когда они уже спускались на Впадину.

— Я ничего такого не видел.

— Похоже, озерцо-то непростое, — задумчиво пробормотал себе под нос отец.

ГОРБУН

В скиту было много пересудов. Каждый на свой лад толковал происхождение часовни, креста возле неё. Дивились необычайным обстоятельствам спасения Корнея.

— Смотри-ка, птица, а с понятием! Добро помнит! — хвалили Рыжика.

Братия полагала, что после столь сурового урока непоседа Корней наконец уgomонится. Некоторое время он и впрямь далеко не отлучался, а работы по хозяйству исполнял с особым усердием и рвением. Но душа по-прежнему звала в дорогу. Да тут еще слова отца о каком-то челе в отвесном бреге разбередили воображение. Горы пуще прежнего манили его.

Природа тем временем обильно рассыпала по их склонам осенние самоцветы — щедрый дар перед зимним сном. В эту благодатную пору у Корнея, как и у перелетных птиц, всегда возникало неодолимое желание к перемене мест, и он отпросился у отца на несколько дней к деду Никодиму под благовидным предлогом помочь тому в преддверии холодов. На самом же деле он замыслил всё же совершить восхождение на самый высокий пик Северного хребта.

К хижине отшельника молодой скитник подходил в темноте. Из оконца приветливо струился мягкий золотистый свет. И таким уютным и желанным показалось ему дедово пристанище! Сколько счастливых часов таилось там, за мутным пузырьём, натянутым на крепкую раму!

«Сейчас, при свете потрескивающего фитиля, деда наверняка записывает в лежащую на коленях² тетрадь свои памятки», — предположил Корней и не ошибся.

¹ Чело — отверстие, лаз.

² У старообрядцев писать на столе — большой грех.

СКИТНИКИ

— Здравствуй, радость моя, — встретил его старец, поднимаясь с топчана с глухариным пером в руках. — Ты как будто мысли мои прочел. Помощь твоя нужна. В «Травознаях» вычитал про одну много-полезную травку. Судя по описанию, в наших горах тоже должна расти. Посмотри, вот она на картинке изображена. Надобно сыскать ее.

Корней обомлел. Всю дорогу он придумывал повод для отлучки, а тут на тебе — дед сам отправляет в горы!

Уже на второе утро, спозаранку, несмотря на то что гребень Северного хребта за ночь покрыл снег, он отправился в путь. Солнце в этот день взошло в плохом настроении: кроваво-красное, словно сердитое на то, что его подняли.

Достигнув злополучного провала, скитник обошел его и, вглядевшись в неровные стены, обнаружил на одной линии с часовой и лиственным крестом посреди отвесного берега зияющую дыру. Но как ни всматривался, так и не разглядел в ней ничего похожего на привидевшуюся отцу лестницу. Зато обратил внимание на то, что трава над челом почему-то редкая, как бы вытоптанная. Корнея так и подмывало внимательно обследовать это место, но сегодня у него на это не было времени. Он начал подъем к белоснежным пикам, сгрудившимся на головокружительной высоте.

Узловатые, низкорослые, перекрученные ветрами и морозами лиственницы, отважно карабкавшиеся вместе с ним по камням, вскорости отстали. Дальше путь пролегал по обнаженным скалистым склонам с небольшими вкраплениями кедрового стланика. Предусмотрительно обходя сомнительные участки и расщелины, к вечеру достиг лишь края снежного покрова.

Солнце, вывалившись из щели между туч, повисло над горами алой каплей. Дно котловины уже заливали сгущающиеся сумерки. Пора было позаботиться о ночлеге, но сказочная красота заката совершенно очаровала путника. Охваченный восторгом, он наблюдал, как вершины и склоны неуловимым образом воспламеняются переливками алого и багряного цветов, темнеющими по мере погружения солнца за горизонт до темно-лилового, вплоть до фиолетового. Купол неба при этом излучал роскошное зеленоватое свечение. Такой красоты Корнею прежде не доводилось видеть. Из скита закат выглядел гораздо бледнее.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Эта неземная картина долго не давала ему успокоиться. Мысленно отметив место, где скрылось солнце, скитник с робкой надеждой подумал: «Может, завтра с вершины удастся глянуть на почивальню светила».

Унося последние отголоски дня, по небу проплыл запоздалый клин красных от лучей невидимого уже солнца лебедей. В сгущающейся тьме растворялись, исчезали пики, ущелья, отроги. Зеленоватое небо почернело. Вызрели первые звезды. В установившейся тишине отчетливо различался звон невидимого под камнями ключа...

Вместе с рассветом на горы сплошным войлоком напоздзли низкие тучи, но путник продолжал карабкаться вверх. Поднимаясь все выше и выше, он с волнением ожидал момента, когда сможет дотронуться до туч: вдруг они такие плотные, что сквозь них он не сможет пройти?

Дойдя до них, Корней со смешанным чувством облегчения и разочарования и даже удивления открыл для себя, что тучи — обычный туман, только намного гуще.

С предосторожностями, на ощупь, долго и упорно продираясь сквозь него, он наконец увидел синее небо и слепящий диск на нём. А под ногами простиралось во все стороны бугристое покрывало. Из него местами торчали заснеженные вершины Северного хребта. Ещё дальше просматривались цепи более величественных гор, напоминающие белопенные гребни речных шивер¹.

Корнею вспомнился рассказ матери, слышанный в детстве, о том, что, по эвенкийским преданиям, за этими горами через много дней пути тундра: ровная земля с бесчисленными стадами оленей, а еще дальше — край суши, обрывающийся в Студёное море с солёной водой и бесконечными полями льдов.

— Эх, побывать бы и там! — мечтательно вздохнул паренёк.

По мере того как Корней поднимался к вершине, купол неба, вопреки его ожиданиям, не приближался. Напротив, темнея, удалялся, становясь еще более недосыгаемым. Скитнику трудно было представить, что внизу, под сугробами облаков, сейчас пасмурно — так ярко полыхало здесь солнце, слепил глаза снег. «Вот он — мир ангелов

¹ Шивера — каменистый перекаат на реке.

СКИТНИКИ

и архангелов! Может, где-то поблизости и Божья обитель?» — с благоговейным трепетом подумал он.

Гора, на которую он поднимался, оказалась трехглавой. Невесть откуда возникший ветер срывал с них и крутил седые пряди поземки. Колючие вихри все крепчали. Встречный снег слепил глаза, сбивал дыхание. Дивясь быстрой перемене погоды, Корней на время укрылся за ближайшим суставчатым останцем, частокол которых, словно вешки, указывал дорогу к намеченной цели — самому высокому пику. Мимолётно глянув на склон, он замер: поперёк склона медленно двигалось тёмное существо, похожее на человека. В этот миг налетел густой снежный вихрь, и всё опять потонуло в белой мгле.

«Пожалуй, надо переждать, а то мерещиться всякое стало», — решил Корней, забираясь в небольшую нишу. Метель тем временем разыгралась не на шутку. Вскоре даже ближние скалы растворились в снежной круговерти. В нише же было тихо и сумрачно. Корней привалился к податливому надуву. Под завывание ветра незаметно подкралась сладостная и неподвластная воле дрема. Веки смежились, и ему уже казалось, что тело стало лёгким, почти невесомым, и он полетел...

Виделся высоченный заснеженный пик и солнце прямо над ним. Приподнявшись на цыпочки, он обнимает сияющий диск.

«А солнце-то, оказывается, вовсе и не жгучее, а напротив, теплое и ласковое!»

Ступая босыми ногами по острым камням, он понёс его в скит, но острая боль, неожиданно пронзившая ступню, развеяла сон. Скитник открыл глаза и вздрогнул.

Над ним склонилось волосатое чудище. Оно растирало ступни его ног жёсткими ладонями. Чудище приподняло голову, и скитник увидел до боли знакомые, выставленные вперед, словно напоказ, длинные зубы.

— Горбун, что ли? Неужели я на том свете?!

«Чудище», заметив пробежавший по лицу парня испуг, поспешило успокоить:

— Не пугайся, Корней, это я, Лука-Горбун.

По тому, как медленно тот произносил слова, было件нятно, что он давно не говорил вслух.

— Признал, признал, дядя Лука! А в скиту решили, что вы утопили.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Согревшись, Корней огляделся. Они находились в тёплом, сухом гроте. Саженьях в шести выход, за которым свирепствовала пурга. Колеблющееся пламя светильника гоняло по неровному своду причудливые тени. Вдоль стен угадывались очертания какой-то утвари, вороха сена, пучки трав. Очага не было. Озадаченный, Корней поинтересовался:

— Дядя Лука, а отчего здесь так тепло?

— Ишь, пытливым какой... Ежели ноги отошли, пойдем, покажу...

Лука запалил от светильника факел, и они перешли в другой, еще более теплый зал. То, что увидел Корней, на некоторое время лишило его дара речи. Из темных проёмов ниспадали волнистые, с молочными переливами, «водопады». С потолка свисали перламутровые сосульки, а с пола навстречу им тянулись ребристые шпильки. По шероховатому своду «изморозь» из хрупких кремовых и розовых игл.

Справа, из трещины в плитняке, с напором била струя горячей воды. Под ней парящий водоем, на дне которого лежали гладко отполированные, с янтарным свечением шарики разного размера: от ячменного зерна до перепелиного яйца.

— Боже, а это что?

— Пещерный жемчуг! Нравится? То-то!.. Мне тоже... Каждодневно люблюсь ими...

Когда вернулись назад, Горбун нарезал ломтиками мороженое мясо куропатки и зачерпнул из выдолбленного в каменном полу «котла» полную чашу мочёной брусники. Ели молча: за трапезой говорить невозможно.

И только после того как всё было съедено и убрано, Корней поведал Горбуну обо всех значимых событиях, произошедших в скиту за последние годы. Закончив рассказ, и сам полюбопытствовал:

— Дядя Лука, а как вы отыскивали меня в такую метель?

— Трудно объяснить... На все воля Божья... Мне иное удивительно: как я тебя, такого детину, дотащил сюда...

— Храни вас Бог, дядя Лука! Всю жизнь буду молить Его о здоровье и спасении души вашей. Отвели от смерти.

По слегка побледневшему выходу пещеры собеседники поняли, что снаружи светает, но пурга не утихала.

— Экий ветрина. Еще дня два покрутит, — определил Лука.

— Неужто так долго! — расстроился Корней.

СКИТНИКИ

— А чего тебе горевать? Поживешь пока у меня в тепле и сытости...

— Неможно мне. Деда ждёт.

Корней подробно рассказал Горбуну о своих недавних злоключениях на озерке и о чудесном спасении. Когда черёд дошёл до привидевшейся отцу лестницы, тот загадочно заулыбался:

— Путь твой к вершине многотруден неспроста... Господь тебя испытует... Слабый человек давно бы отрекся от этой затеи, а ты не отступаешь, сызнава пошёл. Молодец!.. Ну что ж, моего благодетеля старца Никодима расстраивать негоже. Ежели нельзя задерживаться — собирайся... Провожу...

— Как мы в такую непогоду пойдём? Вы же сказали, что еще дня два покрутит.

По лицу Горбуна вновь скользнула загадочная улыбка:

— Там, где мы пойдём, пурги нет.

Вконец растерявшийся скитник надел котомку. Горбун запалил факел, три запасных передал Корнею и направился... в глубь пещеры.

За скальным выступом открылась галерея, полого уходящая вниз. Её стены покрывали натечные складки, трещины, бугры. Шли довольно долго, сворачивая то влево, то вправо, то опускаясь, то поднимаясь. После очередного спуска галерея раздваивалась. Более широкий рукав сворачивал вправо, но Горбун повёл прямо.

— Дядя Лука, а куда второй ход?

— Зело любопытен. Иди, куда ведут, — недовольно промычал тот.

И хотя Корней не получил вразумительного ответа, он не сомневался, что это ответвление ведёт в пещерный скит.

Галерея опускалась все ниже и ниже. Рослому Корнею теперь приходилось идти согнувшись, и он из-за света факела не сразу заметил, что тьма понемногу отступает. Лишь когда Лука загасил пламя и устало присел на корточки подле лежащей на каменном полу лестницы из жердей, Корней сообразил, что они у цели.

Он подошел к выходу. Нестерпимо яркий свет резанул глаза. Скитник невольно зажмурился.

— Смотри еще раз не утопни, — засмеялся Лука.

Осторожно выглянув, Корней обомлел: под ним лежало памятное озерко. В прозрачной глубине, среди камней, шевелили плавниками старые знакомцы — темноспинные рыбыны.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

«Так это ж и есть то самое чело, что отец видел в отвесной стене озера, — сообразил парень, — и лестница ему не привиделась. Теперь понятно, откуда цветочки».

Лука закинул Г-образную лестницу на край обрыва. Выбравшись на плато, они подошли к часовенке. Помолились каждый о своем: удивительно, но здесь не было ни ветра, ни снега.

— Дядя Лука, может, вместе в скит? Вот радости у наших будет!

— Не могу... Обет Господу дал на полное отречение от мира, ради милости Его к вам. Да и привык уж к уединению. Здесь, в горах, особая мыслеродительная среда... Думается хорошо, на душе благодать неизбывная... Своему многомудрому деду отнеси от меня вот это. — Лука протянул довольно увесистый комок горной смолы. — Пригодится для лекарственных снадобий. Передай, что денно и ночью молюсь за нашу благочестивую общину. Моя обитель намного ближе к Божьей сфере, стало быть, мне сподручнее к Создателю милостивому нашему обращаться... Обо мне, акромья деда, никому не сказывай. Коли задумаешь проведать — приходи.

— Спаси Христос, дядя Лука, за доброту и участливость. Бог даст, наведаюсь.

Травянистая поляна, уступами спускавшаяся во Впадину, вывела Корнея на тропку, ведущую к хижине деда. Справа, вдали по склону чернели сотами дыры пещерного скита...

КОСОЙ

Заяц наступление непогоды почуял загодя. «Надо бы до снегопада перекусить», — решил он.

Осторожно привстав на широко опушенных задних лапах, беляк пошевелил ушами. Убедившись, что ему ничто не угрожает, выпрыгнул из снежной ямки и ровными скачками, потешно вскидывая зад, поскакал по натопанной тропке в осинник погрызть сочной горьковатой коры.

Там уже столовалось немало окрестных приятелей. Обглодав ветки недавно поваленного ветром дерева, повеселевшие зайцы принялись играть в догонялки, а под утро разбежались кто куда. Косой направился к засыпанному снегом многоярусному бурелому.

СКИТНИКИ

Пробежав по нему несколько раз туда и обратно, сделал скидку, петлю, затем снова скидку и вдруг громадным прыжком сиганул в сторону, глубоко погрузившись в снег. В этот момент где-то рядом звонко щелкнул замороженный ствол. Заяц хоть и привычен был к таким прострелам, всё же испугался, но быстро успокоился и вскоре задремал. Снег перед носом от горячего дыхания подтаял и дышать не мешал. Лютый, надеясь вновь повстречать приглянувшуюся ему в прошлом году кокетливую рысь, частенько посещал эти места и, ещё издали приметив торчащие из снега кончики ушей, осторожно двинулся в их сторону.

Заяц, услышав похрустывание снежинок, сминающихся под лапами крадущейся рыси, выскочил из убежища и так припустил вниз по склону, что за ним потянулся снежный шлейф. Кот вообще-то был сыт, но, повинувшись инстинкту, бросился в погоню.

Косой домчался до обрыва и кубарем покатился вниз. Внезапно, пронзительно вереща, он вытянулся на снегу.

Налетевший Лютый занес когтистую лапу. Заяц, ёжась от ужаса, тоненько и жалобно запричитал. Кот, желая заслужить похвалу Корнея, ухватил пастью косога за загривок и понес в скит. Заяц, оцепенев от страха, только изредка всхлипывал.

Увидев Лютого, несущего живого беляка, Корней подумал, что тот нуждается в помощи. Осторожно ощупав его, обнаружил вывих задней лапы.

— Лютик, ты молодчина. Никак в лесные лекари метишь?! — похвалил Корней и одним движением руки так быстро вправил сустав на место, что Косой не успел пикнуть. Удивлённо повертев головой, он присел на снег и со всех ног помчался прочь.

Кот раскатисто заурчал. На его морде появилось подобие улыбки.

ПОКАТАЛИСЬ

Этой же зимой произошло событие, заставившее скитников изрядно поволноваться. Зато финал прибавил авторитета не только Корнею, но и его верному другу Лютому.

Началось всё с рядовой вылазки ватаги ребятишек на Лысую горку. По старым следам споро добралась до нее и с визгом и криками

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

принялись кататься на салазках, не обращая внимания на снегопад и усиливающиеся порывы ветра. Забыв обо всем на свете, детвора без усталости взбиралась на горку и вновь скатывалась, соревнуясь, кто выше взлетит на ухабах и чьи санки укатятся дальше.

Самый старший из них, Егорка, желая щегольнуть перед малышкой, сиганул с самого крутого откоса. Разогнавшиеся салазки, наехав на бугорок, взлетели так высоко, что встали дыбом, и Егорка рухнул на торчащий из снега сучок ели, пропоротивший ногу.

Дети помогли ему подняться, но тот идти не мог. Соединив двое санок, ребята уложили на них товарища. Впрягшись в лямки, дети двинулись по заметаемой на глазах тропе в скит. Вскоре её совсем не стало видно. Стемнело, и ребятня совсем растерялась. Хорошо еще, что хватило ума не плутать в потёмках, а забраться под густые лапы огромной ели и, обнявшись, дожидаться рассвета.

Когда совсем стемнело, а ребята в скиту не объявились, родители не мешкая разошлись на поиски. Лютый увязался за ними. Старухи и старики, оставшиеся в скиту, истово молились и отбивали без усталости поклоны, прося у Господа сохранения жизни любимых чад.

При свете факелов обшарили окрестности Лысой горки, но обнаружили лишь наполовину занесенные снегом салазки. Дальнейшие поиски сосредоточили в той стороне, куда смотрел их передок.

Ель, под которой лежали в обнимку дети, обнаружил Лютый. Слава богу, не опоздали — все были живы, хотя кое-кто обморозился.

ПЕРЕЛОМ

Закончилась очередная студеная зима. Бурливая, клокочущая весна постепенно сменялась размеренным летним покоем.

В один из июньских дней неутомимый Корней отправился к озеру, притаившемуся между холмов в юго-восточной части Впадины. Он обнаружил его в прошлом году в пору массового пролета птиц. Скитожителей весть о существовании озера удивила: «Стока лет живем, а не ведали!» И в самом деле, если учесть, что водоем имел с полверсты в поперечнике, было удивительно, как до сих пор никто не наткнулся на него. Корнею же помогла природная наблюдательность: собирая на моховом болоте перезимовавшую клюкву, он заметил, что стаи

СКИТНИКИ

птиц то и дело вылетают из-за холма. Когда заинтригованный парень поднялся на его макушку, до него донёсся гвалт множества пернатых. Внизу, сквозь деревья, что-то блеснуло. Чтобы разобраться, скитник спустился по склону и с изумлением обнаружил озеро со скалистым островком.

Водоём кишел живностью. Мелководье бороздили утки всех мастей: степенные кряквы, юркие чирки, горластые клокуны. Места поглубже облюбовали важные гусаки, особняком — лебеди. Одни резвились в воздухе, выделявая замысловатые пируэты, другие куда-то торопливо летели. Птиц было такое множество, что не прекращающийся ни на минуту невообразимый галдёж, хлопанье крыльев и плеск воды звучали радостно-ликующим гимном. Все славили начало нового круга жизни...

Сейчас же вода в озере была спокойна и блестела, как зеркало: основная масса птиц улетела на север, а оставшиеся, пережив радость встречи с родиной, погрузилась в заботы о потомстве.

Корней шел по обрывистому берегу, когда из чащи донёсся и стал быстро приближаться подозрительный шум. Он остановился. Среди деревьев мелькнули рога сохатого. Снежок?! Увы, нет. Зверь выскочил на берег и бросился в воду, подняв веер хрустальных брызг. Следом, высунув языки, выбежали волки. Лось зашёл поглубже и горделиво вскинул голову. Серые не стали даже подходить к воде, не тратя время попусту. Они развернулись и растворились в глухолесье.

Удовлетворённый Корней продолжил путь, невольно поглядывая на то место, где только что стояли волки. Неожиданно прямо перед ним с шумом выпорхнула сидевшая в гнезде куропатка. Чтобы не наступить на кладку с пёстренькими яйцами, скитник неловко отпрыгнул в сторону, но не удержавшись, сорвался с берегового обрыва. Приземлился весьма неудачно. Вставая, он вскрикнул от острой боли: левая голень искривилась, так, словно в ней появился дополнительный сустав. Всё ясно — перелом!!!

Корней сел на землю, соображая: что делать?

В надежде, что Снежок или Лютый где-то поблизости, он то улюлюкал, то оглушительно свистел, вызывая приятелей. Окружавшие озеро холмы отвечали многократным эхом, так и не выпустив призыв о помощи за свои пределы. Рассчитывать оставалось только на себя.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Дед как-то рассказывал ему, что одна сметливая лиса, сломав лапу, закопала ее в мягкий грунт и терпеливо лежала, дожидаясь, когда кость срастется.

«Надо и мне сделать так же», — подумал скитник и сполз поближе к воде. Снял чуни, смотал опорки. Выкопал рукой в жирном иле канавку и бережно уложил в неё сломанную ногу. Превозмогая боль, на ощупь состыковал кость. Потом, переведя дух, завалил ногу илом, ладонями утрамбовал его. А чтобы удобнее было лежать, нагреб под спину сухой береговой хлам, под голову сунул котомку и, взмокший от долгого напряжения, вытянулся на обустроенном ложе. Теперь оставалось набраться терпения и надеяться на подмогу.

Корней огляделся. Сзади, саженях в трёх, поднимался ошестинившийся перестойным лесом крутояр. На обломанную верхушку толстой лиственницы, шапкой нахлобучено гнездо скопы — заправской рыбачки. Слева и справа заводи, поросшие осокой. Чуть колыхнёт ветерок, и тут же рябь широкими разводьями пробегает по ним. Посреди озера скалистый островок.

Парнишка на всякий случай еще несколько раз посвистел, призывая друзей, но, кроме двух грузных, блестящих, словно дёгтем вымазанных, ворон, алчно вглядывающихся в беспомощное существо, да подтянутого куличка, беззвучно семенившего по влажному илу, на его призыв никто не откликнулся.

«Прикованного» Корней стало донимать комарьё, кружившее над ним серым нимбом. Они атаковали с таким остервенением, что у скитника складывалось впечатление, будто в окрестностях, кроме него, не осталось ни единого живого существа. Слава богу, Корней всегда носил в котомке берестяную кубышку с вонючей дегтярной мазью с какими-то добавками, приготовленную дедом. Достав ее, натер руки, шею и лицо. Кровопийцы с сердитым писком кружили вокруг, но кусать перестали. Под их докучливый звон Корней даже задремал.

Проснулся от влажного толчка в щеку.

— Лютый, ты?

В ответ шершавый язык лизнул.

Скитник обнял друга, потрепал пышные бакенбарды, взъерошил дымчатую, с коричневатым крапом шерсть.

СКИТНИКИ

— Умница! Нашел-таки! Давай, брат, выручай! Видишь, я не ходячий. Беги в скит, приведи отца... Давай, иди... Чего стоишь — ну, иди же...

Лютый в ответ демонстративно отвернул морду и стал бесстрастно наблюдать за носившимися над озером стрижами...

После стычки с наставником Маркелом кот в скит не заходил. Хотя то, что между ними произошло, и стычкой-то назвать трудно. Так, небольшое недоразумение.

В самом начале весны Маркел, истосковавшийся по солнцу и теплу, сел на припеке и, водя узловатым пальцем по строчкам, стал перечитывать любимые «Златоструи». Эту книгу он берег пуще других, даже в руки никому не давал. Положив ее на лавку, зачем-то отлучился в дом. Лютый, лежавший на ступеньке, прищурившись, какое-то время наблюдал за медленным бегом переворачиваемых ветром страниц. Когда те побежали, по его разумению, слишком быстро, кот, пытаясь остановить их, махнул когтистой лапой и невзначай вырвал одну.

Маркел увидев всё это, схватил стоящую у двери метлу и огрел ею Лютого.

Кот от возмущения, он ведь не сделал ничего плохого, удалился. С того дня в скиту его больше не видели.

— Ну ладно. Не хочешь идти в скит, так хоть напиться помощи. Выслушав просьбу с самым глубокомысленным видом, кот зашел в трепещущее на волнах отражение леса и, энергично шлепая лапой по воде, забрызгал Корнея по грудь.

— Спасибо, дружок, но я пить хочу, а не купаться. — Корней изобразил, как он глотает воду и как ему от нее становится хорошо.

Лютый отряхнулся и озабоченно забегал по берегу. Заскочил на обрыв, спустился обратно и вдруг усердно заскреб когтистыми лапами податливый грунт. Корнея, внимательно наблюдавшего за котом, осенило. Он углубил и расширил ямку. Когда добрался до песка, со дна выступила и стала подниматься вода. Парень смочил лицо и, дождавшись, когда муть немного осядет, черпая ладонью воду, попил.

— Ну, ты голова! — с восхищением произнес скитник и прижал кота к груди, готовый от счастья по-кошачьи заурчать.

Надо сказать, что кот при всей своей независимости, был довольно ласковым существом. Он проявлял своё расположение приглушенным рокотом и покусыванием. Иногда даже обнимал Корнея передними

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

лапами. Но если Корней сам начинал тискать его, то независимый характер Лютого тут же давал о себе знать: он отходил в сторону, и взгляд его становился отрешенным, смотрящим как бы сквозь.

Сейчас же кот, растянувшись во весь рост, улёгся рядом с другом. Корней благодарно почесывал его за ушами. Лютый же от блаженства неумолчно урчал. Солнце, отработав над Впадиной весь долгий июньский день, ушло на короткий отдых за гребень гор. Когда наползающая с востока ночь погасила пурпур одиноких облаков, а на небосклоне светлячками замигали первые звездочки, кот поднялся и удалился в лес.

Первый день невольного заточения завершился. Сколько Корнею еще предстоит пролежать так на берегу? Самолюбивый Лютый в скит, похоже, не пойдет, а отец, привычный к отлучкам сына, начнёт беспокоиться дня через три. Хорошо еще, что Корней сказал ему, куда отправляется.

Почувствовав голод, скитник достал из котомки кусок вяленой, приятно пахнущей дымком, оленины и стал медленно, растягивая удовольствие, жевать.

Мир, погруженный во мрак, притих. Звезды, просвечивающие сквозь ткань размазанных по небу перистых облаков, ободряюще подмигивали Корнею. Озеро, казалось, уснуло: лежало неподвижное, маслянисто-черное. Но Корней прекрасно знал, что окружающие его покой и тишина обманчивы.

С приходом темноты жизнь замирает только у дневных животных и птиц. На смену ей постепенно пробуждалась несуетливая жизнь ночных обитателей, кажущаяся таинственной и непонятной лишь из-за того, что недоступна взору человека. Вообще же, она мало чем отличается от жизни дневных животных: кто-то выслеживает добычу, кто-то резвится, кто-то чистит логово.

Когда из-за холма выполз круглый, с ямочками на щеках, улыбчивый лик луны, Корней, стал различать шныряющих в прибрежной траве лесных мышей. Интересно было наблюдать, как эти крохотные шарики, неслышно перебирая лапками по земле, играют в одни им понятные игры.

С вершины громадной ели сорвался сероватый лоскут. Распластавшись в воздухе, он спланировал на ближнее к Корнею дерево

СКИТНИКИ

и с любопытством уставился на лежащего человека. Появление белки-летяги приободрило парня — в скиту существовало поверье, что эти зверьки приносят удачу.

Немного погодя до Корнея донесся плеск воды, хруст сочных водорослей, аппетитное чавканье. Это зашли в заводь лоси. Парнишка, в надежде, что среди них есть его друг, окликнул Снежка, но сохатые испуганно шарахнулись и, поднимая снопы брызг, убежали. Потревоженные ими утки истерично запричитали в траве.

Пробуждающееся утро уверенно разогнало мрак. На противоположной стороне озера загоготали гуси. Над глянцем воды молочными лохмотьями стелился туман. Незаметно густея, он еще до восхода солнца затянул поверхность водоема волнистым покрывалом. По мере того как солнце вставало, туман отрывался от воды и белыми привидениями наползал на склоны холмов. Проступили и зыбкие очертания островка. Поскольку молочные клубы то наползали, то вновь поднимались, казалось, будто островок, прячась от горячих лучей, всё время двигается.

Когда солнечный сквозняк окончательно развеял туман, пришёл Лютый. Улёгшись рядом, он стал, мусоля лапы, усердно умытьяся. Закончив, прогулялся по берегу и опять исчез.

В течении дня он еще несколько раз навевывался. Мурлыча лесные новости, ложился поблизости и пропадал когда заблагорассудится. В один из таких визитов принес куропатку. Тронутый заботой, Корней ласково потрепал Снежка за загривок и чмокнул в прохладный нос. Подтянув суковатой палкой разбросанный по берегу хворост, запалил костерок и испек угощение.

Вынужденное заточение имело и достоинства. Никогда прежде скитник в течение одного дня не видел столько потаенных сцен из жизни обитателей тайги.

Вот на соседний мысок вышла семья: медведица, два пестуна¹ и медвежонок. Оглядевшись, они зашли в озеро. Пестуны принялись с шумом плескаться, гоняться друг за дружкой. Мать, лежа в воде, умиротворенно созерцала их забавы. Малыш же, жалобно поскуливая, бегал по берегу, боясь зайти в воду. Один из старших братьев под-

¹ Пестун — медвежонок предыдущего помёта.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

скочил к малышу и столкнул его в воду. Медвежонок заверещал ещё громче. Тут уж не выдержала мамаша — рывкнула на него. Тот сразу притих и попробовал даже сам себя поливать водой.

Накупавшись, косолапые скрылись в зарослях. Через некоторое время, на глинистом, скользком от сочащейся воды, обрыве две выдры устроили соревнование по скоростному спуску. А ближе к полудню из леса в озеро стали заходить сразу по трое-пятеро лосей разного возраста: стоя по шею в воде, они спасались от слепней и оводов.

Не обошлось и без трагедий. Ближе к вечеру Корней разглядел сквозь редкую траву мордашку зайчишки. Смешно опустив одно ухо, он с любопытством разглядывал человека. Внезапно перед ним, расстилаясь серой вуалью, возник громадный филин. Стиснутый смертоносными когтями, косою отчаянно завопил, но после сильного удара клювом затих. А пернатый налетчик, словно устыдившись нападения, торопливо скрылся вместе с трофеем в чаще.

Вскоре к озеру вышла старая, с облезлой сивой шерстью, россомаха. Спустившись с обрыва, она, косолапя, точь-в-точь как давешний медвежонок, стала рыться в береговом хламе, постепенно приближаясь к Корнею. Увидев человека, замерла, но не убежала, а, потоптавшись, как бы соображая, что делать дальше, развернулась и побрела обратно.

Каждое утро облетала озеро скопа. С шумом, касаясь воды, она выдергивала жирных рыбёшек. Изо всех сил частя крыльями, долетала до берега, бросала улов на землю и тут же возвращалась за следующей. Сочтя добычу достаточной, принималась за трапезу.

К середине третьего дня дедова мазь кончилась, и по мере того как выветривались ее остатки, все наглее и злее становились мстительные кровососы. Подтащив на сколько хватало длины суковатой палки береговой мусор, скитник устроил дымарь. Окуная голову и руки в едкие клубы, он на некоторое время избавился от болезненных укусов гнуса. Но как только над костерком начинали пробиваться язычки пламени и дым ослабел, оголодавшие комарье и мошкара возобновляли атаки с удвоенной свирепостью. Измученный войной с несметными полчищами, Корней укрыл лицо опоркой, снятой со сломанной ноги, и задремал.

СКИТНИКИ

Проснувшись, не смог разлепить веки: опухшее лицо покрывала густая, солоноватая на вкус жижа. Скитник не сразу сообразил, что это кровь: опорка мешала дышать, и он сбросил ее во сне.

С трудом приоткрыв один глаз, Корней, черпая пригоршнями воду из «колодца», осторожно смыл уже отчасти засохшую кровь. Лицо нестерпимо зачесалось, но через некоторое время зуд стал ослабевать.

На его счастье, напористый ветер уже загнал гнус в глубь леса. Беспokoйно зашумели деревья. По воде запрыгали осколки солнца. Частые и резкие порывы раскачали волны. Накатываясь на берег, они почти доставали ступни скитника. Корней забеспокоился: если стихия разгуляется, придется откапывать ногу и отползать. Но велика милость Господня: до страдальца донесли голоса людей. Различив среди них голос отца, Корней что было силы закричал: «Тятя, я здесь! Я здесь!»

Соорудив носилки, мужики унесли парня в скит.

* * *

По настоянию деда, Корнея перенесли к нему. Под его присмотром внук через две седмицы начал, опираясь на посох, ходить возле хижины.

Дни вынужденного заточения не пропали даром. Они с дедом часто и подолгу беседовали о Боге, предназначении человека, заповедях Христа. Никодим продолжал посвящать внука не только в тонкости лекарского дела, но и подробно рассказывал о своей юности, о завещании старца Варлаама, о нелёгком пути в Забайкалье, о побеге оттуда, о бесценных реликвиях, хранимых в скиту.

Духовная близость, связывающая деда с внуком, за эти дни общения ещё более усилилась. И Корней наконец решился поговорить с дедом о своей сокровенной мечте — познакомиться с эвенкийской роднёй.

— Ишь, чего удумал! Али забыл, что запрет наложен на выход из Впадины? Сколько раз наши покидали её пределы, столько же раз Господь наказывал нас.

— Деда, я всё это знаю, но здесь другое. Человек не должен забывать свои корни. Вот обруби у дерева корни, и оно погибнет. Я очень горжусь, что ты мой дед, но хочу знать и второго. Не на ярмарку поганую прошусь, а к людям, которые моего отца, а твоего сына спасли.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Тятя сказывал, что там, где кочует моя родня, солончаков великое множество. Заодно мог бы и соли заготовить.

От таких серьёзных доводов внука, отшельник задумался. И когда Корней уже решил, что дед не желает обсуждать эту тему, произнес:

— А что? Пожалуй, попрошу Елисея потолковать с Маркелом. Наставник человек мудрый. Как рассудит, так тому и быть.

Но Маркел был непреклонен: «Глядикась, чего удумали. Забыли, чем всё это кончается!» Отчитав назидательно прежде Елисея, призвал к себе для вразумления и неугомонного крестника.

Когда тот вошёл в горницу, Маркел произнёс:

— Сказывали мне про твое желание навестить родню кочевую... Что скажу, верно, предков грех забывать, но твоё благое намерение может обратиться на пагубу всей общине.

— Так я ж не к нечестивым острожникам, а к кочевникам, живущим, как и мы, от всех удалённо... Господь милосерден, будьте и вы милостивы!

Маркел сурово отрезал:

— Похоже, ты забыл, что послушание и покорность не только перед Богом, но и наставником и всеми старшими в нашей общине святы? Ступай!

Корней, смиренно попросив прощения за дерзость, со слезами на глазах направился к выходу. Удовлетворенный старец неожиданно остановил его:

— Повремени. Я сим отказом испытывал твою благочинность, ибо в Писании сказано: «Искуси и познай».

Тут Маркел умолк, как бы раздумывая. Поколебавшись, все же продолжил:

— Было мне давеча во время вечери виденье. Явился святолепный Варлаам и молвил: «Ступайте и несите имя Божье иноплеменцам лесным! Молодыми укрепится скит ваш». И помыслилось мне, что неспроста сие сказано. Стало быть, не грех нам общаться с инородцами. Похоже, тебя сам Господь надоумил к эвенкам проситься... А теперь ступай и хорошо подумай, кого возьмешь в напарники. Одного не пущу... Да позорче выбирай.

Наставник встал, взял образ Николая Угодника и благословил Корнея.

СКИТНИКИ

Маркел, твердый и непреклонный в вере, в жизни был человеколюбив и правосуден. Скитники любили наставника не только по долгу, им привычному, но и из благодарности за ладно устроенную жизнь, умение решать споры без обид, по совести. Он никогда не возвышал голос, не бранил грубо, но невозможно было не устыдиться его взгляда и немого укора.

Из семнадцати дворов в скиту ровней Корнею было только шестеро ребят. Остальные либо много старше, либо совсем еще отроки.

У самого близкого друга, Матвейки, недавно народилась двойня, и ему недосужно было отрываться от семьи. Посему Корней сговорился идти за солью с внуком Марфы — Захаром, рослым увальнем, полной противоположностью своей шебутной бабке.

ПЕРВОЕ СТРАНСТВИЕ

На сборы у парней ушло два дня.

Едва заметная тропа повела их на восток, к месту, где смыкались Южный и Северный хребты, мимо каскада водопадов и дальше, через перевал, к Реке. Провожал их Снежок, но как только горный склон пошел круто вверх, он встал — не захотел покидать родную Впадину. Не помогли ни уговоры, ни ломти хлеба.

Чтобы быстрее достичь перевала, молодые скитники решили подниматься напрямик, по ровному полю зеленокудрого кедрового стланика. Однако вскоре пожалели об этом: ноги то и дело цеплялись за пружинящие ветви или проваливались в незаметные под густым зеленым ковром коварные пустоты. Потому перевальной седловины достигли только во второй половине дня. С неё открылись новые волны хребтов. На юге, благодаря меньшей высоте, они были сплошь зелеными. На севере же, сразу за широкой лесистой долиной, вздымались, друг за другом зубчатые цепи неприветливых серых громад, лишенных какой бы то ни было растительности, а кое-где даже в белых шапках снега.

Рассматривая открывшиеся ряды вздыбленных кряжей, Корней воскликнул:

— Боже милостивый! И здесь горам нет конца!

Захар от грандиозности и красоты панорамы и вовсе онемел — стоял, выпучив от восхищения глаза.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Это ещё не самое дивное диво. Иной раз закат так разукрасит склоны гор, что моргнуть боишься, — заметил с видом бывалого человека Корней.

Приятели ещё долго любовались убегающими вдаль отрогами, думая каждый о своем. Первым прервал затянувшееся молчание Захар.

— Послушай, Корней, мне от чего-то тут так легко и благостно. Прямо душа поет! — поделился своими чувствами он. — Как думаешь, почему?

Корней ответил словами, услышанными от Луки:

— Тут к Богу ближе, а всё суетное далеко внизу осталось.

* * *

В высокогорье лето приходит с опозданием. В долинах уже загустела трава, грубеет на деревьях листва, а тут жизнь только пробуждается. В иных расщелинах всё ещё снег лежит. Растительность на перевале была крайне скудная. Лишь кое-где зелёными кляксами растекался кедровый стланик; жадно вцеплялись в трещины скал карликовые березки; где-нибудь в затишке можно было увидеть невысокую, скрюченную ветрами, лиственницу.

Передохнув на водоразделе, ребята начав спуск в долину Реки, вдоль которой на противоположном берегу простиралась оленья пастбища Агирчи — деда Корнея.

По склону, испещрённому серыми языками осыпей, передвигались частыми, скользящими шажками: мелкие, острые камешки, едва на них ступала нога, съезжали вниз, норовя увлечь путников с собой.

Чем ниже спускались, тем чаще попадались деревья: елочки, пореже берёзки. Иные росли прямо из трещин голых скал. Юноши с уважением взирали на этих храбрецов, вцепившихся корнями в каменную плоть. Отважные деревца тянулись вверх, бодро топорщась хвоей и, похоже, не горевали, что неказисты и уродливы. Ближе к пойме стали попадаться и прямоствольные пихты.

Смеркалось. На небе вызревали первые звездочки. Опустившаяся на землю тьма гасила кровавые сгустки заката. Горы помрачнели и взирали угрюмо, неприветливо. Дохнуло холодом. В наступившей тишине все отчетливей звенел прыгающий с уступа на уступ ключ.

СКИТНИКИ

Пока Захар рвал ягель для постели, Корней наломал сушняка, достал трут, высек кресалом искру, запалил костер. В колеблющемся свете деревья то выбегали из темноты, то вновь скрывались в ней. Хотя Корней родился и вырос в старообрядческой семье, эвенкийская кровь давала о себе знать. Неудивительно, что полыхающий костер представлялся ему живым существом, рождённым солнцем.

Парень разжигал костёр всегда с особым трепетом. После того как огонь расползлся по сучьям весело приплясывающими язычками и согревал всё вокруг, Корней погружался в состояние блаженства и тихого счастья. У костра он чувствовал себя уверенно и спокойно.

Вот и сейчас, уткнув подбородок в колени, Корней сидя рядом с Захаром, наслаждался ласковым теплом, заворожено наблюдая за чарующей игрой язычков пламени.

— Укостра главное предназначение — обогреть, а в чём предназначение человека, как думаешь? — спросил Корней, не сводя глаз с трепещущего полотнища.

— Я как-то и не задумывался, над этим. Наверное, главное — жить по совести и по вере, — откликнулся задремавший было Захар

— Может, в познании нового, ранее не виданного? — не унимался Корней.

Костер, словно соглашаясь с ним, одобрительно протрещал, выстрелив в черноту ослепительный сноп искр.

Сняв с огня котелок, парни перекрестились на восток и принялись за похлебку. После ужина Корней латал разорванные в кедровом стланике штаны, а Захар завалился спать.

Проснулись оба от предрассветного холода. Слабые, синюшные светлячки всё ещё блуждали по почерневшим головешкам. Горы пока дремали, но на посветлевшем небосводе, сквозь прозрачную ткань перистых облаков, поглядывала последняя звездочка. Корней подбросил в костер хвороста. Послуныявил указательный палец, макнул его в золу и принялся энергично чистить белые, как перламутр, зубы. Потом по траве, окропленной утренней росой, спустился к ключу и, хватая пригоршнями ледяную воду, умылся, фыркая от удовольствия. Вернувшись, просушил мокрое лицо и руки у ожившего костра. Захар к этому времени приготовил чай.

Подкрепившись, упаковали котомки, окинули хозяйским взглядом стоянку — не забыли ли чего, и тронулись навстречу солнцу.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Разбуженный ветерок разносил свежесть хвойного леса и терпкий запах багульника.

По дну ущелья идти было легче — мотаясь от одного склона к другому, по нему вилась торная звериная тропа. Иногда ее перегородивали свежие осыпи или остатки еще не растаявших наледей, но они практически не затрудняли ходьбы.

К вечеру скитники достигли устья ущелья, выходящего прямо к реке. Корней оценивающе поглядел на зависшее над горизонтом светило: прикидывая, сможет ли он до темноты подняться на утёс, чтобы с его высоты отыскать на широкой долине столбы дымокуров дедова становища?

«Если поторопиться, можно успеть», — прикинул он и, наказав Захару готовить ужин, побежал к утёсу, тараня прибрежные кусты. Вдруг земля под ногами исчезла. Не успев что-либо сообразить, Корней с головой погрузился в воду. Отчаянно работая руками и ногами, он вынырнул. Течение подхватило его и понесло прямо на ветвистое дерево, застрявшее посреди реки. Через несколько секунд он врезался в густую крону. Цепляясь за гибкие ветви, Корней с кошачьей ловкостью взобрался на вибрирующий под напором воды ствол.

— Господи, как Ты добр ко мне! Благодарю Тебя за бесконечную милость! — прошептал он, и перебрался по толстой боковой ветви на отмель. Оттуда вброд достиг берега и заторопился к Захару.

ЭВЕНКИ

Попутру их ожидал сюрприз: из-за реки долетел отдаленный лай собак, следом вездесущий сплетник-ветер нанес запах дыма вперемежку с едва уловимым ароматом вареного мяса. Найдя широкий брод, ребята пошли, ориентируясь на лай. Через полверсты показались остроконечные жилища эвенков — чумы и понурые олени возле дымарей.

Собаки, а среди них были и настоящие волкодавы, первыми учуяли чужаков и, устрашающе рыча, бросились навстречу. Корней с Захаром, не обращая на них внимания, прошагали к чуму, возле которого стояли пустобородые тщедушные эвенки в оленьих рубахах с коротко, по-летнему, стриженной шерстью. Их лица выражали изумление от неожиданного появления рослых лучи с поклажей на спинах.

СКИТНИКИ

— У-уу, совсем бедные — даже одного орона¹ нет.

— Конесно бедные, ружей нет, просто палки, — толмачили они промеж собой, пуская из коротеньких трубок клубы дыма, пока незнакомцы подходили к ним.

За несколько шагов скитники остановились, поклонились в пояс и поприветствовали по-эвенкийски:

— Дорова!²

Те дружно откликнулись:

— Дорова! Дорова, хэгды лучи!

Окружив ребят и возбужденно лопоча по-своему, они осторожно трогали пришельцев за рукава курток.

Ребятам показалось чудным, что эвенки похожи друг на друга: у всех продубленная смуглая кожа, узкие разрезы глаз, широкий, как будто с продавленной переносицей, нос и одинаково приветливая улыбка.

Вдруг седой старик с быстрыми, живыми глазами, вытянув морщинистую шею, возбужденно закричал, точнее, почти заверещал:

— Есейка! Есейка! Смотрите! Мой кутэ³ Есейка пришел!

Не доставая до плеч, он обнял Корнея за пояс.

Тот, догадавшись, что перед ним его дедушка, подхватил старика и закружил, как пушинку.

— У-у, какой сильный! Настоящий луча хомоты!..⁴ Как моя дочь? Пошто с собой не взял?

— Амака⁵, я ведь не Елисей, я его сын, твой внук, Корней.

— И то гляжу, молодой больно. Я старел, а кутэ не старел. Вот глупый, ум терял, страшное дело. Внук тоже хорошо!.. А это кто?

— Друг мой, Захар.

— Духи правильно говорили — оленя вари. Идём, встречу гулять будем, страшное дело!

Пригнувшись, по очереди вошли в крытый берестой чум. В нём пахло шкурами, дымом и аппетитным варевом. Друзья осмотрелись.

¹ Орон (*эвенк.*) — домашний олень.

² Дорова (*эвенк.*) — здравствуйте.

³ Кутэ (*эвенк.*) — зять.

⁴ Луча хомоты (*эвенк.*) — русский медведь.

⁵ Амака (*эвенк.*) — дедушка.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Посреди очаг, над ним большой котел. Дым уходил через отверстие в верхней части каркаса из жердей, скрепленных ремнями. На поперечинах висят вещи. На земле, вдоль стен — сундуки, домашняя утварь, посуда. Спальный угол загорожен пологом из оленьих шкур. Оттуда поглядывает любопытная малышня.

— Смотри, сын нашей дочери пришёл!

Пожилая женщина, подошла и обняла.

— Зовут как? — спросила она, разглядывая внука.

— Меня Корнеем, его Захаром.

— Всех зову, встречу гулять будем.

Ребят усадили за низкий столик со светильником — каменной чашей, заполненной жиром, посреди которого горели два фитили из скрученного мха. Эвенки расселись вокруг на камаланах — маленьких меховых ковриках, скрестив ноги.

Старшая дочь Агирчи, женщина с густым брусничным румянцем на щеках, в опрятном платье с широким подолом и шароварах, заправленных в легкие, из мягкой замши, ичиги, подала большое берестяное блюдо с грудой светящегося янтарным жиром оленьего мяса и мозговых костей.

Во время еды никто не проронил ни слова. Мерно работали челюсти, мелькали длинные, узкие ножи, ловко отсекавшие мясо кусок за куском прямо у рта. Урчали желудки, довольно почмокивали губы, хрустели обглаживаемые кости: в чуме царил культ еды. Масленные от сытости и удовольствия глаза эвенков сладко щурились, становясь ещё более узкими.

Корней с Захаркой, заразившись поэзией первобытного довольства, тоже поддались стихии чревоугодья. Им как почетным гостям на отдельном подносе подавали самые лакомые куски, включая олений язык.

Блюдо уже второй раз заполнялось вареной олениной доверху. Наконец все наелись, и на месте медного таза с обглоданными костями появился большой закоптелый чайник. Пили неспеша, смакуя каждый глоток. Покрякивая от наслаждения, Агирча, прижав к груди жиденькую бородёнку, отирал со лба рукавом крупные капли пота. Корней с Захаром тоже опорожнили несколько чашек.

СКИТНИКИ

И только после окончания чайной церемонии, когда эвенки набили трубки табаком, хозяин, сладко затянувшись и одновременно поправляя угли открытого очага, обратился к внуку:

— Теперь говори, как живете. Всё говори. Страшное дело, много говори.

Корней, передав подарок от матери — ржаные лепёшки, хозяйственную утварь из бересты, подробно рассказал про свою семью; про ладный быт, про большой, теплый дом, в котором они все вместе живут.

— Пошто старика забыли? Долго не ходили?

— Нам нельзя без дозволения наставника покидать Впадину, чтобы никто не проведал, где мы хоронимся. Особливо острожники.

— Э-э-э, острог давно нету. Сгорел, страшное дело. Одни мы тут кочуем. Ниже род Сапкара. Лучи здесь больше нет. Худо стало. За припасом далеко ходи. Страшное дело.

* * *

Миновал полдень, когда наевшиеся ягеля олени волнистым серобурым потоком потекли сквозь лес к реке передохнуть на ветру от комаров. Далеко разносились их шумное дыхание, шлепанье копыт, густое похрапывание. Шерстистые, мягкие летние рога то вскидывались, то опускались, напоминая раскачиваемые ветром ветки кустарника, опушенные коричневым мхом.

При виде этой лавины Корней охватили восхищение и гордость за деда, который легко управлял этой рогатой ратью. Агирча, довольный произведенным впечатлением, сиял:

— Своим скажи: куда как хорошо живем... У отца сколько оронов?

Узнав, что у зятя до сих пор нет собственного стада, старик помрачнел. Морща широкий лоб, он то и дело огорченно приговаривал:

— Бедная хутэ¹, бедная, ой бедная!

Корней принялся успокаивать деда, объясняя, что домашние олени им ни к чему — ездить некуда, а для пропитания во Впадине в избытке диких.

¹ Хутэ (эвенк.) — дочка.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Э-э-э... — Старик несогласно махнул рукой. — Люди без оленя не живи, пропадай быстро. Моих оленей бери, хорошо живи.

Тронутый заботой и добротой, Корней не стал спорить с дедом.

Ягельные поля вокруг стойбища истощились, надо было перебраться на свежее пастбище. Эвенки уложили закоптелые берестяные покрывки с чумов на грузовые нарты. Домашнюю утварь упаковали в кожаные мешки и навьючили их на грузовых оленей. Двое из них были с люльками, из которых поглядывали самые маленькие представители кочевого племени.

На спины верховых водрузили сёдла — мягкие подушечки, крепко притянув к бокам сырмятными подпругами. Агирча взял поводной ремень, привязанный к шее самого крупного быка, и ловко оседлав его, с криками: «От! От!», повёл длинный караван к месту новой стоянки. Откочевали недалеко — верст на шесть вниз по реке. Как раз туда, где находились мощные солончаки. В дороге встретили медведя. Агирча уважительно поприветствовал его:

— Дорова, брат!

А Корнею пояснил:

— Хомоты¹ тоже люди. Только рубаха другая. Иногда сердится. — При этом старик поднял вверх волосы и обнажил на затылке красный от уха до уха бугристый шрам — след от медвежьих когтей.

Подъезжая к стоянке, Корней уже издали увидел конусовидные каркасы чумов, очаг посреди каждого. (Эвенки из года в год кочуют по одному и тому же кругу, и на стоянках с чумов снимают только берестяные покрывки, да и то не всегда.)

Разгрузив оленей, женщины с детьми натаскали сырых веток и разложила несколько дымокуров, а мужчины ушли собирать в стадо отставших телят. Надо поторапливаться — на их тревожное мычание могут примчаться волки, и тогда быть беде.

Прошло десять дней. Всё это время брат матери Корнея, Бюэн, помогал ребятам заготавливать на солончаке соль. Набрали и выпарили около трёх пудов. Теперь, готовясь к возвращению, они паковали

¹ Медведи.

СКИТНИКИ

груз в кожаные сумки. Женщины к этому времени закончили шить рукавицы — подарки русской родне. Агирча после долгих споров уговорил всё же внука взять трех оронов, чтобы тяжелую соль везли они.

В последний вечер перед отъездом Корней неожиданно решил, что, поскольку груз понесут олени, Захар в скит отправится один, а он останется ещё на месяц в стойбище — так ему понравилось здесь.

Утром, узнав об этом, дед даже расплакался от радости:

— Добрый внук. Любит Агирчу. Страшное дело.

Живя в стойбище, Корней старался как можно большему научиться. Он не только помогал лечить оленей, но и, к восторгу кочевников, вскоре стал сам ловить арканом оленей, править упряжкой. По ночам вместе с Бюэном ходил лучить тайменя с доски, выступающей с носа лодки. На дикого зверя не охотились, так как семья имела большое стадо и недостатка в мясе не испытывала. Да и времени на охоту не оставалось — уход за стадом занимал порой весь день.

Больных животных Корней лечил, как и людей, используя те же настойки и мази. Эвенки, видя, как быстро вялые, худые олени, преобразуются, прониклись к Корнею особым почтением и стали величать его на свой лад — шаманом.

Агирча, похлопывая себя по засаленным штанам, с важным видом говорил всем:

— Мой внук ученый, страшное дело! Большой шаман.

Вечерами, когда все собирались у костра, Корней рассказывал им о Боге, о православной вере, жизни Христа, его заповедях. Кочевники слушали и одобрительно кивали: «Ая Христос илэ¹. Пожалуй, эвенком был».

Подошла пора и Корнею возвращаться домой. Но небеса спутали планы. Ночью на стадо напали волки, и, когда Бюэн стрелял в них из берданки, последний патрон дал осечку. Утром, он принялся выковыривать шилом негодный капсюль. Тот воспламенился, и заряженный патрон вогнал картечь в пах оленевода.

¹ Ая Христос илэ (эвенк.) — хороший Христос человек.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Рана, к счастью, оказалась неглубокой, но весьма болезненной: бедняга не мог даже шагнуть. В такой ситуации совестливый Корней не мог уйти. Прежде следовало поднять дядю на ноги, одновременно выполняя его обязанности по уходу за стадом.

Агирча в тот же день забил рогача и повёз его голову на родовое святилище, дабы духи помогли сыну быстрее выздороветь. За многие десятилетия там уже выросла целая гора черепов с ветвистыми рогами.

Пока у Бюэна затягивалась рана, эвенки два раза откочевывали на свежие пастбища. Все народившиеся весной олениа — тугутки, выжили и заметно подросли. Да и среди взрослых оленей не пало ни одного, хотя волки порой крепко досаждали, но собаки и оленеводы всегда были начеку.

Когда хвою лиственниц подёрнуло золотом, кочевье вышло на южную границу владений Агирчи. Дальше простирались пастбища его свата Сапкара. Тут оба рода каждый год встречались и несколько дней пировали, как говорил Агирча, «отмечали дружбу».

От Сапкара они узнали, что главного русского начальника — царя Николая, убили, и сейчас вместо него правит какой-то Совет. Что люди на Большой земле разделились на «красных» и «белых», и они смотрят друг на друга сквозь прицел винтовок, повсюду льется кровь. Южные эвенки и якуты, спасая жизни, откочевали на север, где всё по-старому.

«Опять раскол, — подумал Корней. — Благодарение Создателю, что никому неведом наш скит».

Агирча, у которого было пятеро дочерей и всего один сын — Бюэн, втихаря завидовал Сапкару. У того было пятеро сыновей и одна дочь — жена Бюэна.

Старший сын Сапкара, высокий, жилистый, с глазами цвета густого чая и неподвижным, без тени улыбки скуластым лицом, казался среди низкорослых соплеменников великаном. И имя у него было соответствующим — Хэгды¹.

¹ Хэгды — большой, крупный (*эвенк.*).

СКИТНИКИ

Не оленевод, а охотник-промысловик, он приходил в стойбище только ночевать. И сейчас, целыми днями разъезжая на упряжке, Хэгды промыслил заживевших за лето гусей и уток.

Услышав свист крыльев, вскидывал ружье и стрелял, ориентируясь лишь на звук. (Сбитую дичь приносила обученная лайка.) Для хорошего промысловика это, конечно, норма, но меткость Хэгды восхищала потому что он был слепым (зрение потерял после болезни в пятилетнем возрасте). Про него говорили:

— Хэгды ушами видит лучше, чем мы глазами.

У незрячего охотника, как и у Корнея, тоже был пернатый друг, только не беркут, а сокол сапсан.

Когда Хэгды выходил из чума, тот, взмахнув серповидными крыльями, тут же слетал с дерева и садился ему на плечо. Водя по сторонам головой, зорко осматривал немигающими, с желтым окаёмом, глазами окружающий лес. Затем доверительно приспускал крылья и тихо клекотал что-то другу. Охотник ласково гладил птицу и шёпотом отвечал.

После этого сокол срывался и, со свистом рассекая воздух, летел в ему одному известном направлении. За ним, радостно взылая, убегала собака, а следом на упряжке, запряжённой оленями, ехал охотник. Возвращались они тоже вместе, обычно под закат и почти всегда с добычей.

Корней с Хэгды сразу подружились и частенько допоздна засиживались у костра. Беседовали о разном. В основном о Боге. Эвенк, хотя и был крещён, как и все в их роду, продолжал поклоняться лесным духам. Но, общаясь с Корнеем, так проникся идеями православия, что стал даже носить крестик и молиться перед единственной в их чуме иконкой.

ПЕРЕКОЧЕВКА

Красное, будто стыдясь, что плохо греет, октябрьское солнце плыло над рекой в ожидании ледостава. Шурша и позванивая, шуга — «лоскуты» замёршей воды, двигалась бесконечной массой, с каждым часом замедляя свой бег. Кружевные просветы зябко парили. Все медленнее и медленнее движение белых лепешек, и наконец всё замерло — река, дыбась торосами в узких местах, встала!

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Обратно на верхние пастбища род Агирчи возвращался уже по льду, припорошенному снегом. Мороз накрыл окрестности дымчатой вуалью. Всё вокруг выглядело торжественно и сказочно. Провожать соседей вышло всё кочевье Сапкара. Люди стояли на берегу и, выкрикивая: «Аят бикэллу!¹», махали руками, до тех пор пока не скрылась за извивом реки последняя упряжка. Следующая встреча через год...

Олени, подстёгиваемые стужей, резво трусили по руслу, в клубках пара, вырывавшегося из ноздрей, и мраморной пыли, брызжущей из-под полозьев и копыт. На шее хорей² побрякивали гирлянды белых костей. Накрыв голову меховым капюшоном, Корней вглядывался в ожерельем ледового припая, лесистые берега и склоны гор, пытаясь разглядеть признаки жизни, но напрасно. Все живое словно вымерзло. Однако это не так. Жизнь продолжалась, только стала скрытней для беглого взгляда.

Ага! Вон туманной тенью пробежал заяц-беляк, а между деревьев, блеснув на солнце серебристой изморозью меха, мелькнула спинка соболя. А вон посыпалась с ветвей снежная кухта. Это белка. Под береговым надувом едва приметные следы горностая. Возле его норки рубиновые капли крови.

Неожиданно оглушительный треск расколол безмолвие — лопнул от мороза лед. Соболю, мышковавший под сугробом, испуганно вынырнул из рыхлой толщи и, совершив громадный прыжок, вскочил на седую ель и помчался по стволу к густой макушке. В морозной тишине было слышно, как царапали сухую кору его острые коготки. Раскатисто крукая, торопливо пересек реку таежный вешун — ворон. Провожая его взглядом, Корней невольно вспомнил родителей. «Поди, заждались меня. Обещал же вернуться через месяц после Захара...»

Неглубокий белый саван, покрывавший лед, не мешал быстрой езде, и кочевники добрались до зимних пастбищ за пять дней. Не успели они обустроиться, как из стойбища Сапкара, откочевавшего в таёжное глухоселье промышлять пушнину, примчалась упряжка.

— Хэгды собрался умирать! Жалко Хэгды, совсем молодой, — чуть не плача просил седой от куржака гонец. — Отпусти Агирча внука, Хэгды его зовёт.

¹ Аят бикэллу (эвенк.) — До свидания.

² Хорей — бык северного оленя, вожак.

СКИТНИКИ

— Зачем много говоришь? Закон эвенков — помогай в беде, — обиделся старик.

Мигом снарядили Корнея и нарты понеслись обратно.

Пронзительный ветер гнал по руслу клубы снега. Спотыкаясь о торосы на поворотах реки, они громоздили сугробы. Из-за мороза и быстрой езды путники обморозили носы и щёки, зато до стойбища Сапкара добрались в небывало короткий срок.

Травами и кореньями, припарками да молениями молодой лекарь за седмицу поставил друга на ноги.

Счастливый Сапкара, обнимая спасителя сына, не знал, как отблагодарить молодого «шамана».

— Оставайся до весны. Жирный мясо есть будем, чай у костра пить будем. Хорошо жить будем!

— Спасибо, дядя Сапкара, но меня родители заждались. В скит пора.

— Тогда бери упряжку ехать скит.

— Спасибо, Сапкара, щедрый вы человек, но я не за плату вам помогал. Я спасал друга.

— У нас тоже обычай. Можешь помогать — помогай! Но оленей бери. Снега много.

Провожали Корнея с великим почетом. Удобно устроившись на нартах, скитник гаркнул: «Геть, геть!» Обезженный хорей, не оглядываясь, прижал уши, куснул пристяжную, и нарты стрелой понеслись по реке, обстреливая путника белыми комочками, вылетающими из-под копыт.

Часа через четыре нарты пересекли странный след. Скитник остановился. Характер вмятин с правой стороны свидетельствовал о том, что прошел медведь. Слева тянулась глубокая борозда. Миша явно что-то тащил. Раздираемый любопытством, Корней слез с нарт, взял берданку и пошёл по следу. Вот здесь зверь долго стоял. Отдыхал, похоже. Зимой из берлоги вышел — значит, совсем голодный. Что же он такое упорно тащит?

В это время со стороны реки раздались громоподобный рев и хорканье оленей. Путник бросился назад, но, когда подбежал к месту, где оставил упряжку, ее там не было: перепуганные вернувшимся шатунном оленю умчались с нартами в сторону родного стойбища. Судя по следам, и косолапый побежал за ними.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

К счастью для Корнея, нарты при резком развороте перевернулись, и котомка с провиантом осталась на снегу.

Скитник оказался перед затруднительным выбором: возвращаться за оленями в стойбище Сапкара или продолжать путь к деду?

До дедова кочевья было ближе — верст тридцать, если считать по извивам реки, а напрямик, через горы, так и вовсе не более двадцати. Одолеть тридцать верст по глубоким сугробам без снегоступов даже выносливому Корнею было не под силу, и он выбрал дорогу покороче, через невысокий отрог.

Чтобы меньше проваливаться в снег, оторвал рукава оленьей кухлянки и надел их на торбаса.

День уже покинул долину, о нём напоминали лишь отсветы заката, а скитник всё карабкался в звенящей тишине на отрог по замёрзшему ключу без остановок. Первые версты дались легко, но ближе к изголовью распадка много сил и времени отняли скользкие наплывы ледопада. По его закраинам сочилась, клубясь паром, грунтовая вода. Обойти ледопад не позволяли крутые заснеженные склоны с обеих сторон.

Чтобы одолеть это препятствие, Корнею пришлось вырубать топором во льду ступеньки. меховые «рукава-снегоступы» от воды оледенели, и при любом неверном шаге скитник мог скатиться вниз, и тогда подъем пришлось бы начинать сызнова.

Пройдя ледопад, путник сбил со «снегоступов» смёрзшиеся комья и продолжил подъем: до гребня отрога было уже рукой подать. Смёрзшаяся шерсть скользила, и Корней то и дело падал. От неимоверного напряжения он весь взмок. Вокруг деревьев трещат от мороза, а от него пар валит так, словно он выскочил из жарко натопленной бани. Шапка, борода и воротник побелели от инея.

Моля Господа о помощи, парень шел и шел, останавливаясь только для того, чтобы восстановить дыхание. Звезды на черном небосклоне, перемигиваясь, дивились упорству человека. «Зачем он карабкается к нам? Чего ему от нас нужно?»

Взобравшемуся на водораздельный гребень Корнею показалось, что подъем длился вечность. На востоке уже проступили первые признаки рассвета. Мохнатые снежинки звезд постепенно таяли на светлеющем небе, и вскоре настал черед подивиться восходящему

СКИТНИКИ

солнцу — с горы, вздымая снежные вихри, неся, сидя на кухлянке, человек. Умело лавируя между деревьев и кустов, он лихо скатился на пойму. Отсюда уже рукой было подать до стойбища.

Эвенки, пораженные тем, что Корней сумел вернуться к ним пешком, через горы, разглядывая то, что осталось от кухлянки, цокали языками и качали головами.

— Мой внук не только шаман, он лось, страшное дело, — хвалился гордый необыкновенной выносливостью и находчивостью внука Агирча.

За время отсутствия скитника, Бюэн уехал на оленях на юг к якутскому купцу за мануфактурой и огнестрельными припасами.

Хитроватый Агирча, оставшись без главного помощника, чтобы задержать внука, уговорил его дожидаться возвращения Бюэна.

* * *

Дорога домой всегда короче, чем из дома.

Нетрудно представить, какое оживление в скиту вызвало возвращение всеобщего любимца, сколько было разговоров и радости. Весть о том, что казачий острог опустел, всех удивила, но вместе с тем и успокоила. А в то, что царя убили и правит не божий помазанник, а какой-то Совет, не поверили.

— Брешут всякое. И ране царей убивали, но заместо убиенного всякий раз другой садился. Как же без царя? Рассее без царя беда!

Больше всех, не считая, конечно, родных Корнея, радовались его возвращению женщины и охотники. Для первых он принес нитки, иголки и прочую мелочь, а для вторых — бесценные огнестрельные припасы. Луки хороши, когда сухо, а при влажной погоде тетива вытягивается, слабеет, да и сама дуга теряет упругость.

Но никто не заметил, что возвращение Корнея сделало самым счастливым человеком русоволосую девчущку по имени Дарёнка, с малых лет тайно вздыхающую по недогадливому парню...

* * *

Седовласый Никодим сидел под деревом и глядел на тропинку, когда на ней показался любимый внук. Сразу просияв лицом, он поднялся и шагнул навстречу:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Здравствуй, радость моя! Красно солнышко! Чуюл, что сегодня явишься...

— Доброго здоровья деда!

Никодим слегка отстранил внука и внимательно оглядев, пожурил:

— Ну и погулял, ты, голубчик. Я волновался, истомились в неизвестности... Следовало бы тебя за самовольство наказать.

Сказал это старец вроде строго, а глаза при этом сияли от радости безмерной.

— Прости, деда, так уж сложилось, не мог оставить людей без помощи. Кстати, эвенки тебе премного благодарны, кланяться велели.

— За что же?

— За премудрости лекарские, которым ты меня обучил.

— Благодарствую за добрые слова. Оне и мне, старику, дают силы и усладу душе. Отраднo, что познания мои на пользу пошли.

Что-то мягкое, теплое коснулось ноги Корнея. Простак! Уже лежит рядом, легонько бьет хвостом и заглядывает в глаза. Корней принялся ласково поглаживать собаку, счастливо вздрагивающую от каждого прикосновения. При этом глаза Простака светились бескорыстной преданностью, свойственной лишь собакам.

— Тоже послушать нас хочет... Мы тут с ним летопись общины дописали. Все главы ему прочитал. Так что Простак у нас теперь просвещенный... А как он чувствует мелодию молитвы! Совсем как человек... Запою псалмы, так он нота в ноту подвывает... В начале зимы Лютый приходил. Простак поначалу не признал, чуть было не сцепились... Здоровенный стал, но что-то исхудал. Хотел покормить, так он ни крошки не взял. Ушел, не поев. С тех пор не видел... Да что я все говорю да говорю. Давай-ка, голубчик, сам рассказывай.

Внук подробно, день за днем, поведал старцу о неожиданно затянувшемся гостевании.

— Молодец, сынок. Рад, что употребил время для доброделания, — похвалил Никодим, — без добрых дел и любви человек не может зваться человеком.

Корней пробыл в пустыни всего один день, но и этого времени хватило, чтобы заметить, как сильно сдал дед. Говорить стал медленно. Скажет слово и молчит, улыбаясь, как будто продолжает с кем-то бесе-

СКИТНИКИ

довать. И выражение глаз переменялось. Стало просветленно-детским и в глубине появилось нечто особенное, другим недоступное.

Обратно в скит Корней уехал на Снежке, наконец явившемся на призывный свист. А вот Лютый так и не объявился...

ВТОРОЕ СТРАНСТВИЕ

Жизнь в общине текла своим чередом. Впадина, как огромная, неиссякаемая чаша щедро кормила скитников и зимой и летом. Не было такого года, чтобы старoverы бедствовали от голода. Ежели скудели олени стада, гусиные стаи, то в избытке плодились глухари, тетерева либо зайцы. Ежели не родились кедровые орехи, болотины усыпали брусника с клюквой.

С той поры как Корней вернулся от эвенкийской родни, в будничных хлопотах пролетело два года. И вновь его беспокойная душа рвалась в дорогу. Почти каждую ночь снились уходящие вдаль хребты. Он представлял, как взбирается на их вершины, переправляется через могучие реки.

В скиту же назрела и требовала решения новая проблема. Скитские бабоньки почему-то рожали большей частью пацанов, и теперь для подросших ребят где-то надо было найти невест. Посему на общем сходе порешили искать поселения одноверцев. О том, что они есть где-то на юго-западе, старолубцы слышали от эвенков.

Обсуждая, кому поручить столь ответственное дело, сразу склонились в пользу Корнея. Он знал их язык, что для успеха замысла могло сыграть решающую роль.

— Пора бы и тебе, Корнюша, — напутствовал отец, — хозяйшкой обзавестись. Вона и борода у тебя скоро с моей тягаться зачнёт...

* * *

Рассвет чуть забрезжил, а Корней, сопровождаемый веселым пере-свистом рябчиков и поклонами малиновых метелок кипрея, уже переходил речку по окатышам, с хрустом расползавшимися под ногами.

Идёт парень, а в груди непривычное волнение поднимается: перед его мысленным взором стоит зардевшееся лицо Дарёнки. Она только что догнала его и смущённо сунула в руку вышитый рукодельный пла-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

точек. Не проронив ни слова, глянула ему в очи так, что обожгла сердце, и тут же убежала, демонстрируя дивную статью, обратно в скит.

«Господи, неужто это та самая худющая, нескладная девчонка, которая, стоя у скитских ворот, дрожа от холода, пялила на меня серые огромные, немного навывкате глаза, когда я возвращался от Горбуна. До чего стройна и пригожа! Когда это она успела расцвести! Живём вроде рядом, а я не замечал?!» — не переставал изумляться парень.

У подножия Южного хребта, более приземистого по сравнению с Северным, путник поплотней притянул к спине котомку, надёжней заткнул за пояс топор и начал подъем к перевалу.

С обратной стороны хребта, навстречу ему, спешило отдохнувшее за ночь солнце. Гора, воздвигая на пути скитника поваленные стволы и груды серых глыб, как будто умышлено оттягивало время их свидания. Наконец Корней и солнце увидели друг друга, и их лица засияли от радости новой встречи.

Выскобленный ветрами и иссеченный тропами снежных баранов водораздел покрывала мелкая щебенка. В отличие от округлых речных окатышей она была угловатой, с шершавой поверхностью покрытой узорчатыми разводами лишайника. Представшие взору южные склоны хребта рассекали глубокие, словно следы от ударов гигантского меча, прорези ущелий. По ним мчались белопенные ручьи.

Не успел Корней оглядеться и решить, где легче будет спускаться на нижнее плато, как с востока черным вороньем надвинулось скопище брюхатых туч, стремительно поглощавших все вокруг. Выбирать времени не было: пришлось воспользоваться ближайшим к нему распадком.

Тучи, проседали всё ниже и ниже, пропитывая воздух влагой, сумрачностью и растущей напряженностью. Корней, спускаясь по шатким камням, рисковал в любой момент сломать не только ноги, но и шею. Тем временем провисшее брюхо одной из туч настигло его. Путник пригнулся и припустил по ещё различимым камням вниз, рассчитывая найти укрытие от неминуемой грозы. Но туча не отставала. Продвигаться приходилось уже почти на ощупь, ориентируясь на шум ручья. Парень понимал, что дальше идти не только бессмысленно, но и смертельно опасно. Тут весьма кстати подвернулась просторная скальная ниша. Он устроился в ней, чтобы переждать нашествие туч, поглотивших всё вокруг.

СКИТНИКИ

Собрав древесный хлам, Корней достал из котомки прядь сухого мха. Ударом кресала о кремень высек искры и запалил костерок. Робкие язычки, разгораясь, побежали, затрещали по сухим веткам и через минуту слились в трепещущее рыжее солнышко. Глядя на его завораживающие язычки, Корней не заметил, как задремал, осмотрелся. Ниша была довольно просторной. Дно имело заметный уклон в сторону ручья. Поблагодарив Господа за предоставленное убежище, он, глядя на костерок, пробормотал: «Что-то притомился я», — и, свернувшись калачиком, тут же уснул.

Но то, что вскоре началось, подняло бы на ноги даже мертвого. Дело в том, что скитник оказался в самом центре вызревшей к тому времени грозы.

Раскаты грома, усиленные многократным эхом, были настолько мощными, что оглушили скитника. Вскочив, он ошалело завертел головой. Гранитный монолит дрожал под его ногами.

— Господи, сохрани и помилуй, — перепуганно зашептал Корней, защищаясь крестным знаменем.

Непроницаемая тьма то и дело озарялась мутно-белыми всполохами сатанинского сияния. Они следовали один за другим: то ослепительно-яркие, то чуть видимые. Канонада не утихала ни на секунду. Ущелье накрыли потоки воды. По склонам застучали срывававшиеся от раскатов грома и ударов молний камни.

Внезапно черноту, в саженях двух от скитника, расколол слепящий столб. Корнея подбросило. Нижняя кромка ниши, в который пришёл удар молнии, на глазах покраснела. Всё это сопровождалось столь резким и сильным грохотом, что парень на какое-то время вообще перестал слышать.

Вакханалия света, грома и воды длилась, казалось, бесконечно. Наконец, гроза, утробно порывивая, стала удаляться, но ливень не ослабевал. Раскаты грома теперь заглушал клокочущий рёв ручья, превратившегося в неукротимый, бешеный поток. Корнея то и дело обдавали брызги подступающей воды. Он невольно поёжился: не ровен час, смоем и так измолотит о камни, что даже воронам ничего не останется:

— Пока не поздно, надо выбираться из этой ловушки!

Нащупав рукой границу подступающей воды, скитник понял, что нишу скоро затопит. Надо срочно выбираться.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Надев котомку, Корней осторожно, не отрывая ступней от пока-того дна и одновременно упиравшись рукой в боковину ниши, двинулся к её краю. Пока вода была до колена, он уверенно противостоял ее напору, но приходилось заходить все глубже и глубже. Господь наконец смилостивился: боковина ниши, плавно загибаясь, открыла выход на склон.

Ощупывая в сумраке каменные выступы, Корней, сразу насквозь вымокший под ливнем, поднялся на несколько саженей. Здесь, на крохотной площадке, он простоял, вслушиваясь в надсадный рёв ручья, часа два. В голове гудело от удаляющихся раскатов грома, ноги подкашивались от усталости, но Корней молился и молился: «Отче наш Всемогущий! Спаси и сохрани! Спаси и сохрани! Не о себе молю, а лишь о братьях и сестрах, пославших меня в дальнюю дорогу с надеждой найти одноверцев. Молю Тебя о милости: не дай сгинуть. Укрепи дух! Помоги мне, Господи, исполнить волю братьев моих! Аминь!»

Как только ливень прекратился, видимость заметно улучшилась. А вот и солнце! О, Великое Живительное Солнце! Как ты преображаешь всё вокруг и меняешь настрой чувств и мыслей человека!

Пережив за свой короткий век уйму разных приключений, Корней воспринимал их как нечто само собой разумеющееся. Если иному человеку происшедшее за эти часы могло отбить охоту к странствиям на всю жизнь, то для Корнея это показалось небольшим осложнением в пути.

Внизу по-прежнему надсадно ревел, злобился бурный поток. Скоро его грозная мощь иссякнет, и вода пойдет на убыль, но стоит ли ждать, когда он утихомирится? Пожалуй, разумней попытаться прямо сейчас подняться вверх.

Эта мысль понравилась Корнею, и он, карабкаясь по уступам, словно горный козел, сумел одолеть почти неприступную стену и выбраться на плато, от края до края покрытое хвойной тайгой, пропоротой местами суставчатыми скалами.

Сквозь густые еловые лапы солнечные лучи едва пробивались. Стоял вечный полумрак и не росла трава. Зато, сколько пухлых мхов и лишайников! Изумрудными коврами устилали они землю, седыми прядями поднимались по стволам, свисали с ветвей.

Деревья после грозы стояли неподвижно, словно ошеломленные разгулом стихии. Всё вокруг было пропитано влагой. На кончиках

СКИТНИКИ

иголок трепетали капельки, в которых редкие, сумевшие проникнуть сюда лучи, сверкали драгоценными бриллиантами. Ноги утопали в толстом моховом ковре, скользили по сырým вылѐжинам. Тихо и безжизненно было в этой глухой чаще. Только кабарожкам, небольшим, сторбившимся, будто от страха, олешкам мила такая сумрачность и сырость. Темные силуэты этих пугливых созданий и их негромкие вскрики «чиф-фый» изредка нарушали царящее здесь безмолвие.

Целый день, то и дело пригибаясь и разводя руками колючие лапы, продираясь Корней сквозь эту угрюмую чащобу. Наконец деревья расступились и выпустили путника на простор. Лесистое плато уступами спускалось к травянистому предгорью с редкими листовницами и кустиками багульника. Корней вскоре оказался на равнине. Всюду блюдца озерков с чёрной, словно маслянистой, водой. Попалось и несколько больших озер. Из одного вытекала довольно полноводная речушка.

«Буду держаться русла — люди всегда селятся по берегам», — решил Корней и зашагал по звериной тропе вниз по течению. И, правда, на следующий день стали попадаться кострища, ямы, кучи песка вперемешку с галькой. Будь Корней знаком со старательским промыслом, он бы сразу смекнул, что здесь мыли золото.

«Выходит, не ошибся — люди где-то поблизости?!» — радовался он.

Ещё шагов через пятьдесят до скитника донесли необычные шаркающие звуки и плеск воды. Осторожно подойдя, Корней увидел невысокого, широкого в кости, загорелого старика, с седой копной спутанных волос, покрывавших даже плечи, и разлохмаченной на всю грудь бородищей, в холщовых латанных штанах, линялой рубахе. Мурлыча что-то под нос, усыпанный крапом неистребимых веснушек, старик, держа корыто над водой, покачивал его круговыми движениями, одновременно понемногу сливая то, что в нем находилось.

Скитник, осторожно кашлянув, подошёл поближе:

— Бог в помочь, мил человек!

— Благодарствую, коль не шутишь, — весело откликнулся корытник, ничуть не удивившись внезапному появлению человека. — Не зря ворон встречь летел, вот и гости! Откель явился, ангел божий? Подобру ль, поздорову?

— Издалече. — И Корней неопределенно махнул рукой.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Ладно, паря, не темни. Поди, из Варлаамовой общины. Колодка твоя мне знакома. Никодимова порода.

Ошарашенный путник не знал, что и сказать. Безотчетно осенив себя крестным знамением, попятился.

— Да не пужайся. Знакомец я деда твоего. Мужикам вашим, почти-тай, жизнью и волей обязан. До Бешеных порогов с ними хаживал.

Тут Корнею припомнился рассказ деда о шебутном, бесшабашном старателе, оставшемся на порогах Глухоманки.

— Уж не Лешак ли вы, дядя?

— Вот видишь, и ты меня знаешь! — обрадовался старик. — Один мудрец говорил: «Свиделся раз — товарищ, свиделся два — приятель, свиделся три — друг». Так што я вашей братии теперича в друзья гожусь. Велика мать-тайга, однако ж тропы людей нет-нет да пересекаются.

Действительно, надо же такому случиться, чтобы свел Господь Вседержитель этих двоих, возможно, единственных на сотни верст людей, на этом неприметном ручье.

«Удивительно всё это!», — невольно подумалось Корнею.

Старатель, словно читая его мысли, произнес:

— А ты ведь, голубчик, тута неслучайно. Тебя мне Господь пожаловал. Дело есть. Подсобишь?

— Отчего ж не подсобить, коли дело богоугодное.

— Дело, пожалуй, не совсем богоугодное, но управиться с ним может тока божий человек. А ты, сразу видать, душа непорочная, пред Богом чист, яко младенец, тебе все врата открыты. Так вот: обнаружил я недалече, в брошенном монастыре, тайник, но один остерегаюсь открыть его. Моего напарника, прости, Господи, грешника, давеча прямо у входа завалило. Пока откапывал, задохся, сердешный. У тебя дело, думаю, сладится. Айда прям счас глянем, штой-то тама схоронено.

Лешак повел на вершину холма, где в окружении деревьев стояла за стенами из дикого камня монашья обитель — приземистое строение казарменного вида с узкими бойницами-прорезями окон. К нему примыкало несколько построек поменьше и небольшая часовенка. За ней обложенные дерном ледники, кузня.

Зайдя под навес, Лешак взял кирку, загодя приготовленный факел и подвел Корнея к освобожденному от обвалившихся камней и земли

СКИТНИКИ

входу в ледник. Тут Лешак встал на колени и принялся молиться. После чего запалил факел и передал его Корнею.

— Давай, ты первый.

Корней, пройдя в ледник, с любопытством огляделся — ничего особенного! Ледник как ледник. Подошедший Лешак потащил его в каморку квадратной формы. Стены ее были выложены плитняком, на полу несколько пустых кованных сундуков. Неожиданно старатель стал бить киркой по полу. После одного из ударов она чиркнула о металл. Сняли слой земли и, подняв листовые плахи, увидели яму, в которой стояли четыре пузатых, похожих на самовар, медных сосуда и три бочонка. Все такие тяжёлые, что они вдвоём с трудом вытащили наверх. Открыли один из «пузачей». В нём лежала церковная утварь стародавних времен. Два других доверху заполнены золотым песком вперемешку с самородками, а четвёртый золотыми и серебряными монетами. Облитые воском бочонки вскрывать не стали. По весу и так было ясно, что не пустые.

— Не пойму, во сне это аль наяву, — прошептал, обалдевший от восторга Лешак. — Бери, бери, паря, сколь хошь!

— Нам невозможно чужого брать. Да и вам не советую. Злато создано дьяволом для растления душ. Через него все слезы на земле льются, а душа по завершению земного пути в преисподней страдает.

— Верно глаголешь. Нет в нем счастья. Вот вы трудитесь ради общего блага и Бога почитаете, потому Он вам и помогает. А я всё ради себя, ради наживы и богатства. Скоко уж лет бьюсь, бьюсь, мою, мою и што с того? В одном кармане клоп на аркане, а в другом блоха в кафтане. С Бешеных порогов, когда выбирался, пуд рыжухи утопил... А сколь обманывали да грабили — не счастье. Видать, неправильно живу, много грешил. От того и нет мне счастья.

— Так отчего ж не бросите сей бедовый промысел?

— Да всё понимаю, однако надежда на фарт не отпускает.

— Жаль мне вас, дедушка.

— Пошто жаль-то?

— Чудной вы и мозги у вас набекрень. Говорите, злато счастья не приносит, а сами тянетесь к нему.

— Понимаешь, это вроде хвори, холера ей в дышло. Знаю, заразное то дело, однакось совладать с собой не могу. Видать, большая сила в злате скрыта... Душу в ополон крепко берёт!.. Было время, мечтал

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

даже в Рассею, на матёру землю, вернуться. Явиться в родную деревню одетым по-барски, в рессорном экипаже с тремя жеребцами и кучером, да устроить гульбу на всю округу. Штоб знали — Лешак не пропащий человек и душа у него щедрая!.. Землицы выкупить, зажить, как все. Да, видать, уж не суждено.

— Как не суждено? У вас теперь вон какое богатство. Не то что экипаж купить, всю деревню озолотить можете.

— Теперь уж возвращаться не к кому, померли, пожалуй, все, — тяжело вздохнул Лешак и, разом как-то сжавшись, отвернулся. Через несколько секунд повернулся к Корнею, уже улыбаясь:

— Благодарствую! Шибко помог. Теперь смякитить бы, как с пользой это богатство употребить... А пока айда чай попьём, покумекаем.

— Дядя Лешак, вы ведь тут, поди, всю округу излазили. Наверное, знаете, где какие поселения имеются?

— А тебе они пошто?

— Я ж не от скуки здесь брожу. По делу община послала. Одно-верцев велено найти.

— Не знаю што и сказать?.. Есть скиты, да все, как и сей монастырь, пустынно. Людей ни в одном не встречал... Однако хватит, паря, язык о зубы точить. Пошли в мои хоромы, попотчую. Тама и поговорим досыта.

— А золото как же?

— А что золото? Кто тут его возьмёт? Опосля сам перенесу.

Они зашли в постройку, где прежде, по всей видимости, располагались трапезная со стряпушной. Посередине громоздилась закопченная печь, на длинном столе с краю красовался позеленелый от древности медный самовар.

Лешак перевернул его над лоханкой и вытряс золу. Затем залил в самовар воды. Медные бока сразу густо запотели, и мелкие капельки, сливаясь друг с другом, медленно скатываясь, стали падать на столешницу. Бросив в трубу, запалённый лучиной, завиток бересты, Лешак набил ее доверху сухими шишками.

— Здеся я и обитаю. Зимой прям на печи и сплю, кости грею.

Пока самовар не разошёлся, он достал из еще теплой печи чугунок с душистой грибной похлебкой. Не поленился ещё раз сходить

СКИТНИКИ

в ледник. Откуда принес оленью лопатку. Настрогал с заиндевелой мякоти аппетитные завитки.

— От сырого-то вся сила, — пояснил он. — Особливо от сырой печенки. Ежели с утра ее поешь, так цельный день ходи — не стомишься. От сырого всегда так...

Трапезничали с удовольствием. Не зная ещё, чем порадовать гостя, старатель принёс к чаю душистого мёду. Возбужденный встречей, он говорил без умолку. Вспоминал, как Маркел с Колодой спасли его. Как плыли по реке, надрывались в порогах. Без устали восхищался умом и начитанностью Никодима.

— Дедушка сказывал что Колода в польнье утоп. Давно, еще до моего рождения.

Лешак помрачнел и, перекрестившись, пробормотал:

— Вот так всегда! Сведет судьба с путным человеком, ан его уж и нет...

Переночевав, Корней стал собираться в дорогу.

— Своим кланяйся. Передай, што поминаю добром! Я тута пока поживу. Там видно будет. Ну а ты что надумал? Куда теперь двинешь?

— Эвенков поищу, может, у них что выведаю.

— Иха братия вон за теми горами шастает. — Лешак махнул рукой на юг. — Ну, с Богом. Хотя постой — не могу я тебя просто так, с пустыми руками, отпустить. Возьми хоть образок в дорогу.

— Сие можно. Такое даренье в радость, тем паче от чистого сердца.

— Диковинные вы люди... Погоди, возьми еще чего. Не хошь злата, так вон из хозяйственной утвари че надобно выбери, али соли отсыпь — ее тута в монастырской кладовой с избытком припасено.

— Вот от соли не откажусь. Наши премного благодарны вам за неё будут. Только ведь несподручно мне с нею по тайге ходить будет.

— Так ты на обратном ходе и возмёшь сколь под силу.

СКИТЫ-ПРИЗРАКИ

Путь к синеющим сквозь дымку отрогам пролегал через старую гарь. Обугленные стволы еще торчали кое-где черными перстами, но земля уже покрылась брусничником; стайками кудрявились ку-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

стики голубики. Более высокие места облюбовали радующие глаз заросли кипрея с яркими султанами розовых цветов, источавших густой медовый дух. Кое-где поднималась березовая поросль — извечный пионер лесных гарей. Под их сенью скоро начнут подрастать махонькие сибирские сосенки и елочки. С годами они, обогнав своих покровительниц, постепенно выживут их. А следом разлапистые ели заглушат и светлюбивых подружек: мало кто может выжить в густой тени елей. И через десятки лет на месте веселого смешанного леса останется сумрачный еловый.

За гарью оказалась зыбкая, кочкастая низина, по которой, сонно петляя, текла речка, вернее, ее бесчисленные мелководные рукава, перемежавшиеся болотцами с чёрной, подёрнутой рыжими разводьями, водой. Белобрюхие кулички, попискивая, вылетали из мокрых трав и с криком кружились над путником, окутанным серым облаком гнуса.

Поначалу Корней шёл осторожно, но вскоре понял, что топь совершенно безобидна — монолит вечной мерзлоты не давал провалиться выше паха. Приятней всего было идти по участкам, покрытым густой травой — переплетение её корней образовало такую плотную дернину, что ноги не проваливались.

Через пару вёрст началась болотина, сплошь утыканная кочками невообразимых размеров. Иные были столь велики, что достигали полусажени в обхвате. Они были сплошь покрыты мокрой, скользкой травой. Поэтому приходилось пробираться среди них по колено в воде. К счастью, недолго. Болотина закончилась, и Корней выбрался на сухую гривку, уставленную скелетами лиственниц. Где-то за ней слышалось журчание ручья. В него красиво вплеталось пение птиц.

Ключ был так пригож и звенел так жизнерадостно, что и скитник повеселел. Из-под ног то и дело выпархивали потревоженные птицы, упруго извиваясь уползали под камни змеи, весело попискивая, сновали бурундуки.

Принесенный ветром запах протухшей рыбы известил его о том, что где-то поблизости столовая выдры. И точно: вскоре путник увидел ее — плоский валун под небольшим утесом. На нём лежали две кучки с внутренностями каких-то рыбёшек и недоеденная голова. По пузырьчатому следу, бежавшему по воде, Корней легко обнаружил и самую симпатичную рыбачку. Вот она выставила на мгновение нос, вдохнула

СКИТНИКИ

и вновь скрылась. А через полминуты вынырнула уже с хариусом в зубах и, забравшись на валун, принялась есть добычу с хвоста.

Замерший в кустах Корней имел прекрасную возможность внимательно разглядеть гибкое, красивое тело выдры, покрытое густым темно-коричневым мехом с серебристым налетом на шее, груди и брюшке. Приплюснутая голова с маленькими ушками, короткие лапы с перепонками, длинный мускулистый хвост идеально соответствовали её полуводному образу жизни.

Покончив с хариусом, она проскакала по лежащей поперек ключа лесине на противоположный берег и улеглась на теплой песчаной косе погреться. Когда Корней вышел из укрытия, речная разбойница вскочила и нырнула в воду, а скитник продолжил путь.

Ночевал в сухом дупле на мягкой подстилке из осыпавшихся гнилушек. Утром его разбудил яростный стрекот. Выглянув из убежища, Корней увидел последствия дикого побоища. Между кустов на примятой траве лежали окровавленные глухари: взрослая глухарка и два чуть оперившихся птенца. Одного из них терзал рыжий колонок. Корней знал, насколько отважен и до невероятности ловок этот маленький хищник, но никак не предполагал, что он способен совершать такие опустошительные набеги.

В памяти тут же всплыл испуг, перенесенный им в детстве, когда в морду их собаки вцепился такой же колонок. Пес, визжа, мотал головой, катался по земле, слепо тыкался по сторонам, а рыжий удалец, пронзительно стрекоча, терзал, рвал когтями его морду. Подоспевший отец точным ударом посоха лишил жизни этого дьяволенка. Вот уж злюка, так злюка! Но как смел и дерзок!

Пологий подъем на холм закончился, и с него открылась новая долина с зеленокудрыми сосновыми борами и островками светлых, как невесты, березняков.

В конце июня на тайгу всегда любо смотреть, но здесь её красота была какой-то особенной: светлой и торжественной. Где-то за холмами прокатывался гром, а здесь над долиной висели округлые облака, похожие на пухлявые одуванчики; мерно отсчитывала, непонятно для кого, годы жизни кукушка.

Скитник спустился в долину и увидел, кстати, уже не первый раз, на лиственном колу выбеленный солнцем череп медведя. Пустые

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

глазницы, как всегда, смотрели на восток. Корней понял, что где-то поблизости кочуют эвенки. Ведь они, добыв медведя, в первую очередь варят голову и, очистив от мяса, насаживают на высокий кол, чтобы дух медведя мог быстро найти свой дом.

Вскоре послышался перезвон бубенцов. Слева и справа показались пасшиеся разрозненными табунками олени. Заметная тропа привела его прямо к эвенкийскому стойбищу, состоящему из трёх островерхих чумов. Над одним поднимался лёгкий, почти прозрачный дым. Сквозь берестяные покрывки доносились визг, смех детей, стук посуды. Из чума вышел щедедушный эвенк.

Увидев огромного лучи, он поначалу насторожился. Но, когда Корней поприветствовал его на родном языке, успокоился и кликнул домочадцев. Обступив пришельца, они оживленно расспрашивали: кто он, откуда и куда путь держит. А узнав, что Корней — внук Агирчи, стали оказывать ему всяческие почести: даже до них докатилась молва о большом русском шамане: «Молодой и всемогущий шаман излечивает оленей от любой болезни. Он вернул из «царства верхних людей» сына Сапкара — Хэгды и подарил ему чудотворящую картинку Доброго Духа. Теперь Хэгды много знает и понимает. Теперь все ходят к нему просить совета», — так говорили про деяния Корнея.

Гостеприимные эвенки уговорили знаменитого соплеменника заночевать у них. К этому времени к стоянке пригнали с пастбища оленей. Дети быстро соорудили для них из веток с листьями дымокуры. Олени тут же столпились вокруг, пережёвывая жвачку.

После чаепития мужчины раскурили трубки. По ходу неторопливой беседы скитник выяснил, что в этих краях русское поселение есть только за кряжем на юго-востоке. Когда позапрошлым летом эвенки аргишили¹ там видели бородатых луча, но подойти побоялись.

За разговорами засиделись за полночь. Лесные кочевники, осмелев, стали допытываться, в чем сила «картинки», которая делает Хэгды таким умным.

Корней достал образок, подаренный Лешаком. Седая, крепкая старуха, взглянув на изображение Христа, произнесла:

¹ Аргишили (эвенк.) — кочевали.

СКИТНИКИ

— Сразу видно, добрый луча. А он всем помогает или только Хэгды?

Корней объяснил:

— Это сын Бога. Его зовут Исус Христос. Он помогает тем, кто честно живёт: не ворует, не убивает, почитает старших.

— Оставь его нам. Мы так живём. Мы будем любить его.

Когда умерла последняя утренняя звезда, каждый двинулся в свою сторону: звенки погнали оленей на пастбище, а Корней пошёл к скалисту кряжу на юго-восток.

Взобравшись на него, скитник, чтобы сориентироваться, вскарабкался на стоящую поблизости скалу. Расстилавшаяся под ним широкая лесистая долина, со слюдянистыми извивами речушек, была со всех сторон защищена от ветров хребтами и чем-то напоминала родную Впадину. Облака, проплывавшие над ней, своими теньями то усиливали сочность красок, то приглушали их.

Взгляд Корнея сразу зацепился за нечто странное, возвышавшееся над деревьями в самом центре долины. Пригляделся — крест. Родимый восьмиконечный! Неужто поселение одноверцев?! Горя от нетерпения, парень побежал по мелкощепнистой осыпи вниз.

Точно, вон и часовня с шатром и любезным крестом, торжественно взметнувшимся в небо! И вот Корней стоит у бревенчатого частокола, окружавшего селение. За ним две дюжины изб. Калитка оказалась незапертой.

Тучная, нигде не примятая трава говорила о том, что людей тут нет. Сердце возликовавшего было Корнея сжалось. Зашел в одну избу, в другую: на нарах лежали... полуистлевшие мумии в хорошо сохранившихся одеждах. По малому росточку одних и седым волосам других скитник понял, что здесь только дети и старухи со стариками. Домашняя утварь на месте. У печей груды березовых поленьев. По стенам пуки травы. В самом большом доме на столе лежал овальный камень размером с глухариное яйцо. Корней вытер с него пыль полдой рубахи.

В полупрозрачном окаменелом молочном желе при взгляде сбоку, угадывались слои, напоминающие странички книги. С верхней глядело голубое око, окруженное, словно нимбом, серыми, жемчужного блеска, кругами. От него исходил необычное свечени.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Корней преподнёс камень к глазам, чтобы получше разглядеть рисунок. Неожиданно перед его глазами поплыли радужные круги и сквозь них проступили живые картинки:

Зима. У часовни уйма народу. Все угрюмо слушают человека в папахе. За ним стоят вооруженные люди, цепочка саней, запряженных большими безрогими оленями с длинными гривами.

Череда светящихся картинок стала меркнуть, а следом проступила бревенчатая стена, стол, человек, лежащий на лавке. В скрещённых на груди руках горит свеча. Она, порывисто мигая, гаснет, всё вокруг тускнеет, и Корней вновь видит свою ладонь и овальный камень на ней...

Оторопевший юноша осторожно положил «всевидящее око» обратно на стол и трижды перекрестился...

В часовне, из угла с потускневшим от старости иконостасом, сквозь паутину с высохшими мухами на скитника воззрились огромные скорбные глаза Иисуса Христа и лики святых угодников в запылённых окладах. В паутине кто-то шевельнулся. Приглядевшись, Корней различил единственного живого обитателя часовни — большого коричневого паука с крестом на спине. При приближении человека он уполз за обвитую паутиной лампадку.

За дни, проведенные в долине, Корней обнаружил еще шесть скитов-селений с одним — двумя десятками изб. Они соединялись между собой заросшими тропами. В первых трех он так же увидел истлевшие тела: одни на лежанках, другие на полу. Один, похоже, грудничок, в зыбке. В остальных же скитах их не было. Но вещи и посуда во всех этих избах были не тронуты. Похоже, что те, кто остались в живых, покинули дома в одночасье, не успев взять с собой даже самого необходимого. В сенях одной из изб Корнея озадачили несколько длиннополых одежд, с золочёнными нашивками на плечах, висящих в ряд на деревянных гвоздях. Странно! Откуда в староверческом поселении взялась казённая одежда?

Но более всего парня терзал вопрос, отчего такие крепкие, ладно обустроенные селения вдруг обезлюдели? Что здесь произошло? Почему среди умерших только старые да малые? Куда подевались взрослые? Покосила страшная хворь или еще какая напасть случилась? Для Корнея это было загадкой...

СКИТНИКИ

Пашни, разделявшие селения, покрывали такие высокие травы, что достигали пояса, а местами и выше. Особенной мощью отличался борщевик. Судя по следам-траншеям, медведи постоянно приходят сюда кормиться его мясистыми стеблями: повсюду валялись огрызки, измочаленные зубами зверей. Корней тоже с удовольствием стал срезать и жевать сладковатую, сочную мякоть. Вдруг трава впереди зашевелилась, и из неё показалась мордашка медвежонка. Он с любопытством разглядывал человека, но парень, зная, что медведица, которая наверняка где-то поблизости, вряд ли потерпит его соседство, поспешил удалиться.

На южной окраине долины, в седьмом по счету скиту-призраке, Корней обнаружил свеженатоптанные тропки, ведущие к одной из изб. С радостной надеждой юноша подбежал к крыльцу и отворил дверь. На скамье сидел седовласый, но на вид нестарый мужчина с высоким, чистым лбом и аккуратной окладистой бородкой под ястребиным носом.

Его благородная внешность никак не вязалась с обтрепанной, латаной одеждой из самотканого сукна. В руках он держал раскрытую книгу, которую он читал сидящему рядом подростку с огромными глазами на неестественно взрослом лице. Увидев Корнея, человек отложил фолиант и начал истово креститься двумя перстами, не сводя изумлённых глаз с вошедшего.

Корней, смекнув, что его приняли за восставшего из мертвых, сдерживая волнение, произнес:

— Доброго здоровья вам. Не пугайтесь. Странник я, тоже из старообрядцев.

Заулыбавшись сквозь слезы, мужчина кинулся горячо обнимать вошедшего:

— Милости просим. Какими судьбами?

Вскоре братья по вере уже знали друг о друге многое. Беседа их, перемежавшаяся молитвами, затянулась, как водится в безлюдных краях, до утра. Выяснилось, что этот благообразного вида человек по имени Григорий, выходец из Костромской губернии, из состоятельной семьи, живет здесь с прошлой осени. При царе преподавал в Иркутске богословие и старославянский, имел учёное звание профессора. Не желая принимать насаждаемые новой властью порядки, он нашёл

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

приют в монастыре. Но вскорости в святой обители разместили кавалерийский полк, а изгнанные монахи разбрелись по окрестным деревням. Григорий с одним из иноков, купив лодку и необходимые житейские потребности, отправились на север, подальше от мест, поражённых революционной заразой.

Сплав по реке не был утомительным и даже нравился профессору, но на третий день неудачно наехавшая на валун посуда перевернулась. Упавший в воду Григорий успел ухватиться за корму. Когда течение вынесло лодку на поросшее тальником мелководье, он выбрался на берег. Долго искал, кричал своего спутника, но безуспешно. Тот, похоже, не умея плавать, скорее всего, сразу утонул.

Проблуждав по тайге несколько дней, изголодавший странник наткнулся на стоянку эвенков. Те накормили его и уложили спать на шкуры. Совершенно не приспособленный для жизни в тайге учёный тем не менее сумел прижиться у них. Чт бы не быть обузой добросердечным эвенкам, он брался за любую работу, но в основном заготавливал дрова и помогал женщинам выделывать шкуры.

Быстро освоив язык лесных бродяг, Григорий узнал, что дальше на северо-востоке имеется немало потаенных селений старообрядцев, и по весне в одиночку двинулся на их поиски. А когда пришёл сюда год назад, то увидел всё то же, что и Корней.

А остался он здесь, чтобы исполнить христианский долг — предать земле всех умерших. Переходя из скита в скит, профессор хоронил их останки. Однажды вечером дверь в избу, где он ночевал, тихонько отворилась и в образовавшуюся щель просунулась патлатая голова. Григорий молча смотрел, что будет дальше. А «голова» сходу предложила: «Давай вместе жить. Со мной не пропадете». — И положила на стол двух рябчиков.

«Господи, откуда ж такой объявился?» — подумал профессор, а вслух сказал:

— А что? Я согласен. Давай знакомиться. Меня зовут Григорием. Я здесь живу, а ты где?

— Нет, дядя, это я здесь живу. А вы пришлый. Я за вами давно смотрю. Поначалу боялась, думала, тоже грабить будете. Но когда вы стали хоронить наших, поняла — вы не такой, вы хороший.

— Так ты, выходит, девочка?!

СКИТНИКИ

— А то! Ефимия я, а попросту Фимка.

Так, по Божьей милости, и зажили вместе: профессор и чудом выжившая девчонка.

— Скверно нынче в России, — сетовал Григорий, — смута великая. Дошли до братоубийства, а дети супротив отцов пошли. Страшно жить стало!

Узнав, что Корней из по сей день здравствующей Варлаамовской общины, он просиял:

— Слышал, слышал про ваш благочестивый скит от эвенков. Крепко схоронились вы — никто не ведаёт дороги к вашему прибежищу.

* * *

Продолжать поиски жилых селений дальше на юге не имело смысла — там уже властвовали Советы.

Григорий предложил поискать в восточных районах, но Корней знал от эвенков, что там поселений вообще нет. Решили возвращаться во Впадину. Для Корнея утешением было то, что он всё-таки возвращается не один. Но прежде следовало захоронить людей оставшихся непогребёнными в трёх скитах.

Когда зашли в дом, где на столе лежал странный камень, Корней вспомнил про видение и в надежде, что профессор увидит то же, что и он, подал его учёному.

— О, агат! Да такой красивый! — с восхищением произнес Григорий.

Корней внимательно наблюдал за выражением лица спутника:

— Вы ничего в нем не видите?

Профессор еще раз внимательно оглядел агат и вопросительно посмотрел на парня.

— Дядя Григорий, не знаю, как объяснить. Может, это и наваждение было, но когда я смотрел на камень в первый раз, то увидел в нём живые картинки. — И скитник рассказал об увиденном.

— Корней, да ты провидец! — воскликнул потрясённый Григорий. — То-то ни в одной избе, ни в одном амбаре, ни в одном погребе нет припасов. А люди, которых ты видел в папах — это и есть представители новой власти. Взрослых они, выходит, с собой увели, а старые и малые с голоду поумирали.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Выходит, они весь провиант изъяли? Оставили людей в зиму без крошки... Новая-то власть не лучше старой, — расстроился Корней.

Когда предали земле последнее тело и, собрав пожитки, пошли к монастырю, путникам почудилось, что за ними кто-то идёт. Остановились. Никого. Перекрестились и двинулись дальше, но через некоторое время до них донеслось жалобное поскуливание. Опять становились, прислушиваясь. На тропу выкатился запыхавшийся медвежонок. Прыгая через примятые пучки травы, он изо всех сил старался догнать путников. Корней вытащил из котомки запеченного гольца и, покормив с руки, легонько подтолкнул малыша обратно. Но повеселевший малыш уходит и не думал.

— Дядечка Корней, это Потапушка. Он тоже сирота. Мать его, еще когда черемуха цвела, околела. Давайте возьмем его с собой.

— А что до сих пор молчала?

— Боялась, что ругать будете.

— Грешно бросать несмышленища, пропадет, — поддержал профессор.

Корнею по душе пришлись слова сотоварищей, и он предложил:

— Понесем пока на руках, пусть отдохнет.

* * *

Всю дорогу путников мучила установившаяся после недавних дождей духота. Долгое в эту пору солнце и безветрие превратили насыщенный влагой лес в парную. Когда светило достигало высшей точки на небосклоне, прогретая в полную меру тайга наполнялась такими густыми испарениями, что людям становилось неважно. Еще неделю назад сухой и ломкий ягель стал упругим, мясистым. Он выделялся на зеленом ковре узорчатой пеной.

Шли мокрые от пота и влаги, пропитавшей воздух. Дышали часто и тяжело, то и дело сплёвывая мошку, залетающую в рот. Ветерок, и так едва живой, застревая в верхнем ярусе веток, вниз вообще не добирался. Путники большей частью молчали: слова, произнесенные вслух, отнимали много сил. Только сопение Потапушки, стоически переносившего духоту, нарушало вязкую, липкую тишину.

Питались чем придется. Заходя освежиться в озеро или заводь, они, наученные Фимкой, надергивали там связки тонких стеблей

СКИТНИКИ

с висящими на них фигурными водяными орехами. Обрывали черные плоды с острыми рогами и, расколов кожуру, ели её сытную белую мякоть. Для разнообразия вечером пекли водяной орех в золе. Печенный, он был еще вкусней.

Наконец вышли на старую гарь, сплошь заросшую малинником. Ягод было так много, что иные ветви сгибались под их тяжестью до земли. Алые, сладкие, с сочными шаровидными пупырышками, они сами просились в рот. Путники, сняв котомки, ели, срывая ягоду за ягодой. Наевшись, они, вдыхая витающий над кустами нежный аромат, стали наблюдать, как ловко управлялся с малиной Потапушка: наклонит к пасти самую плодоносную ветвь и губами быстро-быстро обрывает спелые ягоды.

В монастырь пришли перед самым заходом солнца. Занедуживший Лешак лежал на печи.

— Ах ты господи! Каких гостей мне Господь даровал! Простите, Христа ради, что вот так встречаю. Угораздило старого дураля вчера на рыбалке застудиться. Зато гольцов наловил пуда два. А ты, паря, вижу, не зря ходил. Нашел-таки, кого искал, — похвалил он Корнея.

— Да не совсем, дядя Лешак. Скитов сыскал много, да людей в них нет. Только вот двоих и встретил. Знакомьтесь: Григорий и Ефимья.

— Блазнится, что старшой вроде как из бар.

За Григория ответил Корней:

— Зоркий у вас глаз. Ученый он. Профессор богословия. Нашей веры человек, а вот девчужка — из местных, скитских. Чудом уцелела. Остальных Господь прибрал после греховных деяний новой власти.

— Добро хоть этих сыскал. Всё вам прибавка. Я тут еще кое-что тебе приготовил. Прошлый раз забыл совсем. В кладовой запасы пороха и свинца имеются. Это-то, поди, вам можно в даренье принять?

— Благодарствую. От этого мы не откажемся.

— Да вы седайте, седайте! Откушайте малосольного тайменя, — спохватился Лешак. — Позавчерась словил на мыша. Ходил рыбалить на ямы — то вёрсты четыре отсель. Вона в котле под гнётом, нарезанный ломтями лежит. Жирный — янтарь янтарем... Мало будет, так ишо студень из лосятины есть. Он с солёными грибами особливо хорош. Токмо извиняйте: ты, Корней, уж сам похлопочи. Я ноне не работник...

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Сердобольная душа Корнея не могла оставить хворого Лешака без помощи.

— Денька на три задержимся — поднять старика надо, — сказал парень спутникам.

Григорий с Ефимьей, непривычные к таким большим переходам, даже обрадовались возможности передохнуть. Те несколько дней, пока Корней занимался старателем, были использованы ими с большой пользой. Профессор безвылазно сидел в монастырской библиотеке, где обнаружил несколько редких богословских книг. А Ефимка излазила все закутки и чуть ли не каждый час прибегала демонстрировать найденные ею «сокровища»: сломанный нож, маленькую железную коробочку, кованый гвоздь, монетку с двуглавым орлом и тому подобное.

Наконец, изрядно нагружившись (два мешочка с шестью фунтами¹ свинца приладили даже Потапушке), гости поблагодарили Лешака за гостеприимство и щедрость и продолжили путь.

Когда они поднимались на хребет по валунам, устилавшим дно быстрого ручья, овода одолевали их уже не так сильно. И отступила во все, как только они оказались на продуваемой всеми ветрами широкой седловине. Здесь низкорослый лес чередовался горными луговинами, а каменистые участки покрывали не лишайники и мхи, а ползучий можжевельник. На светлых ягельных полях паслись олени...

ВСТРЕЧА

После изматывающей дороги, с ночевками в тучах гнуса, вид Впадины в зубчатой оправе хребтов и смехотворно маленького отсюда скита взволновал Корнея до такой степени, что он был готов бежать, не шадя ног, к чуть различимому отсюда родительскому дому. Его волнение, по всей видимости, передалось не только товарищам, но и медвежонку. Тот, не ожидая команды, почти покатился вниз. Люди бросились следом.

Когда переходили Глухоманку, их заметил паривший в поднебесье Рыжик. Он сразу признал друга и крутыми выражами пошел

¹ Фунт (в системе русских мер) = 0,4095 кг = 0,025 пуда.

СКИТНИКИ

на снижение. Черным вихрем пронесся перед путниками и, сложив огромные крылья, сел на галечный берег. Растроганный Корней подбежал к беркуту и ласково погладил по спине:

— Ну и глазастый же ты, Рыжик!

Не смея нарушить устав, Корней первым делом повел профессора к дому наставника. Маркел сидел на чурке под высохшим кедром, оставленным посреди скита еще в пору его строительства.

Выбеленный солнцем, ветрами мощный скелет таежного патриарха с перекрученными кряжистыми сучьями возвышался над зелеными собратьями на пять саженей. Сколько помнил себя Корней, столько и стоял, растопырив корявые ветви, этот седоствольный великан. Стоял как символ неподвластности времени.

Сняв котомки, путники подошли к наставнику. Отвесили земные поклоны. Маркел узнав, что Григорий преподавал в государевом заведении, сразу насторожился. Однако вскоре у обоих глаза потеплели от симпатии друг к другу. Наставник был восхищён образованностью и глубиной познаний профессора в части старозаветного православия.

Беседа грозила затянуться, но пришёл Елисей и позвал путников очистить жаром да паром плоть свою. Спускаясь к курной бане, Корней издали приметил Дарёнку, несшую с речки корзину стиранного белья.

— До чего пригожа! А очи так и светятся, — как бы невзначай, обронил отец. — Женихов нынче полно. Как шестнадцать стукнет, так, поди, в очередь сватать начнут, — лукаво глянув на сына, добавил он.

Корней вмиг покраснел до кончиков ушей. Подошедшая Даренка, стрельнув по нему быстрым взглядом, смутила ещё сильнее. Поклонившись всем, она проплыла мимо, закинув лёгким движением плеча косу за спину.

Баня, натопленная березовыми дровами, уже выстоялась, пропиталась духом свежезапаренных трав и дегтярного дыма. Гора раскаленных валунов щедро отдавала накопленный жар. Сучки прокопченных потолочных плах увлажнились наверху срезанными слезинками тягучей смолы. (В скиту любимым на Руси осиновым баням предпочитали сосновые.)

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Влохани запаривался березовый, вперемешку с багульником, веник. В углу, в самом низу, большая листовая кадка с холодной зольной водой. Рядом — другая, с горячей, нагретой калеными валунами.

Елисей черпанул ковшом и плеснул духмяный настой на каменку. Пар, словно огнем, объял тела. Вскороности мужики начали потеть так, что по их телам потекли солоноватые ручейки.

Не спеша поддавая парку, разогрелись и принялись хлестать друг друга.

— О-о-ох! Хорошо-то как! Поддайте, поддайте еще! — в восторге просил Григорий.

Разогревшись до нутра, Корней соскочил с полка и, выскочив из бани, прыгнул в ямину с проточной водой. Поостыв, вбежал назад и принялся хлестаться пуще прежнего.

Напарившись, мылись, стирая мочалом скопившуюся грязь.

Выйдя в предбанник, устанный лапником, пили кружка за кружкой брусничный отвар, без конца вытирая обильно проступавший пот. Еще выпили бодрящий настой. И еще потели. И все легче дышалось телу. Остыв, оделись в чистое.

— Нет пуще улады на белом свете, чем баня! Чувствуешь себя после нее словно ангел! — заключил профессор, выходя во двор.

После вечера в выдраенную поташем¹ горницу Маркела потянулась братия.

Корней рассказал собравшимся о своём хождении. Что узнал, что видел. Всех опечалило, что столько скитов погублено. Григорий, дополняя, поведал, что династия Романовых иссякла, о новых порядках, насаждаемых в России, о небывалом, даже при царе-антихристе, притеснении и хуле церкви, вселенском разброде и крушении морали.

— Это всё отголоски раскола. Если б не раскол, то и смуты нынешней не случилось бы! Ведь до раскола все мы были вместе, как один кулак. Никоновы новины разброд в народе посеяли. После того и разладилось все, — с болью заключил наставник Маркел.

— Прискорбно и печально было мне видеть повсеместное падение веры. Благо, что не коснулось сие бесовство вашей общины.

¹ Поташ — древесная зола с щелочными свойствами.

СКИТНИКИ

— Мы, конечно, не святые. Яко все человеки, согрешаем, но в службах у нас всё по старым, неправленным текстам. Без единого упущения, — ответил польщённый Маркел.

Горестные вести несколько сгладило то, что появились новые сотоварищи и объявился Лешак А ещё были рады редкостным книгам, огневым припасам и новой партии соли, подаренным им.

Стариков приятно изумило то, что Лешак жив и с благодарностью вспоминает о них.

— Батюшки, а я был уверен, что он давно сгинул.

— Эта bestия крепкого покроя. Он ещё нас переживёт!

Григорий, с дозволения Маркела, прочитал замечательную проповедь об огнеопальном богатыре духа — протопопе Аввакуме. Чем еще паче расположил к себе скитников. От свежезаваренного земляничного чая ученый вежливо, но твердо отказался:

— Вареная вода только в бане хороша!

При виде столь строгого соблюдения уже забытых правил собравшиеся окончательно признали учёного мужа своим.

Выяснилось, что род Григория возник во времена давние, в летописях теряющиеся. Но самым поразительным было то, что его мать приходилась племянницей князю Константину. Повспоминали по этому случаю давно покинутый Ветлужский монастырь, одноверцев, оставшихся там. Здравствует ли кто из них еще, или тлен уж косточки выбелил?

* * *

Ночью Корнея разбудила неясная тревога. Поначалу смутная, словно невнятный шепот, но чем ближе к утру, тем все более явная и отчетливая.

— Неужто с дедом что случилось?!

К его хижине Корней бежал что есть мочи. Следом трусил Потапушка. Ветер, будто помогая, дул все время в спину.

Простак поднялся навстречу тяжело и неуклюже. Приличия ради вяло махнул хвостом и тихонько проскулил.

Старик лежал на топчане со сложенными на груди руками. Костяшки суставов резко выделялись на худых кистях. Глаза, словно утонули в кустистых, до сих пор не тронутых сединой бровях. Белые во-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

лосы и длинная борода ярко светились под лучами солнца, падавшими сквозь раскрытый дверной проем. Корней пощупал лоб — холодный.

— Опоздал!!! Что ж ты, деда, не дождался?!

В лачугу осторожно протиснулся пес. Потеря тусклой шерстью о ноги Корнея и, переводя грустный взгляд то на лежащего хозяина, то на гостя, вновь заскулил. «Плохо мне, ой как плохо», — говорили выразительные глаза собаки. Тут в хижину буквально вкатился медвежонок. Подскочив к лежащему старцу, он лизнул ему лицо. Веки у Никодима дрогнули. Он приоткрыл глаза и узрел перед собой... клыкастую пасть:

— Господи, неужто я в аду?

Старец осторожно приподнял голову и, увидев стоявшего рядом внука, чуть слышно прошелестел:

— Здравствуй, радость моя!

Ошарашенный Корней бросился к деду, обнял его, трижды полизывался с щеки на щеку и, захлебываясь от нахлынувшего тёплой волной счастья, стал восхвалять Создателя за свершенное чудо.

Несколько оправившись, Никодим ласково погладил внука:

— Ну что, чадо любезное, рассказывай... Хотя погоди. Дай мне сказать, а то ещё не успею, Господь призывает настоятельно... Прошу тебя, Корнюша, сохрани мои записи: летопись общины, полный травник и особенно лекарские наставления. Писания первоисточные к Маркелу снеси. Простака не бросай, заberi в скит... Жизнь впереди у тебя, даст Бог, долгая. Всяко может повернуть, с кем бы ни встретился, плохой ли, хороший ли человек, будь милостив и великодушен... Не кори даже при сильной обиде... Выпадет доля терпеть — терпи, как бы трудно не было... Мой главный наказ таков: в Вере будь твёрд. В ней спасение... Коль покачнётся Вера, жизнь померкнет... Как умру, сними с нательного креста ладанку да осыпь меня сохранённой в ней Ветлужской землёй...

Утомившись, дед прикрыл веки и долго лежал, не шевелясь. Корнею даже показалось, что он задремал.

— Деда, деда, — тихонько позвал он.

Никодим приоткрыл глаза, вопрошающе поглядел на внука.

— Деда, знаешь, кого я повстречал за Южным хребтом? Ни за что не угадаешь! Твоего давнего знакомца — Лешака! Кланяться тебе с почтением велел.

СКИТНИКИ

— Вот это да! — сразу оживился Никодим. — Частенько вспоминаю его. Уж больно шебутной, отчаянный! Один на Бешеных порогах остался. Ан смотри-ка, не пропал!

— Только чудной он.

— Поживешь столько один — поневоле чудным станешь.

— Так это не все новости. Я привёл в скит, не поверишь, внучатого племянника столь любимого и почитаемого тобой князя Константина!

— Откуда ему тут взяться? Поди, самозванец.

— Вот тебе истинный крест. Дюже благочестивый человек, профессор! Веру нашу почитает необыкновенно.

— Сие добрый знак!.. Эх, Корнюша, так хочется встать и выйти на простор, под яркое солнце, свежий ветер. Пожить бы еще годка два. Да не суждено, похоже... Итак, слава богу, летами не обижен... Пока тебя не было, отец с Маркелом приходили. Я исповедался и причастился. Одного боялся — тебя не увижу... Прости, ежели был слишком строг...

Сказал, лёг и отошел в мир иной. И странное дело, даже ветер стих.

Скорбел Корней безмерно, ибо любил деда всем сердцем. Ибо потерял человека, близкого не только по крови, но и по духу. Потерял мудрого учителя, лучшего друга и советчика.

Оглушенный горем, парень долгое время никого не хотел видеть, ни с кем не желал разговаривать. Как вспомнит деда, так сердце в клочья рвётся.

Пытаясь отвлечь сына, Елисей увещевал:

— Плоть бrenна, а дух вечен. Настанет время, коли будешь жить по совести и чести, с дедом на небесах свидишься. А сейчас постарайся побороть дух уныния. Как становится тяжело — молись за него. В унынии теряешь силы, сердце слабеет. Недаром говорят: «Железо ржа поедает, а сердце — печаль». Сходи к водопадам. Текучая вода облегчение душе и живость телу даёт.

Добравшись до ревушего каскада, Корней поднялся на береговой уступ. Порывы ветра обдавали влажной пылью.

Сбегавший с гор прозрачный поток, достигнув отвесного уступа, срывался с него жемчужной лентой, распадавшейся в воздухе сначала

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

на крупные, а чем ниже, тем все более мелкие искристые гроздья. Исчезнув в клокочущем котле, они выныривали уже белопенными хлопьями и торопливо устремлялись к следующему сливу. Некоторые по воле затейливого течения заходили в заливчик, где сбиваясь в большие и малые флотилии, важно кружились друг за другом. Иные «парусники» вновь выплывали на основную струю, и она уносила беглецов вниз. А сверху на смену им, спешило свежее подкрепление.

Корней разделся. Но не поплыл, как обычно, а пройдя под уступом, встал под слив. Низвергающаяся вода сотрясала тело, массировала мышцы. Хлесткие, упругие удары как бы выбивали, выдавливали из него печаль.

После такого омовения Корней почувствовал себя заново рожденным. Он понял, что жизнь не остановилась, и что лучшей памятью о деде будет продолжение начатых им дел.

Ровно через год Корней решил просить отца засылать сватов к родителям Дарёнки.

ЗАВЕЩАНИЕ МАРКЕЛА

Шли годы. Спустился с гор и вскоре помер Лука-Горбун. Из первооснователей, выходцев Ветлужского монастыря, в живых оставался лишь высохший до невесомости Тихон и согбенный бременем старости длиннородый, с облысевшим черепом Маркел. Царь Небесный хранил его уже восемьдесят девятый год. А из собранных в Сибири молодич-супружниц кряхтела на этом свете одна Марфа — теперь уж морщинистая старуха.

Женился на Дарёнке и обзавелся ребятей Корней. Григорий с Ефимьей поселились в пристрое к дому наставника. Вскоре и профессор ввел в дом хозяйку — овдовевшую тетку Корнея, бойкую, юркую и всегда веселую Анастасию. Выросла и стала невестой проворная охотница — Ефимья.

Маркел, совсем ослабевший глазами, частенько просил домоладцев почитать вслух книги, в том числе из монастыря принесенные и Никодимом писанные. Слушая последние, старец невольно изумлялся, сколь подробно и верно описал его друг историю общины, сколь глубоки и точны его умозаключения и наблюдения.

СКИТНИКИ

Предания и заветы старины в скиту хранились по-прежнему бережно. Послушание старшим не ослабевало и даже, наоборот, укреплялось. В душах молодых не было места сомнениям, колебаниям. Истины веры они впитывали с молоком матери, и никто и ничто не могло их пошатнуть. Жили, одним словом, по заветам православия, оберегавшим их от грехов. Довольствовались, как и повелевал Создатель, малым.

Но время неумолимо. Зимой, после Рождества Христова, слег-таки белобородый Маркел. Изрытое морщинами лицо старца еще более сморщилось, туман приближающейся смерти гасил взор.

В тот день наставник приоткрыл глаза и стал говорить находившимся при нем неотлучно Григорию с Анастасией и Ефимье внятном голосом:

— Ухожу счастливым: с Божьей помощью все наказы святого великомученика Константина исполнили, не отступили ни на шаг. И через Сибирь прошли, и скит основали, а главное, реликвии заповедные сберегли. И живем мы в мире, согласии. Рад также, что могу передать общину в руки надежные. Полагаю, тебя, Григорий, братия определит наставником. Профессор от таких слов несколько сконфузился:

— Спаси Христос, отец Маркел на добром слове, но верно ли то будет? Знаю, что люди не считают меня чужим, но в общине и кроме меня есть немало достойных.

— Спорить не будем. Братия решит. Но я так долго живу, что наперед все вижу... Хорошо, что вы с Корнеем дружны. Он, конечно, бывает, чудит, но всегда поможет...

Порой старец замолкал, и лицо его то расплывалось в улыбке, то вдруг становилось озабоченным, брови сдвигались так, что между ними пролегалла глубокая морщина. Григорий понимал, что настоятель в такие минуты уносится в своих мыслях далеко. Подтверждая его догадку, Маркел, ни к кому не обращаясь, тихо произнес:

— Слава Создателю, дозволил пожить полный срок!.. Во всем ли я поступал верно?..

— Видит Бог, много испытаний ваша община претерпела, но зря вы жили в строгости, — вклинился в размышления старца профессор. — Вам ведь не ведомо, а я зрел, как красные богоненавистники кресты сбивали, богохульствовали, прах прародителей оскверняли.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Дошли до разрушения храмов Божьих. Почтительную речь славянскую изгадили словами постыдными, охальными... Не может Господь бесконечно терпеть такого блуда в умах детей своих. Боюсь, дорогой будет расплата.

— Истину молвишь, — прошептал старец. — Верую, что придет час, встанут на путь праведный заблудшие по неведению и возродится первородное православие на всей многострадальной земле российской... Помните, что покуда чудотворная икона Святой Троицы в нашем скиту хранима, до той поры и мы будем хранимы Создателем. Чую, перемены грядут, и от них утверждение старой веры праотцов наших последует...

Высказавшись, Маркел оправил разлохматившуюся бороду и расслабленно вытянулся на шкурах. Лоб увлажнился, и он подал голос напоследок, языком уж чуть ворочая:

— Обо мне не скорбите. Ежели окажет Создатель милость — примет в рай, буду пред Ним вашим ходатаем... Коль придет беда — не сдавайтесь. Боритесь до последнего вдоха... Праздность растлевают... Избегайте ссоры и вражды...

В этот миг по лицу наставника пробежала тень смутного беспокойства. Он силился вспомнить и сказать еще что-то важное, но мысль ускользала от него, как вода сквозь пальцы. Глубокие морщины расправились, и на лик праведника легла печать особой, свыше данной, благодати...

Все имеет свой конец. Рождение — дело случая, а смерть — закон.

* * *

Как и предвидел достопочтенный Маркел, братия единодушно определила Григория своим наставником. Преемник строго следовал заветам старца и ладно вел скитское хозяйство в нетронутом заповеднике старой веры. Нарушить установленный порядок было для него невозможным делом. Ни одна неприязненная мысль, ни одно ядовитое слово ни разу не коснулись старолюбцев. Старикам, детям первоскитников, разменявшим кто шестой, а кто и седьмой десяток, утешительно было видеть усердие нового наставника к делам общины и почтение к ее основателям.

Шел 1935 год...

ЗОЛОТО АЛДАНА

Всем православным с почитением и любовью посвящаю

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рай там, где вера

ИСПЫТАНИЕ

Отшумела, отцвела весна 1935 года. Минуло шестьдесят пять лет с той поры, как девятнадцать молодых приверженцев древлего православия, оставив Ветлужский монастырь и одолев немереные, безлюдные пространства, основали в глухомани Забайкалья староверческий скит. Но довольно скоро вынуждены были покинуть его и перебраться ещё дальше, в глушь Алданского нагорья. Здесь, под защитой непроходимых дебрей, отстроив новое поселение, старолюбцы хранили первоисточные устои православия и один из его главных символов — образ Святой Троицы в серебряной ризе, украшенной жемчужной подвеской и самоцветными камнями. Икона та была освящена ещё в 1380 году самим Сергием Радонежским перед битвой на Куликовом поле.

За эти годы упокоились с миром основатели общины, поседели их дети, возмужали внуки, народились правнуки. Почернели стены домов, порос понизу мхом бревенчатый заплот вокруг скита. Но все так же, словно породнившись со Временем, у которого нет ни начала ни конца, сияли белOVERХие пики Северного хребта, все так же темнели на склоне Западных гор Впадины лазы в запретные пещеры, все так же текла мимо, унося дни, недели, годы, Глухоманка.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Благоденствию скита способствовали царившие в общине редкое трудолюбие, неколебимость в вере, дух согласия и почитание старших. «Та община сильна, где старость в почете», — любил повторять в проповедях наставник Григорий, отличавшийся крайней требовательностью по отношению к себе, и безграничной любовью к насельникам. Он следил за неукоснительным соблюдением всех правил Устава, писанного благочестивым праведником Варлаамом на основе Домостроя¹. Регулярно вносил записи в учётную скитскую книгу, начатую его предшественником, основателем и первым наставником сей общины, Маркелом, в 1873 году.

Помимо сведений о брачевании, рождении и смерти в неё записывались и иные значимые события, происходившие в общине. У него же хранились и труды о врачевании травами пустынножителя Никодима.

* * *

На исходе духовитого июльского дня, в канун Иоанна Предтечи, братия, ожидая наставника Григория, собралась у молельни на вечернее правило. Казалось, ничто не может нарушить сопутствующий всякому летнему вечеру умиротворяющий, льющийя с небес покой, как вдруг земля под ногами вздрогнула. Люди кто удивленно, кто настороженно переглядывались, как бы спрашивая друг дружку: было то, али поблазнилось? И тут последовали толчки, один сильнее другого. Под конец тряхануло столь изрядно, что всё вокруг пришло в движение: закачалось из стороны в сторону било, стукнула входная дверь, внутри молельни что-то с грохотом упало. Даже могучие кедры замахали патлатыми ветвями. С крутояра обрушился в Глухоманку, подняв волну, пласт земли.

Скитники, крестясь вразнобой, забормотали: «Защити и спаси, святой угодник Никола Чудотворец, укрой и оборони подопечных своих...», «Отче наш! Иже еси на небесех...»

Быстрым шагом подошел запыхавшийся наставник. Его голос на фоне всеобщего замешательства прозвучал на удивление спокойно и уверенно:

¹ Домострой — свод житейских правил и наставлений. Составлен в XVI веке при Иване Грозном. Отражает принципы патриархального быта. Известен предписанием строгого домашнего уклада.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Братья, не страшитесь — то землетрясение. Как толчки прекратятся, Бог даст, начнем службу. А пока, Демьян, возьми ребят, и вынесите из избы, на всякий случай, болящую Марфу. Анастасия с Ефимьей уже побежали к ней.

В ожидании «тряхнет, не тряхнет?» мужики нервно теребили бороды, покусывали усы. Прошло с полчаса — толчков не последовало. Успокоившись, осторожно вошли в молельню. То, что они увидели, повергло в ужас — икона Божьей Матери в вызолоченном окладе лежала на полу ликом вниз.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Беда-то какая! — запричитал седой, как лунь, Тихон.

— Худой знак, похоже, Божья Матерь сердчает на нас, — осевшим голосом произнес не на шутку встревожившийся наставник. — Кабы беда какая не грянула. Надобно умирительную молитву прочесть... Да поможет нам пречестный Животворящий Крест Господень! — добавил он, бережно поднимая образ Богородицы.

* * *

Путру Ефимия, спустившись к реке за водой, первой заметила, что Глухоманка поднялась, но значения этому не придали. Обеспокоился народ лишь, когда затопило мостки, на которых бабы стирали белье.

— По-моему разумению, от землетряски где-то реку запрудило, — продребезжал сквозь завесу усов дед Тихон. — Надо бы сыскать помеху да ослобонить проток.

Наставник одобрительно кивнул и велел мужикам обследовать русло.

Шагая по затянутой липкой паутиной береговой тропе, разведчики отмечали, что уровень воды становится все выше и выше. Местами даже деревья подтопило. Но лишь подойдя к створу, через который Глухоманка убегала к Большой Реке, обнаружили причину: высоченный завал, образованный обрушившейся частью створа.

Процесс все еще продолжался: со склона то и дело сыпалась каменная крошка, и даже сорвалось несколько крупных камней, не причинивших никому вреда по чистой случайности. Один из них, упав в воду, обдал мужиков зернистыми брызгами.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Мощно закуפורило! Как бы скиту на дне моря не оказаться, — промолвил Матвей, отряхиваясь от воды.

— Типун тебе на язык! Зачем так говоришь? Пошли быстрее к наставнику, — одёрнул его Демьян.

Выслушав разведчиков, встревоженный Григорий отложил лестовку:

— Эка напасть! — сокрушенно вздохнул он. — Что делать будем?

— Может, собор созвать? — предложил Матвей.

— На собор времени нет. Да и сколь ни бей языком о кремень — огня не будет. Вода того и гляди в скит зайдет! Пока не поздно, надобно дома разбирать и на верхний уступ переносить либо еще чего измыслить, — возразил Демьян.

— А моя Дарья предлагает выйти всем миром да попробовать раскопать тот завал, — вступил в разговор Корней.

— А что, дело говорит! Какой он высоты?

— Самое малое саженой пять, а где-то все семь.

— Нешутейная работа, но, как говорят: глаза боятся, руки делают. Созывайте народ, помолимся и не мешкая выйдем.

Вскоре все работоспособное население скита шло к Воротам. Тщательно обследовав завал, установили, что основанием ему служит отколовшийся скальный монолит, легший точно поперек русла, не достигнув, к счастью, противоположного склона. В этом месте створ перекрывала мешанина камней и земли. Было очевидно, что копать траншею можно только тут. Солнце уже почти село, но мужики, не теряя времени, принялись за дело, а женщины, разбив становище, готовить еду.

На следующий день, как только первый солнечный луч поцеловал вершины окружавших Впадину гор и те благодарно просияли, скитники продолжили грузить землю в корзины, выковыривать камни, переносить их на край плотины и сбрасывать вниз. Докучало комарье и слепни. Женщины быстро разложили несколько дымокуров. Волны ветра подбирали сизые клубы и разносили по завалу. Люди кашляли, глаза слезились, но терпели.

Поначалу дело шло медленно. Скучившись в беспорядочную толпу, больше мешали друг другу. Сметливая Дарья предложила вы-

ЗОЛОТО АЛДАНА

строиться в две цепочки. Работа сразу зашпорилась. Раскоп ширился и углублялся с каждым часом.

Чем ниже опускалось его дно, тем тяжелее копалось — грунт становился всё плотней. Взопревшие мужики снимали с себя рубахи-косоворотки и штаны — остались только подштанники да тельные пояски¹. Пытаясь поднять обкопанную глыбу, Демьян так напрягся, что портки лопнули в самом неподходящем месте. Мужики застонали от хохота, а смущенные женщины густо покраснели и стыдливо отвернулись.

— Чего скалитесь, кони стоялые? Подсобили б лучше, — огрызнулся Демьян.

Этот конфуз махом приподнял настроение утомившимся людям. Работа пошла веселей.

За три дня удалось прокопать довольно глубокую траншею — не менее четырех саженей. Глубже не получалось: нижние камни вмяло в грунт столь плотно, что их даже не пошевелить.

Вода все это время поднималась и наутро, курчавясь мелкими воронками, хлынула в рукотворный канал. Затопление остановилось. Наставник, работавший наравне с братией, тут же на плотине, радостно целуя землю, воспел благодарения Спасу и Матери Его Пресвятой Богородице. После чего все помылись в речке и отслужили молебен с земными метаниями. Люди ликовали. Еще бы — спасли скит!

Корней обнял Дарью:

— Какая ты у меня умница!

Женщина просияла и легонько прижалась к мужу.

Уже тринадцать лет, как живут они вместе. Дарья с годами хоть и пополнела, красоты не утратила. Спина прямая, шея лебединая, подбородок держит высоко. Всех восхищала ее царственная осанка, изящный профиль, а в особенности походка. Ходила Дарья не так, как другие. Она не шла, а как бы несла себя ровно, неспешно. Со всеми была проста и приветлива, не чуралась работы, даже самой грязной и тяжелой.

¹ С пояском, свитым из ниток, старообрядцы не расстаются со дня крещения, ибо считают, что человек без пояса всё равно что без креста.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

* * *

Уже в следующую весну на богатом кормами мелководье, усыпанном множеством островков, устроили гнездовья множество гусей и уток. Воздух звенел от их надсадных криков до тех пор, пока птицы не сели высиживать потомство.

В середине лета, когда у гусей началась смена пера — линька, их ловили голыми руками. Тут уж не зевай — коли успеет гусь выправить перо, он не твой. Двигаясь цепью и крича во всю мочь, загоняли птиц в заранее расставленные сети. Таким способом удалось заготовить столько гусей, что мяса хватало на всю зиму.

Не сразу, по прошествии трех лет, рыбы в разлившейся Глухоманке стало ещё больше.

— Славны дела твои, Господи! — восхваляли люди Создателя за щедрость и корили себя за умственную скудость, не позволившую сразу оценить, какие достоинства таило в себе возникновение обширного мелководья.

«Верно писал блаженный Августин: «Бог никогда не попустил бы зла, не имея намерения обратить его в добро» — заключил наставник.

Через год уровень воды стал постепенно понижаться и за лето упал на полторы сажени. К счастью, это не повлияло на численность птицы и рыбы. Их развелось к тому времени столько, что хватило бы прокормить ещё пару таких скитов.

Причину нового каприза Глухоманки выяснила вездесущая ребятня, ходившая удить рыбу к Воротам. Оказывается, речка, промыв в известняке проток, ушла в подземное русло, выходя, как много позже узнали скитники, мощным ключом прямо со дна Большой Реки. Старое же русло Глухоманки ниже Ворот с десятками мощных порогов обнажилось и превратилось в сухую ленту из череды громадных валунов и каменных уступов.

ВЕРНЫЕ ПРИСЯГЕ

Настало время познакомить читателя с обитателями выросшего в семидесяти верстах от скита небольшого поселения. Для этого нам придется на время вернуться в август 1922 года...

ЗОЛОТО АЛДАНА

Исковерканный колеями, копытами и сапогами Охотский тракт после затяжных дождей за ночь подветрило. Лошади шли ходко, хотя и тянули вполсилы. Объезжая обоз из конца в конец, краснолицый ротмистр Пастухов окидывал его беспокойным взглядом маленьких зеленоватых глаз и то и дело поторапливал:

— Побойчей, братцы! Запаздываем. Коли к вечеру догоним голову, всем по чарке выдам! — При этом выразительно хлопал по притороченной позади седла суме.

Его щедрость была объяснима. Обоз отстал от головного отряда из-за его кобылы Фроси. Та ожеребилась прямо на марше. А полковник Степанов еще в Охотске¹ всех предупредил: «Брюхатых в поход не брать». Да как оставишь боевую подругу чужим людям в столь ответственный момент? Седьмой год служила она ему верой и правдой и ни разу не подвела! Новорожденного сосунка пристроили на кошме за ящиками с патронами в конце обоза.

Передней подводой правил здоровущий бородач — Иван Дубов. На нем шинель Забайкальского казачьего войска с желтыми погонами, туго перетянутая портупеей с шашкой, на лобастой голове — темно-зеленая фуражка с желтым околышем. Черная борода такая пышная и дремучая, что в ней тонули не только губы, но и глаза. Этот тридцатидвухлетний казак обладал такой недюжинной силой, что в рукопашном бою штыком и прикладом уложил четверых германцев и, взвалив на себя трофей — тяжеленный станковый пулемет, принес его в свои окопы, за что и получил орден Святого Георгия, которым очень гордился.

Рядом с ним, положив драгунку на колени, сидел односелец: бравый казак Федот Шалый: пухлощекий, с оспинками на лице. Тоже с бородой, но пожиже, вихрастым белобрысым чубом, упрямо выбивавшимся из-под щегольски сдвинутой набекрень фуражки с треснувшим козырьком. Что-то подкупающее было в его задорной

¹ Охотск — патриарх русских городов на Дальнем Востоке. В прошлом отправной пункт всех тихоокеанских экспедиций. Заложен в 1649 году. Отсюда мореплаватели уходили на Аляску, Чукотку, Русскую Калифорнию, Командорские, Курильские и Алеутские острова, форт Росс. Как порт был неудачным местом из-за отсутствия глубоководной, закрытой бухты. Поэтому в 1846 году порт-факторию перенесли в Аян, где был защищенный залив (Аян в переводе с якутского означает — путь).

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

улыбке. Оба — потомки семейских¹ староверов — одних из первых переселенцев на мерзлые земли Восточной Сибири. Их предки уже больше двух веков жили в этих размашистых краях.

Глухая, непроходимая тайга, могучие хребты, увенчанные снежными гребнями, вздымавшимися до самых небес, перекрывавшие путь из матерых российских земель к Тихому океану, делали эти земли почти недоступными. Но перед упорством и выносливостью казаков-землепроходцов, неудержимо торивших дороги на восток, ни горы, ни чащоба не могли устоять. Они даже умудрялись волоком перетаскивать тяжеленные струги через крутые горные перевалы.

Прокладывали по берегам рек дороги. Ставили избы, раскидывая селения. И гордость за ширящееся Отечество была для этих бесстрашных людей практически единственной наградой за невероятные испытания, которые выпали на их долю в те давние времена на пути к Ламскому² морю.

— Ну и дорога! Навроде нашей нонешней жизни: разбитая и покалеченная, — бубнил в бороду Дубов, сворачивая сигарку.

— Эт ты, Вань, верно подметил. Что жизнь, что дорога одинаково порушены... Дай чуток дымнуть!.. Мститя мне, что в пятнадцатом году тракт куда лучше был.

— Ты-то откель знашь?

— Мобилизованных в Охотск дважды к пароходам сопровождал. Да и к деду, что на Караульном начальствовал, с отцом ездить доводилось, — произнёс Федот, то и дело настороженно поглядывая на хмаристые тучи, толпившиеся над хребтами. Их вершины уже укутаны самыми брюхатыми из них. Оттуда тянулись к земле косые мутные завесы.

— Коли дождь сызнава затеется, худо нам придется, — добавил он и, с блаженством вобрав через нос воздух, остро пахнущий кисло-

¹ Семейские — так называли десятки тысяч старообрядцев-беспоповцев переселённых целыми селениями в три этапа в XVIII веке из Речи Посполитой (Гомельской области) за Байкал. Эта «выгонка» особенно активно велась во времена правления Екатерины Великой с целью защиты восточных границ России от посягательств Цинской империи. Семейские привнесли в этот край высокую культуру земледелия.

² Ламское море — старое название Охотского моря.

ЗОЛОТО АЛДАНА

ватым конским потом, соскочил с козел и зашагал рядом с подводой размять затекшие ноги.

Тракт, пролежавший по гребню увала, упершись в отрог, стал спускаться вдоль ключа. Обоз должен был выйти на обширную падь, где до 1906 года располагался казачий пост «Караульный камень» с постоянным двором — желанным и гостеприимным приютом для проезжавших здесь путников. Назвали его так, по всей видимости, от того, что пост прилепился к щербатому утесу, по бокам которого торчали, будто часовые, каменные останцы. С XVII вплоть до середины XIX века, когда Охотск был основным портом на восточных рубежах России и опорной базой всех экспедиций, тут кипела жизнь, а сейчас от него осталось несколько полуразрушенных строений.

Падь обрамляли громады угрюмых хребтов. Глядя на них, Дубову вдруг захотелось, забыв о войне, стать птицей и улететь туда. Сесть на вершину самого высокого пика и смотреть на бугристые швы кряжей, узорчатую вязь долин и медленно ползущий по тракту обоз с высоты.

Внезапно тишину нарушили отдалённая дробь пулеметных очередей и шквал беспорядочной стрельбы. Колонна встала. Лошади беспокойно запрядали ушами. Казаки напряженно вслушивались и, с тревогой осматриваясь, то и дело бросали вопросительные взгляды на ротмистра.

Тот соскочил с лошади и, успокаивающе погладив норовистую кобылу, быстрым шагом направился к крытой повозке. На ходу снял фуражку с белой офицерской кокардой и вытер платком, пропахшим конским духом, капельки пота с громадной лысины, окаймлённой пушистым венчиком волос. Подойдя к повозке, надел фуражку и зачем-то спустил на подбородок ремешок, расправил широкие, немного вислые плечи и, вытянувшись по стойке «смирно», обратился к начальнику штаба — подполковнику Лосеву Олегу Федоровичу, оказавшемуся в обозе по причине внезапной лихорадки. Выслушав его распоряжения, вскочил на лошадь и вполголоса скомандовал:

— Слушай приказ начальника штаба. Сворачиваем в распадок. Ехать след в след по одной колее. Морды лошадям стянуть, не курить, не разговаривать!

Когда с тракта съехала в лес последняя подвода, ротмистр с казакон Шалым, пятясь, присыпали следы от колес трухой из листьев

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

и травы. Прodelали они это столь искусно и тщательно, что уже и самим не разобрать было, где же проехали телеги.

Сгрудившись за каменным развалом, отряд замер в томительном ожидании — что дальше? Пальба прекратилась, и установилась такая тишина, что было слышно позвякивание конской сбруи и чмокание жеребенка, припавшего к вымени матери.

Тут уже сам Лосев, собравшийся перед опасностью, словно тугая пружина, встал на передок повозки и, слегка приглушив голос, распорядился выставить дозоры, а опытных следопытов, Дубова и Шалого, отправил в разведку.

Обветренное, безукоризненно выбритое лицо подполковника, с серыми, слегка навывкате глазами, высоким лбом, острым с горбинкой носом и тонкими губами хранили спокойствие. А скупые и точные, несмотря на болезнь, движения выдавали в офицере твердого и бесстрашного воина. На нем была подбитая беличьим мехом и крытая тонким сукном защитного цвета бекеша с каракулевым воротником.

Потянулись минуты томительного ожидания. Всякий раз, когда от порывов ветра начинала перепуганно лепетать листва, люди настораживались и до звона в ушах вслушивались.

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку (не стреляй, свои), — подала наконец парольный голос «кукушка».

— Ку-ку, ку (понял, проходи), — ответила другая.

Из густого ельника вышло пять человек. Впереди казаки, за ними — трое офицеров. Старший по званию, загорелый, довольно высокий, с гвардейской выправкой, в кителе с изрядно потускневшими золотыми погонами, со скрученной бледно-серой шинелью через плечо, штабс-капитан Тиньков Николай Игнатьевич, подойдя к Лосеву, резко вскинул руку к козырьку:

— Здравия желаю, господин подполковник! Разрешите доложить, — густым рокочущим басом обратился он.

— Докладывайте, только потише.

— При подходе к Караульному камню попали в засаду. Красные фланговым огнем из пулеметов всех положили. Только мы втроём, я, мичман Тёмный и юнкер¹ Хлебников, успели укрыться за буреломом. Поднимаясь в горы, встретились с вашими разведчиками.

¹ Юнкер — курсант военного училища.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Как, много красных?

— Точно сказать затрудняюсь. Судя по плотности огня, человек сорок-пятьдесят.

— Так, нас семнадцать... Маловато... Что с полковником Степановым?

— Убит. По нему первому и били.

Лосев снял фуражку, стиснул кулак так, что пальцы побелели, и перекрестился.

— Простите, господин подполковник, забыл доложить. Казак Дубов видел среди красных Хохлова — денщика полковника.

Лосев нахмурился:

— Вот паскуда! А врал, что занедужил. Теперь ясно, почему перестреляли, как щенят... Сие в корне меняет дело... Хохлов ведь знает, что следом идет обоз с провиантом и боеприпасами — сам подводы комплектовал... Ситуация непростая, а действовать надо быстро. Вижу два варианта. Первый — возвращаемся в Охотск, а там — по обстановке. Второй — спускаемся по ключу к речке Юдома и по ней сплавливаемся до Аянского¹ тракта. Там ожидаем дружину генерала Пепеляева. У вас, штабс-капитан, какие соображения?

— Возвращаться — позорно. Полагаю, вариант с Юдомой оптимальный.

— Я тоже склоняюсь к нему — Юдома рядом. Если поднажать, на тракт дней за пятнадцать выберемся. Но уйти, не отомстив за товарищей, постыдно для офицера.

— Оно, конечно, так, однако ж силенок маловато...

— Согласен, но можно прибегнуть к военной хитрости. — Подполковник, преодолевая озноб, поежился и поплотнее запахнул бекешу. Переведя взгляд на Пастухова, сказал: — Господин ротмистр, подойдите, вместе обсудим... Что мы имеем? В версте от нас отряд красных, минимум в два раза превосходящий по численности. Вопрос — как меньшим числом совершить акт возмездия?

Ротмистр снял фуражку и по привычке протер лысину:

¹ Якутско-Аянский почтовый тракт, прежде основной, захирел после продажи Аляски и прекращения деятельности Российско-Американской компании в 1867 году.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Красные нас наверняка поджидают. Скорей всего, на том же месте. Сейчас, должно быть, с поляны убитых убирают, чтоб нас не спугнуть. Думаю, до вечера подождут, а с утра сами начнут разыскивать — основной-то груз у нас. Так давайте поможем им. Вернемся назад, в ущелье, что недавно прошли. Оставим повозки на виду, а сами сверху в скалах заляжем. Лошадей выпряжем и в лес уведем. Как только красные зайдут в теснину, так огнем из пулеметов покосим. Надо только создать видимость, будто обоз разграблен, чтобы безбоязненно подошли. Набьем несколько казачьих гимнастёрки и брюки травой и раскидаем «куклы» вокруг телег — вроде как убитые лежат. Пару подвод распотрошим, крышки с ящиков сорвем. Одну лошадку, для убедительности, придется пристрелить. На такую заманку, думаю, клюнут!

Подполковник слушал, одобрительно кивая головой:

— Щеки — западня надежная, ни один не уйдет. Сколько до ущелья отсюда?

— Верст пять, не боле.

— Всего-то час ходу! — В предвкушении мести Лосев даже звонко шелкнул пальцами и, повернувшись к штабс-капитану, приказал:

— Как можно тише разворачиваемся и идём к ущелью.

* * *

В ожидании скорого боя Шалый, поглаживая смазанный и начищенный пулемет, то и дело поглядывал на дорогу. Дубов заправлял патронами одну ленту за другой. Их возле него лежало уже пять.

Наконец из-за поворота появился отряд красных конников. Разговоры в засаде прекратились сами собой. Лица стали серьезны, сосредоточены, в глазах — твердая решимость. Тихо, только ветерок слегка шелестит в кедровых лапах.

Увидев стоящие в беспорядке подводы и лежащих в траве «убитых» казаков, красноармейцы остановили лошадей, сдернули с плеч винтовки. Передние всадники, боязливо поглядывая по сторонам, направились к обозу. Когда один из красноармейцев подъехал к телу «убитого» казака и слегка свесился с лошади, Лосев рывкнул: «Огонь!» Скалы ответили на команду звонким треском пулеметов и сухими щелчками винтовок. Стреляли почти без промаха, по заранее вы-

ЗОЛОТО АЛДАНА

бранным целям. Тиньков поймал в прицел ручного пулемета «Шоша» искажённое страхом лицо Хохлова. От выпущенной очереди голову предателя буквально разнесло на части.

— Собаке собачья смерть! — мстительно прокричал, разинув оправленный узкими усиками и аккуратной бородкой рот, разлютовавшийся штабс-капитан и поймал на прицел следующего, метнувшегося в лес.

Земля от пуль покрылась клубками пыли. Некоторые успели укрыться от смертоносных струй за камни и стали отстреливаться. Вот затих, даже не вскрикнув, казак рядом с Лосевым. Помянул недобрый словом матушку раненный в плечо Шалый. Пули все чаще цвинькали по камням.

— Гранаты! Кидайте гранаты! — скомандовал подполковник и, сняв чеку, метнул свою. Прогремели один за другим взрывы, и в ущелье установилась нереальная после пальбы и взрывов тишина...

Из пакета, найденного в сумке одного из убитых, по всей видимости, командира, узнали потрясшую всех новость — повстанческая армия корнета Коробейникова разгромлена, а из Якутска в Охотск идут два красных эскадрона и начальнику Аллах-Юньской заставы Ивару Райнису приказано в кратчайшие сроки зачистить укрепленный за ним участок тракта от остатков белых.

* * *

Лосеву, лично руководившему боем и пролежавшему на холодных камнях больше часа, на следующий день стало совсем худо. Ротмистр убедил его забраться в крытую подводу и заботливо укутал полушубками. Но подполковника трясло даже под овчиной. Когда приступ лихорадки ослабевал, Лосев в мыслях возвращался к неожиданному известию о разгроме двухтысячной армии Коробейникова.

Как могло такое случиться? В Охотске отважный корнет успел стать кумиром горожан. Еще бы — сумел собрать такое крупное соединение и освободить от красных почти всю Якутию! Рассказывали, что поначалу у него был небольшой отряд, состоявший из одних кадетов и юнкеров. Разбив летом 1921 года красных на Мае, они захватили сорок тысяч пудов провианта и боеприпасов. Это позволило принять новых добровольцев и в короткий срок стать

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

значительной военной силой. За несколько месяцев вся область перешла под контроль их армии. Красные удержались только в областном центре — Якутске.

Весной 1922 года в Охотск от Коробейникова пришла радиограмма: «Уничтожен арьергард красного экспедиционного корпуса зпт идущий из Иркутска на подмогу большевикам тчк Для их окончательного разгрома просим помощи кому дорога судьба России тчк».

Полковник Степанов, царствие ему небесное, и он — Лосев, откликнулись одними из первых: долг офицера не позволил им сидеть сложа руки. Собрав добровольцев, они спешно вышли в Якутск, и на тебе: повстанческая армия разгромлена. Научились красные воевать... Ничего, Пепеляев задаст им перца! Грамотный, опытный командир. И пуля его не берет — говорят, заговоренный. Не проиграл ни одного боя, а сколько блистательных побед! Пермь в 1918 году с ним взяли почти без потерь! Тогда для армии Колчака открылась дорога на Москву. К сожалению, в это время по всей Сибири усилились бунты крестьян, рушился зараженный мздоимством интендантов и зверствами разномастных банд тыл. Учитывая эти обстоятельства, Колчак не решился пойти на Первопрестольную...

Оживление в голове колонны отвлекло Лосева от воспоминаний: обоз вышел к реке Юдома. Два дня ушло на то, чтобы напилить сухостоин, связать из них плоты. Низкое серое небо, видимо, жалея путников, так и не распахнуло свои затворы для дождя. Даже, напротив, снопы солнечных лучей временами пробивались в редкие разрывы и подбадривали живительным светом.

До Усть-Юдомы, откуда начинался сухопутный переход на Аянский тракт, сплавились с единственной потерей — на мощном прижиме один из плотов вздыбило и в воду съехало два ящика с патронами.

Когда отряд подполковника Лосева добрался до села Усть-Миле, стоящего прямо на тракте, из Аяна прискакали братья Сивцовы — хозяева самых крупных табунов в округе. Они были в приподнятом настроении: дружина Пепеляева уже десантировалась с двух пароходов в Аяне и Охотске и готовилась выступить на Якутск. Им помогают обиженные кушцы, кулаки, тойоны¹, оленеводы, недовольные прину-

¹ Тойоны — князьки (главы родов).

ЗОЛОТО АЛДАНА

дательной кооперацией. Активизировались и почуявшие возможность прийти к власти эсеры.

Перед братьями была поставлена задача: до подхода Пепеляева собрать в Усть-Миле табун из двухсот верховых лошадей с упряжью для кавалерийских эскадронов (транспортных оленей в дружине было достаточно — тунгусы дали) и развезти по трактовым станциям фураж, попутно скупая зимнюю одежду: полушубки, малицы¹, унты.

«И в самом деле, всё удачно складывается, — воспрял духом подполковник. — Хозяйка в тесто кладет немного дрожжей, а оно вздымается. Так и дружина генерала по дороге еще обрстет сторонниками и, как уже на Руси не раз бывало, превратится в непобедимое народное ополчение. С Пепеляевым мы всех одолеем!..»

У ЭВЕНКОВ

У Корнея с Дарьей подрастало двое справных, работающих сыновей: Изосим и Паша. Старшему, Изосиму, шел четырнадцатый год, а младшему минуло восемь.

Когда дед Елисей с бабкой Ольгой ударились в воспоминания о жизни в стойбище, в котором она выросла, а чуть живой от обморожения дед, тогда молодой парень, впервые увидел ее, Изосим замирал: слушал, затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Он давно мечтал попасть в те места и окунуться в кочевой быт оленных эвенков. Его волновало все новое, неизвестное. Таким уж уродился по Божьему замыслу. (Паша же к этим рассказам был равнодушен.)

Изосим исподволь стал подговаривать родителя сходить проведать кочевую родню. Корней, и сам истосковавшийся по простодушным, гостеприимным родственникам, обещал, но всякий раз возникали неожиданные препятствия: то ветром у кого крышу завалит, то кому баню надо помочь обновить, то дрова заготовить. Да мало ли в хозяйстве дел.

Разрешилось все зимой и самым неожиданным образом.

¹ Малица (кухлянка) — глухая (нераспашная) одежда из оленьих шкур мехом внутрь и пришитыми рукавицами и капюшоном, надеваемая через голову. В сильные морозы надевают двойную малицу: одна мехом внутрь, вторая мехом наружу.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

В скиту, буквально потонувшем после многодневной выюги в снегу, — зámять доходила до верха заплота, — всюю праздновали Святки¹. Парни и девушки после обеда собирались на берегу Глухоманки на игрища, во время которых молодняк присматривал себе пару. Играли в снежки, барахтались в сугробах, съезжали с ледяных покатушек. Ребята нарочно опрокидывали санки на спуске и, как бы нечаянно, прижимались к приглянувшейся девице.

А вечерами на утоптанной полянке у ворот, под приглядом старших, водили хороводы, сопровождавшиеся кружковыми песнями. Большинство из них имело поцелуйную концовку. По кругу двигались неторопливо, чтоб не нарушать запрет на плясания.

В это самое время к скиту подъехал дядя Корнея — Бюэн, крепкий, несмотря на свои шестьдесят лет, эвенк со смуглым, прокаленным морозом лицом. На нем чем-то инородным смотрелись опущенные белым инеем густые брови и ресницы. За спиной болталась старенькая бердана 28-го калибра. Сильно поношенная меховая парка и потертые штаны из сыромятной кожи говорили не о бедности, а о том, что этот человек не придает значения своей одежде.

Приехал Бюэн со связанными друг с другом ременными поводками быках. Три из которых были комолыми — уже сбросили рога до весны. На первом — сам, второй с выюками, в которых палатка, меховой спальный мешок, продукты, котелок, чайник. И два оленя с тяжелыми сумами.

Молодежь как ветром сдуло: умчались в скит известить о чужаке. Бюэн, не обращая внимания на яростный лай собак, спешился, потянулся, разминая суставы. Калитка отворилась, и к нему вышли бородатые мужики.

— Дорова, Елисей! Узнавал? Это я, Бюэн. Ты не ехал, сам ехал. Гостинцы привез, соль привез. Бери, видишь — много готовил, — с трудом двигая замерзшими губами, проговорил эвенк, указывая на навьюченных оленей.

Елисей, признав шуряка, с радостными возгласами обнял его. Отправив Корнея за матерью, сам побежал к наставнику испросить

¹ Святки — период от Рождества Христова (7 января) до Крещения (19 января).

ЗОЛОТО АЛДАНА

дозволения принять гостя. Григорий помялся немного, но не отказал. Когда вернулся, счастливая Ольга уже висела на шее брата:

— Рассказываё, как в стойбище дела?

— Плохие вести. Отец ушёл к верхним люди.

Ольга перекрестилась:

— Господи, когда же?

— Скоро два года. Хорошо ушёл. Не болел. Сразу ушёл.

— Вечером помолимся за упокой его души.

Корней тем временем освободил уставших животных от вьюков и увел их на малоснежную сторону заплота в ельник. Олени тут же обступили деревья и стали жадно отрывать сильными губами свисающие с ветвей космы лишайника.

Кочевника провели в дом, усадили за стол. Изосим, много слышавший о бабанином брате, с интересом разглядывал его. Темные, как безлунная ночь, волосы, слегка побеленные изморозью седины, спадали на широкие плечи, отчего голова напоминала чум.

Хотя Бюэн не очень хорошо изъяснялся на русском — подзабыл, с помощью Ольги узнали, что эвенкийской родне срочно требуется помощь: оленей в их стаде косила таинственная болезнь — каждый день умирало два-три орона.

— Шаман камланил — олень все равно умирай. Корней — сильный шаман, хорошо лечил.

Елисей с Ольгой понимали, что значит роду остаться без стада. Олень — главный кормилец эвенка. Неприхотливый к пище (мхи, трава, лишайники), он к тому же непревзойденный ходок по бездорожью. Для него не страшны ни снег, ни болотистые мари — выручают необычайно широкие копыта. Шея из-за густой гривы кажется непропорционально толстой, ноги довольно короткие. Это придает северным оленям немного неуклюжий вид. Однако эти животные способны и на стремительный галоп.

— Спасать надо оленей! — произнес Елисей. — Агирча говорил: «Жив олень — жив эвенк». Пойду к Григорию просить. Ты, сынок, пока собирайся.

— Верно понимай. Твоё слово сладко. Олень умирай — мы все умирай. Олень кормит, греет, возит, — радостно закивал Бюэн.

— Тятя, испроси дозволение и на Изосима! — крикнул вдогонку Корней.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Выезжать следовало как можно быстрее. Для спешки была еще одна причина: Бюэн сговорился с топографами, работавшими прошлым летом в их районе, пригнать к устью реки Быстрой к 15 марта шестьдесят оленей и девять нарт. Из них четыре грузовые. И оттуда вести отряд со снаряжением и продуктами на север, к Пикам — месту полевых работ. Бюэн обещал работать с партией весь полевой сезон (управляться с оленями, кашеварить и смотреть за лагерем, когда топографы будут на съемке местности).

Через час все было готово к отъезду, но по настоянию самого же Корнея задержались, чтобы в полночь, на Крещение, набрать из проруби святой воды.

Груз разложили в кожаные сумы. То, что предназначалось для лечения оленей: мешочки с травами и корешками, мази, дедовы лечебники, в которых расписаны составы зелий от всяких недугов, упаковали отдельно. Подпругами из сыромятной кожи крепко притянули поклажу к шерстистым бокам оленей. У ездовых на спинах лежали по две подушечки — маленькие седла без стремян. Эвенк, не дожидаясь, пока усядутся Корней с сыном, ловко запрыгнул на своего быка и повел караван, оглашая округу криками: «От! От!» Изосим, впервые ехавший верхом на олене, пока принаравливался, несколько раз падал: шкура оленя «ходила», как рубашка на теле, и парнишка скатывался с гладкой шерсти.

* * *

Разлохмаченные хвосты дыма, тянущиеся вдоль подножья гор, указывали на местоположение стойбища. Переехав покрытую торосами речку, увидели сквозь деревья и сам стан, раскинувшийся на ровной, как стол, поляне. Низкое, но яркое солнце хорошо освещало чумы, из острых верхушек которых торчали прокопченные концы жердей. Между жилищами стояли где пустые, а где груженные нарты. У самого входа в чум, в меховом мешке, посапывал малыш. Он завозился и подал требовательный голос. Краснощекая мать, чумахая от копоти очага, в шароварах, заправленных в лосевые унты, расшитые цветистым орнаментом, выбежала и сменила под малышом подстилку: мох пополам с оленьей шерстью. Ребенок успокоился и вновь сладко засопел. С дальнего края стойбища неслись смех, веселые крики и визги одетой в кухлянки детворы. Здесь, в глухой тайге, изолированные от

ЗОЛОТО АЛДАНА

внешнего мира обширными малолюдными пространствами, люди сохранили самобытность своей культуры и чистоту эвенкийского типа. Лица круглые, чуть плоские, с узким разрезом глаз.

Еще дальше густилось стадо. Над ним колыхались ветвистые рога оленух — они сбрасывают их позже быков, когда оленята немного подрастут.

Эвенки заселяют огромную территорию от Оби до берегов Охотского моря с незапамятных времен. Постоянная борьба за жизнь, лишения, суровый климат сделали этот народ необычайно приспособленным к жизни в непроходимой тайге.

Сейчас на поляне, искрящейся от крупных кристаллов снега, в круг стояло пять чумов, покрытых двумя слоями оленьих шкур: внутренний слой — мехом в чум, внешний — мехом наружу. (Летом чумы покрывают сшитыми полосами бересты.)

Ветерок донес возбуждающий аппетит аромат — в каком-то чуме варили оленину. Небольшие, остромордые псы, увидев, что Бюэн не один, выскочили из общих, на три-четыре собаки, «гнезд», усланных для тепла сухой травой, и с залиvistым лаем помчались навстречу — знакомиться. Услышав щум, из чумов стали выходить мужчины: нечасто появляются здесь гости.

Корнея обрадовало то, что хозяйство деда увеличилось с двух до пяти чумов. Когда дочери Агирчи выходили замуж, а их у него, кроме Ольги было еще три, они с мужьями из рода Сапкара вопреки традиции после свадьбы перебирались в стойбище отца. В результате Агирча оказался главой большого рода и имел самое многочисленное стадо в округе. Он даже не знал, сколько в нем оленей, а когда спрашивали, отвечал: «Сколько на небе звёзд».

Сапкар долго дулся на соседа, но, когда умерла жена, сам приехал к Агирче и сказал: «Детей потерял — костёр ослаб, жену потерял — совсем потух. Пришёл к вам жить».

«Огонь не имеет конца, если рядом друг», — согласился Агирча.

После смерти стариков оба рода так и продолжали кочевать одной большой семьёй.

— Отец перед уходом к верхним людям нас собирал и сказал: «Род силен, когда все вместе, — от одной ветки нет огня, от двух мало-мало теплится. Положи несколько — жаркий костер будет. Всех согреет».

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

* * *

В чуме Бюэна всем хозяйством управляла его жена Ирбэдэ — худая, суровая эвенкийка. Когда она наклонялась, в ее иссиня-черных косах звенели серебряные подвески. Ирбэдэ готовила пищу, колола дрова, поддерживала огонь, приносила воду, шила, выбивала и сушила на высоких кольях возле чума меховую одежду, доила оленух. Бюэн же с братьями, сыновьями и племянниками разбирали и ставили при перекочевках чум, пасли стадо, охраняли его день и ночь, в дождь и метель от волчьих стай и занимались охотой.

Корнея в стойбище помнили. Изосиму было приятно видеть, с каким почтением относятся к его отцу. Один из сыновей Сапкара, обнимая дорогого гостя, сказал:

- Ухо далеко про тебя слышало, потому глаз так хочет видеть.
- А где мой друг Хэгды?
- Хэгды навсегда ушёл — провалился в полыню.

Гостей усадили за низенькие столики, на подушки, накрытые пестрыми круглыми ковриками — кумланами, сшитыми из разноцветных обрезков ткани. (Женщины перед этим аккуратно скрутили покрывавшие «пол» шкуры.)

Как хорошо и приятно после мороза и колючего ветра оказаться в тепле, под защитой оленьих шкур! В чуме Бюэна, самом большом в стойбище, можно было одновременно ставить три спальни-полога! Сейчас два из них вымораживались на улице.

Изосим впервые видел такую «спальню» и с интересом разглядывал ее устройство. Сшитая из оленьих шкур, она была натянута на деревянный каркас мехом внутрь. Этот довольно объемный меховой ящик прекрасно держит тепло, и в нем можно спать в одной рубашке даже в сильные морозы.

Высота полога невелика — стоять можно лишь на коленях. Пол тоже устлан шкурами. У изголовья примитивный жировик — каменная чаша, в которую налит топленый жир, с прядкой мха у края — фитиль. Он горит слабым, уютным, не мешающим спать светом. Днем полог выносят из чума. Выворачивают и что есть мочи стучат по нему колотушками из оленьих рогов до тех пор, пока не выбьют из шкур все кристаллы замёрзшей влаги.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Прежде чем подавать угощение, хозяйка помыла лицо и руки, прыскавая воду изо рта. Первым подала прокопченную на ольховом дыму оленью колбасу из мяса и кедровых орешков. Пока лакомились этим деликатесом, в котле доварилось мясо молодого оленя. Мелко нарезав, хозяйка посыпала его сушеной черемшой и подали на деревянной доске.

Во время трапезы в чум время от времени просовывали головы собаки — клячили подачки со стола. Хозяйка молча собрала и высыпала на снег груды костей. Растащив их по стойбищу, псы принялись за любимое дело — глодать мосолыжки. Но один пес так и остался сидеть у входа, чуть склонив голову набок. Он жадно вдыхал восхитительные ароматы, сочащиеся сквозь щелку. Иногда от наслаждения закрывал глаза. Тонкие струйки слюны тянулись и падали на снег из уголков его полураскрытой пасти. Когда из котла достали очередные дмящиеся куски мяса и волна запаха достигла его носа, пес аж придвинулся поближе. Глаза хмельно загорелись, хвост от возбуждения забил по земле. Опьяненный чарующим ароматом, он поднял морду и заскулил.

— Всегда так. От запаха ум теряет, — прокомментировал Бюэн.

Доев мясо, вытерли жирные пальцы о чистые кусочки шкур и принялись за дуктэми — подсушенные над костром полоски рыбы, посыпанные костной мукой и политые рыбьим жиром.

Это угощение подают самым дорогим гостям. Изосим, впервые оказавшийся среди эвенков, не столько ел, сколько во все глаза смотрел на происходящее. С интересом наблюдал, как соловеют от сытости эвенки. Как на губах, блестящих от жира, появляются блаженные улыбки. Вслушивался в их неторопливый, пока малопонятный, гортанный говор. Ему, правда, не очень нравилось, что в чуме дымно, душно и кисло пахнет прелыми шкурами.

С обжигающим чаем подали лепешки и колобки масла, взбитого из жирного оленьего молока.

Пили долго, не торопясь, шумно втягивая горячий напиток, смакуя каждый глоток.

Залив мясо чаем, эвенки раскурили трубки. Вскоре табачный дым заполнил чум сизым туманом. Корней с Изосимом морщились, но из деликатности терпели.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— У вас все такое вкусное! — похвалил Корней. — Однако лишка уже. От обильной трапезы живот пухнет, а дух слабнет.

— Много ешь — дух добрый! — несогласно покачал головой Бюэн. — Еда надо любви, как жену. Языком гладь, тихо глотай. Не будешь любви — Бог еду забирай.

— Еда силу даёт, — подражая взрослым, важно добавил Васкэ, средний сын Бюэна.

— Всё же много есть вредно, — стоял на своем Корней.

Бюэн с сомнением покачал головой, но спорить не стал.

За стенкой чума заскрипел снег, занялись собаки. Это на широких, оклеенных камусом лыжах, подъехал старший сын Бюэна — Орон, живший с женой и двумя детьми-погодками, четырех и пяти лет, в одном чуме с родителями. Радушно всех поприветствовав, он снял меховую куртку и, подойдя к Корнею, крепко обнял его:

— Дорова! Что долго ехал?

— Семья, забот много. Это мой старший — Изосим. Привёз знакомить.

— Хорошо делал. Друг друга знать надо.

Быстро перекусив, Орон, рассказал, что в стойбище приезжал человек из исполкома. Уговаривал перейти на жительство в деревянную избу возле какой-то культбазы. Говорил, что в избе тепло, детей будут учить писать буквы и из бумаги про все узнавать.

— Что ты ответил исполкому? — насторожился Бюэн.

— Сказал: «Эвенк не может жить избе. Эвенку с оленями кочевать надо. Не поедем! В чуме жить будем».

— Хорошо сказал. Избу за стадом не повёзёшь. Олень без кочёвки умирай.

— Эвенка учить исполком не может, исполком не знай, как тундра жить, как олень пасти, как чум ставить. Чему исполком учи? Как он ходи, как он живи? Эвенк нельзя живи так. Эвенк умирай такой жизнь, — не вытерпела, вмешалась в разговор жена Бюэна — Ирбэдэ.

— Когда уезжал, шибко злой был. Сказал: «Ты не эвенк, ты кулак. На тебя упряжку найду». Отец, он что, из нас оленей хочет делать?

Бюэн расстроился.

— Эвенк не будет оленем. Такой позор наш род не надо. Уходить будем. Далеко уходить. Пусть исполком сам оленем будет.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Еще шаман Оргуней приезжал. Ругал, что ты ехал лучу* звать. Сказал, что большевики всех шаманов убьют. Тогда жизнь кончится.

— Жадная ворона много каркает. Десять оленей дали — не лечил. Корней хорошо лечит, олень не просит.

* * *

Запущенные болезни поддавались лечению с трудом. Ослабевшие животные, особенно быки, продолжали умирать.

Корней нервничал, а Изосим, напротив, втайне даже радовался, что задерживаются. Жизнь в стойбище ему всё больше нравилась. Он легко освоил язык, перезнакомился и подружился со сверстниками. Играл вместе с ними, смотрел за стадом, ходил на охоту. Особенно привязался к Васкэ. Несмотря на разницу в возрасте (Васкэ — семнадцать, а Изосиму только четырнадцать), они сразу подружились.

Бабушка Ирбэдэ не могла есть оленину, и ребята специально для неё ходили за тетеревами. Молодой эвенк охотился не с ружьем, а с луком Хэгды, подаренным дедом после смерти дяди. Большой, почти в рост, лук для упругости был оклеен оленьими сухожилиями. Натяжение тетивы было столь велико, что она звенела от малейшего прикосновения. Оттянуть такую тугую тетиву непросто, зато и стрелу она посылает на высоту парящего орла.

Колчан для стрел был красиво вышит. Наконечники у них выкованы из гвоздя. Хвостовое оперение устроено так, что в полете стрела начинает вращаться, как пуля, вылетевшая из ствола нарезного оружия. Это придавало ей устойчивость и точность стрельбы.

Неслышно ступая мягкими ичигами — легкими кожаными сапогами, перехваченными сыромятными ремешками по голенищу, Васкэ мог подойти на расстояние выстрела к любой дичи.

Изосим в первый же выход понял, почему его двоюродный брат предпочитает промышлять луком, — от ружья много шума. А с луком тетеревов сколько надо, столько и настреляешь: птицы шею вытянут, посмотрят, куда сосед упал, и продолжают кормиться дальше.

Изосиму тоже нашли лук, правда, поменьше. У него бой был слабее, и мальчику приходилось подкрадываться к тетеревам поближе. Те нередко пугались и отлетали в глубь леса.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Ребята не только охотились. Они помогали и по хозяйству. Много времени занимало изготовление деталей для нарт. Делали стойки, обтесывали, загибали березовые жерди для полозьев, резали тальник для каркаса. Упряжь мастерили женщины.

Запрягают оленей предельно просто: широкая ременная петля надевается животному на шею, пропускается под ногой и через баран возвращается к другому орону. Если один из оленей тянет не в полную силу, второй, добросовестный, сейчас же оттягивает ремень вперед, и лентяй попадает ногами под наезжающие нарты. Поэтому оба вынуждены тянуть на равных. У северных оленей очень ветвистые рога, и, чтобы они не цеплялись за напарника и ветки деревьев, их укорачивают ножовкой.

Готовя Бюэна к предстоящей экспедиции, обитатели стойбища работали не покладая рук. Они понимали, что если выполнят все условия договора с топографической партией, то род хорошо заработает.

* * *

Перед сном, когда бабушка Ирбэдэ закуривала длинную трубку, вырезанную из мамонтовой кости, внуки начинали крутиться вокруг и просить:

— Расскажи, бабушка, сказку. Расскажи!

— Кыш, кыш, комары, налетели на старуху. Вот я вас прутом!

Дети смеялись и опять просили: «Расскажи хоть одну». Они знали, что у бабушки в памяти их такое множество, что до утра хватит.

— Ну ладно. Сегодня расскажу про умного охотника и глупого медведя.

Мальши придвинулись к бабушке поближе. Изосим и Васкэ, хоть и были уже почти взрослыми, тоже подсели.

Ирбэдэ глубоко затаилась и, выпустив струю дыма, начала говорить:

«Шел по тайге старый охотник. Смотрит, лежит медведь и стонет: деревом его придавило. Обрадовался охотник — большая добыча! А медведь говорит ему:

— Лежачего не бьют!

Подумал охотник и согласился — дерево убрал, медведя спас. А медведь бросился на охотника и давай его душить.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Ты что же, за добро злом платишь?

— За добро всегда платят злом! Ты что, не знал?

— погоди, медведь, давай спросим встречного. Каждый скажет: за добро платят добром.

Пошли они по тайге, а навстречу им идет старуха. Платье в заплатках, ичиги рваные.

— Скажи, бабушка, чем платить надо за добро — добром или злом?

— Злом, злом! — закричала сердито старуха. — Вот я работала у богача, старалась, а когда ослабла, состарилась, он выгнал меня — хожу теперь, подбираюсь!

— Слышал?! — обрадовался медведь и еще сильнее стал душить охотника.

— Постой, давай спросим у высоко сидящего, — простонал охотник.

— Скажи, дятел, чем за добро надо платить — добром или злом?

А дятел не обращает внимания. По-прежнему сидит на дереве и долбит, только щепки летят. Охотник и говорит медведю:

— Дятел плохо слышит, надо нам показать ему, как дело было.

Лег медведь, и охотник тут же придавил его толстым стволом. Медведь заохал:

— Что так стараешься? И так видно, как было.

— Пусть так и дальше будет, — засмеялся охотник.

Хотел медведь подняться, а дерево тяжелое — не пускает.

— Нехорошо ты поступаешь, человек, убери дерево, хватит — отпусти!

— Нет, — ответил охотник, — лежи, подумай хорошенько, чем надо за добро платить — добром или злом? — И ушел домой».

— Так ему и надо, — сказала младшая внучка Инэка. С ней все согласились и радовались, что охотник так умно наказал неблагодарного хомоты.

Бабушка уже хотела лечь спать, а дети принялись её уговаривать:

— Ну, бабушка, ну еще хоть одну, самую короткую.

— Устала я.

— Ну, пожалуйста, расскажи, — хором заканючили дети.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Ладно, расскажу про песца и зайца. Только больше не просите...

«Песец и заяц, оба белые и пушистые, как братья, дружно жили в одной норе, а на охоту ходили в разные стороны. Песец как-то спросил зайца:

— Скажи, что ты ешь?

— Ем траву, тальник, кору осины, — ответил заяц. — А ты что ешь?

— Я ловлю мышей и птиц. Пойдем со мной на охоту, будешь есть мою пищу.

— Нет, у меня чистые зубы, не буду пачкать кровью.

Осерчал песец на зайца.

— Трусишка ты, а я-то думал — настоящий охотник. Уходи от меня, больше не попадайся — съем!

Испугался заяц, убежал.

Собрал песец свою родню, хвалится:

— Зайчишку-трусишку я выгнал из своего дома — плохим он оказался охотником!

— Хорошо ли ты поступил? Не прогневать бы хозяина тайги. Надо его спросить.

Пошли песцы к медведю, а заяц уже там, жалуется.

Медведь спрашивает:

— Почему ссоритесь? Оба одинаково белые, живите дружно, как братья!

Песец ответил:

— Он плохой охотник. Посмотри на его зубы.

Косолапый поднял зайца одной лапой за уши, а второй верхнюю губу старается задрать, чтобы зубы посмотреть — разорвал ее. Кинулся бедный заяц убежать, да медведь лапой за хвост поймал. Дернулся заяц — хвост и оторвался. Прячется теперь перепуганный заяц по тальникам. С тех пор уши у него длинные, верхняя губа раздвоенная, хвост совсем короткий».

Ребята посмеялись и, довольные, легли спать.

* * *

Наконец наступил день, когда Корней вздохнул облегченно — перестал хромать, спотыкаться последний олень. На стадо теперь приятно было смотреть: упитанные, с лоснящимися боками, красавцы.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Над широко раскинувшимся по заснеженному пастбищу шерстистым ковром стоял перестук ветвистых рогов оленух (быки сбросили рога еще в конце осени, после гона).

Исполняя команду Бюэна, стадо окружили собаки и с лаем погнали их на свежую, с нетронутым ягелем, марь. Живая лавина хлынула, пощелкивая копытами, вдоль края леса на новый выпас. Передние летели, словно ветер, вытянув длинные шеи. Только снег разлетался во все стороны, да выдуваемый из ноздрей пар легким облаком тянулся за стадом. Нет в этом суровом крае более быстрого и более приспособленного к местным условиям животного, нежели северный олень.

Убедившись, что болезнь побеждена, Корней сказал сыну:

— Собирайся, сынок. Завтра едем домой.

Заметив, как скуксился Изосим, отец невольно вспомнил то время, когда сам прожил в стойбище почти год:

— Что пригорюнился? Неужто по дому не скучаешь?

— Тута, тятя, некогда скучать.

— Остаться хочешь?

Изосим встрепенулся:

— А можно?

— Ладно уж, погости еще. Только не своенравничай, слушайся старших, — пряча улыбку, ответил отец, собиравшийся осенью опять приехать в стойбище.

Дело в том, что варлаамовцам очень нравилась одежда из легкого оленьего меха. Мягкий, не скатывающийся и необычайно теплый за счет трубчатой полости внутри волос, он будто специально создан для суровых якутских зим. К тому же в него не набивается снежная пыль, благодаря чему мех остается всегда сухим. Корней договорился с Бюэном, что после забоя женщины сошьют из шкур унты и меховую одежду для скитских, а он ближе к зиме приедет и заберет.

Прощаясь с Корнеем, Бюэн напутствовал:

— Пусть твоя тропа будет чистой и чаще пересекает нашу.

— А олени не болеют, — добавил скитник.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

* * *

Помощником для работы в топографической партии Бюэн намеривался взять Васкэ. Чтобы не разлучать друзей, он предложил Изосиму:

— Если хочешь, идём с нами. Будем кочевать, у костра сидеть, чай пить, много говорить. Что может быть лучше?!

— А это надолго?

— До молодого льда. Когда отец приедет.

— Тогда конечно! Я с радостью! — просиял паренек.

ТАЕЖНЫЙ «ГАРНИЗОН»

1924 год.

Нескольким разрозненным горсткам отчаянных рубак, в том числе остаткам отряда подполковника Лосева, после разгрома красными армии генерала Пепеляева, удалось укрыться в безлюдье глухомани Восточной Якутии.

Красноармейцы долго гонялись за ними, но великолепно ориентирующиеся в тайге Иван Дубов и Федот Шалый увели отряд через мари и болота в такую глушь, что преследователи потеряли их след. И никто не знал, куда они делись и что с ними стало. Замерзли ли в трескучие морозы или утонули на порогах? Заела ли мошकारа или умерли от голода? Только остроглазый беркут знал о том...

* * *

Отряд, состоящий из двенадцати человек (восьми офицеров и четырех казаков) хоронился в буреломном распадке, неподалеку от горячего источника, напористой струей бьющего из-под обомшелой глыбы, метко нареченной Шалым «Бараний лоб». Вода в нем слегка отдавала протухшими яйцами, но на вкус была довольно приятна. Ютились в двух полуземлянках, вырытых на бугре.

Зимой в морозы источник обильно парил, и ближние деревья опушались густым игольчатым инеем. Земля и камни вокруг него всегда были теплыми. Особенно заметно это было зимой: кругом бело, а вдоль ключа кое-где даже зелёная травка проглядывает. Первое время мылись прямо в нем. Потом казаки, боготворившие

ЗОЛОТО АЛДАНА

баню, поставили небольшой сруб чуть ниже источника и натаскали для парилки кучу валунов.

Для лошадей соорудили загон: жерди, густо заплетенные лапником.

Окрестные горы покрывал кондовый лес. Внизу светлая лиственница, перемежавшаяся с вкраплениями более темного кедра. Выше склон сплошь в высоких свечах угрюмых елей. К ним стекают изумрудные разводя языки кедрового стланика, а на самом верху — безжизненные поля курумника¹, с торчащими кое-где скалами.

Поначалу крохотный военный гарнизон насчитывал пятнадцать человек. В первый же год по недосмотру двое угорели в бане. При углях зашли и заснули: один на полке, второй у выхода. К числу банных потерь можно отнести и несчастный случай и с Лосевым. Когда на камни плеснули воду, раскаленный валун лопнул, и острый осколок вонзился подполковнику прямо в глаз.

А зимой 1925 года потеряли хорунжего Соболева — мощного, словно скрученного из тугих мускулов, молодого офицера. Охотясь в горах, он сорвался с каменного уступа и повредил позвоночник. Ночью не успел разбудить товарищей для исполнения естественной нужды и к утру в землянке стояла нестерпимая вонь.

— Что за дела! Спишь, как в гальюне! — зло процедил сквозь зубы мичман Темный, худощавый, высокий моряк. Ему было около тридцати, но из-за грубых черт лица и звероватой походки он выглядел старше.

— Господин мичман, как вам не стыдно! — одернул его Лосев.

— Под ноги смотреть надо, когда по горам ходишь, — вспылил тот. — И прекратите морали читать. Из-за головетяпства одного страдают все.

Хорунжий, совестясь своей невольной оплошности, сжался, покрылся красными пятнами. Не желая быть обузой для товарищей и терпеть унижения, он следующей ночью, скрежеща зубами от нестерпимой боли, раздирая в кровь руки, сумел ползком выбраться из землянки. Когда утром хватились, было поздно — раздетый офицер промерз почти насквозь.

Его смерть стала поводом для новой стычки. Надо сказать, что первое время ссорились вообще часто: у каждого был свой характер,

¹ Курумник — каменная, зачастую подвижная, осыпь.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

свой взгляд на то, как быть дальше. Одни возмущались, особенно яростно мичман:

— Сколько будем отсиживаться? Чего ждем? Во время войны с Наполеоном партизаны вон какой урон врагу наносили. А мы что, оружие держать разучились? Всё одно, сидя тут, передохнем! Кто раньше, кто позже. Так лучше пару-тройку красных с собой прихватить.

Другие сомневались. Самый молодой из них, еще безусый юнкер Хлебников, например, предлагал:

— Господа, надо попытаться узнать, что в мире творится. Вдруг амнистия объявлена?

— Может, и объявлена, да волк никогда собакой не станет. Тихо сидеть надо, — возражал ротмистр Пастухов.

— Трус вы, господин ротмистр, а не офицер! Тени своей боитесь! — презрительно сплюнул мичман Тёмный.

— Молокосос! Как ты смеешь меня в трусости обвинять? Что ты мог на своем флоте видеть? Хоть раз в рукопашную ходил?! — Рассвирепевший Пастухов, сжав кулаки, придвинулся к обидчику.

— Ну давай, гад, посмотрю, каков ты в деле. — Вконец озлобившись, мичман принял боксерскую стойку.

Подполковник, видя, что назревает потасовка, решительно встал между ними:

— Господа, успокойтесь! Нам действительно нужно разведать, что вокруг творится. Но куда зимой? Перемерзнем в наших обносках. Да и следы нас выдадут. Весны дожждаться надо. Вы, мичман, у нас самый прыткий, вот и готовьтесь, — сказал Лосев и, как бы ставя точку, примирительно похлопал его по плечу.

Напряжение спало. Разговор перекинулся на хозяйственные темы. Авторитет Олега Федоровича Лосева был непререкаем. Сила духа, светящаяся в его глазах, ломала встречные взгляды, сдерживала людей от брани. Улыбался он редко и вообще был холодно-сдержан и на слова скуп.

* * *

После Рождества установилась небывалая даже для этих мест стужа. Вроде и тайга не истощена промыслом, а дичь словно вымерла — на снегу ни следочка! Лишь угольно-черный ворон, украшенный заин-

ЗОЛОТО АЛДАНА

дежавюскими бакенбардами, изредка пролетал над гарнизоном, оглашая зловещим карканьем застывшее пространство. В морозной стыни были отчетливо слышны свистящие звуки от взмахов жестких перьев.

Вылезешь из землянки — кажется, не вдохнешь. А вдохнешь, так все внутри замирает. Через пару минут лицо всё в инее. Веки, словно заржавевшие створки, еле открываются.

Спасались тем, что топили круглые сутки. Дрова приходилось готовить постоянно. Как выяснилось, необычайно плотная древесина лиственницы зимой почти не содержит воды и, попав в печь, горит, как смолистая сухара¹, поэтому старались заготавливать именно ее.

Пока пилишь чурки, колешь их на поленья, руки и ноги успевают промерзнуть так, что по возвращении в натопленную землянку люди, отходя от стылости, начинали выть и корчиться на нарах от нестерпимой боли.

Ближе к весне объявилась новая напасть. В землянки стала просочиваться грунтовая вода. И чем жарче топили, тем сильнее. Встаёшь с нар — ноги по щиколотку в ледяной воде. Ладно, хозяйственные казаки сообразили и покрыли земляной пол настилом из плах.

Чтобы не помереть с голоду, ели павших от бескормицы и холода лошадей. Последней, несмотря на особый уход, пала кобыла ротмистра. Он засыпал боевую подругу снегом и долго не разрешал ее трогать. Но когда у товарищей стали пухнуть от голода ноги, сам нарубил и принес в землянку куски конины. Так, благодаря Фросе, дотянули до тепла.

Лишь только начал сползать снег, наладились собирать на проталиках кедровые шишки, а на ближней болотине — прошлогоднюю клюкву.

Когда деревья выпустили листья, мичман напомнил Лосеву об обещанной разведке. Подполковник не рискнул отпустить его одного. Отправил в паре с казаком Шалым.

* * *

Вернулись лазутчики на удивление быстро — на пятый день, и не одни. Привели с собой бродячего торговца — улыбчивого якута Василия Сафронова с круглым, смуглым, словно прокопченным,

¹ Сухара — высушенный добела ствол дерева.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

лицом, с реденькой клиновидной бороденкой и едва видными в узких щелочках маслянистыми глазками. Он зарабатывал тем, что объезжал одиноко кочующие семьи тунгусов на навьюченных ходовым товаром лошадаках и выменивал у них пушнину, кабарожью струю.

Разведчики встретились с ним на таежной тропе случайно. Слово за слово — разговорились. Сели перекусить у костерка. Тертый якут быстро сообразил, что дружба с отрезанными от мира белыми офицерами сулит хорошие барыши, и безбоязненно предложил свою помощь, а взамен попросил мыть для него золотишко.

Обитатели гарнизона повеселели — появление якута решало многие проблемы, связанные с нехваткой инструментов, посуды, продуктов. А сейчас они, пользуясь щедростью купца, наслаждались забытым вкусом сахара и сухарей. От него узнали, что до ближайшего поселения — его родного улуса, пять дней пути; что других поселений в округе нет, что красные выжимают из народа последние соки и лютуют: недавно выследили и расстреляли троих белопартизан Артемьева.

После разговора с якутом все понядли, что пока лучше никуда не соваться, а здесь им опасаться некого.

Неугомонный мичман уже на следующее утро отправился вниз по ключу и через пару часов вышел к речке. Увидев, что она буквально кишит рыбой, недолго думая сплел из ивы с пяток «морд» и расставил в узких местах. Со следующего дня рыба в гарнизоне не переводилась. Запеченные на углях тугие хариусы и ленки в собственном соку (каждого заворачивали в лист лопуха и обмазывали глиной) разнообразили стол и были поистине царским деликатесом. А уж какой наваристой получалась из них уха!

Откуда-то набежали олени. В верхнем поясе гор появились снежные бараны. Жизнь налаживалась.

Промышлять круторогов на безлесых гольцах было сложно — открытые склоны просматривались насквозь. Но и тут вскоре подфартило: выслеживая баранов, ротмистр Пастухов обнаружил солонец. Он оказался всего в двух верстах от гарнизона. Вязкая, глинистая почва была сплошь истыкана копытцами животных. С той поры один-два барана по мере необходимости «перекочевывали» в гарнизонный ледник, устроенный на затененном склоне в вечной мерзлоте.

ЗОЛОТО АЛДАНА

* * *

Однообразная, замкнутая жизнь, состояла из дней, как две капли воды, похожих друг на друга. Некоторое разнообразие вносили лишь перемены в погоде, охота на зверя, а особенно — приход торговца Василия. Такие дни запоминались и оставались в памяти долгими, почти как в детстве.

В какой-то степени оживляли житье-бытье и вечерние разговоры, начинавшиеся, как правило, сразу после ужина. Они позволяли почувствовать себя частицей пусть небольшого, но дружного коллектива.

Вспоминали не только о прожитом, но и пели полюбившиеся с армии песни, читали стихи. Только поручик Орлов редко подключался к общим беседам, но слушал внимательно, а потом уединялся и подолгу что-то писал.

Федот Шалый и вовсе оказался истинным сказителем. Он знал множество историй, рассказанных ему дедом о землепроходцах и промышленниках, осваивавших Сибирь и нередко ставивших на кон не только свой капитал, но и живот. Кроме того, его память изобиловала разными забавными случаями из жизни инородческих князьков и простых оленеводов, кочевавших по соседству.

Самой же частой и большой темой разговоров были, конечно, до сих пор кровоточащие воспоминания о поражении армии генерала Пепеляева и споры что делать дальше. Здесь позиции различались. Одни по-прежнему являлись сторонниками партизанской войны, другие не видели в ней смысла.

Через якута Василия Сафронова к ним доходили сведения, что в Нелькане и Аяне уже сами коренные жители под предводительством эвенкийских старейшин вместе с остатками неустрашимых белопартизан Артемьева подняли восстание и учредили Тунгусскую республику. Правда, просуществовала она всего несколько месяцев и была ликвидирована регулярными частями Красной Армии. Что один из видных якутских большевиков Ксенофонтов, пережив революционную эйфорию и утратив иллюзии, организовал мощное антисоветское движение. Его вооруженные формирования взяли под свой контроль почти половину территории области, но и он не смог устоять против переброшенных сюда из Иркутска армейских соединений.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

К сожалению, а может, к счастью, в гарнизоне Лосева узнавали об этих событиях, когда они были уже в прошлом...

Сегодня подполковник, желая порадовать товарищей, с нетерпением поджидавших якута, отправился на солонец.

Сидеть в засаде долго не пришлось — с отрога, цокая точеными копытцами по камням, спускался табунок с ягнятами. В их компании было всего два барана с завитыми в кольца ребристыми рогами. Один был явно младше. Лосев с интересом наблюдал, с какой жадностью животные набрасываются на солёную глину: их головы буквально исчезали в глубоко вылизанных ямках.

Барашки забавно отмахивались задними ногами от комаров, тучей висящих над ними. В конце концов, не выдержав атак кровососов, животные засеменяли на продуваемые гребни.

Лосев наконец вспомнил о цели своего прихода. Меткий выстрел свалил молодого барана.

Вернувшись в лагерь и разделав с Дубовым тушу, охотник вынул из-за пазухи обтянутую кожей баклагу со спиртом. Встряхнул — много ли? — и, отлив в кружку, развел водой. Поднеся ко рту, запрокинул голову и вылил содержимое прямо в глотку. При этом кадык ни разу не шелохнулся, лишь расправилась кожа на шее.

— Ишь, ты! — воскликнул восхищенный Иван, обножив крепкие зубы. — Откель такая сноровка у вашбродь? Пьете, не глотая!

— Я ж, Ваня, с 1904 года, с японской, по фронтам. Там всему научишься. Мой денщик говаривал: «Спирт простор любит. Он не то что глотку, даже горы точит, а глотка что — она ж не каменная». Жаль, погиб нелепо... самурай сонному горло перерезал.

— Да уж! Не приведи господь таку смертушку принять, ажно мороз по коже, — перекрестился казак.

— Как же ты столько лет воевал, коли смерти так боишься?!

— Кто ж ее не боится? — рассудительно отозвался Дубов. — Чать, все боятся, а я и не жил ведь ишо.

— Верно говоришь: смерти только дурак не боится. Если честно, Ваня, и я боюсь. Но есть такие понятия, как долг, присяга — нарушить их не могу. С кадетов приучен. Обязанность у нас такая — стоять за Отечество верой и правдой. Звания «офицер русской армии» с меня никто не снимал. И мы, Ваня, даст Бог, постоим еще за матушку Россию.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Кто ж против, вашбродь. Мне, к примеру, теперича и податься некуда — дом родительский голытьба в отместку сожгла... Да чем токо воевать, огнеприпасов-то совсем чуток... Вашбродь, а правду говорят, будто вы с генералом Пепеляевым дружили?

— Да нет. Хоть и вместе служили, стать друзьями не случилось. Тем не менее, знаю его довольно хорошо. А что это тебя вдруг заинтересовало?

— Сказывали казаки, будто стоящий командир был. Правда, али так болтают?

— Верно, Ваня. Верно говорят. Честь офицера для него было главным в жизни. Солдат уважал и берёт. Строгий, но справедливый был. Солоно порой от него приходилось. Сам знаешь, в армии, особенно на войне, без дисциплины никак... Командуй он Восточным фронтом — может, и не случилось бы такого сокрушительного разгрома. И как человек он глубокий. Особенно запомнилось одно его выступление. Я его даже в свой дневник записал. Погоди, сейчас найду... Ага, вот, послушай:

«В своих поступках и решениях я исхожу из того, что мы — люди присяги, и если мы изменим ей, будет страшный хаос и кровь. А так хочется поменьше крови!¹ Я взялся за оружие потому, как убежден, что при большевиках народу погибнет больше, чем в организованной борьбе. Моя мечта — создать народно-революционную армию, освободить Сибирь, собрать Всесибирское народное собрание и передать всю власть представителям народа, а дальше — как они сами порешат. Я ненавижу месть, кровь, стремление к возврату старого режима. Мой идеал — возрождение старорусских вечевых начал, православия, национального достоинства».

— Да, по-всему, человек с толком, однакось и он красных не одолел, что-то, видать, не срослось... Жаль...

— Всему свое время... Война — это тоже работа, а работа любит терпеливых... Вань, я что-то притомился... Пожалуй прилягу. Как караван подойдёт, буди... Так, говоришь, страшно умирать? А может, зря мы смерти страшимся? Ведь вся наша жизнь — это дорога к ней. Тело-то оно что — оболочка. Главное — душа. А она бессмертна...

¹ Тут уместно отметить, что Пепеляев никогда не расстреливал пленных. Он их отпускал с просьбой не воевать больше против него, а желающим предлагал перейти в его армию.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Однако так хочется и в теле подольше ее удержать, да как? Вот вопрос! — задумчиво произнёс Лосев.

Спустившись в землянку, освещенную двумя масляными светильниками, подполковник зашел в свой угол и помолился на трехстворчатый меднолитой складень, потемневший от времени. Устроившись на застеленных шкурами нарах, погладил бедро в том месте, где сидела немецкая пуля, укрылся бекешей и свернулся по-детски калачиком. Сон не шел. Подполковник, как всегда в таких случаях, открыл в первом попавшемся месте томик Лермонтова и прочел:

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья,
Цель упований и страстей?
Поведасть — что мне Бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

«Как точно сказано! Прямо про нас! И откуда у этого юнца такое глубокое понимание жизни?! Писал ведь практически мальчишкой. Эх, жаль, что так рано ушел. Поживи наравне с Пушкиным, сколько бы еще бессмертных творений создал!.. Что-то ребята припозднились... Может, Василий донес на нас? Хотя какой ему резон?» — скакали в голове подполковника беспорядочные мысли...

ПРИИСК «СЛУЧАЙНЫЙ»

1926 год.

Получив расчёт за товар, якут Василий рассказал Лосеву, что его американские партнёры из торговой фирмы «Олаф Свенсон» имеют на складе много оружия и обмундирования, завезенного еще в двадцатом году.

Они готовы передать все это людям с боевым опытом и способным поднять население на борьбу с большевиками.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Чего это они раздобрились?

— Советы стали препятствовать их прибрежной торговле. Всякие бумаги требуют.

Лосев слушал купца с интересом, однако готовности возглавить мятеж не проявил. Он прекрасно понимал, что их гарнизон слишком мал для подобной цели. Однако опытный переговорщик Сафронов стал бить на то, что в народе растёт недовольство политикой большевиков и очередное восстание неизбежно, но, поскольку у якутов и тунгусов нет грамотных командиров, большие потери неминуемы.

Олег Федорович призадумался и пообещал обсудить с товарищами.

Мичман Темный сразу загорелся:

— Такой шанс нельзя упускать! Мечтали оружие раздобыть, а тут оно само в руки просится! Привлечём недовольных, сформируем крупное соединение.

На офицеров и казаков как-то разом нахлынула ярая ненависть к большевикам, сделавшим их, всю жизнь честно стоявших на страже Отечества, изгоями в собственной стране. Ротмистр, участвовавший в Крымской кампании, никак не мог забыть коварство и подлость председателя Реввоенсовета Троцкого, то бишь Бронштейна:

— В двадцатом году наша дивизия, державшая оборону, получила от этого еврея письменные заверения, что при сдаче в плен всем гарантируется жизнь, сохранение звания и беспрепятственное возвращение домой. Люди поверили — понимали, что Крым все равно не удержать. И что? Тех, кто сдался, — всех расстреляли. Девятнадцать тысяч лучших ратников! Девятнадцать тысяч!!! В живых остались единицы.

— Верно! Гнать их из России надо! Ввергли в хаос великую империю! — горячо поддержал стройный, с белесыми бровями на гладко выбритом лице и мягкими, пшеничного цвета волосами, поручик Орлов.

— Господа офицеры¹, не надо так огульно, — неожиданно вмешался штабс-капитан Тиньков. — Среди них немало благородных и преданных России людей.

¹ В добровольческой армии Пепеляева полагалось обращаться друг к другу: «Брат подполковник, брат прапорщик и т.д.», но после её разгрома в отряде Лосева вернулись к привычному: «Господин подполковник».

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Пастухов подскочил к штабс-капитану с потертой газетной осьмушкой и стал тыкать её Тинькову в лицо:

— Вот, почитайте, специально для таких, как вы, берегу. Тут опубликован закон, подписанный главой Советского государства евреем Мошевичем Ещуа (Яковым Свердловым) еще 27 июля восемнадцатого года! Читайте: за непочтительное обращение к еврею — расстрел! Ясно? Нас, русских, можно расстреливать тысячами! А их не тронь!

— В правительстве большевиков почти нет русских! — добавил юнкер.

— Да и сам Ленин по матери немец, — продолжал наседать на Тинькова ротмистр.

— Уймись, господа!.. Все-таки, что ответим американцам? — произнес Лосев сдержанно.

Набычившийся ротмистр, бормоча ругательства, отошел. Его левая щека нервно дергалась — верный признак приближающегося приступа, случавшегося с ним при эмоциональном напряжении — последствие контузии от разорвавшегося рядом снаряда.

— Господа, к чему спорить? Надо действовать! — с пафосом воскликнул поручик Орлов.

Ротмистр резко обернулся:

— Не верю я в бескорыстность американцев. И якуту этому не верю — уж больно расчетлив и хитёр.

— Верно, по короткому лаю собаку от лисы не отличишь, — подержал Дубов.

— А вы, штабс-капитан, что думаете? — обратился к Тинькову подполковник.

— Согласитесь, оттого, что мы сейчас клянем большевиков, ничего не изменится. Я лично за вооруженную борьбу! А что до якута — ну и что, что хитёр? Ему прямой резон нам помочь — он спит и видит, когда вернутся прежние порядки.

— А что наши унтера скажут?

— Мы как все! — живо откликнулся один из братьев-близнецов Овечкиных. Их рыхлые лица с водянистыми, небесной голубизны глазами были так схожи, что братьев никто не мог различить. Одного из них звали Всеволодом, второго — Владиславом. Поэтому, чтобы не путаться, их звали Всеvlадами.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Заручившись поддержкой большинства, подполковник дал-таки торговцу согласие при условии, что американцы предоставят оружие и боеприпасы в количестве, достаточном для ведения длительной и масштабной военной кампании. Он помнил, что одной из причин поражения генерала Пепеляева была слабость обеспечения.

Воодушевленный Василий пообещал в следующий приезд доставить первую партию оружия. Только попросил встретить через двадцать дней у подножья хребта: тропа крутая, одному с тяжело груженными лошадьми в горах не управиться.

Ночью обитателей офицерской землянки криком: «Крамола кругом! Не верьте ему, он предатель!» поднял на ноги переволновавшийся ротмистр.

* * *

Оружия якут Василий доставил немало: на четыре полноценные роты. Промасленные карабины были аккуратно упакованы в ящики. Неожиданно для всех привез и ичиги¹. Теперь можно поберечь сапоги для воскресных построений, на которые они надевали форму, боевые награды, надраивали до вороньего блеска яловые и хромовые сапоги — у кого что сохранилось.

С провиантом обстояло хуже. С десяток коробок с галетами, два куля муки, четверть спирта и пуд соли. Именно ей, невзрачной, серой, с бурыми крапинками, радовались больше всего. После месячного употребления пресной пищи ни у кого не оставалось сомнений в том, что соль есть наиважнейший продукт.

В предыдущий приезд якут сплоховал — забыл ее. Зато сейчас, пользуясь моментом, поднял цену. Привез еще тетради и карандаши для поручика. Он писал книгу о последнем зимнем походе Белой гвардии и вел летопись их маленького гарнизона.

— А патроны где? — возмутился подполковник, закончив осматривать привезённое.

— Вот, смотрите. — Василий открыл небольшой ящик.

¹ Ичиги — летние сапоги без каблуков с голяшками, обвязанными ремешками или верёвочками. Шьются из сыромятины и, чтобы не промокали, пропитываются жиром, как правило, медвежьим.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Ты что, издеваешься?!

— Ваше степенство, больше нету. Сказали — шхуна привезет. За шхуну платить надо, за патроны тоже мал-мало надо... Золото надо, — развел руками якут.

— Ты же говорил, что у них боеприпасов с избытком! — сказал Лосев вроде спокойно, а у самого глаза побелели от бешенства.

— Тогда было с избытком, теперь нету.

— Ну так увози свои железки американцам обратно! Пусть сами воюют.

— Куды черт! Так никак. Шхуна пошла. Золото надо, — твердил свое якут.

— Что ты заладил: «Золото, золото». Откуда оно у нас?! Похоже, вы, ротмистр, были правы — ему лишь бы мошну набить: — Олег Федорович с расстройства даже сплюнул.

— Ваше степенство, сердиться не надо, думать надо... Знаю прииск «Случайный». Богатый прииск. Для такого важного дела у них можно золото взять, — тут же услужливо подал идею якут.

Лосев оглядел товарищей. В их глазах загорелись искорки надежды.

Подполковник задумался. Им владели двойственные чувства. Он понимал: прииск, конечно, шанс, и шанс редкий, но это разбой.

Разрешил сомнения штабс-капитан:

— Господин подполковник, такой случай может больше не представиться. Не до реверансов! Брать надо!

— Тогда уж не брать, а занять на время, с возвратом, и расписку дать, — наконец согласился Лосев.

— Конечно, конечно! — обрадованно засуетился якут. — Скоро туда заказ везу. Буду смотреть, потом вместе пойдем, лошадак дам.

Необходимость угождать покупателю, постоянный поиск выгоды обкатали купца, как вода камень. Он стал гладким окатышем, который удобно лежит в руке, не царапая кожу. Русский язык для него был практически родным. Мать прислуживала в семье богатого русского купца. И Василий, играя с хозяйскими детьми, научился довольно грамотно изъясняться.

Якут настолько хорошо знал русский язык, что даже писал своим сородичам за отдельную плату письма, запросы, но, дабы угодить «заказчику», дать ему возможность почувствовать свое превосход-

ЗОЛОТО АЛДАНА

ство, любил играть роль малограмотного простачка. Именно из этих соображений слегка коверкал язык и одевался, как бедняк — старый сермяжный кафтан¹, латаные ичиги.

* * *

После обеда Лосев, проходя мимо коловшего березовые чурки Дубова, попросил:

— Ваня, сделай милость, взбодри баньку.

— Сей момент, вашбродь — на вчерашних дрожжах мигом вспрянет. — Казак, представив, как хлещется пихтовым веником, блаженно улыбнулся: любил он это дело до крайности.

— Да проследи, чтоб угли стлели.

— Помню, помню, вашбродь...

Иван запарил в шайке веники и давай нахлестывать подполковника сразу двумя, да так, что тот застонал от приятно обжигающего жара. После Лосева пошли штабс-капитан с ротмистром и поручиком, к ним присоединился и Василий.

Привычные офицеры сразу взобрались на полок. Якут пристроился на чурке. Прогрелись до обильного пота и давай охаживать друг дружку. Чуть пар спадет — так на раскаленные камни с ковша опять летит духмяный настой. И мужики пуще прежнего молотятся, счастливо вопя: «Баня — мать родная», «Кто парится, тот не старится». Тут Василий не выдержал, выскочил отпыхиваться:

— Такая мать не нужна, лучше стариться буду, — бормотал он, тяжело дыша.

Помывшись, разопREVшие, помолодевшие мужики долго наслаждались заваренным на травах чаем.

«Эх, да нагулялось, да наплавалось молодцам...» — вывел от избытка чувств ротмистр. Его дружно подхватили. Вскоре исчезло все, кроме песни. Пели так, что казалось, листья дрожат от мощного рокота слаженных голосов.

У якута перехватило дыхание — такая внезапная жалость пробудилась в его сердце к этим заброшенным в глухомань служивым, что и самому захотелось вплести свой голос в их стройный хор.

¹ Сермяжный кафтан — верхняя одежда из грубого домотканого неокрашенного сукна.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

* * *

Чем ближе отряд подходил к прииску, тем чаще натыкались на лежащий в отвалах песок, местами перемешанный с черными углями (по всей видимости, старатели отогревали стылую землю).

Из-за наплывшего с реки тумана видимость в низинах не превышала десяти саженой. Звуки глохли, очертания деревьев расплывались. Наконец из белой мути проступило стоящее на пригорке длинное приземистое строение с двумя печными трубами. Вокруг старательский инструмент: грохота, тачки, бутары.

В этот момент над головами путников раздался оглушительный треск, хлопки тяжелых крыльев и кто-то черный сорвался с дерева. Люди невольно вскинули карабины, но Шалый успокоил:

— Без паники, глухарь!

Зайдя под крутояр, спешились. Якут остался присматривать за лошадьми, а белогвардейцы, сняв ичиги, обули сапоги и, одетые по всей форме, неслышной поступью прокрались по росистой траве к бараку.

Четверо встали у окон, остальные подошли к двери.

Дубов осторожно открыл её. Посреди барака с перекладки над столом свисала тускло светящая сквозь прокопченное стекло керосиновая лампа. Рядом, на чурке, сидел и мирно посапывал, зажав между колен бердану, дежурный. Осторожно подойдя, казак выдернул ружье и гаркнул во всю глотку:

— Подъём! Выходить по одному! Вы окружены!

На дощатых нарах, потягиваясь, зашевелились:

— Что за шутки, Борзой! Наломался, что ль, вчерась? — прохрипел кто-то из дальнего угла.

Дубов, вскинув карабин, три раза выстрелил в потолок и проревел:

— Всем на выход!

— Тихо, тихо, чего шумишь, не глухие, так бы сразу и сказал, — спокойно отозвался все тот же хриплый голос.

Выходящих тщательно обыскивали. С одного сняли кожаный пояс, заполненный золотым песком, у троих нашли ножи.

Приставив к старателям часовых, Лосев со штабс-капитаном зашли в барак. Золото долго искать не пришлось. Оно хранилось

ЗОЛОТО АЛДАНА

в обитом железными полосами сундуке. Сбив замок, увидели тугие кожаные мешочки, заполненные чешуйчатými пластинками лимонного цвета, и берестяной короб с бесформенными комочками самородков. Прикинули вес — пуда полтора потянет!

У Шалого проявилось завидное чутье на рыжуху: еще около четырех фунтов насобирал из потайных старательских схронов.

Взобравшись на чердак, обнаружили связки «мягкого золота» — собольи и беличьи шкурки.

— Летом же пушнину не промышляют, — изумился поручик.

— Так то с зимы висят. Все «выходные», первым сортом пойдут. Оне, похоже, круглый год тута обретаются, — пояснил Иван. — Как оставишь инструмент и барак без присмотра?

Лосев, выйдя к старателям, поправил погонный ремень, и, откашлявшись, объявил, что он, подполковник царской армии, по закону военного времени изымает у них все золото под расписку. Оно пойдет на борьбу с большевистским режимом и будет возвращено артели после установления в Якутии законной власти.

Угрюмые старатели слушали молча. Вид казаков и офицеров, облаченных в амуницию и начищенные до блеска сапоги, произвел на них сильное впечатление. Вместе с тем их душила обида, что вот так, без затей, у здоровых мужиков отнимают результаты многомесячного каторжного труда.

— А детей малых да баб наших вы, что ль, кормить будете?! — спросил, зло глядя исподлобья на золотопогонников, мосластый, смахивающий на шатуна, старатель.

— Брось жалиться. Вона сколь пушнины оставляем на прокорм, — осадил его Дубов.

Когда мешочки с золотом разложили по выюкам и уже собирались уходить, рослый, широкий в кости мужик, с темно-русой окладистой бородой чуть не во всю грудь, сделал чеканный шаг вперед. Весь его облик говорил о недюжинной силе. Вытянувшись по стойке «смирно», он чуть было не козырнул, да спохватился — без головного убора ведь.

— Господин подполковник, разрешите обратиться, — раздался уже знакомый хрипловатый голос.

Лосев с удивлением обернулся:

— Обращайтесь.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Дозвольте послужить делу освобождения Якутского края от большевиков.

— Кто такой?

— Есаул Суворов. Вот, — протянул он удостоверение с двуглавым орлом.

Подполковник взял документ и прочел, чтобы все слышали: «Суворов Назар Петрович, 1889 года рождения, великоросс, православный, казачьего рода». Полистал. На следующих страницах стояли штампы, двуглавые печати. Перечислены чины. Последний — есаул.

— Ишь-ты! Ровня, — оживился ротмистр.

— Господин есаул, а вы сознаете, что в случае неудачи красные нас всех повесят, в лучшем случае расстреляют?

— У меня с ними, ваше благородие, свои счеты. В семнадцатом пристрелил агитатора за подстрекательство к отказу от присяги Престолу и Отечеству. В отместку, пока я ночью караулы проверял, жену в постели топорами изрубили. Грудничок двухмесячный без матери стоял и помер у меня на руках, — дрогнувшим голосом произнес старатель.

— Что думаете, братцы? Принимаем пополнение? — обратился к соратникам Лосев.

— Как не принять? Свой человек.

— Вы, господин есаул, из старожильских¹ или из расейских казаков будете? — поинтересовался Шалый.

— С Уральского казачьего войска я. Можно сказать, с середки².

— Стало быть, не из нашенских, но и не чужой.

Старателей загнали обратно в барак и заперли. Тут обнаружилось, что есаул исчез. Собрались было организовать погоню, как он вышел из густого ельника с туго набитой котомкой.

— Вы что, господин есаул, устав забыли? Ушли без доклада.

¹ Старожильские — сибирские казаки. Тех, кто приехал с матёрой России недавно, называли расейскими.

² В Российской империи в 1916 году имелось двенадцать казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Енисейское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское. Общая численность казаков на тот период составляла 5 миллионов человек.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Виноват, ваше благородие. Вещи взял.

Офицер развязал мешок, и все увидели сложенную казачью гимнастерку с серебристыми погонами и тёмно-синие брюки с жёлтыми лампасами.

— Господа, взгляните, — человек форму сберег! Весьма похвально! — одобрил подполковник.

Уходя, долго путали следы. На одной из лужаек, сплошь покрытой кустиками княженики, не устояли — задержались. Малиново-красных ягод на коротких стебельках было так много, что стоило ступить, как под ногами растекался алый сок. По форме она похожа на малину, а по вкусу — земляника, только сочнее и слаще. Недаром зовется — княже-ни-ка! Княжна среди лесных ягод!

В гарнизоне поважневший якут подошел к Лосеву и протянул пустой мешочек:

— Ваше степенство, отсыпьте за добрый совет.

— Ох, и хитрован ты, Василий!

— Куды черт — хитрован! Трудно стало жить. Мал-мало зарабатывать надо, — надулся тот.

Разложив все золото по четырем вьючным сумам и насыпав сверху для маскировки кедровых шишек, якут притянул бесценный груз ремнями к бокам низкорослых мохнатых лошадок. Соединил их друг с другом длинным кожаным ремнём и, ещё раз проверив, ладно ли приторочены вьюки, оседлал переднюю.

Тронувшись, запел песню о том, какой умный и хозяйственный Василий Сафронов. Ни один якут не может сказать, что его голова мхом набита. Скоро его друзья-офицеры получат много ящичков с патронами. Когда они перебьют красных, Василий опять станет уважаемым человеком. Он знает многих, кто пошел бы драться с красными. Он поможет собрать большую армию, чтобы прогнать большевиков, которые мешают ему, честному купцу, торговать.

Так пел он в своей бесконечной песне. Но пел на всякий случай тихо, чтобы никто, даже медведь, не услышал и не разнес по тайге его слова...

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Монотонная жизнь обитателей гарнизона стала насыщенной. Утренние построения, рукопашные бои и стрельбы по мишеням приобрели конкретный смысл. Теперь только и говорили о скорой военной кампании...

НЕОЖИДАННОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Якут в гарнизоне появился в начале осени.

— Не ругай, ваше степенство, опоздал маненько — болел.

— Патроны привез?

— Море скоро мерзнет, шхуна не ходи. Лето ждать надо, — ответил купец, щуря и без того узкие прорези глаз.

— Брешет он, плут толстомордый. Наверняка рыжуху прикарманил, — не сдержался ротмистр Пастухов.

— Куды, черт! Зачем так говоришь? Не слушайте его, ваше степенство. Василий Сафронов честный купец. Золото давал фактории. Вот тебе крест.

— Эх, грому на тебя нет, душа торговая! Божишься и не краснешь, — не унимался ротмистр.

— Твой ум короче комариного шага, — огрызнулся Василий.

— Ты, любезный, язык-то прикуси, и боеприпасы следующим летом доставь в гарнизон без отговорок. Мы тебе золота с избытком дали, и ты уговор выполняй! — одёрнул купца подполковник Лосев.

— Хорошо, хорошо, ваше степенство, — тут же миролюбиво закивал Сафронов. — Шхуна не пришла, что могу делать? Шхуна придет — патроны привезу. Сердиться не надо. Василий любит, чтобы друзья удовлетворены были. Мужики плохо одному. Баба есть — мужики хорошо! — с подобострастной ласковостью пропел услужливый якут. — Погодите, я мигом. Василий скрылся за деревьями и вскоре вышел с девушками. Пять смуглолицых, кареглазых, с черными косами красавиц смущённо поглядывали на мужчин.

— Ваше степенство, выбирай первым, — елейным голоском предложил, низко поклонившись, Василий.

— Откуда они у тебя?

— Должники рассчитались. Всех вам дарю — мужики нельзя без жены. Мне соболь за них не надо. Василий добрый якут. Людям всегда

ЗОЛОТО АЛДАНА

хорошо делает, поэтому его все любят... Продукты вот вам еще привез. Посуда еще есть. Бери что надо, рассчитаетесь потом, — суетился купец, то и дело ласково улыбаясь.

— Это что ж получается, золото прихалпал, а теперь барышнями хочешь откупиться?! Так не пойдёт. Нет патронов — возвращай золото, шельма, — затряс Василия за грудки взбешённый ротмистр.

— Зачем плохо думаешь. Как золото верну? Всё фактории сдал, а шхуна не пришла. Что делать могу?.. Если жена не надо — увезу. Хотел добро делать. Думал радовать.

«Да, дураком я был, что понадеялся на якута. Видел же — каверзный тип. Но и ссориться с ним нельзя. Может, оно и неплохо, что женщин привел. Не по-христиански, конечно, всё это. Однако и в этой глуши жизнь как-то надо налаживать. Надеялись, что скоро на настоящее дело пойдём, и на тебе — такая осечка», — пронеслось в голове Лосева. Вслух же сказал:

— Господа, сами решайте. Я в этом деле вам не указ.

Офицеры и казаки, забыв про патроны, невольно приосанились.

— Ваше благородие, казаку никак невозможно без жены. Да и девочки хороши! Ладненькие, миленькие, — быстрее других сориентировался прыткий Шалый и тут же подскочил к засмущавшимся девушкам и приобнял одну из них за талию. — Дозвольте эту?

— Господа! Мы же не на рынке. Не лошадей покупаем, — возмутился есаул. — Если уж на то пошло, всё должно быть с взаимного согласия, без понуждения. Пусть пару дней поживут, к нам присмотрятся, мы к ним, тогда уж видно будет, кто кому глянется.

— Верно, дело серьёзное. Торопиться не следует. Пусть поживут, — подвёл черту Лосев, понимавший, что люди сейчас крайне раздражены, разочарованы и требуется время, чтобы успокоились. Сам он давно смирился с мыслью, что из тайги ему уже не выйти и супругу не разыскать.

В этот же вечер к нему подошли штабс-капитан Тиньков и юнкер Хлебников.

— Господин подполковник, разрешите обратиться.

— Обращайтесь.

— Мы с юнкером по этическим соображениям отказываемся принимать участие в «покупке» женщин.

— Я вас понимаю и уважаю ваше решение.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

На четвёртый день Лосев построил гарнизон и, дабы избежать конфликтов, попросил девиц самим выбрать спутников жизни — кому кто приглянулся. Все, как сговорились, указали на него. Тогда подполковник подошел и галантно подал руку понравившейся якутке. У Василия при этом глаза от радости прямо-таки засияли — это была его внебрачная дочь. Выбор остальных пал на казаков. Практичным женским умом они безошибочно определили, что с ними не пропадут.

— Господин подполковник, а как без венчания? Грех ведь, — заволновался глубоко верующий Дубов.

— Не беспокойтесь. Что в уставе сказано? В военное время старший чин всему голова. Так что я у вас один во всех ипостасях. С Божьей помощью повенчаю.

* * *

Минуло два года. Поселение стало не узнать. Офицерам, обученным в кадетских и юнкерских училищах только воевать, крайне повезло, что в отряде были выходцы из казачьего сословия: эти сноровистые мужики умели делать буквально всё.

Когда в гарнизоне появилось пять супружеских пар и встал вопрос, где жить семейным, казаки сразу принялись за дело. Свалили на склоне горы, напротив землянок, пихты. Обрубив сучья, спустили хлысты¹ по каткам вниз, ошкурили. Мастерски выбрали четвертя, срубили в верхнюю чашу углы с выпуском. Работали весело, подшучивая друг над другом и то и дело приговаривая: «Кабы не клин да не мох, плотник бы сдох».

На нижние венцы использовали лиственницы, спиленные в полнолуние. Такие бревна не поддаются гниению и, делаясь все крепче, служат веками. Дерево для порогов и окон выбирали около муравейников — оно стойчей всех от тлена.

Офицеры были только на подхвате: принести, подать, подержать. Из них лишь есаул и мичман мало-мальски владели топором.

Собрали на мох два первых сруба-крестовика. Нижние венцы из лиственницы, верх — пихтовый. Лиственница крепче, пихта те-

¹ Хлысты — ствол дерева, отделённый от корня и очищенный от сучков.

ЗОЛОТО АЛДАНА

плее. Накрыли двускатными тесовыми крышами. Окна прорубили на солнышко всего в три бревна, а пороги оставили высокие — для сбережения тепла. Больше до снега не успели.

Дубов не удержался и украсил окна резными наличниками. Для пола и потолка напилели плах. Из дикого камня сложили печи. Горницу разделили временными перегородками. Двери, чтоб не пробил мороз, обили с двух сторон шкурами. В сенях лестница на чердак и клеть для хранения продуктов. Дома получились ладные, опрятные.

В следующее лето поставили еще четыре избы. Для них брёвна готовили загодя, в феврале, на ущербе месяца. Деревья в эту пору спят — соку мало. (Весной и летом они все в соку, от чего при сушке лопаются.)

Всего получилось шесть изб: пять для семейных и одна, побольше, для холостяков. Поселение, по предложению поручика, обнесли для порядка и безопасности высоким заплотом: ему больно хотелось, чтобы их небольшой гарнизон был похож на настоящую крепость.

У домов на припеке весной устроили гряды. Посадили лук, редьку, картошку. Семена для посадки услужливо доставил всё тот же Василий. Дубов собрал в лесу несколько пчелиных роев и расселил их в заранее подготовленные колоды. Кроме того, вблизи полян, богатых медоносами, выдолбил в нескольких кедрах полости. Внутри навешивал остатки сот. Пройму, через которую вырубал дупло, плотно закрывал деревянной вставкой. В период роевания пчелы-разведчики быстро находили надежные, теплые жилища и приводили в них рои. К осени соорудил омшаник. Уже следующим летом меду взяли столько, что еще с полпуда выделили на обмен с якутом.

Зимой добывали зверя. Шкуры выделывал Шалый, а супружница Ульяна¹ шила из них одежду и обувь. Как-то он попросил её сшить ему шубу из медвежьей шкуры.

— Чур, тебя, чур! — замахала она руками. — Нельзя одевать шкуру амаки, худо будет.

Наденешь шкуру амаки, его дух за тобой придет. Накажет за то, что убил.

¹ Подавляющее большинство якутов были крещёными и имели русские (православные) имена.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Про патроны уже и не поминали. У Василия всегда был один ответ — «шхуна не пришла». И, горестно вздыхая, широко разводил руками. Белогвардейцам же ссориться с якутом было опасно. Он хоть и обдирал их, как липок, — все из осьмины норовил четвертину вытянуть, но необходимым обеспечивал. Что ни закажешь, все доставит.

Порой обитателей гарнизона все же посещали робкие мысли выйти, сдаться на милость властям. Но, выслушав в очередной раз рассказы якута о том, какие суровые приговоры выносят даже тем, кто всего лишь однажды помог белым, они быстро улечивались. Понимали, что купец может и приврать, чтобы не потерять выгодных покупателей, но все равно было боязно.

Оставшиеся без женщин офицеры, уже на второй год стали просить якута привезти и для них невест, но тот почему-то упорно отказывал.

Особенно донимал купца ротмистр.

— Василий, выручи! Окажи милость — мне хоть косую, хоть кривую. А то ведь помру, так и не посеяв семени, как будто и не жил на земле. Страшно ведь. Сколько скажешь, уплачу, выручай!

Однако якут, против обыкновения, был тверд и непреклонен. Дело в том, что один из его должников пожаловался участковому милиционеру: мол, Сафронов Василий его дочь на год взял за долги и никак не отдает. Еле выкрутился. Пришлось самому одаривать жалобщика, чтобы тот сказал, что дочь, оказывается, у больной тетки живет — смотрит за ней.

* * *

Отец Хлебникова был священником, и Антон с малых лет вплоть до кадетского училища не только пел на клиросе, но и замещал то заболевшего пономаря, то подьячего, то звонаря. Приученный к твердым церковным порядкам, юнкер и здесь старался регулярно выполнять положенные обряды, молился за здоровье обитателей гарнизона. Постепенно к нему начали присоединяться и другие. Последним штабс-капитан, да и то из солидарности. На главные наместольные праздники собирались, как правило, в доме командира.

Перед рождением первого младенца срубили ладную часовенку. Лосев поставил в ней свой походный складень. Вместо лампадки

ЗОЛОТО АЛДАНА

повесил плоску с фитильком из скрученных прядок лишайника и в дальнейшем каждое воскресенье Хлебников стал вести службу.

Зная наизусть почти все Евангелие, он всегда к месту рассказывал что-нибудь из Жития святых, пел красивым голосом псалмы. Так постепенно и служба по чину наладилась.

Лосев как-то даже пошутил:

— Ты, юнкер, среди нас самый молодой, а уже учительствуешь.

— Господин подполковник, боже упаси, я не учительствую. Просто пытаюсь донести до всех слова Господни.

— Ты не обижайся, я очень одобряю твои старания.

В один из вечеров, когда холостяки собирались ложиться спать, ротмистр с юнкером вышли на крыльцо. На небе сияла луна, где-то вдали настойчиво гукал филин.

— Хорошо-то как! Почти как дома, — сказал Пастухов и повернулся к Антону:

— Я сегодня внимательно слушал твою проповедь о совести. Говоришь верно, но от того безумия, что охватило Россию, просто оторопь берет. Мы сражались за правое дело, а проиграли большевикам. Как Господь мог допустить победу воинствующих богоненавистников?

— Сам об этом часто думаю. Знаете, у меня из головы не выходит разговор с отцом, состоявшийся в девятнадцатом, когда заехал к нему в Самару. Так вот, он убежден, что в мире всего поровну: есть день и ночь, есть плохие люди и хорошие. Так же и у Бога есть супротивник — диавол. Он властвует под землей, а Бог на небесах. Земля — поле их брани, на коем они сражаются за наши души. Бесы долго разжигали в нашем народе жажду перемен, и мы поддались им. Господь и решил — хотите жить по законам зла? Пожалуйста, мешать не буду, но сами потом расхлебывайте то, чего возжелали, а явившись ко Мне не ропщите за строгость Суда.

— Любопытно! То, что Бог и диавол на самой Земле равны по силе, пожалуй, верно. Иначе как объяснить то, что диавол по сей день не побежден? Ты и сам, наверное, замечал, что тем, кто не покоряется ему, он старается создать на земле самые тяжелые условия и, постоянно нашептывая: «Предай, отними, обмани», пытается сбить с пути праведного. А заложившему ему душу начинает помогать изо всех сил. И те, кто послабже духом, уступают. Рассуждают: есть ад или

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

нет — неизвестно, сейчас мне хорошо, и ладно. Не задумываясь, какая страшная кара ждет их после смерти.

— Наш полковой по этому поводу сходно говорил: «На кривде можно дальше уехать, чем на правде, но взыщется потом сторицей».

— Господь отправляет нас на землю для испытания. Выстоишь, сдашь экзамен — вернешься в Божье царство, а нет — прямая дорога в геенну огненную.

* * *

Вечера холостяки чаще всего коротали за разговорами. К ним на огонек заглядывали и семейные. Порой посиделки затягивались за полночь: у каждого за плечами была интересная, полная событий жизнь.

По большей части вспоминали детство, родителей, места, где жили. Это объединяло их и поддерживало дух братства. Но, как ни старались избегать воспоминаний о революции, о Великой¹ и Гражданской войнах, все равно нет-нет да и сворачивали к этой кровоточащей теме...

— Что-то Шалый который день не заглядывает. Без него скучновато, — однажды обронил мичман, срезая нагар с фитиля светильника.

— Опять, поди, полы драит, женушка-то у него на сносях. Сходи помоги, коль соскучился, — с улыбкой откликнулся поручик Орлов.

Он был, что называется, книжник. Благородный, элегантный и вместе с тем несколько высокомерный молодой человек. При этом в боях показал себя столь отважным и грамотным офицером, что генерал неоднократно отмечал его в приказах.

— А что, я это запросто! На флоте изрядно драить пришлось!

— Послушай, мичман, ты ведь вроде из землепашцев. Рассказал бы, как морским волком стал.

— Ничего романтического. Наша семья по переселенческой программе в 1911 году переехала всей улицей из Костромской губернии в Уссурийский край, в поселок Терней. Это на берегу Японского моря. Как и многих, батю поманило обещание безвозмездно выде-

¹ Великая война — так современники именовали Первую мировую войну.

ЗОЛОТО АЛДАНА

лить 100 десятин¹ земли по выбору. К тому же проезд оплачивали, да еще в дорогу на каждую душу выдавали по полтине золотом и пуду зерна.

Отец с соседом взяли на новое место столько инвентаря, машин, скарба и скотины, что пришлось к нашему вагону прицеплять еще открытую платформу и телятник.

Земли оказались плодородными. В кредит купили двухколёсные плуга, жатки-самосборки, конные грабли. Урожаи были отменные. Построили в складчину мукомолку. Пасека разрослась до ста семей. Дичи в тайге оказалось столько, что иной раз стреляли прямо со двора. Про рыбу уж и не говорю. За мануфактурой и прочей надобностью ездили в Харбин. Там всё было дешевле — товар таможенными пошлинами не облагался.

В достатке жили. У кого-то он был больше, у кого-то меньше — кто как смог развернуться, но никто не бедствовал. Да и грех было жить по-иному — море и земля кормили с избытком. Имелись, конечно, и лодыри, хотя и им вольготно жилось. Не считалось зазорным отвесить такому нескладехе меру муки. Наперед знали, что долг не вернет, но давали. И не подозревали тогда, что подкармливаем на свою голову тех, кто в восемнадцатом году, оказавшись в комбедах, нас же, своих благодетелей, достигших достатка упорным, каждодневным трудом, придут раскулачивать.

— Точно! Мы сами взрастили опору для большевиков — постоянно такого рода бездельникам жалеючи помогали. Я не про тех, кто увечный, такому дать — святое дело, а про любителей жить за счет других, — согласно закивал ротмистр. — Извини, что перебил.

— Когда дошла весть, что началась война с германцем, хотя переселенцев не трогали, отец собрал нас и сказал: «Негоже нам, пятерым здоровым мужикам, в стороне оставаться — кому-то надобно на фронт идти».

Поскольку из всех только я был холостой, я и вызвался. В шестнадцатом году закончил во Владивостоке мореходку. В двадцать первом наш миноносец подорвался. Меня после санчасти откомандировали на охрану складов на острове Русском. А как услышал про набор Пе-

¹ Десятина — русская мера площади, равная 1,09 га.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

пеляевым добровольцев в Якутскую дружину, так сразу и записался. А дальше вы знаете.

— Получается, что мы с тобой, мичман, почти земляки. Я ведь из Ярославской губернии, — неожиданно присоединился к беседе обычно помалкивающий поручик Орлов. — Господа, вы будете смеяться, а мне почти каждую ночь снится наше родовое поместье. Будто брожу я то по усадьбе, то по аллеям старого парка... Все дотла сожгли! Другом нашей семьи был художник Нестеров, и все четыре картины, что он отцу подарил, в огне погибли... Непонятна эта страсть к разрушению. Почему бы не устроить там, скажем, школу? Сжигать — какая польза?

— Сейчас плачемся, а ведь сами радели за демократию! А надо было на корню давить большевистскую заразу, — с горечью заметил штабс-капитан Тиньков.

— И все же элемент демократии необходим, — возразил поручик.

— Какая, к черту, демократия?! — не сдержался штабс-капитан. — Хотите пример демократии? Вот послушайте. В бою под Уфой, в рукопашной красноармеец с криком «Подыхай, барин!» воткнул мне в легкое штык. Хотел еще пырнуть, да я его саблей успел по шее полоснуть. Он упал, и тут я разглядел, что это наш садовник. В глазах злоба и хрипит: «Будь ты трижды проклят!» Каково? А мы его во Франции обучали, на именины одаривали, во флигеле отдельном с семьёй жил. Вот и вся демократия, господа!

— Тогда ж Уфу красные взяли. Как выбрался-то? — поинтересовался ротмистр.

— Башкир сердобольный на заимке выходил. Когда окреп, купил у него лошадку, сани, мужицкий армячок и тулуп и на восток по лесам двинул. Вышел к Транссибу. Сколько ехал вдоль насыпи, столько и видел промерзшие трупы людей, коней. Лежат, припорошенные снегом, где смерть настигла. Телеграфные провода оборваны, на ветру болтаются. На путях брошенные эшелоны: вагоны с выбитыми стеклами, искромсанные снарядами теплушки. В них заледенелые трупы. Больные и раненые, не способные двигаться, так и замерзли — кто на полках, кто в проходах.

Что, думаю, делать? Зашел к обходчику, тот говорит, что эдак до самого Омска. Решил: была, не была, двум смертям не бывать, одной

ЗОЛОТО АЛДАНА

не миновать — поехал на своей лошадке дальше. И добрался-таки до наших частей и сразу с ротой стрелков был направлен в Харбин сопровождать спецгруз — ящики с останками великих князей с алапаевской трагедии¹.

— Бедняги... Кто мог подумать, что на такое решатся — весь род Романовых истребили. Да так жестоко...

— А я, господа, поначалу даже обрадовался, когда царь отрекся от престола и свершилась Февральская революция, — признался ротмистр Пастухов. — Да и не только я — все устали от бездарных и несуразных приказов военного министра. Верил, глупец, в справедливую жизнь, хотя и страшновато без монарха было.

— К сожалению, ни Львов, ни Керенский не сумели остановить развал. Огромная империя погрузилась в неуправляемый хаос. Народ, забыв о Боге, Отечестве, пошел за кучкой авантюристов, бросивших голытьбе клич: «Грабь награбленное», — вступил в разговор есаул.

— А я сразу не принял революцию. И сердце, и разум противились. Я монархист. Жизнь положу за царя... это, господа, без позы. Временному правительству не присягал, — заявил поручик Орлов.

— Чувство долга, верность присяге, конечно, похвальны, но и мы Отечество не предавали, — ответил несколько смущенный ротмистр.

— То, что мы — офицеры, сошлись в схватке с большевиками, это естественно — спасали страну от крушения. А отчего брат на брата, сосед на соседа пошли? Вот непостижимая загадка! — задумчиво произнес юнкер.

— Ничего загадочного. Ответ на поверхности — зависть! Все враз захотели быть богатыми. И пошло: сплошное воровство, разбой. Как же: у соседа добра больше — надо отнять. И не хочет такой взять в толк,

¹ В Алапаевске (100 вёрст от Екатеринбурга) 18 июля 1918 года были сброшены в одну из шахт рудника, глубиной 28 сажен (около 60 метров), близкие родственники семьи императора — великие князья и княгини с верными им людьми (всего восемь человек). В сентябре 1918 года Алапаевск был освобождён от большевиков армией Колчака, которая при отступлении осенью 1919 года вывезла их останки с Урала и долгой опасной дорогой доставила их через Читу, Харбин в Пекин, где они 16 апреля 1920 года и были захоронены.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

что сосед-то работал, как проклятый, а не в трактире со стопкой водки сидел, — вскипел есаул.

— Так много было и тех, кто вроде и не пьянствовал, а из нужды не вылезал. Я хорошо татар и башкир знаю — у них бражничать вообще не принято. Так и они бедствовали, — возразил ротмистр.

— Конечно, дело не только в зависти и лени — можно подумать, будто их прежде не было. Ноги наших бед растут еще из девятнадцатого века. Тогда в России стал насаждаться принцип личной свободы, который, к сожалению, в нашей стране из-за незрелости общества обратился в губительное зло. Яркий пример тому — убийство Александра II. Человек отменил крепостное право, начал проводить демократические реформы, а народники, сами же ратовавшие за все это, таким образом «отблагодарили» его, — парировал Лосев.

— Что верно, то верно — демократия не для нас, — подтвердил штабс-капитан.

— Ну почему же? Демократии нужно учиться. Тут не без ошибок. Если держать народ в железных рукавицах, контролировать каждый вдох и выдох — получим совершенно неспособную к самостоятельному существованию массу. Если бы Столыпину дали довести реформы до конца, то, я в этом уверен, никакой катастрофы не произошло бы, и Россия могла стать самой процветающей державой, — упорствовал поручик.

— Но и монархию не нужно, друзья, идеализировать. Революция не была случайностью. Царь, возможно, человек хороший, но правителем оказался никудышным. В одну войну ввязался, вторую. Обескровил, истощил страну, а в критический момент, вместо того чтобы власть употребить, бесхарактерно отрекся от престола.

Мы запутались в вечных вопросах: что правда, что ложь, кто виноват и что делать? Для меня теперь совершенно очевидно, что в Гражданскую выбор шел между двумя равновеликими неправдами. Мы защищали одну неправду, приведшую к революции, от другой, разрушившей страну и выкосившей самый плодородный слой общества, взращивавшийся веками. К сожалению, не нашлось в России силы, которая привела бы ее к той единственной, приемлемой для всех правде, — попытался подвести черту подполковник.

— Верно! Жизнь — это река, у которой два берега: берег добра и берег зла. А между ними множество течений. Одни несут к берегу добра,

ЗОЛОТО АЛДАНА

другие к берегу зла. Нашу же страну, похоже, подхватили потоки, несущие прямо в преисподнюю, — с грустью произнёс штабс-капитан.

— Русский всегда идет вперед. Но иной раз прямо к обрыву, — начал было есаул, но подполковник его перебил:

— Господа, есть факт — большевики победили. И оттого, что мы сейчас с умным видом рассуждаем, нужна демократия, не нужна демократия, ничего не изменится! Давайте лучше подумаем о том, как нам жить дальше. Ведь мы оказались изгоями в своей собственной стране, и даже хуже — объявлены ее врагами.

— Крамола кругом! — прокричал вдруг ротмистр Пастухов, дико вращая глазами.

— Тихо, тихо, господин ротмистр! Не волнуйтесь — зачинщиков уже арестовали, порядок в гарнизоне восстановлен, — привычно успокаивал его штабс-капитан, выводя контуженного на свежий воздух.

На крыльце Пастухов принялся отчаянно растирать лицо. Буйная растительность, забывшая бритву, закрывала всю его физиономию, оставив в неприкосновенности лишь губы, нос и горящие безумным огнем глаза, да на макушке поблескивала загорелая лысина.

— Проклятая контузия! — Ротмистр расстегнул тугой воротник, глубоко вздохнул несколько раз. — Вроде отпускает... благодарствую. Волноваться совсем нельзя... Идите, я немного подышу, — оправдался он, виновато улыбаясь.

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

1931 год.

С появлением в гарнизоне женщин его обитатели разделились на два дружественных, но с разными интересами лагеря: холостяков и семейных.

Последних установившаяся, размеренная, полная домашних забот жизнь устраивала. Лосев, правда, тосковал по семье, оставшейся во Владивостоке, но вместе с тем понимал, что шансов найти её нет. А якутка Соня, не чаявшая в нём души, подарила ему двоих замечательных мальчиков. Старший уже помощник — носит дрова к печке, воду с ручья. Второй вьюном в зыбке ворочается, подвесом поскрипывает.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Холостяки же чувствовали себя обделенными. Им тоже хотелось, чтобы рядом была женщина, которая даст продолжение роду. В итоге они стали склоняться к мысли, что единственный способ исполнить это желание — эмиграция в Русскую Америку или ещё куда. Осуществить это можно было, только выйдя к побережью Охотского моря. Там мичман рассчитывал найти друзей по мореходке и с их помощью нанять судно. Но прежде следовало запастись золотом. Каждый из них уже строил планы на новую жизнь.

Юнкер грезил служением Богу в православном храме. Штабс-капитан мечтал заняться разведением скаковых лошадей, да таких, чтобы брали все призы. Близнецы Овечкины просились к нему конюхами. У мичмана программа была попроще: купить домик с землицей, жениться и родить кучу детей. С конца мая, лишь только на речушке сошел лед, они, а с ними за компанию и женатые казаки занялись старательством.

У холостяков, не обремененных семейными заботами, рыжуха прибывала намного быстрее. И неудивительно — они посвящали промыслу практически весь световой день.

Труд старателя незатейлив, но требует крепкого здоровья и упорства. Стоять часами в студеной воде, от которой уже через минуту ломит ноги, не каждый способен. Икры к вечеру багровели, покрывались синими узорами вздутых вен. Суставы опухали и ломило их так, что приходилось каждый вечер прогревать в жаркой бане. Если и это не помогало, тогда уж ничего не оставалось, как томиться несколько суток на теплой печи.

Жалея мужей, женщины из продублённых, пропитанных медвежьим жиром, шкур сшили непромокаемые бродни. (Нитки делали из сухожилий: разминали их руками и, отделив самые тонкие волокна, сучили на голом колене.) Теперь женатики, надев под бродни меховые чулки, могли спокойно стоять в воде весь день. Чтобы бродни не рвалась об острые камни, поверх них натягивали короткие ичиги из лосиной сыромятины. Такая обувь оказалась столь практичной и теплой, что и холостяки стали заказывать ее.

Мастерицы голенища бродней украшали узорами и красили в желтый цвет — отваром коры ольхи, или в красный — отваром лиственницы. А чтобы краска не смывалась, в отвар добавляли порошок из рыбьей икры.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Добыча на речушке падала, и, сдружившиеся Суворов с Пастуховым решили попытать счастье на притоке, верстах в двух от первых промывок.

Начали мыть прямо с устья. Есаул первым зачерпнул галечник лотком — небольшим корытцем, выдолбленным из ствола тополя, с пологими краями и поперечной канавкой посредине. Покачивая его на руках в проточной воде, он смывал песчинки и камушки до тех пор, пока в бороздке не остались только крупинки тяжелого желтого металла. Полученный «улов» порадовал. В следующем заборе он оказался еще богаче. Хмелея от азарта, есаул Суворов заорал:

— Пастухов, сюда!

Сверкая загорелой лысиной, обрамленной венчиком седеющих волос, тот подошел, гордо неся свою добычу, тускло поблескивающую на дне проходнушки, застеленной для сбора самых мелких частиц ворсистым куском шинельного сукна. У него золотинок оказалась заметно больше.

— Ну, ты даешь! Превзошел учителя! — восхитился есаул.

Золото в этом притоке напоминало хорошо отшлифованные сплюснутые зернышки, тогда как на старом месте оно имело вид тонких чешуек.

По дороге в гарнизон Суворов задумчиво пробубнил:

— Мы думаем, что ищем золото. Нет, это оно ищет нас: чем больше его имеешь, тем вернее ему служишь. Я ведь когда пошёл к вам, надеялся от этой болезненной страсти избавиться. Ан нет, не вышло — и тут рыжѐ достало.

До морозов холостяки намыли более пуда. На каждого получалось шесть фунтов. По расчетам, этого должно было хватить на дорогу и обустройство на новом месте. Договорились трогаться в путь, как только сойдет снег.

Мешочки с золотым песком каждый день напоминали обитателям гарнизона о долге перед старателями прииска «Случайный». Теперь-то они хорошо представляли, какого труда стоило тем намыть реквизированные почти два пуда. Больше всех терзался угрызениями совести подполковник. Честь офицера, укоренившаяся в сознании с кадетского корпуса, постоянно корила его. В конце концов он позвал всех на совет.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Господа, я пригласил вас, чтобы обсудить один довольно щепетильный вопрос. Держать слово, данное артельщикам, или махнуть на наше обязательство рукой?

Офицеры, уже настроившиеся по окончании зимы выбираться к морю, приуныли: если возвращать долг, то их эмиграция отложится как минимум на год, а то и два. Пойти на это было непросто, особенно холостякам, но большинство, не без внутренней борьбы, все же согласилось, что нарушать слово офицера им не к лицу. Более других ратовал за возврат долга есаул. Ему, как никому другому, было понятно, что значило для старателей и их семей изъятое золото.

После принятия этого мужественного решения договорились в дальнейшем намытое делить на две равные части. Одна в долговую казну, вторая на личные нужды.

Наступивший сезон отработали, как заведенные, и, сами того не ожидая, к осени собрали необходимое количество золотого песка и самородков. Выручила богатая золотоносная жила. Только на ней за две недели намыли почти пуд шлихового золота.

На прииск отправили Суворова с Дубовым. Барак они нашли легко. Тот, правда, стал раза в три короче и выглядел совершенно заброшенным. Отворили дверь — ни души.

— Неужто разъехались? — расстроился Суворов.

— Да нет, кто-то живет. Вон чайник на печи, вода в ведре чистая. Надо бы разобраться, кто здесь теперь хозяйничает, — произнес рассудительный Дубов.

— И то верно. Только давай, от греха подальше, в лесочке покуда затаимся.

Вечером объявились-таки хозяева — трое усталых оборванцев с пегой, понурой собачонкой. Есаул признал товарищей.

— Саватей! — окликнул он по имени одного из них.

Тот удивленно уставился на человека в казачьей амуниции.

— Суворов, ты, что ль?

— Кто же еще?! А где остальные?

— Мы одне. Как основная рыжуха кончилась, так и разошлась артель. На соседний прииск подались. А мы так и моем по-немногу тут. Барак токо укоротили, шток помене топить. Зимой соболя промышляем... Ты-то как? Поважнел вроде.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Слава богу! Грех жаловаться. Мы к вам от подполковника с поручением долг вернуть.

Старатели вытаращили глаза.

— Эт как понимать? Неужто рыжуху?

— А то! Взаймы ведь брали. Только как с остальными быть? Да-леко тот прииск?

— Не больно. Я за день ходил, — ответил Саватей.

— Отлично! Отнести долю ребятам сможешь?

— Запросто! Вот мужики обрадуются!.. Ужель не шутишь?

Есаул вынул из котомки четыре тугих, увесистых мешочка:

— Вот, ровно столько, сколько брали.

Старатели онемели. Потрясенные честностью офицеров, они стояли истуканами, боясь прикоснуться к неожиданно свалившемуся богатству.

— В акте распишитесь все трое, — ткнул пальцем в бумагу Суворов. — И остальным долю отдайте по-честному. Да не вздумайте шалить. Про обман все едино узнаем. Руки лично повыдираю, ежели что.

Пока разговаривали, к собачке подбежали два длинноухих зайчонка-подростка и легли у ее ног. Та сразу принялась тщательно вылизывать их. Теперь у Суворова с Дубовым от изумления глаза сошлись на переносице.

— Что, дивно? И мы дивились, когда Мулька весной их притащила. Зайчиху-то задавила, а мальцов пожалела. Сама щениться уж не может, а понянчить малых ишо охота. Всё лето возилась с ними. Насилу выходила. Оне так тута и живут. Нам хорошо: коль прижмет — провиант под боком.

— Как можно?! Они к вам, как к родителям, а вы — «провиант»! Не по-христиански это, — заволновался Дубов.

— Да эт я так, шутейно... Сами к ним прикипели. Другой день, ежели не появятся, так переживаш, будто за дитё малое, а прискочут — праздник, — оправдывался Саватей.

* * *

Вернув долг, офицеры почувствовали, что с плеч как будто свалилась огромная тяжесть. Теперь они могли с чистой совестью готовиться к отъезду. Всю зиму только и делали, что перебирали вещи, решая, что

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

взять с собой, что оставить. За время жизни в гарнизоне каждый успел окружить себя не только нужными, но и милыми, дорогими сердцу вещицами. Получалось, как ни крути, вместе с харчами, оружием, боеприпасами груза у каждого из них набиралось по три-четыре пуда.

— И как мы с такими торбами потащимся? — заныли братья Всеволоды.

— Может, заплатит якуту, чтоб на лошадках довез? — предложил юнкер.

— До побережья он нас довезет, но три шкуры сдерёт за это. Потом, кто знает, сколько времени там мыкаться придется, пока судно найдем? Могут и арестовать, — высказал свои опасения есаул.

— Господа! Предлагаю построить струг и, спустившись по реке, дрейфовать вдоль береговой линии. — подал смелую идею мичман. — Василий говорил, что американцы несколько новых факторий открыли. Рано или поздно кого-нибудь зафрахтуем. А не повезет, так на том струге на Сахалин махнем. Компас у меня есть, парусину Василию закажем.

— Молодец! Толково придумал! Тогда и золото сэкономим, — обрадовались Овечкины. Эта идея остальным тоже пришлась по душе.

Лосев, узнав о намерении товарищей, расстроился, но пообещал выделить на подмогу двоих казаков, сведущих в плотницком деле.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Струг заложили в конце апреля, в семи верстах от гарнизона, на берегу реки, несущей свои воды в Ламское море. Лес для постройки готовили там же. Чтобы не тратить драгоценное время и силы на переходы, ночевали на «верфи». Из наносника — сухих стволов, выброшенных на косу, — соорудили временную хижину.

Вставали чуть свет. Работа в предвкушении новой жизни спорилась. Солнце, ненадолго прятавшееся за цепью синих гор, каждое утро спешило вскарабкаться повыше и выплеснуть потоки света и тепла на корабелов и оживающую тайгу. Из-под снега вытаивали гроздья темно-красной брусники, оголялись влажными лысынами береговые валуны. От обнажавшейся земли поднимался пряный теплый парок. Южные склоны усеяли скромные первоцветы. Пение птиц и журчание

ЗОЛОТО АЛДАНА

сотен ручейков сливались в один торжественный гимн, славящий новый цикл жизни.

Радуюсь весне, казаки распевали дедовские песни:

Жаворонки, прилетите,
Красну весну принесите!
Нам зима надоела, весь хлеб переела!
Всю куделю перепряла,
Всю солому перемяла...

Питались тетеревами, токовавшими в соседнем березняке. Волнительно было входить в эту рощу ранним утром, когда она наполнялась брачными песнями петухов с характерным глухим шипением на конце: «чу-фыш, чу-фыш». Им, робкими чистыми переливами, отвечали курочки: «кр-лью, кр-лью».

Доверчивые птицы, несмотря на ежедневные потери, и не думали покидать рощицу. Облепив ветки, сидели-висели, кто боком, кто вверх ногами, и часами склевывали разбухшие почки. Вытягивая после выстрела шеи, они удивленно вертели головами и слетали с дерева лишь, когда стрелок выходил из укрытия, чтобы поднять очередного петуха с лирообразным хвостом. Курочек не стреляли — им скоро высиживать потомство.

Доски для бортов и брусья для остова будущего судна распускали на козлах. Брусья складывали в большую яму, обмазанную глиной и заполненную речной водой. Потом в костре докрасна калили крупные валуны и сталкивали их в неё. Пробы в горячей воде пару часов, листовничные брусья становились гибкими и податливыми. Из них на специальных упорах гнули каркас, а согнув, стягивали верёвками и укладывали для просушки. Когда брус высыхал, он сохранял установленный изгиб навечно.

Работалось дружно, с настроением. И как-то так выходило, что любое дело, любая заготовка получались с первого раза. Казаки были отменными плотниками и управлялись топором не хуже, чем шашкой. Доски в борта ложились одна к одной, словно влитые. Когда струг подсох, его просмолили: дно сплошь, а борта по стыкам. На края бортов приладили упоры для весел-гребей и установили мачту. Ква-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

дратный парус приготовили, но решили пока не ставить — на речке в нём нужды не будет.

Команда состояла из восьми человек: штабс-капитан Тиньков, есаул Суворов, ротмистр Пастухов, мичман Темный, поручик Орлов, юнкер Хлебников и два унтер-офицера — близнецы Овечкины.

Отплыли в Вознесение, что на сороковой день после Пасхи. Большая вода понесла их встречу солнцу с такой скоростью, что экипажу оставалось только, налегая на гребни и кормовое весло, огибать лобастые камни, торчащие из покрытой упругими завитками водоворотов реки.

Пришедшие проводить товарищей казаки и Лосев с женой едва успели прощально махнуть, как струг с новоиспеченными матросами и мичманом, гордо восседавшим на корме в полинялой фуражке с золотым крабом на околыше, скрылся за поворотом.

— Ой, страх какой! — с дрожью в голосе прошептала Соня, и крепко прижалась к мужу. — Что-то будет... Чем вызвала некоторое замешательство у того. Еще бы! Было с чего — она всегда отличалась спокойствием и невозмутимостью. Казалось, не существовало такого события, которое могло бы взволновать ее, а тут вдруг столько эмоций.

Поначалу Лосев, уставший от неустроенности быта, относился к ней как к домработнице — в его сердце всё-таки теплилась надежда на воссоединение с семьей, оставленной во Владивостоке. Однако молодая якутка так бескорыстно служила ему, предугадывая любое его желания, что он не заметил, как она стала для него дорогим и любимым человеком.

* * *

К вечеру прошли более шестидесяти верст — прибрежные виды менялись с калейдоскопической быстротой. Мелькали каменные утесы, крутобокие горы, склоненные к воде деревья. Возбужденные удачным началом сплава, офицеры то и дело нахваливали мичмана за хорошую идею. Пешком, пусть даже на лошадаках, они в лучшем случае прошли бы не более тридцати верст, да еще умаялись бы в усмерть. А тут благодать — река сама несет.

На следующий день после полудня послышался подозрительный гул. Мичман Тёмный встревожился: он догадался, что это может

ЗОЛОТО АЛДАНА

означать. Отдав команду грести к берегу, сам влез на рею мачты. С нее попытался разглядеть, далеко ли пороги, но лесистый утёс закрывал обзор. Скорость течения нарастала, и гребцы, хотя и прилагали все силы, никак не могли сойти со стремнины. За утесом русло выпрямилось, и река, словно стрела, выпущенная из туго натянутого лука, устремилась туда, где поток, обрываясь, исчезал в клубах водяной пыли.

Под аркой радуги, перекинутой через речку, где-то внизу, кипела, стенала в невидимом котле, вода. Мириады мельчайших капелек-брызг парили над всем этим ревушим безумием.

Оцепенев, люди вперили немигающие взгляды в клубящийся ад — им ничего не оставалось, как только ждать, чем все завершится. Один юнкер пал на колени и, осеняя себя крестным знамением, стал молить Николая-Угодника о помощи и спасении.

Река тем временем стремительно несла неподвластный людям струг.

— Держись, ребята! Авань не пропадем! — прокричал штабс-капитан, но его голос тонул в сплошном реве низвергающейся в пропасть воды. Судно, распластавшись раненой птицей, на миг зависло в воздухе и, сверкнув мокрыми боками, рухнуло в белесую бездну Бурлящий котёл выплюнул с ключьями пены обломки струга, мачту, пузатые мешки.

Цепляясь за них, офицеры один за другим выгребали к песчаной косе и выползали на берег все в ссадинах и кровоподтеках. Выбравшийся первым юнкер Хлебников пал на колени и, сплёвывая кровь из разбитого рта, поцеловал землю, шепча слова благодарности милостивому Николаю Чудотворцу.

— Знатно покупались?! — прокричал мичман, пересиливая рев водопада.

— Кретин! Флотоводец хренов! Не мичман ты, а поломойка! А мы болваны — нашли кому довериться! — заорал на вытянувшегося в струну мичмана озверевший штабс-капитан. Он замахнулся было, чтобы врезать тому, но, совладав с собой, лишь яростно ткнул кулаком в грудь.

— Я ж говорил, на лошадаках надо, так нет — вам свои вещи носить тяжело. Зато теперь и носить нечего, и золото пропало, — напомнил

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

юнкер Хлебников, массируя ушибленное плечо. — Спасибо Чудотворцу, что самих уберег!

— А я, господа, плавать научился. Такой вот сюрприз! — пытаюсь разрядить обстановку, пророкотал есаул Суворов.

— Да уж, удивительный сюрприз — лапки кверху, мордой вниз, — с горькой иронией пошутил штабс-капитан. — Зря мы от якута про сплав скрывали. Он наверняка о водопаде знал — предостерег бы.

— Чего теперь, господа, после драки кулаками махать? Давайте лучше пройдем по берегу, может, что прибило, — предложил есаул.

Как ни странно, гул по мере удаления от водопада нарастал. Вскоре стало ясно, почему. Саженья в ста находился второй водослив, еще более внушительный и страшный. Тысячи лет назад гигантская сила сместила земные пласты и образовала каменные уступы, а река со временем выбила под ними внушительные котлы.

Пройдя немного, увидели котомку Суворова, зацепившуюся ляжкой за сучкастую коряжину. Пришлось опять лезть в воду. Зато теперь у них были пара рубашек, казачьи, с желтыми лампасами, брюки, моток веревки, нагайка, хромовые сапоги, кружка, миска, ложка. Одну рубашку сразу разорвали на ленты и перевязали рану на руке ротмистра.

Подойдя ко второму падуну, невольно залюбовались мощью и красотой низвергающейся массы. Эмоциональный поручик тут же продекламировал Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Глядя на беснующуюся стихию, офицеры поняли: ниже искать что-либо бессмысленно и, не сговариваясь, ступая шаг в шаг, пошли цепочкой обратно к гарнизону. До него было изрядно — верст семьдесят пять, не меньше.

— В любом благоприятном событии есть отрицательный момент, как, впрочем, и наоборот. Вчера радовались скорости течения, а се-

ЗОЛОТО АЛДАНА

годня проклинаем его. Нет абсолюта — все относительно, — философствовал на ходу поручик.

Чуть выше злосчастливого водопада на высоком берегу наткнулись на груды поваленных в беспорядке трухлявых брёвен — все, что осталось от строения. Пытаясь найти что-нибудь полезное, а в их положении полезным могло быть многое, раскидали их.

Порывшись в покрытой древесной трухой земле обнаружили казачью пряжку, пять свинцовых круглых пуль и еще какие-то до неузнаваемости изъеденные временем предметы. Потянув за ржавую скобу, сдвинули некое подобие крышки. Под ней лежали рядышком три приличного вида пищали и сабля.

— Выходит, не только мы здесь пострадали, — заметил один из близнецов, — и до нас тут люди горюшка хлебнули.

— Господа, это ж исторические раритеты! Прекрасные экспонаты для музея! — поглаживая клинок, восторгался поручик. — Какая изумительная резьба, какой изящный изгиб у клинка! Столько лет лежит, и даже намека нет на ржавчину! Похоже, сталь булатная. А пищали каковы! С фитильным замком, стволы с винтовым нарезом. Может, возьмем?

— Вы что, поручик, умом тронулись? Кто такую тягу понесет? — урезонил есаул. — Вот саблю можно — вещь полезная.

— Не представляю, как прежде казаки с такими тяжеленными пищалями до Ламского моря ходили. Еще и пушки с ядрами волокли, — продолжал восхищаться Орлов.

— Я тоже об этом думал. Крепкая все же порода — казаки. Даже сопливые девчонки сразу сообразили, с кем им спокойней и вернее семью строить — казачьему сословию предпочтение отдали. Нутром учуяли их надежность и хватку, — напомнил ротмистр Пастухов.

— Кто-то из великих, кажется, Лев Толстой сказал, что Россию построили казаки. Согласитесь, в этом большая доля правды, — добавил поручик.

Пока рылись в трухе и разглядывали найденное, путники в мокрой одежде продрогли и уже собирались двинуться дальше, но копнувший напоследок обломком ветки Суворов увидел кончик ремня, торчащего из-под плахи. Все замерли. Приподняв ее втроем, вытащили покоровившуюся кожаную сумку. В ней оказались хорошо сохранившиеся

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

шило, огниво, дратва, пара свечей и сносного вида плоский берестяной чехол, в котором лежали несколько листков бумаги в коричневых разводах. Один был исписан. Буквы угадывались с трудом, но большую часть текста все же удалось разобрать. Это было письмо сотника по фамилии Серый из Охотского острога якутскому воеводе.

Сотник докладывал, что вверенные под его начало служилые казаки третий год государево жалование не получают, а ясачный сбор справно с инородцев собирают и в казну отправляют безо всякой с их стороны шаткости. Что священник Борисов (отец Антоний) с особым рвением приводит в православие местных инородцев, по большей части якутов. Тунгусов помене, зато крестил недавно их князька Катаная. Так что велика надежда, что и они пошибче в Христово лоно пойдут.

Дальше писаного оставалось совсем мало, да и буквы размыты. Похоже, в этом месте были дата и подпись радетельного сотника.

— До чего верные царю прежде люди на Руси жили! Три года жалования не получали, а службу образцово несли, — заметил ротмистр.

— Спору нет, в те времена много лучше народ был! — откликнулся, продолжая копаться в трухе, Суворов.

— Господин есаул, может, хватит рыться в этом хламе? — произнёс мичман, нервно отмахиваясь веткой от комаров.

— Что раскомандовался? Я бы на твоём месте вообще помалкивал, — осадил его тот, вынимая из древесного мусора медную, позеленевшую от времени, монету. Потерев ее о штанину, прочел: «Денга. 1749 год».

— Если мне не изменяет память, в это время царствовала императрица Елизавета Петровна, дочь Петра Великого. Кто-кто, а она освоению окраинных земель придавала первостепенное значение, — вновь не преминул блеснуть эрудицией поручик.

По настоянию неугомонного Суворова путники принялись обследовать местность вокруг развалины и вскоре обнаружили пять изъеденных временем крестов. Почерневшие поперечины были скреплены деревянными гвоздями. Один из крестов стоял под разлапистой елью и благодаря этому хорошо сохранился. На нем даже разобрали вырезанную надпись: «Помни, всяк: мы были, как вы, а вы будете, как мы».

ЗОЛОТО АЛДАНА

Еще один валялся в стороне. Подняв крест, офицеры прислонили его к дереву. Суворов попытался продолжить исследования, но штабс-капитан урезонил его:

— Господин есаул, ваша любознательность похвальна, но мне кажется, дальнейшее изучение истории следует отложить до лучших времен, а сейчас давайте поспешим в гарнизон.

Солнце уже изрядно перевалило за полдень, и люди все острее ощущали желание поесть. Известно, начало лета — бесплодное в тайге время. Ягоды, даже самые ранние, не поспели. Орехов и грибов нет и в помине. Немного заглушала голод черемша, растущая на полянках. Стебель, правда, уже жестковат, но выбирать не приходилось.

В заводи на мелководье, касаясь спинными плавниками поверхности воды, грелась стайка ленков. Пытаясь добыть хоть одного, офицеры завалили валунами проточные горловины и принялись метать в рыб камни, колотить по воде длинной увесистой дубиной, но безрезультатно. Только опять вымокли.

Попутный ветер тем временем гнал солнце на запад, натягивая на тайгу вечернюю мглу.

Чем ниже опускалось светило, тем яростней досаждал гнус. Путникам не повезло — как раз на эти дни пришелся пик их вылета. От несметной кровожадной рати все живое истерично заматалось по тайге. В поисках спасения звери заходили в речку. Над водой торчали только их головы. Гнус буквально заедал. Проведешь рукой по щеке — она покрывается липкой кровью, перемешанной с кашицей из раздавленных насекомых.

— Господи, что творится?! Кровососов, что снега в метель, — почти рыдал гуще всех облепленный кровососами поручик.

— По-моему, больше, — простонал Суворов, голова которого была обмотана запасными брюками.

— Есть предложение последовать примеру сохатых!

— А что? Чудесная мысль, — обрадовались братья Овечкины.

Раздевшись догола, они первыми кинулись в воду. Течение, охватив тугими струями, массировало, освежало искусанные тела. Люди ощутили, как уходит накопившаяся за день усталость, раздражение, а главное, слабеет, как будто смывается, нестерпимый зуд. Офицеры, загребая руками против течения, долго блаженствовали в воде.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Какие-то рыбки мягкими губами тыкались в кожу. Дышалось полегче. Река возвратила людей к жизни, но, как только они вышли из воды, кровососы вновь атаковали их.

Пригодились огниво и кремень, найденные накануне. Развели дымокур. Иначе о сне не могло быть и речи. Чтобы костер не потух от сырого мха и листьев, наваленных для дыма, ему дали хорошо разгореться и накопить углей.

Нарубив саблей (спасибо казакам-землепроходцам!) лапника, легли спать. Для поддержания дымокура, установили дежурство. От едкого чада глаза слезились, но приходилось терпеть.

По тайге, пугая путников, время от времени разносились душе-раздирающие вопли какого-то зверя. Утром есаул спросил:

— Слышали, господа, как рысь вопила? Это она нас ругала за то, что дышим на ее территории.

— Ел однажды. Мясо у них очень вкусное! — мечтательно вздохнул мичман.

— Еще бы! Ведь она только свежину ест — все больше беляка, если повезёт, молодых олешков. К падали никогда не притронется, даже голодная.

— Я читал, что рысь на добычу прыгает с деревьев. Она на нас не нападет?

— Не бойтесь, юнкер, она неагрессивна. Но ежели разозлить, превращается в шипящую молнию — острейшие когти бьют без промаха. Слава богу, рысь очень осторожна. Как говорят, тень в тени. Всегда заранее уступает человеку дорогу, — успокоил есаул.

— Откуда вы такие тонкости знаете? — удивился поручик Орлов.

— Чай, не в пустыне жил. Всякой живности повидал.

Лишь только набравшее силу солнце выдавило из долины туман, офицеры продолжили путь.

К «верфи» подошли на исходе четвертого дня. Счастливые, обессиленно повалились на скамьи под навесом. Кашеваривший во время строительства струга ротмистр, немного отдышавшись, встал. Соблюдая неписанный закон тайги, он оставил во времянке немного продуктов: крупу, соль, пластину вяленого мяса. Разожгли костер, сварили похлебку. Тут уж пригодилась посуда из котомки есаула. Един-

ЗОЛОТО АЛДАНА

ственную ложку пустили по кругу. Сумерки тем временем перешли в ночь. Жутко «заохотал», страшая обитателей тайги, филин.

— Господа офицеры, может, сразу в гарнизон? Осталось немного, тропа хорошая. Зато спать ляжем в избе, без мошкары, — предложил поручик.

— Верно, чего здесь всю ночь с кровопийцами воевать, пошли, — дружно поддержали остальные.

Проходя мимо глиняной ямы, в которой запаривали шпангоуты, смекалистый есаул обмазал лицо и руки глиной. Товарищи последовали его примеру. Теперь кровососы не страшны. Правда, подсохнув, глиняная маска полопалась, и крохотные вампиры стали забираться в трещины.

Заморосивший дождь поубавил их численность, но прибавил злости. Люди почти бежали — мысль о скором надежном убежище придавала силы. Вырвавшийся вперед поручик Орлов на развилке вместо тропы, ведущей в гарнизон, свернул на хорошо натоптанную звериную тропу. Никто из следовавших за ним в темноте не обратил на это внимания.

Тропа, как и положено, поднималась по распадку на водораздел, за которым, как они полагали, находится их поселение. Уверенные в этом люди все дальше и дальше удалялись от гарнизона.

Минула ночь. Тяжелые, свинцового цвета тучи обложили тайгу. Провалы между холмов залило сырой мутью, из которой островками проступали макушки деревьев. Зарядил нудный дождь. Он то моросил, то затихал: уже трудно было понять, дождь или туман окружает людей.

— Господа, смею предположить — мы заблудились. Давайте общими усилиями попробуем определить, в какой стороне гарнизон, — произнес штабс-капитан, устало привалившись к дереву.

Люди были настолько измучены ночным броском, что никто не смог в ответ и слова произнести. Все находились в том состоянии, когда безразлично, куда идти — лишь бы сказали, куда.

Никто не представлял, где они сейчас находятся, и штабс-капитан Тиньков предложил спускаться по берегу бегущего среди обомшелых валунов, ключа — он выведет к речке, а там уже будет проще сориентироваться. Пройдя пару верст, люди услышали ровный плеск воды. Вдоль речушки тянулась звериная тропа. Пошли по ней.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Силы были на исходе. Приходилось часто останавливаться для отдыха. Чтобы хоть как-то заглушить голод, путники начали есть оводов.

Первым рискнул продегустировать аппетитное на вид насекомое непривередливый Суворов. Овод пришелся по вкусу, и есаул стал бить их не только на себе, но и на спинах едва стоящих на ногах товарищей. Видя, с каким удовольствием он отправляет в рот мясистых кровососов, его примеру последовали и остальные.

Лишь поручик так и не смог преодолеть врожденную брезгливость. Когда он замечал, что кто-то из спутников засыпает в рот горсть насекомых и сплевывает, как шелуху семечек, прозрачные крылышки, приступ рвоты выворачивал его внутренности. Чтобы не провоцировать чувствительный желудок, молодой человек старался больше смотреть под ноги и громко, чтобы все слышали, рассказывать:

— Братцы, я читал, что самые утонченные гурманы, чтобы поесть цыплят, кормят их две недели гречневой крупой, заваренной кипящим молоком или же вареным на молоке рисом. Тогда мясо цыплят становилось необыкновенно нежным, тающим во рту, а косточки мягкими! Запекали таких цыплят в печи, нафаршировав орехами и поливая шампанским. Подавали же к столу со спаржей, сбрызнутой лимоном...

— Орлов, Христа ради, замолчите, не то я за себя не ручаюсь! — взмолился юнкер. — Как можно про яства в нашем положении говорить?!

Продолжая поиски съестного, есаул попробовал на вкус улитку.

— Боже! Какая вкуснятина! Натуральный деликатес! — воскликнул он, проглотив студенистую мякоть. Товарищи и тут дружно последовали его примеру.

На прибрежной полянке торчали каркасы эвенкийских чумов, круги из валунов на месте очагов. Поодаль на ветвях березы горелыми хлопьями чернели тетерева. Путники бросали на них алчные взоры, да что толку — добыть-то нечем.

Пройдя ещё с версту, уткнулись в кладбище: несколько колод — бревен, расколотых вдоль на две половинки, — стоящих на четырех, и маленькая, видимо, для ребенка, — на двух столбах. На деревьях черепа оленей с рогами. Под одним из них в траве лежал медный ко-

ЗОЛОТО АЛДАНА

тел с пробитым дном, несколько наконечников стрел из мамонтовой кости.

Окрыленные надеждой скорой встречи и с самими кочевниками офицеры зашагали бойчей. На широкой галечной косе спиной к ним сидел бурый, в лохмах линялой шерсти, медведь. Он басовито рычал, одурело мотал головой и яростно махал передними лапами — отбивался от комаров, накрывших его подвижной вуалью. Не вытерпев, вскочил и с ревом бросился в воду, где и остался сидеть, выставив наружу только нос и глаза.

— Насколько я осведомлен, у мишек в эту пору свадьбы, и встречи с ними опасны, — забеспокоился юнкер.

— Не волнуйтесь, голубчик. Этому уж точно не до нас, — с улыбкой откликнулся есаул, не менее яростно отмахиваясь от комаров веткой.

Вскоре путники набрали на громадный конус муравейника. Сбоку под ним зияла дыра.

— Странный подкоп? — удивился штабс-капитан, осматривая яму.

— Вроде медвежьего берлога, — предположил есаул. — Точно, берлога — вон и «пробка» валяется.

— Какая ещё пробка, от шампанского, что ли? — захихикали Овечкины.

— Из медвежьей задницы пробка. Он, пардон, выкакивает ее, когда выходит из берлоги.

— Башковитый косолапый — дом сухой, теплый и харч рядом, — похвалил зверя мичман.

Суворову тем временем посчастливилось забить посохом полусаженного ужа и тут же, разделив, съели его. Только поручик стоически отказался от своей порции полупрозрачных, сочных долек. В речных заводях в изобилии водились лягушки, но даже крайний голод не мог заставить офицеров прикоснуться к их покрытым осклизлой кожей телам.

Глядя на одну из напыщенных квакуш, даже всеядный есаул брезгливо скривился:

— Б-р-р! Не понимаю, как их французы употребляют. Просвещенная вроде нация, а, фигурально выражаясь, — извращенцы.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

МОНАСТЫРЬ

Речушка наконец вырвалась из горных теснин и вывела путников на обширную равнину, упирающуюся в пологие холмы, за которыми темнели горные пики. Русло здесь разбивалось на несколько рукавов, перекрытых мощными заломами, нагроможденными паводками. Тысячи стволов, ошкуренных водой и выбеленных солнцем, торчали во все стороны, как иголки циклопического ежа. По гривке, разделявшей протоки, с трудом обошли этот хаос и побрели по росистому лугу, высматривая, куда идти дальше.

Внимание путников привлекло скопление тёмных пятен на макушке самого высокого холма. По форме и цвету они напоминали строения. В глазах изможденных горе-путешественников загорелась надежда — вдруг и вправду жильё? Самый полноводный рукав речушки, как по заказу, вел прямо к подножию этой возвышенности. Вскоре они убедились — действительно, какие-то постройки.

— Вроде якутские юрты с хотонами¹, — сказал ротмистр.

— Кроме прииска, здесь быть нечему, — возразил есаул Суворов.

— А что, если это застава красных? Поскрытней надо бы идти.

Послышались треск сушняка и чьи-то шаги. Офицеры замерли. По противоположному берегу брел, не разбирая дороги, лось светло-бурого окраса. Зверь шествовал так, будто пребывал в глубокой задумчивости — громадная голова с лопатами ещё неокостеневших рогов опущена и безвольно болтается из стороны в сторону. Тоже, наверное, комарьё достало.

Переждав, когда гигант исчезнет из виду, осторожно двинулись гуськом дальше.

— А вон и старательские промывки! — обрадованно указал Суворов на давние, отчасти заросшие травой, рытвины. — Что я говорил!

Когда офицеры крадучись стали подниматься на холм, в проеме между деревьями над строением прорисовался крест.

— Господа, это же монастырь, — прошептал юнкер Хлебников. — Причем раскольничий. Крест восьмиконечный! Красных здесь наверняка нет, а то давно б скинули.

¹ Хотон (*якут.*) — помещение для скотины, соединённое в целях сохранения тепла с жилой частью юрты.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Что вы придумываете? Откуда возле монастыря промывки?

— Может, монахи старательством, как и мы, добывают на жизнь.

Напрягая последние силы, держась друг за друга, оборванные, изъеденные комарами люди, теперь не таясь, торопливо взбирались на холм, словно боялись, что, если сейчас же не дотронуться до обросших по низу мхами каменных стен, этот мираж исчезнет и они опять окажутся один на один с тайгой, где их стережет костлявая с косой.

У монастырской стены из земли топорщились ровными рядами мясистые ростки с морщинистыми округлыми листьями.

— Братцы, это же картошка! Ей-богу, картошка!

Оголодавший до предела поручик первым прошел через калитку во двор и без стука отворил дверь — никого! Пахнуло застоявшимся мужским потом, перемешанным с ароматом копченого мяса, пласты которого висели на деревянных крюках по стенам. Следом зашли приотставшие спутники.

— Эй, есть кто? Эй, отзовитесь! — вразнобой все громче выкрикивали люди. В ответ — тишина.

— Господа, в чугунке похлебка. Еще теплая! Вы как хотите, а я сажусь есть. Хозяева, даст Бог, простят. — Поручик снял со стены половник, с полки стопку разнокалиберных мисок.

Все были настолько голодны, что его никто не одёрнул. Штабс-капитан проследил, чтобы наливали не более одного черпака на рот.

— Какая вкуснятина! А нельзя ли еще? — попросили близнецы Овечкины, моментально проглотившие свою порцию.

— Ребята, совесть поимейте. Хозяевам-то оставить надо, — сказал Тиньков.

Во дворе залаяла собака.

— Вон один идет. Вроде старик, а смотри как браво шагает.

Все разом повернули головы и в узкое окно с коваными перекладями увидели гривастого мужика, чем-то напоминавшего матерого зверя. На левом плече раскачивались длинные удилища, а правая рука выкидывала далеко вперед увесистый посох. Дверь отворилась.

— Спаси Христос, ангел за трапезой, — поздоровался он, как ни в чем не бывало, подавая каждому широкую, как лопата, ладонь. — Эко дело! А мне и невдомек, что гости пожаловали. И, кажись, высоко-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

родных кровей. — Старик снял потёртую душегрейку и пригладил руками взлохмаченные волосы.

— Сударь, вы уж простите нас, Христа ради, мы тут похозяйничали — харчуемся без дозволения. Сами изволите видеть, в каком состоянии. Чуть дошли, — за всех извинился юнкер Хлебников.

— Дык правильно, пошто животы терзать. Тем паче ноне Троицын день... А я вот удумал рыбки наловить — попраздничать. Ан нет, не берет — сыта. Вона сколь ноне комарья. Глотай, хошь лопни, — улыбнулся дед одними глазами, но так по-доброму, что мгновенно расположил к себе.

Глядя на исхудалые, измученные лица пришлых, не сдержался, попенял:

— Как можно так отощать? В лесу эвон скока всего съедобного: особливо питательны коренья борщевика. Не ведали? А надоть, коли в лес забрались. Хороши и татарник с сурепицей, желтая лилия. Ну да ладно, покеда самовар заправляю, сказывайте, откеля и куды путь держите. Не по мою ж особу явились. Можя, советом пособлю. Лучше меня здешние места ништо не знат.

— Простите, отец, как вас величать? — спросил штабс-капитан.

— Родители Лексеем нарекли, но, как перва борода враз на всю харю отросла, Лешаком кликать стали. Сами гляньте, чем не Лешак. — Старик ловко задрал до подбородка низ рубахи, и гости увидели густую, с проседью пополам, кучерявую шерсть, сплошь покрывавшую живот и грудь. — Так всё ж што вас-то сюды завело?

Офицеры в некотором замешательстве переглянулись. Первым нашелся поручик Орлов. Сочиняя на ходу, он поведал о том, что их группа представляет собой часть комплексной экспедиции Академии наук и занимается поиском следов первопроходцев на окраинных землях страны и что уже есть уникальные находки.

Товарищи, слушая, таращили глаза от удивления. Но поручика уже было не остановить — понесло! Хотя впоследствии он и сам не мог объяснить толком, для чего так складно врал.

— Семь дней назад, — продолжал Орлов, — наш проводник якут сбежал на лодке со всем снаряжением и провиантом.

При этих словах жевавший ус старик недоуменно вскинул седые, кустистые брови и, недоверчиво покачивая патлатой головой, пробормотал:

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Однако ж на якутов не похоже — боязливый народ.

Увлеченный сочинительством, поручик не обратил на эту реплику внимания:

— Теперь мы ищем проводников-тунгусов, чтобы с их помощью выбраться на Аянский тракт.

Тут простодушный Лешак и вовсе изумился:

— Это ж далече! И тунгусов ноне не сыскать. Оне сюды своих оленей токмо на зиму пригонют. Снега тута помене — оленям ягель сподручно копытить... Во! Чего вам спешить?! — осенило деда. — Здеся и дожидайтесь. А што до истории — так ее в монастыре хошь лопатой гребите. Хто основал? Хто жил? Откель те люди? Пошто забрались в эдаку глушь? Кудысь подевались? Спросов уйма. Я уж скока тута живу, а ответа не ведаю. А вы учёные — разберетесь. Мож, в записных книгах че вычитаете. Оне на старом славянском писаны... Вот где загадки, а вы — трахт! Ниче там не сыщете. Тута все интересы, не сумлевайтесь. Монастырь большой — на кажного по три кельи выйдет. Как вычитал один знакомец, тожа из дюже грамотных, тута по списочным книгам две дюжины монахов значилось, к ним еще восьмерых послушников прибавь. А вон в той постройке игумен, иеродиакон и два иеромонаха жили. Так што могу не токо вас, а, почитай, всю вашу академию принять.

Офицеры тупо кивали — для них сейчас важно было наесться и передохнуть.

— Покорнейше благодарим, отец. Останемся. В обузу не будем. Мы много чего умеем, даже золото мыть. Все отменные стрелки, были б ружья, то и дичи впрок набили б, — ответил за всех штабс-капитан.

— Эка невидаль! Да ентово добра тута целый арсенал: и луки тугие, и ружья всех калибров с огнеметным припасом. Монахи хоть и молитвенные люди, но без промысла тута не выжить. Зверья-то Господь на што в лесах поселил? Штоб людям прокорм обеспечить! А може, и оборону случалось держать. Сам я, правда, таперича больше рыбку ем. Ее сподручней жевать — зубы-то сгнили. Ох, и настрадался я от них! Ажно удавиться хотел — эдак невтерпеж порой бывало. Спасал гвоздь: прижмёшь к больному зубу, опосля в дерево забьешь — боль уходит. А ноне благодать — саднить нечему.

Старик растянул губы в улыбке, и гости сквозь седые заросли окладистой бороды увидели розовенький, как у налима, овал десен.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Дедусь, сколько лет вы здесь живете?

— Може, сорок, може, и более. Не считал.

— И все это время один?

— Один, один. Зимой иной раз тунгусы заглянут, а летом староверы навесвят. Так што премного доволен, што остаетесь. Веть покалякать по-человечьи страсть как хочется.

— Что ж к людям не переедете? Кто вас неволит?

— Эт ты в точку попал, мил человек. Злато неволит. Оно ж как притянет, так не вырвешься... Я уж стока его намыл, што и на двух подводах не увезть, а все не брошу — така зараза.

— Знакомая история, — понимающе кивнул есаул Суворов. — Кто хоть раз мыл рыжуху, тот заболевает ею на всю жизнь. Работает, как каторжник. Но не по приговору, а добровольно, старательно. Потому и зовется — старатель. И не столько желание разбогатеть движет, сколько азарт — вдруг намою или найду неслыханную залежь?

— Верно глаголешь. Откель знашь? — удивился старик.

— Довелось два сезона бутарить.

— Я ведь по первости все мечтал в деревню козырным тузом вернуться. А ноне интерес к щегольству остыл. Да меня тама, поди, давно забыли. Годки-то, верно, перемёрли. Эт я штой-то задержалси на белом свете. Таперича всё голову ломаю, кудыть с пользой намытое употребить. Душа просит на доброе дело, а никак не смякитю, на како, прах его побери.

* * *

Воздух от высоко стоящего светила сделался горячим. Даже в Якутии, в краю, где земля заморожена на глубину в сотни сажен, выпадают такие дни, когда хочется спрятаться от палящего зноя. Правда, лишь набежит на солнце тучка, так тут же начинаешь ежиться от холода, сочащегося из оледенелого нутра Земли.

Сегодня выдался как раз один из таких дней. Тайга нежилась в летней истоме. Мичман, насторожив самострелы на оленьих тропах в верховьях ключа Студеный, возвращался в монастырь. С Лешаком они договорились, что тот будет промышлять понизу. Старика это устраивало — подниматься вверх, к истоку ключа, ему уже было в тягость.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Шел мичман по дну распадка среди угрюмых елей, а перед его глазами неотступно стоял завораживающий блеск невиданных сокровищ. Как ни старался он избавиться от навязчивого видения, эта картина беспрестанно всплывала перед глазами.

Дело в том, что вчера дед не утерпел и показал «академикам» свои богатства, хранящиеся в закрытой на замок келье рядом с трапезной. Ему давно хотелось хоть перед кем-то похвастаться: вот, мол, чем владеет сын бедняка из Орловской губернии!

«Чего таиться? Покажу-ка своим приживальцам, а то, не ровен час, помру — какой тогда от всего этого прок», — отбросил старик сомнения и не пожалел, что открылся. Наблюдая, как округлились глаза «академиков» при виде бочонков с драгоценностями, мешочков с хрусткой рыжухой, чисто вымытых самородков, сваленных прямо на пол, он получил редкое, неизъяснимое наслаждение. Быть может, именно ради таких сладостных минут и стяжают люди богатства?

Мичман, оторопевший от детской доверчивости старика, не сдержался, спросил в лоб:

— А не боитесь, что мы вас ограбим? Вы ведь совсем не знаете нас.

— Дык я, сынок, давно свое отбоился. И не дано нам знать, как лучше: так али эдак? Как душа попросила, так и поступил...

Теперь эти сокровища не давали покоя мичману.

«Зачем это богатство деду? Он им не пользуется и пользоваться не будет. А на такое количество золота можно закупить оружия, которого хватит вооружить целую армию и изгнать большевиков из Охотска и Аяна. Потом объявить побережье свободной зоной, — продолжал мечтать мичман Тёмный, — предоставить всем государствам Тихоокеанской акватории право беспошлинной торговли, а они обеспечат нашей территории, назовём её Новой Россией, международное признание. Экономика сразу бы в рост пошла. Люди сюда потянулись бы. Глядя на такое процветание, и остальные российские территории смели бы большевиков».

Сама мысль о том, что он может стать спасителем Отечества и даже, быть может, членом правительства, наполнила Темного чувством исторической значимости и высокого предназначения. Но вскоре их сменили более приземленные мысли: «Еще неизвестно, чем

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

военная операция завершится. Большевики нашьют войск и перебьют всех. Уж если такие командиры, как Пепеляев, потерпели крах, куда нам тягаться — плетью обуха не перешибешь. Да и вообще, большой вопрос — доставят ли оружие? Американцы, шельмы, опять могут надуть... При таких деньгах лучше просто купить шхуну и уйти хоть в Японию, хоть в Америку, хоть в Австралию и основать там русскую колонию. Денег на все хватит».

Вечером мичман осторожно поделился своими мыслями с сослуживцами. Идею бескровной, мирной экспроприации сокровищ старика осторожно, с поправкой «не больше половины», поддержали братья Овечкины. Остальные промолчали, а штабс-капитан сказал:

— Уймитесь, голубчик. Все это уже было!

Неуемный Лешак вернулся в монастырь последним, уже в сумерках. Нащепал от сухого полена лучины и, запалив в железном светце пару лучин, устало сел на скамью. Ротмистр тем временем взбудрил самовар и, когда «пузач» напряженно забурился, налил всем травяного чая. Первому — старику.

Тот кряхтя поднялся, сходил в кладовую и принес туесок меду.

— Угощайтесь! Чай с медом больно хорош с устатку и для сугреву. Назяб я седни.

— Что ж вы, почтенный, так долго? В вашем возрасте беречься надо, — попенял деду Суворов.

Тронутый заботой Лешак заерзал на скамье и наконец, хитро прищурившись, достал из-за пазухи тряпицу. Торжественно развернул: на стол глухобрякнулся кусок желтого металла.

— Вот это да! — не удержались постояльцы.

Лешак просиял. Он вновь испытал сладостную истому от своей значимости:

— Вот, подфартило малость. Што долго? Дак алкал ишо назолотарить. Така уж натура, прах ее побери. Озяб, а все бутарю. — И, смакуя маленькими глотками чай, добавил: — Буря, кажись, идет. На дворе чьи-то портки сохнут, сымите, а я пойду. Ко сну клонит, силенка и впрямь уж не та... умаялси. — И уже в дверях: — О, вспомнил! Днесь сон чудной видел. Будто лежит кто-то на полатах в белом одеянии.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Меня увидел, поднялся навстречу и молвит: «Ложись, а я тебя охранять стану». Што б то значило?

Старик удалился, и вопрос повис в воздухе. Все выразительно глянули на Темного, но промолчали. Мичман покраснел и потупил глаза...

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Ураганный ветер, атакуя монастырь, всю ночь бился о стены, сложенные из дикого камня. Яростные шквалы, казалось, вот-вот вышибут из них староверческий дух. Но крепкое строение стояло, не шелохнувшись. Лишь могучий кедр во дворе слегка постанывал, отмахиваясь ветвями-лапами. А ветер все не унимался, сатанел. Не выдержав его напора, с треском переломилась высокая береза подле ворот. Падая, она попыталась опереться на соседку, но гибкие ветви только шумно скользнули по ней. Сколько подобных бурь и гроз пережила белокожая красавица, и вот лежит, поверженная, на земле.

Ближе к рассвету ураган, умаявшись от потуг, утихомирился. Пойму накрыла серая вуаль мороси. Воцарилась тишина. Ни одна травка, ни один листочек не шелохнётся.

Из-за непогоды обитатели монастыря весь день провели в трапезной у самовара, гоняя чай. Любопытный Лешак выспрашивал постояльцев о революции, о войне. О них он имел представление лишь по отрывочным и зачастую искаженным слухам от тунгусов.

— Ну, мужики, понятное дело, спокон веку дружка с дружкой машутся. Но откель таки безбожники нашлись, что царевых дочушек и мальчика увечного постреляли? Таких и мужиками-то назвать неможно. Што за помрачение тако с народом стряслось? — пытал дед. — И зачем мне в Рассею вертаться, коли там така одичалость?

— Милостивый сударь, во-первых, простите нас, Христа ради, солгали мы про экспедицию, — неожиданно для всех вдруг повинился есаул Суворов. — Мы офицеры царской армии.

Старик удовлетворенно хмыкнул:

— Я ить сразу смекнул — брешете.

Ошарашенные белогвардейцы переглянулись.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Поверьте, мы не из дурных побуждений. Побоялись сразу открыться.

— Ладно, то дело прошлое. Вы всё ж вразумите меня, откель тако безумство в Рассее?

— Мы и сами не можем взять в толк, что же такое случилось с нашим народом, — заговорил штабс-капитан Тиньков. — Если обратиться к истории, то примеров, когда в борьбе за власть королей и царей убивали, не счесть. Но чтоб царствующую фамилию подчистую уничтожить — такого не припомню. Подобную жестокость к уже поверженному противнику невозможно ни понять, ни объяснить.

— Думаю, как правил царь-батюшка, как воспитывал своих подданных, так народ и отплатил ему, — не удержался есаул. — У мудрого, справедливого родителя дети родителя почитают. Что это за правитель, у которого в военное время шпионы разгуливают по столицам, а ватага пьяных матросов перевороты совершает? Но Николаю было не до этих пустяков! Сначала развязал позорно проигранную войну с японцем. Потом ввязался в никчёмную баталию с германцем. Люди устали от бессмысленных потерь и унижительных поражений, озверели от лишений. Вот и пошло-поехало. — Николай Игнатьевич с болью махнул рукой. — Декреты большевиков о мире и земле стали теми гранатами, которые взорвали, и окончательно деморализовали армию, склонили ее к красным. Солдаты ринулись домой, чтобы поспеть к дележу помещичьих земель. Офицеров, призывающих к верности присяге, убивали. Надо отдать красным должное — очень точно все рассчитали, а мы медлили, выжидали. Надеялись, что все как-нибудь само собой образуется!

— Потом, не забывайте, что во время смуты начинает действовать закон толпы, — обронил ротмистр Пастухов.

Лешак, и так мало что понимавший в мудреных рассуждениях офицеров, робко поинтересовался:

— Какой такой закон?

— Это когда сама по себе добропорядочная, законопослушная личность, оказавшись в толпе, вопреки своей воле, делает то же, что и толпа, управляемая заводилой. Человек как бы теряет свое я, и если зачинщик призывает к бунту — бунтует, хотя до этого и не собирался.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Эт верно — куды баран, туды и овцы, сломя головы бегут.

— Что удивительно — на Руси все происходит вопреки здравому смыслу и логике. Если обстоятельства говорят о грядущем процветании, жди катаклизмов и разрухи. Столыпин вон как экономику поднял! Страна так резко в гору пошла, что весь мир изумился. Вот сильные державы, испугавшись, помогли беспорядки у нас устроить. Мы имели самый большой в мире золотой запас, а кончилось все катастрофой, — добавил штабс-капитан Тиньков.

— Я вот не понимаю, как такая малочисленная партия сумела победить! — вступил в разговор молчавший до того юнкер.

— Да очень просто — посулили народу надежду на лучшую жизнь, и он пошел за ней. Говорят же: «надежда — золото бедных».

— Ох, и времечко, в голове не поместишь, — вздохнул Лешак. — Однакось и новая власть не на те полозья сани поставила. Кудысь она прикатит, коли повелевать стали самые нерадивые? Тунгусы вон сказывали, што у них таперича главный Тутумэ. А он всю жисть токо спал да детишек делал.

— Для большевиков как раз такие люди самая надежная опора, — объяснил штабс-капитан. — Бедняк, не имевший ничего и вдруг получивший власть, всегда будет за нее зубами держаться.

Слово за слово, время подоспело к обеду. Близнецы Овечкины, и сами любившие поест, оказались хорошими кашеварами.

— Соловья баснями не кормят, господа, кушать подано, — радостно сообщили они, водружая на стол котел с дымящейся картошкой и чугунок с мясом, приготовленным по собственному рецепту.

Уминая за обе щеки, люди, забыв о революции и войне, нахваливали братьев:

— Вкусно! Пальчики оближешь!

— Вы у нас настоящие рестораторы.

— Дядя Лешак, а красные заставы поблизости есть? — стряхивая с бороды крошки, поинтересовался поручик.

— А што им тута делать? Со мной воевать? Вот прииск недалече есть — ден пять ходу будет. До него на восход надобно идтить. Подле него, якут торговый в прошлом годе сказывал, ишо каки-то новопоселенцы объявились. Не знаю хто, но уж точно не красные — с чего бы им хорониться. Имеется тута ишо староверческий скит, я о нём ужо

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

баял. Дюже затворный. Живут наособицу. Боле тута никого, — подробно обрисовал обстановку дед, рыхля пятерней дремучую бороду.

— Какой же затворный, если вас навещают? Выходит, вы тоже старой веры?

— Не старой, не новой — безбожник я. Просто мы знакомцы о-го-го с каких времен. Я крепко пособил им попервости. Потому не забывают, заходят.

— Они что, близко?

— Гдесь, в точности не скажу — сам не был. Но, похоже, пешего хода дня три будет, токмо на север.

— Хорошо бы с ними познакомиться.

— Не знай, не знай... Не жалуют оне чужаков... Коды сами наведуются, тоды, можа, и спознаетесь.

* * *

Ранним утром, подойдя к гряде старых, полуразрушенных гор, мичман Темный стал подниматься к верховью Студеного, проверяя расставленные самострелы. В тайге царила редкая тишина. Лишь ворон — черный жрец, медленно и четко выговаривал свои суровые заклинания с вершины засохшего кедра.

На дне крутого распадка, разделявшего два кряжа, под самострел, похоже, совсем недавно угодила кабарожка. Раненная навyleт, она лежала, зализывая раны. Увидев человека, вскочила и кинулась вверх по тропе.

Сдернув с плеча ружье, мичман ринулся следом. В азарте погони охотник запамyтовал, что на подъеме насторожен еще один самострел. Тот дал о себе знать резким колющим ударом в левый бок. Нестерпимая боль повалила человека на землю. Кабарга обернулась на вопль отчаяния, исторгнутый преследователем, и прибавила ходу...

Офицеров потрясла неожиданная, трагическая гибель товарища. Потрясла не столько сама смерть, сколько то, что она произошла после того, как мичман замыслил ограбить приютившего их Лешака.

— Похоже, Господь охраняет это место. Даже мыслей греховных не допускает. Смерть мичмана — нам укор и наука, — заключил ротмистр Пастухов.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Жаль Темного — офицер он был храбрейший, да и человек, согласитесь, не такой уж плохой. А что мысли? Мало ли какие мысли в голову приходят, — заступился есаул Суворов за погибшего.

— Отнюдь. Не причиняй зла никому даже в мыслях — это закон жизни, — возразил ротмистр.

— Мой батюшка по этому поводу так говорил: «Кто на добро содеянное учинит зло, тому вековечно на огненной скамье корчиться», — поддержал Хлебников.

Чтобы трагедия не повторилась, Лешак с есаулом прошли по звериным тропам и длинным посохом рассторожили все установленные мичманом самострелы. Найти их было нетрудно — он возле каждого делал на стволах двусторонние затесы.

Остальные тем временем готовились к похоронам. По предложению юнкера, прибрались в заброшенной молельне: помыли пол, стены, протерли божницу. Выгребая из углов хлам, нашли восьмиконечный наперсный крест, отлитый из серебра с камнями по краям, сияющими, как солнышки. Между перекладинами рельефно проступал полумесяц с рожками кверху. Крест помыли в щелоке, натерли до блеска и положили на аналой.

На третий день отслужили по убиенному панихиду и предали тело земле. Как-то само собой получилось, что вечерние службы продолжились и по завершению сорокоуста¹.

После завтрака принимались за хозяйственные дела. Сначала подремонтировали и отмыли трапезную, следом келарню. Подлатали протекавшую местами крышу. Навели образцовый порядок на всей, уже сильно заросшей, территории монастыря.

Как-то Хлебников, завершив вечерю, сказал:

— Друзья, я думаю, что, потопив струг, Господь спас наши души... Хочу остаться здесь. Ведь тут для жизни идеальные условия. Добротные здания, земля и леса богатые. Какой смысл ехать куда-то и на пустом месте начинать? И потом, согласитесь, будет обидно, если монастырь вновь в упадок придет.

— Кораблекрушение, монастырь, гибель мичмана — все это, похоже, не случайности, а подсказки для принятия решения, — рас-

¹ Сорокоуст — ежедневное молитвенное поминание в течении сорока дней.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

суждал вслух ротмистр. — Может, и впрямь, не стоит рваться на чужбину — кто знает, как она встретит?

— Здорово глаголешь, — не преминул встрять обрадованный Лешак.

— Господа, а что, если нам создать здесь сельхозартель и монастырь заодно возродить? Место намоленное. Господь явно покровительствует ему. За столько лет ничто не порушено, внутри все в целостности, сохранности. Плуги есть, зерна в клетях до сих пор полно. Займемся земледелием. Школу-интернат для тунгусских детей откроем, к православию их приобщим, — размышлял ротмистр.

— Может, по тайге еще кто из наших бродит. Им тоже будет место прислонить голову, — добавил есаул.

— Позвольте, планы-то у нас иные были. Не слишком ли быстро меняем? — возмутились разом братья Овечкины.

— А что, у вас есть иное предложение? Какое? Вернуться в гарнизон? Что нас там ждет, кроме дома в глухой тайге? А здесь высокая цель, можно сказать — духовная миссия. Коль не получилось послужить Отечеству, так Богу послужим, — отпаривал есаул Суворов.

— Как самый младший среди вас, — опять заговорил юнкер, — я, конечно, не могу указывать. Каждый сам должен принять решение. Невольно в этом деле нельзя. Но не следует забывать, что, пока мы вместе, мы многое можем. Моё решение твёрдое — остаюсь!

После недолгого молчания есаул prorokotal:

— Я с вами, юнкер.

Поднялся и штабс-капитан Тиньков:

— Я тоже.

— Иных вариантов не вижу, — кивнул в ответ на молчаливый вопрос товарищей поручик.

— Пожалуй, и мы останемся, — неожиданно присоединились близнецы, откидывая со лба отросшие волосы.

По лицу Лешака пробежала улыбка — его это решение устраивало больше всех.

* * *

Все же великая тайна — Человек! Его суть и предназначение подчас сокрыты под таким множеством наслоений вторичного, несущественного, что он об этом главном в себе и не догадывается. В этом

ЗОЛОТО АЛДАНА

смысле человека можно сравнить с извлеченным из земли самородком. Достоешь неприглядный, грязный комочек, а отмоешь в воде — и заблестит, засияет, как солнышко.

Вот и в Лешаке с того дня начала чудесным образом раскрываться тяга к духовному служению. Он стал много времени проводить с Антоном Хлебниковым. Особенно часто они сидели в библиотеке — самой светлой, с двумя окошками келье.

Здесь хранились письменные труды вероучителей, тексты былин, наставления, указания по постам и праздникам; писанный четким вытянутым почерком монастырский устав в кожаном переплете, стянутом парой серебряных застежек. Встречались и книги, изданные в Москве еще до раскола. У многих из них углы потертые и заломлены, иных страниц недостает.

Особо полюбились Лешаку и Антону боговдохновенные «Поморские ответы» и «Кириллова книга», направленная против унии¹. В последней поражало то, что за 22 года до утверждения Никоновых новин пророчески предсказывалось скорое явление антихриста на Святую Русь. К сожалению, часть книг была повреждена. Больше всего пострадали от грызунов кожаные переплеты. Почему-то совершенно не тронутыми оказались несколько стихарников. Из них два представляли собой редкое издание певческих книг древнерусского крюкового письма² с записью напевов в пятилинейной нотации.

Читая Лешаку выдержки из них, Антон Хлебников сразу же доступно разъяснял старику непонятные места, а по прочтении они подолгу обсуждали эти тексты.

Неотесанный, полуграмотный старатель, впитывая знания, как ягель воду, на глазах менялся. По мере того как ему раскрывалась суть евангельского учения, у него усиливалась потребность в каждодневном обращении к Богу.

Когда, управившись с делами, все собиралась в трапезной, юнкер и есаул, тоже знавший старославянский, читали по очереди главы из Жития святых. Понравившиеся и взволновавшие их места обсуждали.

¹ Уния — объединение двух христианских конфессий: западной (католической) и восточной (православной).

² Крюковое письмо — старинная нотная грамота церковных духовных песнопений.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Диалог старообрядца Павла Даниловца во время стрелецкого бунта с патриархом Иоакимом впечатлил всех. Особенно:

«— Правду говоришь, святейший владыко, что вы на себе Христов образ носите: но Христос сказал: научитесь от Меня яко кроток и смирен сердцем.. Велено повиноваться наставникам, но не повелено слушать и Ангела, ежели не то вещает. Что за ересь и хула двумя перстами креститься, за что же тут жечь и пытать?»

Патриарх на то отвечает:

— Мы за крест и молитву не жжем и не пытаем. Жжем за то, что нас еретиками назвали и не повинуетесь святой церкви, а креститесь как хотите».

В книге «Камень Веры» вычитали другое, еще более циничное признание никонианца: *«Раскольникам полезно есть умереть, для них несть иного врачевания, паче смерти».*

— Получается, что причина жестокости церковных иерархов не в Вере вообще, а во властолюбии. В страхе за свое внешнее положение и богатство, — удрученно заключил есаул Суворов.

Из старых монастырских книг офицеры узнали, что в первохристианские времена не было особых правил для верующих и многое предоставлялось решать их совести. Она для живущих по заповедям Христа была неким внутренним стражем, ибо сказано: страхом Господним уклоняется всяк от греха.

Перебирая книги, Антон Хлебников на обложке затертой, подмоченной снизу книги, прошитой пеньковой нитью, прочитал написанное затейливыми завитками:

«Летописание отеческой обители, нарощенной по воле схиигумена Сергия», а на следующей, побуревшей от старости странице, — буквами помельче:

«Писано иноком Никитой для доверительного извещения потомков и незабвения жития в славном Сергиевском монастыре, трудами нашими здравствующем.

Начато в лето 7195¹ года по наказу многоименитого уставщика Кирилла. Аминь.

¹ Летоисчисление славян отчитывалось «от Сотворения мира», заменённое Петром Первым в 1700 году на «от Рождества Христова» по юлианскому календарю (в 1918 году он был заменён большевиками на григорианский). В итоге

ЗОЛОТО АЛДАНА

По неправедной воле антихристички Софьи¹, нас, рабов Божьих, преданных отеческой вере, сторонников казненного на Лобном месте столпа правоверия отца Никиты², всего 57 душ, изгнали лета 7190 от Сотворения мира из Калужского леса и под стражей, сменяющейся от града к граду, препроводили в ссылку в Якуцкий острог.

В дороге пеши, студены были боле лета. Сопроводительные служилые кто мучили, помыкали нас, лаяли да укоряли, а кто сам душой прикипал к воззрениям древлеправославных христиан, и токо творил вид пред десятником, якобы и они неприязненны к нам. Явились до места не все. Семь страдальцев Господь на Суд прибрал.

Из острога с двадцатью аманатами³ загнали в непролазную глушь валить лес для нужд постройки новой крепостицы. Там терпели, босы и наги, много издевательств и лаяния от бражных служивых воеводы. Голодали до невозможности. Ели что попало. Перебились кое-как скитающаяся по лесам и острым камениям, разными кореньями. Голова караульных стал zelo притеснять и так помутился с браги, што покусился на мой живот. Стрелял три раза, но Божию волею на полке порох пыхнул, а пицаль не стрелила. Я было обмер со страху. Да Господь не дозволил. Тако было трижды. За сие неправедное деяние Бог строго покарал притеснителя. Тот сильно занедужил и много не мог двинуться с места. Слава Ему, Владыке нашему — век за правых стоит. Аминь.

Припасли леса с избытком. Вязали в два сорока плотов для четырех башен и ста сажен острожных стен. С ними двадцать плотов долготья

лето 7208 года от Сотворения мира стало 1700 годом от Рождества Христова. С тех пор мы поздравляем друг друга не с Новолетием, а с Новым годом (если быть точным, «С Новым Богом» — на немецком и голландском языках «Гот» означает «Бог»). Упомянутое лето 7195 года со дня Сотворения мира по старому летоисчислению соответствует 1682 году современного григорианского календаря. Начало старославянскому летоисчислению было положено 5508 лет до нашей эры, когда славянские племена, разбив на реке Хуанхэ предков нынешних китайцев, заключили с ними мирный договор.

¹ Царица Софья Алексеевна в период своего правления (1662—1689) вела непримиримую борьбу со старообрядчеством.

² Никита Пустосвят — суздальский священник, виднейший руководитель старообрядческого движения, активно добивался восстановления древлего благочестия. Был казнён в 1682 году на Лобном месте вскоре после выступления в присутствии царствующих особ в Грановитой палате в защиту старых обрядов. Следом по староверству прокатилась волна жестоких репрессий.

³ Аманат (араб.) — заложник из местного населения.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

на избы и церковное строение. Сплавляли лес к устью незнакомой речки и споро возвели ту крепость.

В зиму нас не кормили. Спасались как могли. Варили сосну, коренья. То один, то други падали с морока голода. В ину пору, повалившись наземь, который и встать не мог, испрашал бедный нас: «Долго ли сея муки терпеть?» А оправившись, сам себе прекословил: «До самыя смерти во обличение никонианства». Слава богу, поддержали служивые, сочувствующие отеческой вере. Носили тайно по тьме. Иной раз кусок скотского мяса, иной мучки и овсеца, колико сойдется. Иногда и полпудика накопят и передадут.

До тепла не чаяли дожить, как чудо таки свершилось, Господь смилостивился. Воевода, бесом пораженный, по воле Божьей сгорел в избе с сотоварищами-антихристами. Муки тем наши кончились, ибо все поели досыта и промеж собой и со служивыми побратались, яко семья одна. Нашего многопочтенного старца Сергия на общее водительство определили. На соборе все высказали намерение так и жить сообща, по-доброму.

Тунгусы про наши перемены не ведали. Много раз прежде обиженные воеводой, собрали свое немирное войско и коварно пожгли крепость сперва весной, второй раз осенью. Пожгли все до крохи. Поруха нам велика была.

Что делать? Снарядили послов к ихому князьцу просить мира, ибо не ведали своей вины перед иноверцами. Тот рек нам так: «То наша земля. Уходите жить дале. Там ничья земля и отныне будет до самыя смерти ваша. Живите, зла нам не чините, и мы вас злом не укорим». Дал проводника, сотню оленей, провизии на пеши ход, чуток рухлядишко. Так и порешили добром, не поминая зла. Побрели пеши, куда сказано, почти наги телом, яко птенцы, токо родившись. Много лиха натерпелись, однако ладно дошли, потерь, слава богу Милостивому, не имели.

На сим благодатном холме место заняли в лето 7199 года. Живем таперича тута без лиха и притеснения, дружною общиною, не поминая блудню еретическую от Никона. Пищи довольно сами растим. Токо для надежности монастырь из камня, огню не посылного, на века ладим. Слава богу, што нужды великой, как прежде, не ведаем. Птиц зело много. А рыбы и того боле. Жирны гораздо — жарить нельзя: жир все будет. То велика награда Божия нам за неослабное стояние за веру

ЗОЛОТО АЛДАНА

отеческу. Повеличали земли сии вокруг холма и дале за многие воды «Беловодьем». Аминь.

Лето 7203 года. Построились недалеко две общины с самого Камня. Всего 29 душ мужискаго полу. Чисты, яко ангелы. 5 лошадей с жеребцом.

Бысти отцу Варфоломею знамение чудесное, творимое силой Божией. Показал он, что Никоновым христопродавцам уготована зело страшная кара, а его любит и слушает Бог.

Лето 7207 года. Произошла прибавка из одноверцев с Керженца. 16 душ мужискаго полу, с ними коров 5 и бык, и лошади. Всего скотских голов 12.

Эту зиму морозы велики бысти, и 3 коровы прискорбно затомили беси.

Ныне в лето 7213 года приняли в свое духовное лоно пять новых общин, не приемлющих ереси Никоновой. 39 душ мужискаго пола. Послали из страны Беловодья на четыре стороны ходоков по... для... Твориши... Не единым хлебом живе человеце, но всяким словом, исходящим из уст Господних.

Собрали 500 пудов ржи.

Служильый Никанор, праведной веры человеце, привезши с тунгусами на хранение казенного злата шесть бочонков с разбитого струга, шедшего к Ламскому морю. Помимо того...»

Последующие странички были вырваны.

Взволнованный юнкер еще раз запоем перечитал записи. В первый же вечер, когда все собрались в молельне, он объявил о находке и по окончании службы прочел вслух историю монастыря. Сотоварищи, окунаясь в события давних времен, слушали, затаив дыхание. Когда чтение закончилось, первым заговорил Лешак.

— Кака сила духа! Воистину ученики Христовы. Стока испытаний снесли, а не отреклись от отеческой веры... Хлебнули поболе нашего, однакось как ладно отстроились! Любо-дорого глядеть и ныне. А мы что? Неужто слабже? Я так мыслю — како житье в монастыре было до нас, тако и ныне быть должно.

— Верно, отец! Мы ведь такие же изгнанники, как и те великие сподвижники, что построили сию обитель. Поскольку здесь был староверческий монастырь, его староверческим и нужно восстанавливать.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Иначе дело не заладится. А Господь нам поможет! — воскликнул есаул.

— Ты прав! — поддержал ротмистр Пастухов. — Мне в Забайкалье довелось проезжать через староверческие селения, и всякий раз будто в другую страну попадал — крепкие хозяйства, ладно живут. Куда ни загни старовера — на голые камни, вечную мерзлоту — повсюду порядок и достаток. До того они трудолюбивые и организованные.

— В записках упоминаются еще какие-то скиты, может, они жилые? — загорелся Хлебников.

— Скиты те стоят по сей день, но все безлюдны, — разочаровал его Лешак. — Есть токо тот, про который я говаривал. Оне ваарламовцами себя называют.

* * *

Антон Хлебников от души радовался быстрым переменам в таком, казалось бы, одичалом старателе.

— Вы так изменились. Речь совсем иная и внешность благообразней! Словно дар какой на вас низошёл.

— Знамо дело, чтение книг благотворно влияет. В них я нахожу подтверждение мыслям, кои стали посещать меня после одного сна, виденного незадолго до вашего прихода, — ответил польщенный Лешак.

— Расскажите, любопытно.

— Отчего не рассказать, коль интерес имеешь. По дороге шли люди, все в длинных холщовых рубахах. Не различить, хто бедный, хто богатый. И все несут камни: хто великие, хто малые. То, как я опосля догадался, грехи их. Те, у кого камни малые, несли их хто на руках, хто на плече, хто на спине. А у кого тяжельше, просто катили по дороге, благо она ровная была. Катят да еще и посмеиваются над теми, хто камни на себе несет. И вот подошли оне к лестнице, што на небо, в Царствие Божие. У кого камни были помене, те с трудом, но поднялись по лестнице. А те, которые посмеивались, стали подыматься, да не тут-то было. Камни падали, срывались вниз вместе с хозяевами. А один человек даже оторвать от земли свой камень не смог. Пригляделся — то я был. Ужас меня обуял. Опомнись, говорю себе, Лешак. Покайся и искупи грехи свои делами добрыми. Откажись от жажды стяжательства. С того дня решил употребить злато на богоугодное дело.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Какой провидческий сон! — задумчиво произнёс Хлебников. — Как всё верно!

— Первый толчок к Богу я получил ещё от нынешнего наставника Варлаамовской общины, когда оне с Корнеем у меня гостевали. Беседы с ним по сей день душу согревают. Теперича и сам дивлюсь: я то али не я! Не пойму, за што такой милости сподобился. Каждодневно прошу у Него здоровья, дабы успеть до смерти грехи искупить и людям помочь. Как порешил употребить припасы злата на богоугодное дело, сразу как-то легче на душе стало, осветлел мир вокруг. Каждый день в радость. Силы у меня сейчас, как у молодого. А то об одном злате токо и думал, будь оно неладно.

— Господь даёт испытание каждому человеку, чтобы узнать его цену. Для вас испытанием была болезненная страсть к злату.

— Я бывало мыслил: ну вот есть богатство, а пошто оно мне? Всё голову ломал, куды его с пользой употребить? Надумал было сто тысяч оленей бедным тунгусам купить, так у них, говорят, тех, что есть, отнимают и сгоняют в общее стадо. Употребить на строительство храма — так построенные рушат. Услыхал Господь мои метания и прислал вас. Теперича всё сложилось — возрождать монастырь будем. Глянь, я уж и вывески приготовил.

Лешак достал и с гордостью разложил перед юнкером дощечки. На них углем было нацарапано: «трапизная», «киларня», «злато», «лишак».

— Ого! Быстро вы научились писать! Неплохо было бы вам еще усвоить привычку записывать основные события в нашей жизни. Тут две пользы. Первая — научитесь излагать свои мысли, вторая — продолжите летопись монастыря.

Дед горячо ухватился за этот совет и сшил из собранных чистых листов бумаги подобие тетради и корявыми буквами старательно сделал первую запись: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа начал сию пропись 1933 лета. Лишак». Он так старался, что капельки пота выступили на лбу. С тех пор тетрадь регулярно стала пополняться новыми короткими памятками вроде этой: «Днесь поймал тайменя на полпуда. Уха зело хороша. Кололи дрова. Сложили две поленицы. Наладил лавку. Третий день ведро».

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

* * *

Работа в монастыре закипела. Первым делом решили восстановить заросшую пашню.

Штабс-капитан имел в этом деле некоторый опыт. Одно лето после окончания гимназии он жил вместе с отцом в Германии, где тот изучал европейские методы земледелия. Вернувшись в Костромскую губернию, они за несколько лет превратили свое поместье в образцовое хозяйство, гремевшее на всю округу.

Слава богу, иноки, жившие прежде в монастыре, не только молились, но и пропитанием сами себя обеспечивали. В пристрое хранились в довольно хорошем состоянии три двузубые сохи-односторонки с изогнутыми сошниками и одна плужного типа — косуля — с двумя сошниками, лемехом, резцом и отвалом; многозубая борона, жатка, веялка. Под навесом тяжелые каменные круги мукомолки.

За лето, запрягаясь по трое, а там, где дернина поплотней, то и по четверо, сумели вспахать лишь полторы десятины заросшего поля. В конце августа засеяли его озимой рожью. Весной, когда зацвела черемуха, успели поднять ещё один клин и заборонить в него ячмень. Всю картошку, что осталась с осени, порезали на глазки и высадили у стен монастыря. Погоду Господь устроил им, как по заказу: лето выдалось теплое, дожди прошли вовремя.

Во избежание потерь хлеб убирали не жаткой, а вручную, серпами. Подсохшие снопы сносили под навес — что-то навроде гумна. Там молотили березовыми цепами, сушили, веяли на ветру. Очищенное зерно ссыпали в клетки.

Собранный урожай подтвердил, что рожь здесь родится на славу. Поэтому всю осень расширяли посевной клин.

Хотя рядом с монастырем никто не жил и его обитатели ни с кем не общались, до якута Сафронова уже на следующее лето долетел слух о том, что Лешак организовал артель, растит хлеб и собирает знатный урожай. Прежде Василий в монастырь ездил редко — какой смысл забираться в такую даль к одному покупателю, но тут решил заглянуть, проверить, верно ли, что у старика имеется зерно. К тому же подошло время вести заказы в гарнизон к Лосеву, а от него до монастыря всего дня два, самое большее — три.

ЗОЛОТО АЛДАНА

При виде стоящих на жнивье плотных снопов с тугими тяжеловесными колосьями у Василия загорелись глаза. Он аж крикнул — жители окрестных наслегов постоянно страдали от нехватки хлеба.

Каково же было его удивление, когда из тягуче проскрипевших ворот к нему вместе с Лешаком вышли старые знакомые, про которых подполковник Лосев говорил, что они уплыли к морю.

Линии жизни офицеров и купца сошлись во второй раз. Белогвардейцев приход Василия обрадовал: хоть и плут, зато не выдаст и все, что закажешь, доставит.

— Смотрел ваши поля, такой хлеб нигде нет. Думал, хорошие хозяева появились. Думал, кто такие? Гляжу — старые друзья, — радостно протягивая обе руки для приветствия, елейным голосом лепетал якут. — Ваши степенства, давайте вы мне зерно, а я вам мануфактуру или что еще — все привезу. Куды черт, как хорошо всем будет. Вы знаете, Василий Сафронов — хороший человек.

— Торговать мы не против, токо ты у этих стен чёрта боле не поминай, здесь святая обитель, — ответил за всех Лешак.

Первым делом решено было купить лошадей — без них целины много не поднимешь. Еще коз, кур. А в следующий приезд, по просьбе ротмистра, якут доставил небольшой токарный станок с ручным приводом для изготовления резных и точеных изделий из дерева. Во дворе под навесом установили кожемялку.

Торговля набирала обороты. Якут заказывал муки, зерна, особенно овса для лошадей все больше и больше. Эти товары пользовались постоянным спросом не только в якутских наслеггах, но и у оленных тунгусов.

Чтобы не возить зерно, Василий открыл лавку на месте слияния двух речушек, на полпути между гарнизоном и монастырем, где проходили постоянные тропы кочевников, и поселил там своего человека.

Жизнь в монастыре налаживалась, но самая главная проблема, из-за которой, собственно, офицеры и покинули гарнизон, оставалась нерешенной: мечты о семейной жизни так и оставались мечтами. Появилась надежда найти невест у староверов, но сколько ни просили якута открыть к ним дорогу, он каждый раз твердил одно: «Василий не может. Василий слово дал». На самом деле якут боялся, что монастырские узнают цены, по которым он привозит товар скитским.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Отправляясь за покупками в лавку, монастырские иной раз заезжали в гарнизон, к лосевцам. Встречи с боевыми соратниками хотя и были желанными, но еще больше обостряли тоску по семейной жизни: те уже имели по двое-трое детей.

В гарнизон старались ездить на Троицу: посев закончен, а сено косить время не пришло. А скучавшие по земле казаки из гарнизона в монастырь приезжали на уборку: помогали жать и обмолачивать хлеб. Работали они с удовольствием — в их буреломной тайге негде было ни сеять, ни косить. Их жёны-якутки по заказам монастырских шили из выделанных шкур украшенные узорами унты, кухлянки.

Уже после первого посещения лосевцев приметливый есаул поделился со штабс-капитаном:

— Слушай, Николай, мне показалось, что жена Лосева на Василия стала похожа. Когда в гарнизоне жили, не замечал, а сейчас смотрю — одна колодка.

— Точно — похожи. Не дочь ли она ему?

— Кто ж этих аборигенов разберет. Я слышал, они своих жен, если видят, что мужик видный, сами в постель предлагают. И считают это не грехом, а проявлением гостеприимства.

Обладая редкой изворотливостью, Василий Сафронов долгие годы умудрялся скрывать от властей существование сети таежных лавок, устроенных им в местах пересечения основных кочевых путей эвенков. Почуяв, что тучи все же сгущаются, он поступил просто: договорился с начальником районной милиции, и тот за приемлемое вознаграждение стал смотреть сквозь пальцы на сигналы о незаконной торговле и скупке якутом золота, мягкой рухляди.

* * *

Довольно быстро монастырская община превратилась в крепкое хозяйство со строгой дисциплиной, поддерживаемой авторитетом старца Алексия — Лешака. В стенах монастыря нашли приют несколько беглецов из Алдан-лага. Как будто Богом ведомые, бежав из мест заключения, они шли в верном направлении, и те, кто выжил в дороге, выходили прямо к монастырю. Казалось, невидимый свет

ЗОЛОТО АЛДАНА

озарял это место, притягивая к себе искавших правды и даря им безопасный кров.

Горный инженер из числа беглых, обнаружив на склоне монастырского холма выход медной руды, соорудил плавильную печь и из полученного металла стал отливать в дополнение к деревянной посуде и медную. Заодно освоил и кузнечное дело. Василий доставил ему наковальню, и теперь от печи нередко несутся перестук молотка — глухой и мягкий по меди и звенящий по наковальне.

С приходом зимы тунгусы начинали перегонять стада оленей в соседние долины. Алексей с Антоном ездили к ним, беседовали, старались обратить спустившихся с гор кочевников в православие, приглашали в гости. Новообращенным, прошедшим обряд крещения, Лешак собственноручно вешал на шею медный крест, отлитый здесь же, в монастыре.

Один эвенк, крещеный Владимиром, через несколько дней вернулся и попросил еще один крест.

— Пошто тебе второй?

— Старый гвоздь ковал. Новый давай, только толстый давай. Худой, как юкола, не давай. Христос надо толстый, как наш сэвэки. Такой долго живи, эвенку долго помогай.

— Владимир, ты же по своей воле крестился, а продолжаешь поклоняться идолам. Нехорошо!

Эвенк сердито глянул на Лешака:

— Христос на небе. Как проси добычу? Сэвэки рядом, всегда можно проси. Христа хорошо только гвоздь делай.

Лешак улыбнулся, а стоявший поодаль есаул возмутился:

— Отец, что проку крестить дикарей? Живут одним днем, о душе не думают, о будущем не заботятся. Одно слово — цыгане!

— Отвечу притчей. Старик сажает яблоню, а сосед удивляется: пошто сажаешь, ведь тебе не дожить до плодов? Тот говорит: зато внуки поедят и вспомнят обо мне. Так и тут: коли мы хотим приобщить этих людей к православию, семена засеять надобно уже сейчас. Оне хоть и язычники, а посмотри — живут-то по-божески. Не вороваты, не коварствуют. Добро помнят всю жизнь и платят тем же. Чем не православные? В Библии сказано, што возле каждого человека летают два духа: ангел и демон. Оттолкнув этого дикаря, мы лишь поспособствуем диаволу.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Один из беглых, старообрядец Зиновий из знаменитой на всю Россию Поморской общины, оказался иконописцем. Он в тонкости владел традицией византийской школы, любовно передававшей через иконы высокодуховные идеи человеколюбия не посредством внешней яркой красоты, а глубоким внутренним содержанием.

Иконы Зиновий писал на досках темперой — красками, в которых связующим веществом является эмульсия из воды и яичного желтка. В качестве пигмента-красителя использовал растертые камни, глину, сажу. Написанные темперой образа отличались стойкостью и сохраняли первоначальную свежесть значительно дольше, чем писанные маслом.

Теперь старец Алексей-Лешак вручал семьям новообращенных вместе с крестами и образ покровителя монастыря — Сергия Радонежского.

* * *

Монастырские уважали и почитали старца, да и небеса благоволили ему. Ибо в Писании сказано: «...на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведников, не имеющих нужды в покаянии».

В свои годы он был бодр, энергичен и зело здрав умом. А в знании догматов православия почти сравнялся с Антоном Хлебниковым. И когда стали решать, кому быть настоятелем, офицеры всем обществом попросили его принять сей сан.

— Рад бы в рай, да грехи не пускают. Дабы наставлять, я обязан сперва очистить свою душу. Для того надобно исповедаться перед законным духовным лицом, получить у него благословение и рукоположение.

— Где ж такого в нашей глухомани взять?

— Есть один человек, который мог бы в этом деле помочь — наставник Варлаамовской общины. Григорием его кличут, в миру ажно профессором богословия был. А до того могу быть просто старшим.

— Погодите, а как фамилия того профессора? — заинтересовался штабс-капитан.

— Не ведаю. На пошто она мне?

— Ну, хорошо, опишите, как он выглядит?

— Высокий, борода черная, нос острый...

— На щеке шрам?!

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Как то разберёшь — борода густая, не видно.

— Господа, не исключено, что это мой брат! Его зовут Григорием, он тоже профессор теологии.

— А что удивляться? Место у нас такое — хороших людей собирает. Будет на то Божья воля — свидишься. Тогда и узнаешь: он али не он, — рассудительно заключил Лешак.

ТРАГЕДИЯ В ГАРНИЗОНЕ

1936 год.

В один из прохладных августовских вечеров, когда братия отдыхала после жатвы, в монастырь явились два изможденных отрока с собакой. Младший Тимоха — белобрысый, медлительный, добродушный увалень, старший Игорка — чернявый, подвижный, обходительный. Офицеры не сразу признали в них сыновей Лосева — так сильно исхудали.

Мальчиков усадили за стол и напоили настоем брусены с хрустким, еще тёплым хлебом. Поев, ребята поведали о жуткой трагедии, постигшей гарнизон.

Подполковник Лосев никому не позволял покидать окрестностей гарнизона, но жена Шалого, Ульяна, упростила-таки мужа тайно съездить навестить родителей, живших в улусе. Чтобы их не искали, сказали, будто уходят ставить промысловую избушку за перевалом. Мол, зимой попытаем счастье на новом участке — золото в ключах и речушках иссякло и теперь, чтобы выменивать у Василия товар, лосевцам приходилось активно добывать пушнину в дальних отрогах.

Проведали, порадовали стариков и рано, едва начало отбеливаться утро, собрались было обратно, а у дверей их три красноармейца уже поджидают.

— Бог — на дорогу, Никола — в путь, — издевательски сказал один из них, щелкнув затвором нацеленной на казака винтовки. Это было настолько неожиданно, что Шалый даже не успел выхватить из-за ремня наган. Когда их вели к сельсовету, он сиганул в табун лошадей и, вцепившись в гриву подвернувшегося жеребца, вскочил на него. Обезумевший от внезапности конь с места понесся размашистым галопом через луговину. У леса вскинулся свечой и скинул непрошеного

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

всадника. Коснувшись земли, Шалый привычно перекувыркнулся и под свист пуль, петляя, как заяц, непостижимым образом вбежал в спасительные заросли, но в этот миг в затылок острым жалом впиалась свинцовая смерть.

Ульяна на допросе рассказала все без утайки. Донесение о скрытном военизированном поселении белогвардейцев в тот же день ушло в город. Оттуда без промедления прибыл кавалерийский полуэскадрон, имевший приказ уничтожить вражье логово.

Взяв с собой Ульяну, красные после долгой и изнурительной дороги подступились к обнесённому крепким заплотом гарнизону. Операцию спланировали на самое глухое время — перед рассветом, но, услышав взбреднувших одна за другой собак, поняли, что взять беляков врасплох не удастся. Стали думать, как выманить их за ограду, на открытое место.

Обследовав округу, решили, что самый надёжный и безопасный способ — как рассветёт, поджечь баню, стоящую на берегу ключа, как раз напротив ворот: белые увидят дым и выбегут тушить, а тут...

Пулеметчики залегли у тропы, ведущей к бане, а остальные окружили поселение. Действительно, как только над баней за клубился чёрный дым, из ворот выбежали мужики с ведрами. Навстречу им полетел свинцовый град...

Брившийся в это время Лосев, услышав такание пулеметов, схватил карабин и кинулся во двор. Увидев, что из леса выбегают красноармейцы, подполковник тут же запер ворота и закричал во все горло: «Лихо, лихо!» В гарнизоне все знали, что это слово-команда означает. Побросав все, женщины с детьми кинулись к тайнику. Сам же подполковник, став расчётливым, как машина, поднялся на чердак, где для такого случая были приготовлены карабины и боеприпасы с гранатами. Через слуховое окошко первым же выстрелом уложил красноармейца, пытавшегося перелезть через ворота...

Перестрелка длилась уже несколько часов! Следует отметить, что подполковник еще с кадетского училища славился тем, что стрелял без промаха. Фронтоны из толстых лиственничных плах надёжно защищали его от пуль. И все же одна прошила шею. Истекающему кровью Лосеву придавало силы сознание того, что он остался единственным защитником гарнизона.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Когда с чердака перестали огрызаться, красные гранатами разворотили ворота. Зашли в дом. Никого. Стали осторожно подниматься на чердак.

Подполковник, привалившись к стропиле, сидел в луже крови. Отколота пулей щепка рассекла лоб, и алая струйка стекала по недобритой щеке. Облизывая пересохшим языком губы, Лосев вслушивался в приближающийся топот ног, прерывистое дыхание врага. Понимая, что прицельно выстрелить уже не удастся, он нащупал гранату, выдернул чеку и бросил ее в проём лестницы, и до взрыва успел привести в рабочее состояние вторую...

Уцелевшие красноармейцы, обшаривая избы и подсобные строения, случайно, по приглушенному плачу грудничка, обнаружили хорошо замаскированный тайник. Из него вывели перепуганных женщин и ребяню, всего семнадцать душ. Командир тем временем приказал обыскать убитых беляков.

Когда бойцы направились к лежащим на тропе телам, на них из кустов вылетели четыре волкоподобных пса. Злобно рыча, они набросились на чужаков. Одна из собак, повалив красноармейца, разорвала тому горло. Началась суматоха. В этот момент жена Лосева, Соня, загородив собой сыновей, шепнула им: «Бегите в монастырь».

На отчаянные крики отбивавшихся от псов красноармейцев прибежало подкрепление. Стрелять в мечущихся среди людей собак было рискованно. Солдатам приходилось ловить момент, чтобы колоть штыками. Остервеневшие псы, даже смертельно раненные, не разжимали челюстей. Рычали, визжали, но не от страха, а от ярости. Когда добились последнего, два залитых кровью бойца остались лежать на земле без признаков жизни. А у троих оказались разодранными до кости ноги и руки. Перевязывая и усаживая на тачанку раненых, красноармейцы удивлялись:

— Не собаки, а звери! И откуда они взялись? А живучие какие! Одну так и не удалось прикончить. Убежала, гадина!

Взбешенный потерями командир карательного отряда приказал расстрелять все «белое отродье» подчистую. Не пощадили ни наводчицу Ульяну, ни детей...

Сложив на вторую тачанку погибших товарищей, понурые бойцы двинулись в улус — победа больше походила на поражение.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Дом Лосева, гневно пылая, уносил в небо вместе с дымом душу русского ратника, для которого честь была дороже жизни. Прав был он или ошибался — сказать трудно: не существует одной всеобъемлющей истины. Лосев просто честно исполнял то, что повелевали долг и присяга.

В своем последнем бою он нанес немалые потери неприятелю: убил семерых, четверых ранил. Да еще собаки двоих загрызли.

— Метко, сволочь, стрелял, все пули в голову, — сокрушался командир эскадрона, проезжая мимо тачанки с убитыми...

Сыновья Лосева, отбежав, затаились в небольшом овражке, густо заросшем молодыми ёлочками. Красноармейцы не могли видеть их, зато ребята видели всё.

Потрясенные, дрожа от страха, они сидели в своем укрытии до тех пор, пока не опало пламя от горящих домов гарнизона. Только тогда, размазывая слезы по чумазым лицам, побрели мальчики на восток. Знали, что монастырь где-то там, но идти по тропке, ведущей к нему, побоялись — опасались встретить красных. Шли по чащобе. Вскоре их нагнал израненный, прихрамывающий кобель Грозный. Ребята сразу почувствовали себя уверенней — с таким защитником никто не страшен.

Питаясь поспевшей голубикой и съедобными кореньями, ребята долго плутали по тайге, но никак не могли выйти к речке, у которой стоит монастырь. С каждым днем все сильнее мучил голод. Пес иногда ловил выпархивающих из-под ног куропаток и приносил их к ногам мальчиков. Те поначалу брезговали есть сырое мясо, но, оголодав, рискнули. К монастырю вышли лишь на восьмые сутки...

Дослушав рассказ, потрясенный ротмистр Пастухов обнял братьев:

— Ваша матушка — умница! Под стать отцу.

— Они и сами молодцы — добрались до нас, не ведая дороги! — похвалил Лешак и добавил: — Каковы корни, такова и крона.

* * *

Кровавая расправа над гарнизоном обеспокоила монастырских. Вечером штабс-капитан с есаулом долго обсуждали это событие.

— Каратели и к нам могут нагрянуть. Хорошо, что Ульяна про монастырь толком не знала и, похоже, смолчала, — сказал Тиньков.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— А вдруг что сболтнула?

— Не исключено. Но у нас очень удачное для обороны расположение: к монастырю невозможно подойти незамеченным — всё окрест, как на ладони.

— И что с того? Ну, засечем красных — а куда от них по нашим полям бежать? Перестреляют, как гусей во время линьки. И в монастыре не отсидишься — рано или поздно выкурят.

— Можно прокопать подземный ход по гривке, к соседнему холму и устроить там схорон. Снесем туда заблаговременно продукты и часть боеприпасов. В случае опасности там и отсидимся, — предложил ротмистр.

— Задумка интересная, но первым делом следует установить круглосуточный дозор, а ворота укрепить. Обить, к примеру, медными пластинами.

* * *

Узнав от монастырских о трагической судьбе гарнизона, Василий изменился в лице, часто заморгал, отгоняя слезу. Все решили, что он стухнул. Одно дело — контрабанда, а сотрудничество с белогвардейцами — это уже явное пособничество врагам народа. За такое сразу расстрел. Только есаул да, может быть, еще штабс-капитан догадывались об истинной причине его расстройства.

Якут закрыл свою лавку, часть товаров отдал монастырским в уплату за зерно, а остальное вывез в надежное место. Сыновей Лосева одарил с несвойственной щедростью: дал каждому по две пары сапог, охотничьи ножи и зачем-то сбрую для коней. Всех удивило то, что этот скряга оказался способен на вполне человеческие поступки.

— Лисица притворяется мертвой, чтобы наверняка схватить добычу, так и купец притворяется добрым, чтобы с выгодой чего-то получить, — по-своему оценил необычайную щедрость якута ротмистр Пастухов.

— Василий, ты бы и нам чего-нибудь презентовать, — попросили братья Овечкины.

— Вы пара — два сапога. Вас Бог и так уже одарила, куда больше, — отмахнулся купец.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Между тем причина его щедрости была проста — Игорь и Тима были его внуками. Свернув торговлю, Василий, через влиятельных друзей, получил в улусе должность начальника райторга, вступил в партию и вскоре стал одним из самых уважаемых людей в районе — «товарищем Сафроновым».

Трагическая гибель единственной, хоть и незаконной, дочери ошеломила торговца. Зачем он и в дождь и в снег мотался, не жалея себя, по тайге, стараясь доставить заказанный товар? Зачем богатство копил? Кто это оценит, кто поблагодарит? Даже внукам он не мог открыться. Не мог сказать, что он их родной дед. Правда, худой, ласковый, с сияющими, как у теленка, глазами, Тимоха у деда симпатии не вызывал — простодыра. Зато к крепышу Игорю всегда испытывал нежную, спрятанную от посторонних глаз, любовь. По нему он особенно скучал.

Через два года, взяв отпуск, Василий тайно отправился в монастырь. Встретившись с Игорем, предложил ехать с ним в улус по документам сына дорожного смотрителя. А оттуда по направлению — сразу в город, в училище советской торговли или, если удастся договориться, на милицейские курсы.

Парнишка не понимал, почему именно его решил облагодетельствовать якут, но согласился, ибо уже знал, что ему, сыну белого офицера, все дороги закрыты, а перспектива всю жизнь скрываться в монастыре его не прельщала.

Никто не знал, о чем якут говорил с Лешаком, но старец сам помог собрать мальчонку в дорогу и благословил его. После их отъезда в монастыре пропал серебряный наперсный крест, украшенный цветными камнями. Хватились пропажи на вечернем правиле. Лешак вспомнил, что он выходил с ним перекрестить в дорогу Игоря. Потом положил крест на скамью у входа в монастырь, брал ли его в руки еще раз, запямятовал. Все обшарили — крест как в воду канул.

СКИТНИКИ В МОНАСТЫРЕ

Пути-дорожки Лешака и Корнея редко пересекались, но их признанные чувства друг к другу от этого не слабели. Между ними существовала какая-то незримая духовная связь. Они мысленно общались,

ЗОЛОТО АЛДАНА

советовались, спорили — и у каждого было ощущение, что собеседник слышит и понимает его.

В это лето Корней особенно часто вспоминал старика — какая-то сила тянула его туда. И, когда в каждодневных делах наметилась передышка, он обратился к отцу:

— Дозволь, тятя, проведать Лешака, может, помощь какая ему надобна — стар ведь.

— И то верно, давненько не хаживали. Сходи, спроведай. Я с Григорием сегодня же обговорю¹. Заодно сольцы принесешь.

Знакомая дорога заняла у быстрогого Корнея всего два дня. Уже на утро третьего ему открылся памятный холм с крестами над строениями. Но что это?! На месте обширного луга волновались на ветру уже чуть подернутые желтизной квадраты полей. На склоне паслось стадо невиданных, похожих на кабарожек животных, с длинной шерстью, с острыми рожками и большим выменем. Ворота монастыря сияли медью.

— Неужто новые хозяева? — встревожился скитник. — Странно, сердце плохого не чуяло иное.

Корней в замешательстве остановился, постоял перед воротами, и, наконец собравшись с духом, осторожно отворил их. Во дворе тоже все было по-новому: прежде заросший кустарником, он был покрыт ровным травяным ковром. От строения к строению вели присыпанные речной галькой дорожки. Боковые навесы плотно забиты аккуратно сложенными березовыми поленьями. На веревках сушится белье, в том числе дюжина мужских порток. «Должно быть, и впрямь новые хозяева!»

Цепляясь за последнюю надежду, скитник решительно толкнул дверь келарни², в которой прежде сживали с Лешаком.

За столом перед чашей с дымящейся кашей сидели двое незнакомых мужичков с совершенно одинаковыми бесцветными лицами.

¹ Следует заметить, что у староверов на всё необходимо испрашивать разрешение старшего. Сыну у отца, деда, а дочери — у матушки либо бабушки. Даже на обычные и повседневные дела они просили: «Позволь, батюшка, поколоть дров», «Дозволь, матушка, сходить по ягоды».

² Келарня — кухня, обычно совмещённая со столовой, в старообрядских монастырях.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Обернувшись на скрип, они, вытаращив глаза, спросили тонкими бабьими голосами:

— Как ты зашел?

— Через ворота, а как иначе? — пробормотал ошеломленный их сходством Корней.

Те переглянулись: выходило, что они нарушили установленный порядок и не задвинули засов, когда выпускали братию на работы.

Скитник наконец сообразил, что перед ним единоутробные близнецы и, пожелав «Ангел за трапезой», перекрестился двумя перстами, чем враз выдал себя.

— Ты из раскольничьего скита? — спросил, несколько успокоившись, тот, что сидел ближе.

— Правильней сказать — староверческого, а еще правильней — старообрядческого. Раскольники — это те, кто изменил вере. А у нас кака при прародителях была, такова и есть по сей день, — не преминул поправить Корней.

Заметив, что недовольные назидательностью его пояснения незнакомцы нахмурились, добавил:

— Мне б Лешака.

— Так нет его.

Увидев, как переменялось лицо гостя, успокоили:

— Он на протоке, вентеря проверяет. Скоро должен быть.

У Корнея отлегло — слава богу, жив старик!

— Сударь, вы бы присели, поели с дороги, а я за старцем сбегая, — неожиданно предложил Владислав. Его брат Всеволод придвинул гостю горшок с кашей. Корней снял армяк из своедельщины, достал из котомки деревянную миску. Переложив в неё рассыпчатой каши, прочитал очистительную молитву и только после этого приступил к сдержанной трапезе.

Нарушая затянувшееся молчание, Всеволод поинтересовался:

— А не из того ли вы скита, откуда старец все гостей ждёт?

— Так он ждет? — обрадовался Корней. — То-то я почувствовал, что надо идти.

— Мы и сами к вам в гости хотим за невестами.

Корней удивился такой бесцеремонности, но промолчал. Больно странными показались ему эти люди.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— А вы что, давно знакомы со старцем?

— Почитай с малых лет.

— Про вас, староверов, мы слышали много хорошего, но считаем пустым спор о том, какое знамение Богу угодней: в два перста либо в три.

— Извините, но у вас однобокое представление. Суть староверья не столько в защите обрядов, сколько в защите самого православия от чуждых нововведений, заимствованных с иноземных образцов.

— Ишь ты, как загнул! — оторопел Всеволод. — А вон и наш дедушка!

Лешак сразу признал Корнея — годы не ослабили ни памяти, ни зрения, да и сам он не изменился, лишь морщины еще глубже пробороذили лоб, и еще гуще заросли на носу и лбу веснушки.

— Здравствуй, радость моя!

Друзья обнялись, поликовались.

— Как ваше спасение? — справился Корней.

— Слава богу, грех жаловаться, — засмеялся Лешак во весь беззубый рот.

— Рад, что вы в добром здравии. Поначалу встревожился. Думал, новые хозяева тута — так все переменялось.

— И новые есть, тока не хозяева, а соартельники. У нас ведь теперича здесь артель. Сельскохозяйственная! Меня в старосты определили. Хлеб растим, скот держим. Школу вот для тунгусских мальцов открыли. Мечтаем ишо и монастырь возродить, штоб все, как прежде, было.

— Монастырь?! Чудно! Пошто вам монастырь? Вы ведь безбожник, — не сдержал удивления скитник.

— Учись своим умом до причины доходить. Всё спрашивают тока неразумные дети, а зрелые мужи должны сами находить объяснение. На то голова им дана. А когда все осмыслишь, то поймешь не только это, но и многое другое.

Корней, слушая столь витееватую речь, едва сдерживал смех.

— Не обижайся, дружок. Блеснуть захотелось ученостью. Прости, Господи, грех стяжания славы человеческой, то бишь тщеславия. Кстати, Корней, ты в самый раз явился — праздник сегодня — Рождество Иоанна Предтечи. Вечером начнем всенощную. Мы всё, как

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

в старых книгах писано, делаем. Службы наладили и на клиросе голоса редкие подобрались. Как говорит поручик — «абсолютные октавы». Слушаешь, и кажется, душа воспаряет.

Корней смотрел на старика с изумлением. Весь его облик излучал безмятежную радость и какую-то неожиданную просветленность. Тем временем подошли остальные монастырские. В трапезной стало тесно, шумно.

Расспрашивая о скитских новостях, Лешак в первую очередь поинтересовался, как поживает наставник — больно запал тот ему в душу. Штабс-капитан, услышав имя «Григорий», встрепенулся:

— Господин хороший, вот вы сейчас говорили о своем наставнике, его фамилия, случаем, не Тиньков? — обратился он к Корнею с надеждой.

— Верно, Тиньков. А вы откуда знаете?

— Боже милостивый, сердце не обмануло!!! Это точно мой брат! — вскочил со скамьи штабс-капитан. Волнуясь, обращаясь ко всем и к каждому по отдельности, сияя, он повторял:

— Мой брат! Мой брат нашелся! Я чувствовал, чувствовал, что он жив! Ещё восемнадцатом году известили, что утонул, ан нет — жив!

— Верно, отец Григорий рассказывал нам, что, когда они бежали из города на лодке, она перевернулась и его напарник утоп, — подтвердил Корней.

— Сударь, вы когда обратно? Я с вами!

— К нам в скит без дозволения наставника невозможно.

— Он же мой брат! Разумеется, дозволит!

— Все одно, невозможно в скит. По уставу следует сначала получить дозволение. Я передам наставнику о вас. Какое решение он примет, так и будет.

— Вот тебе на! Брата нашел, а вы: невозможно, невозможно! — рассердился Тиньков и с надеждой глянул на старца.

— Я што? Я предупреждал — у них дюже затворный скит. Пока сам не придет, вряд ли увидишь, — подтвердил, сопя в бороду, Лешак.

Дежурившие по монастырю братья Овечкины еще днем украсили стены моленной свежими цветами, отчего в помещении стоял аромат лета. Служба началась в полумраке — горели лишь две лампадки перед ликами Христа и Богородицы в нижнем ярусе божницы, а в небольшие оконца сумеречный свет почти не проникал.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Пели на два голоса и очень протяжно: каждое «Господи, помилуй» длилось не меньше минуты. Над густым баритоном есаула, взлетая ввысь, трепетали дисканты близнецов. Слова как бы утрачивали свою самоценность — казалось, что это души собравшихся славят Бога, и в этой абсолютной радости и трепетной любви одних только слов было уже недостаточно. Завораживающие звуки молитвенного пения, переплетаясь, неслись к высокому потолку и улетали в небо, к Престолу Творца.

Красота пения так тронула Корнея, что на глазах непроизвольно выступили слезы. Вспомнились слова деда Никодима: «Петь во время службы надо так, чтобы слова завораживали слух, а содержащаяся в них истина сама проникала в сердце».

Вечерня завершилась литией, затем началась полунощница, перешедшая в заутреню. Шестопсалмие читалось уже по книге — не успели выучить на память.

К утру начала давить усталость. Кое-кто сел на боковую скамью. Только Антон со старцем да есаул Суворов с Корнеем стояли и пели до тех пор, пока первый солнечный луч из узкого восточного оконца не озарил помещение. Прозвучали слова: «Слава Тебе, показавшему нам свет. Аминь», и служба завершилась. Спать не хотелось. Все чудилось, будто вокруг продолжает звучать божественное песнопение.

* * *

Вернувшись в скит, Корней поведал наставнику о том, что Лешак жив-здоров и, Божьей милости сподобившись, богоугодные дела вершит: праведником стал, артель с пришлыми белогвардейцами организовал. Зерно растят, монастырь в порядок привели. На него теперь любо-дорого смотреть.

— Вот уж воистину — велика сила человека, возлюбившего Творца, — подивился нежданной вести Григорий.

— У них там такие перемены! Не вразум даже, как столь малым числом сумели столько свершить. И Лешак так ловко пришлыми управляется — не командует вроде, а они с полуслова слушают. Хотя, по-всему видать, народ породистый и с норовом.

— В том-то и секрет, что надобно помене управлять. Главное, самому быть примером и жить по совести.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Замыслили лечебницу открыть, а в прошедшую зиму школа для эвенкийских детишек уже работала. А еще — не поверите, большое стремление имеют монастырь возродить как староверческий, чтобы все, как прежде, стало. И Лешак всё злато, что за эти годы намыл, на сие богоугодное дело кладет.

— Многомудрое решение: кто смог отказаться от излишеств, тот предостерегся от лишений. Ведь само по себе богатство не приносит счастья, ибо счастье и Божью благодать в полной мере можно ощутить, только делясь с другими. Это то же самое, если ты один любишь на что-либо — это не полное счастье, а когда рядом с тобой любит еще кто-то и ты можешь ему сказать: посмотри, какая красота! — вот это истинное, полной меры счастье. Потому как, складываясь, чувства каждого усиливаются.

Весть про брата Корней берег напоследок. Завершив повествование о монастырских делах, он произнес нарочито равнодушным тоном:

— И лично для вас новость есть.

— Говори.

— Нашел я в монастыре одну вашу давнюю потерю.

— Так я там вроде ничего не терял.

— Брата вашего, Николая, нашел!

— Как ты мог его найти в монастыре, в наших краях, когда он в Гражданскую под Читой погиб? Я тогда еще в Иркутске преподавал.

— А вот нашел! Жив-здоров ваш брат. Он тоже вас считал погибшим.

— Вот те на! — Григорий даже осел на лавку от изумления. — Не зря мне мстилось, что он рядом где-то. Смотри-ка, сердце не ошиблось.

— Брат с вами свидеться мечтает, а остальные исповедаться, Лешак — в первую очередь. Посему очень просят вас не отказать, прийти. Хотят также получить ваше благословение на восстановление монастыря и пройти миропомазание в древлеправославную веру.

— В таком святом деле отказа не будет, — возрадовался наставник.

— Имеется, у них еще одна нерешенная проблема: мечтают о семьях. Хотели бы после переправы наших девчат сватать.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Тоже похвально! Нынче на выданье пять девок, а парней нехватка. Кто-то в вековухах¹ может остаться. Так что прямой резон породниться. Исповедаю, совершу миропомазание, а там и в скит их можно будет пригласить на смотрины.

— Когда полагаете отправиться?

— Откладывать не будем. Растянешь дело — снег ляжет. Да и брата поскорей увидеть хочется. Готовься через два дня на третий.

Григорий хоть и крепкий мужчина, но ему уже семьдесят, и было решено ехать на оронах². Пригнанные много лет назад из стойбища Агирчи, они так и держались в окрестностях скита. За это время разросшееся стадо изрядно одичало, но людей подпускало.

* * *

Стоящий в дозоре Антон Хлебников вышедший из ельника караванчик приметил сразу. Поначалу подумал: эвенки едут — и удивился, не приключилось ли чего? Прежде летом их не бывало. Но, когда олени стали пересекать сжатое поле ржи, он, наведя полевой бинокль, в одном из наездников признал Корнея. Юнкер тут же спустился с вышки, пристроенной к каменной стене, и оповестил товарищей о приближении долгожданных гостей из Варлаамовского скита.

Бывавший в монастыре Григорий, несмотря на то что уже был подготовлен рассказом Корнея, не мог скрыть изумления от увиденного. Особенно восхитило его количество снопов на полях.

— Чувствуется рука брата. Любит он землю, и чтобы было много и красиво. Гляди-ка, часть пахоты под паром — тучность набирает. Грамотно... грамотно дела ведут! По-хозяйски! Молодцы! Иначе не скажешь, — восторгался он, оглядывая новую, преобразонную любовным трудом панораму.

Встречать дорогих гостей вышли все. Штабс-капитан Тиньков не утерпел и побежал навстречу. Обнимая, тиская брата, чуть не сломал ему рёбра.

— Господи, счастье-то какое! Неужто ты? Не чаял... не чаял, что на этом свете свидимся.

¹ Вековуха — оставшаяся в девичестве не по обету, а по воле случая.

² Орон (эвенк.) — домашний олень.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Так и я тебя похоронил, а видишь, как Господь распорядился: оба живы и встретились

Лица братьев светились от счастья.

— Долго будете обниматься? — бурчал довольный Лешак. — Что стоять посередь поля? Идёмте в монастырь, будет ещё время поговорить.

Григорий, считавший, что «где пиры, там немочи», ел совсем мало. Правда, попробовал все, чтобы не обидеть хозяев. Попотчевав гостей, Лешак со штабс-капитаном провели их по монастырю. Показали чистый хлев, устланный соломой, ток с горой обмолоченного зерна, курятник, кожемялку, медеплавильную печь, кузню, мельницу на берегу протоки; амбар, заставленный мешками муки крупного помола.

Восхищению Григория не было предела.

— Дивны ваши дела, ой как дивны! Сколько же человек в артели? — осведомился он у Лешака.

— Сколь? Кажись, четырнадцать! Я, семеро из офицеров, один отрок да пять приживальцев со стороны. Осенью тунгусы привезут детишек на учебу. Тоже помощники. В прошлую зиму двенадцать обучалось. Просятся и отроковицы, но женский пол не берем.

— В нашем скиту народу поболе, но не могу похвастать таким обилием богоугодных деяний. Безмерно порадовали вы меня.

— Слава Создателю, помогает Милосердный. И сотоварищи премного трудятся, на редкость грамотны. От них учусь, — промолвил польщенный Лешак.

— Так они ж офицеры! Люди чести и долга. Элита России во все времена, — с гордостью молвил Григорий. — А что касается Божьей помощи — нельзя что-либо получить, не давая ничего взамен. Стало быть, и вы Бога возлюбили и по его законам живёте.

— Стараемся, батюшка.

— Со слов Корнея знаю, что имеете стремление возродить здесь, как прежде было, старообрядческий монастырь. Как себе это представляете? Ведь вы в никонианской вере.

— Потому и призвали вас. Желаем вернуться в лоно перво-родного православия и жить по нему до скончания века. Душой-то мы его давно приняли, богослужение, как прописано в старой «Минея Месячной», ведем. И мальцов по старопечатному Часослову обучаем,

ЗОЛОТО АЛДАНА

память создателей монастыря не гневим. Но меня не покидает тревога: не грешим ли? Ведь мы, почитай, самозванцы — служим-то без законного благословения. А дюже хочется, штоб по чину все было. Вы уж помилосердствуйте — проведите миропомазание в стару веру — Лешак говорил медленно, стараятельно подбирая слова, чтобы, не дай бог, наставник не отказал.

И вижу, и слышу, что всем сердцем стремитесь вы к первоисточной, древлеправославной вере, потому, хоть и не имею должного на то сана — старших иерархов нам неоткуда призвать, с превеликой радостью и переправу совершу, и благословлю на Христову службу. Ведь святые отцы Церкви заповедовали считать братьями всех, кто читает молитву «Отче наш» и признёт Бога своим Отцом. Собственно, все мы братья и сестры по Адаму.

С утра в бане помойтесь, оденьтесь в чистое. После исповеди, даст Бог, на речке, в проточной воде, переправу и сотворим. Говорите, четырнадцать вас, а все ли готовы?

— Да не всем надобно. Из пятерых прибылых четверо с рождения старой веры. Стало быть, наших семеро, отрок и один прибылой. Всего девять. Народ серьезный, к вере большую ревность имеет... Есть, отец Григорий, один вопрос, не знаю, как вы расцените его. Грех на себя взял — крестил зимой эвенкийских детишек. Можно ли их считать староверами?

— А по какому чину крестил?

— Как в наставлении сказано, и три полных погружения в проруби содеял.

— Такое не допускается, но и не осуждается, коли иных посвященных нет. Важно то, что обряд не нарушен и крестили с чистыми помыслами... Лешак, простите, отец Алексей, вы сказали, что ваших будет семеро, а вас я видел восемь. Вы верно посчитали?

— Верно — семеро.

— Так получается, что кто-то не желает или не готов?

Лешак замялся.

— Говори как есть.

— Брат ваш воспротивился, а отчего, не ведаю.

— Действительно, странно, — раздумчиво проговорил Григорий. — Я с ним потолкую.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Сказал ровным голосом, но по глазам и нахмуренным бровям было видно, что сильно расстроен.

Желая хоть немного смягчить неприятное для наставника известие, Лешак с гордостью произнес:

— А юнкер Хлебников жаждет монашеский сан принять. Дозволительно ли то сразу, после переправы?

— Дозволительно, но до пострижения многие искусства пройти полагается. А про себя что молчите? Слышал, общество желает вас видеть настоятелем монастыря. Вы-то сами как, готовы?

— Коли благословите, за честь почту, — смиренно опустил голову Лешак.

Банька была небольшой, посему Григорий с Николаем пошли мыться с вечера. Обнажив тела, оба расхохотались: так разительно контрастировала белая, как молоко, кожа на туловище и ногах с цветом кожи на лицах и шеях. Ровная, будто прорезанная, граница загара проходила четко по воротнику. Увидев на животе брата страшный, бугристый шрам, Григорий ахнул:

— Где тебя так?

— В Бессарабии. В рукопашной такое творилось, что и не сразу почувствовал. В памяти остался тонкий свист, да по кителю что-то резануло. Глянул — живот распорот. Слава богу, только брюшина рассечена, а целехонькие, голубоватые кишки тихонько на португею наползают. Рукой заправил обратно, ладонями зажал — да к своим. Тошнит, голова кружится, кое-как, но иду. Иногда казалось, ослеп — в глазах темно. Пришёл в себя в лазарете. Двое суток без сознания! Думали, не выживу...

Ночевать братья пошли в келью Николая. Взволнованные встречей проговорили до рассвета. Всё бродили по коридорам памяти, вспоминали разное. Тем было много.

— Николай, тебе хоть что-нибудь известно об отце? Я потерял с ним связь еще в восемнадцатом.

— Я последний раз видел его после ранения. Целую неделю прожил у него в Екатериновке. Он все горевал, что нас с тобой нелегкая носит по свету, а внуков у него до сих пор нет. Мол, старею, на кого хозяйство оставить? Поместье и тогда было в образцовом состоянии.

ЗОЛОТО АЛДАНА

И представь: в Чите в 1920-м встретил нашего управляющего. От него узнал, что имение забрали. Отец некоторое время жил в Костроме, а потом как будто уехал за границу.

— А твоя Катенька как?

— Не знаю. Когда приехал в Питер, ее там уже не было. Соседи ничего толком сказать не могли. Разыскивать не пытался — боялся навредить. Если жива, то у нее наверняка уже кто-нибудь есть. Она ж актриса и без поклонников не может.

— Но ведь Катя очень любила тебя.

— Ты знаешь, и я ее сильно любил, но война развела нас, похоже, навсегда... А ты писал про Эмилию — дочь городского головы. Что у тебя с ней?

— Представь, предложения я ей так и не сделал. Стеснялся, полагал, что не достоин и стар для столь юного создания. Сейчас понимаю, что вел себя глупо. В моем возрасте надо было быть порешительней. Она эмигрировала с родителями в Австралию. Аркадий Михайлович большого ума человек, — уже после Февральской понял, куда Россия катится — в бездну. За лето все распродал и увез мою Эмилию... Интересно, как они? Тоскуют, поди, по нашим снегам.

— Да, в феврале семнадцатого мало кто представлял, какие потрясения ожидают нас.

— Николай, ты вот все войны прошел, изнутри их видел. Расскажи, каково там было. Я не могу понять, почему армия-то против царя пошла, присягала ведь.

— А чего рассказывать? Наступаем, отступаем, окапываемся. Опять наступаем. Того убило, этого ранило. Того похоронили, этого — в госпиталь. Другого убило, меня ранило. Его похоронили, меня — в госпиталь. Подлечили и опять: наступаем, отступаем, окапываемся. Война — дело неинтересное.

— Николай, я серьезно. Для меня очень важно услышать мнение очевидца.

Штабс-капитан задумался.

— Ты знаешь, мне не очень приятно вспоминать о войне. Бесславная, бестолковая. Но раз для тебя это важно, попробую, — наконец согласился он. — После манифеста Николая Второго о войне мы были уверены, что она продлится не дольше четырех месяцев,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

да и то за пределами западной границы. Знали, что численное преимущество на нашей стороне. Но вопреки этим самонадеянным прогнозам солдаты кайзера постоянно пятили нас в глубь страны. От военных неудач и неурядиц в тылу боевой дух армии слабел. Еще бы! Десять лет назад проиграли японцам, а теперь отступали, несмотря на массовый героизм солдат и офицеров, еще и перед германцем. А все из-за бестолковщины и преступной несогласованности в работе штабов.

Приходили мысли, а не изменники ли окружают царя? К тому же сильно мешали, сковывали инициативу старые уставы. Ротные горько иронизировали: «Нам дозволено только одно — доблестно умирать». В это время в окопах появляются агитаторы, призывающие к братанию с немцами. Убеждать, что война выгодна лишь монарху и буржуям, а солдаты в ней — пушечное мясо. Осквернять понятия о родине, о воинском долге. Дисциплина упала. Одни казаки вели себя достойно и неизменно давали отпор провокаторам, несмотря на явную нелепицу войны — не отдавать же Россию немцам.

Крупный успех Брусиловского прорыва весной 1916 года встряхнул, поднял было дух армии, но ненадолго. А в конце февраля семнадцатого всех ошеломила весть: «Николай Второй отрекся от престола! Власть перешла к Временному правительству!»

Каюсь, поначалу я с радостью воспринял это известие — не испытывал особой любви к династии. Считал, что время монархии прошло. Верил, глупец, что Учредительное собрание изберет правительство, которое сумеет принять меры для достойного выхода России из войны и восстановления экономики. Тем временем на полковых митингах избирались контролеры командиров. Почти повсеместно ими стали самые активные говоруны из нижних чинов. Дело шло к двоевластию. Большинство решило: раз свобода — значит, конец войне. Агитаторы разбрасывали листовки с призывами: «Долой министров-капиталистов!», «Землю — крестьянам, фабрики — рабочим, власть — народу, хлеб — голодным». Лозунги утопичные, но солдаты купились. Рядовой состав буквально разложили агитацией. Воевать не желали. Тоже понять можно — устали, три года в окопах. Целые батальоны покидали боевые позиции, мародерствовали. Рвались домой. Нашего брата, офицеров, подкарауливали и убивали.

ЗОЛОТО АЛДАНА

А Временное правительство в это время призывало продолжать войну до победного конца. Генерал Деникин спешно создавал ударные батальоны по борьбе с анархией. Им вменялось разоружать полки, отказывающиеся наступать, расстреливать дезертиров, громить большевистские ячейки. 12 июля восстановили смертную казнь на фронте. Но было поздно — красная зараза уже глубоко пустила корни в солдатскую массу.

Девятнадцатого августа немцы прорвали Рижский фронт и заняли Ригу. Нас, офицеров, верных присяге, терзала обида: Россия может оказаться под немцем! Слышанное ли дело?! Разум протестовал, боль давила сердце. Мы и не подозревали, что уже вычеркнуты из жизни, ибо большевики для построения нового общества считали необходимым ликвидацию всех сословий, кроме низших: пролетариев и беднейших крестьян. А казачество, самую преданную самодержавию силу, владеющую к тому же богатыми земельными наделами, планировалось ликвидировать одним из первых, вместе с нами. Мы тогда еще не знали о замысле Ленина превратить войну империалистическую в войну гражданскую с тем, чтобы страна, сама себя разрушив, создала идеальные условия для строительства нового общества, в котором не будет места гражданам, преданным старым идеалам. Не ведали мы и о безумной идее Троцкого разжечь мировую революцию, бросив Россию, как вязанку хвороста, в ее костер. Ради своего тщеславия он готов был пожертвовать миллионами жизней...

Перескакивая с одной темы на другую, братья говорили и говорили. Не желая нарушать душевный настрой, вопрос о переправе Григорий приберег напоследок:

— Николай, Алексей сказал мне, будто не желаешь старую веру принять. Не пояснишь причину?

— Не обижайся, но для меня сейчас — что старая, что новая веры — все одно. Я ведь давно в Боге разуверился.

— Как такое можно говорить?! Без Бога душу не спасти.

— Повоевал, попластался бы с мое, понял бы, что можно, а что нельзя, — сердито ответил Николай. — Я столько всего повидал на фронте, что оторопь порой брала. Молил Его о милости, и что? — Николай махнул рукой. — Он слал наказания одно за другим! И не только мне. За что?

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Выходит, было за что?! Не мы ли нарушали главнейшую из заповедей — «не убий» и ввязались без всякой нужды в эту войну.

— Может, оно и так, спорить не буду, но я в православии вообще многого принять не могу. Объясни, к примеру, почему гордость считается одним из главных пороков? А смирение, кротость — добродетелью? С какой стати я должен терпеть, к примеру, унижения или надругательства над собой? Полагаю более правильным и достойным при любых обстоятельствах защищать свою честь.

— Ты превратно толкуешь заповеди. Обидчикам непременно надо давать отпор. Господь осуждает не гордость, а гордыню, которая дерзко возвышает над другими людьми. Горделивый, повторяю — горделивый, а не гордый человек придает себе более высокую оценку, нежели имеет. Недостатки же не признает. Похоже, и тебя гордыня оторвала от Него. Знай — гордыня, вознесшая до неба, до ада низвергнет. Господь всех нас любит и от нас любви ожидает.

— Все это словоблудие. Теперь у меня одна вера — труд. Хотите верить в Бога, которого никто и не видел — верьте. Я разве против?

— Николай, это война тебя ожесточила. Она сильно меняет человека, калечит душу. Ведь уничтожение себе подобных, даже в интересах Отечества, противно Богу. Придет время, и ты согласишься, что путь любви лучше.

— Брось, Григорий. Человечество тысячи лет над Ветхим и Новым Заветами рыдало, но мало кто жил по изложенным там принципам и заповедям. Какая любовь, если люди во все века бессмысленно истребляют друг друга? Не спорю, война сильно изменила мое мировоззрение. Сердце зачерствело до того, что даже перестал испытывать жалость к убитым.

— Наша держава потому и ослабела, что люди отделились от Бога, обезверились. Ведь не столько государство, сколько вера защищает людей от вседозволенности и жестокости. Вера — всему столбовая дорога и основа.

— Возможно, только за кем идти, если сама Церковь больна? Посмотри на служителей — редко встретишь достойного не только по уму, но даже по поведению. Вместо примера они стали для прихожан объектом насмешек. Только, пожалуй, у староверов с этим пока строго.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Вот видишь, ты и сам в душе на стороне старолюбцев, а противишься.

— Я просто констатировал факт.

— А как остальные на твои атеистические взгляды смотрят? Не пытаются увещевать? Вы же артельно живете.

— Как смотрят, это их дело, но на меня они как в бою могли положиться, так и сейчас могут — не подведу. Ты, Григорий, извини, многое в запале говорю. По правде сказать, сам терзаюсь, но мне уж, молись, не молись, все одно — в ад дорога. Большой грешник я — рубил и безвинных. В горячке боя больным делаешься. В голове одно: рубить, стрелять... Злобишься, звереешь до невозможности. Однажды в проулке, в угаре, женщину зарубил. Догнал и на скаку с такой силой рубанул шашкой, что от плеча до пояса развалил. Когда сообразил, в глазах помутилось... Что самое страшное, я как бы застрял, остался в войне, и в той и в этой... — признался вдруг Николай. — Как лягу, закрою глаза, так из памяти выплывают и прокручиваются одни и те же картины: рубка, стрельба, смерть, ненависть...

— Дорогой Коля, хоть и не веруешь ты в Бога, прошу тебя, совершай хотя бы краткую ежедневную молитву. Много раз убеждался, что молитва и в труде помогает. В ней великая сила содержится. Когда молишься, душа успокаивается, работа ладится, — ласково убеждал брата Григорий.

— Что-то не больно во время войны она помогала. Помогали только собственная сноровка и плечо друга.

— Не знаю, что еще сказать. Ты упрямо не желаешь слышать меня.

Перед сном Григорий достал из котомки образ Христа и прочитал над ним вполголоса: «Молю о братьях и сестрах моих. Услыши, Господи, желанья и моления их. Спаси их, Боже. Прости им, Боже, как и мне, грешному, всякое согрешенье пред Тобою. Свяжи сатану и бесов таинственную силою неисповедимого Креста!»

* * *

С утра все готовившиеся к обряду миропомазания помылись в бане, оделись во все чистое и предстали перед наставником.

Григорий поочередно спрашивал каждого:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Добровольно ли, раб Божий, принимаешь первоисточное православие, без принуждения ли?

Все, как один, подтвердили, что по собственной воле.

Глянув на гладко выбритое лицо поручика, Григорий мягко заметил:

— Сударь, имейте в виду, после миропомазания брить бороду не допускается, ибо это противоестественно образу мужчины.

— А позволено ли будет только усы носить? Борода у меня уж больно жидковата.

— Бог Отец с бородой, Бог Сын с бородой. Посему бороду брить — ересь. И еще, это уже всех касается, — застёжки на одежде надо будет перешить. В православии все начинается справа. Ежели кто из вас курит зелье, надобно бросить.

Когда миропомазание завершилось, есаул от всех низко поклонился наставнику:

— Благодарим вас, почтенный отец Григорий, за то, что с вашей помощью стали зваться истинными христианами. Мы не посралим ваше благочестивое рукоположение.

Антон, считавший, что недостает у общины прилежания к службе, обратился к наставнику:

— Отец Григорий, терзает меня беспокойство оттого, что не получается у нас все молитвы установленные справлять — не успеваем. Много времени уходит на мирские труды.

— Знакомая история — нам тоже не всегда досуг. Посему на утренние и вечерние моления довольно читать молитву Господню «Отче наш», потом песнь «Богородице Дево радуйся». В завершение же — Символ Веры «Верую во Единого Бога».. Эти три молитвы — основные для христианина. Первая, дана самим Господом. Вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Богоматери. Символ же содержит в себе все спасительные догматы православия. Прочитав их, всякий может заниматься своим делом. А во время работы достаточно говорить умом только «Господи, помилуй!». Недаром в Писании есть слова: «Всяк, кто призовет Имя Господне, спасется». Этого достаточно на будние дни. В наших хладных краях иначе невозможно: и дрова готовь, и печь топи, и теплую одежду справь. Работ всегда полон рот.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Общаясь каждый день с Антоном Хлебниковым, отец Григорий был покорен широтой его познаний и нестяжательным благочестием. Поразмыслив, он решил не откладывая посвящение Антона в иноки до своего следующего приезда, а провести испытание прямо сейчас. Для этого тому полагалось проползти вокруг монастыря до аналая на одних руках, ничем более себе не помогая. Нашли белую до пят рубаху и облачили в неё Антона. Он лег наземь и пополз, волоча за собой ноги вокруг монастыря. Сам наставник сразу удалился к алтарю читать покаянные тропари¹ и молитвы о постригаемом.

За длинный, покрытый камнями и землёй путь рукава рубахи Антона изорвались, кожа на локтях ободралась до крови. Как дополз, Антон помнил смутно, все было, как во сне. Григорий три раза спросил, готов ли он принять монашій сан, дать обет безбрачия и послушания: отречься от своей воли и стяжания и исполнять главное предназначение монашеской жизни — непрестанную покаянную молитву за всех грешников. На что юнкер неизменно отвечал: «Да, готов».

Затем наставник, еще раз испытывая твердость постригаемого, трижды возвращал ему ножницы, и тот трижды отклонял их. Приняв ножницы в последний раз, Григорий выстриг Антону волосы крестом: ото лба до шеи и от уха до уха. После этого со словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нарекаю тебя именем Макарий», — закрепил окончательное отречение Антона от мира.

Теперь новопостриженный получил право облачиться в черную, заранее выстиранную рясу и камилавку. Хоть и старенькое все было, но аккуратно залатанное и довольно крепкое. Григорий также вручил ему лестовку и деревянный крест с комком воска, в который закатал все остриженные волосы, молвив при этом:

— С сим крестом и восковым шаром придет срок, к Богу явишься.

После пострижения молодой инок переселился в отдаленную келью и начал вести жизнь самую строгую.

¹ Тропарь — краткое песнопение, раскрывающее сущность праздника или краткие молитвенные воззвания, из которых состоит канон.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

А через три года в черные монахи были пострижены еще двое, один из них — эвенк. Их в монашеский сан посвящал уже Макарий, исполнявший обязанности настоятеля, после умершего в 97 лет старца Алексия.

Вычитав в наставительной книге, хранящейся в библиотеке, что перед посвящением в монахи человека желательно «накрывать», он, следуя этому правилу, селил страждущего посвятить себя Богу в самой маленькой келье, где тот жил сорок дней, никого не видя и не слыша. Еды давал совсем мало — на день кружку воды да пол-лепешки. Выдержавший испытание допускался к посвящению в иноки. К радости Макария, столь тяжёлый иску прошли оба.

СВАТОВСТВО

В конце лета Корней пришёл в монастырь и, взяв пятерых «женихов», повёл их в скит свататься (юнкер, принявший обет монашества, и штабс-капитан остались).

На четвертый день (шли долго, потому как не все были справными ходоками) в проеме между деревьев монастырские увидели высокий заплот из заостренных бревен с крепкими воротами. Перед ним, на полянке, под присмотром двух девиц, копошились голопупые мальши. Подойдя, путники поздоровались с «воспитательницами».

— Что, теперь по две седмицы кряду водитесь? — удивился Корней.

— Нет, по одной. Просто у Луши бабаня приболела, а я шибко люблю с детками возиться, — ответила огненно-рыжая, стройная и гибкая, словно молодая березка, девушка.

Поручику Орлову она глянулась сразу же до замирания сердца.

Подойдя ближе, не сводя с неё зачарованного взора, он спросил:

— Как твое имя, красавица?

— Марьюшка, — прошептала та, застенчиво опустив глаза, вспыхнув от непривычного мужского внимания, как маков цвет.

Корней, заметивший, что поручику Марьюшка пришлась по душе, предупредил, что девице всего четырнадцать лет — просто рослая, а по уставу общины раньше шестнадцати замуж невозможно.

Расстроенный офицер решил добиваться обручения, чтобы, не дай бог, такую красу не сосватал бы кто другой.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Пройдя ворота, все вместе зашли к наставнику. Тот сразу распорядился готовить горницу к смотринам, а сам повел гостей показывать скит. Поручик же, буквально вцепившись в Корнея, уговорил того отправиться в дом к Марьюшке, просить родителей обручить его с их дочкой.

Зайдя в дом избранницы, Орлов по-петушиному приосанился и, щелкнув каблуками, обратился к отцу девицы:

— Позвольте представиться, поручик Орлов. Покорнейше прошу вашего согласия отдать за меня через два года вашу дочь. — Тут он слегка поклонился и покраснел от волнения. — Могу заверить — жить будет не хуже, чем в родительском доме. Обещаю холить и лелеять ее пуще вашего. Если вы не против, соизвольте обручить нас нынче же. Уж больно любя мне ваша златовласая лебедушка.

— Дочку обручить — не пирог испечь. Говоришь ты складно, а каков на самом деле? Кто за твои слова может поручиться? Да и у Марьюшки поспросить надобно, люб ли ты ей, — с достоинством отвечивал Петр, глава большого семейства. (Кроме Марьюшки у него еще было шестеро детишек.)

— Моими поручителями могут быть ваш уставщик и наш настоятель. Они подтвердят, что я человек слова. А не дадите согласия, так выкраду, беглову свадьбу сыграю. Кроме Марьюшки, мне никто не нужен.

— Эж, раскозыряло тебя. Слово — тот же нож без ножен: поосторожней с ним надобно. — И, обернувшись к жене, велел: — Зови, мать, дочку.

Как оказалось, поручик девице тоже глянулся. И, к радости нетерпеливого кавалера, их обручили в тот же день. При этом Марьюшка передала жениху в знак согласия залог — вышитый ею платок. Теперь жених и невеста должны были, храня верность друг другу, ожидать брачевания два года.

Смотрины проходили в прибранной и украшенной горнице.

Когда офицеры вошли, пятеро девиц на выданье поднялись и поклонились в пояс. Щеки их зарделись, в глазах застенчивость и смущение. Все, как одна, в белых сорочках, поверх — плечевые цветистые сарафаны, отделанные кружевами. Сев на лавки, они принялись прясть кудель, тихонько напевая песню.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Женихи чинно расположились на длинной скамье за столом напротив и, вполуха слушая ладные переливы, окидывали оценивающими взглядами дышащие свежестью лица, нарядные сарафаны, скрывавшие ладные, крепкие фигуры.

Могучий есаул, подкручивая густые метелки усов, не сводил глаз с Аглаи — дочери Гаврила, жившего по соседству с наставником, а добродушный ротмистр с непривычным для него волнением поглядывал на потупившую взор Аннушку — девушку из самой большой в скиту семьи Демьяна. Стесняясь своей блестящей лысины, ротмистр то и дело откидывал голову назад, отчего казалось, что смотрел как бы свысока. При этом тугой ворот гимнастерки так врезался в его бычью шею, что лицо багровело.

Закончив песню, девицы принялись потчевать гостей пирогами с ягодами и поить чаем, заваренным на брусничных листьях. После угощения чинно поклонились и разошлись по домам.

Теперь гостям подавали жена наставника, расплывшаяся телом Анастасия, и худая, остроносая перестарка Ефимия, так все годы и прожившая у них то ли приемной дочерью, то ли помощницей у бездетных супругов.

На столе появились духовитые, крупно нарезанные ломти свежеспеченного хлеба, задымилась вареная оленина, политая сливками из кедровых орешков. Во время трапезы офицеры обсудили между собой, кому кто понравился. Первой пошли сватать Аглаю для есаула Суворова.

Видный казачий офицер понравился Гавриле, но он виду не подал.

— По сердцу ли тебе, почтенный, моя дщерь? — важно спросил он.

— Очень даже по сердцу, сударь, краше вашей голубушки не видал.

От таких слов девица покраснела.

— А ты что, Глаша, скажешь?

Чтобы скрыть радость и смущение, та затеребила концы платка. Засеянное веснушками лицо ее разгорелось еще пуще. Едва переведя дыхание, она поглядела на родителя.

— Говори, говори! Ишь скраснелась, засовестилась, — подбодрила мать, улыбаясь сквозь слезу.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Тятенька, ежели благословите с матушкой — я согласна, — наконец выдохнула та.

— Ну что ж, замужество — дело доброе, оно от Бога показано. Я поил-кормил дочь до венца, а тебе, братец, поить-кормить до конца. Да гляди, без надобности не забижай. Считайте, что зарученье рукобитное промеж нас свершилось, целуйте икону, а дальше что собор. У нас так: что там порешат, так тому и быть. Молитесь, чтобы на брачевание согласие от него вышло.

Тихой радостью вспыхнула Глаша. Видно, сильно по душе ей был есаул.

Мешковатый, но, сразу чувствовалось, большой внутренней силы ротмистр Пастухов, зайдя в дом своей избранницы, низко поклонился и широко, как будто не раз прежде виделись, улыбнулся родителям Аннушки.

— Вот, почтенные, пришел просить руки вашей распрекрасной дочери. Я хоть и немолод, но достойную жизнь ей непременно обеспечу.

Родители не возражали, и, вспотевшая от волнения Аннушка, будучи девушкой необычайно доброй, никогда не перечившей родителям, хоть и не очень-то люб был ей жених-перестарок, не отказала — дала согласие.

Двум братьям-близнецам Всевидам глянулись сёстры-погодки вдовой Матрены. Она благословляла со слезами. Еще бы! Для нее дочери были светом в окошке, а тут обеих в один день забирают.

На соборе братия дивилась:

— Смотрикась, брательники не токмо сами схожи, но и вкусы одне!

Когда черёд дошел до них, глазастый и строгий дед Тихон, от которого не укрылось, что один из братьев, войдя, перекрестился на образа тремя перстами, зашумел:

— Этим отказать! Кто-то из них лживый. Переправу прошел, а крестится, как антихрист. Новообрядец, стало быть, в душе!

— Так их же двое, как определим, кто крестился не по вере? Почему обоим отказ? — вытаращил глаза Демьян.

— А ты можешь различить их на лицо?

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Вряд ли.

— Так и я не берусь точно сказать, кто из них обманной. Потому, дабы не ошибиться, отказ объявить обоим.

— Тихон, погоди, ты сколько лет крестишься? — Спросил наставник.

— Так скока помню себя.

— Вот то-то и оно, а эти всего месяц как переправу прошли, не отвыкли еще от трех перстов.

— Можно извинить, — согласились скитники с доводом настоятеля.

Поникшие было братья враз затопорщили конопляные бородки.

А вот есаулу Суворову и ротмистру Пастухову разрешение на брачевание дали с ходу: сомнений не было — женихи достойные.

После полудня все собрались в молельном доме. Женихи и невесты, стоя на шубах, вывернутых мехом наружу, перед Христовой иконой и хлебом с солью, в присутствии своих родителей и наставника, дали клятву в любви и верности.

— Отдаем не в рабы, а в помощницы. Просим не обижать, беречь девиц наших, а ежели чего не знают, учить терпеливо, — напутствовал женихов Григорий и следом благословлял каждую пару в отдельности: «Дай Бог вам совет да любовь, дом нажить, детей наплодить».

После этого молодых жён увели за занавеску, где подружки приступили к самому важному моменту свадебного обряда под песню:

У голубя, у голубя золотая голова,

У голубки, у голубки позолоченная...

Расплетали тугие девичьи косы и заплетали распущенные волосы уже в две косы, укладывая их корзинкой вокруг головы. Это знаменовало переход невесты в категорию замужних женщин.

Старшие тем временем наставляли: «Вышла замуж — люби и уважай, сразу не притрёшься, время и терпение надо. Обида есть — сядьте поговорите. Не надо за каждое слово цепляться. Лучше смолчать, в другой раз он смолчит. Не вздумайте при людях ругаться. Уступать нужно, не обижать ни словом, ни делом».

Затем все вместе сели за свадебные столы.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Утром, переложив приданое из сундуков и коробов во выючные мешки, отправились на оронах в монастырь. Молодые жёны в дороге назад не смотрели. Считалось: коли оглянешься — счастье на старом месте останется.

Шустрая Матрёна уговорила-таки наставника Григория отпустить и ее, дабы помочь на первых порах дочерям и другим молодлицам устроиться на новом месте.

Обжившись в монастыре, она помогала не только молодым, но и много делала по хозяйству: пекла просфоры, пироги, штопала одежду.

Среди всех прочих обитателей монастыря ей сразу глянулся штабс-капитан. И хотя он так и не совершил переправу, она нутром чувала в нем чистую, светлую душу.

Николай Игнатьевич жил особняком и страдал оттого, что вроде и не монах, а оказался в одиночестве. Вдова, жалея неприкаянного мужика, частенько заходила к нему. Она старалась скрасить его и свое невольное сиротство: заносила блины, пироги, прибиралась.

Засиживалась порой допоздна. Говорили обычно вроде о пустяках, а обоим было как-то легко и покойно друг с другом. Вскоре они и дня не могли прожить, не увидевшись. Однажды она осталась у него...

Для Варлаамовской общины случай небывалый.

* * *

Обедая, наставник Григорий сокрушался:

— Николай-то каков! Экий вредный почин учинил. Перед людьми стыдно — брат ведь! Вроде бы и я в ответе. Как узнал, всю ночь молился за его спасение. А Матрену на первом же соборе отлучим.

Анастасия, ставя на стол пирог с клюквой, урезонивала мужа:

— Не забывай, Гриша, через какие ужасы ада прошел Николай. Его измученной душе ласка и внимание ой как нужны. Да и Матрену понять можно — скока лет вдовая, а нестара ведь! Может, она как раз и убедит брата к нашей вере склониться?

— Всякое отступление от святоотеческих правил, мало ль оно, велико ли — опасно: закроешь глаза на малое, а там и большое не углядишь, — возразил Григорий.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Кто спорит? Но в нынешние времена все догматы соблюдать сложно, сам же так говорил — держаться надо основных.

— Каюсь, был грех, но жалость да отступки не всегда к добру ведут.

* * *

В ознаменование годовщины Уссурийского казачьего войска есаул Суворов развязал заветную котомку и, облачившись в ладно подогнанный казачий мундир с серебристыми погонами, вышел, помахивая нагайкой, к жене, качавшей в зыбке первенца.

— Какой ты красавец! — восхитилась Глаша, не сводя глаз с приославшегося мужа.

— А то! Я ж казак! — с гордостью проговорил Назар Петрович, щегольски сдвигая набекрень фуражку с зелёным верхом и жёлтым околышком.

— Чего ж так редко кажешь форму? — упрекнула она.

— Я ее надеваю только по особым случаям. Сегодня день учреждения императорским указом Уссурийского казачьего войска! Мой главный праздник!

— Назар, ты все хвалишься: казак, казак! Хоть бы рассказал, кто они, эти казаки?

— Как тебе подходчивей объяснить? Казаки — это особое сословие. По своей сути мы двуедины: и хлебопашцы, и стражи Отечества. Из века в век казачьи отряды, осваивая новые территории, расширяли границы державы. Всего казачьих войск было двенадцать. Наше самое молодое. Мы охраняли границу от китайцев. Вели таможенный контроль. Ловили контрабандистов, гоняли почту, конвоировали ссыльно-каторжных, окарауливали тюрьмы, обеспечивали общественный порядок, несли гужевую повинность — грузы всякие доставляли, прорубали дороги, строили мосты, — с гордостью перечислял казак. — А как война, первыми на защиту Отечества. — Он снял с головы фуражку и, указывая на рассеченный надвое козырек, важно добавил: — Видишь, в бою пашкой зацепили, чуть увернулся.

— Ужас!.. Как вы все успевали?

— Всею голова — дисциплина, сплоченность, обычай артельных помочей.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— А плетка тебе к чему?

— Это, Глаша, не плетка, а нагайка. Казаки же не носят шпор, — пояснил Назар. — Она для управления в бою конем, а дома женой, — пояснил он, едва сдерживая улыбку.

Глаша вытаращила глаза и чуть не заплакала.

— Да шучу я, глупая!

— А ты на войне убивал? — уже со страхом спросила она.

— Приходилось, на то она и война.

— А сколько?

— Не знаю. Считать — плохая примета. Казаки воюют не для счета, а ради победы.

— Слава богу, отвоевался. Вон и дите у нас народилось, надо растить.

— Милая Глаша, верно говоришь, но никак кровь не может остыть. Все думаю, как поквитаться с большевиками. Они ж мою первую жену с малым зарубили. Сами в братоубийство миллионы людей втянули, а теперь вопят: белые банды мешают дарить счастье народу!.. Хотя, ежели честно, мы, казаки, сами во многом виноваты. Всё дисциплину и порядок блюли, в политику не вмешивались. Поначалу даже посмеивались, слушая, как голытьба на митингах глотки драла... И вот я, русский человек, теперь никто. Призрак! А я ведь жизни не жалел за землю родную. За что меня так карать, а?

— Да уж, горько все это, но надо жить!

— Ты, Глаша, не представляешь, с какими благими намерениями мы, казаки, возвращались после революции с германской! Но стоило нашему атаману начать восстанавливать прежний распорядок, пошли обиды, непонимание, стычки между самими казаками. Иные к большевикам подались. Дошло до вооружённых стычек, переросших в Гражданскую войну. Тогда красные нас крепко побили. Большинство перешли границу и рассеялись по КВЖД¹. Но мыкаться на чужбине до того надоело, что, когда объявили амнистию, я решил вернуться: сдатьсь новым властям. И что ты думаешь? Посадили в Благовещен-

¹ КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога. Построена Россией в 1897—1903 годах как южная ветка, соединяющая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Передана Китаю в 1952 г.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

скую тюрьму. Слава богу, повезло — один из надзирателей оказался с нашей станицы. Он и предупредил, что, всех, кто до меня с повинной приходил, расстреляли.

Понял — бежать надо. Через дней пять повели через железнодорожные пути к реке. В расход, поди, пустить хотели. Товарняк тронулся. Я как заору: «Белые!», а сам через рельсы перекатился и тикать. Пока все вагоны прошли, далеко утек. Потом в колодец на цепи съехал — из воды только нос торчал. Продрог страшно. Когда беготня стихла, выбрался тихонько и через огород — в баню. Каким-то тряпьем укрылся, отогрелся. Как стемнело, в тайгу ушел. С месяц по ней мыкался. На мое счастье, в то время атаман Семенов ударил из Маньчжурии. Примкнул к ним. А как нас опять прижали, ушел с Ижевским полком. Потом началась такая неразбериха: не понять, где наши, где красные. Кое-как добрался до Владивостока и там записался в дружину Пепеляева — о нем хорошо ижевцы отзывались. С ним в Якутии оказался. Отсюда уж только на погост. Слава богу, вы у меня с Мишуткой появились. — Суворов подсел к жене и крепко обнял ее.

С ТОПОГРАФАМИ

Но нам пора вернуться в эвенкийское стойбище, где остался на лето старший сын Корнея — Изосим.

Бюэн договаривался с топографами, что будет ждать их 25 марта в устье речки Быстрой, возле приметной лиственницы с орлиным гнездом на сломанной вершине. К этому месту топографов должны были доставить из посёлка Чагды на аэросанях. Дальше на север, к Пикам — району работ, на них не проехать — речка изобилует промоинами, а на порогах и вовсе не замерзает. По буреломной тайге тоже не пробиться. Так что без оленей не обойтись.

Бюэн опасался, что из-за недавних метелей топографы к назначенному сроку не успеют. Но «стыковка» прошла без накладок: кочевники ожидали отряд менее часа! За это время они успели натащить сушняк, разжечь костёр. Воткнув вокруг колышки, надели для просушки рукавицы, разлили по кружкам крепко заваренный чай. В этот момент и донёсся какой-то гул. Казалось, будто приближается потревоженный пчелиный рой. Бюэн сразу смекнул — аэросани!

ЗОЛОТО АЛДАНА

Ему уже доводилось ездить на них, и он объяснил ребятам, что это большая брезентовая палатка на железных нартах. Сзади у нее крутится по-хитрому гнутая плоская палка. Крутится она так быстро, что ее не видно, зато сани толкает, как десять самых сильных сокжов¹.

Ороны, обладающие более тонким слухом, насторожились ещё раньше и, повернув морды на юг, все поглядывали в ту сторону, пока наконец не показались в снежных вихрях чудо-нарты.

Два дня ушло на сортировку, упаковку груза, обучение топографа, геодезиста и троих рабочих экспедиции обращению с оленями. Бюэн объяснял им, что ехать надо сидя, свесив ноги на одну сторону, дабы придерживать нарты, если те накрелятся. Самые ходовые вещи укладывать так, чтобы в дороге была возможность легко и быстро достать, не вороша весь груз. При этом важно, чтобы при случайном опрокидывании нарт ничего не выпало.

Сначала на сани уложили запасные полозья, затем, настелив оленьи шкуры, меховой спальник, на него мешочки с продуктами (крупы, соль и т.д.), специальной травой — киус (ее закладывают в ичиги для тепла — она не стирается в труху даже при длительной ходьбе). С особой скрупулезностью укладывали инструмент и технику для съемки: теодолит, буссоль, нивелир, треногу, мерные линейки. На них одежду. Все это закрыли выпущенными краями шкур и туго стянули сырмятными ремнями. Под них с боков засунули топор, пилу, принадлежности для ремонта лыж, нарт, широкие лыжи. Отдельно припасы в дорогу: чай, сахар, сухари. Поверх всего — ружье. Сзади — железный котел, чайник.

Вечером начальник отряда уединился и стал что-то записывать в блокнот. Звали его Андреем Ермолаевичем. На вид лет сорока, среднего роста, плечист, худошав. Карие глаза блестят, как спелая смородина после дождя.

Бюэн некоторое время молча наблюдал, как острая палочка, зажатая между узловатых пальцев, бегаёт по белому листу. Наконец не стерпел, спросил:

— Зачем такой след?

¹ Сокжой (*эвенк.*) — дикий северный олень.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

- Пишу дневной отчет о проделанной работе и о том, что нового узнал или увидел.
- Про меня писал?
- И про вас писал.
- Хорошо пиши! Пусть все лучи знают Бюэна!

* * *

Тронулись легко, сразу перейдя на рысь. Оживший снег, сплошь покрытый мудреной вязью заячьих петель, заскрипел, запел под полозьями. Впереди высились могучие массивы щетинистых гор. На их фоне караван казался малюсеньким и беспомощным.

Пар, вылетающий из оленьих ноздрей, оседал на их шерстистых боках и на одежде каюров белым инеем. Вихри колючего снега секли лица. Чтобы не обморозиться, Изосим, по примеру Васкэ, обмотал голову широкой мягкой полосой оленьей шкуры, оставив только узкую щель для глаз.

На ямах и буграх людей бросало из стороны в сторону. Не имеющие ездовой практики рабочие с трудом успевали перекидываться с одного края на другой, чтобы удержать нарты от опрокидывания, одновременно учась управлять оленями вожжей, привязанной справа к голове крайнего орона. На спусках тормозили установленным впереди, между полозьями, остолом.

Норовистые горные речки покрываются льдом позже равнинных. Сначала образуются узкие стекловидные закраины, потом забереги, белые от снега и инея. Стрежень сковывает в последнюю очередь. А где-то кипит всю зиму. Лед вокруг таких мест всегда облеплен перламутровыми башнями затейливых наплесков.

На Быстрой такие участки встречались в изобилии. Поэтому караван двигался большей частью лесом, иногда довольно далеко удаляясь от берега. Утром, пока не ослаб мороз, и ближе к вечеру, когда он начинал набирать силу, снег перед упряжками то и дело вспучивался белыми султанами, из которых шумным веером уносились в глубь тайги стаи рябчиков, реже тетеревов, спасавшихся от стужи под пушистым снежным одеялом.

Когда появлялись длинные прямые плесы, покрытые затвердевшими сугробами, гладко прилизанными разгонявшимися на просторе

ЗОЛОТО АЛДАНА

ветрами, старались ехать по ним — тут скорость сразу удваивалась. В конце одного из таких участков уперлись в отвесный прижим. Речка в этом месте подозрительно парила. Опытный Бюэн, остановив караван, прошел до правого, противоположного, берега, простукивая лед впереди себя посохом. Только убедившись, что ледяной панцирь прочен, дал команду ехать. Посреди русла на второй упряжке неожиданно порвался потяг¹. Рабочие принялись связывать его, а ехавший следом на грузовых нартах геодезист Петр, чтобы не останавливать движение, стал объезжать их.

— Назад, назад! Нельзя! — закричал Бюэн, но было поздно. Снег под полозьями с шумом, напоминающим глубокий выдох, осел и начал быстро темнеть от пропитывавшей его влаги. Чтобы облегчить нарты и помочь оронам проскочить опасное место, Петр спрыгнул с них и... сам стал еще быстрее погружаться в снежно-водяную кашу. Ладно, вовремя сообразил лечь на живот и лишь благодаря этому успел выползти на крепкий лед. А олени (вот молодцы!), не дожидаясь команды, рванули что было силы и вытащили нарты из мокрого месива. Отбежав, встали, ожидая горе-каюра.

Через пару верст показалась длинная черная полынья. Вдоль нее бугристо курился пар. Слабый ветер подхватывал молочные клубы и медленно уносил на юг, где из них уже вытянулась целая тающая вдали шеренга. Бюэн направил караван прямо вдоль полыньи по следу крупного сохатого — раз лед выдержал такого исполина, значит, и им бояться нечего.

Вскоре по следам стало понятно, что лось перешёл в намёт. Неспроста! Точно — вон и волчьи следы. Выбежав ему навстречу, волки стали отжимать быка от полыньи, чтобы выгнать на пологий берег. Там, в лохматившихся рыжей щетиной тальниках, его уже поджидала основная стая. Но сохатый разгадал их замысел и сиганул прямо в чёрную полынью.

По следам было видно, что волки сидели, топтались у узкой полыньи, лежали на снежных переносах. Полоса воды тем временем постепенно затягивалась льдом. Когда он перекрыл её, и волки при-

¹ Потяг — тягловый ремень.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

близились к окоченевшему быку почти вплотную, тот предпринял попытку спастись бегством. Выпрыгнул на стекловидный лед, но он был еще слишком тонок и колелся. Потеря драгоценных мгновений не позволила лосю уйти от преследователей. Голодная стая настигла беглеца у берега. Красный снег, несколько обглоданные кости, раздвоенные копыта и клочья шерсти — это все, что осталось от лесного гиганта.

Вечером у костра вспоминали эту трагедию.

— В тайге зимой ничего не утаишь — следы обо всем расскажут, — философски заметил рабочий по имени Степан. — Однажды, давно это было, мы с батяней осенью караулили медведя. В эту пору они самые справные, не разбирая дороги, к своим берложным местам идут.

Сидим, стало быть, на берегу нашей Юрюзани и поджидаем, когда косолапый появится: в этом месте у них переход постоянный. Видим, из густого ельника на лед сходит громадина редкая, и жирен страсть как. — Входя в роль рассказчика, Степан встал, изображая все в лицах. — Ну, думаем, подфартило!

Миша не спеша, вперевалку подошел к стремнине, понюхал воду, полакал ее лениво, будто нехотя. Глянул на наш берег, потоптался и тяжело так плюхнулся в проток. Медведи, известно, пловцы отличные, а плыть всего-то три метра. Разом вымахнул на лед и шумно отряхнулся. Повалился в снег и потопал дальше. Вторая стремнина тянулась под нашим берегом, тут струя помощнее. Ее все звери обходили — по следам видно, а этот прет в упор. Подошел, постоял, постоял да и прыгнул. Но видно было, что прыгнул с опаской. Зверь, а понимает, что лед молодой, непрочный.

Переплыл в два гребка. Привычно так выбросил лапы на закраину и рывком подтянулся. А закраина-то возьми да обломись. Он снова на лед, а тот опять сломился. Проток ширится на глазах. Бедолага туда-сюда барахтается. Совсем обессилел, и его понесло.

Пытается грести против течения, но одолеть не может. А до места, где вода буруном уходит под лед, совсем уж близко. Он к другому краю протока. Подтянулся, но и здесь кромка обломилась — такой тяжелый был. Цепляясь когтями за лед, бедняга тоненько, как медвежонок, заскулил. Но течение сорвало и наполовину затащило под лед. Вот тут он взревел и выметнулся из воды так высоко, что

ЗОЛОТО АЛДАНА

даже зад повис в воздухе. Рухнул вниз и пробил лед. На его счастье, в этом месте речка неглубокая была. Почувствовав опору, извернулся и, откуда силы взялись, — выскочил на берег. Стрелять, конечно, не стали — пожалели.

* * *

Каждое утро в отряде начиналось с того, что Бюэн со своим сыном Васкэ ловили маутом — длинным, плетеным из сыромятной кожи арканом с костяным кольцом разбредшихся в поисках корма оленей. Одни срывали лишайники, космами свисающие с еловых веток. Другие копытили из-под снега ягель. Между его белёсыми клубками капельками крови атели ягоды брусники, иногда клюквы. Наевшись, некоторые ороны начинали слоняться по лагерю в поисках чего-нибудь солененького, пробуя на вкус и жуя все, что попадется: рюкзаки, рукавицы, шапки.

Проворно бегая на коротких окамусованных лыжах, словно приросших к ногам, эвенки ловко маневрировали между деревьев и, подманивая оленей криком: «Мэк, мэк!», протягивали соль или комки снега, пропитанные мочой. Те, завидев желанную приманку, тотчас бежалилизать ее.

Заметив летящий аркан, бык в ужасе шарахался, словно видел его впервые, и, когда тот затягивался на шее, хрипел, бешено упирался, рвался, дико вода выпуклыми глазами. Оленевод же тем временем быстро подтягивал его и привязывал недоуздом к нартам. После этого животное сразу успокаивалось и покорно исполняло все команды каюра. А Бюэн уже опять свивает аркан в кольца и делает новый бросок. И так до тех пор, пока все намеченные быки не оказывались запряженными в нарты.

Бюэн бросал арканы сызмальства, но все же из трех бросков один бывал неудачным. У Васкэ — два. Изосиму бросать пока не доверяли: и без того, как это бывает в начале любого дела, хватало накладок и суматохи.

Олени — животные кроткого нрава и довольно послушные. Они честно тянут нарты до тех пор, пока остается хоть немного сил. Никогда не кусаются, не лягаются, как лошади. Те уж больно самостоятельны. Волю любят. Могут вообще на несколько дней убежать,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

в тайгу и на то, чтобы собрать их, уходит целый день. Тем не менее якуты, в отличие от эвенков, отдают предпочтение лошадкам. Местная порода так же, как и олени, умеет копытить траву из-под снега, и для них не нужно заготавливать сено на зиму.

Северные олени передвигаются по снегу (даже глубокому) довольно легко благодаря широко раздвигающимся копытам, которые почти вдвое больше, чем у любого другого вида оленей. Поэтому с ними, особенно в начале пути, когда животные упитаны и полны сил, проблем нет. Они появляются позже, когда олени начинают слабеть. Верный признак усталости — хвост. Если он опущен — орон притомился. Когда животное устало настолько, что не может идти, ему связывают ноги вместе и, подняв вдвоем вниз головой, встряхивают несколько раз в воздухе. «Взбодренный» таким образом орон бежит после этого еще несколько верст.

Пока Бюэн запрягал, Васкэ и Изосим умывались снегом (такой утренний туалет делал менее чувствительной к морозу кожу лица), разжигали костёр, набирали из промоины воду, кипятили чай, варили кашу. Когда топографы вставали, олени были собраны, еда готова.

* * *

Прямые участки реки, как правило, покрывал плотно спрессованный ветрами снег, шлифуемый виляющими космами поземки. Олени по нему бежали так, что в ушах свистело, а самих каюров обстреливали вылетающие из-под копыт комья снега. Во время остановок они забавно чесали задней ногой морду, счищая намерзшие у ноздрей ледышки и бесцеремонно терлись о шерстистый бок соседа. Из всей партии одному Бюэну все нипочем — знай, поет свои бесконечные песни.

— О чем так долго поёшь? — поинтересовался как-то начальник отряда Андрей Ермолаевич.

— Что глаз видит, что сердце любит пою... Нашей песни постоянный слова нет. Слушай:

Мы едем на оленях по снегу.
Встречный ветер дует нам.
Моя песня молода,

ЗОЛОТО АЛДАНА

Не страшны мне холода.
Вон заяц бежит,
Вон ворон летит...

Однообразный мотив вместе с мелькавшими по сторонам деревьями успокаивал и убаюкивал.

На излучинах снежный покров был молодым и пушистым, не смятые ветром снежинки под лучами солнца искрились так, что казалось, будто мчишься по россыпям гранёных бриллиантов. Чтобы уберечь глаза от слепящего света, Бюэн с Васкэ использовали солнечные «очки» — дощечки с узкими прорезями. Остальные участники экспедиции долго храбрились, но в конце концов, когда начали болеть глаза и смотреть стало трудно, сделали такие же.

В дороге, кроме леса, люди ничего не видели. Ехали, имея весьма смутное представление о местности. В конце концов профессиональное любопытство взяло верх над практичностью, и Андрей Ермолаевич распорядился свернуть на ближнюю к речке плешивую, утыканную горелым лесом, возвышенность. Поднявшись на нее, наконец осмотрелись.

Они находились посреди весьма гористого края с широкими падами и пологими сопками, перемежающимися низкими седловинами. На севере, там, где предстояло вести топографическую съемку, громоздились высокие хребты.

При спуске обратно к речке то одни, то другие нарты, цепляясь за обгорелые пни, валежины, переворачивались. Поскольку снег был рыхлым и глубоким, передовые олени быстро выбивались из сил, и Бюэну приходилось чередовать упряжки. Порой он сам вставал на лыжи и шел перед караваном, пробивая дорогу. Перед ним то и дело взлетали стаи белых куропаток. Изосим с Васкэ настреляли с пяток на ужин.

Впереди показалось небольшое черное пятно. Оно быстро пересекло склон и скрылось в чаще. Поравнявшись со свежей снежной траншеей, Бюэн определил: росомаха — самое пакостливое¹ в тайге существо, похожее на медвежонка.

¹ Охотники не любят росомаху, потому что она всячески вредит им на промысле, словно мстит за убийство обитателей тайги.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Плохой зверь. Ест мало, портит много. Приманку ворует. В чуме высоко поднимай все надо, — на ходу бубнил он.

На девятый день речка разделилась на несколько протоков, а затем и вовсе затерялась на лесистом, заснеженном плато. Каравану следовало идти на северо-запад, к горному массиву, исполосованному зарубками ущелий. Туда же тянулся неглубокий тектонический разлом.

Оглядев его отвесные стены, топограф даже обрадовался: в перечне работ было задание: попутно, там, где представится возможность, провести визуальную разведку геологии местности и собрать образцы пород. Разлом идеально подходил для этой цели: четкие, слоистые выходы древних отложений, как книга, могли без утайки поведать об отпечатавшихся в них эпохах, а главное, были доступны для сбора образцов.

Андрей Ермолаевич, не колеблясь, распорядился съехать в него.

— Начальник, не надо туда ходи. Худой дорога, там злой дух живи, — запричитал перепуганный Бюэн.

— Твое дело — за оленями смотреть да нартами управлять, а куда ехать, я сам решу. Сворачивай! — неожиданно резко ответил тот.

Разлом, с каждой верстой все глубже вгрызаясь в плато, незаметно превратился в мрачный каньон глубиной в 40—50 метров. Местами стены угрожающе сближались. Мертвая тишина, царившая вокруг, усиливала нехорошие предчувствия.

За весь день они не увидели ни одного живого существа. Только раз пролетела одинокая ворона. Заметив ползущий по дну каньона караван, она так удивилась, что, сделав три круга, уселась на торчащий камень и стала восхищённо каркать, приветствуя появившуюся в столь мрачном месте жизнь. Потом, зачавств крыльями, поднялась и исчезла за кромкой разлома. Особую тревогу у людей вызывали висевшие над головой снежные надувы. Один из них обрушился совсем недавно и завалил проход плотными глыбами.

— Куда едем? Надо возвращаться. Такая махина сразу весь караван похоронит, — возмущались рабочие.

Теперь уже и сам Андрей Ермолаевич поглядывал вверх в поисках понижения, чтобы выбраться из каньона, пока ненароком не завалило. Но стены становились все круче и выше. У них было только два варианта: либо возвращаться обратно, либо... идти до конца.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Дернул же меня черт полезть в эту дурацкую щель! — мысленно ругал он себя, а вслух прокричал: — Пошевеливайтесь, ползете, как дохлые мухи!

— Зачем кричать, начальник? Дурное слово злой дух будит, он плохо всем делай. Эвенк как в воду глядел. Навстречу каравану по каменной трубе потянул, набирая силу, ветер. Воздух наполнился бесчисленными больно колющими кристалликами.

Андрей Ермолаевич, глянув на проводника, развел руками — виноват, мол.

Ветер крепчал. Вскоре вихрящиеся хвосты снега, сливаясь в единый поток, превратились в мутное месиво. Казалось, что не ветер гонит снег, а наоборот, снег, стеной мчащийся по узкому ущелью, как поршень, выдавливает воздух. Останавливаться было опасно — занесет в два счета. Понурые ороны, подгоняемые болезненными тычками хорея в зад, шли, тяжело дыша, с трудом вытягивая тонущие в рыхлом снегу нарты.

Впереди, сквозь молочную муть, проступил массивный скальный выступ, перегораживающий разлом почти до середины. Подойдя к нему вплотную, путники словно попали в другой мир. На расстоянии вытянутой руки бушует, дико завывает метель, несутся снежные заряды, а здесь, под защитой каменной стены, не шелохнет. Лишь при сильном порыве закинет горсточку снежной крупки.

Плотно сгрудившись, караван встал в затишке. Уставшие олени тут же выбили в снегу ямы и улеглись, поджав ноги, отдыхать. Им ни мороз, ни ветер не страшны: тёплая, трубчатая шерсть, с очень густым подшерстком служит надёжной защитой.

Из спрессованного ветром снега люди нарезали кирпичей и, выложив боковую стенку в человеческий рост, забрались в спальники из мягких оленьих шкур с мехом внутри.

Один Бюэн остался сидеть на краю нарты. Когда все угомонились, он полез за пазуху и достал деревянного идола. Поставив на ладонь, стал что-то сердито выговаривать ему. Потом поколотил о нарту и воткнул в снег, оставив на виду щекастую, приплюснутую голову. Топограф, наблюдавший за всем этим вполглаза, приподняв голову, спросил:

— Что это ты там поставил? — И потянулся за идолом.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Нельзя трогай! Пускай мерзнет! — сердито остановил Бюэн. — Это мой бог — Сэвэки. Маленько учил его. Зачем пурга терпит, зачем нам не помогает? Пока пурга ходи, не возьму его. Ты тоже свой бог побей. Пускай пурга кончает.

— Мы без бога живем. Наш бог — наука.

Наказав идола, Бюэн на этом не успокоился. Он достал лук и выпустил против ветра стрелу и, обращаясь к Андрею Николаевичу, произнёс: «Моя ветер убивал».

Под утро в воздухе произошло замешательство. Ветер сначала за метался: вроде поднаберется силенок, пролетит по «трубе» шквалом, выстреливая заряды снега, и опять чуть дует. С рассветом ослаб настолько, что стал слышен шум от срывающихся со склонов одиночных комьев снега. В каньоне похолодало, воздух от крепнущего мороза стал жестким. Из спальников выбирались с трудом и неохотно. Мышцы ног и спины болели, точно после кулачного боя, но достаточно было нескольких движений, как боль отпускала.

Наскоро перекусив, двинулись дальше. Некоторое время олени тянули дружно, оставляя позади себя полосу взбитого снега, но часа через два стали сдавать. Изнуренные бескормицей и трудной дорогой ороны пошли рывками, спотыкались и падали один за другим. Тех, кто падал в упряжке, поднимали и привязывали сзади к последним саням. Когда олень и там начинал качаться, как пьяный, Бюэн подходил и щекотал его за ушами. Если олень не реагировал, объявлял решительно:

— Орон силы кончал. Отдыхать надо. Кормить надо.

Люди лазили по камням и сдирали с них чахлый мох и лишайники. В больших черных глазах оленей даже после такой скудной кормежки пробуждалась жизнь.

Наконец разлом, разойдясь широким раструбом, вывел караван к речке, текущей вдоль заснеженной гряды. Где-то там, между вершин, перевал, по которому они должны пройти на северо-восток и углубиться в горный массив. На его самой высокой точке предстоит установить первый триангуляционный знак¹.

¹ Триангуляционный знак — опорный геодезический пункт в виде деревянной или металлической ажурной пирамиды, предназначенный для точного определения координат местности.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Неожиданно на береговой возвышенности сквозь висящую в остуженном воздухе изморозь проступили очертания юрт, увенчанные столбами дыма. Воодушевленные путники тут же повернули к селению. Под обрывом, неподвижно сгорбившись над прорубью, сидел якут, одетый в потёртую, всю в заплатках, кухлянку. Вокруг на льду лежало с десятков жирных чиров. Когда караван проходил мимо, рыбак даже не поднял головы. Не сводя слезящихся от мороза глаз с лески, лишь откликнулся на приветствие:

— Дорова!

Спустя несколько секунд вдруг очнулся и подпрыгнул, словно ужаленный:

— Дорова, дорова! О, много вас! Я Коля! Кто начальник, как звать?

— Андрей Ермолаевич, — представился, протягивая руку, топограф. — А что, Коля, можно ли у вас заночевать?

— Конечно, можно. У брата Богдана юрта большая. Кэпсе¹ давно о вас есть.

Погрузив Колин улов на передние нарты, поднялись на берег. Якутское поселение — наслег, состояло из трех десятков юрт и лабазов. Последние стояли на высоких столбах, и взобраться на них можно было только по приставной лесенке. В них хранят продукты, добычу. Возле каждой юрты в сугробах вырыты одна-две пещерки — конуры для собак.

Поодаль паслись заиндевелые мохноногие лошадки с густыми, длинными гривами и челками до самых глаз. Они методично копытили из-под снега пожухшую траву. Изосим впервые видел коней.

«Похожи на молодых лосих, но красивее», — оценил он.

Особенно ему понравились их глаза. Умные, ласковые и смотрят так, будто все понимают.

Из ближней к речке юрты с крохотными, как мышьиные глазки, окошками, на исступленный лай вышел рослый, по якутским меркам,

¹ Кэпсе (*якут.*) — сказывай — таёжная почта якутов. Каждый, узнавший или получивший известие о значимом событии, в старину обязан был без промедления сесть на коня и скакать в любое время дня и ночи, в любую погоду и передать эту весть ближайшему соседу, живущему иногда за сто вёрст. В результате такой исстари заведённой связи якуты быстро узнавали о том, что происходит даже в самых дальних уголках.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

мужчина с плоским, скуластым, почти круглым лицом, обрамленным копной черных волос. По краю подбородка и с верхней губы в беспорядке торчали редкие волоски — потешная претензия на бороду и усы. Это был тот самый «брат Богдан». В меховом кафтане, подвязанном кожаным поясом, и в шапке из волчьей шкуры с рысьей оторочкой этот немолодой уже человек поздоровался со всеми за руку, чем сразу расположил к себе.

— Кто вы? Откуда? — деловито осведомился он, оглядывая каждого смышленными глазами.

— Топографы из Алдана, идем к Пикам, — ответил Андрей Ермаевич. — Нельзя ли у вас заночевать?

— А веселой водой угостишь? — простодушно спросил хозяин.

— Непременно.

Якутские юрты не имеют ничего общего с чумами эвенков. Они гораздо основательней. Каркасом служат не жерди, а четыре бревенчатые стойки, связанные сверху поперечинами. Стены сделаны из наклонно составленных бревнышек, обмазанных глиной, смешанной с конским и коровьим навозом. Крыша плоская, сверху для тепла завалена землёй. Входная дверь обита шкурами. Пол земляной. В центре — печь. От нее вдоль всей противоположной от входа стены тянется кан¹. Слева что-то вроде кухонного угла. Оконца закрыты стеклами, вшитыми между слоями бересты, вырезанными в виде рамки.

В тех юртах, где живут якуты победнее, в оконных проемах олени или конские мочевые пузыри. С наступлением устойчивых морозов их, как правило, вынимают и вставляют куски льда толщиной с ладонь — лёд лучше пропускает свет. Стыки по краям, чтобы не дуло, затирают мокрым снегом. На льду, внутри теплой юрты, постоянно оседает иней. Его каждое утро соскребают ножом. У семьи обычно две юрты. Летняя и зимняя. Зимняя меньше размером и лучше утеплена.

Задержавшись возле понравившихся ему мохнатых лошадок, Изосим вошел в юрту последним. Свернув на теплый дух, шедший из проема слева, он увидел во мраке большие грустные глаза. Уробно

¹ Кан (*кит.*) — широкий дымоход, идущий вдоль стен юрты (балагана). На нём спят. В русских избах его называют «боров», или «кабан».

ЗОЛОТО АЛДАНА

вздыхая, животное меланхолично перетирало что-то зубами. Собразив, что ошибся, парнишка вышел и, отворив соседнюю дверь, оказался в жилой юрте с искристым куржаком по углам.

Якуты были рады свежим людям. Мать Богдана, старушка в байковом халате и меховой жилетке, что-то крикнула — и тут же два подростка, прихватив кожаные мешки и топор, выскочили из юрты. Вскоре они вернулись, сгибаясь под тяжестью поклажи. Высыпав из мешка поблескивающие, как воронье крыло, камни, несколько положили в печь. Камни занялись синеватым пламенем и вскоре жарко покраснелись. Запахло тяжелой гарью.

«Уголь, что ли?» — мелькнула неуверенная догадка у Андрея Ермолаевича.

— Можно взглянуть?

— Смотри, не жалко.

— Это же чистый антрацит! Откуда он у вас?

— На тот гора бери. Иди, покажу.

Выйдя во двор, Богдан указал на крутой склон отрога. Его наклонно рассекал черный, толщиной метра три, пласт. Судя по тому, как много вело к нему троп, якуты пользуются дарами этой природной кладовой постоянно.

— Какое богатство! Главное — добывать можно открытым способом! — восторгался, делая пометки в блокноте, топограф.

Тем временем хозяйка накрыла стол. Расселись на низеньких табуретках, кому не хватило — на чурках. Топограф налил в кружку спирт, развел водой. Хозяин юрты, «покормив» огонь, отпил свою долю и передал брату. Так, кружка с веселой водой обошла всех взрослых членов семьи.

Закусили. Кто жирными спинками амура, кто хаапом — колбасой из конской крови.

Подавая мясной бульон с лепешками, Валентина, жена Богдана, произнесла:

— Не обессудьте, гости дорогие. Особых разносолов нет. Чем богаты, тем и рады!

Геодезист Петр, с удивлением поглядев на нее, не утерпел, спросил:

— Хозяйка, где вы научились так хорошо по-русски говорить?

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— У меня отец русский, из ссыльных.

Убрав посуду, хозяйка разлила чай. Пили долго.

— У вашего чая необычный и очень приятный вкус, — заметил один из рабочих.

— Мы добавляем в него крупинки засохшего березового сока, — пояснила польщенная Валентина. — Даже небольшая щепотка сластит. Жаль, кумысом угостить не могу — кобылу только запустили.

За разговорами чай у Богдана остыл. Он придвинулся к печке и, взяв с плиты раскаленный камушек, бросил его в кружку.

— У вас на все свои придумки! — похвалил смекалистого якута Андрей Ермолаевич.

— У всякой птахи свои замахи, — рассмеялась, гордясь мужем, Валентина.

Утром все члены семьи умывались, черпая воду из тазика, терли золой зубы и полоскали рот подогретой водой, вытирались чистым полотенцем.

На завтрак подали строганину из конины и неизменный чай.

Одеваясь, Андрей Ермолаевич с удивлением обнаружил на разорванном сбоку полушубке аккуратную заплатку. Нетрудно было догадаться, кто так позаботился. Растроганный, он подошел к Валентине и от всего сердца поблагодарил её.

Обитатели наслега товары для своих нужд покупали в лавке «Якутгосторга». Продавец Фадей, жил в соседней с Богданом юрте. Жители наслега промеж себя называли его за жадность «Процентом». Хотя делать покупки у торговца с такой репутацией не хотелось, было бы неразумно не воспользоваться удобной возможностью пополнить запасы продуктов.

Зайдя в лавку, Андрей Ермолаевич увидел благообразное лицо со слащавой, прямо-таки сахарной, улыбкой. В то же время в глубине глаз дрожали искорки превосходства. Выкатившись пухлым шариком навстречу русскому начальнику, он долго, подобострастно тряс его руку. Богдану же даже не кивнул, хотя тот низко поклонился ему.

По тому, как был одет Фадей, сразу видно — богач: унты из оленьего камуса, суконная куртка на меху, с оторочкой из беличьего меха. Все новое, чистое. Как же, самый уважаемый в наслеге человек —

ЗОЛОТО АЛДАНА

продавец! Даже две жены имеет: одна законная, а вторую стряпухой назвал, чтобы начальство из улуса не могло придраться.

Если у сельчан не было денег, он под высокий процент давал им свои. Поэтому, даже продавая товары по твердым государственным ценам, всегда имел хороший барыш. Богдан трудился у него грузчиком-истопником.

— Чего ты, здоровый мужик, так лебезишь перед этим боровом? — поморщился топограф, вынося с ним мешки с продуктами.

— У меня большой долг перед ним. В голодный год он давал коня на мясо. Никак не рассчитаюсь.

— И что, теперь всю жизнь будешь ему кланяться? Найди другую работу. Скоро геологи сюда придут — к ним устраивайся. За сезон на четыре коня заработаешь. Уходи от него.

— Какой уходи. — По лицу Богдана тенью пробежал страх. — У Процента всё начальство — друзья. Даже в НКВД есть, тюрьма посадить может. Сосед Уняга в большом улусе был. Там видел чёрный зверь из железа. Когда бежит, ревет и дымом дышит. Всех ловит и НКВД везёт. Один должник сбежал. В лесу ловили, к дереву привязали. Комары до смерти ели.

Погрузив на нарты закупленные в лавке продукты, отправились к местному тойону договариваться о покупке лошадей и овса. Андрей Ермолаевич уже понял, что оленей у них маловато. Не успевая восстанавливать силы, они быстро уставали и после обеда еле плелись. Поэтому решил подстраховаться и приобрести несколько выносливых якутских лошадок. После долгих торгов удалось снизить цену в два раза. Правда, как позже выяснилось, тойон надул-таки их — один жеребец из четырех вскоре пал, видимо, хворый был.

Больше всех появлению лошадей в отряде радовался Изосим. И чем ближе он узнавал этих животных, тем больше симпатии, вплоть до восхищения, испытывал к ним. Они отвечали взаимностью — слушались с полуслова. Оказалось, они понимают выражение лица, интонацию голоса человека, чувствуют его настроение! Правда, скупая, порой едва уловимая ответная реакция и то, как эти животные общаются между собой, мало кому видна и понятна. Изосим же сразу прочувствовал и нашёл общий язык с этими умными созданиями.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Пока ходили, Коля принес с лабаза пару гольцов шириной в восемь пальцев. Ловко отсёк у рыбин головы и хвосты. Чуть-чуть отогрев у камелька, сделал ножом надрезы в коже, снял её и настрогал изящные, тонкие, полупрозрачные, сворачивающиеся прямо на доске стружки мякоти. Посолив, подал.

— Ну, как? — спросил он, радуясь, как быстро пустеет миска.

— Ум съешь!

— Ум оставь. Рыбу ешь, — захихикал довольный рыбак.

Строганина действительно была восхитительна — буквально таяла во рту.

Местным жителям рыба служит ощутимым подспорьем, особенно в голодные годы. Здешние гольцы, муксуны, пелядка и сиг вкусны необычайно. Но самая изысканная строганина и юкола получаются все же из сочащегося жиром розовато-желтого мяса чиров.

Поскольку соль дорогая, якуты солят рыбу редко. Зимой замораживают и хранят в ледниках, а летом готовят юколу — сушат рыбу на ветерке под навесами. Перед этим ее рассекают вдоль хребта на две пластины и надрезают изнутри. Голову и внутренности отдают собакам.

Юкола бывает двух видов: белая, вяленая на солнце, и коричневая, прокопченная в специальных шалашах-дымокурах. Она ценится выше, но это дело вкуса.

* * *

Укладывая груз на нарты, Изосим с трудом размыкал застывшие от холода губы:

— Мороз тут заметно крепче нашего.

— Ещё не сильный. Через месяц будет шепот звезд слышно, — откликнулся помогавший ему Богдан.

— Как это?

— Так говорим, когда льдинки в воздухе трутся, — улыбнувшись, пояснил якут.

Тепло попрощавшись с гостеприимными братьями, отряд скрылся в стылой мгле. Не успели они отъехать и двух верст, как их нагнал Богдан на мохнатой кобылке.

— Провожу. Поворот к Пикам с речки незаметен, — буднично пояснил он свое появление.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Багдан, не волнуйся, найдем, не первый день в тайге, — попытался отговорить его Андрей Ермолаевич.

— Мокрому не страшен дождь! Бедный не боится дороги, — отшутился тот.

Долина, по которой текла речка, поднимаясь в этом месте довольно круто вверх, изобиловала порогами. Над незамерзшими сливами белыми шапками клубился пар. Берега покрывали бугристые от брызг наледи. Когда проезжали по ним, нарты приходилось придерживать, чтобы они не соскользнули в черную кипень. А вот за оленей можно было не беспокоиться. Они сами весьма расчетливо выбирали места, куда безопасней ставить копыта.

Поворота в ущелье, ведущего к заветным Пикам, достигли на третий день. Он действительно был малоприметен и, не будь с ними провожатого, отряд, скорей всего, проскочил бы его.

Перед расставанием Богдан снял волчьи рукавицы на ремешке и нарисовал в блокноте топографа, как лучше пробираться к Большому Пику — красивому гольцу, возвышавшемуся над окрестными горами правильным конусом. Потом осмотрел лошадей:

— Слабых тойон дал — пасть могут. Сильно не грузите, — расстроился он. — В горах не торопитесь — суетливая белка первой под пулю попадает. Вон там, — показал он на двугорбую вершину, — круторог живет. Я его давно знаю. Он совсем старик. Все ему надоели, один живет. Следы увидите, привет передайте.

— До чего приятный человек! Своих забот полон рот, а о других так беспокоится, — дивились между собой рабочие, когда якут отъехал.

— В этих краях иначе нельзя! В одиночку, без взаимовыручки, не выжить. Это выработано веками и прочно впиталось в кровь местного населения, — пояснил топограф.

Через Г-образный проход между скал караван медленно заполз в ущелье. Тут совсем недавно сошли лавины, отчего обнажённые склоны выглядели мрачными. У их подножия бугрились снежные валы. Стояла редкая тишина. Ветер не заглядывал сюда с самой осени, и снег лежал на ветвях деревьев нетронутым слоистым салом.

Продвигались толчками. Нарты так глубоко зарывались в перемерзший сыпучий снег, что костлявые спины оленей горбились от натуги. Покрытые инеем морды тыкались в него и жадно хватали

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

дрожащими губами. Натянутые постромки временами звенели от напряжения. Чтобы помочь животным, Бюэн взял поводной ремень передней упряжки и пошел на лыжах впереди. Несмотря на это каждая верста давалась ценой невероятных усилий.

Тяжесть прокладки дороги всегда ложится на переднюю упряжку. Олени по брюхо тонут в снегу, то и дело падают. Поэтому их приходилось постоянно чередовать. Вот уже и сам Бюэн закурился паром, словно вышел из бани. Шли молча: при такой тяжелой работе не до разговоров. Переводя дыхание после очередного броска, каюр попросил начальника отряда:

— Андрей Ермолаевич, олени устали, ночевку надо. Видишь, дышать не могут. И лошадям худо.

— Еще версту промнем, тогда встанем. Я с тобой впереди пойду. Как-нибудь осилим.

И действительно, из каких-то неведомых источников вливаются в уставшие мышцы крохотными порциями силы, и обоз продолжает путь. В итоге за день одолели десять верст, но вымотались так, будто за плечами не меньше сорока.

На следующий день прошли еще меньше. С утра третьего заметно потеплело. В неподвижном воздухе ощущалась близость весны. С голых каменных уступов закапали первые слезы — материал для сосулек. Повлажневший снег прилипал к березовым полозьям тяжелыми комьями. Это тормозило нарты и выматывало оленей. Когда останавливались дать передохнуть животным, они ложились не на живот, а заваливались на бок — явный признак крайнего переутомления.

Наконец встали на обеденный привал. Сноровисто развели костер, повесили котлы с водой. В самый большой положили мелко нарубленные куски замороженной оленины, сыпанули соли и дали немного покипеть: были так голодны, что не стали ждать, когда мясо сварится — ели полусырым.

«Горячее сырым не бывает», — шутили рабочие, разрывая зубами обжигающие куски.

Олени все это время понуро лежали и хватали губами снег: распряжешь — разбредутся в поисках корма, потом до вечера не соберешь. Чтобы хоть немного подкрепить их, люди, пока варилось мясо, соби-

ЗОЛОТО АЛДАНА

рали свисавший с деревьев лишайник. Лошадки же сами копытили скудный корм из под снега.

До подножья Пика оставалось около шести верст. Видя плачевное состояние животных, Андрей Ермолаевич распорядился прямо здесь встать на ночевку.

— Завтра сделаем последний переход и под Пиком разобьем лагерь. Оттуда будем бить тропу к вершине, поднимать материал для триангуляционного пункта.

Ночью уставшему отряду не давал спать отвратительный волчий вой. Перепуганные голодной песней олени и лошади тоже не смыкали глаз и жались к костру. Бюэн несколько раз стрелял туда, откуда нёсся вой, но обнаглевший зверь даже не прервал своей вселявшей ужас и тоску песни.

Утром по следам увидели, что волк подходил к стану совсем близко, но с рассветом ушел по заваленной снегом тропе вверх и караван двигался теперь прямо по его следу. Вдруг передние быки остановились и громко зафыркали — на бугре стоял лохматый пес. Приглядевшись, люди поняли, что он стоит на крыше занесенной снегом юрты.

Собака, явная помесь с волком, скалила желтоватые клыки и устрашающе рыкала. С березы слетела испуганная белая сова и, лениво загребая воздух маховыми перьями, исчезла в ельнике. Внутри юрты что-то гроыхнуло, скрипнула обитая конской шкурой дверь. В образовавшийся проем выглянула и тут же исчезла седая голова. Почти сразу из юрты вышел жилистый, коренастый якут лет сорока пяти с берданой в руках. Увидев людей, он широко заулыбался. Прикрикнув на бдительного стража, пояснил:

— Думал — шатун. Один прошлый год стрелял — чуть мать не ел... Заходите, — пригласил хозяин, которого, как позже выяснилось, звали Сафроном.

Пройдя мимо терпко пахнущего парным навозом хотона с кобылами и новорожденными жеребятами на ногах-тычинках путники, откинув шкуру, попали в жилую, ужасно задымленную — с бревенчатого потолка буквально свисала черная бахрома копоты — юрту.

Снаружи из-за того, что она была завалена по крышу снегом, жилище казалось маленьким, но в ней свободно разместились все.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Пока Сафрон откапывал окно и соскабливал с него намерзший слой инея, мать, прямая, как жердь, старушонка, принялась готовить еду: раскатывала круто замешанное пресное тесто и клала ненадолго на сковородку. Когда лепёшка немного подсыхала, нанизывала её на палочку и поворачивала то одной, то другой стороной к жарким углям. Через пару минут очередная аппетитно пахнущая лепешка была готова.

Выложив их на стол, устроилась на теплом кане и, вперив карие, в кружеве морщин, глаза на танцующее пламя, отрешенно курила трубку, не вмешиваясь в разговор мужчин. Изредка только вздохнет, глянет украдкой на гостей и опять сидит дымящим истуканом.

После трудной дороги особенно приятно было пить заваренный на травах чай и есть свежие ячменные лепешки.

На низко подвешенной полке с посудой тускло поблескивали ложки из желтого металла. Андрей Ермолаевич сразу определил — золото!

— Сафрон, откуда у вас эти ложки? — как можно спокойней поинтересовался он.

— Сам делал.

— Как это? — изумился топограф.

— Грел на огне. Когда стал, как вода, лил в глиняный карман. Луча учил. Ещё кружка лил. Однако кружка плохой. Чай быстро холодный. Ещё пуля лил на амаку.

— Да вы с ума сошли! Это же зо-ло-то! За такую ложку можно тысячи алюминиевых купить! Ещё золотыми пулями по медведю палишь! Какой абсурд! — возмутился начальник партии.

— Так люминий нет, свинец нет. А пуля надо. Кому делай плохо? Кому надо — приходи, бери — не жалко. Сафрону много не надо. Я желтый железо не торгую. Себе беру мало-мало.

Простодушный якут никак не мог взять в толк, почему начальник сердится, но из услышанного все же уразумел, что сделал что-то неправильно, и заволновался.

— И где ты его берешь?

— На ключе.

— Место помнишь?

— Как не помнишь? За юртой. В горах тоже есть. Везде есть.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Хорошо. Завтра покажешь. Надо на карте отметить. Про то, что здесь есть золото, никому не рассказывай — это государственная тайна. За ее разглашение — тюрьма. Понял?

Старуха, слышавшая весь разговор, зашлась скрипучим, как расшатанная нарта, кашлем. Когда приступ кончился, стала ругать сына:

— Ты морозил уши, не слушал мать. Говорила, не бери желтое железо. Теперь тюрьма будет. Кто меня хоронит?

Андрей Ермолаевич, видя, что якуты изрядно струхнули, решил успокоить их:

— Сафрон, — торжественно произнёс он, — поручаю тебе от имени рабоче-крестьянской власти чрезвычайно важное дело — охрану этого ущелья. Дам бумагу, что эта территория в госрезерве, под охраной государства. Если кто зайдет, предъявишь её. Скажешь — уходи, иначе тюрьма будет. Понял?

— Лошадь один кнут, человеку — одно слово хватает, — обрадованно закивал якут.

— Молодец, обеспечишь режим охраны, народ спасибо скажет.

Сафрон после таких слов заметно воспрял духом.

Для того чтобы хозяева в полной мере прочувствовали ответственность и важность возложенной на них миссии, Андрей Ермолаевич угостил старуху и сына спиртом. Выпив, тот опять принялся оправдываться:

— Начальник, Сафрон хороший якут, желтое железо сапсем не торговал. Дядя торговал, отец торговал, брат торговал — их Эскери наказал. Сафрон сапсем не торговал — духа не сердил. Сафрон крепко смотреть будет — никто не ходи, никто не бери.

— Верю, Сафрон, верю. А с родней-то что случилось?

— Худо случилось. Сапсем пропадай. Давно пропадай. Дядя факторию желтый железо возил. Мука, чай брал. Второй раз его пьяный делали. Сапсем мертвый стал. Потом отец возил. Менял черный чай, табак, медный котел, топор. Нам говорил — много жёлтый железо собирай, много меняй будем. Его волки ели. Мать плакал, просил, не бери желтый железо. Брат не слушал, тоже пропадай. Теперь вдвоем живи. Нельзя якуту сердить Эскери. Когда якут лошадь не смотри, кумыс не делай, охота, рыбалка не ходи — Горный дух якута забирай себе.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Утром, пока Сафрон показывал топографу место, где собирал самородки, старуха, стараясь угодить большому начальнику, настрогола полный таз тонкой, сворачивающейся в трубочки розовой мякоти молодой конины и подала ее на стол вместе с колбы — острой приправой из черемши. Потом нарезала кровяной колбасы, а к чаю наложила в берестяную чашу главный деликатес — землянику в масле. Все ложки и миски из золота убрала.

Андрей Ермолаевич радовался неожиданной экономии продуктов. (Он всегда переживал, что их может не хватить до конца сезона.)

Осмотрев перед выходом лошадей, поняли, что они уже не ходоки. Поминая нехорошими словами тойона, долго кумекали с Бюэном, что делать, и решили все же оставить их Сафрону — вдруг сумеет выходить. Тот на радостях притащил из юрты с полпуда конской колбасы и стал кругами ходить вокруг Андрея Ермолаевича.

Заметив, что якут не отходит от него, топограф наконец вспомнил про обещанную бумагу о переводе окрестных земель в госрезерв. Вынув из планшетки бланк геологоуправления, печатными буквами написал, что данный документ удостоверяет перевод долины речки Ягельная в госрезерв и введение на ее территории запрета на все виды деятельности.

Получив столь важную бумагу с печатью, якут поклялся:
— Сафрон крепко госрезерв хранит! Крепче Эскери!

Прошло четыре дня. За это время на Большом Пике воздвигли первый триангуляционный пункт — ажурную трехгранную пирамиду из смолистых стволов ошкуренной лиственницы. Отсюда, с высоты двух верст, хорошо была видна простиравшаяся во все стороны и теряющаяся в дымке горизонта необозримая горная страна. Этот хаос беловерхих громад и лесистых долин предстояло в деталях нанести на карту. А на одиннадцати гольцах построить триангуляторы. По ним в дальнейшем будут делать привязку других объектов. Работы непочатый край, но первый, самый трудный, шаг сделан.

Ночью небосвод, как нарочно, затягивали тучи, и геодезист Петр никак не мог выставить координаты триангулятора. Днем сплошной покров туч ветром разрывало на серые клочья. Их рукастые тени, ощупывая каждый отрог, крадучись уползали на запад, где дыбились

ЗОЛОТО АЛДАНА

угрюмые цепи гор, но с вечера, как нарочно, вновь напознала непроницаемая армада со стороны Охотского моря. Просидев на холоде и ветру две ночи, Пётр наконец поймал просвет, сквозь который открылись звезды для определения точных координат геодезического пункта.

В один из вечеров, кажется, как раз после установки триангулятора, когда все в ожидании ужина собрались у костра, Андрей Ермолаевич долго возился в палатке. Наконец, он вылез и торжественно объявил: «Дорогие друзья, сейчас будет говорить товарищ Сталин. После его выступления послушаем первомайскую демонстрацию в Москве. Внимание, включую!»

В наступившей тишине из палатки раздался и понесся над заснеженными горами хрипловатый голос. Изосим и эвенки от удивления раскрыли рты: они никак не могли понять, откуда в палатке топографа оказался человек. А когда из нее донесся грохот, а голос умолк, проводники со страхом переглянулись.

Андрей Ермолаевич же с рабочими, глядя на них, почему-то весело засмеялись. В это время сквозь брезентовую стенку донеслись возгласы множества людей, веселая музыка. Недоумению кочевников не было предела. Топограф вытер выступившие от смеха слезы и, пододвав ошеломленных таежников к палатке, откинул край брезента.

Тут Бюэн с ребятами и вовсе лишились дара речи. В их головах никак не укладывалось то, что в палатке говорят не люди, а зеленоватый ящик с красным глазком под названием «радио».

Вскоре Андрей Ермолаевич выключил его, так как батареек был всего один комплект, да и те просроченные, а ему хотелось хоть раз в месяц слушать новости из Москвы.

Завершив работы на Пике, оленный караван стал спускаться, огибая гору по корытообразному жёлобу, на лесистую равнину, через которую лежал путь ко второму гольцу.

Для отряда стало приятным сюрпризом отсутствие необходимости бить тропу в глубоком снеге: благодаря мощным волнам весеннего тепла внешний слой снежного покрова за день подтаивал, пропитывался влагой, а за ночь схватывался ледком — настом. Чтобы воспользоваться этим неожиданным подарком в полной мере, собирались и выезжали задолго до рассвета, как только редели сумерки — в это время наст самый прочный. Несмотря на широко раздвоенные копыта,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

олени, случалось, всё же пробивали льдистую корку, и животные резали ноги об острые кромки. Снег в таких местах обгагрался капельками крови. На крутых участках каюры ни на секунду не выпускали из рук крепкий остол, которым притормаживали разгонявшиеся нарты.

Наконец караван выехал на равнину, залатанную темно-зелеными лоскутами ельников. Здесь будет точка пересечения «прямого» и «обратного» маршрутов. (Если их наложить на карту, получится цифра восемь.) Через несколько недель отряд уже на обратном ходе должен вернуться сюда же. Поэтому тут заложили продовольственный склад. В нем кроме провианта оставили часть зимних вещей. Олени, почувствовав, что нарты полегчали, побежали бойчее.

По краю равнины тянулось озеро, покрытое льдом с тальми лужами и оплывшими застругами. Поехали по нему. Открытое пространство зрительно приближало рассеченный ущельями хребет, скрывавший голец Облачный — место установки следующей пирамиды. Казалось, что к вечеру, они непременно достигнут его, но доехали лишь к концу второго дня.

Бюэну в этих местах приходилось бывать, и он повел караван к среднему ущелью: по нему и подъем положе, и с перевала можно сразу спуститься прямо в долину, ведущую к гольцу.

Признаки весны тут были особенно заметны. Обласканный теплым ветром снег на солнцепеках таял всюю. От освободившейся земли шел запах созревшей травы, влажного ягеля. Загустел лес. Засновали стайки черноголовых синиц, чаще стали попадаться на глаза дятлы. Их размеренный стук, перемежающийся с барабанной трелью самцов, почти не смолкал. По тайге то и дело прокатывался густой шелест оседающего от тепла ноздреватого снега. Покорствуя дарованному теплу, набухали жизнью в оттаявшей земле семена трав. Из них проклёвывались к солнцу ростки. На головах оленей вздувались упругие бугорки, наполненные кровью. Скоро из них вырастут мягкие, покрытые пушистой шерсткой, ветвистые рога. К началу турнирных боев в августе они заострятся, приобретут стальную прочность, а в декабре — январе рога у быков отпадут.

Важенки же еще долго будут ходить со старыми, чтобы защищать беспомощных оленят. (Опытный Бюэн взял в экспедицию только быков.)

ЗОЛОТО АЛДАНА

Оленям сейчас особенно трудно. Мокрый снег, набиваясь между раздвоенных копыт, к вечеру смерзлся комочками и болезненно распирал их. Ещё снег налипал пудовыми глыбами к полозьям. Чтобы облегчить скольжение, нарты то и дело валили набок и ножом счищали его.

На ночевку встали у подножия тощего, сутулого отрожка. Напившись из ручья воды, наблюдательный Андрей Ермолаевич вдруг произнёс:

— Вода сильно железом отдает. Похоже, выше железосодержащая руда. Надо в отчете отразить.

Пока Изосим с Васкэ кашеварили, Бюэн наловил хариусов и приготовил полный таз малосольной рыбы.

— Да у нас сегодня пир! — увидев такое богатство, воскликнул Андрей Ермолаевич и не приминул достать фляжку.

«Разговорные капли» сделали свое дело — развязали людям языки. Суровый, неречистый Петр, бывало, за весь день слова не вымолвит, вдруг, повернувшись к Бюэну, заговорил:

— Как живут, чем занимаются якуты я видел, а вот как вы, эвенки, живёте, не знаю. Хотя очень любопытно. Ведь ваш народ населяет огромную территорию от Енисея до Охотского моря. Единственное, что я слышал, вы, в отличие от якутов, отказываетесь жить в поселках. Это так?

Проводник, вынул только что разожженную трубку изо рта и зачем-то принялся выбивать ее о валёжину. Его густые брови напряженно сомкнулись. Потом открыл костяную табакерку и долго вминал табак в чубук. Наконец откинул со лба волосы, уселся поудобней и начал говорить, то и дело сбиваясь на родной язык. Изосим хоть и не понимал некоторые слова, старательно переводил.

— Это правда, поселок жить не хотим. Как эвенку там жить? Оленю ягельники нужны. Олень кочует, мы кочуем. Летом кочуем, зимой кочуем — весь год кочуем. Где олень, там и эвенк. Зверя уьем — ставим чум, мясо едим. Праздник делаем. Так эвенк живет.

Добрый дух Агды — сын Сэвэки, эвенку помогает. Агды поселок жить не пойдет. Он живёт в лесу. Когда эвенк умирает, кладём в колоду и ставим на столбы в лесу. В поселке где ставишь колоду? То-то! Нет, нет! Никак нельзя эвенку в посёлок, — твердил разволновавшийся проводник.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Бюэн, я видел одну вашу колоду, а рядом котёл с дыркой. Почему?

— Мёртвому всё даём с дыркой. Даже лепёшку с дыркой. Если мертвый захочет забрать — уйдём через дырку. Когда уходим, даже следы укрываем снегом или ветками, чтобы не шёл назад. Чум, в котором он умер, сжигаем и говорим: «Не возвращайся, не вреди нам и своим детям»... Теперь понял, почему нельзя жить в поселке? Мёртвые всех заберут. Нет, нет! Никак нельзя эвенку жить в поселке.

После смерти плохой эвенк умирает навсегда. Его забирает злой дух Харги. Он живёт под землёй. Хорошего эвенка, чтобы на земле не было тесно, забирает Сэвэки через дыру в верхнее кочевье. Эта дыра — Северная звезда называется. Там всё наоборот: у нас лето, там зима. Там эвенк отдыхает. Когда старое тело совсем пропадает, Сэвэки возвращает эвенка в тело младенца.

В горах тоже духи есть. Они могут летать куда хотят, быть эвенком, зверем. Портить их. Он может ходить в верхнее царство и нижнее царство. Шаман знает всех духов. Может говорить им: «забери болезнь» я тебе буду давать мясо, рыбу. Они забирают. Там может узнавать, у кого родится ребенок, кто зверя добудет, — переводил Бюэна Изосим.

— Ну, с духами разобрались, а сами-то чем занимаетесь?

Глубоко затянувшись, Бюэн уже уверенней продолжил:

— Женщины чум ставят, еду готовят, доят оленей, дрова рубят, шкуры выделывают, унты, одежду шьют, детей смотрят. У нас другая работа. Охраняем, пасем стадо, охотимся. В праздники несколько родов вместе собираем. Много едим. Танцуем. Из ружей метко стреляем. Загадки загадываем.

— Загадай какую-нибудь, — попросил Петр.

— Старик стоит, небо подпирает?

Недолго думали слушатели, враз отгадали:

— Дым!

— Без крыльев летит, без голоса, а свистит?

— Ветер! — опередив всех, азартно выкрикнул Андрей Ермолаевич.

— Быстро отгадываете. Загадаю потруднее: «В середине бревно, по бокам два озера, а внизу яма?»

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Нос, глаза и рот! — сообразил Изосим.

— Молодец, голова хорошо работает! — похвалил внучатого племянника проводник.

— Бюэн, а как все же вас правильной называть: тунгусы или эвенки? — не унимался любознательный геодезист.

— Сами себя зовем «эвэнкил». Слово «тунгусы» придумали лучи. Мы так не говорим.

— Вы с якутами на одной территории живете, а домашние животные у вас разные. У них лошади, у вас олени. Почему?

— Когда Сэвэки решил дать людям оленей, он стал кидать их с верхнего кочевья. Мы постелили им мох, развели дымокуры. Олени упали на мох возле дымокуров. Им было мягко. Их не кусали комары и оводы. Вот у эвенков олень и прижился. А в других местах ороны падали прямо на землю. Ушиблись, убежали.

Все рассмеялись от такого по-детски наивного толкования. Андрей Ермолаевич, вытирая выступившие от смеха слезы, напомнил:

— Товарищи, время позднее, пора спать. Спасибо, Бюэн, за интересную информацию. Если еще у кого есть вопросы, завтра спросите.

* * *

Через неделю ещё одна пирамида увенчала голец. Отряд, следуя заданию, продолжал двигаться на север, делая топографические съёмки. Ночные заморозки прекратились. Люди сменили тяжелую зимнюю одежду на летнюю. На ноги вместо меховых унтов надели легкие ичиги из лосины, выложив их изнутри киусом.

Тонкий смолистый аромат распушившейся мягкими светло-зелёными иглами лиственницы пропитал воздух. В тайгу пришла та благодатная пора, когда уже довольно тепло, но кровососы еще не расплодились. Изредка пикировали лишь пережившие зиму крупные комары, но их было так мало, что Изосим не обращал на них внимания и даже позволял насосаться крови.

Пользуясь потеплением и отсутствием гнуса, на очередной стоянке, разбитой рядом с небольшим, в три юрты, наслегом, палатки не ставили. Расстелив шкуры прямо на земле, легли под открытым небом, хотя якуты предупреждали, что ночью «небо начнет плакать», и предлагали ночевать в юртах.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— У доброго хозяина и возле юрты хорошо, а у худого и у очага замерзнешь, — отговаривался Андрей Ермолаевич, забираясь в любимый спальник из шкур толсторогов — снежных баранов. В отличие от оленьих, они не продырявлены личинками оводов, да и мех у них более стойкий к вытиранию.

Среди ночи толпа туч, отдохавшая на склоне хребта, тяжело толкаясь во тьме, действительно сползла на пойму, и посыпал не крупный, но частый дождь. Пришлось-таки перебираться в юрты к якутам. Утром подивились тому, как набухла речка. В этих краях всегда так — почва из-за вечной мерзлоты пресыщена влагой, и даже непродолжительные осадки вызывают резкий подъем воды.

Часть берега, подмытая течением, на глазах людей обрушилась, обнажив, к общему восторгу, кладбище мамонтов. Из мощной льдистой жилы с густой примесью гальки и песка торчали кости. Среди них выделялся громадный череп с глазницами, забитыми льдом вперемежку с песком. Андрей Ермолаевич, никогда прежде не видевший столь хорошо сохранившиеся останки доисторических исполинов, ходил вокруг, фотографируя их и якутов, которые тут же принялись откапывать и сортировать кости.

Мощные, нежно-кремового цвета бивни освободили в первую очередь и сразу унесли к юртам. Каждый бивень тянул пуда на четыре. Здесь их тщательно вымыли и, чтобы после извлечения из промерзшего грунта они не расслоились и не растрескались, завернули каждый в отдельности в толстый слой ягеля, после чего закопали в землю прямо в юрте. Там они будут лежать долгие месяцы, постепенно отдавая накопившуюся внутреннюю влагу. Только после этого из бивня можно будет вырезать посуду и красивые поделки: скребки, рукоятки ножей, фигурки людей и божков, гребни, застежки на оленью упряжь. Полуторасаженные ребра тоже пойдут в дело — якуты используют их при сооружении хозяйственных построек.

По местным преданиям, именно мамонт — Шэли — помог Сэвэки сотворить землю, подняв ее бивнями со дна первозданного моря. Вода в нем дважды в день опускается и поднимается, потому что духи умерших мамонтов в это время приходят на водопой.

На следующий день, как только немного подсохло, отряд тронулся в путь. Полозья нарт скользили по влажной траве и ягелю, мыльно-скользкому после дождя, как по снегу.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Сколько мяса, сколько мяса! — трещали с деревьев возле вчерашнего оползня лощеные сороки. Подойдя ближе, люди увидели, что за ночь от берега отвалился еще один пласт земли и из голубоватой линзы обнажился шерстистый бок взрослого мамонта. Из-под его живота выглядывала голова мамонтенка с бивнями всего в четыре вершка. Собаки оленеводов уже разнюхали этот склад мяса и успели выгрызть в мерзлом боку мамаша темно-красные оспины.

Андрей Ермолаевич принялся с удвоенным азартом фотографировать уникальное обнажение со всех сторон. Потом ножом вырезал для зоологов кусок шкуры, покрытый длинной рыжевато-бурой шерстью. Мамонтятина на срезе выглядела свежо. Только пахло не кровью, а сырой землей, да волокна мышц были гораздо толще.

— Жаль, спины не видно. Поглядеть бы, есть ли там горб, в котором мамонты, как рассказывали на лекции, откладывали жир про запас.

— Андрей Ермолаевич, а где эти мамонты живут? Я их следов никогда не встречал, — поинтересовался Изосим.

— Ещё бы! Они же вымерли во время последнего оледенения, примерно десять тысяч лет назад, но некоторые, как видишь, благодаря вечной мерзлоте великолепно сохранились. Столько лет прошло, а мясо даже цвет не изменило. Поразительно!

Вскоре караван въехал в расщелину, ведущую к группе кряжей, исполованных языками ледников. Они выползали из-под снежных шлемов, венчающих куполообразные вершины. И без того узкий проход, все более сужаясь, превращался в мрачную теснину, в которой постоянно дул встречный ветер. Олени с трудом тянули нарты. Впереди на скалистую площадку выскочили снежные бараны. Увидев людей, они развернулись и, легко прыгая по камням, взбежали наверх, быстро скрывшись за гребнем.

Наконец подъем позади. На перевале стояли жерди, увешанные черепами, рогами, лоскутками — похоже, этим переходом люди пользуются давно и часто. Бюэн тоже привязал белую тряпочку со словами: «Не обижай нас, Сэвэки».

Немного передохнув на седловине, начали спуск. Горы расступались, открывая вид на уже совершенно зеленую пойму, весьма просторную и ровную. На фоне оставшихся за спиной каменных громад, где ничего, кроме мхов и лишайников, не росло, а в верхней части

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

и вовсе одни безжизненные скалы и лед, этот обширный тихий оазис, состоящий из кедров и берез, уже выпустивших молодые листочки, поднял всем настроение и приободрил. Заметив одинокую струйку дыма над деревьями, Андрей Ермолаевич дал команду Бюэну вести аргиш¹ к ней.

На лесной полянке, покрытой темно-зелеными курчавыми стебельками брусники, над костром на косо воткнутой палке висел прокопченный чайник. Судя по тому, что запотевшие бока лоснились от капелек воды, подвешен он был недавно. Огляделись — вокруг ни души. Только на смолистом сучке сосны болталось старинное длинноствольное ружье с курком, похожим на оттопыренный большой палец. Деревянный приклад, видимо, треснувший, обмотан сырмятиной. Тут же на тонком ремешке кожаная сумочка с патронами и привязанным к ней кресалом.

Остановившись поодаль, Бюэн стал распрягать утомленных оронов. Дальние кусты зашевелились и показался невысокий тщедушный эвенк, тянувший за собой несколько сухостоин. На нем потертая куртка из лосины и кожаные штаны из кабарожьей замши. На ногах — изношенные ичиги со свежими заплатами.

Немогущий на вид, на самом деле он был крепким и жилистым промысловиком. За ним, поглядывая по сторонам умными, добрыми глазами, брел вместо собаки олень с вялыми от усталости ушами.

Дедок подошел к костерку и тихо опустил свою ношу. Рядом воткнул посох — длинную палку с железным наконечником. В верхней части посоха торчал сучок, оставленный специально, чтобы удобно было класть ружье для большей точности выстрела. Присев на корточки, набил трубку с коротким прямым мундштуком. Выхватив из огня горящую ветку, прикурил и стал попыхивать дымом, как бы и не замечая незваных соседей. Его морщинистое, как высохшее яблоко, желтовато-смуглое лицо с широким, чуть приплюснутым носом, жиденькими волосками на верхней губе и такой же жиденькой бородкой, было отрешено.

Люди почувствовали себя неловко — раскинулись на полянке вольготным станом, не спросив разрешения у хозяина. Некоторое время они сидели молча, наблюдая за разгорающимся костром.

¹ Аргиш (эвенк.) — олений караван.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Взлетающие искры, кружась, словно светлячки, растворялись в сгущающихся сумерках.

Чтобы снять напряжённость, Андрей Ермолаевич вынул из мешка фляжку и, красноречиво побулькивая, подошёл к деду. Сдержанное равнодушие с лица старика мгновенно исчезло. Узкие глазки глянули на шедшего приветливо, лицо вмиг осветила улыбка.

Поздоровались. Андрей Ермолаевич еще раз выразительно побулькал содержимым баклажки. Эвенк молча достал берестяную кружку. Через минуту они уже знакомились:

— Окирэ.

— Андрей.

А после второй стали лучшими друзьями.

Оказалось, что старик промышляет здесь кабарожек.

— Этот год восемь видел, струйника¹ нет. Худая охота, — посетовал он.

— А на медведя не пробовали охотиться? Мы недавно след муравейника² пересекли.

— Амаку нельзя убивать. Эвенки от него послы.

— С чего это вы так решили?

— Слушай, если не знаешь! У первой пары люди было сетыре сына и пять досерей. Зенились сыновья на досерях, — одна лисняя осталась. В доме все стали с ней ругаться. Отец выгнал ее в лес. Там она встретила амаку и стала с ним зить. От них посел нас народ.

Однако, когда очень надо желчь или жир для больного, можно ходить к амаке гости³. Надо только просить разресение у Сэвэки стрелять амаку. Когда взял амаку, надо скажи: «Не сердись, дедуска, лечить человека надо». А когда скуру снял: «Дедуска, тебя не я обдираю, это муравьи тебя секочут». Голову надо садить на молодой ствол и ветку в пасть ставить, тогда дух амаки за тобой не ходит, селится маленьком медведе, — втолковывал старик Андрею Ермолаевичу.

¹ Струйник — самец кабарги, добываемый в основном ради «струи» — целебной мускусной железы.

² Муравейник — мелкий, как правило молодой медведь, нередко питающийся муравьями.

³ Эвенки, чтобы не сердить и не обижать зверя, никогда не говорят: «иду на охоту», вместо этого говорят: «иду в гости».

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Окирэ, где ваш чум, олени? — поинтересовался подошедший Бюэн.

— Я — не оленный эвенк, я — охотник. Жена умерла. Больсе не женился.

— Ахия ачин бэе — ангадякан¹, — посочувствовал проводник.

— Одному тозе хоросо. Куда хосю — туда иду. Никто ни спрашиваю. Сын искал, говорил с ним жить. Три круга жил. Как болел, усел — за чем лисний рот. Дети пусть хоросо едят. Правильно делал — болезнь ушла. Теперь живу один, след зверя пока не теряю.

— Окирэ, вы неплохо говорите по-русски!

— С ученым долго ходил. Он писал, смотрел нас народ. Я его учил, он меня учил.

Немного помолчав, дед, хитровато прищурившись, посмотрел на топографа:

— Андрей, можесь Окирэ порох мал-мало дари? Я свой кончал. Сколько ни бей кресалом о кремень, пороха нет — пуля не летит.

Получив в руки нераспечатанную коробку дымного пороха, охотник осоловел от счастья и потешно замигал, будто плакать собрался от невиданной щедрости.

Андрей Ермолаевич, видя, что старик почти не ест, только чай пьет, стал подсовывать ему кусочки рафинада. Тот откусывал сахар по чуть-чуть и подолгу с наслаждением сосал его.

— Слаще березового сока. Во рту сладко, и жизнь сладко, — жмурился он от удовольствия. — Андрей, где такой белый камень брал? Скажи, тоже буду колоть — топор есть.

— Извини, Окирэ. Топором такой камень не добыть. Его варят из корней сахарной свеклы, а она в этих краях не растет. Хочешь, не хочешь, придется тебе соболюшки шкурки на сахар менять.

— Эх, начальник, ты не знаесь, у нас летом много солнца — все растет. — Окирэ встал, подложил в костер веток. Снова присел рядом с топографом и смущенно протянул кружку:

— Можесь есё? Окирэ крепко гулять хочет...

В прогоравшем костре переменчиво мерцали угли. Язычки пламени, очнувшись, вдруг пробежали по суставчатым головешкам и опять

¹ Ахия ачин бэе — ангадякан (эвенк.) — муж без жены — сирота.

ЗОЛОТО АЛДАНА

затаивались, накапливая жар для нового всплеска. Кто-то из рабочих подложил сучьев. Отсветы ожившего огня забегали, заиграли по загорелым, заросшим лицам. На яркий свет метелицей налетели мелкие бабочки. Хорошо возле костра, тепло, уютно. Глядишь, как огонь съедает сушняк, как разгораются и тают угли, и тело охватывает ощущение такого блаженного покоя, что не хочется даже шевелиться.

Укрывая заснувшего старика, один из рабочих заметил:

— До чего непритязательный народ, дальше некуда. Выпил, покурил трубку и свернулся себе калачиком прямо на земле.

— Вот бы и вас приучить к такой простоте — цены бы вам в «поле» не было, — с мечтательной улыбкой произнес начальник партии, закручивая переросший ус на палец...

Неутомимый дед спозаранку зарядил патроны и, сбежав в кедрач, подстрелил двух глухарей-петухов. Ощипал, выпотрошил и одного сразу насадил на вертел. Аромат покрывающегося янтарной коркой мяса поплыл по стану, разбудил народ.

Умывшись, Андрей Ермолаевич поставил на пенек походное зеркало и сел бриться. Окирэ с любопытством наблюдал за тем, как вместе с мыльной пеной слезает густая щетина и каким гладким, молодым становится лицо русского друга. Он подошел поближе и отчетливо увидел в зеркале себя и все, что позади. Удивленно вглядываясь в отражение, старик то наклонял голову, то строил рожицы, то махал рукой:

— Как в такое маленькое окно я уместился? И деревья, и небо тоже. Как так получается? — изумлялся он.

— Это не ты, а твое отражение. Такое же, как в спокойной воде.

— Неглупый, понимаю, но в твоём «озере» совсем нет воды, а видно много и хоросо.

Окирэ шлепнул себя по щеке.

— Комара пугать надо, — произнёс он и отошёл на край полянки. Там наломал охапку багульника, усеянного темно-зелеными листьями-чешуйками. Вернувшись, мелко нарубил его топориком и ссыпал в котелок с водой. С полчаса кипятил на слабом огне. Когда отвар остыл, помазал зеленоватой жидкостью одежду, лицо, руки. Крылатые кровопийцы сразу потеряли к нему интерес.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Да вы, Окирэ, настоящий шаман, — восхитился топограф и попросил разрешения намазаться чудотворной жидкостью.

— Бери. Багульник много, ещё варю.

— Сколько лет в поле, а про такое простецкое средство не знал.

— Тайга все есть, хорошо смотри надо, — ответил Окирэ.

Срубленная вчера на стойки для палатки береза на срезе окрасилась в синеватый цвет.

«В почве Теплой долины много меди», — сделал в журнале очередную пометку для геологов Андрей Ермолаевич.

* * *

Спустя пять дней отряд развернул лагерь перед моренным валом. За ним возвышался туповерхий голец с трогательным названием Лысый Дед — крайняя, самая северная точка маршрута. На его вершине предстояло соорудить пирамиду. После этого отряд повернёт обратно и направится по зеркально отраженному маршруту к устью речки Быстрой, замкнув в итоге прямой и обратный маршруты.

Старик Окирэ увязался с ними. Вспомнил, что в окрестностях Лысого Деда в молодости удачно охотился на кабаргу, и решил попытать удачу ещё раз. Пока шли, он то и дело громко вскрикивал: «От! От!» Поначалу это отнесли к стариковским причудам, но поскольку крики продолжались, Андрей Ермолаевич не утерпел:

— Окирэ, зачем кричите?

— Сто не понятно? Амаке говорю: «Уходи, брат, дай мне ходи». Здесь амаки много живи.

На сыроватой тропе, действительно, обнаружили свежие отпечатки когтистых лап двух медведей: огромные и поменьше.

— Большой амака чужака гонял, — определил Окирэ.

Увидев, что рабочие наступают на ее следы, эвенк заволновался:

— Не ходи след, — тихо попросил он.

— Почему не ходи?

— Амака сердится. Будет думать, не признаем, сто он хозяин. Смотри, — показал он на задиры. — Нам делал.

Все запрокинули головы и увидели разодранную когтями на полосы кору громадной ели.

— Как он туда дотянулся? — удивился кто-то из рабочих.

— Сильно большой. Сердить не надо.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Восхождение на голец не сулило осложнений: крутые, неприступные, на первый взгляд, склоны в нескольких местах разрежали удобные для подъёма каменистые желоба — следы сползших ледников. Оставленные ими моренные валы — каменные запруды, вытянутой дугой обрамляющие желоба, указывали, докуда доползал ледник, а затем отступал много лет назад.

Андрей Ермолаевич с рабочим отправились по ближайшему желобу к вершине для разведки и первичной топосъемки. Вместе с ними по краям желоба «взбирались» хвойные деревья, цеплявшиеся за каждую щепотку плодородной почвы. Верхней границы леса достигали только лиственницы. Видимо, это единственная порода, способная выжить в суровом высокогорье. Но какой жалкий вид имеют здесь эти деревца, вклинившиеся в мертвые камни, и какой ценою они платят за жизнь! Их стволы вместе с кронами изогнуты в смиренном поклоне. Такую форму они приобрели из-за губительных ветров, дующих чаще всего с севера и северо-запада. Корни у многих обнажены, верхушки засохли, да и сами стволы почти мертвы. Жизни в них всего-навсего капелька, бережно спрятанная с подветренной стороны под узкой полоской коры. Эти деревца напоминают изувеченных воинов, сиротливо стоящих в окружении погибших товарищей.

Наблюдая за парящим над гольцом беркутом, Андрей Ермолаевич боковым зрением заметил, как наверху вдруг замутнело облачко пыли. Пригляделся. Оно приближалось, на глазах превращаясь в грохочущую каменно-пылевую лавину, несущуюся прямо на них. Топограф схватил рабочего за руку и, в три прыжка достигнув выступавшей из курумника глыбы, буквально прилип к ее подножию. Град камней оглушительно загремел прямо над головами. Скала-защитница от ударов вздрагивала, но терпела. Грохот усиливался, и путники уже прощались с жизнью, но, слава богу, камнепад пронесся, так и не сумев расколоть или столкнуть их спасительницу.

Оглушенные разведчики встали, засыпанные с ног до головы серой крошкой. От запаха множества искр, высеченных при ударах камней, першило в носу. Бледный Андрей Ермолаевич, отряхнувшись, первым делом снял рюкзак и вынул из него ящичек, в котором хранился теодолит. Открыв крышку, облегченно вздохнул — прибор не пострадал.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Нашлась и и выроненная рабочим тренога. Правда, помятая. Осмотрев ее, рабочий успокоил начальника — поломка несложная, отремонтирую.

На четвёртый день все запланированные на гольце и в его окрестностях работы были выполнены. Андрей Ермолаевич был доволен: отряд шел с опережением графика и посему решил задержаться в обустроенном и обжитом лагере, чтобы люди могли помыться, постираться, подремонтироваться.

В отдельной палатке докрасна раскопегарили обложенную валунами железную печь, нагрели в котле воду, застелили пол свежесрезанной травой, наломали березовых веников и по два человека, попарились.

Окирэ, слушая дикие вопли первой пары, пришел в ужас. «Там злой дух дерётся. Не пойду туда», — решил он. Но когда красные, как варенные раки, мужики первый раз выбежали из нее и со счастливым рёвом прыгнули в ледяную воду, понял, что такое истязание очень нравится лучи.

ДОРОГА ДОМОЙ

Криками: «От! От!» Бюэн разбудил дремавших под защитой дыма оленей. Зашевелился, разорвался войлок из спин лежащих животных. Они лениво поднимаются, потягиваются и смотрят то на каюра, то на вожака. Заарканив быка, Бюэн пытается надеть на него упряжь. Сильный олень, дико кося большие круглые глаза, упирается. Наконец, сдается и покорно идет к передним нартам. После этого остальные ороны, трубно рюхая, сами подходят и занимают свои места в караване. Через полчаса аргиш собран и трогается на юг, чтобы в сентябре замкнуть маршрут накрывающий топографической съемкой этот огромный горно-таежный край.

Окирэ, добывший у подножья гольца уже трех струйников, объявил:

— Этот лагерь останусь — стол есть, лавка есть. Сидеть буду, вас вспоминать буду.

— Спасибо! Аят бикэлу! До свидания! — с грустью прощались топографы, полюбившие этого симпатичного и забавного старикана.

ЗОЛОТО АЛДАНА

* * *

Отряду предстоял переход в долину, закрытую от них длинным и, пожалуй, самым высоким на этой территории хребтом. Доступный перевал нашли в неглубоком разломе между двух куполообразных вершин. Подошли к нему в полдень. Его дно покрывал лёд. От многоцветия причудливо изгибающихся пластов каменных обнажений у путников зарябило в глазах. Эта «радуга» с лихвой компенсировала салатную бледность лишайников, покрывавших отвесные скаты. Как вскоре выяснилось, теснина обладала занятным свойством — малейший шорох усиливался и множился долгим эхо.

Хотя было начало июля, в боковых нишах всё ещё лежал снег. Из-под него сочились тоненькие струйки. Собираясь в ручеек, они промыли во льду щелевидные «каньоны». Их полупрозрачные стенки, будто подсвечиваемые изнутри, переливались на извивах голубым перламутром. Похоже, что лёд, не успевая растаять за лето, лежит здесь круглый год.

В одном месте довольно широкая промоина подступала почти вплотную к скалистому выступу, и каравану надо было пересечь ее.

Олени, подняв хвостики, словно боялись промочить их, перепрыгивали парами. Один бык всё же поскользнулся и съехал в трещину задними ногами. Повиснув на потяге, он в ужасе забился, съезжая все глубже. В шеи остальных оленей удавкой врезались упряжные ремни. Они хрипели, но старательно тянули, упираясь о лед копытами. Однако им не доставало сил вытащить застрявшего собрата. Подбежали рабочие. Общими усилиями вытянули перепуганное животное. Сняв упряжь, на его место поставили запасного оленя. В память об этом происшествии ручей был нанесен на карту под названием «Скользкий».

Метров через пятьсот, караван из царства льда вновь попал в лето. Открывшуюся путникам широкую террасу покрывало не только мелкокольесье, но и полянки, пестревшие множеством цветов. На солнцепеках янтарными гроздьями рассыпана наливающаяся сладким соком морошка. Колючие кусты шиповника, возвышаясь над ней, покачивали на легком ветру ветками, усыпанными малиновыми розочками.

По удобной изложине съехали на бескрайнюю марь. Только в двух местах ее мшистая гладь вспучивалась невысокими грядами.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Ярко-зеленые мхи, утыканные крохотными кустиками клюквы, перемежались чашами озёр и реденькими рощичками чахлах берёзок. Это уникальное по жизнестойкости дерево, благодаря своей способности выпускать и поверхностные корни, может расти как на скалах, так и на зыбкой почве.

По количеству гнуса эта местность смело могла претендовать на звание самого продуктивного питомника кровососов. Как только караван вторгся во владения этих кровожадных насекомых, многомиллионные полчища, как будто получив чью-то команду, серым пеплом накрыли свежую поживу. Пока люди торопливо доставали накомарники, оголодавшие насекомые успели довести многих до иступления.

Если бы Господь надумал создать на Земле ад, то эти мари подошли бы для этой цели как нельзя лучше — ни одно живое существо не в состоянии жить здесь постоянно. За все время, пока караван пересекал марь, путники не встретили ни одного зверя, ни одной птицы. Люди стали раздражительными, резкими. Трудно понять, как все они вытерпели эти страшные муки и вырвались из этого ада, не тронувшись умом.

Среди кровососов самый страшный бич — мошка. Она проникает в любое место, но больше всего любит веки, набивается в волосы, в подмышки. Искусанное мошкой лицо опухает так, что на него страшно смотреть. Там, где она укусила, появляется кровотокающая, нестерпимо зудящая ранка. Причем, если попытаться почесать это место, то жжение только усилится.

Чуть меньше докучает другой мучитель — мокрец. Эти мельчайшие, почти невидимые насекомые облепляют, как паутина. Их даже согнать невозможно. Приходится время от времени просто стирать рукой с лица и шеи. Отбиваясь от кровососов, вспоминали отвар багульника деда Окирэ и кляли себя за то, что не прихватили в запас его пахучих веточек. Тут багульник, к сожалению, не рос.

Больше всех доставалось запряженным оленям — ни почесаться, ни потереться. От болезненных укусов в пах и живот они беспрестанно подергивали шкурой, сучили ногами. Лошадок же выручали длинные, до земли, хвосты. Они умудрялись охлестывать ими почти все тело.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Хорошо хоть паутов¹ не было: укусы этих «бомбардировщиков» самые болезненные. А подкожные и носоглоточные личинки превращают жизнь оленей в сущий ад. Тогда обезумевшие животные, пытаясь спастись, начинают беспорядочно носиться, худеют. Если поблизости есть вода, бросаются в неё.

Шагать по податливому мшистому ковру среди дурманящих испарений и без кровососов тяжело, а тут полный набор всех «удовольствий». Мари никто не любит, но у полевиков нет такого понятия: «любишь, не любишь» — маршрут чётко прописан в задании.

Впереди блеснула гладь озера. Над ним пухли, опускаясь все ниже, черногрудые, с обвислым пузом тучи. На ходу созревая, они зачернили все небо. Воздух, пронизанный напряженностью электрического поля, казалось, вот-вот взорвется. Порывистый ветер принёс прохладу. С глухим стуком упали первые увесистые капли, и почти сразу хлынул косохлест. Следом ослепительный блеск обжег глаза. Молнии, ломаясь и скрещиваясь, вспарывали, полосовали брюхатые тучи, окружали отряд огненным частоколом. Земная твердь от беспрестанных ударов ослепительных стрел вздрагивала и, казалось, вот-вот расколется. Из-за оглушительной канонады путникам приходилось объясняться жестами.

Шквалистый ветер вкупе с потоками воды валил с ног. Ливень длился недолго, но путники вымокли так, будто только что вылезли из воды.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, но тучи, стряхнув с себя последние капли, еще долго озаряли окрестности голубоватыми сполохами. Наконец ветер разорвал отощавшие громады, и на землю хлынули снопы света. Уже к вечеру над головой сиял, словно вымытый, небосвод. Такую сочную синеву можно увидеть ещё разве что осенью.

Ломаные зубцы гор, замаячившие вдали, подняли настроение путников: равнина пошла на подъём — скоро конец этой кошмарной мари. Появился лес. Правда, пока низкорослый и прозрачный. Воздух стал суше, задышалось легче. На ходу собирали мясистую морошку.

¹ Паут — просторечное название овода.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Наберешь полную пригоршню, положишь в рот, и она тут же тает сплошным сладким соком. Наклонившись за очередной порцией ягод, глазастый Бюэн увидел в траве человеческий череп с полуоткрытой челюстью. Во лбу — круглая дырка. На земле кое-где белели кости. Между ними какие-то предметы. Проводник остановил караван. Тщательно обследовав это место, обнаружили браунинг с обоймой патронов, цейсовский бинокль, золотые часы и портсигар. В остатках кителя документы на имя Бородина Александра Викторовича, выданные в Петрограде, медальон с фотографией дамы с девочкой, похожей на ангелочка, и сморщенный кожаный мешочек. Как только его взяли в руки, он разошелся по шву и в образовавшуюся щелку полились желтые крупинки.

— Вот ещё одно подтверждение главного свойства золота — притягивать смерть, — грустно заметил Андрей Ермолаевич.

Предав земле останки, двинулись дальше.

* * *

Долины, перемежаясь с хребтами, на господствующих вершинах которых выростали триангуляторы, сменяли одна другую. Люди порой путались в череде переходов и начинали спорить, где случилось то или иное событие. Не заметили, как пролетел июль и начался август.

Караван шел по очередной, ограниченной горными хребтами долине. Поскольку речную пойму покрывали густые заросли, Бюэн старался придерживаться хорошо набитой звериной тропы, тянущейся вдоль подножия хребта. Было жарко, глаза путников заливал солёный пот. Едущим впереди частенько приходилось вставать с нарт и махать топором, прорубая проход. Неожиданно повалился, забил ногами и захрипел самый сильный орон. Через минуту он стих. Все потрясенно переглядывались.

— Сердце разорвало — сильно старался, — объяснил проводник. — Надо распрягать, запасного ставить.

— Точно от перегрузки?

— Точно, точно!

— Тогда режь горло. Кровь спустим, на мясо пойдет, — распорядился хозяйственный Андрей Ермолаевич.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Разделав тушу, полевики, подавленные дурными предчувствиями, торопливо покинули это место. Выйдя на речную косу, встали на ночевку.

В воздухе стоял неумолчный рокот горного потока. Время от времени, когда ветер затихал, отчетливо было слышно, как вода тащит по дну камни. Солнце, раскаленное за день добела, опускаясь, быстро остывало. Ещё быстрее остывала тайга — сказывалось дыхание многометровой вечной мерзлоты.

Обомшелые пни от спиленных кедров и лиственниц говорили о близости людей. Действительно, через версту отряд вышел на брошенное и уже поросшее березками поселение. Могильная тишина царила на том месте, где некогда кипела жизнь со своими радостями и горестями. Скрупулезный Андрей Ермолаевич пересчитал постройки и нанес на карту, подписав: «Нежилой хутор». Неподалеку обнаружили погост: низенькие срубы с двускатными крышами и крестами на них, тоже увенчанные «крышами», но значительно меньших размеров. Часть могил без срубов, только с крестами.

Не ведали топографы, что это был тот самый скит, где отец Изосима — Корней много лет назад встретил профессора Григория и девочку Ефимию. И что если поехать на северо-запад, то можно упереться в монастырь, а если двинуться прямо на север, то попадёшь в притаившийся за Синими горами родной для Изосима староверческий скит. Не ведали они и о том, что несколько дней назад их отряд прошел всего в нескольких верстах от пепелища лосевского гарнизона ...

Дальше маршрут вел к горам, сплошь покрытым угловатыми глыбами. Пятна лишайников багряного цвета делали камни похожими на горящие костры. Лес поредел, и отряду открылась почти лишенная растительности трехгранная гора, похожая на Клык. (Изосим узнал её — она просматривалась далеко на юге с Водопадов, но промолчал — ни к чему посторонним знать, где находится их скит.) Только отдельные низкорослые кустики полярной березы и зелёные куртинки можжевельника оживляли её угрюмые скаты.

Подъем на вершину оказался необычайно крутым и сложным. А приходилось ещё нести наверх тяжёлые заготовки для постройки триангуляторов. В общем, попотеть пришлось изрядно. Да ещё, как всегда,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

из-за непогоды пришлось две ночи дежурить на вершине — караулить звезды. Внизу тепло, но донимают оводы. Наверху оводов нет, но до костей продувает холодный ветер. Хороший костер не разложишь: дров в обрез, только те, что подняли с собой. Но никто не роптал — знали: когда спустятся вниз, их встретит жаркий костер, а чай, который нальют им товарищи, будет самым вкусным на всем белом свете.

* * *

По календарю еще лето, но по ночам уже навевается осень. Речки задышали знобкой стынью. Склоны испятнали мазки тронутой утренними заморозками растительности. В избавленном от колышущегося марева воздухе гребни гор проступали столь четко и рельефно, что казалось, будто они приблизились. Высокий небосвод залила густая синева, а звезды ночью сияли так, будто их натёрли меховой рукавицей.

Давно смолкли пернатые. Лишь гортанные крики гусей и трубная, далеко разносившаяся по поднебесью перекличка журавлей, гонимых северным ветром в теплые страны, рвали душу. Одни лебеди пролетали молча, важно. В плавных, затяжных взмахах их крыльев — царственное величие.

Тайга, запасая семена для следующего цикла жизни, замерла, восхищённая своей невероятной, но недолгой красотой — пройдет две-три недели, и это великолепие исчезнет. Все покорится зиме. Земля и небо сольются в метельных хороводах в один цвет. А пока на высокогорных полянах, покрытых сизым ковром голубики, всю жируют глухари; отъедаются с утра до вечера, готовясь к спячке, медведи. В предгорьях, на кровавой бруснике и кедровом стланике, кормятся стаи куропаток. Когда караван приближался, старшая резким криком предупреждала об опасности, однако сородичи продолжали столоваться как ни в чем не бывал, и начинали вразвалку отбегать, лишь когда аргиш оказывался совсем близко.

— Братцы, шабаш, встаем на ночевку, — скомандовал наконец начальник партии.

— Пошли мало-мало вперед, — попросил его проводник. — Мяса надо.

— При чем тут мясо?

— Грибов много. Сохатый грибы любит. Засаду делать буду.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Изосиму не пришлось долго уговаривать Бюэна взять его с собой. Устроились в кустах так, чтобы подошедший зверь оказался напротив лика луны — чтобы лучше было видно мушку. Союзник-ветер торопил тучи, обнажая утыканное серебристыми искорками черное небо.

Что-то зашумело. Среди деревьев во тьме замелькали огоньки. Они быстро пересекли поляну и углубились в лес. Охотники чувствовали, что вокруг происходит что-то неладное. В воздухе запахло опасностью. Но потихоньку непонятная напряженность рассеялась.

Бык появился на дальнем краю полянки перед рассветом, когда охотники уже потеряли надежду. Зато какой! Великан пудов за тридцать! Однако для верного выстрела зверь находился далековато.

Медленно двигаясь, лось поедал крепкие белые грибы, обходя червивые. Насытившись, поднял украшенную двумя лопатами рогов голову, вытянул шею и коротко мыкнул. Мыкнул не во всю мощь, а сипло, будто горло прочищал. Потом, всхрапывая в надежде на схватку с воображаемым соперником, принялся бить копытом землю. Накалившись страстью, протрубил уже протяжно, что было силы.

— Гон у них, на бой вызывает, — тихо произнёс эвенк, повернувшись к Изосиму.

Откликнулись на вызов сразу двое. Через несколько минут до охотников донесся треск ветвей, и они увидели, что к «трубачу» выбежал один из них. Сближаясь, соперники нацелили друг на друга рога и забили в ярости копытами.

— Сейчас драться будут, — прошептал эвенк, прицеливаясь.

Но произошло нечто странное: животные стали... танцевать, высоко подпрыгивая и одновременно разворачиваясь в воздухе так легко и свободно, как будто они не громадные звери, а невесомые беззаботные пташки.

Мушка ружья задрожала.

— Что не стреляйте, дядя Бюэн? — заволновался Изосим.

— Не могу, — выдохнул эвенк...

Возвращались охотники без добычи, но и без сожаления. Их лица сияли радостью — они видели красоту и не нарушили её.

Внезапно предрассветную тишину пронзил резкий, полный ужаса крик косули. Оборвавшись на высокой ноте, он покатился по распадкам. Через несколько секунд крик повторился, но потише и приглу-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

шенней. Свернув, охотники осторожно пошли на него и через метров семьдесят увидели олененка. Рядом лежал волк и жадно слизывал кровь, пульсирующей струйкой вытекавшую из шеи жертвы.

Изосим вскинул было ружье, но Бюэн остановил:

— Не надо. Это его добыча.

* * *

Обследованием дикого края, раскинувшегося на многие сотни километров, одновременно занималось несколько отрядов Якутско-Алданской экспедиции, в том числе и геологических. Где-то в конце июля в одном из них произошло серьёзное ЧП.

Бежавшие из Алданлага четыре зека, сидевшие по расстрельной статье за разбой, блуждая по тайге, заметили дым костра. Головорезы терпеливо дождались, когда люди разошлись по палаткам и уснули. Подкравшись, перерезали оттяжки и, повалив стойки, порубили топорами барахтавшихся под брезентом людей: начальника партии, двух техников и троих рабочих из якутов. Заполучив вместе с оружием и съестными припасами надежную фанеру¹, налетчики переоделись и решили на лошадях выбираться в жилуху.

Но воспользоваться конной тягой не удалось: полудикие якутские лошадки не подпускали чужаков. Пришлось навьючиваться самим и тяжело груженными идти по тропе, тянущейся вдоль берега — рано или поздно она должна вывести на какую-нибудь дорогу.

— Как выйдем на тракт, добычу подуванием поровну и, чтоб разом не взяли, ломанёмся в разные стороны, — инструктировал корешей Верзила.

* * *

Отряд Андрея Ермолаевича выдал всё тот же дым. Двое поделщиков Верзилы под покровом темноты долго наблюдали за людьми, ужинавшими у костра. Васька даже заметил в вязкой черноте леса робкий огонёк. Он то разгорался, то тускнел. Как будто кто-то курил, прикрыв ладонью сигарку. Парнишка почувствовал неясную угрозу, но у костра было так хорошо, вокруг столько сильных мужчин! Разве

¹ Фанера (*жаргон*) — документы.

ЗОЛОТО АЛДАНА

можно бояться? И паренек промолчал. Опасался, что над ним будут смеяться. Тем более что, пока он колебался — сказать, не сказать, огонек исчез и больше не появлялся.

Вернувшись, Сова доложил:

— Насчитал семерых. Узкоглазый хавалку варит, а остальные сидят у костра, баланду травят. Пушки две: карабин и шпалер. Куча оленей, две лошади, нарты, сидоры. Похоже, хавалки полно.

— Опять подфартило, братва. Олени — это хорошо. А собаки с ними есть?

— Не видел.

— Кучеряво! Расклад такой: с утра до вечера пасем, а ночью сработаем по той же схеме: валим палатки и, пока бакланы корячатся под брезентом, буцаем по калганам.

— Западло!¹ При таком раскладе с транспортом снова облом получим. Оленей нам кто запряжет? Разбегутся, как коняги прошлый раз. Надежней утром, прямо перед выходом дело мутить. Пушки есть, — возразил главарю Сова.

— Замётано, — подумав, согласился Верзила.

На рассвете, в ожидании возвращения охотников, Васкэ с рабочими увязали груз на нартах, запрягли оленей и сидели у костра, нетерпеливо поглядывая в лес. Андрей Ермолаевич, пользуясь случаем, дополнял вчерашний отчет.

Бандиты тем временем зашли с двух сторон. Верзила с Плешивым затаились за соснами и ожидали от Совы условного сигнала: «карр, карр», подтверждающего, что вторая пара тоже на месте. В это время Васкэ, на свою беду, надумал облегчиться. Подойдя к сосне, он присел.

И тут Верзила зажал парнишке рот огромной ладонью. Потом, держа у виска наган с взведенным курком, вывел его к стану:

— Эй, рудокопы! Слушай сюда! Живо сдали оружие и финки. Вздумаете дуричь — пацану кранты. Дошло? — Верзила буравил тяжелым взглядом топографа, в котором определил начальника.

¹ Западло (*жаргон*) — нельзя, не годится.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Андрей Ермолаевич сразу понял, что у этого звероподобного типа рука не дрогнет и кивнул своим. Когда распоряжение было исполнено, Верзила приказал всем снять обувь. Подельники сложили ее в мешок и приторочили к нартам.

Сова, ежась под взглядами, полными ненависти, шепнул бугру:

— Замочить бы. Без свидетелей надёжней.

— Не очкуйся. Сами перемрут.

Бандиты расселись по нартам и уехали, забрав с собой Васкэ.

Подходя к стану, Бюэн с Изосимом недоуменно завертели головами — на поляне не было видно ни оленей, ни нарт. Только у костра скучились нахохлившиеся товарищи, почему-то все босые.

Андрей Ермолаевич, увидев охотников живыми и невредимыми, едва сдерживая слезы радости, вкратце рассказал о нападении.

Узнав, что сын в руках бандитов, Бюэн помрачнел:

— Куда ушли?

— Вниз по течению.

Эвенк молча развязал мешок и, достав из коробки еще с десяток патронов, бросился бежать по тропе.

Понимая его состояние, Андрей Ермолаевич скомандовал:

— Изосим, живо снимай ичиги! — И крикнул вдогонку: — Бюэн, погоди! Я с тобой.

Проводник бежал изо всех сил. Сердце подсказывало, что промедление может стоить сыну жизни. Над лесом встревоженно табунилось воронье. В крике птиц ему слышалось что-то предсмертное, прощальное. Казалось, сам воздух от невидимой угрозы сгустился, потяжелел.

В глубине поднявшейся после давнего пожара тонкоствольной поросли мелькнули тени. Бюэн замер, всматриваясь — кто там? Никого... Подоспел Ермолаевич. Переведа дыхание, они осторожно вышли на полянку. Повсюду ящики с образцами пород, инструменты в брезентовых чехлах, сумка с отчетами. Все ненужное бандиты повывкидывали. На краю черным пятном выделялась куча свежей, вперемешку с листьями земли. Донесся приглушенный стон. Комочки земли зашевелились, и показались скрюченные пальцы. Опасливо озираясь, путники подошли ближе.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Бюэн руками торопливо разгреб кучу и вытащил холодное, в одних подштанниках, тело сына. На груди и спине чернели запекшиеся раны. Судорога исказила лицо отца:

— Васкэ, сынок! Потерпи!

Бюэн снял с себя куртку и, бросив её на землю, уложил на неё сына. Андрей Ермолаевич прикрыл парнишку своей.

Отец тем временем набрал в ключе воды прихватил голубой глины, благо она была здесь в каждом ручье. Обмыв раны, замазал их. После чего забинтовал грудь разорванной на полосы рубахой.

Топограф понимал — жизнь подростка на волоске, но ранение, слава богу, сквозное и есть надежда.

И действительно, Васкэ вскоре приоткрыл веки, медленно повел глазами. Сообразив, что он среди своих, попытался улыбнуться.

— Бандит стрелял, — одними губами прошелестел он. — Я брал карабин, стрелял одного. Другой меня стрелял...

Парнишка зашелся в надрывном кашле, изо рта пошла кровь, и он потерял сознание.

В это время из-за елей показались на лошадях Изосим с двумя рабочими (жеребцы, привязавшиеся к мальчику, тут же прибежали на его свист в лагерь).

Надо было решать, что делать дальше.

— Банда вряд ли далеко ушла, к оленям еще приноровиться надо, — размышлял вслух Андрей Ермолаевич. — Поступим так: Бюэн остаётся с Васкэ. А мы в погоню.

* * *

Потеряв сообщника, рецидивисты гнали оленей без остановок. Наконец, голод и усталость принудили остановиться. Солнце припекало по-летнему. Вспомнив про фляжку со спиртом, Верзила предложил:

— Братва, есть ханка!¹ Помянем Кислого!

После второй развезло так, что под песню: «Здесь смерть подружилась с цингой, набиты битком лазареты...» полезли купаться.

Топограф с Петром, пользуясь моментом, незаметно подползли, собрали оружие и разбросанную одежду. А рабочие тем временем тихонько увели караван.

¹ Ханка (*жаргон*) — водка, спирт.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Выбравшись с веселыми воплями на берег, бандиты увидели, что исчезли не только олени, но и вся их одежда. Хмель мигом вышел. С ужасом глядели они друг на друга, понимали — это смерть. Сова зло уставился на вожака:

— Предлагал же — порешить всех! Теперь самим кранты.

Пройдут десятилетия и, быть может, случайный путник наткнется на их истлевшие останки, и его сердце заполнится сочувствием. И невдомек будет ему, что это кости преступников, настигнутых Божьей карой.

* * *

Изосим, ехавший на одних нартах с Васкэ, то и дело поил его отваром из целебных трав и корешков. Однако тому становилось всё хуже: жар, бессвязные речи, стоны. Обеспокоенный начальник партии, чтобы дать раненому возможность отдохнуть от дорожной тряски, распорядился остановиться на днёвку.

К утру Васкэ задышал ровнее, но взгляд, направленный в небо, стал стекленеть, как бы уходить внутрь зрачков.

Ермолаевич встревожился — он знал, что это может означать. Неожиданно по лицу парнишки скользнула тень улыбки. Все поняли, что наступил момент кризиса. И действительно, произошло чудо: серые губы начали потихоньку розоветь, а постоянно устремлённый в небо взгляд скользнул по окружающим. Напряжённое лицо разгладилось, и Васкэ наконец уснул. Люди облегченно вздохнули — похоже, что самое страшное позади.

Когда через пару часов сидевший рядом с раненым Изосим заметил, что Васкэ проснулся, он подал ему кружку со свежим отваром. Немного отхлебнув, Васкэ прошептал:

— Ко мне приходил твой Бог... с «картинки». Он сказал: «Хватит лежать! Помогать отцу надо!»

— Ну и славно! Стало быть, скоро поправишься, — обрадовался Изосим, беспрестанно молившийся о здравии друга.

— Ну что, герой, будем жить! Молодец — можно сказать, спас отряд! — похвалил Васкэ Андрей Ермолаевич.

ЗОЛОТО АЛДАНА

* * *

За неделю прошли несколько сутулых водоразделов с бурунистыми речушками. Чем ниже становились горы и шире долины, тем чаще встречались ажурные скелеты эвенкийских чумов. Некоторые были покрыты берестой. Оленеводы, кочуя со стадом по сложившимся веками тропам, каркасы из жердей не разбирают. Снимают при перекочевке только покрышки из шкур.

Вот и сегодня после полудня в перестойном кедраче на взгорке, неподалеку от речки, проступили, словно призраки, белые, покрытые атласной берестой колокола.

Подошли — вокруг ни души. Хотя и не принято тревожить чужие жилища, но пришлось: по земле глухо забарабанили крупные капли.

Утром везде промозглая сырость, а в чуме сухо, уютно. Сквозь незаметные глазу дырочки в бересте тянулись золотистыми нитями тоненькие лучики света. Андрею Ермолаевичу захотелось забыть, что он начальник отряда, и позволить себе просто полежать, понежиться. Подкралась соблазнительная мысль: «Может, ещё одну дневку устроить? А почему бы и нет — люди давно без отдыха и бани». Высунувшись из спальника, он объявил полусонным товарищам:

— Сегодня отдыхаем! Всем стираться, мыться!

Бюэн, перевязав и покормив сына, занялся осмотром нарт. Менял, подтягивал истершиеся вязи, проверял, распутывал упряжные ремни, заменял треснувшие копылья. На двух остолах закрепил разболтавшиеся костяные наконечники.

Изосим кошеварил, рабочие таскали сухостоины для костра и бани. Кто-то латал дратвой изношенную обувь, кто-то штопал порванные брюки.

Топограф систематизировал материал, делал записи в дневнике наблюдений.

Петр, выбрав место поближе к речке, сложил из крупных камней очаг и несколько часов жег в нём дрова. Когда угли стлели, поставил над раскаленными докрасна валунами палатку, приготовил березовый и пихтовый веники.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Парились в нестерпимом жару в несколько заходов. Распарившись, ныряли в холодную речку и опять махались, охаживая друг друга вениками, под дикие, полные восторженного счастья вопли.

После бани расселись вокруг костра на бревнышках и, подставив под лучи солнца молочно-розовые тела, пили чай. Благо комары после нескольких холодных ночей почти не докучали и стало возможным сидеть вот так — обнаженными и без дымокура, от которого разъедает до слез глаза. Какое это, оказывается, счастье!

Легли пораньше, с расчетом выйти на маршрут с рассветом. После бани спали так крепко и сладко, что никто не слышал шума подступавшей воды.

Разбудил крик Бюэна:

— Вставай, река пришла!

Выскочив из чумов, в сером полумраке люди увидели воду всего в трёх метрах от себя. Палатку, в которой несколько часов назад так яростно парились, уже смыло. Мутный поток пронесил мимо людей вывороченные с корнем деревья и какие-то непонятные темные кучи. Один огромный ствол, зацепившись за что-то корневищем, стал медленно разворачиваться, наезжая ветвистой кроной на крайний чум. Зеленый таран без труда смял его. Рабочие едва успели оттащить повыше уже подтопленные нарты.

Осмотревшись, поняли, что находятся на острове — отряд со всех сторон обступала вода. Оленей не видно — чуткие животные поднялись на взгорок до того, как лагерь отрезало от берега. Последовать их примеру уже не было возможности — по ложбине несясь взбаламученный поток. Полозья нарт опять зализала подступавшая вода. Чтобы их не унесло, привязали ремнями к стволам.

— Мужики, пока не поздно, поднимаем груз на деревья, — скомандовал Андрей Ермолаевич и стал спешно рубить жерди для настила. Вооружившись топорами, все кинулись помогать. Площадки соорудили друг над другом, используя близлежащие деревья как столбы-стойки. Груз подняли на самую верхнюю и накрыли пологом, а сами разместились на нижней. Сели, плотно прижавшись друг к другу, чтобы дать Васкэ возможность лежать.

Рабочие, подававшие грузы на настил, промокли по пояс и теперь, не имея возможности обсохнуть, стучали зубами от холода. Выручил,

ЗОЛОТО АЛДАНА

как обычно, главный союзник таежников — спирт. То, что оставалось во фляжке, выпили ээки, но у предусмотрительного Андрея Ермолаевича на дне ящика с образцами была припрятана заначка. Обжигающая жидкость не только согрела тела, но и развязала языки.

— Я думаю, наше дело хорошо, — изрек захмелевший Бюэн. — Вода близко, сухари есть, работа нет, мало-мало гуляем. — И рассмеялся.

— Да уж, лучше не бывает, знатно устроились, как на троне, — улыбнулся Петр.

Один из рабочих, с уважением глядя на Бюэна, произнёс:

— Согласитесь, братцы, повезло нам с проводником.

— Эт точно! Не будь Бюэна с нами, нам бы крышка.

— Тут ты прав. Эвенки лучшие проводники. В тайге прекрасно ориентируются; все коренья, травы знают. С ними не пропадёшь!

— У них и характер хороший. Они что дети: доверчивы, простодушны. Наверное, поэтому так спокойно отнеслись к колонизации. Хотя колонизацией это трудно назвать. Русские селились по берегам больших рек и не тревожили коренных жителей, не вмешивались в их образ жизни. Кое-где даже наоборот, и такие случаи описаны в отчетах, казаки перенимали местный язык и местные обычаи, — присоединился к разговору Андрей Ермолаевич. — Единственным следствием русского присутствия для инородцев был ясак — уплата всего-то двух соболей в год, который воспринимался ими не как дань, а как выражение вежливости и уважения к «белому царю». Зато взамен они получили гарантии безопасности.

— Верно говоришь! Моя сестра вышла за лучи — хорошо живет. Ее внук шибко умный, — горячо поддержал Бюэн, похлопывая Изосима по спине.

— Русские не переделывали инородцев на свой лад, тем более не истребляли их по примеру англичан. Если местные желали соблюдать языческие обряды — тому никто не чинил препятствий. Можно только восхищаться мудростью наших казаков.

Андрей Ермолаевич, прервав свою речь, проверил уровень воды. Он продолжал подниматься.

— Бюэн, я все думаю, с чего вдруг столь мощное наводнение? Дождь ведь несильный, — удивлялся рабочий из Башкирии Степан.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Здесь — несильный, в горах — сильный. Земля мерзлый, вода сразу в речку идёт.

Вода всё прибывала. После полудня грязные буруны стали лизать настил. Встревоженный Андрей Ермолаевич распорядился рубить толстые ветви и сооружать из них третий этаж, но вода, будто сжалившись, пошла на убыль. К вечеру речка вернулась в свое русло. Грозный рокот сменился миролюбивым плеском. Рисковать все же не стали и всю ночь провели на дереве. Затянутое плотными тучами низкое небо давило на людей, как прокопченный потолок в бане.

Утром, удрученные сумрачностью потемневшей от влаги тайги, пошли на поиски оленей и лошадей. Часть оронов стояла, сбившись в кучку прямо за протокой, остальных же пришлось поискать. В итоге тронулись только после полудня.

* * *

Дни становились все прохладней. Под ногами хрустел отживший свое пожухлый лист. Почки, крепко сомкнув чешуйки, осмолились — приготовились к морозам. Стылый воздух теперь свободно разгуливал по обезлиственному лесу, увязая лишь в кедрачах и ельниках. На озерах росли, устремляясь к центру, прозрачные забереги. Местами они смыкались и укрывали хрупким стеклом почерневшую от холода воду.

После команды «Подъем!» требовалось усилие воли, чтобы выбраться из теплого спальника. Долгий, тяжёлый маршрут изрядно измотал людей. Все устали, истосковались по родным лицам, просторным теплым домам и мягким постелям. Осточертела и каждодневная многочасовая тряска на нартах. Одни эвенки и Изосим по-прежнему были довольны. Как будто не замечали ни холода, ни сырости, ни прочих неприятных спутников осени.

Утром белоснежный пышный покров, накрывший тайгу, превратил неприглядный из-за черноты обнаженных стволов лес в сказочное царство: пни — в белые часовенки, валежины — в заплывших жиром тайменей, ели — в могоучих седовласых богатырей, кусты — в дворцы с ажурными башнями, окошками, сквозь которые сочился голубоватый свет. Было немного обидно видеть, как налетающий ветерок разрушал одну за другой сказочные фигуры и изящные постройки.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Снег начал покрываться новыми стежками заячьих, волчьих, собольих и оленьих следов.

Наконец подошли к гольцу со ступенчатой вершиной. Это была последняя точка их маршрута. Пирамиду, несмотря на выпавший снег, на нем установили за один день (что значит опыт!).

Отсюда шли уже строго на юг, прямо к оконечности хребта, упирающегося каменным носом в устье речки Быстрой. Там их должны ожидать аэросани. Потребовалось еще трое суток, чтобы преодолеть последние шестьдесят верст, и 26 сентября 1939 года караван подошел к условленному месту.

Вот и приметная лиственница с орлиным гнездом. Рядом вьётся дымок — их уже ждут. От сознания, что долгий, трудный путь позади, на душе у людей и радостно и грустно.

Грустно оттого, что завершился эмоционально насыщенный, полевой сезон, а радостно от предвкушения скорой встречи с родными и близкими.

Вместе с тем у каждого еще была и своя, особая радость. Топограф радовался тому, что отряд выполнил без потерь абсолютно все полевые задания и вышел к месту встречи с опозданием всего на сутки. Бюэн потирал руки оттого, что заработал для стойбища уйму денег. Изосим же прыгал от счастья, когда Андрей Ермолаевич подарил ему лошадок, так полюбившихся скитнику.

* * *

В стойбище Бюэн с ребятами въехали, когда солнце, скатившись вниз, с трудом продиралось сквозь кроны кедров и елей к невидимому горизонту.

Корней уже был в стойбище и поджидал их. Заслышав знакомое: «От! От!», он выбежал навстречу каравану и увидел сына, восседавшего на огромном ороне необычного вида: широкий, почти до земли хвост, голова и шея в прядях длинных волос. Сердце отца переполнило гордость. Корней вспомнил, что таких же «оронов» он видел когда-то в мерцающем свечении, исходившем от агата, найденного им в южных скитах еще в юности.

Обнимая Бюэна, скитник, кивнув на сына, спросил:

— Не подвел?

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Твой сын настоящий эвенк! Все хорошо делал! — и долго расхваливал Изосима. — Он шаман, как ты! Васкэ мог умереть — Изосим спас. Дам ему четыре орона и две нарты.

Заказ варлаамовцев на одежду и унты из оленьего меха был уже готов и даже уложен в мешки. На следующий день отец с сыном погрузили все на нарты и поспешили домой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие.

Станислав Куняев

НЕБЕСНЫЕ ГОСТИ

В Троицу 1940 года над Впадиной радостно и торжественно сиял бездонный голубой купол: занимался новый летний день.

Скитские бабаньки еще с вечера украсили стены в домах березовыми ветками, у порогов и под окнами разложили пучки молодой пахучей травы, а у икон поставили скромные букетики горлицы.

После общей заутрени, когда народ расходился по избам, со стороны Южных гор донесся странный звук. Вскоре над сизыми зубцами проклюнулась черная точка. Приближаясь, она зарокотала густеющим басом, на глазах превращаясь в исполинскую зеленокрылую птицу с блестящими глазами по бокам и красными лапами под брюхом.

Собаки напряглись. Люди же в страхе крестились. Кто-то воскликнул:

— Гусь-великан?!

Успевший зайти в дом Корней, услышав рокот, выскочил на крыльцо и задрал голову. «Птица» пролетела над ним в сторону Водопадов, где, похоже, и села — гул стих.

Люди вновь потянулись к молельне, возбужденно обсуждая увиденное.

— Это аэроплан — летательный аппарат для людей. Надо сходить и скрытно поглядеть, кто в нем прилетел и зачем, — распорядился Григорий.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Вызвался, как всегда, Корней, к нему присоединились еще двое скитников. Следом увязался заматеревший, но по-прежнему такой же дурашливый медведь Потапушка. Он, несмотря на солидный возраст, потешно вскидывая зад, то забегал вперед, то топтался рядом.

Высокие крутобокие холмы, окружавшие озеро, не позволили пилоту при посадке вовремя сбросить обороты и погасить скорость. И хотя опытный Чванов сразу выпустил гидротормоза, самолет все же врезался в берег. От удара вырвало стойку шасси и безнадежно смяло правый поплавок.

Пилот и бортмеханик не пострадали, но у пассажирки, начальника вновь созданной геологической партии, рассекло от удара в двух местах лоб.

Обработав раны йодом, Чванов наложил повязку. Спрыгнув на землю, мужчины помогли женщине спуститься. Когда она попыталась шагнуть, ее неожиданно повело в сторону и вырвало:

— Похоже, сотрясение мозга. Ерунда, главное, кости целы, — натянуто улыбнулась Светлана.

Этот момент из пихтача выскочил громадный медведь и бросился к ним. Женщина от неожиданности завизжала, а пилот не мешкая выхватил из кобуры наган и дважды выстрелил в зверя. Косолапый от пронзившей его боли жалобно заскулил. Встав на задние лапы, — людям в этот момент со страху показалось, что он закрыл собой пол неба, зверь обернулся в сторону леса в надежде получить оттуда защиту. На глазах, выражавших удивление и укор, выступили слезы, из пасти потекла кровь.

Выбежавшие из чащобы люди кричали:

— Не стреляйте, не стреляйте! — Но было поздно. Испутивший дух медведь распластался посреди береговой террасы.

Потрясенные бородачи, истово крестясь, мрачно взирали то на людей в необычном одеянии, то на мёртвого Потапушку, то на диковинный аппарат, уткнувшийся носом в береговые кусты.

Разговор не складывался. От чужаков смердело табаком и еще чем-то резким, тошнотворным. Изъяснялись они вроде по-русски, но вперемежку с непонятными словами. Лица мужиков гладко выскоблены.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Здравствуйте, товарищи! — обратился к скитникам один из них, видимо, главный, весь облаченный в черную кожу. — Вы уж извините за медведя. Думали, хочет напасть. Сожалею, что наше знакомство началось с такого досадного недоразумения. Мы летели на рекогносцировку. На нашей карте ваш населенный пункт не отмечен — вот и решили сесть. Да, как видите, неудачно — стойки и поплавок деформировали.

Скитники угрюмо молчали, а скобленный продолжал:

— Познакомьтесь — это геолог Алданской экспедиции Магданова Светлана Николаевна. Она ранена, ей необходим покой. Не могли бы вы разместить её у себя? Мы пока будем ремонтировать самолет. Выручайте, товарищи!

Бородачи молчали, поглядывая на сумрачного Корнея. После затянувшейся паузы он, с трудом скрывая неприязнь, проговорил:

— Ты, мужик, наперед в чужой монастырь со своим уставом не лезь и за пистоль без нужды не хватайся. Звери тута многие ручные, почти домашние — человека не боятся. А насчет помощи позже поговорим. Здесь ждите.

Выслушав Корнея, наставник вздохнул:

— Помочь надо — не по-божески людей в беде бросать. Но и вести нехристей в скит невозможно. Поселим в старой бане — все одно не пользуемся, а им в самый раз.

Проводив чужаков до места, принесли из скита несколько шкур и корзину с провизией. Женщина, принимая провиант, покачнулась и упала без сознания.

Узнав об этом, наставник из сочувствия пошел на уступку: разрешил сделать для нее исключение. Ее занесли в дом Елисея, в закуток в сенях, огороженный ситцевой занавеской, в котором когда-то доживал свой век праведник Лука-Горбун.

Сойдя с гор, он возложил на себя обет молчания, и с того дня от него никто ни единого слова не слышал. Молился — и то молча, даже губами не шевелил. И умер так же тихо. После вечерней службы был в здравии, а утром, когда позвали на трапезу, не вышел. Заглянули — уже закоченел. Лежит на боку, как дитя — обе ладошки под щекой.

ЗОЛОТО АЛДАНА

С той поры в том закутке никто не жила, даже вещи Горбуна не трогали. Как позже выяснилось — напрасно! По крайней мере, разбери скитники его бумаги, могли бы избежать немалого лиха.

Первые два дня Светлана даже не вставала. Еду ей приносили прямо в закуток. Увидев, что, трапезничая, она положила руки на стол, Дарья в платке, низко надвинутом на глаза¹, строго произнесла:

— Стол — длань Господня кормящая, не гоже руки на него класть.

Приживалка растерянно улыбнулась и, привычно поправив волнистую прядь волос, извинилась:

— Простите, не знала.

Сами хозяева ели в горнице из одной деревянной чаши, широкой и уемистой. Поставив её посреди стола, возносили слова благодарности Создателю за дарованное пропитание. Первая ложка — домохозяину, Елисею Никодимовичу. Остальные, по старшинству, разобрал ломти пресного хлеба, аккуратно, не спеша зачерпывали варево и несли ко рту, подставив снизу ломоть. Самый маленький, Паша, ел, стоя на коленях на лавке — иначе не дотянуться. Поев, каждый сметал на ладонь упавшие крошки. Завершив трапезу, крестились и кланялись в красный угол, откуда на них внимательно взирал освещенный огоньком лампадки лик Христа, принесенный из монастыря Корнеем.

Наутро третьего дня жилица вышла во двор с непокрытой головой. Красивые волосы ниспадали на плечи волнообразными локонами пшеничного цвета. Шрамы на лбу покрылись коричневой коркой, но не портили ее красоты. Даже, наоборот, подчеркивали нежную шелковистость кожи.

Корней, коловший чурки на дрова, изумленно взметнув брови, с восхищением уставился на гостью, а когда очнулся, густо покраснел, как будто совершил своим откровенно-восторженным взором тяжкий грех: «Чего это я? Дарья-то моя ничуть не хуже».

¹ После того как староверка становится матерью, она не должна показывать ни единого волоса на своей голове. Поэтому платок староверки-матери повязывают, как шлем, чтобы закрывал лоб, уши и шею.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Бросив топор, он принялся истово креститься: «Господи, помоги, отведи наваждение. Укрепи!»

Но, несмотря на постоянные и горячие молитвы, образ сошедшей с неба «богини» не отпускал околдованного мужика ни на миг. Он стал проявлять необычайную изобретательность, придумывая все новые и новые поводы, чтобы пройти мимо закутка и хоть в шелку увидеть волшебный лик, но занавеска всегда была плотно задернута. Сквозь ткань он ощущал лишь непривычный и, как ему казалось, восхитительный запах её тела.

На исходе дня во двор зашли товарищи Светланы. Спросили хозяина.

— Здравствуйте, Елисей Никодимыч! Спасибо за помощь! С ремонтом не получается. Нам придётся выбираться к Реке и караулить пароход. Не могли бы вы с провожатым помочь — одним идти боязно, местность незнакомая. Мы уж отблагодарим, в долгу не останемся.

Елисей, не чаявший очистить дом от нехристей, не колеблясь, кликнул сына:

— Корней, подь сюды... Слышь, что люди говорят, проводить до Реки просют. Иди к наставнику, спросись да обратно пулей.

Сердце Корнея от нежданно свалившегося счастья чуть из груди не выпрыгнуло, а обрадованный пилот тут же снял висевшие на груди две черные трубки, закрытые с двух сторон прозрачными льдинками.

— Это вам, Елисей Никодимыч. В тайге пригодится.

— Что сие?

— Бинокль.

Видя, что старовер смотрит вопросительно, Чванов пояснил:

— Устройство, которое приближает предметы и позволяет человеку хорошо видеть то, что находится вдали.

Елисей опасливо взял «устройство» и сразу принялся проверять, правду ли сказал скобленный, глядя через «трубки» то на поленницу, то на речку, то на горные вершины:

— Смотри-ка, верно — приближает! Знатно приближает!

Чванов тем временем вынул из планшетки бумагу и развернул ее на широкой скамье у крыльца.

Как оказалось, на этом небольшом листе уместился весь их край. Водя пальцем по извивающимся линиям, он пояснял:

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Это реки, а вот это, — палец заскользил по жирным штрихам, — водоразделы горных хребтов. Сейчас мы находимся вот здесь, а выйти нам надо вот сюда. — Палец ткнулся в место, где тонкая «змейка» Глухоманки упиралась в толстую «змею», обозначающую Большую Реку.

Подошедший Корней, с ходу ухватив смысл значков на бумаге, именуемой пилотом «карта», легко определил место, где находится Впадина.

— Ловко придумано. Будто с горы смотришь. Токо не все верно, — сказал он, с пристрастием рассматривая линии.

— А что не так? Для нас это важно, — заинтересованно вступила в разговор Светлана.

Корнея, польщенного ее вниманием, словно прорвало. Он с воодушевлением принялся показывать:

— Здесь еще один ключ должен быть, нет озера с водопадами. А этот хребет не прямой — он загибается полукружьем... — Пояснял, а сам всё поглядывал на Светлану. Ему показалось, что и она теперь смотрит на него по-иному и даже ободряюще улыбается.

— Прекрасно, Корней! Вот карандаш, нанеси все, что недостает, и поправь, что отображено неверно. Я топографам передам. Карта старая. Многого нет. Вот и ваша деревня не отмечена.

— Нас и не надо метить, — твердо отрезал Елисей.

— Хорошо, Елисей Никодимыч, не будем. А скажите, к вам не приходили этим летом какие-нибудь люди?

— Окромя вас, тута испокон веку чужих не бывало.

Когда табашники наконец ушли, Дарья принялась поливать кипятком и драить лавку, на которой те сидели, а Елисей, мучимый сомнениями в правильности того, что принял дар от нехристей, отправился к наставнику.

— Не знаю, Григорий, вот взял, а сам в тревоге: может, вещица-то бесовская, да больно уж занимательная. Сквозь нее вся даль видна.

— Не переживай, это обычный полевой бинокль. Удобная вещь в дороге и на охоте. Очистительную молитву сотвори и пользуйся. То, что полезно и не противоречит уставу, следует применять, ибо облегчает нашу жизнь... Однако давит сердце какое-то предчувствие. Тревога на душе, от табашников добра не жду. Как бы беда какая не случилась.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

* * *

Выходя из дома, Светлана остановилась в сенях и, кивнув на короб, заполненный желтыми комочками с вкраплениями кварца, как бы мимоходом поинтересовалась:

— Товарищ Корней, откуда у вас столько самородков?

— С галечников. Каждую весну там собираем.

— И что, они здесь так и будут лежать?

— Отнюдь! Зимой на ярмарке на мануфактуру, огнеприпасы, продукты поменяем.

— А можно мне несколько штук взять?

— Берите, не жалко... Любые, что глянутся.

В это время отец нетерпеливо крикнул со двора:

— Пошто застряли? Давайте прытче!

Светлана сунула в кармашек рюкзака три угловатых самородка и первой вышла на крыльцо, щуря глаза от солнца.

Дарья, одетая в тесное для ее располневшего тела нарядное платье, повязанная белым платком, хозяйничала в летней кухне. Подавая мужу завернутые в полотенце свежеспеченные ковриги и бутылку кваса с мелко толчеными кедровыми орешками, перехватила взгляд супруга, устремленный на девицу в мужичьем одеянии. Обида обожгла и обручем сдавила ее сердце, но виду не подавала, улыбнулась Корнею ласково.

Когда пришлые сели в долбленку, Корней, привычно оттолкнувшись от мостков, запрыгнул на корму почему-то с левой ноги. Его кольнула тревожная мысль: «Погрешительно — не с правой дело начал», но, встретившись взглядом с белокурой красавицей, тут же забыл про оплошку.

— Бог на дороге, Никола в путь! — крикнула вслед Дарья и, отвернувшись, вытерла уголок фартука набежавшую помимо воли слезинку. Когда лодка уже заворачивала за излучину, Корней оглянулся: Дарья все стояла, придерживая рукой от ветра сарафан, и смотрела ему вслед.

После отъезда табашников бабы долго смывали в бане скверну. В закутке Горбуна тоже все перемыли. Постель с лавки сняли и сожгли.

По скиту меж тем поползли пересуды. От глазастых баб не укрылось то, как Корней исподтишка поглядывал на Светлану и то, что

ЗОЛОТО АЛДАНА

Дарья, стараясь не уступать ей, принарядилась. Даже волнистый локон из-под платка, будто нечаянно, выпустила.

— Эк раскозыряло мужика. Видали, как пялился бесстыжий на антихристову бестию. Кабы до греха не дошло. Как можно? Волосы в косу не собраны, сама в тесных штанах, дабы телеса казать. Все для бесстыдного прельщения мужних взоров, — осуждали одни.

— Уж кто-кто, а Корней — мужик надежный, на чужу не поблазнится, — защищали, возражали другие...

Течение в широко разлившейся Глухоманке было едва заметным, так что идти на веслах Корнею пришлось до самой плотины. Здесь он привязал лодку к дереву и дальше повел чужаков по сухому руслу, зажатому в тесном каньоне.

Проводник не заметил, как вышли к Реке, как разбили бивак на песчаной косе. Он таскал сушняк на дрова, драл сырой мох, разводил дымокур, а перед глазами стояли только золотистые локоны, которыми играл ветерок и покачивающиеся в такт шагам бедра сошедшей на землю богини.

С упоением вдыхая тонкий аромат волос, он с замиранием сердца ловил легкий шелест ее одежды, украдкой поглядывал на волнительно вздымавшиеся тугие груди. Кипевшая страсть лишила его способности мыслить и трезво оценивать свои поступки. В разгоряченном мозгу то и дело мелькала бесовская мысль: «Хотя бы разок глянуть на красу девичью, как Господь создал, без покрова».

Окончательно потеряв власть над собой, Корней готов был на все — лишь бы быть рядом. Временами он приходил в себя и, понимая, что даже смотреть на неё грешно, молил Господа дать ему силы побороть нахлынувшую на него бесовское наваждение, но стоило ему увидеть Светлану, как страсть вновь овладевала им.

* * *

По Большой Реке ходили два пароходика. По расчетам Чванова, один из них через день-два должен был проплыть как раз в сторону города.

Г-о-р-о-д — какое таинственное, загадочное слово! Оно почему-то пугало Корнея. Стараясь оттянуть время расставания, он сказал Светлане громко, так, чтобы слышали ее спутники:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Пока не посажу вас на пароход, в скит не пойду. А то спросят: «Как они там? Уплыли?» Что скажу? Дождусь уж, раз скоро.

На следующий день над остроконечными вершинами мрачных елей показался шлейф чёрного дыма. А через полчаса из-за поворота выплыла толкаемая двумя огромными гребными колесами, выпирающими из бортов, белая громадина с длинным рядом окон и высокой трубой посередине. На носу красным было написано «Климент Ворошилов».

Пилот, сложив ладони рупором, прокричал:

— Кузьмич! Чаль к берегу! Кузьмич, к берегу! Это я, Чванов!

Их заметили и в жестяной рупор ответили:

— Привет, Сан Саныч! Жив!.. Радиограмма была, ищут вас...

Судно, осторожно потолкавшись носом в береговой срез, пристало. Опустили сходни.

У Корнея защемило в груди — всё, волшебной сказке конец!

Светлана уловила настроение проводника, и в её голове моментально созрел план использовать втюрившегося в неё мужика в своих целях. Когда она отлеживалась в доме Елисея, ее внимание привлекла лежащая на крохотном столике тетрадь с замусоленной, почти черной от копоти обложкой. Разобрать текст, написанный старославянскими каракулями, она не смогла. Но рисунок на одной из страниц что-то напоминал. Приглядевшись, сообразила — карта. Один участок был обведен кружком, рядом с которым выведено «злато». Не веря своей удаче, она аккуратно вырвала этот листок и сунула между бумаг в планшетку. Позже, связав воедино схему и груды самородков в коробе, она поняла, что с помощью старовера сможет быстро найти эту неизвестную пока никому золотую жилу. Главное, уговорить лесовика поехать с ней в город.

Светлана отозвала Корнея в сторону и, прижавшись упругой грудью, горячо зашептала в ухо:

— Поехали с нами, лесовичок! Мне в партию такие следопыты ой как нужны. С тобой я в тайге ничего не забоюсь...

Продолжая говорить, Светлана тянула его за руку к сходням. Корней, не сводя глаз с пшеничных завитков, перебираемых ветром на оголенной шее женщины, послушно шагал за ней.

Но как только пароход отчалил, он, словно очнулся. Бросился к Чванову:

ЗОЛОТО АЛДАНА

- Мил человек, останови судно, мне назад, в скит, надобно!
- Ты чего? Малое дитё? Раньше думать надо было.
- Христа ради, останови!
- Ладно, пошли к капитану.

Капитан, выслушав просьбу Чванова, остановить пароход от- казался:

— Игрушки это вам, что ли? И так сильно опаздываем, да и места тут нечальные...

Подошла Светлана:

— Корней, успокойся. Поработаешь немного, не понравится — не- волить никто не будет. Вернёшься. Зато мне очень поможешь...

В ГОРОДЕ

Пароход шел только в светлое время суток. Как темнело, вставали на якорь. Правда, всего часа на три. Ночи в эту пору с воробьиный скок. Селения встречались редко, но пассажиров на пристанях было изрядно.

Как-то бросили якорь, чтобы пополнить бункер березовыми дро- вами, быстро поедаемыми огнедышащим чревом парохода. Прежде здесь было село. Сейчас об этом свидетельствовала только одна ветхая одноглавая деревянная церковь на самом взгорке. Паперть, церковные подклети сбоку просели. Маленькие высокорубленные окна без рам, полусгнившая деревянная черепица, колокольня с вымахавшей на ней березкой, обильно обросшие мхом нижние венцы, особенно пышные с севера, производили гнетущее впечатление.

Корнею сразу вспомнились заброшенные скиты-призраки. «Тоже, пожалуй, иструхли совсем. Как давно это было, словно в другой, не моей жизни», — подумал он. Подошла Светлана. Ветер трепал ее за- витушки, глаза сияли небесной голубизной. Заметив, с какой печалью Корней глядит на скособоченную церковь, сочувственно пояснила:

— К сожалению таких мест теперь много. Прежде Якутия была населена русскими намного плотнее... Скоро город, я уже чувствую его приближение. Меня всегда будоражит и радует людская суета, шум улиц. Особенно приятно все это видеть и слышать после таёж- ного безмолвия.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Открывшаяся через пару часов панорама неприятно поразила скитника. По берегу, утыканному сотнями лодок, заваленному кучами мусора, потянулись приставленные друг к другу серые бревенчатые бараки. Дальше, у дебаркадера попыхивал чёрным дымом большой пароход.

Светлана, заметив разочарование на лице Корнея, поспешила пояснить:

— Это ещё не город. Это посёлок Улукан — ворота в столицу золотоискателей — город Алдан.

У пристани, от шума и непривычной толчеи горожан и лошадей, запряженных в телеги и коляски, скитника и вовсе охватил ужас. И с берега, и с парохода люди что-то разнобоисто кричали друг другу, махали руками. В толпе, расцвеченной россыпью женских платков, заливалась то мелкой звонкой трелью, то басовитыми переливами гармошка. Гвалт и суматоха стояли невообразимые. Длинный деревянный причал в этот час походил на огромную медовую рамку, облепленную встревоженными пчелами.

Светлана, взяв Корнея за руку, протиснулась, следуя за Чвановым, сквозь толпу встречающих на небольшую площадь. Откуда-то сбоку к ним почти сразу, фырякая сизыми клубами дыма, с трескучим рокотом подъехала сверкающая черная коляска... без коней. Скитник буквально остолбенел от вида этого чудища. Как только все сели, самокатка взревела и, окутав прохожих сизой, противной пахнущей гарью, рванула с места, как упряжка хорошо отдохнувших оленей. Ехали в город, обгоняя лёгкие коляски и тяжело гружённые подводы, запряженные одной, реже двумя лошадьми.

В городе Корнея потрясло множество улиц с огромными каменными домами. Вышли возле большого бревенчатого сруба с окнами в два ряда. Навстречу по дощаному, щелястому тротуару шли люди. Мужики все скобленные, женщины — с непокрытыми головами. Срамота! Корней по привычке каждому встречному кланялся и желал доброго здоровья, но ему мало кто отвечал. Светлана вскоре одернула:

— Не приставай к людям. В городе принято здороваться только со знакомыми.

Жилище Светланы располагалось на втором этаже. Рядом с ее дверью были еще три такие же, с нарисованными цифрами на дверях.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Корней, моя квартира под номером «13». Запомни. Пока поживешь у меня. Спать будешь на кухне, — по-хозяйски распорядилась она. — А сейчас печь затопи. Чай вскипятим и картошечки на сале поджарим. Отметим благополучное возвращение. Дрова вон в том сарае, — показала она из окна. — Спички на полке.

— Для трапезы огонь надо токо от огнива запалить.

— Запалю как хочешь. Да не забудь руки с дороги помыть. Умыльничек в углу, полотенце там же.

Корней подошел к окрашенному сосуду, похожему на ведро с длинным носиком. Повернул ручку — полилась вода.

«Умно», — подумал он.

— Лесовичок, с мылом руки мой! — крикнула Светлана, заводя часы.

— С мылом грешно. Щелоком руки и тело надобно мыть али просто чистой водой, — отозвался скитник.

Перед тем как сесть за стол, Корней достал из котомки деревянную миску с ложкой и, очистив пищу молитвой и поклонами, отложив себе жаренной картошки, стал есть.

— Картошку вилоккой едят, — заметила хозяйка.

— Грешно дар Божий острым колоты, — не согласился скитник.

В это время по улицам понесся малиновый перезвон малых колоколов, поддерживаемый густым басом большого.

— Что это?

— Ну ты даешь! А еще верующий! Это же в храме звонят!

Корней подошел к окну. Звон несся от дальней колокольни.

— А в соседней церкви отчего ж не звонят?

— Там склад нашей экспедиции.

— Как можно такое святотатство?! — гневно воскликнул скитник.

— Так хоть какая-то от неё польза. Попам народ дурить и одного храма довольно.

Корней чуть не поперхнулся от возмущения, но смолчал, только желваки заиграли на скулах.

Смеркалось. Светлана подошла к круглому черному «пенечку» на белой стене, щелкнула «курком», и свершилось чудо — прозрачный стеклянный шарик над головой засиял, словно маленькое солнышко. В комнату, как по волшебству, вернулся день.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Светлана, как ты это сделала?

— Что сделала?

— Как ночь превратила в день?

— Эх, лесовичок-моховичок! Это не я, а электрическая лампочка.

В ней есть проводок. Когда по нему течет электрический ток, он раскаляется и ярко светит. Понял?

Чтобы не показаться совсем глупым, Корней кивнул.

Утром его разбудило тонкое пиканье, следом приятный женский голос торжественно объявил: «Доброе утро, товарищи. Московское время двадцать четыре часа». Затем в комнате громко заиграли невидимые музыканты, и мощно запел хор.

— Господи, помилуй! Чур, меня!

Скитник крадучись подошел к черной тарелке, из которой неслись все эти необычные звуки. Осторожно заглянув за нее, ничего, кроме конуса из толстой черной бумаги и металлического цилиндра, не обнаружил.

Изумлению Корнея не было предела: «Эк у них все мудрено! Одно слово — бесовщина. Видать, такая же говорящая штукovina, что Исосим у топографов слушал — «радио», кажись, называется».

* * *

Прошло несколько дней. Попервости, пока скитнику все было вновь и в диковинку, Корней ахал да охал, порой даже терял дар речи от удивления, но скоро пообвыкся, и ему стало неприятно и сиротливо в этом пестром, суетливом муравейнике. Его душа рвалась обратно в привычную, а главное, вольную среду.

При слове «тайга», столь кратком и емком, в воображении людей возникают самые разные картины. Большинству видится мрачная глухомань с мшистыми трущобами, марями, полчищами гнуса. Кому-то несметные запасы древесины, кому-то роскошная охота. И лишь немногие понимают, что тайга — это живое существо, способное щедро одарять того, кто понял и принял её.

Особенно муторно было ему, когда Светлана уходила на работу. Как только за ней закрывалась дверь, Корней начинал метаться. Хватался то за одно, то за другое. То падал на колени и начинал молиться,

ЗОЛОТО АЛДАНА

то обдумывать планы возвращения в скит и как объяснить домашним свой отъезд.

Он никак не мог разобраться, что с ним происходит. Любил ли он Светлану? Нет, не любил! Пока он её не видел, она ему не была нужна. Но как только оказывалась рядом, он словно лишался разума.

Светлана каждый вечер успокаивала его. Обещала, что завтра или послезавтра они отправятся в экспедицию. Но дни проходили, а всё оставалось по-прежнему.

Когда она видела, что Корней вот-вот сорвётся, подсаживалась к нему, прижималась и, ласково глядя по голове, объясняла, что экспедиция — это не так просто, что надо всё с начальством согласовать, утвердить план маршрута, приготовить снаряжение, продукты.

Успокаиваясь, скитник пытался обнять её, но она всякий раз придумывала причину, по которой надо срочно куда-то пойти.

На самом же деле Светлана ничего не предпринимала. Она просто ждала возвращения своего начальника из больницы в Якутске, чтобы уговорить поменять указанный в полевом задании район работ на Впадину, где её ждет (она в этом была абсолютно уверена) всесоюзная слава первооткрывательницы крупного месторождения золота.

Выходить из дома Корней остерегался — на улице он чувствовал себя чужестранцем, не понимающим ни языка, ни местных обычаев. Даже когда спускался в сарай за дровами, старался не пересекаться с соседями.

Корней уже понял, что народ в городе неприветливый. В разговорах словеса непотребные. И уж совсем он пал духом после ограбления. А дело было так.

Как-то днем постучали в дверь. Открыв ее, увидел двух женщин, одетых в тряпье.

— Подайте, Христа ради, погорельцам, — жалостливо запричитали они.

— Да я сам тут в гостях.

— Так хоть хлебушка. Молока грудничку недостает.

— Погодите, погодите, я мигом.

Корней пошел на кухню и вынес весь хлеб, что был в ящике.

На следующий день Светлана поинтересовалась:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Лесовичок, ты не убирал мою каракулеву шапку из коридора?

— Нет, а что?

— Странно, она тут на рогах висела.

— Ужели погорельцы взяли?

— Какие погорельцы?

— Да приходили вчерась, хлебушка просили.

— Все ясно!.. Эх ты, простофиля!

— До чего же обманный у вас народ. У нас двери отродясь не запирают, а чужое взять и помыслить невозможно. Как в таком обмане живете? Эх, тошно мне в твоём городе, — не утерпел Корней. — Прямо чувствую, как этот многоглазый поганец вгрызается в мою душу, иссушает ее. Сердце щемит, назад в тайгу зовет. Там простор, воля. Там все понятно. Голос леса и ручья куда приятней голосов из твоей сатанинской тарелки... Уеду, невмоготу тута.

Светлана испугалась, что может остаться без надежного проводника — при поиске месторождения без него не обойтись. Улыбаясь как можно ласковей, она обняла и принялась гладить Корнея.

— Успокойся, Лесовичок. По первости всем в городе тяжело. Я и сама, когда в горный институт в Ленинграде поступила, ой-ёй как настрадалась. Думала бросить, уехать обратно в деревню, да самолюбие не позволило. А потом пообвыклась.

— А я не обвыкнусь! Душа рвется в тайгу! Тама костерок зажжешь, на мохову подстилку ляжешь, и так хорошо. Прям Божья благодать... Хоть ты и говоришь, что мы обомшелые да дремучие, но жизнь наша зело чище...

Лишь оказавшись в городе, Корней осознал, что именно принадлежность к небольшой, но дружной и стойкой общине хранила его душевный покой и давала силы. Под влиянием необъяснимого наваждения он покинул ее и теперь ему не на кого опереться, не с кем посоветоваться. Возвратиться? Но сатанинская сила держала крепко.

* * *

Слушая рассказ любимой ученицы, начальник экспедиции Деев Валерий Геннадьевич, или, как все его за глаза уважительно величали, Дед, отодвинув в сторону самородки, взял замусоленный листок с многозначительной надписью «злато» и, потирая руки, произнёс:

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Можешь не продолжать, убедила. Что от меня требуется?

— Разрешение на смену участка работы. Я готова со своим отрядом вылететь хоть завтра. Люди у меня проверенные, опытные. Все в штате. Только проводника осталось оформить — он из тамошних.

— Что еще?

— Пару ящиков толовых шашек и хорошо бы закрепить за нами постоянного пилота. Лучше всего Чванова — он там уже был. Думаю, в сентябре разведку завершим, а может, и первую партию золота к отправке подготовим.

— Светлана, я очень надеюсь на тебя. Ты уж не подведи. Задание, конечно, смену. Чует сердце — месторождение стоящее. Но пока об этом никому ни слова и своих всех предупреди, чтоб языки не распускали.

— Не волнуйтесь, Валерий Геннадьевич, не подведу. Да, чуть не забыла: надо бы обеспечить Чванова запчастями для ремонта самолета.

— Не переживай, сегодня же переговорю с военными. Думаю, помогут. С командиром воевали в Гражданскую... Чего стоишь? Всё, иди пиши служебку...

— Валерий Геннадьевич, ещё один вопрос. Вы же знаете — у меня почти все семейные. Как насчет аванса?

Мужественное лицо начальника досадливо скривилось так, будто ему в рот попала долька незрелого лимона.

— Ну не для себя же.

— Хорошо, будет вам аванс! Главное, не подведите, а то с меня за самовольство могут партийного билета лишить.

— Не лишат — я в успехе не сомневаюсь, — уже выходя, с очаровательной улыбкой ответила она.

Светлана ликовала — в тридцать четыре года может стать первооткрывателем месторождения золота! О ней напишут в газетах. Мама будет счастлива, а бывший муж удавится от раскаяния.

Домой шла, светясь от радости. Слёту обняла и порывисто чмокнула в щеку оторопевшего Корнея. Ощувив волнующую упругость молодого, истосковавшегося по мужским ласкам тела, он ошалел. Кровь ударила в голову — Корней рывком притянул ее к себе и обнял так, словно хотел вобрать в себя:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Ах ты, душенька моя, пчелка медова!

Не сводя взора с голубых очей и зардевшихся щек, он повалил Светлану на постель.

— Погоди, погоди... дверь запру, — прошептала та таким дрожащим от возбуждения голосом, что Корней распалился до предела.

Вернувшись, обнажилась и легла рядом. При рассеянном свете низкого солнца лицо ее казалось еще прекрасней: сквозь длинные ресницы поблескивали глаза, влажный чувственный рот призывно полуткрыт, крылья носа вздрагивают от возбуждения...

Плотину прорвало... Слившись воедино, они погрузились в бездну страсти. Корней все это время не сводил замороженного взгляда с белых, как молоко, грудей: те ритмично колебались, дерзко выставив вверх упругие розовые соски...

Остывая, размлевшая Светлана обрадовала Корнея:

— Через три дня выходим. Завтра пойдём в контору, тебе надо будет оформиться. Нас ждёт грандиозное открытие! И всё благодаря одному замусоленному рисунку. Но ты должен мне помочь.

— Погоди, что за рисунок?

Светлана отмахнулась:

— Да у вас в закутке, в грязной тетрадке, нашла.

«Там только вещи Горбуна были. Выходит, рылась», — промелькнуло в голове Корнея. Он был потрясён, а вслух сказал:

— Ты что, взяла тетрадь Горбуна? Это же воровство! Страшный грех!

— Да не брала я вашу задрипанную тетрадку. Одну страничку только и вырвала. Не для себя же стараюсь. Стране золото позарез необходимо, а вы, кулаки недорезанные, сидите на нём и помалкиваете.

Светлана поджала губы и отвернулась.

Утром Корней не смог встать — впервые в жизни заболел. Его увезли в больницу. Два дня метался мужик в горячке. На третий вспотел так, что пришлось менять постель, отяжелевшую от телесной влаги.

Придя в сознание, увидел возле себя людей в белых одеяниях.

«Вот и суд Божий настал», — подумал он, нисколько не испугавшись.

ЗОЛОТО АЛДАНА

От стоящих архангелов отделился один и склонился над ним. Корней узнал в нем Светлану.

«Она-то как к ним попала?» — удивился он.

Женщина ласково погладила его по жесткой копне давно не стриженных волос и вытерла полотенцем мокрый лоб:

— Ох, и перепугал ты нас, Лесовичок. Поправляйся быстрее. В поле пора.

Светлана склонилась и коротко, а Корнею показалось, что этот миг длился вечно, прикоснулась к его губам.

Когда скитника выписали из больницы, на него жалко было смотреть — стоял, как свечка в жаркой бане. Болезнь, а в большей степени понимание, что Светлана совсем не волшебное создание, а существо грешное и алчное, изменили отношение к ней. В больнице, в забытых он услышал голос отца: «Ох, тяжело мне, тяжело. Страшный грех свершился!» Очнувшись, подумал: «Теперь нет мне прощения... А настанет последний час, рогатая образина крючком железным зацепит и прямоком в преисподнюю утащит на муки вечные... Так мне и надо!»

На столе, накрытом белой простыней вместо старой изрезанной клеенки, его ожидали пирожки с земляничной начинкой, красиво сложенные на большом блюде, вазочка с конфетами «подушечки» и чайные приборы на двоих.

Видя, как страдает, разрывается душа Корнея, женщина решила лаской и заботой отвлечь его от тяжелых дум.

— Мы к сладкому не привычные, — отвел он руку хозяйки, пытавшейся положить ему в чашку сахар.

После чая, прошедшего в абсолютном молчании, Светлана предложила:

— Одевайся. Пойдём, я тебе покажу кое-что интересное.

Они прошли по улице и вскоре зашли в серое здание. Там в большой горнице оказалось довольно много людей, сидящих на стульях. Они сели на свободные. Свет погас, стало темно. Сзади что-то застрекотало, и перед глазами скитника появились живые картинки, как когда-то из агата, найденного в заброшенных скитах. Корней был потрясён:

— Выходит, и агат Светлана украла!

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

На белой стене тем временем возник каменный дом, и громкий голос стал рассказывать о том, что в Испании возобновились бомбардировки мирного населения.

Возле него сновали люди. К ним подкатилось чёрное чудище на огромных колесах с высокой трубой. Из неё валил черный дым. Проревев, как сто сохатых во время гона, оно, лязгая и скрежеща железом, поехало, вытягивая откуда-то длинные домики с темными проёмами окон. Из них выглядывали и махали платочками радостные люди. В небе показались старые знакомые — аэропланы. Не один, как в скиту, а десятки. Они со страшным воем пронеслись над цепочкой домиков и что-то бросали вниз. Земля вокруг покрылась черными султанами взрывов. Домики валялись на бок и горели. Из них выползали люди с искаженными от боли лицами.

Корнея обуюл ужас. Он вскочил, чтобы помочь им, но Светлана усадила обратно:

— Успокойся, это только на экране. Помочь ты им не сможешь.

Но до предела возбужденный мозг верующего человека отказывался воспринимать иллюзорность происходящей на его глазах трагедии. Крестьясь и бормоча молитву, он вырвался и бросился к месту бойни, но уперся в стену. Тени заползали по его спине, рукам, а сидевшие в зале люди стали кричать, чтобы он сел на место.

Корнея вдруг осенило: так вот оно — окно в преисподнюю! Получается нехристи приходят сюда смотреть на муки грешников. Но почему же тогда его самого в эту преисподнюю не пустили? Неужели Господь приготовил ему ещё какие-то испытания за его грех?!

Скитник в смятении выскочил на улицу и бросился к темневшему вдали лесу. Добежав, обхватил руками ствол кедра. Родной аромат постепенно успокаивал.

— Господи, отчего в городе такие жестокосердные люди — ходят зреть муки других! Когда к нему вернулась способность здраво размышлять, он сказал себе: «Я ни за что не останусь в этом сатанинском городе. Как явлюсь во Впадину, пойду в скит, паду пред всеми на колени и стану вымаливать прощение».

От этой мысли немного полегчало. Корней сел под дерево и еще долго молился, глядя на звёзды. На рассвете побрел в город. Зри-

ЗОЛОТО АЛДАНА

тельная память не подвела: пройдя несколько улиц, он вышел к дому Светланы.

Она сидела у стола одетая. Увидев его, подбежала, обняла:

— Корней, ты где пропадал? Я не спала всю ночь, боялась, что заплутал или чего хуже.., — заглядывая в глаза, она теребила его. — Что молчишь? Скажи хоть что-нибудь.

Корней молча сгреб ее в охапку и повалил на постель...

* * *

В воздухолет Корней зашел безбоязненно, но при взлете, когда спина ощутила небывалую тяжесть, побледнел и долго не решался посмотреть в окошко.

Ровный гул двигателя и легкое покачивание успокоили. Глянув вниз, Корней увидел точь-в-точь как на карте змейки рек, разбегающихся между высоко вспученных хребтов.

А вот и родная Впадина. Сердце наполнило бесконечное счастье и ужас одновременно: там его семья и община, которых он предал. Только согрешив, Корней понял, как любит свою Дашутку.

«Как не цветут по два раза за лето цветы, так не бывает второй настоящей любви. Милая Даренка, какой я подлец, позарился на городскую кралю. Одурманила она меня своей сатанинской красотой. Сейчас понимаю, что все это пустое. Душа у нее корыстливая и расчетливая, а без родства душ не может быть любви. Одна лишь отупляющая страсть. Горит быстро, да стынет еще быстрее. Верно тятя говорил: «У Бога для каждого токо одна жена». Эх, Даренка, подскажи, как искупить вину, заслужить прощение?»

Такие вот тягостные размышления наваял на Корнея вид родных мест.

Воздухолет тем временем сделал круг над Впадиной, разрезанной извилами Глухоманки. Скит сверху казался игрушечным. Вон и отцовский дом. Сердце защемило еще сильнее.

Плавно снизившись, аэроплан коснулся глади озера ногами-лодками, и сразу две пары жемчужных крыльев воды разлетелись в обе стороны. Пропеллер на слабых оборотах дотянул до берега, и бортмеханик, соскочив в воду, подтянул самолет в тихую заводь поближе к покалеченному собрату.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Перекурив, летуны занялись ремонтом. Рабочие тем временем, споро выгрузив снаряжение и припасы, стали обустроить полевой стан: поставили палатки, сколотили из привезённых досок стол, напилили чурок для сидения. Над «столовой» натянули тент. Рядом устроили кострище.

Во время этих работ Корней разглядел парящего в небе беркута. «Рыжик, Рыжик!» — закричал он, призывно размахивая руками. Огромная птица, чуть покругив, спикировала и в последний миг, раскинув крылья, села другу на плечо. Приветственно проклекотав, беркут вытянул поседевшую шею и, как прежде, раскрыл клюв в ожидании гостинца. Корней, поглаживая гордо посаженную охристого цвета голову, вдруг понял, что приятель его стареет: потускнело, реже и потрёпаннее стало оперение, у основания клюва появились чешуйки. В его пристальном взгляде чудились отчуждение и укоризна. Корней открыл банку тушенки и вывалил мясо прямо на ладонь. Все с изумлением наблюдали за небывалой картиной — трогательной встречей человека и громадной хищной птицей. Съев угощение, Рыжик оттолкнулся от плеча и, со свистом рассекая воздух кончиками жестких перьев, взлетел. Набрал высоту, еще долго кружил над станом.

Пилоты с полочками управились быстро. Опробовали двигатель — завелся сразу. Кашевар тем временем накрыл стол, а удовлетворенная дружной, спорой работой Светлана разлила по кружкам спирт.

Пользуясь возникшей суетой, Корней встал и направился в сторону скита. Но тут перед ним, как из-под земли, вырос Чванов:

— Ты куда? Дезертировать решил? Деньги получил и бежать! Нет, брат, так не пойдет. Из лагеря только с разрешения начальника можешь отлучаться — ты на работе. Станешь своевольничать — срок заработаешь. Уразумел?

— Не шуми, я по нужде, — нашёлся скитник.

Через несколько минут Корней, обречённо подойдя к котлу, наложил в миску каши с тушенкой и сел на чурку. Ел через силу, то и дело поглядывая туда, где проходила тропа, в надежде увидеть наблюдавших за ними скитских: не могли же они оставить без внимания прилёт аэроплана. Решил: если кто объявится, просить через него дозволения наставника прийти на покаяние. Но до темноты так никого и не при-

ЗОЛОТО АЛДАНА

метил. «Сегодня Рождество Иоанна Предтечи — видать, недосуг», — успокоил он себя. Но тут его вдруг словно дубиной огрели: «Глупец! На что надеешься?! Они ведь скрытно будут наблюдать. Не увидишь!.. Чего ждёшь? Нет тебе прощения!»

Корней осознал очевидность этой истины только сейчас. «Как же быть?! Неужели не зайти больше в свой дом, не обнять родных?!» — спрашивал он себя и страшился честного ответа на этот вопрос.

Заметив, что проводник, сгорбившись, сидит в сторонке, возбужденная и довольная Светлана подошла к нему и, прижав его голову к себе, стала гладить:

— Лесовичок, что загрустил? Все замечательно... Завтра же на маршрут. Иди отдыхай.

Корней покорно поплелся в палатку.

После ночевки, как только солнце разогнало над озером туман, воздухолеты один за другим улетели на матерую землю.

В СКИТУ

Когда миновала седмица, а Корней, ушедший провожать чужаков к Реке, в скит не вернулся, встревоженный Елисей зашел к наставнику за советом. Выслушав его, обеспокоенный Григорий распорядился отправить Матвея с Изосимом на поиски.

Выйдя к Реке, ребята по следам без труда нашли стоянку. Среди них были и гладкие вмятины от Корнеевых ичиг. По отпечаткам сходней легко определили место, где причаливал пароход. Следы Корнея обрывались там же. Сомнений не оставалось — уплыл вместе с пришлыми.

Весть эта потрясла общину и повергла близких в уныние. Подозревали, что виной тому бесовка в мужских портках.

— Неужто Корней поддался диаволу? — сокрушался наставник, выслушав Елисея. — То-то он сейчас радуется. С грешным человеком бесы не канителются, все одно такому в аду быть. А вот суметь сбить с пути праведника и довести его до грехопадения — это то, над чем стоит потрудиться, а в случае удачи и погордиться... Похоже, не устоял-таки мужик перед телесами срамницы... Хотя могла быть и иная, неизвестная нам, причина.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Через четырнадцать дней после встречи с нехристиами почти все дети в скиту заболели. Особенно тяжело хворали Корнеевы.

— Та пришлая бабёнка — бешиха, из-за нее и хвороба, — определил Елисей. — Лечбу верную в точности не знаю, но помню, батяня говорил, что надобно обтирать дитя угомонной водой, за которой следует идти на речку в полночь и нести домой, не оглядываясь.

Несмотря на все старания, двое малолеток в скиту, один еще парной был, померли от удушья. Как записал наставник в учетной книге, «от глоточной хвори».

Когда над Впадиной вновь появился и сделал круг аэроплан, в скиту переполошились. Какую еще беду он принесет?

Чтобы понять, кто опять прилетел и с какой целью, наставник отправил Изосима все разведать, только зело скрытно, так, чтобы чужаки не видели.

По-звериному тихо подкравшись к стану, он сразу узрел сидящего отца и ведьмицу, поглаживающую его понурую голову. Кровь Изосима вскипела от гнева на родителя, предавшего их, и ненависти к змее подкольной в облике писаной красавицы. Парнишка хотел было ринуться на них с кулаками, но что-то остановило его. Изосим хоть и юн был, но Устав и ответственность перед общиной требовали что он должен обо всем поведать наставнику.

Григорий, выслушав отрока, еще больше опечалился. В нем погасла слабая, едва теплившаяся надежда, что проступок Корнея имеет иное, чем всем думалось, объяснение. И всё равно в его голове не укладывалось, как мог всеобщий любимец и первый радетель незыблемости отеческой веры нарушить Устав, предать семью.

На вечернем молебне он объявил Корнею анафему и запретил кому-либо встречаться с ним, тем паче со скоблеными табашниками.

— Не ведаем, что творим! Вот к чему послабления ведут! Измыслили, что не грешно несколько отступить от строгостей. И что? Дожили до грехопадения. В том и моя вина. Помилосердствовал ведьмице — сам же в скит допустил. Тем Корнея в искус ввел. Простите меня, братья и сестры! Удаляюсь на недельное моление и земные поклоны во искупление сего греха нечаянного, — известил, сглатывая

ЗОЛОТО АЛДАНА

подступивший горький комок раскаяния, совершенно убитый происшедшим Григорий.

После объявления приговора Корнею на душе Дарьи стало пусто. До последнего момента она все еще тешила себя надеждой, что ей лишь померещились те красноречивые взгляды мужа на белокурую дьяволицу; что его отлучка объяснится чем-то иным, что он скоро вернется и они заживут, как прежде: согласно и радостно. Не желая верить в предательство, она, тупо глядя под ноги, пошла домой, зашла в свой угол и пала плашмя на постель, задыхаясь от распиравшей горло боли. Слез не было, и оттого каменная горечь давила вдвойне. Долго билась она в немом крике, кусая губы и руки, пытаясь сердечную боль убить физической. Жгучая, незаслуженная обида и легший на нее позор разрывали сердце, мутили разум. Свекровь принесла воды.

— Уйдите, — с трудом смогла выдавить Дарья.

— Даша, грех так убиваться.

— Это у меня-то грех?! — вскинулась Дарья. — А у него, выходит, не грех. Опозорил на весь скит всех нас.

— Дашенька, милая, ты меня не поняла. Я ж про то, что тебе убиваться так нельзя. Будем молиться, чтобы Господь дал тебе силы выдюжить и дитё доносить, да апосля всех троих на ноги поставить. Мы поможем... Мы одна семья.

— Пропала моя жизнь, матушка. За что такое наказание? Али я была плохой женой? — высоким рвущимся голосом простонала враз почерневшая Дарья, подняв на свекровь пьяные от муки глаза. Покусанные до крови губы перекосила обида. — Вроде так ладно жили! Думала, любит, а вышло — ведьмачка-то милее. — Лицо ее вдруг посуровело, она встала, одернула одежду, отодвинула рукой свекровь и, прямая, натянутая, как струна, вышла в горницу. Невидящими глазами обвела домочадцев, повернулась к образу Христа и начала о чем-то горячо молиться...

Внешне Дарья мало изменилась. С детьми была приветлива и ласкова, со стариками заботлива. Только в глазах поселилась горечь, да где-то на доньшке сердца сосала, томила боль, но и та, заслоненная, отодвинутая каждодневными домашними заботами и трудами, все реже давала о себе знать.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

* * *

Утром Светлана Николаевна, оставив одного рабочего в лагере, с остальными пошла за Корнеем к месту, отмеченному многообещающей надписью «злато». О приближении водопадов известили усиливающийся гул и легкое подрагивание почвы.

Вот и первый слив: вода безостановочно долбит каменное дно круто изогнутым жемчужным посохом и, намесив в бурлящей чаше белоснежной пены, мощной струей устремляется к плесу, где успокаивается до зеркальной глади, отражающей нависшие скалы.

«Даже водопад гудит как-то напряженно, неприветливо. Должно быть, негодует, что чужаков привел», — подумалось Корнею.

Поднимались с частыми остановками: несли с собой сразу весь инструмент для горных работ.

Проводник злился: «Экая торопыга: прежде место найти надо, а потом уж инструмент поднимать. Куда спешим? Хуже нет, когда баба командует».

Но виду, что раздражен, не показывал. Словно веревкой привязанный к уже почти ненавистой женщине, он безвольно, как сорванный ветром и брошенный в бурный поток увядающий лист, отдался течению жизни. Теперь ему было все равно, куда вынесет его. Куда бы ни вынесло — хуже точно не будет.

Подойдя к последней, верхней, ступени каскада, начальница объявила привал прямо у сливной чаши. Попив чай с сухарями и сгущенным молоком, приступили к осмотру береговых обнажений. Не обнаружив ничего интересного, Светлана спустилась ниже. Долго бродила в резиновых сапогах по руслу, усеянному разноцветными камнями. То и дело нагибаясь над завитушками перекрученной воды, разглядывала камни, некоторые складывала в сумку и вдруг, радостно заверещав, выскочила на берег. В руках она держала небольшой, причудливой формы самородок, черный с одного бока от налипшей грязи. Когда щеткой смыла ее, все поразились — настолько самородок был похож на выныривающего из кипящих волн жеребца.

— Сомнений нет, где-то выше рудное гнездо — все дно усеяно крошкой рыхухи. Поднимаемся и обследуем каждый метр самым тщательным образом, — распорядилась Светлана.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Вооружившись геологическими молотками и сумками для сбора образцов горных пород, отряд приступил к работе.

Здесь уже не было ступенчатых уступов, а склон был настолько крутым, что стремительный поток то и дело срывал и перекатывал по дну довольно крупные камни. Охваченная азартом начальница, пристально вглядываясь в дно и береговые обнажения, торопливо поднималась по каменистому руслу. Её взбудораженная фантазия рисовала богатые гнезда золота, заключенные в кварцевые жилы, и ожидающую её славу. За ней следовали остальные. Даже Корней невольно охватил азарт. Он заразился азартомрячкой и первым углубился в теснину, промытую речкой в скальной гряде. Перепрыгивая по мокрым валунам, он спешил проскочить мрачное место. Вот впереди посветлело.

— О Боже! — Непроизвольно воскликнул он, увидев желтоватую полосу, тянущуюся по дну русла между кварцевых плит. — Это же золото! Да тут его тонны! И под ногами все желто!

Забыв обо всем, охваченный старательской горячкой, Корней помчался обратно прямо по воде.

Вскоре торжествующий рев опьяненных невероятной удачей геологов перекрыл шум сбегавшего по камням потока.

БОЖЬЯ КАРА

Взвешивая и раскладывая в ящики позвякивающие куски вырубленного золота с вкраплениями кварца, Светлана сокрушалась:

— Как жалко, что Чванов улетел. Задержиись он на день, уже сегодня порадовали бы Деда.

— Милая Светочка! Это не повод для расстройства. Сегодня вывезем или через неделю — не принципиально. Ваше открытие такого уникального месторождения — уже грандиозный успех. Трудно даже вообразить его истинные масштабы. Поверьте мне, старому землекопу, — ничего подобного в истории золотодобычи не было, — успокаивал её Зиновий Маркович, числящийся в отряде на должности техника, хотя по диплому — горный инженер еще с дореволюционной поры.

Светлана благодарно улыбнулась:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Маркыч, как вы думаете, за сколько дней можно разработать наружную часть «языка»?

— Думаю, за месяц. Потом придется шурфы закладывать, чтобы динамитом скальную покрывку над рудным телом снять. Чую, оно уходит глубоко. Перед нами лишь верхушка айсберга.

Светлана мечтательно вздохнула. Старый техник-инженер в своих оценках никогда не ошибался. Ей иногда даже казалось, что у него в голове рентгеноскоп, просвечивающий землю насквозь. Вон какое в прошлом сезоне месторождение железной руды нашли! А ведь все в один голос твердили «пустое место, бросайте», а он уперся, настоял-таки на продолжении работ.

Ей уже не единожды приходилось вставать на защиту этого редкого профессионала и выслушивать обвинения особиста в классовой близорукости. Но ни разу не усомнилась в своей правоте: одиннадцать полевых сезонов убедили ее в полной лояльности Зиновия Марковича к советской власти. Этого человека, кроме работы, ничто и не интересовало. Рано овдовев, не имея родных, он целиком отдавался любимому делу.

Корней, доселе молча слушавший их разговор, неожиданно взорвался:

— Вовсе и не Светланы Николаевны это открытие. Горбун то месторождение нашел и на карту нанес, а мы лишь пришли по его мете.

— Спорить не буду, возможно, и не Светлана Николаевна первой выявила. Это и не важно. Недра принадлежат государству, и золото является его собственностью. Вы, любезный Корней Елисеевич, не волнуйтесь. Пусть ваш Горбун будет как бы первоисточником, а Светлана Николаевна первооткрывателем, хорошо?

— Горбуну все равно, второй он источник или первый. Помер давно.

— Голубчик, к чему в таком случае так нервничать? Нам ведь, пожалуй, и премию дадут, — увещевал проводника деликатный техник.

* * *

— Мальчики, завтра отдыхаем — заслужили! — объявила Светлана Николаевна за ужином. — Хорошо бы заодно свежим мясом разжиться. Стыдно тушенкой питаться в тайге, — добавила она, выразительно глянув при этом на Корнея.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Проводник, поковыряв палкой в костре, молча встал и скрылся в лесу. Через час вернулся с дюжиной радужных хариусов, насаженных на гибкую ветку, с рогулькой на конце. Сноровисто почистив, поджарил рыбу на сковороде.

— Вот это мужчина так мужчина! — игриво потрянув кудрями, похвалила Корнея, отправляя нежные ломтики в рот, начальница.

— Да уж, с нашим проводником не оголодаем, — согласились, облизывая пальцы, рабочие.

Утром, ещё до восхода, один из них, по прозвищу Рябой, имевший в экспедиции репутацию лучшего стрелка, взял карабин и ушел с долговязым Антоном промышлять мясо. Ему давно нравилась Светлана, и он всячески стремился заслужить ее внимание и одобрение.

Забравшись на останец, Рябой, обслеждая в бинокль окрестные склоны, засекал семью лосей, жировавшую на поляне в полуверсте от их наблюдательного пункта.

Чтобы не спугнуть сохатых, охотники решили зайти с подветренной стороны. Пока пробирались по буреломам и нагромождениям камней, на поляне разыгралась настоящая трагедия. Там, где совсем недавно паслись лоси, лежал медведь, а чуть в стороне сохатый со смятыми, еще не оостеневшими «лопатами» рогов: победителя в этой схватке не оказалось.

— Ёшкин кот! Нынче фарт сам в руки прет. Вчера — куча золота, сегодня — гора мяса! — воскликнул повеселевший Рябой.

Мужики, хотя и радовались так легко доставшейся добыче, всё же с сочувствием взирали на поверженных исполинов. Вместе с тем испытывали и уважение к обоим — погибли достойно в открытом, честном бою.

Когда охотники приблизились, лось с усилием открыл глаза. Рябой для верности выпустил в каждого зверя по пуле. После чего по-хозяйски осмотрел, ощупал туши. «Сохатый жирный! Миша так себе».

Вынув из сапога острый нож, мастерски освежевал зверей. Потом осторожно распорол медведю брюхо. Достав печень, отрезал от теплой, дымящейся печени по кусочку. Проголодавшиеся охотники, не жуя, стали жадно глотать красно-коричневый студень с хлебом. Насытившись, разделали туши на некрупные, килограммов по пять, куски.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Зараз не унести. Что сперва? — спросил Антон, раскрывая горловину рюкзака.

— Топтыгина, конечно. Лосятиной Светлану не удивишь. Скажет: «Невелика доблесть — лося убить». А принесем медведя, так и крыть нечем.

— Ну и башка у тебя, Рябой! Ох, утрем нынче Корюшке нос.

Увидев на разостланном брезенте гору медвежьего мяса, Светлана Николаевна от восторга заверещала:

— Какие вы молодцы! Медведя добыть — это не харюзят таскать. Тут нужна особая доблесть, — бросила она многозначительный взгляд на сидящего у костра Корнея.

— Напрасно попрекаете. Мы медведей не стреляем и не едим. Медведь — брат человека, только волосатый, так меня учили, — тихо, но твердо произнёс скитник, глядя на нее в упор.

— Вы, ребята, суп варите, а я отбивные приготовлю, на сковороде поджарим, — командовала начальница, оставив реплику проводника без внимания.

В лагере царило праздничное возбуждение. Рябой угощал всех сырой печеню, а Корнею, оскалившись, сказал:

— Извини, кореш, на тебя не хватило. Как-нибудь в следующий раз.

— В твоих кудрях уже зима поселилась, а ведешь себя, как дитя малое, — беззлобно отозвался тот.

Пока Антон со Светланой готовили свеженину, Рябой сходил с рабочими за следующей порцией мяса. В береговой линзе льда вырубил пещерку, выстлал дно брезентом и сложили в природный холодильник все без остатка. Вход завесили плащ-палаткой и придавили валежиной. Теперь мясо не пропадет.

Корней чувствовал себя на этом празднике чужим. Чтобы как-то отвлечься, он ушел к озеру. Сидя на берегу, долго отрешенно наблюдал за мерцанием крыльев стрекоз в лучах солнца. Насекомые летали парами. Гоняясь друг за дружкой, они то взмывали, растворяясь в воздухе, то падали вниз, зависая над самой водой.

Легкие дуновения ветерка, больше похожие на дыхание, не поднимали ряби, а лишь поглаживали воду и ласкали лицо. Время от

ЗОЛОТО АЛДАНА

времени серебряным дождем рассыпалась в воде распугиваемая кем-то мелкая рыбешка.

Когда солнечный диск завис над зубцами гор, ветерок усилился, и поверхность озера стала напоминать котел, усыпанный россыпью «смолистых стружек». Огнем запылали облака, медью окрасились деревья. Светило тем временем коснулось почерневшей вершины горы и, скатившись с неё круглым желтком в межгорный провал, выманила ночь. Та, смелая, щедро рассыпала по черной бездне россыпи созвездий, а озеро заиграло волнистым отражением народившегося месяца.

Из памяти Корнея всплыло, как давным-давно где-то поблизости, он сломал ногу, поскользнувшись, кстати, на медвежьей лепешке, и пролежал несколько суток, дожидаясь помощи; как выручил его тогда Лютый, и ещё многое другое... Вспоминать-то было о чем, но все это осталось в той, теперь уже недоступной ему, жизни, теперь он в ней изгой...

А что взамен? Светлана только о славе думает. Рабочие его недолюбливают. Корюшкой какой-то обзывают. Что я им плохого сделал? Отношения с начальницей не выпячиваю... Зачем я пошёл за ней? Вся жизнь кувырком...

Спать не хотелось. Над озером зарождался туман. Вдали спросонья заготовили потревоженные кем-то гуси. Корней всё сидел, погруженный в свои невеселые думы, пока под утро сон не сморил его...

Прошло десять дней. Работы шли полным ходом. Золото с щедрыми вкраплениями кварца уже некуда было складывать. Но верно говорят, что, если уж золотая лихорадка прихватит, то не отпустит: люди работали, словно заведенные, даже отдыха никто не просил. В каком-то горячечном нервном возбуждении с утра до вечера кайлили «язык» и складывали желтые куски прямо на берегу.

Наконец Зиновий Маркович взмолился:

— Светушка, стар я уже без отдыха столько работать. Может, хоть баньку организует? Что-то тяжело мне сегодня.

— И у меня силы кончились, как будто сдулся, — поддержал техника Рябой.

— Я и сама притомилась, — согласилась начальница.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Наутро народ поднимался вяло. Первым из палатки выкарабкался Рябой:

— Братва, может, не будем баню топить? Что-то все тело ломит.

— А ну ее к ляду, так отдохнем, спину тянет, — отозвался, не вылезая из палатки, Маркыч.

От каши почему-то все отказались, зато помногу пили заваренного со смородиновым листом чая. Светлана Николаевна была сама на себя не похожа. Сидела грустная и задумчивая. Всегда активная, говорливая, чай пила тихо, не проронив ни слова. То и дело бросала на Корнея странные, замутнённые взгляды. Тому чудилось, будто Светлана хочет сказать ему что-то важное.

«Сказать, не сказать?» — действительно думала она. Вчера вечером по одной ей ведомым переменам женщина поняла, что беременна. «Надо сказать», — решила было, но тут же передумала. «Аборт осенью втихаря сделаю. А скажешь — проблемы могут появиться. Он вон какой набоженный».

Немного ожив, люди разбрелись по лагерю. О бане и не вспоминали. Один за другим возвращались в палатки и забирались в спальные. Лишь Корней чувствовал себя как обычно. Убрал со стола и принялся готовить обед — дежуривший в этот день Антон попросил проводника подменить его.

На обед из палаток никто не выполз. Корней недоумевал. Он никак не мог докопаться до причины загадочной болезни, не коснувшейся почему-то лишь его.

«Постой, постой, медвежью печень и мясо ели все, кроме меня, — дошло наконец до него. — Надо внимательно осмотреть мясо».

Корней раскрыл «холодильник», вынул первый попавшийся шмат медвежатины. Раздвинув острым кончиком ножа волокна мышц, обнаружил то, чего больше всего страшился — тонких полупрозрачных личинок.

— Все ясно! Мясо не доварили. Впрочем, скорей всего, через сырую печенку заразились.

Корней знал эту болезнь: однажды в неурожайный год они застрелили обнаглевшего шатуна, но Маркел, слава богу, мясо проверил и, обнаружив таких же личинок, запретил давать даже собакам. Велел поглубже закопать вдали от речки и скита. Тогда же он объяснил скит-

ЗОЛОТО АЛДАНА

ским, что единственный шанс выжить при попадании этой страшной заразы — лежать, не двигаясь и обильно пить. Чем больше человек двигается, тем быстрее яйца и личинки разносятся кровью по телу и разрушают организм, проедавая в сосудах сквозные отверстия.

Обойдя палатки, Корней поговорил с каждым, втолковывая, что надо как можно больше пить и меньше двигаться. Впрочем, это было излишним — народ и так лежал пластом, корчась от мучительных болей, которые, судя по всему, усиливались: душераздирающие стоны к вечеру неслись уже со всех сторон. Видя страдания товарищей, проводник без конца заваривал чай и, намешав сгущенного молока, разносил.

Сильнее всех страдал Рябой. Обезумев от мук, терзавших его тело, он, судорожно клацая зубами, молил Корнея:

— Помоги! всю жизнь буду служить! Спаси, Корнеюшка!

Светлана, как большинство женщин, переносила боль молча. Лишь по редким, сдавленным стонам и зернистому бисеру пота на лбу можно было догадаться, каково ей. Но на следующий день, как видно, стало совсем невмоготу. Когда проводник в очередной раз заглянул в ее палатку, она, облизав сухим языком обескровленные губы, жалобно посмотрела на него и попросила застрелить ее. Тут приступ страшной боли выгнул ее дугой. Чтобы не закричать, она зажала рот руками.

Не в силах слышать эти стоны и крики, Корней время от времени уходил на ближний водопад — низвергающаяся вода всегда успокаивала его, и снова возвращался в лагерь, чтобы поить больных. Больше ничем он не мог помочь им. Оставалось лишь молиться и просить для них у Создателя облегчения мук.

Через три дня все было кончено. Первым отмучился Рябой. Следом, почти одновременно, «ушли» остальные. Корней поочередно обходил их и расправлял, пока не застыли, скрюченные судорогами конечности. Что удивительно, Светлана лежала так, как будто проснулась, но решила еще чуть-чуть понежиться, подремать. Даже мертвой она была прекрасна. Пушистые крупные кольца волос красиво обрамляли бледное, с заострившимся носом, лицо.

Над лагерем с шестью коченеющими трупами повисла жуткая, могильная тишина.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Одинокий свидетель драматических событий потерянно бродил между палаток, то и дело спотыкаясь о ящики и мешки с золотыми самородками.

Корней считал себя виновным в смерти людей. Его взяли в партию как знатока тайги, и он обязан был проверить медвежье мясо, тем более что знал, какую смертельную опасность оно может таить.

«Господь, почему ты и мне не даровал смерть?!» — кричала его душа. В груди кипело, а в глазах — ни слезинки. Он пытался сдержать крик, но не мог. Горестные, исступленные вопли вырывались из груди произвольно.

Измученный бессонными ночами, подавленный случившимся проводник забрался в свое брезентовое жилище и повалился на ватный спальник. Сон был коротким, но достаточным, чтобы к нему вернулась способность трезво размышлять.

Анализируя происшедшее, он утвердился в мысли, что людей постигла Божья кара за то, что покусились на недозволенное, особо хранимое. Корней знал, что и его не минует возмездие, только еще более страшное. Это не пугало. У него было одно желание: скорее бы все кончилось.

«Может, тоже медвежатины поест, да сразу сырой, чтоб на-верняка. Хуже, чем сейчас, не будет. Несколько дней помучаюсь, и точка», — подумал он и тут же одернул себя: не доставало еще грех самоубийства на душу принять. — Больно просто у меня получается. Ведь это только начало истории. Прилетит Чванов, увидит, что народ перемёр, вот тогда все и закрутится. Скитских обвинят в убийствах. Всех арестуют и на лесоповал упекут, на тяжкую, безвременную смерть. Хоть и недолго в городе жил, но знаю, как это делается... Вот что будет, дорогой «лесовичок», ежели и ты сгинешь — дошло до Корнея. — Как быть? Посоветоваться бы с наставником, да станет ли он со мной говорить?! В любом случае я должен известить его о случившемся. Может, сообща что и придумаем. Ежели утаить — всем хуже будет».

Застегнув входы в палатки (тела решил пока не трогать — земля холодная, не испортятся), Корней отправился в скит.

Шел по сотни раз хоженной тропе, с ужасом думая о том, как войдет в ворота, пройдет мимо своего дома. А вдруг Даренка увидит? Ох,

ЗОЛОТО АЛДАНА

сраму, сраму-то сколько! Представив себе все это, Корней чуть не взвыл.

Вот и заплот. «Этот пролет сам ставил. Крепкий еще», — отметил он.

Собаки признали и голоса не возвысили. Радостно заскулили, с интересом принюхиваясь к новым, незнакомым запахам, исходившим от Корнея.

Собрав все мужество, непослушными руками отодвинул потаенный затвор калитки и, опасливо озираясь, быстро зашагал к дому наставника. Боковым зрением заметил за поленицей сидящих на скамье девиц с веретенами в руках. Соседская Люба, гоня ногой колесо прялки, красиво завела песню:

Ты скажи-скажи, моя матушка родная,
Под которой ты меня звездой породила,
Ты каким меня счастьем одарила...

К ней вторым голосом присоединилась подруга. Да так ладно, с таким глубоким сопереживанием у них это выходило. Послушать бы, да какое! Быстрей, быстрей! Но глазастые девицы уже заметили его и разом смолкли.

Корней взбежал на знакомое, чисто вымытое крыльцо и, приоткрыв дверь, сдавленно прохрипел:

— Есть кто дома?

В ответ — тишина. То ли с отчаяния, то ли от безысходности он прошел в горницу, не заходя всё же за матицу: пересечь её без приглашения — грех.

Наставник, стоя на коленях, молился перед напрестольным восьмиконечным крестом с изображением Господа. Освещая строгие, как показалось Корню, лики Христа, Богородицы и Николая-угодника, потрескивала лампадка.

Увидев отступника, Григорий гневно сверкнул очами, но произнес сдержанно:

— Ты, сударь, похоже, не токо совесть, но и стыд потерял. Как посмел в скит явиться? Попрошу выйти и более нас не беспокоить, не то братия поленьями забьет.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Знаю, нет мне прощения, но окажите милость, дозвоьте важное сказать.

— Что попусту воздух сотрясать, сказано — прочь из скита!

— Отец Григорий! То касаемо судьбы общины.

Наставник помолчал и, преодолев себя, произнес:

— Говори, коли так.

Корней коротко поведал о случившемся. Упомянул и про обнаруженную по нечаянной наводке Горбуна залежь самородного золота.

Григорий задумался:

— Рано или поздно людей хватятся. Самое верное — тела те для сохранности сегодня же в ледник снеси, и непременно сбереги медвежье мясо, оно — твой единственный защитник и оправдатель. Как власти придут, сразу, без утайки, обо всем, акромя жилы, расскажи. Иных вариантов нет. Ну а мы, сам понимаешь, за тебя не в ответе. Нас не марай.

— Даже помыслить такое невозможно! Во мне не сомневайтесь. Богом клянусь, на вас и тень не падет. — В глазах Корнея от обиды заискрились слезы.

— Бога не поминай! Ты ж не только нас, но и Его предал.

Наставник наконец вскользь глянул на бывшего сотоварища. «Исхудал, в волосах седина, взор потухший, — отметил он про себя. — Сам виноват. За грехи рано или поздно платить приходится. Тебе ли, а ещё хуже, коли детям, Господь всяко счет предьявит».

Прежде он души не чаял в Корнее, считал его главной опорой в делах общины. Да и благодарен был ему за то, что много лет назад в скит привел. И сейчас в его сердце помимо воли шевельнулась было жалость, тем более что сознавал и свою вину, но сразу усмирил ее. Он Наставник и отвечает перед Богом за порядок и нравы в общине.

— Ступай, — произнес он как можно суше, хотя в душе помягчел.

Когда Корней на цыпочках вышел, Григорий обессиленно опустился на скамью. Нелегко дался ему этот разговор. Не было в истории общины более тяжкого грехопадения.

«Не в разум, как такое могло случиться? И с кем? С Корнеем! Такой примерный семьянин и вдруг впал в блудострастие. Сколь могучи соблазны сатаны, что даже такого редкого праведника смог

ЗОЛОТО АЛДАНА

заполучить в свои сети. Вроде мы с ним в созвучии жили. Понимали друг друга иной раз и без слов. Были, как две головешки в костре — чудилось, убери одну, и костер погаснет. Ан нет, не почувал я, когда опасность подкралась. Сам же и привёл блудницу в их дом. Посему и моя вина в том.

Хорошо хоть, это предательство не сломало Дарью. Громадной духовной силы женщина и мудра необычайно. Приходит ко мне вроде за советом или просто душу излить, успокоиться, а получается, что меня успокаивает, да ещё от неё набираюсь. Так повезло мужику с женой, а он красой дьявольской соблазнил!»

Мысли в голове наставника крутились, сменяя друг друга, как снег в метель: «Чего-то Господь, сотворяя человека, не додумал. Жизнь иных тварей вон как мудро организовал! Любо посмотреть! Взять хотя бы тех же пчел али муравьев. Мы на них спесиво поглядываем, а между тем эти крохи — образец разумного устройства общества. У них все направлено на сотрудничество и самопожертвование ради общего блага. Поучиться бы, глядишь, вели бы себя праведней».

* * *

Корней вернулся в лагерь в крайне удрученном состоянии. Сказывался не столько холодный прием наставника — он иного и не ожидал, — сколько встреча, которой он особенно страшился и в то же время жаждал, — встреча с отцом. Перед ним неотступно маячили его ненавидящие глаза.

Они сошлись почти лоб в лоб: когда Корней, подойдя к скитским воротам, отворил калитку, то столкнулся с отцом, тащившим тележку с дровами. Невольно шагнул навстречу, чтобы помочь, но гримаса отвращения, искажившая лицо родителя, обожгла злой крапивой.

— Как смел поганить своими стопами нашу землю? Жену, Богом данную, холить и беречь надо. Она мать твоим детям. А ты, тварь, за бесом в женском обличье, засучив портки, побежал. Весь наш род перед Богом и людьми осрамил. Будь ты проклят! Прочь с глаз моих!

Корней понимал, что в случае встречи отец вряд ли приласкает, но не ожидал столь откровенной неприязни. Горше слов ему не доводилось слышать. Самое страшное, что слова-то справедливые!

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Долго сидел он на полузамытой песком валежине, вперив отсутствующий взор в чешуйчатую рябь озера. На душе было погано. Потухла последняя искорка надежды на примирение.

Наплывшая тень отвлекла от невеселых раздумий. Корней поднял глаза. Белые пушистые облака, гонимые ветром, весело и беззаботно летели в неведомую даль. Провожая их взглядом, он вернулся к реальности. Душевные терзания уступили место пониманию того, что надо действовать. Предстояло основательно подготовиться к ответу перед властями. Да грамотно подготовиться, дабы отвести их от Впадины.

* * *

Узнав, что табашники провели о залежи золота из записей Горбуна, Григорий направился в дом Елисея. Тот, выслушав наставника, сердито проворчал:

— Вот тебе и молчун! Вот удружил! Тоже еще золотокопатель выискался! Хоть бы нам ту тетрадь показал!

— Да уж, не будь её, глядишь, обошлось бы, — согласился Григорий. — И зачем он про золото написал? На кой ляд оно ему-то? Да еще возложил на себя обет молчания?

— Думаю, тут какая-то тайна. Надо прочитать всю его писанину, может, она что прояснит.

Григорий с Елисеем зашли в каморку и сразу увидели на столе замасленную, в пятнах сажи, тетрадку. Наставник принялся читать записи вслух.

В большинстве своем это были рассуждения о жизни и вере. Нашли также и описание грота, подробный план коридоров, по которым Горбун ходил к Оку и в соседние пещеры, и даже дальний пещерный скит. На плане в одном месте стоял крестик и надпись под ним: «Ларь».

Но самым любопытным оказалось описание встречи Горбуна с душами пещерников. Они, поняв, что он обнаружил их тайники, наложили на него обет молчания до той поры, когда сам Сын Божий не откроет эти схороны избранным. Души пещерников также жаловались ему, что тело последнего из них не предано земле. Они про-

ЗОЛОТО АЛДАНА

силы Горбуна пойти с ними и предать земле по-христиански. Горбун согласился, но не смог пройти сквозь каменную стену.

Прослушав это место, Елисей аж крикнул:

— Похоже, спятил старик. В одиночестве измышлял от скуки всякое и записывал в тетрадь. Давай, от греха подальше, сожжем ее, чтобы у самих разум не пошатнулся.

— Трудно сходу определить, что это. Может, бред больного возбуждения, а может, и откровения. Лучше до поры сохраним. Слава богу, что ведьма в штанах всю тетрадь не умыкнула. Чую, мета про золото здесь не главное.

В ЛАГЕРЕ

Самолет прилетел через две недели. Корней зашел в воду и подтянул зеленого «гуся», обитого фанерой, к берегу.

Чванов открыл дверь и весело крикнул:

— Корней, привет! Принимай почту. Грузите быстрее, мне еще к Фролову надо успеть.

— Груза много... Пойдем поможем...

Корней откинул брезент с ямы, выдолбленной в промороженном грунте в тени елей. В ней в два ряда лежали трупы.

Чванов остолбенел. Зло глянув на Корнея, процедил:

— Ты ответишь за это, образина патлатая!

Молча перенесли в самолет тела, палатки, инструмент, продукты.

Увидев, как глубоко просели в воду поплавки, Чванов покачал головой:

— К Фролову не получится... Так, а где ящики с образцами, гражданин проводник? — спохватился он.

— Образцов не успели собрать, болезнь всех свалила. Ящики вона — пустые...

— Болезнь почему-то только наших свалила...

— Товарищ пилот, твоя неприязнь понятна, но я в смерти людей неповинен. Причина в медвежьем мясе...

Корней достал из ледяной пещерки кусок мякоти:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Видишь завитки личинок? Такое мясо надо полдня варить. Похоже, не доварили. Да еще сырую печень ели.

— Чего ж ты не предупредил, раз знал, что мясо с глистами? — недобро прищурился пилот.

— Твоя правда, сразу не сообразил поглядеть, мы же медведей не едим, а потом поздно было — люди слегли.

— Странная история: ты живой, а остальные почему-то померли... Ладно, НКВД разберется.

В воздухе не проронили ни слова. Корней беспрестанно мысленно возносил благодарственные молитвы Создателю за покровительство плану, дающему надежду на то, что геологи не будут больше летать во Впадину и община не пострадает.

Ожидая самолет, он работал от зари до зари — боялся не успеть. Собирал по руслу, начиная от золотого «языка» все, даже самые мелкие, самородки. А сам «язык» завалил крупными валунами, отведя русло речки в этом месте, насколько смог, в сторону. Всё золото закопал в самом верхнем распадке. Место выбирал тщательно, чтобы ни одна душа не догадалась там искать. Теперь только он владел этой тайной.

* * *

19 июня 1941 года судья огласил приговор:

«Кузовкина Корнея Елисеевича, 1900 года рождения, за контрреволюционный саботаж, выразившийся в небрежном исполнении обязанностей, повлекший за собой гибель людей, а также срыв особо важного государственного задания приговорить по статье 58 пункт 14 к двадцати годам заключения с отбыванием срока в лагере строгого режима».

Через три дня началась война. Летчик Чванов добровольцем ушел на фронт и погиб в воздушном бою под Москвой. Начальника экспедиции Деева Валерия Геннадьевича за самовольство исключили из партии и перевели в Магадан на должность техника, где он вскоре умер от сердечного приступа. Все складывалось так, что и без того мало кому известные сведения о месторождении золота на Глухоманке, по Божьей воле, затерялись. Остались одни слухи, да и они с годами выветрились из памяти.

ЗОЛОТО АЛДАНА

* * *

Окруженный двумя рядами колючей проволоки городок из приземистых, побеленных понизу барачков, встретил этапированных с надписями на ржавых листах: «Труд есть дело чести, доблести и славы», вышками на каждом углу вытопанного до каменной твердости прямоугольника.

— Того, кто вздумает бежать, вот так же встанет на «караул», — пояснил новичкам — Корнею и еще несколькими заключенными — начальник лагеря; после ознакомления с личными делами предложил на фронте кровью смыть свою вину перед трудовым народом.

— Мне вера не позволяет людей убивать, — отказался скитник.

— Ах ты мразь! Отсидеться решил. А не ты ли поспособствовал смерти целой партии? И запомни, напали на нашу Родину не люди, а враги, которых надо безжалостно уничтожать.

— Человеку человека невозможно убивать. Жизнь дарует Бог, и токо Он может ее отнять. Все люди в Его воле, что германец, что японец, что русский.

— Ну погоди, святоша, я тебе быстро объясню, в чьей ты воле и кто здесь Бог.

Остальные дали согласие и присоединились к уже отобранному из числа старосидящих. Три дня им давали двойной паек — откармливали в дорогу, а на четвертый с утра строем увели на пересылку. Корнею же дали высшую трудовую категорию и отправили на самый тяжелый участок в горах, где заключенные больше двух месяцев не выдерживали. Помимо того, что тамошним приходилось валить и раскряжевывать кедры в полтора обхвата и очищать от веток стволы, их еще надо было вручную стаскивать на ровную площадку, туда, куда мог подъехать трелевочник.

Но семижильный скитник, не ропща, терпел нечеловеческие нагрузки и проработал на том участке больше года, пока не выбрали лес подчистую. При этом он всегда брался за самую трудную работу, чем завоевал непререкаемый авторитет среди заключенных.

Корней никогда не отвечал на выпады охранников, а если кто-нибудь оскорблял его, он мысленно жалел этого человека.

Когда один доведенный до отчаяния заключенный в ярости кинулся на конвоира с лопатой, а тот, ткнув его штыком, отошел на шаг

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

и передернул затвор, чтобы пристрелить, между ними встал Корней. Перехватив взгляд конвоира, он необъяснимым образом принудил его опустить винтовку. Как оказалось, темные, цвета крепкого чая, пылающие внутренним огнем глаза скитника обладали таинственной силой. Его немигающему, пронизывающему насквозь взору невозможно было противостоять.

Невероятная выносливость, трудолюбие и готовность подсобить занедужившим были удивительны, тем более что первое время Корней практически ничего не ел. Когда садились за стол, он, не шевелясь, пристально смотрел на свою пайку. После команды «строиться» залпом выпивал чуть сладкий чай и выходил, так и не притронувшись к еде. И ничего! Работал за двоих.

Поначалу над ним посмеивались — придурак, смерти хочет! Но со временем даже отпетые рецидивисты и охранники прониклись к нему уважением.

— Представляешь, есть в моей команде чокнутый. Слышал, что вроде как в смерти людей неповинен, но двадцатник припаяли, а отработывает за пятерых! — рассказывал один конвоир другому.

— Да уж, слышал. Одно слово — старовер. Говорят они и подпись ставить отказываются. Это, мол, антихристова мета.

— Да что с них возьмёшь? Дикие люди.

Медленно тянулся срок в лагере, еще медленнее успокаивалось сердце. Но время — всеильный лекарь. Поддерживало и то, что почти каждую ночь снились Даренка, дети. Вернее, не снились, а, как ему казалось, он наблюдал за ними, летая на невидимых крыльях в скит. Изосим радовал его. Он во всём помогал матери и деду. Но чаще всё же виделась жена. «До чего ж пригожа! И как я мог променять такую красавицу на корыстную, сплошь лживую кралю?» — корил он себя всякий раз после таких видений.

В своих грезах он сажал ее на пушистое белоснежное облако, как на трон, и глядел на нее с земли, счастливый, переполненный любовью. Когда он протягивал к ней руки, она тут же исчезала, а на её месте оказывался отец.

— Как смел явиться? — грозно вопрошал он, и Корней просыпался. Маялся до утра, а потом весь день ходил, словно в воду опущенный.

ЗОЛОТО АЛДАНА

После таких ночей им овладевало ощущение безысходности, доходившее до отчаяния: «Что со мной случилось? Как я мог настоящую любовь променять на минутный сообраз... Милая Дарёнка, ты единственная, кого я люблю! Ведь любовь это не соединение ради похоти, любовь — это слияние двух душ в единую...»

* * *

Кормили в лагере плохо, и, оказавшись в лесу, каждый старался воспользоваться подножным кормом: ягодами, орехами, съедобными кореньями. Трое из соседнего барака, по неведению, однажды отравились ложным борщевиком. Их состояние ухудшалось на глазах. Лагерный врач разводил руками: съели так много, что медицина помочь не в состоянии.

Корней решил испробовать дедовский рецепт: принялся отпаивать их отваром полыни и, к удивлению, всех выходил. С той поры его стали звать не по имени, а не иначе как Знахарь, и отношение лагерников к нему стало еще более уважительным, можно сказать, даже почтительным.

Поскольку в санчасти весь арсенал лекарств был представлен лишь четырьмя наименованиями: зеленка, аспирин, нашатырный и этиловый спирты, а офицеры и охранники тоже иногда болели, работы Корнею хватало. Новый начальник для пользы дела перевел его в санитарную команду, состоящую из врача, медбрата и его — санитаря, заключенного номер 1318. После работы в горах на лесосеке это было все равно что попасть в санаторий. Ему даже иногда позволялось выходить за периметр собирать травы. Врач, сам из осужденных, оставшийся работать в лагере после окончания срока, искренне восхищался познаниями Корнея. Но в то же время многое в нем не понимал и даже осуждал:

— Корней, ты что, действительно в Бога веруешь?

— Верую.

— Ну, бабки всякие старенькие веруют — это я понимаю. Но ты-то вроде умный мужик. Как можно верить в эти бредни? Я вот не верю ни в какого Бога. — Но, почувствовав какую-то неловкость, поправился:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Вообще-то я не то что бы совсем ни во что не верю. К примеру, верю в настоящую, чистую любовь. Хотя, честно скажу, пока не встречал.

— Потому и не встречал, что настоящая, чистая любовь — это Бог, а ты изгнал Его из своей жизни.

— Может, ты и прав, — после недолгого раздумья с грустью согласился доктор.

* * *

За все время отсидки у Корнея ни разу не возникло даже мысли о побеге. Более того, он искренне считал решение суда чрезмерно мягким.

В лагере отбывали срок разные люди. Скитнику в первый, самый трудный, год повезло с соседом по нарам. Им оказался отец Илларион, худой, с лицом аскета просвещенный иерей. Это он, видя, что от Корнея уже остались кожа да кости, убедил его прекратить истязать себя без меры.

— Довольно голодать. Помрешь, что проку? Входящее в уста не оскверняет. На то пища и дана, чтобы поддерживать телесную обитель души, — убеждал он Корнея.

Лагерная жизнь сдружила этих людей, хотя в миру они вряд ли бы пересеклись. По ночам Корней с Илларионом часто шептались, беседуя о Боге, удивлялись терпимости Господа к людским грехам. Он всегда с большим интересом слушал рассуждения священника, и порой ему становилось даже неловко оттого, что тот доверяет ему самые сокровенные мысли.

Широких взглядов, добрый, честный священник, хотя и был служителем не признаваемой староверами никонианской церкви, столь глубоко любил Бога, что скитник стал невольно задумываться: «Может, и в самом деле, важна не форма обряда, а ее суть? Она ведь едина с нашей».

Илларион, будто уловив мысли Корнея, однажды сам заговорил на эту тему:

— Думается, напрасно делят православных на правых и неправых. Все мы проповедуем одно — жизнь в ладу с совестью, соблюдение Христовых заповедей: почитай отца и мать, не убий, не прелюбодей-

ЗОЛОТО АЛДАНА

ствуй, не кради, не лги. О чём спорить? И ваше двуперстие, и сложение перстов по чину нашей церкви — все есть крест. Мы, почему чаем, что троеперстие тоже праведно — молимся ведь трем Божественным ипостасям: Отцу и Сыну и Святому Духу. Хотя, должен согласиться, реформа в том виде, как Никон ее провел, вредоносной оказалась, ибо цену великую заплатили. И народ раскололи, и духовную силу России раздором ослабили. Было бы полезно, чтобы обе Церкви нашли путь к примирению. И вообще, хорошо бы собрать всех иерархов вместе и сказать: «Бог един, столкнитесь, чтобы не было более раздору». И пусть сидят, пока не договорятся.

— Так мы завсегда за жизнь без перекогов и хулы. Наш наставник говорит: какой бы человек ни встретился — не суди самого, суди дела его. Ведь и Господь больше прощает, чем судит. Милосердие — главная добродетель православного. А вашу церковь должен укорить — милосердия-то ей как раз не достаёт. Сколь душ истинно верующих за многие лета сгубили. Вон, та же царевна Софья повелела, ежели кто из старообрядцев раскается, исповедуется и искренне пожелает причаститься, то его, исповедовав и причастив, все-таки казнить смертью безо всякого милосердия.

Как тут не вспомнить и протопопа Аввакума: «К чему зверуете? С теми, кто меч подьемлют, мечом и деритесь, а тех, кто лишь слово имеет, словом же и побивайте. А коли сами в слово своё не верите, нет у вас правды».

— Что тут поделаешь? Реформы — дело болезненное, перегибов не избежать. Слава богу, в 1905 году Николай II подписал указ о признании старообрядческой церкви и повёл дело к примирению церковей. После того к инакомыслию с бóльшим терпением и пониманием стали подходить. Если вдуматься, суть всех религий одна, и хорошо бы начать повсеместное движение к засеванию земного поля семенами единоверия. Согласись, дружок, ни один здравый человек не станет порицать говорящего на ином языке.

— Спору нет.

— Отчего с религиозными воззрениями должно быть иначе? Разные вероучения — это все равно что разные языки. Каждое слово в русском языке имеет аналог в заморском. Звучит иначе, но смысл один. В разные периоды развития человечества Создатель диктовал

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

избранным — Моисею, Будде, Мухаммеду правила жизни на Земле и стержневыми в них определил Любовь и Совесть.

Считается, что языки способствуют многоцветию культур. Но, вот я лично полагаю, будь на Земле единый язык, культура от этого не обеднела бы. Ведь на её содержание в первую очередь влияет не столько язык, сколько территория проживания. Где-то один раз в сто лет снег выпадает, где-то по девять месяцев лежит. Представь, что якуты и французы говорят на одном языке. Не начнут же от того в Якутии, как во Франции, проводить соревнования по катанию бочек с вином, а французы устраивать скачки на оленях. Разные условия жизни формируют разные обычаи и традиции.

— Мысль занятная. Я как-то об этом не задумывался.

— Для благополучия общества важно, чтобы все человечество в целом и каждый из нас в отдельности жили в любви друг к другу — с Богом в сердце. Удовлетворение лишь телесных потребностей без высоких стремлений — низшая, не достойная человека форма жизни. Она не может дать ему счастья.

— А что, по-вашему, есть счастье?

Илларион, разглаживая волнистую бороду, слегка задумался:

— Счастье в каждом возрасте разное. Для малыша это мать и отец, а для зрелого человека основой для счастья является любовь и гармония в душе.

— Вот вы, батюшка, со мной, как с ровней, а ведь я недостоин такого отношения. Смертный грех на мне — грех прелюбодеяния. Кроме того причастен к смерти ажно шестерых людей. Это терзает мою душу, не дает покоя.

— Прелюбодеяние — смертный грех, но для Господа важно, что ты это сознаешь и искренне раскаиваешься. Покаянием и молитвами возможно отчасти искупить его.

— Как верно все, что вы, отец Илларион, говорите, — изумлялся Корней. — Слушаю вас, и душа успокаивается. Метаться перестаёт. Мне повезло, встреча с вами — дар Божий. А как быть другим людям, когда сотни, а может, и тысячи священников арестованы. Кто расстрелян, кто, как мы, в лагерях.

— Я думаю, что это катастрофическая ошибка! Душа болит от творящейся жестокости и несправедливости. Никогда не сделать

ЗОЛОТО АЛДАНА

добро дурными средствами. Так и нынешний строй, хоть и объявил благие цели, используя для их осуществления насилие, превращается во зло для народа. Если, к примеру, ты хочешь, чтобы в соседней деревне жили справно, ты же не будешь для этого красть у своего соседа. Или, проще говоря, нельзя осчастливить дальних, делая несчастными ближних.

В один из вечеров сам отец Илларион задал Корнею давно волновавший его вопрос:

— Как полагаешь, почему ваши общины устойчивей и сильнее наших приходов?

Скитник был польщен столь уважительным отношением к одноверцам:

— Думаю, оттого что живем мы сообща, единой семьей. В ваших же казенных деревнях все делается только по распоряжению начальства: скажут — сделают, не скажут — так и будут на скамейках сидеть да семечки лузгать. Наши общины объединяют общие заботы, любимая часовня и духовное пение, а ваши — всегубительная винная лавка да лаяние матерное.

— Что правда, то правда. Да и сами мы, церковники, чего уж скрывать, измельчали. Признаюсь: в страхе живем, отчего порой невозможно оказать противодействие несправедливости и злу. Службы превращаются в формальность, лишённую воспитательной силы.

Беседы с батюшкой для Корнея были глотком свежего воздуха, но летом 1942 года его неожиданно освободили и вернули в приход: оказавшись в критической ситуации, власти поняли, что церковь в борьбе с фашизмом будет мощным подспорьем.

* * *

В их бараке жила еще одна примечательная личность — тихий, чистоплотный татарин Шамиль. Он тоже не скрывал того, что верующий. Только веровал он и молился Аллаху и пророку его Мухаммеду. Место у него было на втором ярусе над Корнеем. Он ни с кем не вступал в разговоры, всегда безмолвствовал, непонятно было — занят ли он своими мыслями или слушает, о чем говорят другие.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Отец Илларион, беседуя с Корнеем, порой с опаской поглядывал на молчальника и на всякий случай понижал мощь голоса.

Когда батюшку освободили, мусульманин посмотрел на Корнея и молча кивнул на освободившиеся нары: можно? Тот так же молча кивнул в знак согласия. Так началась их малоречивая дружба. То Шамиль подарит соседу искусно вырезанную из дерева зверушку или возьмет да отремонтирует ему прохудившуюся обувку, то Корней угостит соседа кедровыми орешками или даст травы для поправки здоровья. И все это молча, с доброй улыбкой, приложив руку к сердцу.

Как-то ночью к дежурившему по бараку истопником Корнею, когда он закладывал в печку сырые, чтобы дольше горели, поленья, подошёл Шамиль и зашептал:

— Я тоже думаю, что Всевышний для всех людей один.

Шамиль взял щепку и острым концом обозначил на земле две точки: «Мы — тут. Вы — тут». Потом обозначил еще одну: «Аллах, по-вашему Бог, — тут». Далее он провел две прямые: «Ислам ведет к Всевышнему так, православие — так. Пути разные, а цель одна, все — братья».

Летом 1953 года поседевшего Корнея за примерное поведение, по случаю большой амнистии, освободили за 8 лет до окончания срока.

ПОИСКИ БЕЛОВОДЬЯ

Весть о том, что безбожники, прочитав тетрадь Горбуна, нашли богатую залежь самородного золота, очень обеспокоила скитников.

— Не ровен час, нагрянут. Жить рядом со скоблеными и терпеть их безбожье — невозможно помыслить! — говорили они.

В умах старолюбцев ожила давняя мечта о легендарной стране Беловодье, где пребывает без притеснений прародительская вера. Сколько уж поколений русских ищут ту обетованную землю, да никак не могут выйти на ее след. Искали и в Тибете и на Японских островах, да безрезультатно.

«А может, эта потаенная страна где-то в наших глухотоманных крепях сокрыта?» Эта мысль все чаще и чаще посещала варлаамовцев.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Табашники теперича нас в покое не оставят. Надо чтой-то делать. Вона сколь раз на своих эропланах прилетали, не к добру то, — пробубнил на очередном соборе неугомонный дед Тихон.

— Верно говоришь! Надобно, пока не поздно, новое место для скита подыскивать, — поддержал его Дормидонт.

— Во-во! Небось у них уж и слух по всей округе прошёл, што тута богато со золотом. Как понаедут тыщи скобленых, такой шабаш устроят, што сами побежим отселя куда глаза глядят! — осмелел, почувствовав поддержку, Тихон.

— А я несогласный! Оглянитесь вокруг! Где такую лепоту еще сыщешь? Может, именно это и есть то самое Беловодье, да мы о том не ведаем, — возразил не любивший перемен Матвей.

После бурных споров сошлись на том, что всё же следует отправить ходоков для поиска запасного места для пристанища.

— В какой стороне искать-то будем? — сразу перешел к делу дед Тихон.

Вспомнив рассказы бабушки-эвенкийки из стойбища жены, Елисей предложил идти на север. Где-то там, за беловерхими хребтами, таятся горы, на которых земля даже зимой тёплая. Правда, шаманы на посещение тех мест запрет наложили, якобы там обитает злой дух. Он лишает человека памяти и превращает в дикого зверя.

Демьян загорелся:

— Хорошо бы сыскать те Палестины!

— Край тамошний, может, и теплый, но зачем нам добровольно в беспаятство впадать и обличье зверя принимать? Я несогласный. Лучше в других местах поискать, — опять заволновался Матвей.

— Так ведь Горный дух только над идолопоклонниками власть имеет, а мы, православные, под защитой Господа находимся. Молитвой и крестным знаменем от любых духов оборонимся, — успокоил Григорий.

— А может, большие лодки построить и на них через океан в Русскую Америку податься? Там, говорят, наш брат издавна хоронится. И воля там без притеснения, и земли богатые, — неожиданно предложил Михай.

— Звучит заманчиво, но от родной земли негоже отрываться. Верно говорю? — обратился наставник к братии.

— Верно, верно, — поддержал собор.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

В итоге предложение Елисея поискать Теплые горы на севере все же одобрили и наметили еще маршрут на восток, в сторону Ламского моря, к местам, прежде не посещаемым. Определились и с ходоками. На Теплые горы назначили Елисея с Изосимом, а к морю — Дормидонта с племянником.

* * *

Хребет, преграждавший путь на север, был столь высок, что снежные пики, казалось, пронзают небосвод. На второй день пути дед с внуком, изрядно попотев, перевалили его по седловине меж двух плоских, словно стёсанных, вершин. С неё путникам открылся вид на бескрайнее нагромождение величественных отрогов, тянущихся с запада на восток. Самые высокие из них были припудрены снегом и исполосованы белыми языками ледников.

Казалось бы, нет в их изломах, уступах, расщелинах, пиках никаких закономерностей и пропорций. Один хаос! Но каков хаос! Сколько в нём неукротимой мощи и величия. Среди всех земных красот, пожалуй, именно горы являют собой наивысшую степень совершенства творений Создателя!

— Где-то там Беловодье, — убежденно заявил вдруг Елисей.

Отчего у него появилась такая уверенность, он и сам не знал.

Любовались скитники панорамой недолго. С востока надвигалась серая армада всклокоченных туч. Зацепившись за пики, она замедлила движение и стала проседать. Вскоре всё потонуло в сыром и холодном тумане. Путникам даже в оленьих душегрейках стало зябко. Спуск ко дну ущелья из-за коварной текучести курумника и почти нулевой видимости оказался опасней и утомительней подъема. К счастью, внизу тумана не было. Прыгая по выступающим из воды камням, дед с внуком переправились через бурный поток, вырывавшийся из-под тающего ледника и, блуждая по расщелинам, заваленным шершавыми зеленоватыми глыбами, стали искать удобный проход в очередной горной гряде, являвшей собой почти отвесную стену. Несмотря на меньшую высоту, было очевидно, что одолеть её будет непросто.

Умаявшись, они устроились отдохнуть среди огромных валунов, напоминающих семейство спящих медведей. На боку одного из них разглядели выдолбленные искусной рукой узоры из спиралей и вол-

ЗОЛОТО АЛДАНА

нистых линий. Сплетаясь, они образовывали фигуру человека. Вокруг более мелкие изображения птиц, оленей, медведя, рыб и лодок с людьми. Удивило изображение животных с длинным, до земли, носом. По самому верху тянулись какие-то непонятные знаки. На соседнем валуне — десятки изображений оленей. Почти все в стремительном беге. Пока ходоки увлеченно разглядывали эти рисунки, из-за обломков скал выскочили бородатые крутороги. Увидев людей, резко повернули и, запрыгнув на высокий уступ, исчезли, словно растворились в гранитной стене. Вскарабкавшись следом, скитники обнаружили скрытую от взора щель.

— Пойдём, — мотнул головой в сторону проёма Елисей.

Первые метров десять дались с трудом — больно узким оказался проход. По ключьям шерсти на щербатых выступах, было понятно, что и баранам здесь приходится протискиваться. К счастью, дальше щель расширялась. Однако идти стало еще трудней — тропа круто устремила вверх. Но не только её крутизна осложняла движение.

Путников сильно напрягало то, что, отдаляясь от противоположной стены, тропа теперь как бы нависала над расширяющейся трещиной — оступись и улетишь в пропасть. Тем не менее еще до захода солнца им удалось добраться до перевальной седловины и спуститься на базальтовое плато. Оно было довольно ровным и упиралось в очередной поперечный хребет, тянущийся, как и все остальные, с запада на восток.

Переночевав у худосочного из-за недостатка дров костерка, разведчики пошли четко на север. Елисей с беспокойством поглядывал на медленно надвигающийся хребет. Он был иссечен рубцами и трещинами, забитыми в изголовье льдом, а водораздельный гребень представлял собой нагромождение шпилей самых неожиданных форм. С каждым часом приближаясь, стена росла и казалась все более неприступной.

Ночь провели у её подножья, на чистом пяточке среди пружинистого ковра кедрового стланика. Благодаря безветрию от него исходил аромат густо настоящей хвои. Разглядывая утром возвышающуюся перед ними серую стену, скитники задумались: удастся ли одолеть эту громаду?

На каменных скатах угадывались набитые за многие века бараньи тропы. По некоторым и сейчас двигались табунки в десять — пятнад-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

цать голов. Особенно эффектно выглядели их точеные фигурки на фоне синего неба.

Возле одинокой скалы-башни, используемой снежными баранами для отстоя, заметили косматую глыбу — медведь! На этот раз настоящий. Люди затаились.

Зверь вразвалку прохаживался вокруг останца, деловито ворочая на плотной дерновине угловатые, облепленные ключьями серой шерсти камни. Там же белело несколько черепов. Один с великолепными, желтоватого цвета, спиралевидными рогами. Не найдя ничего съестного, медведь побрел было к хребту, но внезапно застыл взгорбленным изваянием. Неуловимо развернувшись, присел и застелился между камней. Несколько раз замирал и вдруг со скоростью молнии метнулся в сторону рыжеватой от высохшей травы кочки — из-за неё предательски торчали уши зайца.

Не желая тревожить хозяина округи, дед с внуком вышли из укрытия, лишь когда насытившийся зверь побрел к ручью на водопой.

В одной из расщелин лёд был завален языком осыпи. Взбираться по угловатым, не слежавшимся камням, было несложно, но опасно: камни пугающе качались под ногами. Худенький, ловкий Изосим, шедший все время за дедом, обошел его. В одном месте камень так накренился, что Елисей не устоял и соскользнувшая нога угодила в щель. Изосим обернулся на произвольный вскрик деда. Среди шершавых глыб виднелся лишь его картуз. Внук подскочил и помог освободить зажатую ногу.

— Больно?

— Терпимо. Зашиб малость... Вотру слюну, сотворю молитву, и, даст Бог, пройдет.

И впрямь, после этих немудреных действий боль отпустила, но идти Елисей мог, лишь опираясь на посох и плечо внука. Так они доковыляли до студёного родничка, бьющего из-под терассы. Здесь и заночевали. Ступня к утру распухла и посинела. Было очевидно, что дед пока не ходок.

— Я полежу, а ты сходи, разведай проход, — предложил он Изосиму, подбрасывая сухие ветки в огонь.

— А ты как?

— Не беспокойся. Вода есть, харчи тоже... На всякий случай пару лепёшек прихвати... Больно никуда не лезь. Проверь токо, есть ли проход и что за ним — и назад, — напутствовал он внука.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Пройдя между испятнанных лишайниками скал, Изосим направился к месту, куда стекались звериные тропы — они ж куда-то вели. Вскоре увидел под нависающим карнизом чернеющую нишу. Из неё тянуло холодом. Вход был наполовину завален глыбами когда-то рухнувшего свода. В слабом свете угадывались арки, уходящие в таинственный мрак. Изосим стал осторожно углубляться в черноту. Шаги и скрежет камней под ногами гулко отзывались в пустоте. Уже после первого поворота парнишке пришлось достать из котомки пучок сухой травы, несколько завитков бересты и, запалив один, насадить его на кованный кончик посоха.

Длинный коридор привел в высокий грот. С его свода свешивались матово поблёскивающие сталактиты. С самого длинного срывались капли. Справа у стены лежала вперемежку с ключьями бурой шерсти гряда голых веток кедрового стланика — похоже, медвежье лежбище.

За гротом коридор уходил вниз. Поскольку оставалось всего два берестяных свитка, Изосим собрался было повернуть обратно, но смутил забрезживший впереди свет. Пригляделся — там действительно было светлее! Пройдя еще шагов семьдесят, парнишка оказался на каменистом склоне, только с противоположной стороны хребта. Под ним лежала зелёная котловина, со всех сторон окруженная горами. Их очертания искажались восходящими от земли испарениями. Была она в поперечнике примерно вёрст семь и рассекалась двумя речушками, сбегавшими с гор в озеро. Над ним клубился то ли пар, то ли туман и отсвечивал он почему-то красноватым светом. На лугах, разделенных перелесками, щедрая россыпь табунков оленей, лосей. К местам их водопоя вели выбитые до земли тропы.

— Неужели это и есть заветное Беловодье?! — с восторгом прошептал парнишка.

КУПОЛ

Воспользовавшись звериной тропой (те, похоже, часто пользуются этим проходом), Изосим спустился на дно котловины. Здесь он почувствовал, что силы почему-то резко покинули его: буквально не мог ступить и шагу. Решив передохнуть, он прилег в тени берёзы, стоящей у тропы.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Сквозь убаюкивающие волны дремы парнишка видел, что к нему идёт в окружении голубоватой дымки человек, как две капли воды похожий на него самого. От двойника исходило приятное тепло.

— Здравствуй, Изосим. Будем знакомы, я Горный Дух. Я отвечаю за этот край. У людей он зовётся «Сибирь». Так что можешь звать меня Сибиричем, — произнёс он, улыбаясь, но не шевеля губами..

Безостановочно крестясь и бормоча: «Господи Иисусе Христе, Сын Божий, спаси и помилуй мя, грешного», Изосим сел.

Двойник не исчез. Он стоял в нескольких шагах и, не обращая внимания на испуг парнишки, продолжал:

— Не бойся, я тебе не причиню вреда. Обо мне рассказывают разное. О том, что я лишаю людей памяти и превращаю в зверей, ты, наверное, слышал. Но это не так. Люди, заходившие сюда без приглашения, теряют память помимо моей воли и после этого не могут найти дорогу обратно — так устроена защита Купола — моей обители. С тобой ничего подобного не произойдёт. Ты особый случай. Почему? Скоро узнаешь. Ты готов выслушать меня?

Изосим машинально кивнул.

— Тогда слушай. Я подвластен Главному Горному Духу, живущему на Тибете. Там находится пуповина Земли — место прямого общения с Творцом. Люди то место именуют Шамбалой. После каждого миллионного оборота Земли вокруг Солнца, то есть, по-вашему, каждый миллион лет, мы собираемся у Главного Духа на Отчет и Наставление. Не удивляйся — да, каждый миллион лет! Дело в том, что мы с вами живем в разных масштабах Времени. Для вас миллион лет — вечность, а для нас — один Вселенский год.

Дело в том, что время течет не для всех одинаково. И только мы, Горные Духи, наделены Творцом способностью перестраивать время под свои нужды. Вот сейчас, чтобы общаться с тобой, мне пришлось увеличить его скорость в миллион раз. Не сделай я этого, мы не смогли бы слышать и видеть друг друга. Вы живете невероятно быстро — в одной минуте нашей жизни умещается два года вашей.

Кстати, человек в критических ситуациях тоже способен замедлять течение времени, правда, бессознательно. В таких случаях даже краткий миг растягивается, и человеческий мозг получает возможность пропустить через себя огромный объем информации. А вот

ЗОЛОТО АЛДАНА

ускорять течение времени люди не могут. Впрочем, если бы такой человек и появился, никто из вас и не заметил бы его — глаз человека не способен фиксировать подобные скорости. Это один из вариантов человека-невидимки...

Изосим, я понимаю, тебе сложно сейчас понять, что я говорю. Попробую объяснить на примере из вашей жизни. Как думаешь, почему в детстве время течет медленно, а к старости его бег катастрофически ускоряется? — Тут Сибирич сделал выжидательную паузу. — Не знаешь?.. Потому что происходящее в детстве — все вновь, все впервые. Благодаря этому объем усваиваемой «чистым» мозгом информации за единицу времени несравненно больше, чем в старости, когда переполненный мозг начинает воспринимать информацию малыми порциями.

Короче говоря, время для человека — это та информация, которая сохраняется в памяти. Как думаешь, почему годы пролетают быстро, а дни тянутся медленно?

— Я не думал об этом, — пролепетал Изосим.

— Это же так просто: то, что произошло недавно, помнишь в деталях, а то, что было год назад, уже стерлось — осталась только самая важная информация. Чем больше массив хранимой мозгом информации, тем длиннее кажется жизнь. У человека, прожившего все годы на одном месте и занимавшегося одним и тем же делом, из-за малого объема накопленной информации жизнь (в его восприятии) значительно короче, чем у человека, который много ездил, много повидал, многое свершил... На сегодня, думаю, ограничимся. Тебе надо отдохнуть.

После этих слов Изосиму показалось, что в его голове что-то шёлкнуло. Непроизвольно потерев виски и глаза, он растерянно огляделся. Рядом никого. «Надо же такому привидеться!», — удивился паренек, доставая из котомки кусок вяленого гуся — ему очень захотелось есть. После перекуса вновь навалилась дрема...

* * *

— Изосим! Это опять я. Если ты не против, продолжу... Видя, что человечество встало на путь саморазрушения, Спаситель хочет вновь явиться на землю для того, чтобы принять на себя грехи людские

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

и через свои страдания очистить людей от скверны, дать им силы для духовного возрождения. Задача трудная и только Сыну Бога посильная. Главный Горный Дух поручил мне охранять Впадину, в которой вы живёте, ибо она избрана местом второго Пришествия Сына Божьего. Особенно тщательно я обязан следить за тем, чтобы селились в ней только верные последователи Сына Божьего, ибо им уготована важная миссия.

Поэтому я дал возможность поселиться во Впадине одной надёжной общине. Но они постепенно стали слабеть в Вере и допускать тяжкие прегрешения. Не вняли они и трем моим предостережениям. Пришлось отправить их на Суд Божий. Ища замену, оглядел всю свою Территорию и обнаружил Забайкальский скит. Понаблюдав некоторое время, убедился — достойный народ. А чтобы побудить к переселению, устроил стычку с казаками. Когда же и ваши вдруг стали слабеть в вере, вызвал землетрясение, следом затоп. Ваш наставник не за наказание то воспринял, а за испытание. Правда, впоследствии твой отец своей нестойкостью к бесовским козням чуть было не лишил вас моей благосклонности. Но вы верно повели себя — изгнали отступника.

Время возвращения Иисуса на Землю приближается, и вам предстоит исполнить одно очень важное дело. Во Впадине, в пещерах, есть Ларь. А в нём хранится прядь волос Христа. Только прикоснувшись к ней, бестелесный Иисус Христос обретёт земную плоть. Место, куда явится дух Сына Божьего, вы увидите на Пластине. Она лежит рядом с Ларем. Вам надлежит тот Ларь с прядью перенести на указанное мной место. Если ко времени не поспеете, Сын Божий в этот звёздный цикл не сможет явиться на Землю. А следующая возможность появится лишь через две тысячи лет.

Да, чуть не забыл, Пластину ту берегите. Она впоследствии будет служить сначала вам, а потом и всему человечеству источником Истины.

Ну вот, Изосим, это всё, что я должен был тебе сказать. Теперь только от тебя зависит исполнение возложенной на вашу общину миссии. Не подведи! Трудно будет — помогу.

Когда парнишка вновь открыл глаза, ему показалось, что окружавший его берёзовый лес приобрел красноватый цвет. В голове же

ЗОЛОТО АЛДАНА

бывл полный сумбур: Изосим перестал понимать, что снится, а что реально происходит.

Он огляделся. Красные волны шли от зелёного купола, находящегося в полуверсте от него. Изливаясь из его вершины, они устремлялись к подножью Котловины и, отражаясь от него, как от зеркала, побледневшей волной возвращались обратно. Стущаясь, красная мгла запульсировала яркими, переплетающимися узорами. Там, где они пересекались, во все стороны разбегались трепещущие струйки потоньше. Вскоре Изосима уже обвивали тысячи светящихся лент, нитей. Они бесшумно стекали по одежде, скользя по рукам, по лицу. Свечение усиливалось, и настал момент, когда всё вокруг запылало пурпурным огнем. Казалось, котловина раскалилась до предела, но когда Изосим прикасался к траве, дереву, всё ощущалось таким же, как и прежде. В конце концов струящийся «огонь» настолько сгустился, что невозможно было различить деревья, стоящие в пяти шагах. Наступишь, а под ногой тут же вспыхивает четкий светящийся след.

Ошеломлённый Изосим побрел, не понимая, куда и зачем. Ему уже казалось, что он не идет, а плывет в громадном котле, наполненном чьей-то кровью. Стало страшно. Сделав очередной шаг, он полетел вниз...

Очнулся на косе из крупного галечника. Над речушкой висел белесый пласт тумана. Донёсся скрежет окатышей под ногами кого-то большого и тяжелого. Вскоре проступили мутные силуэты лосихи с лосенком. На лежащего человека они не обратили внимания. Прошли мимо так, словно он валёжина, коих полно в лесу.

С плеском зайдя в речушку, животные долго и шумно цедили воду. Напившись, растворились в тумане.

Изосим растер ушибленные о камни ноги, размял суставы и поднялся.

«Как я здесь оказался? Красное свечение появилось, когда лежал под березой, — вспоминал он. — Где я сейчас? Куда делись берёзы?»

Взобравшись на береговую террасу, он совсем близко увидел ту самую зелёную сферу, из которой шли красные волны.

Паренек подошёл к ней, чтобы потрогать её, но упёрся в невидимую стену. До неё был один шаг, но сделать его он не мог — «стена» не пускала.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Солнце тем временем иссушило туман. Вокруг царила такая безмятежность, а с неба лился такой лучезарный свет, что Изосим невольно подумал: «Господи, лепота-то какая! Но что-то много тут странного и непонятного. Эх, жаль дед не видит! Он бы враз разъяснил, что это. Ежели Беловодье, то-то радости будет!»

— Ты прав, лучшего места для жизни не сыскать, но до исполнения Миссии вашей общине нельзя покидать Впадину, — услышал он знакомый голос. — Тебе следовало прийти сюда, чтобы получить от Купола способность видеть и чувствовать скрытое от других. Таких людей вы называете провидцами. В других местах я этого не смог бы дать, а здесь могу за счет энергии Купола.

Немного помолчав, голос продолжил:

— Тебя испугала красная мгла? Это я на всякий случай почистил окрестности от бесов, которые могли проникнуть сюда по твоим следам... Человечество в последнее время отошло от Веры и стало безрассудно разрушать среду своего обитания, — продолжал говорить Сибирич. — Стало быть, человечество пошло против своего Создателя. Он пытается вразумить вас стихийными бедствиями, но люди остаются слепы и глухи. Забыли: всё, что вас окружает, — это творения Господни. Он повсюду и во всём, куда ни устреми взор. Он в каждом из вас. И даже то, что люди называют совестью — есть Его голос, неустанно призывающий жить по Его заповедям. Когда человек нарушает их, голос Бога не даёт покоя душе, заставляет задуматься — верно ли поступил?

Человеку, живущему в согласии с совестью, Господь помогает во всём. А ежели он не внемлет голосу совести, Господь какое-то время ещё терпит, но рано или поздно наступает предел и Он отворачивается.

— Если всё, даже терпение Создателя, имеет предел, выходит, и добро должно иметь предел?

— Конечно, ибо, выходя из своих пределов, добро перерождается в зло. Не веришь? Вот, к примеру, родители, желая тебе добра, делают всю работу по хозяйству сами. И что в итоге? Ты вырастешь лентяем и неумехой. Это добро, перешедшее для тебя во зло.

— Наш наставник в проповеди о добре говорил, что иной человек, сделав добро, в ответ ждет благодарности. Что это уже не добро, а корысть.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Разумеется! Добро надо делать просто так, естественно, как дыхание. Ведь Господь не требует за воздух, которым мы дышим, благодарности и любви. Так и мы не должны ждать благодарности за творимые нами добрые дела. Та радость, которую сам получаешь, творя добро, уже награда.

— А зло имеет предел?

— Имеет, но у зла предел иной. Достигнув его, оно превращается в свою крайнюю степень — Конец Света. Тогда все люди, вернее, их души, предстанут перед Создателем. Каждому придётся держать ответ.

После этих слов веки Изосима опять произвольно сомкнулись.

* * *

Проснулся Изосим отдохнувшим и посвежевшим. Открыв глаза, очень удивился тому, что над ним по-прежнему сияет солнце. Он так и не понял, сколько спал: один час или целые сутки, а может, и больше.

От всего услышанного и увиденного паренёк испытывал двойственные чувства. Если посетившие его необычные видения — всего лишь сон, то для чего они ему были ниспосланы? Если же это явь, то как в это поверить? Неужто и в самом деле на него возложена особая миссия? Скорей к деду, может, он хоть что-то растолкует.

Елисей сидел у костерка. Увидев внука, он встал и пошёл навстречу.

Изосим оторопел:

— Деда, а нога?

— Спаси Христос! Проснулся, а она не болит. А ты что так быстро? Удалось найти проход?

— Нашёл и даже был за хребтом. Там такого повидал и наслушался — не поверишь!

Усевшись у костерка, он подробно рассказал о видениях, о Горном Духе, красном свечении.

Елисей заволновался:

— Не диавол ли то тебя дурманил? Он на заманки горазд. А как войдёт в доверительное расположение, так через искуc в грех вводит.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Вон как твоего отца ловко спеленал. Вернемся — Григорию обо всем поведаешь. Он верней меня истолкует.

До Впадины ходоки по разведанной дороге дошли споро — в два дня уложились. Когда до скита оставалось версты три, поднялся сильный ветер. Тайга пугливо ежилась от его мощных порывов. Казалось, даже горы вздрагивали. В вое ветра Изосиму слышалось одно и то же: «Бедная Впадина! Бедный Елисей!»

Изосим напрягся:

— Деда, а ты ничего не слышишь? А то мне всё чудится, что ветер тебя и Впадину поминает.

— Прости, Господи! Видать, диавол и впрямь помутил твой разум. Как ветер может говорить? Не вздумай молвить кому! Станут говорить — рехнулся парень.

В скит зашли в темноте. Наставника на ночь глядя не стали беспокоить. «Доложимся с утраца», — решил Елисей. Обмывшись после долгой дороги при свете волчьего солнышка в речке, легли спать.

ИЗВЕРЖЕНИЕ

Утром скитники ощутили неясное подрагивание почвы.

— Неужто опять землетряска?

Наблюдательная Дарья первой заметила, что из пещеры на вершине Шишки, где когда-то жил Горбун, бьет, как из-под крышки котла, струя сизого дыма. Вскоре на глазах скитников макушка горы вспучилась, покрылась трещинами и, разваливаясь на куски, взлетела в воздух. Окрестности вздрогнули от громopodobного гула. Клубы черного дыма снизу отсвечивали краснотой. На Впадину посыпался град раскалённых камней. В воздухе запахло тухлыми яйцами, а по склону горы, выжигая все на своем пути, пополз огненный поток. Достигнув горного озера, он стал со змеиным шипением срывать в воду тягучими комьями. Водоём накрыла огромная шапка пара.

— Сатана преисподню на нас изрыгает. Все как в Священном Писании. Неужто конец света? — в ужасе прошептала Дарья.

— Не каркай, — одернул сноху Елисей и, странно глянув на Изосима, сказал: — Пойду к наставнику — дело-то, похоже, нешуточное.

ЗОЛОТО АЛДАНА

А ты пока на подворье будь — камни все ближе падают. Поглядывай, кабы не запалило чего. В вёдра воды набери и держи наизготовку.

В это время тряхануло так, что земля под ногами заходила ходуном. Елисей перекрестился и припустил к дому Григория. Но не успел пересечь проулок, как услышал нарастающий свист.

В это же время Изосим почувствовал, что деду грозит смертельная опасность. В три прыжка нагнав его, дернул на себя. Правую руку Елисея обожгло и рядом с его ногами в землю врезалась раскаленная «бомба». Кровь, хлынувшая из ободранной до кости руки, обливая упавший камень, зашипела, как на раскалённой сковороде.

Побелевший Елисей пробормотал:

— То моя смерть была.

Только теперь дед почувствовал боль и стиснул пальцами руку выше локтя. Пульсирующие струйки крови ослабли. Подбежали Демьян, Петр. Они усадили соседа на лавку. Дарья сдернула с веревки сушившуюся простыню. Оторвала от неё полоску ткани и туго перетянула руку. После чего замазала рану голубой глиной и забинтовала. Пересиливая боль, дед приказал внуку:

— Бегом к Григорию, расскажи про свои видения, без утайки. Похоже, неспроста они.

Наставник с братией стояли посреди двора и, с беспокойством поглядывая на разбушевавшуюся Шишку, решали, как быть. Увидев Изосима в рубахе с пятнами крови, Григорий встревожился:

— Что случилось?

— Слава богу, пронесло — деда сейчас чуть не прибила огненная градина. Полоснула так, что мясо на руке до кости срезало.

— Скажи, что скоро буду.

— Деда велел мне безотлагательно важное сказать вам наедине.

— погоди, сынок, — ответил наставник и, пересиливая гул извержения, прокричал так, чтобы все слышали: — Братья, каленые камни и сюда уж долетают. Надо срочно всех баб с детьми отправить к плотине — там безопасней. А самим у домов караулить! Как что упадет с Шишки, так сразу с водой туда.

Григорий повернулся к Изосиму:

— Так что у тебя, говори.

Выслушав сбивчивый рассказ, наставник сухо произнес:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Мудреная история. Больше похожа на сказку, чем на правду. Пошли к деду.

Парнишка и сам сомневался — похоже, и впрямь вся эта чужь ему во сне привиделась. Больно уж неправдоподобны все эти странные беседы и видения. А тогда как объяснить то, что он почувствовал смертельную опасность, грозящую деду? Но спорить не стал — пока лучше помалкивать, а то, чего доброго, и впрямь блаженным сочтут.

Сибирич говорил, что вулкан — это чирей, через который гной из Земли выходит. Получается Впадина сейчас очищается. Может, это и есть подготовка к приходу Христа?

Как только Изосиму пришла эта мысль, так он сразу уверовал, что явившийся Дух вовсе не наваждение и все, что он говорил — сущая правда.

Извержение продолжалось, то стихая, то возобновляясь, весь день.

Ночь прошла более спокойно. Возникающие местами пожары погасила гроза. Удивительно было видеть, как навстречу слепящим зигзагам молний из горы вылетают раскаленные докрасна камни.

К утру вулкан и вовсе присмирел. Изосиму очень хотелось посмотреть, что происходит на обезглавленной Шишке. Братишка Паша втихаря покрался следом. Почувствовав его присутствие, Изосим строго крикнул прячущемуся за кустом сорванцу:

— Немедля домой! Там опасно!

Паренек, понурия голову, послушно повернулся, а Изосим зашагал дальше. Когда одолел полпути, вновь почувствовал, что брат где-то рядом. Точно, вон из-за камня выглядывает. Хотел отругать неслуха, но Паша смотрел на него с такой мольбой, что Изосим махнул рукой — «иди уж», а про себя с гордостью отметил: «нашенская порода».

Устланный остывшими «бомбами» склон усечённой Шишки, пересекали желтоватые трещины, из которых сочились тошнотворные запахи.

Чем ближе братья подходили к кратеру, тем горячее становилась почва под ногами и шире трещины. В глубине некоторых угадывалось красноватое свечение. Картина жутковатая, но ребята, пересиливая страх, беспрестанно крестясь и бормоча: «Господи, помилуй», про-

ЗОЛОТО АЛДАНА

должали отважно подниматься к истоку лавы. Жар становился все нестерпимее, ступни ног горели и дальше идти стало невозможно. А из кратера до них уже доносились тягучие, смачно чавкающие звуки. Временами кратер выплёвывал огненные струи. Быстро твердея в воздухе, «плевки» падали на склон горы. Переполнявшая чрево огнедышащая, тестообразная масса, с потрескиванием стекая по ложбине, медленно ползла через уже заполненное застывшей лавой озеро, мимо сгоревшей часовни к Глухоманке. Там поток исчезал в клубах дыма от горящих деревьев.

Паша, взирая на всё это с широко раскрытыми от ужаса глазами, вцепился в пояс брата:

— Изосим, это что — конец света?

— Не бойся. Так Земля очищает себя от скопившейся гадости...
Пойдём к Глухоманке, посмотрим, что там происходит.

Сойдя в ложбину, они пошли по ходу движения лавы. Остывая, она покрывалась коркой, рассеченной подвижными разрывами, мерцающими переменчивым красноватым светом. И чем дальше лава удалялась от своего истока, тем темнее становились черно-бурые разводья, разделенные пунцовыми швами.

Вдруг Паша обмяк и повалился на землю. Изосим тоже почувствовал небольшое головокружение и тошноту. Взвалив братишку на спину, он побежал подальше от этого места. Оказавшись на травянистой террасе, и сам потерял сознание...

Очнулся оттого, что рвало. После «очистки» полегчало, и он попытался привести в чувство лежащего рядом Пашу, но тот уже не подавал признаков жизни.

— Сибирич, роденький, помоги, братишка умирает! — прокричал он, повернув голову к синеющим хребтам.

— Ты сам все можешь! — сказал кто-то невидимый. — Успокойся и слушай свой внутренний голос.

Изосим так хотел, чтобы брат задышал, что, набрав полные легкие воздуха, принялся что было сил вдвухать его Паше в рот. Вдувал, вдувал без устали, но бестолку. Не желая мириться с очевидным, он решил сначала выдавить из него «плохой» воздух и вдуть свежий. Резко надавив на грудь раз-другой, опять набрал полные лёгкие воздуха и снова вдул Паше в рот. На третий раз братишка шевельнулся

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

и слава тебе, Господи! — судорожно вздохнул. Его тоже вырвало. Через некоторое время он с помощью Изосима сел и доверчиво прижался к нему. Слезы счастья катились по их чумазым лицам...

После этого Изосим несколько раз водил на Шишку желающих посмотреть на преисподнюю. Кратер теперь чуть курился. Из застывающей лавы лишь посередке пробивались бесовские язычки «пламени».

Взрослые, удостоверившись, что «бомбы» более не летят, к вулкану и окаменевшей реке проявляли чисто хозяйственный интерес. Их огорчало то, что из Глухоманки, где потеплела вода, ушла рыба: хариус забился в холодные боковые ключи, а таймень вообще исчез. Зато утки и гуси, когда пришла осень, и не подумали улетать. Так и остались в зиму — вода не замерла, и они легко доставали корм со дна мелководных заводей.

Григорий, поначалу весьма смущенный раскрытием врат преисподней, или, как он по-ученому выражался, «извержением вулкана», со временем тоже успокоился и перестал с тревогой поглядывать на чающую Шишку.

Еще одну пользу от появления вулкана выявили уже зимой: снег на его теплых склонах надолго не задерживался, а после Рождества Христова стала всходить молодая трава. В том числе всеми любимая черемша. Особенно по нраву пришлось это оленям. В самую снежную пору, когда трудней всего копытить корм, их на Шишке собиралось особенно много.

— Гляди-кась, сколь олешек набежало! Кабы земля не провалилась от эдакой прорвы, — ворчал довольный Демьян, главный добытчик мяса. — Верно писал блаженный Августин: «Бог никогда не попустит зла, не имея намерения обратить его в добро».

ПЕЩЕРНИКИ

Лайки в скиту появились давно. Елисей, живя у эвенков, так полюбил этих умных, преданных созданий, что, женившись на Оксиктокан, крещеной Ольгой, привёз из стойбища Агирчи несколько щенков. С той поры собаки в скиту не переводились.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Самая многочисленная свора была у Демьяна. Его собаки были настолько преданны ему, что каждая была готова, не раздумывая, пожертвовать жизнью не только ради хозяина, но и всего, что имело к нему отношение.

Однако истинная любовь всегда ревнива. Поэтому псы страдали, если хозяин слишком долго возился с другими членами его своры. Стараясь привлечь к себе внимание, они принимались безостановочно лаять: «Гав, гав-гав! Хозяин, я, я самый верный друг!»

На ночь все лайки скита собирались в одну стаю возле ворот, справедливо полагая, что их главная обязанность — охрана входа в скит и, если они пропустят чужака, то могущественные хозяева будут ими недовольны и перестанут ласкать.

По только им известной очередности они неожиданно убегали в тайгу и так же неожиданно возвращались. Уходили, как правило, втроем, вчетвером: в компании веселее и ловчее гонять зверя. Подобные вылазки у псов были особенно популярны во время линьки гусей — в эту пору они пировали, не зная меры.

Назревшее извержение собаки учуяли и выли всю ночь. А когда оно началось, ушли вместе с детьми и женщинами на рыбацкий стан у плотины. По возвращении кто на третий, а кто на четвертый день отправились, как обычно, добывать мясо. Вместе с дружкой Рыжим умчался и крепконогий Вольный. Они оба обожали гонять косых, но не столько из-за вкусного мяса, сколько ради удовольствия от самого процесса гона.

Больше всего длинноухих водилось возле Пещер, куда скитники никогда не ходили. Забравшись в осинник, густо разросшийся после подъема воды в Глухоманке, лайки зацедили воздух, сортируя запахи, доносимые ветром и идущие от земли. Зайцами пахло отовсюду, но надо было выловить самый свежий запах и двигаться за пойманной струей ему навстречу.

«А это что за звери?» — насторожились собаки. В сумрачном проеме одной из пещер ходили два высоких беловатых силуэта.

«Это ж люди! Только раздетые», — смекнул Вольный и взглядом приказал Рыжему замереть. Притаившись, они стали наблюдать за чужаками. По тому, что на людях не было одежды, собаки догадались, что те после бани отдыхают. Но почему от них так сильно пахнет потом?

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Люди тем временем скрылись в пещере.

Собаки тут же утратили к ним интерес и вернулись к любимому занятию: Вольный поднимал зайца и гнал лаем по кругу, а Рыжий атакował из засады. Добыв двух косых, псы успокоились и, отдышавшись, принялись, довольно повизгивая, лакомиться у пещеры: оттуда тянуло приятной прохладой. Когда из неё вновь вышли раздетые люди, лайки насторожились.

Разглядев собак, те стали что-то ласково говорить им. Вольный не понимал смысла слов, но собачьим умом чувствовал — чужаки неопасны. Самый высокий подошёл к ним и протянул руку, чтобы погладить. Вольный не возражал. Подставив загривок, он замер и даже заурчал от удовольствия. Пес обожал минуты, когда рука человека касались его шерсти и приятно поглаживала, а голос что-то ласково ворковал. Тут уж не устоял, подбежал и расхрабрившийся Рыжий — тоже любитель поласкаться. Люди вскоре вновь скрылись в чреве пещеры, а собаки, подремав, поднялись в скалы, надеясь хотя бы просто погоняться за снежными баранами. На большее рассчитывать не приходилось — больно ловкие.

Безрезультатно пробежав по каменистым скатам, друзья спустились к гроту, втайне надеясь еще раз получить порцию ласк от этих добрых людей. Те как будто поджидали их и обрадованно забубнили.

«Какие они странные. Двигаются осторожно, разговаривают между собой шепотом. Зато как приятны их холодные пальцы!» — на ходу обменивались впечатлениями собаки, подбегая к незнакомцам.

Развалившись на спине и раскинув лапы, они наслаждались ласками новых друзей.

Самый высокий, почесав Вольного за ушами, приподнял его голову и одел что-то на шею. Еще раз погладил и, слегка подтолкнув, отчётливо произнес хорошо знакомое слово: «Домой!»

* * *

Напевая стихиры, Анфиса достирывала на деревянных мостках вымоченное в щёлоче бельё: била небольшим валиком до тех пор, пока с него не начинала бежать чистая вода. В это время на берег выбежала неразлучная парочка лаек и затрусилась к воротам. Увидев хозяйскую дочь, Вольный свернул и, подбежав, лизнул языком ее лицо. Когда об-

ЗОЛОТО АЛДАНА

лепленный репейниками пес попытался сделать это еще раз, девушка заметила, как у того что-то блеснуло на шее.

— Постой, постой! Что это к тебе там?

Она притянула собаку и увидела золотой крест на цепочке.

— Вот те на! И тебя окрестили!

Анфиса рассказала о находке матери. Та — мужу. Вскоре община загудела.

— Что за святотатство! Кто посмел такое? — негодовали скитники, но ни один не признал креста своим. Все в один голос утверждали: «Ненашенского скита крест, хотя и старовеерский».

Наконец Демьян сообразил: поднес крест к носу Вольного и командовал: «След!»

Умная лайка сразу поняла, что от нее требуют, и, отряхнувшись, понеслась, радостно взлаивая, в сторону Пещер. Демьян, с трудом преодолев внушённый с детских лет страх перед запретным местом, едва поспевал за ней. Собака бежала, то и дело оглядываясь, — ведь за людьми надо присматривать: они так плохо слышат и видят.

Изосим в это время почувствовал, что приближается момент, о котором говорил Сибирич, и кинулся вдогонку.

Совершенно загнанной походкой собакой, Демьян присел отдыхать. Вольный заскулил, словно хотел сказать: «Вставай! Уже совсем близко!», и подбежал к пещере. Глядя в ее зев, приветливо завертел хвостом и залаял.

Демьян увидев в черном проеме белых призраков, размахивающих руками, закрыл глаза и, бухнувшись на колени, принялся во весь голос молиться.

Бежавший следом Изосим, вслушиваясь в голос собаки, отметил, что характер лая переменился. Он извещал: «Нашел! Нашел!»

Вольный стоял в полутьме пещеры в окружении голых, с кожей молочного цвета, мужчин. На груди каждого висели крест и камень. Увидев Изосима, пёс пролаял: «Вот они!»

Пещерники, разглядев приближающегося к ним человека, сотворили уставные метания. После чего самый высокий, видимо, старший, пробубнил:

— Спаси Христос! Кто ты и откуда?

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Говорил обнаженный неразборчиво, шамкая беззубой прорезью, но Изосим все понял.

— И вам здравствовать! Я Изосим — из Варлаамовского скита, что у Водопадов, — представился он.

— Нам такой неведом. Про дальние скиты за Синими горами слышали от родителей, а про ваш нет. Вы старой веры али нового порядка?

— Мы старой.

— Слава богу, стало быть, одноверцы. Наши предки поселились здесь по воле Божьей много лет назад.

— Ежели вы старой веры, отчего скобленые?

— Нам нечего скоблить. У дедов, говорят, прежде были волосы. Потом выпали, а у нас и вовсе не растут.

«Правдив был Сибирич в своих откровениях», — подумал Изосим, а вслух произнёс:

— Нам сказывали, что ваша община вся вымерла, ан нет, слава богу, вы живы.

— Что с самой общиной, нам неведомо. Мы ведь внуки тех, кого завалило на грибных полях нижнего яруса. Деды постепенно обвыклись жить в темноте, а нам иная жизнь и неведома. Только из устных преданий знали, что за каменными стенами светло и просторно. В пещерах нам хватает света от камешков, которых много в нашей подземной речке. Они светятся во тьме. Мы их и на груди носим. По ним друг друга издали видим.

— А мне дед сказывал, что, когда они во Впадину пришли, ваш Пещерный скит уже безлюден был. Вроде как зараза смертная всех извела.

— Может, так оно и было. Мы о том не ведаем.

— Отчего ж вы раньше не выходили, маялись во тьме?

— Не по своей то воле. Когда переход на верхний ярус завалило, наши прародители, да и мы сами долго выход искали, да ни единой щелки не обнаружили. А во время нонешней землетряски свершилось чудо — трещина по стене пошла. Из нее живым воздухом засквозило. Когда она расширилась, смогли протиснуться к свету.

— И что, все эти годы голышом жили?

ЗОЛОТО АЛДАНА

— В пещере тепло да и одежды не из чего делать. Старики сказывали, что это у вас бывает так холодно, что даже вода каменеет.

— А питались-то чем?

— В основном грибами. Растим их на помете летучих мышей. И рыбой — по речке она два раза в год проходит. Когда рыбы мало, мышей промышляем. Еще глину едим. Она — главное лакомство. Особенно любят её дети. Лижут часами — до того хороша! Да, забыл представиться — Мефодий... Изосим, у нас к тебе большая просьба. Мы сами не можем выходить на свет, да и не видим почти. Отец мне перед смертью наказал, коли Господь случай предоставит, сообщить одноверцам о том, что наверху, где-то над нами есть особое зеркало — Пластиной зовётся. Ежели в левое углубление той Пластины вложить камень, напитанный чудоподобным светом, она явит откровение. А коли в правое — возникнут живые картины. Камень тот хранится в Дальнем скиту, что за Синим хребтом.

У Изосима от этих слов сердце екнуло. Он радостно воскликнул:

— Да это ж агат, что у нашего наставника под образами на полке лежит. Его мой тятя сыскал в брошенном скиту, как раз за Синими горами.

— Вот и славно, коли так. Теперь, даст Бог, все сладится, Пластину бы токо найти — облегченно выдохнул Мефодий и присел на камень. Переведа дух, спохватился:

— Сходи к товарищу, он где-то на тропе лежит. Сотвори моление, разбуди от сна нечаянного.

Демьян очнулся при первых же словах молитвы. Выслушав рассказ парнишки, улыбнулся:

— Вот те клюква! Я-то, дуралей, их за призраков принял. Верно говорят, «у страха глаза велики». Пойдем к ним, тоже хочу спознаться.

С любопытством оглядев нагих, безволосых людей, сидящих в сумраке пещеры, Демьян деловито осведомился:

— И много вас тут?

Пещерники стали что-то бубнить.

— Изосим, не разберу, чего они лопочут?

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Говорят, что ты хороший человек. Их тут одиннадцать мужнего полу и девять женского да малых десять. Почему-то одни мальчонки родились, ни одной девочки. В тревоге — дальше рожать кому?

— Спаси Христос за доброе слово, а кому рожать — у нас найдется. Изосим, давай, пока солнце не закатилось, походим по пещерам. Вона их тут сколь. Когда еще все осмотрим. Даст Бог, повезет, и ту смотрильную Пластину отыщем.

Как промолвил Демьян эти слова, так какая-то сила мягко, но ощутимо, почти толкая, повлекла Изосима к одному из зияющих на склоне лазов. Демьян, едва успев проститься с пещерниками, последовал за ним.

Перекрестясь, зашли в сумрачную прохладу. Каменный пол покрывал толстый слой высохшего помета и костей, среди которых выделялись громадные спирали рогов снежного барана. Глубже по стенам висели гроздьями летучие мыши. С каждым шагом становилось все темней. Вокруг шуршали кожистые крылья потревоженных летунов. Демьян остановился:

— Ничего не видно. Надо вернуться, настрогать лучин.

Но Изосим его не слышал — его тянуло вперед, словно магнитом. Что удивительно, он видел в темноте. Демьян, потерявший напарника из виду, окликал его, а тот, будто глухой, шел и шел, не останавливаясь, пока не очутился в небольшом сухом гроте. Несмотря на тьму, он разглядел у стен каменные изваяния, искусно вытесанные мастером. Среди них выделялся бородатый старец, похожий на Николая Чудотворца.

Между ними в просторной, вырубленной в виде арки нише икона Божьей Матери «Всех скорбящих Радость». Гармоничность удлиненных, пластичных фигур святых на заднем плане, среди которых в центре стоял Спас Нерукотворный на Убресе, любимец беспоповцев, создавала ощущение умиротворяющего покоя.

Рядом лежала серебристая пластина толщиной с вершок и размером полсажени на четверть. Осторожно подняв ее, Изосим увидел в углублении под ней прозрачный, словно из родникового льда, небольшой Ларь, внутри которого светилась прядь волос.

Потрясённый парнишка пал на колени:

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Свершилось! Прости, Господи милосердный, за неверие! И ты, Сибирич, прости за сомнения!

Со слезами на глазах он воздел руки и запел молитву во славу Христа Спасителя. Бьющая через край любовь к Господу заполнила все его существо.

Изосим понимал, что касаться Ларя без наставника и старцев не позволительно. Он положил пластину на место и повернул обратно.

На его лицо, по всей видимости, легла особая печать святости, потому как Демьян, увидев его, почтительно склонил голову. Вернувшись к ожидавшим их в полутьме грота единоверцам, скитники обрадовали их вестью, что Пластина с Ларем в целости и сохранности.

Пещерники восхитились быстротой поиска.

— Не моя то заслуга — Провидение вело, — признался Изосим.

— Теперь надобно не мешкая обо всем наставнику поведать, а там — как он решит. Полагаю, скоро вернемся сюда со старцами, — произнёс Демьян.

Григорий, выслушав взволнованный рассказ ходоков, положил руку на голову Изосима и проникновенно молвил:

— Прости, что сразу не проникся. Изначально знал, что общине нашей уготована особая роль — об этом говорили все предвестники, но не ведал, что выбор падет на столь молодого отрока.

Изосим смущенно потупил взор. Выйдя во двор, он почувствовал в груди прилив необычайной благодати и пошел по проулку степенной походкой взрослого человека.

ЛАРЬ

На крестный ход отправились все обитатели скита, взяли даже младенцев. Люди испытывали великую радость: выходит, не зря их деды и отцы, столько страданий и испытаний стерпев, добирались сюда. Души скитников воспаряли от сознания, что они причастны к столь важному для спасения человечества делу.

Облачались в наилучшее, праздничное. Осматривая, справно ли одеты ее дети, Дарья достала один из дедовских поясков, тканый

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

в елочку, и повязала его Изосиму так, чтобы висящие сбоку кисти оказались на уровне колен.

— Ты уже совсем взрослый, без внешнего пояса не пристало ходить.

Женщины надели вынутые из сундуков прародительские штопаные-перештопаные льняные рубахи небесной синевы с тугим сборчатым воротом, сверху сарафаны, расшитые красным орнаментом. Поверх сарафана безрукавку. На головы водрузили кто многослойную шашмуру¹, кто кокошники из бархата, с жесткой основой (у кого что сохранилось), на шею — бусы. Девицы шли без платков, с косой, заплетенной прядями вверх. Мужики в светлых, с красным узорчатым шитьем по груди, косоворотках навывпуск и в темно-синих в полоску штанах. В руках каждого лестовки. Лица торжественны, глаза сияют.

Возглавлял шествие седовласый Григорий. За ним следовал Демьян со знаменитой, сотни лет всеми христианами почитаемой, чудом сохраненной и дошедшей до края земли Российской в своем первоизданном виде иконой «Умягчение Злых Сердец». На сумрачной, темно-коричневого тона доске с узорочьем по полям, одухотворенный и смиренный лик Богородицы при кажущейся простоте и лаконичности линий излучал необыкновенное смирение, спокойствие и нежность.

Рядом Елисей с Уставом общины — толстенным фолиантом в кожаном, окованном медью, переплете. За ними остальная братия, жены и дети.

Всю дорогу до пещерного скита пели духовные песни, в том числе полюбившиеся, Дарьей писанные:

Молодец ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Белым полотном утирается,
На восток Богу молится...
Не огонь горит, не смола кипит,
А горит-кипит ретиво сердце от веры.
Веры праведной...

¹ Шашмура — женский праздничный чепчик.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Запалив факелы, в пещеру вошли четверо: Григорий, Елисей, Демьян и Изосим. Увидев суровые каменные лики и чудотворную икону Божьей Матери «Всех скорбящих Радость», вошедшие непроизвольно пали на колени. Наставник прерывающимся от волнения голосом испросил у Господа дозволения взять Святыни в руки. Скитники с трепетом вынесли их на свет божий. Торжественная процессия двинулась вниз.

Мужики сняли лосиные ичиги и шли босиком, не чуя под собой ни острых камней, ни зубастых сучьев. Они шествовали за наставником, прижимавшим к груди драгоценный Ларь с локоном Христа, распевая псалмы в Его честь. Пластину нес Елисей, икону — Демьян.

Пещерники поджидали их в сумраке грота. Мефодий, прикрыв срамное место холстиной, данной кем-то из скитников, стоял уже совсем близко к выходу, остальные смутно белели в глубине: им, еще не привычным к свету, выходить было опасно.

Григорий осенил всех крестным знаменем и, обращаясь к пещерникам, произнес:

— Велика радость зреть вас, братья. Вы своим долготерпением совершили настоящий подвиг веры. Благодарствуем вам и милости просим в наш скит на общинное житье.

Один из пещерников, по виду самый старей, ответил, заметно растягивая слова:

— На-а-ам бы о-о-о-бвы-ык-нуть-ся-я-я к све-е-е-туу, ааа та-а-ам и-и ре-е-е-ши-им. До-о-оз-во-оль, свя-я-я-той о-о-о-тец, тоо-лии-ко при-и-ико-ос-ну-у-ть-ся-я-я к Ла-а-а-рю-ю с вла-а-са-а-ми Хри-ис-т-а-а и-и к Ли-и-ку-у Бо-о-о-го-о-о-ро-о-ди-и-цы-ы.

Григорий кивнул. Старик на коленях подполз к святыням и припал поочередно к прозрачной крышке Ларя и к иконе губами. Когда он поднял голову, его лицо сияло от счастья:

— Братцы, чудо! Чудо свершилось! Я прозрел! Хвала Спасителю нашему и Богородице Деве! — воскликнул он. На этот раз совершенно отчетливо.

— Чудо еще и в том, что Ларь сей и икону на свет божий мы вынесли точно в день праздника иконы Божьей Матери «Всех Скорбя-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

щих Радость»!¹ Зрю я в том перст Божий. Воистину, сегодняшний день — радость великая и награда Господа за неослабное стояние за веру Христову, — торжественно возгласил наставник.

Ларь с прядью волос Христа поставили перед божницей в красном углу в доме Григория. Скитники по-одному подходили, с благоговением молились и прикладывались к Ларю и чудотворной иконе. Уходили одухотворенными, со светлой радостью в глазах.

Через три дня и стар, и млад собрались у наставника. Долго пели благодарственные стихиры и, наконец, в полной тишине наставник подошёл к Пластине, тщательно протер ее и вставил в углубление гладкий, как речной окатыш, агат. Пластина замерцала, и на ней проступили слова: «Братья и сестры! Ваша Впадина выбрана местом второго Пришествия Христа. Ларь надлежит установить на вершине скалы, что посреди озера».

Неожиданная избранность всех взбудоражила и воодушевила. Казалось, что они и не ходят теперь, а летают над землёй, такой благодатью переполнялись их сердца.

Люди в праздничных одеждах гуляли семьями по украшенным зелеными ветками проулкам, обнимались друг с другом, ликовались и всё никак не могли поверить, что то, чего ждали веками все христиане, произойдет, и не где-то, а в их затерянной в таежной глуши Впадине.

В воскресенье Ларь перенесли и установили на островке, на самой вершине скалы. По ночам, в любую погоду, над скалой было заметно серебристое свечение. С того дня на большие праздничные моления стали собираться на берегу озера.

Радостное возбуждение постепенно улеглось, и жизнь в скиту вернулась в свое обычное, полное забот и трудов русло.

* * *

Икона Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» и Пластина остались в доме наставника. В старину в иных иконах делали тайнички. Зная об этом, Григорий со старцами внимательно осмотрели, прощупали доску.

¹ Общепринятая дата празднования иконы — 6 ноября, но некоторые списки с неё имеют свои дни празднования. В данном случае это 17 июля.

ЗОЛОТО АЛДАНА

И не зря, с тыльной стороны, под слоем потемневшей олифы, обнаружили искусно замаскированную крышечку. Под ней лежали плотно сложенные бумаги: план пещерного скита и несколько листов, на которых кто-то слабеющей рукой описал кратко жизнь общины, заключив своё повествование словами: «Пагубная страсть к рыжью первым поразила достопочтенного наставника. Следом сим недугом захворали остальные, все поголовно. Забыв Бога, мы, как оглашенные, только и делали, что собирали презренный металл, плавили его и отливали слитки, состязаясь, у кого тяжелее. Господь не стерпел столь скорой и поголовной уступчивости сатанинскому искусу и покарал нас за корыстливую слабость неизлечимой хворью. Все уже померли. Остался я один».

На плане скита были нанесены залы, гrotы, подписано их назначение. Отмечен и гrot, где нашли Ларь. А в конце самого длинного коридора стояло три крестика с надписями: «Завет», «Архив», «Ключ».

Григорий сразу вспомнил про тетрадь Горбуна, которую они с Елисеем не так давно смотрели, и попросил его принести её. Раскрыв, стал сравнивать.

— Гляди-кась, совпадает с тем, что у Горбуна. Погоди, погоди, давай-ка глянем, что у него там написано... Ага, вот: «Ларь» и всё... Остальное, похоже, разведать не успел...

«Верно сказано — тайное неизбежно найдет способ проявиться», — подумал Григорий, а вслух промолвил:

— Надо пройти поискать, что еще схоронено там, где меты стоят, да без огласки пока.

— Опасно, зараза в тех пещерах таится. О том еще схимник в забайкальском скиту предупреждал, — напомнил дед Тихон.

— Так та хворь и по Южным скитам прошла. А я самолично с Корнеем и Ефимьей погребли всех умерших, и ничего, слава Господу, — живы. Богоугодные дела ненаказуемы.

— Чего боятся? Мы же все там уже были и ничего. Живы-здоровы, — поддержал Демьян, — могу ещё раз сходить с Изосимом.

— Согласен. Благословляю вас, — подвёл черту наставник.

Гордые тем, что им вновь оказано доверие, Демьян с Изосимом уже на следующий день принесли наставнику три увесистых черных «кирпича» из гrotа, отмеченного как «Завет». Внутри как будто что-то

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

то ли шевелилось, то ли переливалось. Все грани были гладкими. Не было на них ни замка, ни отверстий, ни ручки.

Долго вертел, щупал, нажимая разные точки на «кирпичах» Григорий, но так и не смог открыть и заглянуть внутрь.

— Видно, время не поспело, на то он и «Завет», — философски заключил он. — Пусть лежат, дожидаются своего часа. Чует сердце, все это понадобится, когда наша жизнь повсеместно на правду повернет.

* * *

Пещерников приодели и всем миром принялись ставить для них избы. Сами они не умели плотничать, посему по первости работали на подхвате. Но, быстро постигая это непривычное дело, вскоре уже и сами вовсю махали топорами. К зиме все перебрались в дома. Но свою мать-кормилицу Грибницу пещерники не бросили. Поочередно ходили, ухаживали за ней и приносили грибы мешками. Они по-прежнему оставались основой их питания. Постепенно и многие варлаамовцы к ним привадились.

Диковатые дети пещерников поначалу держались наособицу, но мало-помалу включались в игры скитской детворы и передружились. Вместе ходили в школу. Сообща бегали купаться, собирали малину, смородину, голубику, позже брусёну, клюкву.

Старших пещерников особенно радовало то, что у их пацанов полезли зубы, и они уже не шепелявили при разговоре. А два вошедших в возраст парня сосватали скитских девчат. После того как монастырские забрали четверых, это было весьма кстати и обрадовало варлаамовцев более всего — наконец-то и к ним свежая кровь прибыла.

По завершении каждой седмицы, вечером, скитники рассаживались летом у молельного дома, а зимой набивались в большую натопленную горницу наставника. Григорий ставил на амвон Пластину, вкладывал в правое гнездо голубой, с кругами жемчужного цвета, агат, и все замирали: перед ними и вокруг них возникали диковинные видения, каждый раз новые.

Вот и сегодня сначала замерцал, как при северном сиянии, воздух перед Пластиной. Мерцание быстро ширилось, местами стужалось, заполняло пространство перед ними, и вскоре скитники оказались среди незнакомых людей. Те ходили, разговаривали между собой,

ЗОЛОТО АЛДАНА

не обращая на сидевших внимания. В первый раз Елисей даже не стерпел — подошел к одному из мужиков в оленьей куртке и поздоровался. Тот и бровью не повел. Сообразив, что перед ним бестелесые призраки, он успокоился.

На некоторых картинках местность была знакома, но в большинстве — новая. Наставник, потихоньку вращая агат в гнезде, менял картинки.

А при самом первом «включении» сразу после установки агата в гнездо скитники увидели свою Впадину, пещеры на склоне горы. Потом показались бородатые люди в длинных одеяниях — они несли в пещеру Ларь, икону...

* * *

У Изосима после всех этих удивительных событий почему-то возникло неодолимое желание уйти в монастырь. Оно крепло с каждым днём. Не в силах более сдерживать его, он пришёл к наставнику:

— Отец Григорий, помните, я рассказывал вам про Сибирича — Горного Духа. Теперь и вы знаете, что то было правдивое откровение. А ныне мне тот же голос говорит, что в скиту я боле ненадобен. Что в монастыре мое место и там мне надлежит служить Господу нашему.

Наставник и сам в последнее время замечал, что парня что-то гнетет. Вроде, как и прежде, исполняет все работы, помогает всем, но видно было, что душа его томится.

«Пожалуй, лучше отпустить. Лешак-Алексий совсем старый — не сегодня-завтра покинет мир. Кто станет настоятелем? Изосим же отмечен небесами. В монастыре ему самое место», — размышлял наставник, ласково глядя на возмужавшего воспитанника. — Но с другой стороны Дарью жалко. Она и так без мужа».

Но, понимая, что это воля высших сил, чуть дрогнувшим голосом произнёс:

— Отеческое Православие не только во Впадине должно сохраняться — ему следует шириться и быть повсеместно. Ступай и неси слово Божье монастырской братии.

Они обнялись: молодой и старый, но оба наставники. Григорий это твёрдо знал.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

В монастыре Изосим принял обет послушания, постригся в монашество и посвятил дальнейшую жизнь служению Богу. В новом сане он наречен был Андрианом.

Зимой Господь прибрал отца Алексия и по предложению инока Макария в настоятели монастыря избрали Изосима — отца Андриана, совершившего уже немало чудодеев — все его провидческие высказывания и предупреждения сбывались с точностью необыкновенной.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРНЕЯ

Отбывая срок, Корней часто мысленно представлял, как, вернувшись в скит, будет вымаливать прощение у Дарёнки и братии до тех пор, пока не получит его.

И вот уже наяву он летом 1953 года возвращается домой по амнистии.

Но чем дальше удалялся Корней от лагерных ворот, с ладным деревянным чемоданом в руках — подарком Шамиля, тем тревожнее становилось ему. Зная строгость установленных в общине порядков, он с каждой верстой все яснее осознавал, сколь наивными были его мечты. В голове заматались мысли, куда же тогда ему? Но все они неизменно замыкались на Впадине.

«Дерево пересаживают, пока оно молодое. Старое на новом месте не укореняется. Будь что будет — поеду к своим. Коли не примут, Впадина велика — и для меня уголок найдется».

На все том же, ничуть не изменившемся пароходике, все с тем же, правда, теперь одноруким капитаном, стоящим на мостике во все той же совсем выпцветшей фуражке, надвинутой на красное с седой щетиной лицо, Корней добрался до Глухоманки.

Капитан узнал его и посадил прямо возле устья. Осматриваясь, Корней со стыдом вспомнил, как ручным барашком бегал здесь за околдовавшей его Светланой. Где был тогда его разум? Почему спала совесть? Как мог он отринуть веру? Не устоял пред первым же искушением. Ничего не скажешь, красавицей Светлана была редкостной, да красота-то дьявольская. Столько бед принесла... За то, похоже,

ЗОЛОТО АЛДАНА

и мучилась перед смертью... А он не только Даренку — семью, общину потерял...

После двух переходов с ночевкой у костерка Корней поднялся на плотину, перегородившую речку в давние и такие счастливые времена. Спустившись с неё, пошел по много раз хоженной тропе. Неизъяснимо родным, теплым веяло на Корнея в этих местах. Целую вечность, а если быть точным, двенадцать с хвостиком лет, он жил вдаль от любимой Впадины и жутко истосковался по ней. Бросилось в глаза то, что лес изменился, а вот тропа была той же, что и прежде. Тени береговых деревьев причудливо колебались на речной ряби, от чего казалось, что они не стоят, а вместе с ним шагают к скиту.

Донеслись звонкие мальчишеские голоса. Притаившись за кучей бурелома, Корней переждал, пока пройдет эта шумная ватага. У каждого на груди висел плетенный из крапивы кошель. «За кореньями, на Медвежью гриву», — догадался он.

«От этой приметной излучины до скита, с родительским домом, две версты», — прикинул Корней. Пора было принимать решение, куда идти? «А может, все же в скит?» — засомневался он. Но в памяти тут же всплыли слова отца: «Как смел поганить своими стопами нашу землю? Будь ты проклят! Прочь с глаз моих!» От этого воспоминания на душе стало ещё муторней. Но винить некого. Сам виноват в том, что теперь не может зайти в отчий дом, обнять близких. А ведь было время, когда в скиту каждый готов был отдать ему, если потребуется, последнее.

Размышляя так, он и не заметил, как ноги сами собой сошли с тропы и понесли через лес к хижине деда Никодима. Увидев ее сквозь деревья, остановился, обрадованный: «А что? Здесь рос, здесь и помру. Место хорошее. Авось, когда-нибудь прощение вымолю. Коль не простят — так хоть рядом с дедом в землю лягу... Подремонтирую и заживу», — решил Корней.

* * *

К хижине подходил медленно. Каждый шаг открывал памятные с малых лет места. Вздурораженная память услужливо воскрешала картины из прошлой жизни. Какое счастливое, славное было время!

Лужайка перед входом заросла деревьями. Обветшавшая без хозяйского присмотра, с прохудившейся крышей, зимушка даже

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

сейчас, спустя многие годы, хранила отголоски дедова тепла. От этого и у самого Корнея на душе потеплело, посветлело. С трепетом отворив дверь, огляделся. Все стояло на своих местах, как прежде, только книг не было — перенесли в скит.

Мало-мальски обустроившись, Корней отчетливо осознал, что вынужденное затворничество — это как раз то, что ему сейчас необходимо: оно было ступенью на пути возвращения к себе.

«Кто спешит — тот не зрит», — вспомнил он любимое выражение отца Иллариона и подумал: «Жизнь прекрасна, несмотря на ее трагичность. Важно жить в ладу с совестью... Эх, кабы повернуть время вспять...»

Бродя по лесу, Корней то и дело призывно высвистывал Рыжика — все надеялся увидеть его, но, похоже, что встреча возле стана злополучной экспедиции была для них последней. И немудрено — Рыжику уже тогда перевалило за тридцать лет — почтенный возраст для беркута.

Рядом с избушкой жил ворон. Неожиданно для Корнея они подружились. Поначалу новосел каждый день просто вслушивался в скрипучий, недовольный голос птицы. Через какое-то время он стал различать по характеру звуков и тембровым оттенкам заложенный в них смысл. Проверя свои ощущения, Корней попытался, копируя птичью «речь», общаться с говорливым соседом. И ворон, судя по реакции, понимал его. Настал день, когда зоркий Карлуша, обзревавший окрестности с макушки кедра, завидев отшельника, слетел с дерева и, доверчиво приземлившись у его ног, поприветствовал способного ученика: «Корр! Корр!»

* * *

Лето хирело. Ветер каждый день срывал и кружил в холодеющем воздухе несчетное число разноцветных листьев. По утрам они громко хрустели под ногами. Легкий морозец залатал ледком лужи. Выпавший снег поставил жирную белую точку на красочном празднике жизни. Только тут спохватились лиственницы: в несколько дней отгорев оранжевыми факелами, обнажились и встали в строй уже неузнаваемо черными.

Когда метели, налетавшие одна за другой, злобно царапали мерзлыми когтями по стенам избушки, либо когда окрестности вдруг на-

ЗОЛОТО АЛДАНА

крывала волна холода, и начинали раскатисто стрелять, лопающиеся в тисках стужи, стволы деревьев, а углы избушки изнутри покрывались инеем, Корнея начинали преследовать тоскливые думы: он один-одинешенек, а в скиту столько людей. У них общие заботы, моления, песнопения, а главное, всегда есть с кем поговорить...

В дни, когда вихрастый ветер, забираясь в трубу, выдувал из печи клубы серого пепла, Корней из хижины не выходил — упаси бог, вылетит из очага искра и запалит зимушку. Единственный, кто поддерживал его в эту пору — весело потрескивающий в печурке огонь. Он, особенно если на плите тонко посипывал чайник, приглушал чувство одиночества, и у Корнея даже возникало ощущение, будто в избушке их двое.

Готовясь к зиме, он заранее нашил из заячьих шкурок меховые чулки, рукавицы и душегрейку. А вот с верхней одеждой была проблема — олень добыть никак не удавалось. Донашивал дедово старье.

Однажды ему послышалось, что кто-то скребет порог. Приоткрыл дверь. В избушку ввалилось морозное облако, и вместе с ним юркнуло под нары что-то длинное, гибкое. Заглянув под настил, разглядел за оставшейся еще от деда пудовой веригой¹ выдру.

Возможно, эту искусную рыбачку он видел поздней осенью на ключе: её округлая голова частенько мелькала в тёмных промоинах.

«Интересно, что заставило её прийти к человеку? Причина должна быть серьезной, коли преодолела природную осторожность».

Корней принес с лабаза и положил под нары мороженого харюзёнка, а сам, чтобы не беспокоить гостью, сел пить чай. Под лежанкой вскоре захрустело, и через некоторое время показалась седоусая голова. Выдра не мигая смотрела на человека. В глазах читалась какая-то просьба. Приглядевшись, Корней понял, в чем причина необычной смелости гостыи: в спине торчала огромная заноза. Потрогал — сидит глубоко и крепко.

Одной рукой он прижал зверя к полу, а второй стал осторожно тянуть щепу. Выдра напряглась от боли, но не вырывалась.

¹ Вериги — тяжёлые железные пояса с цепями. Они предназначались для смирения плоти. Носили их, как правило, монахи и юродивые, чтобы через телесный подвиг самим познать страдания за веру, через которые прошли Христос и первые христиане.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Умница, умница, потерпи еще чуть-чуть...

Заноза — целая щепка — наконец вышла.

— Вот и все. Теперь лежи в тепле, погрейся.

Через пару часов речная красавица подошла к двери и принялась толкать ее передними лапами и головой.

— Ну, ступай! Ежели что, заходи.

После этой «операции» следы выдры долго не попадались. Наверное, промышляла в другом ключе либо отлеживалась в норе. Корней несказанно обрадовался, когда наконец увидел рыbachку, сидящую на краю промоины.

Сделав изящный разворот гибким, мускулистым телом, выдра блеснула коричневого цвета шубкой и беззвучно скрылась в свинцовой от холода воде. Вынырнула уже со сверкающим хариусом в зубах. Оставляя в снегу глубокие парные следы, подбежала к Корнею и положила к его ногам трепещущую радугу. Отшельник ласково погладил «рыbachку» по спине. Выдра как будто улыбнулась и запрыгала обратно в родную стихию.

С этого дня они встречались регулярно. Выдра оказалась необыкновенно ласковым и привязчивым существом. Поначалу она скреблась в дверь хижины только в дни, когда мороз крепчал так, что при дыхании казалось, глотаешь куски льда и внутри все стынет. А прочувствовав преимущества жизни в человеческой «норе», и вовсе перебралась к нему, выбегая лишь порыбачить.

Корней соорудил ей под нарами из прядей лишайника удобное гнездо. Но с первыми оттепелями рыbachка опять перебралась на студеный ключ и только приветственно посвистывала, когда проплывала или пробегала мерными прыжками-дугами мимо приятеля. Иногда вдруг подходила, тыкалась лбом в ноги до тех пор, пока Корней не погладит или не взъерошит её густую, с искорками седины, шубку.

* * *

В скиту довольно быстро стало известно, что в хижине Никодима поселился изгнанный из общины Корней — дым из трубы не утаишь! Матвей, видевший приятеля издали, сообщил, что черноголовый стал белоголовым, а в остальном такой же, как и прежде, крепкий на вид

ЗОЛОТО АЛДАНА

мужик. Скитники повозмущались бесстыдству изгоя и старались обходить это место стороной.

Озорники-мальчишки как-то подкралась к хижине и, открыв дверь, бросили в нее пчелиный рой. Разъяренные пчелы накинулись на Корнея, дремавшего на лежанке. Он заметался в поисках укрытия. Ладно, быстро сообразил — выбежал на берег и прямо в одежде сиганул в воду. Но с десяток пчел все же успели впрыснуть в него свой яд. Потеряв врага из виду, рой, собравшись вокруг молодой матки, повис живой гроздью, тягуче гудя, на ветке дерева.

Корней утихомирил их дымом от гнилушек и аккуратно стряхнул неожиданный подарок в берестяной короб. Прикрыв его куском дерюжки, ночь продержал в холодке. Ас утра отнес к дуплистому кедру и пересадил в него рой. Так, благодаря недружественной выходке скитской ребятни, было положено начало его пасеке.

* * *

1955 год.

Время, сплетаясь из дней в месяцы, летело неудержимо. Корней не заметил, как миновало третье лето и подкралась осень. Над Впадиной пролетали тысячи уток и гусей. Временами небо буквально серело от несчётных стай, а воздух наполнялся шумом от свиста крыльев и крика птиц. Иногда пролетали почти с человеческим плачем клиновидные стаи лебедей. Но чаще они летели молча, втроем или вчетвером — каждое семейство отдельно.

Корней, каждый день мысленно представлявший, но боявшийся встречи с Дарьей, наконец решился: сейчас мог подвернуться момент увидеться с ней наедине — в эту пору женщины и ребятня ходят на марь по ягоды. Ему сразу повезло. Дарья собирала клюкву, тихонько напевая чистым и приятным, не тронутым временем голосом что-то из обиходного. Вокруг никого. Корней осторожно приблизился.

«Раздобрела», — отметил он и перехваченным от волнения голосом произнес:

— Здравствуй, Даша!

Жена от неожиданности вздрогнула, обернулась и побледнела. Но быстро взяла себя в руки и строго предупредила:

— Не подходи — людей кликну.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Корней, по-собачьи заглядывая ей в глаза, охрипло выдавил:

— Даша, ты только выслушай... Господь свидетель, наказан я за свои прегрешения сполна, ничего не прошу, только прости. — И упал на колени.

— Уходи, не о чем нам говорить! — ответила она, выбегая на тропу.

Корней догнал, перегородил дорогу:

— Постой, неужто всё хорошее, что было промеж нас, забыто? Мы же так счастливо жили.

— Верно, было время — жили счастливо. Видит Бог, любила тебя. Ты был для меня всем. Я верила в тебя. Верила и ждала, даже когда узнала, что ты уплыл на пароходе. Думала, что есть причина, о которой мы еще не ведаем. Кабы ты, когда съезнова во Впадину с нехристями заявился, пришел, покался, я, быть может, смогла бы простить, принять тебя. Но, когда Изосим увидел, как эта блудница ласкает тебя, а ты, довольный, с ней лобызаешься — все в душе перевернулось. Ты сам нашу любовь растоптал. Горше обиды не получала. — Ее голос дрогнул. — Это уже не ослепившая на время кобелья страсть, минутная слабость — это твой выбор! До сих пор не поняла, за что такое предательство. Перебрала всю нашу жизнь — все вроде ладно, полюбовно. Выходит, ты все время обманывал, не любил. Как увидел крашеную куклу, так и ослеп. Поздно теперь ворошить! — Дарья невольно рубанула рукой. Смахнув наворачившуюся слезу, уже тверже спросила:

— Неужто она лучше и красивше? Так я тоже вроде не крива! И деток тебе не она, а я народила!

— Дарьюшка, поверь, мне нет жизни без тебя. Прости, Христа ради.

— Не надо, не пытайся ужалобить. Все давно перегорело и выстыло. Не осталось на сердце ничего... Пусто. Поздно раздувать угли. Они стлели — остался лишь пепел, да и тот остыл. Ты мне теперь чужой.

— Дарёнка, я только тебя люблю. Поверь, диавол попутал, присушила городская ведьмица. Все эти годы, замаливая свой грех, о тебе только мечтал и думал.

— Пустое все это... Не стереги больше, не то отцу скажу.

Корней обхватил ее ноги.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Прояви милость, прости! Прости! — хрипел он, иступленно целуя ичиги жены.

Дарья оттолкнула мужа и убежала.

* * *

Григорий имел привычку после утренней молитвы прогуливаться в кедровом бору по одному и тому же маршруту. Зная об этом, Корней дождался наставника и вышел ему навстречу.

— Не гони, отец Григорий. Сказать дозволю.

— Говори, — сухо ответил тот, сурово сдвинув брови.

— Тяжко мне без Дарьюшки и без всех вас. Наваждение тогда помutilo разум. Попал во власть нечисти. До сих пор не понимаю, как такое случилось... Все двенадцать лет, что сидел в лагере, ежедневно думал о вас, молил Господа и всех святых о милости. И сейчас готов к любой каре, лишь бы приняли обратно. Но не знаю, что еще сделать для искупления вины? Подскажи, Христа ради. Яви божеску милость, — выпалил скороговоркой Корней, вглядываясь в лицо наставника.

Наставник, слушая вполуха, задумался: «Наказан отступник сполна за свои прегрешения. Да и беду отвёл от скита. Следует подумать, ведь даже Сам Господь прощает грешников, коли они осознали свой грех и искупили его», а вслух сказал:

— Тебе перво-наперво необходимо очистить душу и плоть семидневным молением. Очистишься — тогда поговорим... Мы-то, может, и простим, но за Дарью не ручаюсь.

— Отец Григорий, как же мне ее умилоstitь?

— Я все сказал. Семидневку, молясь с беспрестанными земными поклонами, отстоишь, поговорим... Сам наведушь.

Как и велел наставник, Корней простоял всю седмицу, гласно вымаливая прощение у Бога. Обращаясь к Нему, он не просто произносил заученные с малых лет слова покаяния — переполненный жаждой прощения, молился страстно и самозабвенно. Такие, идущие от сердца, слова Господь, как известно, лучше слышит.

На третий день от земных метаний до крови разбил лоб. Но Корней не чувствовал боли. Раскаяние и желание обрести наконец милость

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Божью — получить прощение общины — были столь велики, что, отсеки у него в это время пальцы, он и не заметил бы. Его душа до того жаждала прощения, что возвысилась над плотью, как бы отделилась от нее.

Поскольку он все эти дни не ел, черты лица заострились, а глаза приобрели особый блеск, выделяющий людей, находящихся на грани между жизнью и смертью.

Григорий в назначенный срок не пришёл.

Корней сник: «Видно, грех столь велик, что семидневного моления недостаточно... Боже милостивый, всемогущий, есть ли такая кара, что очистит мою грешную душу?»

Отшельник решил надеть на себя Никодимову плечевую веригу и не прерывать земных поклонов и молитв до полного истомления плоти.

Наставник пришел на девятый день, по первому снегу. Увидев исхудавшего, посиневшего Корнея в вериге, воскликнул:

— Истязать плоть до такой степени неразумно. Вижу, и вправду всей душой страдаешь прощения. Потолкую с братией.

* * *

Дарья всегда была охоча до чтения книг. Перечитав те, что были у них в доме, стала брать у наставника. Читала не торопясь, вдумчиво, если что не понимала, возвращалась по нескольку раз, пока не доходила до сути своим умом. Сегодня с утра она забежала, к Григорию чтобы вернуть очередную прочитанную книгу.

— Отец Григорий, что еще присоветуешь?

— Возьми «Житие и чудеса святого великомученика и целителя Пантелеймона», благая книга, — предложил наставник и, заметив, что Дарья торопится, не стал ее задерживать, а лишь сказал:

— Справишь дела, будь ласка, загляни.

Когда она пришла, Григорий сразу обозначил тему разговора:

— Я вот тут все размышлял... Что есть любовь? Думается мне, соединение мужской и женской плоти — не есть главное. Ты согласна?

Дарья молча кивнула.

— Мне представляется, — продолжал он, украдкой поглядывая и пытаясь уловить ее реакцию, — что любовь, это когда две души, две

ЗОЛОТО АЛДАНА

выбранные на небесах половинки, сливаются воедино. Когда такое случается, небеса радуются и тогда их ангелы-хранители заключают про меж собой союз, охранять эту любовь. Ведь демоны не дремлют и людей постоянно в искушение вводят. А уж праведников особенно старательно и упорно. Для их соращения к самым изощренным способам прибегают. Кто-то, случается, и оступается. Вот где надобна женская мудрость...

— Отец Григорий, зачем огороды городить, чую, виделся ты с Корнеем. Плакался, поди? Заступиться решил? Похоже, разжалобил он тебя... Как человек я могла бы простить, но как женщина, как жена... Постарайся понять меня — за столько лет все выгорело. Да и как можно простить такое...

— Разумею... Но смотри, что получается? Человек, не имея надежды на прощение, еще сильнее колебаться начнет, а диавол — тут как тут, тотчас приберёт. Потому Господь милосерден и прощает покаявшихся и искупивших грех. И нам пример с Него брать не зазорно, — увещевал Дарью наставник.

— Что ж тогда будет с нашей общиной, коли ввести такое правило: сотворивши смертный грех, покайся, и тебя простят? Потому и живем ладно, без переколов, что строго у нас. Диавол, может, и силен, но чем питается его сила? Нашими пороками! Не станет в людях пороку — не станет пищи диаволу. Пороки надо искоренять, а не потворствовать им.

Григорий, хотя и сам так думал, был ошарашен откровенным упреком Дарьи, однако виду не подал, а возразил спокойно:

— Но и добрых дел твой муж великое множество для общины сотворил.

— Разве не ты наставлял: «В малом слабину дашь, до большого греха дойдешь»?

Наставник, машинально расправляя надвое широкую бороду, задумался, и лишь через минуту молвил:

— Дарья, мне отраднa такая крепость, но и Христос учит прощать. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших». Корней давно раскаялся, и, поверь мне, искренне раскаялся. Грех его велик, но он

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

наказан так, что не приведи господь такое кому изведать. Нам надобно протянуть ему руку.

Знаешь ведь, мягкое — сильнее твердого, вода — сильнее камня, любовь — сильнее ненависти. Оступиться каждый может. Прости Корнея всем сердцем, и он на всю жизнь твой весь, без остатка.

— То не оступка была! Он бесстыдно миловался даже здесь, подле скита — сраму-то сколько! Люди что скажут? — чуть не плача, простонала Дарья.

— Прошу тебя, не торопись с решением, хорошенько обдумай. Обида ведь все равно что волна — идет шумно, а утишится — и нет ничего. В душе и сердце православного христианина не должно быть места злопамятству. Сей вредный порок разъедает душу, отвращает от нас милость Божию. Вспомни, что в проповеди Исаака говорится: «Люби грешника, но ненавидь дела его».

— Благодарю, батюшка, за мудрые наставления... Трудно мне... Он опозорил меня перед всей общиной в открытую, а прощения просит втихаря! Пусть придет прежде и перед всеми повинится. Коли община простит, в дом впущу. Но сие не означает, что я согласна жить с ним как с мужем, — сказала Дарья напоследок.

Корней, завидев шагающего к его хижине хмурого наставника, похолодел: «Ужели отказ?!»

— Доброго здоровья, отец Григорий! Благодарствую, что не отверг грешника, пришел!

— Господь в назначенное время наказует и милует. Будь завтра после вечери в скиту. Дарья сказала: как собор порешит — так и будет. Она подчинится, коли простят, примет в семью, но не мужем, а жильцом, — произнёс Григорий, не глядя на Корнея.

Вечером ритмичный звук била — широкой деревянной доски, похожей на лопасть весла, по которой стучал берёзовой киянкой кто-то из молодых, — собрал скитников на собор.

Начался он бурно. Более всех противился Елисей, отец Корнея.

— Зачем впустили отступника? Гнать кобеля блудного прочь! — возмущенно гудел он.

— Погоди, Елисей, дело давнее, давай все же выслушаем, — увещевали остальные.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Часть братии, особливо ровесники Корнея, высказались за то, чтобы принять в общину на полгода, а там понятно будет, каков он стал. И отца пытались к этому склонить. Но Елисей ни в какую не соглашался.

— Каменьями отступнику ребра пересчитать и гнать взашей. Нет ему места в общине, коли сошёл с корня, — требовал он.

Тут подал голос старец Тихон:

— Пушай встанет тот, кто сделал для общины боле Корнея... Нету! Да, помутила обманная краса его разум. Потерял мужик связь с ангелом-хранителем, не устоял перед искусом. Скверно то! Очень скверно! Но прошло с той поры, дай бог памяти, кажись, четырнадцать годков. Нахлебался, поди, он за енто время вдосталь! Пошто дале топить? Собор притих.

— Пожалуй, Тихон прав. Дерево смотрят в плодах, а человека — в делах. Ваше молчание считаю тому подтверждением, — подытожил наставник. Давайте позовем и послушаем, что сам отступник скажет. Дарья обещала, что впустит Корнея в дом, ежели он прилюдно повинится на соборе и при всех испросит прощения у нее и брошенных им детей.

Войдя, Корней положил земной поклон иконам и три поясных братии. Все выжидающе примолкли.

— Поведай, как на духу, про свое грехопадение, — велел Григорий.

Корней подробно, без утайки, рассказал про постыдную слабость, про золото, про Чванова, про лагерь, заключив покаянную исповедь словами:

— Вина моя многогрешительна, но без общины и семьи нет мне боле жизни. Покорно молю всех, особливо Дарью и чад своих, о прощении. Каюсь, слаб духом оказался... Смилуйтесь, не отвергайте!

— Ты, Корней, бросил не токо свою жену, Богом данную, но и детей малых без мужского пригляду оставил. Заботы по дому на старого отца переложил. Ладно, дед крепкий еще. С бабкой Ольгой внуков вынянчили, воспитали на загляденье. Помогли Дарье все сдюжить. Когда ты ушел, она ж на сносях была. Срамно, не по-мужски поступил, — пенял бывшему другу Матвей.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Дьявол искусил, не устоял... помилуйте, Христа ради, — покаянно бормотал, пав на колени, Корней.

И тут, словно очнувшись от своих дум, опять заговорил дребезжащим голосом Тихон:

— Братья, так, ежели вдуматься, получается, што содеянное Корнеем для семьи зло обернулось для общины добром: отвел от нас скобленных. Табашники, прознав про злато и благостность Впадины, поселились бы тута. Что стало бы с нами и Ларем?

И вновь над собором повисла тишина. Все задумались — а ведь и вправду могла случиться непоправимая беда.

— Так что, братья, порешим? Прощаем?

— Спору нет, грешен, но и кару понес сполна. А проступком, выходит, и обществу помог.

— Да уж, неисповедимы дела Господни!

Выслушав всех, Григорий разомкнул кустистые брови и торжественно объявил приговор: «Корнея Елисеевича прощаем и дозволяем вернуться в общину. На том свете с него за все спросится, не нам главный суд вершить».

Лицо Корнея озарила счастливая улыбка:

— До конца живота моего не позабуду милость вашу! Радением докажу преданность общине, — поклонился он в пояс.

— От меня прощения тебе нет! — выкрикнул Елисей.

Народ стал расходиться. У всех полегчало на душе. Что ни говори, свой же мужик — столько лет бок о бок ладно жили, сколько всего вместе выдюжили.

Дарья стояла возле дверей молельни в ожидании решения. Первым вышел Елисей и на вопрошающий взгляд невестки молча махнул рукой и быстрыми шагами удалился. Когда вышедший наставник сообщил ей, что Корней прилюдно покаялся и миром прощен, на лице женщины не дрогнул ни один мускул, только глаза выдали будто придавленную радость:

— Я исполню волю собора, — тихо молвила она и пошла домой.

Следом неуверенно шагал Корней. У дверей в отеческий дом вдруг обробел и встал, не смея переступить порог. Из избы волнующе пахнуло знакомыми с детства запахами.

— Чего уж, заходи, — сказала Дарья.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Войдя в кухонный угол, он присел на край лавки и с облегчением вдохнул присущий только этому дому запах печи и смолистых стен. Не таясь, вытер набежавшие слезы. Вспомнив наконец о подарке, достал из котомки тускло поблескивающую чудо-машинку — мясорубку.

— Дарья, это тебе. Сама мясо мельчит на пельмени.

— Ну, спасибочки, выходит, что вроде как позаботился.

Зашла со двора смуглолицая мать. Постарела, одрябла, сгорбилась; натруженные руки в узловатой сетке синих вен — как ни крути, а бабья доля тяжелее мужской.

Жаром охватило Корнеево лицо. Он рухнул ей в ноги:

— Прости, матушка, за позор. Боле не запятнаю вас.

Ольга перекрестила сына:

— И ты прости меня, что не смогла отвести порчу сатанинскую... Рубаху и штаны сыми, извонялись с поту. Постираю.

Тут, услышав голос бабани, из боковой комнатки, которую прежде они с Дарьей занимали, вышла дочь, родившаяся, как он только что узнал, после его бегства. Девочка была сильно похожа на мать и во всем повторяла её, даже мягкой улыбкой, игравшей на губах.

— До чего пригожа! Точь-в-точь ты в девичестве, — невольно вырвалось у него.

Дарья враз просияла. Лена была ее любимицей, главной помощницей. Сыновья все в мужских делах, Изосим и вовсе который год, как ушел в монастырь. Потому жили они с дочкою, как две подружки, даже спали вместе.

Елена наконец сообразила, что вошедший — её отец и замерла в растерянности посреди горницы.

— Познакомься дочушка, это твой тятя.

Елена смиренно подошла к Корнею. Тот, еле сдерживая слёзы, обнял её:

— Прости, Христа ради.

— Господь простит, тятя, — тихо прошептала дочь и выскользнула во двор.

Корней, обводя взглядом горницу и родных, произнес:

— Как у вас хорошо! Лишь узнал, что прощён, воспарил в небеса и такую радость и благость там вкусил — выразить невозможно.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Дарья, не дослушав, резко повернулась и тоже вышла.

Ольга, сглаживая неловкость, засуетилась. Усадила за стол.

— Голоден, поди, садись, поешь.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ОГНЕОПАЛЬНОГО ПРОТОПОПА

Капитон — самый младший из семи детей Демьяна — рос, как все: помогал старшим по хозяйству, прилежно исполнял домашние обязанности. Вместе с тем уже с малых лет он выделялся трепетным, отношением ко всему, что касалось духовных текстов. Еще в младенчестве удивлял тем, что его даже самый безутешный плач прекращался с первыми словами любой молитвы. Пока она длилась, дитё лежало, не шевелясь, с улыбкой на устах. В семье все знали про это и сразу спешили утешить малыша распевным чтением псалмов.

На богослужениях и проповедях конопатый, худенький, точно былинка, мальчонка не сводил глаз с наставника. А как одолел азбучку, пристрастился книги читать. Григорий, видя такое прилежание и рвение, стал дополнительно заниматься с ним.

За зиму с быстротой, удивившей всех, прошли и часослов и псалтырь. Наставник стал давать ему домой из общинной библиотеки Жития святых и рассказы о подвигах великих пустынножителей. Что интересно, эти книги, а тем паче Евангелие, или послания апостолов, мальчик читал всегда стоя. Вечером они обсуждали с отцом прочитанное, примеряя к общине. В этих беседах Капитон, как правило, не произносил ни одного пустого слова. Старательный малый помогал всем и каждому, а когда случалось, его обижали, он молился Богу за обидчиков.

Более всего сердце отрока взволновала история несгибаемого протопопа Аввакума, авторитетнейшего учителя старообрядцев. Придя как-то к наставнику, Капитон с волнением спросил:

— Деда Григорий, как вы разумеете, стерпимы ли простому человеку те муки, что выдержал благочестивый Аввакум в огне за веру?

— Во-первых, ударение в его имени не на третьем, а на втором слоге, — поправил наставник мальчика. — Во-вторых, если говорить о сути вопроса, полагаю, что муки человек в пламени терпит ужасные, но то плата за обретаемую великую милость Божью. Стерпишь, и душа,

ЗОЛОТО АЛДАНА

огнем повенчанная, из тела воспарит прямо в полк Его святителей и водворится в Царствии Небесном для вечного блаженства. Но сам Аввакум самосжигателей осуждал за греховность самоистребления. И молил Бога удерживать паству от безумия подобного поступка. Самосожжение одобрялось им не как средство душевного спасения, а лишь как единственный способ избежать смерти от рук антихристов. И сам к нему вынужден был прибегнуть, ибо патриарх Иоаким убедил царя казнить неуступчивых противников новин во главе с ним, протопопом Аввакумом.

Первого апреля 1681 года царем было повелено: «За великие на царский дом хулы сжечь раскольников». Дабы лишиться подобного торжества еретиков-богоотступников, Аввакум и пошел на самосожжение¹.

— Это ж так страшно!

— Страшиться надобно огня вечного, а не земного, временного. Особо похвальным считалось, стоя в огне, среди пламени, псалом петь во славу Христа. Тогда душу, очищенную в горниле огненном, ангелы тут же к Создателю вознесут. Правда, ноне и такое самосожжение не приветствуется — паства и без того сократилась. В Царствие Небесное через праведную жизнь надобно стремиться, с терпением неся свой крест на земле. Сей путь тяжелыше, но похвальней.

Стремясь хоть в чем-то походить на неистового протопопа, Капитон истязал себя многочасовыми молитвами во имя Господа, доказывая этим свою любовь к Нему. В конце концов, им овладело навязчивое желание огненной смерти.

Демьян по отрешенному взгляду, не сходявшему с конопатого лица сына, чуял, что с ним творится что-то неладное.

— Сынок, о чем ты все думаешь? Поведай!

— Не тревожьтесь, тятя, о пустяках разных.

— По очам вижу, что-то томит тебя. Не таись, может, что присоветую, али пособлю.

¹ К самосожжению староверы в XVII—XVIII веках прибегали нередко. Так, в 1743 году семьдесят последователей радикального филипповского согласия, окружённые военным отрядом, сожгли себя в срубе, не отдавшись в руки слуг антихриста. Есть свидетельства о том, что в иных огнях разом сжигались до тысячи человек.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Понапрасну беспокоитесь, тятя, поблазнилось вам.

— Слава богу. А то мне что-то не по себе... Глядикась, ветрено сегодня, к перемене, похоже. Сходил бы, Капитоша, березовых веток для бани наломал, лист поспел уж, а то, коли дождь зарядит, всю духовитость вымоет.

Навязав веников, Капитон развесил их в предбаннике сушиться. После вечери взял в сенях рулон бересты, заготовленной для нового короба, и опять спустился к бане. Он решил именно сегодня исполнить своё давнее желание: предстать через подвиг самосожжения и распевания в огне псалмов, пред очи Всевышнего. Как ни странно, подтолкнула его к этому шагу мысль о том, что от свежих веников будет много густого дыма и он, задохнувшись в нем, меньше времени будет чувствовать боль.

Разложив свитки бересты, прикрыл их охапками сухих веток и запалил баню с четырех углов. Ветер живо раздул пламя. Иссушенные до нутра бревна тотчас занялись ярим огнём. Капитон зашел уже в задымлённую баню и громко запел псалом, славя Бога-Отца.

От запылавшей трескучим факелом бани, часть искр метнуло ветром в сторону кедрового бора. Одна из них, угодив то ли в смолистую хвою, то ли в бороду лишайника, подожгла дерево. Жадное пламя, обьяв хвою, запорхало с кроны на крону.

Кедры, так любовно сохраненные скитниками при строительстве скита, сыграли роковую роль. Мгновенно вспыхивая, они поспособствовали тому, что поселение за несколько минут накрыло огненным валом. Очумевшие от неожиданности люди выскакивали из домов — кто с иконой, кто с чадом на руках.

Пламя тем временем с ликующим ревом перекинулось на окрестную тайгу и достигло террасы, поросшей тучной травой. Здесь, ослабев, опало. А вот в скиту огонь только набирал силу: громадными кострами полыхали дома и надворные постройки. Пламя со зловещим гулом рвалось к небу. Снопамы взлетали и рассыпались искры. Стенали, крестились женщины, плакали дети, выли собаки. Мужики кто с ведром воды, кто с топором, кто с лопатой пытались тушить, но ведром воды не совладать с лавиной огня. Отходя от нестерпимого жара все дальше и дальше, мужики не могли отвести взоров от горестной и вместе с тем колдовской картины пожара, безжалостно поедавшего их любовно обустроенные гнездовья.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Григорий стоял, обняв, как младенца, Пластину, и молча плакал от бессилия.

Мефодий успокаивал его:

— Не пропадём — до времени переселимся в наши пещеры. Там места много. Бог даст, к зиме отстроимся.

Груды раскалённых углей на месте сгоревших изб до полуночи зловеще подсвечивали людей. К утру от трех десятков домов с надворными постройками остался лишь невесомый серый прах.

Кроме Пластины успели спасти Завет, иконы, Устав, рукописи Никодима, часть книг старого письма, еще из Ветлужского монастыря привезенные.

Самородки, хранившиеся в доме Елисея, расплавились и растеклись по прокаленной земле увесистыми блинами, посыпанными серым пеплом: Корней незадолго до пожара принес из одному ему известного тайника полпуда золота для поездки на ярмарку.

— Слава богу, злата у нас в достатке. А случись подобная беда в Забайкальском скиту — так хоть умирай. Ведь сколь теперича приобретать надобно?! Почитай всё, начиная с одежды до топора, — сокрушался дед Тихон.

— Хвала Создателю, что все живы! А отстраиваться нам не впервой. До морозов бы, главное, успеть. В трудах и молениях спасение наше, — ободрял народ наставник.

Тут встревожился Демьян:

— Мово младшого никто не видел?

— Перед пожаром он веники вязал у бани.

— Господи, так ведь я сам послал его туда, — прошептал потрясённый Демьян.

Капитолина, жена Демьяна, опрометью бросилась к реке. Супруг за ней.

Вскоре с берега донеслись причитания. Это Капитолина, увидев на месте бани пепелище, выла в голос:

— Чадо мое родненькое! Да как же так? Прости, Христа ради! Не доглядела!

Люди бросились к речке. Бабы, увидев чёрное пятно с грудой валунов от очага, тоже запричитали, а мужики принялись разгребать жердями не остывший пепел:

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Не похоже, чтоб сгорел — кости-то, всяко, должны остаться.

Тут прибрежные кусты зашевелились, и показалось лицо, всё в красновато-водянистых волдырях, с обгоревшими волосами. Парнишка смотрел испуганно.

— Капитоша, сынок! Жив!!! Ох, и напужал ты нас, — бросилась обнимать сына Капитолина.

Демьян, почему-то сразу догадавшись, что пожар сотворил почитатель неистового Аввакума, треснул того хорошенько:

— Иди гляди, сколь бед натворил! Весь скит в пепел обратил. Чудодеяние, что никто не сгорел, не то страшный грех на нашу семью пал бы... Чего молчишь? Ты хоть понимаешь, что натворил? Всех без крова оставил. Пойдем, расскажешь. Скрывать невозможно... Ох, сраму-то сколько! Как теперь людям в глаза смотреть?.. Ладно, самому ума хватило выйти из бани... Что ты все молчишь?

Капитон, хлюпая носом, тихо произнес:

— Тятенька, когда я горел, сам Господь явился и вывел из огня. Сказал, что мне еще жить надобно...

Скитникам и невдомек было, что мальчонку спас Изосим, вернее, его провидческий дар. Почувствовав, что в скиту в одной из бань на берегу творится что-то ужасное, он мысленно приказал брату Паше бежать туда.

Тот в это время складывал поленницу дров и вдруг, сам не ведая зачем, зашпешил к речке. Слава богу, вовремя: услышав доносившиеся из объятай пламенем демьяновой бани крики, опрокинул на себя бочонок с дождевой водой и вытащил из горящего сруба задыхавшегося от дыма соседского мальчонку. Убедившись, что Капитон жив, помчался в скит, на который уже двигалась стена огня.

* * *

Григорий был потрясен признанием любимого ученика. К удивлению Демьяна, он не стал бранить, укорять Капитона, а растерянно забормотал: «Старый остолоп! Сам же подучил, дурья башка». Но, взяв себя в руки, сказал, строго глядя на обгоревшего:

— Дети и так чисты, як ангелы, им не отчего и незачем очищаться. Аввакум ратовал за страдание, но я тебе не раз говорил о том, что нет у него никаких слов, одобряющих самосожжение, ибо это есть са-

ЗОЛОТО АЛДАНА

моубийство — непрощаемый грех. Да что теперь толковать. Поздно — скит сгорел... Иди...

Инструментом и мануфактурой для начала разжились у монастырских.

Чтобы в дальнейшем обезопасить оставшиеся книги, иконы, рукописи и реликвии, новый молельный дом решили сложить по примеру Сергиевского монастыря из дикого камня.

ТРЕТЬЕ СТРАНСТВИЕ КОРНЕЯ

Отстраивали скит два года. Для Корнея они пролетели быстро: занятый на лесоповале, дома ночевал редко — все больше в лесу, в балагане. Когда возводили срубы, тоже от темна до темна пластался больше всех.

Дарья вроде делала все, что положено жене — и кормила, и обстирывала, и разговаривала с ним — но все это лишь из врожденного чувства долга, без любви. Корней это чувствовал, но не обижался. Да и как обижаться, коли сам растоптал свое счастье? В то же время постоянно ощущать ее молчаливую холодность было тяжело. Младший сын Паша, хоть и работает всегда рядом, тоже помалкивает: привык жить без отцовской подсказки: всему дедом обучен. А тот и вовсе не здоровается. Только зыркает. Да и братия временами, как Корнею казалось, бросает укоризненные взгляды. Получалось, вокруг люди, а поговорить не с кем. Одна Ольга втихаря от мужа по-матерински жалела и, глядя его жёсткие волосы, утешала:

— Потерпи, сынок, потерпи! Это так же, как скит — сгорел в одночасье, а восстанавливаем вона сколь времени. Обвыкнется Дарья, и все будет как прежде.

Когда Корней чувствовал себя особенно одиноко, он уходил в лес. Как-то, бродя по буреломной пойме, упёрся в огромный кедр. Корней видел его и прежде, но сегодня разглядывал, будто впервые. При этом ощутил необычную тягу к нему. Подойдя, охватил руками и плотно прижался к стволу всем телом. После такого «общения» скитник почувствовал, как одиночество отпускает. Теперь, когда оно вновь наваливалось не него, он отправлялся к кедру. Корней даже дал

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ему имя — Дед. Обняв шершавый ствол, замирал и вслушивался, как оживает его сердце, наливается силой тело.

К сожалению, это облегчение не было продолжительным. Особенно усилилось чувство одиночества после того, как отстроили скит. С той поры оно ни на минуту не покидало его.

Ему казалось, что он не живёт, а мается. В лагере мечтал, что вот вымолит прощение, и заживут они как прежде: счастливо, в согласии. Ан нет, прежних отношений наладить не получалось. Одна отрада — мать. И успокоит, и пожалеет, и присоветует что надо. Она как-то обмолвилась:

— Может, тебе в монастырь сходить? Изосима повидашь. Он ведь любил тебя очень. Так и скажи наставнику: мол, с сыном повидаться хочу.

Мать как будто прочитала его мысли. Корнею и самому давно хотелось увидиться с Изосимом — пятнадцать лет в разлуке. Зайдя к наставнику за благословением, увидел, что тот с женой Анастасией, прижавшись к друг дружке, как два голубка, распевают любимую стихиру.

— Доброго здоровья! Отрадно смотреть на ваше согласие.

— А чего грустить? Отстроились. Дров на зиму запасли, в скиту достаток, покой. А ты чего невесел? Сказывай.

— За дозволением пришел.

Григорий с удивлением вскинул брови.

— В монастырь сходить хочу. Старшего сына повидать да повиниться перед ним.

Наставник поднялся с лавки во весь огромный, самую разve малость осаженный годами рост:

— Чистый путь тебе, Никола в дорогу. Поклонись от нашей общины братии, скажи, в гости ждем — всегда рады их видеть.

* * *

Желая укоротить дорогу, Корней пошел не по тропе, а, как прежде, в молодости, напрямки через Синий хребет. На перевальной седловине наметанным глазом уловил чуть приметную звериную тропку. Спускаясь по ней, вскоре оказался в глубокой теснине. Здесь было мрачно и сыро. Где-то внизу, в полумраке, журчала вода.

ЗОЛОТО АЛДАНА

На повороте тропу перегородил конус свежей осыпи. Пересекая сыпучий скат осторожными, скользящими шажками, невольно оживил его: камни пришли в движение, и путника потащило вместе с ними вниз. Ухватиться было не за что. Через несколько секунд он уже летел вместе с камнями вниз.

Скитник впервые в жизни от отчаяния закричал. В этот момент падение неожиданно прекратилось и он оказался зажат между шершавыми стенками расщелины: они в этом месте сходились почти вплотную. Над ним прогрехотали остатки осыпи. Задрав голову, Корней увидел сквозь густую серую пыль голубую полосу неба. С замиранием сердца опустил голову, пытаясь разглядеть, далеко ли дно. Не увидев под собой пугающей бездны, вздохнул с облегчением — его ступни висели всего метрах в двух от земли.

Корней попытался поднять руки, чтобы подтянуться и выбраться на уступ, но этим только усугубил своё и без того незавидное положение — просел в клинообразную щель так, что стало трудно дышать.

Волки, трусившие вдоль ручья, уловили человеческий дух. Подбежав к скалам ближе, увидели свисавшие из расщелины ноги. Под ними, как будто специально, насыпана груда камней. С неё допрыгнуть до ног было ещё проще, но сытые звери пробежали мимо.

Ночью пленника атаковала мошकारа, к счастью, немногочисленная на сквозняке. Тем не менее она чувствительно кусала лицо, шею, проникала под одежду. Первые часы его выводила из себя не столько болезненность укусов, сколько невозможность смахнуть впившихся кровососов. Но постепенно кожа потеряла чувствительность, и уже к утру «хозяева тайги» беспокоили не так сильно.

Через день после неудачной охоты оголодавшая семейка серых вернулась. Волчица, подпрыгнув, сумела вцепиться в один из ичигов. Повиснув трехпудовым маятником, стянула сыромятную обувку с ноги человека. Корней, понимая, что сейчас волку ничто не мешает оттапать его ступню, попытался подтянуть ноги к себе. Но правая нога онемела и он ею он даже пошевелить не смог.

Звери, поочередно прыгая и клацая клыками, вцеплялись в ступню. Корней слышал треск разрываемых сухожилий и хруст

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

разгрызаемых костей, но боли не ощущал — нога была совершенно бесчувственна.

«Вот и настал час расплаты. Однако мудреную кару Господь мне устроил», — подумал скитник и, готовясь к неизбежной смерти, сосредоточился на молитвах.

Малость добычи и капавшая кровь только распаяла серых, но оторвать кусок покрупней они, как ни старались, не могли — высоко. Тогда волки пошли на хитрость. Двое легли на осыпь, а третий, встав на них, принялся прыгать — тоже безрезультатно. Толчок не получался — мягкость опоры сводила на нет выигрыш по высоте. Раскрыв пасти, хищники какое-то время, толкаясь, ловили алые капли. Но кровь капала все реже. В конце концов разочарованные волки ушли...

Впавший в дрему Корней увидел высоко в небе Бога-Отца, сидящего на троне в сиянии одежд необыкновенных голубых тонов. От Него исходил теплый, как от солнца, свет. Затем трон приблизился к земле. Со всех сторон появились люди и по зеленому полю направились к седовласому Старцу. Одежда у них на глазах истлевала.

Прозвучали слова Господа: «Все тленное спадет, и только ваши добрые дела станут одеждой». Новые одеяния у всех оказались разные. У кого плотная, у кого почти прозрачная, а у иных и вовсе ничего не было. Те люди, что в одеждах были, смогли переступить с земли на небо и направиться к Творцу, а кто был без нее — не смогли от сраму даже приблизиться. Среди ступивших на небосвод разглядел и себя в полупрозрачной одежде. Однако у Первых Врат архангелы завернули его обратно. «А ты куда? Еще не все земные испытания прошел», — молвили они.

* * *

Ангел смерти терпеливо кружил над обескровленным, иссохшим пленником расщелины. Хотелось пить. Вода журчала совсем близко, но была недоступна. С усилием разомкнув веки, человек увидел над собой солнце, застывшее среди пухлявых облаков.

Корней с грустью выдохнул. Но что это? Он как будто чуть-чуть сполз вниз! Выдавив остатки воздуха, просел еще ниже! Мысленно представляя себя плоским, как лист, вдыхая и выдыхая воздух, скит-

ЗОЛОТО АЛДАНА

ник в конце концов рухнул на груды камней. От пронзившей его боли он потерял на некоторое время сознание.

Беспалая ступня посинела и распухла. Скатившись с кучи, он подполз к ключу. Прильнув к живительной влаге, пил долго и жадно. Никогда в жизни вода не казалась ему такой вкусной и желанной, как в эти минуты. Напившись, полежал, отдыхая, но вскоре опять с жадностью прильнул к воде.

Силы понемногу возвращались. Корней обмыл остатки ступни, обернул её листьями растущей по берегу мать-и-мачехи. Чтобы они не слетели, оторвал и натянул на ступню рукав рубахи. Лохматя пятерней волосы на голове и бороде, стряхнул с них мусор. Умылся. Разглядывая отражение в воде, не узнавал себя: вместо глаз черные провалы, горящие лихорадочным блеском, искусанное лицо в крови и язвах.

Успокоив дыхание, Корней встал на четвереньки и «пошел», скрежеща от боли зубами, вниз.

Добравшись до первых деревьев, вынул из-за пояса топор и, срубив две молодые березки, соорудил из них подобие костылей. Опираясь на них, поковылял по тропе, переплетенной мускулистыми корнями сосен. Запас человеческого мужества неисчерпаем. Непонятно, как, но скитник упорно приближался к монастырю. Спотыкался, падал, терял сознание, опять вставал и опять шел.

Тайга безучастно взирала на то, как человек борется за жизнь — подобных сцен она перевидала немало, но никогда не вмешивалась: все должно идти своим чередом. Проявит человек волю и находчивость, будет жить, уступит — смерть в «награду».

От голода и поднимавшейся волнами по ноге боли у Корнея начались галлюцинации. То ему виделся впереди костер, то бегущие на помощь люди. Стоило ему пойти навстречу, как видение исчезало. Вскоре им на смену появились навязчивые слуховые галлюцинации.

* * *

Изосим чувствовал, что жизнь отца в опасности, что он где-то поблизости, но давняя обида на него, предавшего не только мать, но и их с Пашей, сдерживала желание помочь. Разум затмевала картина, горше которой не было в его жизни: ведьмица обнимает и гладит прильнувшего

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

к ней отца, человека, которого он считал самым лучшим и справедливым. Два дня Изосим боролся с собой, но в конце концов сострадание и память о прежних счастливых годах пересилили. Он оставил монастырь на старшего инокa Макария и отправился к отцу на выручку.

...Корнею в очередной раз почудилось, что кто-то идет ему навстречу. Послышалось праздничное песнопение, и появился... Изосим. Путник спешно попытался отряхнуть с себя налипшую при падениях грязь, лесной мусор — нельзя же предстать перед старшим сыном в неопрятном виде, и в это время видение пропало...

Изосим едва успел подхватить обмякшее тело отца.

* * *

После миски мясного бульона Корней почувствовал, как жизненная сила вновь наполняет его.

— Спаси, Господи! Очень вкусно! Уж и не помню, когда ел, — улыбнулся он виновато.

Отец вглядывался в лицо сына и не узнавал его. Он лишь отдаленно походил на того, прежнего, Изосима. Усы, аккуратно постриженная кудрявая бородка. Черная шапочка скрывала волосы и высокий лоб, отчего на лице особо выделялись глаза — умные и такие пронизательные, что казалось, все они про тебя знают, но не осуждают, а сочувствуют, жалеют.

Корней попытался сесть, но от боли, прострелившей правую ногу от ступни до паха, вскрикнул. Стиснув зубы, лег обратно на спину.

— Тихо, тихо. Вставать не следует, — предупредил штабс-капитан Тиньков, склоняясь над воспалённой ногой.

Наполовину обгрызенная ступня почернела. Омертвевшие ткани разлагались, из них сочился гной. Синюшность достигла середины голени.

Тиньков помрачнел. Пригладив усы, после недолгого молчания произнес, обращаясь к настоятелю:

— Отец Андриан, если ногу до колена не ампутировать, начнется общее заражение, тогда неминуем летальный исход.

Изосим оглядел ногу. Корнея в это мгновение залила теплая волна гордости за сына, которого зрелый человек, прошедший огни и воды, и медные трубы, уважительно величал «отцом».

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Если вы так считаете, надо резать! У вас ведь, как помнится, есть фронтовой опыт. Спасти отца надо!

— Постараюсь... Поручик, — крикнул он, выглянув за дверь, — неси спирт и пару простыней! И попроси у есаула ниток из сухожилий сохатого, они у него должны быть. Да потоньше — ими зашивать буду. Бросай всё и беги — время не терпит, — отдавал распоряжения сразу посуровевший штабс-капитан. — А я пока пойду нож и пилу наточу.

Операцию Корней перенес без единого стога. Под конец даже заснул — кружка влитого в него спирта заметно притупила боль.

Три дня состояние прооперированного оставалось критическим: метался в жару, бредил, всё звал Дарью.

Рядом с ним почти неотлучно находился сын. Обмывал, смазывал заживляющей мазью культю. Поил наваристыми бульонами. Монахи принесли с мари свежей брусники. Размяв, Изосим добовлял её в медвежий жир — от такой толкушки больной оживал на глазах. Настал день, когда исхудавший Корней попросил мяса. В его глазах вновь загорелся интерес к жизни. Он долго не решался повиниться перед сыном и наконец собрался с духом:

— Прости меня, сынок. — Тут отец запнулся, кашлянул. — Прости, Христа ради, отец Андриан, отпусти грехи. Повинен я пред всеми вами. — Слезы текли по его заросшим впалым щеками и бороде. — Прости и ты, если сможешь.

Изосим обнял белоголового отца, прижался к его мокрой от слез щеке.

— Не мне судить. Все мы перед Богом ответим за дела земные.

После пережитого за эти дни Корней не оставляло чувство, будто скинул с себя грязные лохмотья и входит в новую жизнь незапятнанно чистым. В теперешней ситуации он тем более не мог помыслить о том, чтобы вернуться в скит — не хватало быть обузой для семьи. Это исключено! Какое-нибудь посильное для него дело и здесь найдется. Господь всё правильно устроил — место ему отныне в монастыре.

Иногда за больным присматривал поручик. В свободное время он все что-то писал, не поднимая головы от толстой тетради.

— Голубчик, позволь поинтересоваться, о чем так увлечённо пишешь?

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Про поход дружины генерала Пепеляева.

— Слышал, слышал про такого. И в лагере о нём сказывали. А ты что же, участвовал в том походе?

— Да, имел честь. То была последняя, выдающаяся по мужеству и трагическая по исходу, попытка Белой гвардии восстановить законный порядок. Не хочу, чтобы подвиг ее участников канул в Лету.

— Доброе дело. Бог в помощь! Дашь почитать?

— С удовольствием. Вы будете одним из первых читателей. С недельку потерпите. Осталась последняя глава. Правда, пока без начала — оно у штабс-капитана. Он милостиво согласился просмотреть и сделать уточнения, а возможно, и дополнения.

НАСТАВНИК

Наставник Варлаамовского скита отец Григорий, в миру Тиньков Григорий Игнатьевич, любил Впадину и запрятанную в ее безлюдной глухомани общину всем сердцем и не мыслил себя вне ее.

Батюшка его, Игнат Савич, выходец из старинного дворянского рода, изменив традициям своего сословия, купил в Костроме мукомольный и лесопильный заводы с тремя паровыми котлами и типографию, которые давали хороший доход. Семья жила в Екатериновке, что под Костромой, в родовом поместье. Изучая передовые методы ведения сельского хозяйства, отец с младшим сыном Николаем целое лето прожили в Германии.

В церковь Игнат Савич ходил редко, зато был щедр на пожертвования — на них в губернии были построены два храма. Замечая у старшего сына, Григория, тягу к теологии, послал его на обучение в Московскую духовную семинарию. Откуда он вернулся в сане иеродьякона. Приступив к службе, он увлекся историей Раскола и весьма преуспел в этой области. В журналах начали публиковаться его исследования трудов старолюбцев XVIII века. Как раз в эту пору, а особенно после указа Николая Второго от 1905 года о веротерпимости, прекратились гонения на староверие и стало даже престижно и похвально приглашать на работу его приверженцев.

Ему, уже признанному ученому, стали поступать различные предложения: то прочесть курс лекций по истории старообрядче-

ЗОЛОТО АЛДАНА

ства в университете, то написать статью в открывавшихся в то время в большом количестве толстых журналах, то выступить на научном симпозиуме славянофилов или историков. А Иркутский университет пригласил на должность профессора на кафедре истории религий. Григорий давно мечтал побывать в Сибири и с радостью согласился. Там и застала его революция. Несколько месяцев он жил в монастыре, а когда насельников разогнали, один из монахов предложил схорониться на лесной заимке у его родителей. Лодка, на которой они поплыли, угодила под залом. Спасть удалось лишь Григорию. Долгое время он кочевал с эвенками. Счастливая встреча с Корнеем в опустевших скитах у Синих гор привела его во Впадину.

Младший же сын Николай предпочёл карьеру военного. Окончив юнкерское училище, он провоевал с 1914 по 1918 годы на германском фронте. За храбрость был награжден именным оружием и двумя орденами. В Гражданскую сначала победно прошел вместе со своим батальоном от Екатеринбурга до Казани, а потом, стиснув зубы, бесславно отступал до Дальнего Востока. Летом 1922 года по воле случая оказался в Охотске, где в числе первых записался в соединение полковника Лебедева, отправлявшегося в Якутск на помощь дружине генерала Пепеляева. После их поражения он с горсткой однополчан скрывался в лесах Алданского нагорья, а затем обосновались в старообрядческом монастыре.

Григорий с первых дней жизни в Варлаамовском скиту помогал престарелому наставнику Маркелу в просветительстве членов общины, взяв на себя обязанности учителя. Избранный после смерти Маркела наставником, он не только отправлял духовные требы, читал проповеди, молился о своих братьях и сестрах, но и продолжал учительствовать в школе.

Обучал скитскую детвору основам веры, чистописанию, старославянскому языку, счету, истории, географии, устной словесности. Уроки вел в простой и доступной детям форме.

— Что есть грамота? — спрашивал он их и сам же отвечал: — Грамота — это средство ознакомления с делами прошлого, жизнью в настоящем и возможностями в будущем. Лучший способ обретения

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

грамоты — книга. Что есть книга? Книга — это запечатленные на бумаге мысли и чувства человека.

Убежденный, что именно книги являются главными носителями и хранителями культуры и традиций православия, Григорий особое внимание уделял на занятиях вдумчивому чтению старопечатных изданий. Он так доступно для детского ума комментировал Жития святых, что ученики зачастую плакали от сострадания, а потом дома пересказывали услышанное.

Разучивал духовные стихары, чтобы дети могли самогласно¹ сами распевать их по крюковой записи. Каждый ученик уже через два года умел писать, читать, знал таблицу умножения, четыре действия счета и все основные молитвы.

В третьем классе изучали Устав, правила семейной и общинной жизни по Домострою.

В обучении детей хозяйственным промыслам и в развитии необходимых для жизни трудовых навыков Григорию помогала вся скитская братия. Кто-то учил пчеловодству, кто-то столярному и плотницкому делу, кто-то шорному, кто-то лечению травами.

Жена наставника Анастасия с вековухой Ефимией обучали девочек прясть тонкую, ровную нитку, красить ее, управляться с ткацким станком, кроить и шить; много времени уделяли правильному ведению домашнего хозяйства.

Воспитывая любовь к добросовестному труду, уставщик, указывая на ладно сложенные поленницы, ухоженные, чисто выполотые гряды, говорил ученикам:

— Работа должна приносить удовольствие, а результаты труда радовать красотой не только окружающих, но и самого работника.

«Добрый пример лучше проповеди», — наставлял он во время соборов, призывая родителей быть образцом для детей. Учительные беседы проходили не только в скиту, но и в тайге.

Придя с ребятами на берег Глухоманки, он, сам заядлый рыбак, со знанием дела объяснял, как вернее ловить рыбу:

¹ Термин «самогласно» означает «песнопение», с которым может быть исполнен любой текст, любой протяжённости.

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Весной и осенью хариус хорошо берёт по дну, а летом, в жару, по верху. Возьмем тайменя: в июне берет на малька, а наступит июль — как обрежет. Можно только ночью на «мышья» попытаться. Рыба амур траву есть любит. Вон смотрите, легла травинка на воду. Все стояла, а тут легла — стало быть, амур травинку тянет за собой. Тут его и лови. Сазан илом питается. Как откусил, так со дна пузырек воздуха поднимается. Тоже не зевай. Если рыба велика, сразу не вытягивай. Дай притомиться и воздуху глотнуть. Как посмирнеет, тогда и выводи.

Однажды на прогулке правнук деда Тихона, озорник Митяй, обнаружил на обломке скалы морские раковины.

— Деда Григорий, гляньте, диво-то какое — ракушки. Кто их в камень так сильно вдавил?

— Давным-давно, много миллионов лет назад здесь было море. Потом оно отступило, и на его месте поднялись горы, а останки моллюсков, так называются ракушки, остались... Во время занятий наставник всеми силами старался донести до учеников: всё что есть на Земле — все живое. Что и сама Матушка Земля — живое существо, что она все чувствует, и надо стараться не обижать её и не наносить ей вреда. Даже просто упав на землю, человек делает ей больно, он её ушибает, и надо непременно попросить у нее прощения. Особенно почтительно следует относиться к Земле весной — в это время она беременна.

Ее лик, как лицо человека, со временем меняется. Сомневаетесь? Присмотритесь. Земля имеет кожу, поросшую волосами — деревьями и травой. Местами ее разъедают язвы болот и лишай пустынь. Кровеносная система — реки. Приливы и отливы — это вдох и выдох. Вулканы — это место, через которые Земля избавляется от всего ненужного...

* * *

В свои 83 года наставник, хоть и усох немного и слегка ссутулился, на вид был бодр. Тем не менее жизненная сила постепенно убывала. Только Анастасия с Ефимьей знали, каких усилий стоило ему поддержание бодрости на людях. Оставшись один, он снижал, лицо со старческими пятнами покрывала паутина морщин. Чувствовалось,

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

что догорали остатки его земной жизни. Возраст щадил только ум. Он был ясен, как воздух после грозы.

Григорий как-то сказал Анастасии с грустью:

— Жизнь так быстро пронеслась. Мой день кончился — наступил вечер. Пока молодой, летаешь, как ветер, а старому даже носить себя тяжело, хотя весь уж высох. Знаю, смерть на пороге стоит, караулит. Того не страшусь. Страшусь другого. Что с Ларём будет? Сможет ли община сохранить Его от пришлого люда до Пришествия Христа... Анастасия, как бы ни было тяжело, не покидайте Впадины и держитесь наособицу от мирян. Вижу, что зло на Земле пробивает дорогу, а добро втихомолку отступает, но верю в его победу. Сие и от нас, похоже, зависит.

После Троицы, утомленный долгой службой, Григорий уединился в своей комнатке. Отдохнув, обошел все дома. Поликовался со щеки на щеку с главами семейств, благословил каждого. Сходил на выбранное им самим место погребения и долго сидел там, оглядывая окрестности, среди которых предстоит лежать его бренному телу.

Вернувшись в избу, протер от пыли собственноручно выдолбленную из цельного ствола домовину, аккуратно положил рядом длинную белую рубаху — должно предстать пред Богом чистым, как ребятаёнок непорочный. Потом встал у икон и стал просить кончину себе мирную, для людей необременительную. Свою мольбу заключил словами: «Господи, дай помереть враз, без затяжной хвори!» и приложился к окладу.

* * *

Отец Андриан последние несколько дней ощущал сильное беспокойство, словно кто зовёт его в скит. Оставив монастырь, как обычно, на старшего инока Макария, отправился на зов, позвав с собой штабс-капитана. Он давно просился в скит повидаться с братом. Велико было удивление Григория и его домочадцев, когда Изосим — отец Андриан возник на пороге.

— Как же добр ко мне Господь, что в последние часы явил не только любимого ученика, но и брата единоутробного!

ЗОЛОТО АЛДАНА

Оставшись втроём, они долго разговаривали, распевали духовный стих о расставании души с телом: «Уж вы, голуби».

Утром из комнаты никто не вышел. Отворив дверь, матушка увидела, что Григорий лежит на своей постели со сложенными руками и спокойным, благостным лицом, какое бывает только у отошедших с миром, отец Андриан рядом молится, а Николай Игнатьевич дремлет в кресле.

— Господи, неужто преставился? — выдохнула она.

— Как покойно умирать, всё свершив, — прошептал в ответ Григорий чуть слышно и приоткрыл глаза. В них из-под серебристых бровей последний раз мелькнул и ускользнул в таинственную бесконечность свет жизни. Его земной путь завершился.

Смерть разгладила лицо старца, отчего он, казалось, улыбался умиротворенно, как будто перед уходом из земной жизни познал что-то самое важное, скрытое от живущих.

Отец Андриан с братией отслужили над покойным литию. Домовину окропили святой водой и уложили в нее наставника. Погребение завершили панихидой. На поминальный обед подали все постное: кутью, блины, облитые медовым сиропом, пирожки с молотой черемухой.

Всех тронула смиренность ухода духовного пастыря. Даже в этом он, будучи верным своему принципу: «Пример лучше проповеди», как бы преподавал урок достойного ухода. Последние напутствия Григорий изложил в письменном завещании и, запечатав воском, вручил отцу Андриану для оглашения на общем соборе.

Отец Андриан, ежедневно совершая положенные службы, прожил в скиту ещё девять дней. Он в первый же вечер поведал матери обо всем, что случилось с Корнеем, и решении отца остаться в монастыре. Выслушав, Дарья внешне никак не проявила своего отношения к этому известию, лишь произнесла: «На всё воля Господня», но ночью дала волю слезам.

На десятый день, оставив свиток с завещанием наставника Ефимии, Изосим со штабс-капитаном ушли в монастырь, полагая, что вмешиваться в дальнейшую жизнь скита не должны. Собор без них решит, кому возглавить общину.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Верно в народе говорят, что смерть одна не ходит. Супружница Анастасия после сорока дней тихо отошла во сне.

— Святая пара, — произнесла Дарья, узнав о смерти золовки.

* * *

В общине теперь каждый задавался вопросом: «Кому быть наставником?»

— Не знаешь, на кого и положиться — кость пошла пожиже, — сетовал дед Тихон.

— Что верно, то верно — Маркелов и Григориев средь нас боле не видать, — соглашался Демьян.

— А ежели на баб повнимательней глянуть? Они у нас зело домовитые да рассудительные, — подал голос Матвей.

— Не знаю, кто как, а я согласный. И предложение сразу есть — Дарья. Чем не наставница? Чадолобива — вона каких детей воспитала и в дому примерный порядок, и со стариками уважительна. Так же мудро и общину поведет, — горячо поддержал Тихон.

— Суждение интересное! Она и Устав отменно знает, и догматы веры с Григорием штудировала, — просипел простуженный на рыбалке Петр.

После споров — были и яростные противники этой идеи — участники собора в конце концов сошлись на том, что от бабьего правления общине только прок будет.

— Братья, а Григорий, видать, ведал, что на нее выбор ляжет — как свободное время выпадет, так все с ней служебник да часослов обсуждал, — вспомнил Игнат.

Когда свекор сказал Дарье, что ее зовут на собор по срочному делу, невестка не удивилась. Во сне явился к ней ангел и сказал: «Пошто не стелишь скатерть белую, не ставишь хлеба на кормление многие люди?»

Дородная, одетая, как была, по-домашнему, она уверенно вошла в молельню и почтительно поклонилась собору в пояс. Дед Тихон как самый старший возрастом торжественно проскрипел:

— Мы тута до полудня кумекали, кого в наставники определить, и порешили тебя просить принять сию ношу немалую. Что скажешь, сударушка?

ЗОЛОТО АЛДАНА

Дарья не смутилась, ответила с достоинством:

— Благодарствую, велика честь и ответственность. Пред Богом клянусь оправдать доверие собора!

К ней подошел Тихон со свитком в руках:

— Здесь предсмертные наставления Григория. Он велел огласить их после избрания преемника.

Дарья сломала печать с оттиском перстня наставника, развернула бумагу и стала читать громко, чтобы все слышали:

«Братья и сестры, верую в то, что вы избрали наставником того, кто будет жить горем и радостью нашей общины и станет ей истинным отцом.

(В этом месте Дарья поперхнулась и от себя добавила: «или матерью».)

Надеюсь, мои старательные труды по учению подрастающих чад будут продолжены. Советую приглашать с просветительскими лекциями и монастырских. Среди них немало zelo грамотных во науках.

Сберегайте веру в чистоте во имя грядущего величия нашего, истомленного тяжёлыми испытаниями, Отечества. Добиться его можно только с верой в Творца и Его помощью. Верую, что Россия переболеет и год от года начнет набирать силы для небывало высокого взлета. Живите дружно, сберегая Веру.

Раб Божий Григорий. Аминь».

ЯКУТСКИЙ ПОХОД ГЕНЕРАЛА ПЕПЕЛЯЕВА

Обезноживший Корней все работы в стряпушной взял на себя и вскорости стал замечать, что приготовление пищи ему даже доставляет удовольствие. Обитатели монастыря всякий раз хвалили его за трапезой.

Работать на костылях было неудобно, и он вытесал деревянный протез. На культю надевал чехол с двойным слоем меха и ремнями пристёгивал к ней протез. Поначалу стоять и ходить было больно, но Корней постепенно приноровился и стал «бегать» почти как прежде.

Тем временем поручик завершил первую часть рукописи «Последний поход». Прошитые листки, исписанные каллиграфическим

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

почерком, уже с дополнениями штабс-капитана, как обещал, дал почитать Корнею. Тот не раз слышал о Пепеляеве и в городе, и в лагере. Говорили разное. Кто хорошо, кто плохо. И ему очень хотелось понять, каков на самом деле был знаменитый генерал. Прибрав в трапезной после ужина, он ушёл в келью и принялся читать.

«...30 августа 1922 года, когда жители Охотска провожали отряд полковника Степанова в Якутск на помощь повстанцам, из Владивостока пришла радиограмма: «Добровольческая дружина под командованием генерала Пепеляева, численностью 700 человек¹, на канонерке «Батарея» и минном транспорте «Защитник» вышла из Владивостока в Аян». Это известие чрезвычайно воодушевило охотчан. В составе дружины был в звании поручика и я, Орлов Виктор Михайлович, автор этих строк.

Перед выходом в море отслужили молебен, после чего выступил с короткой речью сам генерал. Он сказал, что дружина идет бороться за народ, вместе с народом, за власть, которую пожелает сам народ, и, что самое главное, по просьбе прибывших во Владивосток полномочных представителей населения Якутии. Говорил просто, без всякой внутренней фальши, на что очень чуток русский человек. Свое выступление закончил словами:

«Братья, верю, что любовь к Родине, горячее желание послужить ей воодушевит и сплотит нас. Бог в помощь мне и вам!»

Уверенность генерала в праведности похода вливалась в наши сердца решимостью биться за спасение России насмерть.

Пепеляев планировал, освободив от большевиков Сибирь, укрепиться на ее западных границах и сформировать добровольческую армию. Под ее защитой провести выборы Земского собора и договориться с Советской Россией об автономии Сибирского Крестьянского царства, не зависящего от большевистской метрополии. Достаток

¹ На самом деле, на двух пароходах уместилось только 533 бойца. Остальные отплыли в конце октября под командованием генерала Вишневого, загрузив дополнительный провиант и оружие. Вообще-то добровольцев было так много, что вербовку пришлось после набора 700 штыков прекратить. Многие из добровольцев уже осели и неплохо устроились в Харбине, но, услышав боевой клич своего любимого командира, оставили с трудом налаженную на чужбине жизнь и семьи на произвол судьбы и записывались в отряд целыми группами. Так сильны были желание спасти Отечество и вера в свою правоту.

ЗОЛОТО АЛДАНА

старожильского населения Сибири был для него основным аргументом разумности подобного политического устройства. Пепеляев верил, что в Крестьянском царстве установится справедливая жизнь для всего народа и сохранится национальная самобытность.

Уже в плавании Пепеляев принял решение разделить свою дружину на два отряда. Один — с Пепеляевым во главе — 6 сентября десантировался в маленькой, охваченной со всех сторон лесистыми сопками, бухте порта Аяне, а второй — менее многочисленный, под командованием генерала Ракитина, спустя два дня — в Охотске. Этот маневр позволял использовать людские и материальные ресурсы сразу двух портов побережья Охотского моря и вбирать, продвигаясь к Якутску по Аянскому и Охотскому трактам, в свои ряды белопартизан и сторонников из местного населения. Затем, соединившись в селе Амга, идти на штурм Якутска объединенными силами. Знай полковник Степанов об этом плане, он остался бы дожидаться генерала Ракитина в Охотске и в Якутск пошел бы вместе с ним.

* * *

Аян встретил нас ветхой церковью с почерневшим крестом, бревенчатými пакгаузами на северной стороне залива и лавками, складами, жильными домами на южной. Высланный для разведки небольшой десант сообщил, что двухтысячное войско белоповстанцев, потерпев в бою под Никольском сокрушительное поражение от подошедших из Иркутска регулярных частей Красной армии, рассеяно и большая часть ее бойцов разошлась по своим улусам и наслегам. А сам командующий белоповстанцев, отчаянный корнет Коробейников, с отрядом в 250 человек находится в Аяне. Его армия, целый год контролировавшая почти всю Якутию, исключая лишь сам город Якутск и пары селений по долине реки Лена, теперь не представляла для большевиков серьезной угрозы.

Не последнюю роль в ее развале сыграло то, что среди повстанцев часть офицеров во главе с начальником штаба под прикрытием патриотических лозунгов о спасении России на самом деле занималась мародерством, насилием, реквизициями в целях личного обогащения. Это подорвало дисциплину и боевой дух армии, что привело к «по-краснению» ее рядов.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Особенно возмущали рядовых повстанцев частые расстрелы и пытки не только большевиков, но и мирных жителей. Некоторые офицеры действовали столь жестоко, что воспринимались населением уже не защитниками Отечества, а шайкой грабителей и головорезов. Особенно «прославился» отряд Ивана Яныгина, не дававший проходу на Охотском тракте ни пешему, ни конному.

От небывалой по степени жестокости расправы над членами ревкома и рабочими, бежавшими из Охотска и достигнутыми на Аллах-Юньской перегонной станции, содрогнулись даже выдавшие виды мужики. Вспарывая ножами безоружным пленным животы, белобандиты вытягивали из живого человека на всю длину кишки и развешивали их под нечеловеческие крики жертв, как провода, вдоль стен по деревянным колышкам. Глядя на это, некоторые пленные сходили с ума и ползали по лужам крови и человеческого кала, бессвязно бормоча.

Подобные случаи лютой жестокости, безусловно, вызывали ненависть населения и лишали Белое движение поддержки.

В итоге обстановка в Якутской области сложилась совершенно неожиданной для нашей дружины: плыли протянуть руку помощи участникам народного восстания, а выходило, что надо начинать все сначала.

Приди мы в Якутию месяца на четыре раньше и наведи в самой повстанческой армии должный порядок, ситуация, возможно, была бы иной. Объединившись с боевыми офицерами, имеющими богатый опыт, армия повстанцев могла стать мощной военной силой и наверняка выиграла бы сражение под Никольском. После этого захват Якутска, последнего оплота красных, был бы вопросом времени.

Перед нашим генералом ребром встал вопрос: что делать? Поднимать новое антибольшевистское движение или же возвращаться во Владивосток? Было созвано совещание с участием местного населения. На нем жители Аяна, в основном промышленники и купцы, уверили Пепеляева в том, что народ не приемлет большевистский режим, пропитан антисоветскими настроениями, что в тайге скрывается много партизанских отрядов белых и достаточно дружине двинуться на Якутск, как она начнет пополняться новыми добровольцами.

Присутствующие на встрече тунгусы-олeneводы жаловались:

ЗОЛОТО АЛДАНА

— Большевики забирай оленей. Все обсее делай. Теперь наса пропадай. — А в заключение попросили: — Надо воевай — большевики худой люди.

— Россия или смерть, — по-военному коротко выразил полковник Варгасов общее настроение офицеров. — Если и погибнем, то погибнем за Отечество.

— Не посраим честь и славу русской армии, — поддержали его и остальные участники заседания военсовета.

Эти заверения и настрой офицеров склонили генерала к продолжению военной кампании. Он оставил в Аяне сорок штыков во главе с назначенным им комендантом и в середине сентября 1922 года, несмотря на осеннюю распутицу, двинулся с тремя сотнями бойцов по тракту через громадный и безлюдный хребет Джугджур к поселку Нелькан — перевалочной базе для грузов, следующих из порта Аян в Якутск.

Товары, прибывающие морским путем до Нелькана, а это 250 километров, доставляли на оленях и лошадях вьюками. В поселке его перегружали на баржи и сплавляли по рекам Мая, Алдан и Лена до самого Якутска.

Переход по разбитому тракту, представлявшему собой обычную вьючную тропу, оказался крайне тяжелым. Приходилось вброд одолевать незамерзшие речки, вязнуть по колено в болотах. По обе стороны дороги белели кости. Особенно много их было на перевале через хребет Джугджур. В основном конские — гибли лошадки оттого, что не были подкованы. Из обложных туч сыпала, секла лицо тут же тающая крупка. В разряженном воздухе было трудно дышать. Мы вынуждены были часто останавливаться, чтобы унять бешено бьющиеся сердца. С перевала перед нами открылась местность настолько дикая, что возникло ощущение, будто внизу молодая планета, на которой жизнь еще не зародилась.

Шли с колоссальным напряжением, терпя невыносимые лишения. Но шли тем не менее счастливые, потому как чувствовали себя героями, спасающими Отечество от катастрофы. Для нас цель была столь важна и значима, что на трудности никто не обращал внимания.

Подойдя к Нелькану, мы должны были, врасплох захватив красный гарнизон (человек 200), завладеть двумя баржами, груженными продуктами и оружием, и, пока река Мая не замерзла, спуститься на

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

них к реке Алдан. Но агенты, внедренные в наши ряды большевиками во Владивостоке при записи добровольцев, ночью сбежали и предупредили красных. Те успели за час до нашего прихода спешно погрузиться на баржи и отплыть.

Войдя в пустой, безлюдный поселок, мы оказались в западне.

Двигаться вниз по реке было не на чем и не с чем. Идти назад тоже не могли — началось осеннее бездорожье. Оставалось ожидать морозов практически без провианта. Чтобы как-то продержаться, стали ловить оставшихся в поселке собак, кошек, варить невыделанные кожи, стрелять ворон. Иногда удавалось добыть оленя. Первого добыл сам Пепеляев.

До этого он отправлял несколько команд на охоту, но стрелки приносили только рябчиков. Тогда рассерженный генерал взял лишь одного казака и с утра отправился в сопки. Дальше привожу историю охоты в пересказе самого казака Гаврилы:

«Свежий след оленя нашли на склоне холма. Я потрогал рукой отпечатки.

— Снег чуть затвердел — часа три как прошел. Высоко стоит, шаг широкий — стало быть, крупный, — говорю генералу. Стали тропить. Олень, видать, почуял нас, свернул в густую поросль колючих елок. Когда зашли туда, саженья в тридцати что-то мелькнуло, с лап ели посыпался снег. Пепеляев вскинул карабин и выстрелил без упора. Слышу мягкое «чпок». Кричу: «Попали!»

Вижу, зверь дыбится в снегу. Потом мекнул и рванул в чащу.

Бежать за раненым зверем сразу нельзя: разгоряченный, уйдет далеко. В таких случаях надобно посидеть у костра, попить чаю и только после того идти. Подранок, ежели его не преследуют, ложится, а пролежав часок, он уже не может прытко бежать. Но, как на грех, снег загустил, и мы, чтобы не потерять след, не стали ждать.

Олешек часто укладывался раненым боком на снег, а заслышав нас, вставал и продолжал путь. Съехал с берега на молодой лед. Пошел через речку. Несколько раз проваливался. Возле мелкого, бурунистого переката упал на колени и ткнулся мордой в черную воду. Я стою — вода хоть и неглубокая, но ледяная. А у меня ноги большие.

Генерал ругает: «Чего, брат, стоишь? Оленя под лед затаянет». А я молчу, не знаю, как объясниться. Генерал, видя такое, осерчал,

ЗОЛОТО АЛДАНА

быстро стянул с себя сапоги и брюки. Обмотал ступни портянками и пошел сначала по льду, а потом по колено в воде. Привязал к рогам веревку. Олень попытался встать. Упал, забился, генерала обрызгал. Кое-как вдвоем подтащили тушу к берегу.

Я мигом соорудил костер. Надрезал горло оленя и заполнил котелок кровью. Генерал не побрезговал — выпил. Тушу разделали, засыпали снегом и вернулись в поселок. С собой токо с пуд мякоти взяли. Остальное доставила опозоренная охотничья команда. После такого урока враз добыли трех оленей».

Вот такой выдающийся офицер командовал нами! Как не пойти за таким?!

Когда дорога подмерзла, 5 ноября вернулись в Аян. Здесь отъедались и восстанавливались, готовились к боям в условиях суровой якутской зимы.

Приняв подошедшие из Владивостока на большом океанском пароходе «Томск» боеприпасы, теплое обмундирование, провиант и подкрепление из 190 человек во главе с генералом Вишневым, в середине декабря 1922 года опять были в Нелькане. Передохнув после тяжелого перехода через мрачный Джугдзур, двинулись несколькими командами на Якутск, распределив по четырёмстам нартам боевые и съестные припасы.

Пошли, хотя понимали, что шансов на победу немного. Вела нас вера в правоту нашего дела. Дороже России для нас ничего не было.

Одновременно с нами из Охотска отрядом численностью в 250 бойцов на трехстах оленьих упряжках выступила дружина генерала Ракина.

По дороге нам встречались торговцы, едущие из Якутска. Они рассказывали, что партизанский отряд капитана Артемьева регулярно совершает успешные набеги на Петропавловский гарнизон красных, а в устье реки Мили стоит еще более сотни белопартизан. Такие сообщения воодушевляли, поднимали боевой дух, помогали преодолевать трудности.

Олени и лошади тоннули в глубоких сугробах. Местами сильно досаждали наледи. Ручьи промерзли, и грунтовая вода, лишившись слива, просачивалась и расплзлась где поверх наледи, а где прямо по дороге, покрывая ее слой за слоем льдистой кашицей.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

В промокших валенках и унтах ноги коченели. Приходилось останавливаться и разводил костры, чтобы просушить обувь. Ночевали кто в палатках, кто в тунгусских чумах. Кому не хватало места — у костра. В чумах спали и люди, и собаки — все вместе, зато тепло и нет нужды каждые пять минут поворачивать замерзший бок к костру.

Холода стояли жестокие. Бывали дни с такими морозами, что плевки превращались в ледышки, не долетев до земли.

Прибыв в Усть-Миле в середине января, остановились, чтобы отладить взаимодействие батальонов, кавалерийских эскадронов и влившихся партизанских отрядов. Отряд под командованием подполковника Лосева, присоединившийся к нам еще в Усть-Юдоме, включили в наш второй кавалерийский эскадрон.

Две недели занимались подготовкой к предстоящим боям, не думая об отдыхе. Почти непрерывно шли совещания, вылазки по делам военной разведки, по налаживанию связей с сохранившимися партизанскими отрядами. Моральный дух дружины поддерживался тем, что население, замордованное разного рода налогами и мобилизациями, охотно помогало продовольствием и снаряжением. По всему чувствовалось, что люди рады нам и ждут от нас перемен к лучшему.

Под Петропавловском, грамотно применяя военные хитрости, разгромили одну за другой две роты красноармейцев местного гарнизона под командованием Дмитриева.

Встревоженные большевики срочно провели в Якутске областной съезд. На нем они продекларировали политику примирения, полной амнистии, привлечения видных якутов в Областной Совет и даже создания вооруженной Якутской дружины из числа бывших белопоповстанцев. Также отменили пресс под названием «продразвёрстка», «натуралог», трудовая и гужевая мобилизации. Это был сильный ход. Он заметно ослабил недовольство местного населения перегибами красных в предыдущие годы.

В это время к нам присоединилась охотская колонна генерала Ракина. Готовя почву для овладения Якутском, Пепеляев направил в глубь области ряд небольших отрядов, дав им задание тревожить противника налетами в разных уездах. Подобным «веером» он старался

ЗОЛОТО АЛДАНА

скрыть от красных движение наших главных сил на слободу¹ Амга. Этот дальновидный ход вскоре принес хорошие плоды.

Слобода, расположенная на возвышенности, представляла в тактическом отношении довольно выгодную и сильную для красных позицию. Подступы к ней со всех сторон были открыты на две-три версты и хорошо простреливались. Единственным и серьезным ее недостатком было то, что Амга состояла из одной улицы, вытянувшейся на две версты, и для ее обороны требовались значительные силы.

5 февраля 1923 года в 5 часов утра объединенная Добровольческая дружина при пятидесятиградусном морозе, молча наступая с двух флангов, шагая, как на параде, без единого выстрела, под смертоносным огнем пулеметов заняла этот важный опорный пункт красных — дорога к центру огромного края была открыта. Почерневшие от мороза и копоти костров лица наших ратников засветились радостью.

Эта триумфальная победа имела огромное значение для поднятия боевого духа дружины — ведь сколько было пережито лишений! Но больше всего радовало, что в наших руках оказались бесценные трофеи: легкие и тяжелые пулеметы, винтовки, патроны, гранаты и несколько тысяч пудов провианта. По распоряжению генерала Пепеляева, во все близлежащие села были разсланы гонцы для записи в дружину, сбора теплой одежды, перевязочных материалов. Через несколько дней стали подъезжать небольшими группами новые добровольцы. Их сразу распределяли по ротам, и офицеры приступали к занятиям с ними.

11 февраля разведка доложила, что из Петропавловска на Амгу идет отряд красноармейцев под командованием полуполяка-полулатыша Ивана (Июана) Строда. Похоже, красные не знали о падении Амги.

Пепеляев отправил навстречу для организации засады смешанный батальон и нашу офицерскую роту, всего 230 штыков, под командованием генерала Вишневого. По данным разведки, выходило, что красным не избежать ночевки в аласе Сасыл-Сысы (Поляна Лис), что в тридцати верстах от Амги.

¹ Слободой в Якутии называли сёла, где построена церковь, имелось волостное управление и торг, то есть своеобразный сельский центр, к которому зачастую приписывалось несколько деревень.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Нам было приказано затаиться в тайге в паре верст от аласа и, дождавшись, когда красные уснут, атаковать под покровом ночи. Вначале все развивалось по задуманному плану. Убедившись, что красноармейцы в аласе, разведчики подкрались к четырем юртам и без шума сняли три поста парных часовых. Получив донесение о том, что дозорные ликвидированы, генерал приказал наступать. Мы поднялись во весь рост и молчаливыми цепями вышли из чащи.

К сожалению, воспользоваться эффектом внезапности не удалось из-за бдительности пулеметчика у пятой, отдельно стоящей в лесу, юрты. Он засек наши цепи и поднял тревогу. Выбив из оконных проемов льдины, красные длинными прицельными очередями остановили нашу атаку. Захлебнулась и вторая. Ее красные встречали уже во всеоружии. Как позже выяснилось, по нашим цепям било около трехсот (!) стволов, в том числе три тяжелых ручных пулемета, два пулемета «кольт», восемь автоматов «шоша»! Тысячи невидимых пуль ежеминутно с коротким певичим пересвистом разрезали воздух и валяли на снег наших бойцов.

Огонь был столь плотным, что пришлось отойти в тайгу, черной стеной окружавшей поляну. Наша неосведомленность о столь большой численности отряда красных привела к огромным потерям. На истоптанном снегу поляны осталось лежать сорок девять убитых! Уверен, что все они пополнили пантеон российских героев. Иначе их не назовешь.

Вообразите на минутку: на вас смертоносным градом летит свинец и нужно встать и пойти ему навстречу, преодолевая самый сильный инстинкт — инстинкт самосохранения. В такой обстановке подняться в атаку — уже подвиг! Попробуй заставить себя осознанно идти на смерть, продираясь сквозь рой пуль! Сказать, что это невероятно трудный шаг — значит, оценить заключенную в нем доблесть только наполовину. И каждый, кто сделал его, попирая смерть мужественной верой в свою правду — неважно, красный он или белый, — достоин звания героя.

Якуты, хозяева юрт, после первой же атаки, как только смолкла стрельба, сложили свой небогатый скарб в сани, укутали детей и покинули насиженный угол, бросив огромным трудом сколоченное хозяйство, включая оставшихся в живых коров, толпившихся между двумя десятками телег красных, посреди прямоугольного двора.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Строд понимал, что с приходом подкрепления мы возобновим атаки. Используя дневную паузу, он весьма грамотно строил оборону: красноармейцы, невзирая на обстрел, подтаскивали к ограде из жердей, опоясывающих прямоугольный двор, убитых животных, подносили балбахи — крупные кирпичи из замороженного навоза и, складывая из них стенку, обливали их водой. Она моментально замерзала, превращая кладку в скользкий ледяной бруствер. Для пулеметов оставляли бойницы. Всего по периметру у них получилось восемь пулеметных гнезд.

В итоге хутор Сасыл-Сысы к вечеру превратился в настоящую крепость. Глядя на сверкающий под лучами низкого солнца ледяной бастион, возведенный за несколько часов посреди ровного, покрытого глубоким снегом поля, мы поняли, что осада будет затяжной. Нас бы в этой ситуации могли выручить пушки, даже легкие, но где их взять?

Уже готовый к решающему походу на Якутск генерал Пепеляев, получив через гонца донесение Вишневого, посчитал опасным оставлять столь мощное, боеспособное соединение противника у себя в тылу и решил, объединив все силы, либо уничтожить Строда, либо добиться его капитуляции.

Всего на эту операцию было брошено шестьсот дружинников.

Отряд красных оборонялся отчаянно. В иные дни из каждого пулемета они выпускали, как признавались потом пленные, по два десятка лент. Но и сами несли тяжелые потери. Из-за недостатка продовольствия они вынуждены были есть мясо, настроганное с убитых лошадей и коров. Строд, несмотря на ранение, насквозь простреленное легкое, продолжал руководить обороной.

Чтобы укрепить ледяную стену, опоясывающую двор, красные ночью собирали убитых — из их тел наращивали и расширяли брустверы. Щели между трупами затирали снегом и снова заливали водой. Кроме того, спилили десятка два деревьев, росших вокруг юрт и хотонов. Повалили их так, что они легли ветками наружу. Получилось нечто вроде засеки.

В минуты затишья между нами через заснеженное поле то и дело начинала метаться перебранка:

— Эй, беляки, зачем притопали?

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

— Мы пришли спасти Россию. Большевики обманывают вас красивыми посулами, а вы верите.

— Без офицера разберемся, никто вас не звал сюда!

— Да нас как раз позвали, это вы на чужое заритесь!

— Мало вам нашей кровушки на войне было! Повернуть все по-старому хотите?

Дальше следовало упоминание многих предков, и на этом диалог, как правило, иссякал.

После двухнедельной осады силы красных были на исходе. Чувствуя это, генерал Пепеляев направил им с пленным красноармейцем ультиматум:

«Вы окружены со всех сторон Сибирской добровольческой дружиной и повстанческими отрядами. Сопротивление бесполезно. Во избежание кровопролития, исключительно в интересах сохранения жизни красноармейцев, предлагаю сдаться. Гарантирую жизнь всем красноармейцам, командирам и коммунистам.

Генерал Пепеляев».

В ответ стродовцы подняли над юртой красное знамя, а гармонист заиграл «Интернационал».

Часа через два мы всё же получили пакет. Вскрыв его, адъютант протянул листок генералу. По мере чтения его лицо хмурилось всё сильнее:

«Генерал Пепеляев!

Предлагаем вам сложить оружие и отказаться от задуманного вами нападения на молодую Советскую автономную Якутию.

Разве можно, проиграв генеральное сражение, теперь частными атаками восстановить разбитый вдребезги колчаковский фронт? Никогда, генерал! Забудьте об этом думать! Вся ваша авантюра построена на песке, и вас вместе с дружиной ожидает конец Колчака.

Советская власть — не есть власть коммунистов, — нет, это есть власть трудового народа. Советская власть не мстит никому. Сдавайтесь! Или вы будете уничтожены нашими товарищами».

Взбешенные наглостью красных, мы приступили к решающему штурму крепости. Один отряд начал демонстративное наступление, отвлекая на себя огонь противника. В это время основные силы почти

ЗОЛОТО АЛДАНА

без потерь преодолели утопанную предыдущими атаками поляну и стали кидать во двор легкие японские гранаты. Но из них разорвалась только одна.

Под стенами ледяной крепости теперь уже красные нас самих забросали ручными гранатами Рдултовского¹. Они оказались понадежней: вместе с плевками черного дыма разлетались со звоном, похожим на звуки бьющегося стекла, сотни мелких осколков, наносивших нам значительный урон. Несмотря на это, на левом фланге, там, где подступы к брустверам не были защищены засекой, группа офицеров сумела перебраться через ледяную стенку и пошла напролом, расчищая путь саблями и штыками. Со всех сторон неслись дикие крики, стоны, мат. Фельдфебель Колоколов прорвался к огневому гнезду, сильно досаждавшему продвижению наших, и разможил ударом приклада голову пулеметчика. Но и сам пал от успевшего выстрелить в упор красноармейца.

Сопrotивление красных слабело. Вот-вот должен был произойти перелом в нашу пользу, но Строд бросил в бой свой штаб и легко раненых. Не получив подкрепления, отрезанные от основных сил, прорвавшиеся герои все полегли в неравной схватке. Правда, красным за это пришлось заплатить двойную цену.

Неистовая по своему накалу атака захлебнулась — мы в очередной раз откатились в лес.

Ветер, весь день гонявший по полю боя поземку, затих. В стыллой тайге установилась тишина, именуемая белым безмолвием. Ее нарушали лишь редкие выстрелы лопающихся деревьев.

Завершился семнадцатый день осады с яростной стрельбой по неосторожно выглянувшим красноармейцам. Еще две-три атаки — и у красных обороняться будет некому. В хотоне сотня раненых. Воды нет — пригодный снег вокруг юрт собран. Осажденные страдали не только от отсутствия воды и еды. Не меньше мучил расплотившийся в этой грязи новый, с булавочную головку, враг — миллионы вшей рыскали по телам красноармейцев. Раны были сплошь облеплены паразитами. Люди умирали от заражения крови. В центральной юрте, где

¹ Рдултовский Владимир Иосифович — конструктор боеприпасов (1876—1939).

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

лежали раненые, в воздухе стоял нестерпимый смрад от естественных испражнений.

Тут наши разведчики перехватили донесение, что к Строду из Якутска на выручку идут 560 красноармейцев латыша Карла Байкалова. Его соединение имело пушки, большой запас боеприпасов, тогда как у нас оставалось по двадцать пять патронов на одного бойца.

Для их встречи на подступах к Амге окопался резервный батальон. Упорный, с большими потерями для обеих сторон бой, начавшись 1 марта, на следующий день завершился нашим поражением. Сняв осаду с Сасыл-Сысы, мы, преследуемые войсками красных, отступали в Аян, а генерал Ракитин — в Охотск.

В эти дни Пепеляев сделал в дневнике следующую запись:

«2 марта 1923 года. Амга взята красными. Якутские представители бежали и кричали: «Мы разорены!..» Эти слова открыли глаза — мы защищали не свой народ, а шкурные интересы деятелей областного управления, которые обирали население и совершенно спокойно занимались спекуляцией пушнины. Надо отдать должное коммунистам — наш приход заставил их в корне пересмотреть свою прямолинейную и одностороннюю тактику, и более мягкой политикой они побудили население изменить позицию. Если в прошлом году жители угоняли скот от красных и сами прятались, то теперь страх перед ними ослаб. Население «покраснело». Прошлогодние повстанцы стали красноармейцами. Надолго ли эти заигрывания?»

В дороге на Аян ночевали без палаток, прямо у костров, по пять-восемь человек у каждого. Один бок, обращенный к огню, прогревался хорошо, зато другой в это время пробирал мороз. Приходилось то и дело поворачиваться. Забудешься поверхностным сном минут на десять и снова крутишься, чтобы подставить огню промерзший бок. И так всю ночь — и спишь, и не спишь. Когда ветер прорывался сквозь лесную чащу, он, как кузнечный мех, раздувал костры, взметая тысячи искр. Погаснув, они черной пылью покрывали нас. От выстреливаемых угольков нередко прогорали полушубки, шинели, катанки. Среди ночи то и дело слышались крики: «У тебя бекеша горит! А у тебя унты!» Кто-то вдруг, как ошпаренный, вскакивал и начинал сдирать с себя полушубок. Оказывается, тот выгорел на плече до гимнастерки. Люди так уставали и мерзли, что не сразу чувствовали огонь. К утру у кого-то не хватало целой полы от

ЗОЛОТО АЛДАНА

шинели, у кого-то на спине зияла огромная дыра; влажные рукава полушубков вблизи огня стягивало, морщило, словно сушеные грибы. Обмороженные лица чернели, покрывались струпами. Дыры в обуви затыкали тряпьем или мхом и перевязывали веревочками. Проходя десятки верст по глухой тайге и терпя эти неимоверные лишения, ко всему прочему еще и голодали. Но в глубоких провалах глазниц большинства по-прежнему горел огонь жажды реванша.

Лежа у костров, мы все пытались докопаться до причин поражения монархии. Сошлись на том, что напрасно мы, офицерство, до красного переворота были аполитичны. Тем, что творилось в стране, интересовались мало. Большинство просто несли службу — прикажут, сделаем. А когда гром грянул, многие оставались уверены, что все само собой образуется, что ничего страшного и при красных не произойдет, и его лично все это не коснется. А когда пришло понимание того, что кадровое офицерство в планах новой власти не значитя, и ему уготовано истребление, спохватились, да поздно было — части расформированы, оружия нет, довольствие для содержания семей не выплачивается. Организоваться для сопротивления местами удавалось, но этих разрозненных сил было явно недостаточно. Беда в том, что воевали с большевиками порознь, каждый генерал сам по себе, а надо было объединиться. Тогда бы и красных одолели, и жертв меньше понесли. Тыловое обеспечение тоже хромало.

Да и сами не без греха оказались — недовольство народа мобилизацией и реквизициями зачастую подавляли с неоправданной жестокостью. Иные, потеряв человеческий облик и забыв о гуманности, очень даже лютовали.

Большевиков здорово поддержало то, что даже в начале Гражданской войны командный состав Красной армии на 20—30 процентов состоял из офицеров царской армии, а в решающий период борьбы с интервентами в 1919 году, уже не менее 50 процентов. Большую роль в победе красных сыграли и двадцать тысяч латышских стрелков. Именно их полки в первые месяцы после захвата власти большевиками были для них самой надёжной и боеспособной опорой.

Войска Антанты во главе с Жаненом вместо того, чтобы помочь нам, вступили в корыстный сговор с чехами в борьбе за двадцать с лишним тысяч пудов золота — золотой запас России.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

С горечью приходится признать, что наш жертвенный героизм, огромное желание спасти Россию от безбожья и анархии не смогли противостоять организованности и классовой ненависти рабочих и крестьян-бедняков, воодушевленных обещанием скорого счастья. Мы исполняли свой долг, и тысячи офицеров отдали жизнь, не задумываясь о том, что у борьбы возможен трагический исход.

* * *

Генерала Пепеляева еще до похода на Амгу стали посещать тревожные мысли. Может, напрасно он, невзирая на разгром Повстанческой армии, принял решение идти на Якутск, подвергая огромному риску жизни сотен лучших офицеров, солдат и казаков русской армии?

После поражения он совершенно лишился сна — его душу разрывало на части. Теперь генерала терзала другая дума — как спасти оставшихся в живых?

Отступление при тридцатиградусном морозе по снежному бездорожью, когда за день с трудом одолевали не более десяти верст, до предела измотало людей и животных. Тяжко и больно было смотреть на усеянный трупами лошадей и оленей, занесенный глубоким снегом Аянский тракт. Из двухсот голов, вышедших из слободы, до Нелькана дошли только десять, и то еле живых из-за нехватки корма.

Небольшой запас продуктов почти иссяк. Когда вставали на ночевку, физически более слабые бойцы, как только разгорались костры, выбирали поудобнее место, укладывали под голову вещевые мешки, а под бок наломанные ветки пихты или кедра — что найдется — и сразу засыпали. Когда поспевал ужин, их будили и заставляли есть.

После каждой ночевки на снегу оставались лежать один-два ратника. Сил хоронить не было. Тела просто относили в сторону и зарывали в сугроб.

В Нелькан добрались в первых числах апреля. Всего в дружине осталось после похода на Якутск не более трехсот офицеров и солдат. Заросший густой щетиной генерал выглядел почерневшим, постаревшим. Запавшие щеки, провалившиеся глаза выдавали безмерную усталость.

10 апреля прошел съезд тунгусов Аяно-Нельканского района, который постановил объявить территорию, где кочуют тунгусы, самостоятельной республикой и просил генерала остаться с дружиной для

ЗОЛОТО АЛДАНА

ее охраны. Взамен тунгусы обещали обеспечивать дружину продовольствием и транспортом. В постановлении выражалась благодарность пепелявцам за понесенные жертвы и труды, и за то, что офицеры уважительно обходились с населением края.

Славные кочевники-оленоводы видели в нас своих спасителей. Для победы они бесплатно трудились всю зиму в транспортных обозах, отдали сотни оленей на мясо, не меньшее поголовье погибло от тяжелой работы и бескормицы. И даже после разгрома дружины тунгусы сохраняли веру в наши силы.

На предложение остаться для охраны тунгусской республики генерал ответил отказом. Несмотря на это, съезд своего постановления не отменил.

В Аян Пепеляев привел остатки нашего войска в начале мая 1923 года.

Глядя на скованное толстым льдом море, мы понимали, что первые пароходы появятся не скоро и стали делать кунгасы¹, на которых собирались отплыть на Сахалин сразу, как только море освободится от ледяного панциря. Но морской десант Пятой Красной армии помешал осуществить этот план. Никто из нас и предположить не мог, что большевики после победы в Амге вышлют из Владивостока на пароходах «Индибирка» и «Ставрополь» еще одну карательную экспедицию.

Руководил ею известный красный командир, в прошлом кузнец из Бирского уезда Башкирии, Вострецов. Надо признать, порученную операцию он провел образцово. Для обеспечения внезапности красные высадились вечером 2 июня 1923 года десантом в 700 штыков не в самом порту Охотск, а на берег мыса Марикан, освободившийся уже ото льда. В первую очередь они решили уничтожить остатки отряда во главе с генералом Ракитиным в Охотске, а затем двинуться на Аян, где готовились к эвакуации мы.

Короткой июньской ночью красноармейцы совершили стремительный марш-бросок в 27 верст, и ранним утром 150 бойцов, остальные отстали по дороге, вошли в спящий город. Поднятые по тревоге офицеры открыли беспорядочную стрельбу, с колокольни застучал

¹ Кунгас — деревянное беспалубное парусно-гребное судно прибрежного плавания.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

пулемет. Вместе с десятком рядовых красноармейцев сразу был убит заместитель Вострецова.

После двухчасового боя красным удалось подползти к пакгаузу, и в него полетели связки гранат. Только тогда наши выкинули белый флаг. Генерал Ракитин не пожелал сдаться и, как истинный офицер, пустил пулю в висок.

11 июня 1923 года «Ставрополь» с пленными вышел во Владивосток, а Вострецов со своими красноармейцами на «Индибирка» взял курс на порт Аян. Через сутки «Индибирка» встала на якорь в пустынной Алдомской бухте.

Для скрытности красные пошли на Аян по расквасившемуся снегу волчьей тропой, петлявшей по прибрежным сопкам. Утром 16 июня у Аянской высотки взяли в плен полковника Варгасова. Не выдержав пыток, он признался, что пепеляевцы наблюдают только за морем в надежде увидеть корабль, а отдельный отряд в восьми километрах от Аяна на берегу строит кунгасы.

17 июня перед рассветом на порт пал туман. Красноармейцы, беглым шагом спустившись с сопки, окружили наш штаб и казарму. Оборонялись мы отчаянно. Стреляли редко, но наверняка — боеприпасов к тому времени осталось по шесть патронов на ствол. Красные под прикрытием шквального огня пулеметов стали подползать к окнам и кидать в них гранаты. Потери сразу возросли.

Во избежание дальнейших жертв генерал отдал приказ сложить оружие. Он решился на этот несвойственный его убеждениям шаг, так как чувствовал перед нами личную вину: мы доверились его неукротимой воле и пошли за ним, бросив более-менее устроенную жизнь, а он не оправдал наших надежд — не сумел привести к победе.

До сего времени у него было четкое понимание, что есть долг перед Отечеством и что есть подвиг, что есть честь и предательство, смелость и трусость, и без колебаний, бесстрашно боролся за торжество своих идеалов. Но за эти месяцы все смешалось, и теперь сам генерал запутался. Он не мог понять — в каких деяниях он прав, а в каких ошибался. Нарушилась его дотоле равновесная система координат. Все, что казалось несокрушимым, стало зыбким, как на болоте.

Откуда у красных такая убежденность в своей правоте и как им удалось обратить в свою веру миллионы людей? Кто искренне заблуж-

ЗОЛОТО АЛДАНА

дается — он или они? Кто на верном пути к Истине? Это для него, как, впрочем, и для всех нас, осталось неразрешимой загадкой.

Наш отряд под командованием подполковника Лосева был занят постройкой кунгасов на берегу моря. Мы завтракали, когда примчался раненый верховой и сообщил о нападении больших сил красных на штаб и что они уже движутся сюда. Нам повезло — почти все лошади, имевшиеся в Аяне, были у нас, на них таскали из тайги стволы для кунгасов. Похватав самое необходимое, мы верхом ушли через горы в глубь тайги. В пути было несколько боестолкновений. В итоге в отряде осталось пятнадцать человек. Местные казаки Дубов и Шалый, хорошо понимавшие тайгу, водили нас по безлюдной глухомани до тех пор, пока красные не потеряли след. Убедившись наконец, что погони нет, построили в укромном распадке свои первые жилища и стали жить маленьким гарнизоном.

Конец первой части».

* * *

Дело генерала Пепеляева слушалось в Чите ревтрибуналом Пятой армии в январе 1924 года. Суду были преданы семьдесят восемь человек офицерского состава.

Незадолго до вынесения приговора Пепеляев писал в камере:

«Мы все были упорными и последовательными врагами советской власти и боролись с нею до последней возможности, руководствуясь нашей горячей любовью к Родине, России, желанием помочь русскому народу стать великим и сильным и изгнать тех, кого мы считали разрушителями России и насильниками над свободной волей народа.

Я имел одну цель — спасение родины, не допустить до развала и гибели народное хозяйство, считая, как и большинство интеллигенции, коммунистическую власть способной только разрушать со страшной жестокостью все основы государственности. То же чувство бесконечной любви к народу и Родине двигало мною, когда я по зову представителей Якутской области с горстью самоотверженных и бескорыстных бойцов пошел в далекую и суровую Якутию, чтобы оттуда протянуть руку народу, который, как казалось нам, гибнет под властью коммунистов.

Уцепившись за обломки разбитого революцией старого строя, мы старались склеить из них новую государственную храмину, бес-

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

сильные отрешиться от тех взглядов, которые были вложены в нас воспитанием и окружающей средой.

Но мы жестоко ошиблись в оценке того, что свершилось в стране.

Потерпев поражение, мы сдались отряду Красной армии.

Я ожидал, что сейчас же начнутся расправы, насмешки победителей. Оказалось не так. Никакой вражды я не встретил. С удивлением замечал я, что улеглась злоба, утихла вражда, что русские люди снова становятся братьями. То, что я вижу вокруг, о чем слышу и читаю, убеждает меня, что незачем спасать Россию. Она спасена. Из кошмарных лет Гражданской войны выковалась действительно новая, свободная Россия. Теперь я глубоко убежден, что всякая борьба с советской властью будет борьбой с Россией.

И я обращаюсь к тем, кто, как и мы, мечтал и искал свободной России — вам нечего мучаться за границей, смело возвращайтесь и спокойно работайте среди трудового народа.

Я не знаю, что ждет меня через три-четыре дня, когда будет вынесен приговор пролетарского суда. Возможно, доживаю последние дни. Это меня не пугает. Я привык смотреть смерти в глаза. Поэтому физическая смерть не страшна. Я пережил пострашней — смерть идейную. Сквозь тюремную решетку я увидел и понял, что я жестоко ошибался и что за нашей спиной, на нашей крови наживали деньги, а нас толкали в пропасть.

Каким бы ни был приговор, вынесенный мне, я буду считать его заслуженным. Если же советская власть оставит мне жизнь и в будущем доверит оружие, я даю слово офицера, что так же упорно буду защищать советскую власть, как до сих пор шел против нее».

Пепеляев А.Н. был приговорен вместе с двадцатью пятью старшими офицерами к расстрелу. ВЦИК заменил всем высшую меру на 10-летний срок тюремного заключения. В 1936 году генерал освободился и поселился в Воронеже, но в 1937 году был повторно арестован и расстрелян в Новосибирске 14 января 1938 года.

По иронии судьбы его знаменитый победитель, всю свою жизнь борющийся за коммунистические идеалы, Иван Строд, кавалер четырех орденов Красного Знамени, в 1937 году был признан опасным врагом Советской власти и расстрелян почти в один день с Пепеляевым.

ЗОЛОТО АЛДАНА

Многочисленные примеры истории убедительно подтверждают, что все революции сначала безжалостно сметают, уничтожают противников, а окрепнув — тех, кто ее вершил.

Разгром армии генерала Пепеляева в Якутии поставил точку в таком совершенно диком явлении, как Гражданская война, отнявшая у России через братоубийство миллионы сынов и обескровившая страну на многие десятилетия¹.

Пройдёт время, и не поверят потомки, что могли существовать на земле люди, во всем, казалось бы, похожие на остальных россиян. С такой же плотью и кровью, а на самом деле возвышающиеся над всеми, как вершины Эльбруса возвышаются над окрестными горами. Их предавали политики, союзники, жатка смерти десятки раз прокатывалась по их непокорным головам, а они не падали духом и просили об одном: не мешайте стоять за Отечество. Геройство без рисовки, страдание без жалоб, терпение без конца, самопожертвование без позы, патриотизм без фразы — таков российский офицер во все времена и режимы!

Читал Корней всю ночь. Только заснул, как тягуче проскрипели и стукнули ворота — возвратился из скита отец Андриан. Он принес опечалившую всех монастырских весть о смерти Григория. Накормив настоятеля и распросив его обо всём, Корней вернулся в свою келью и весь день молился за упокой души своего старшего товарища.

ПОСЛЕДНЯЯ СДЕЛКА

Окончив милицейское училище, Игорь Лосев, а по документам Шорников Игорь Петрович, «сын умершего дорожного смотрителя», так было указано в справке, по которой он в 1944 году был направлен на учебу, 10 января 1947 года вернулся в улус в распоряжение началь-

¹ Потери России в ходе Гражданской войны 1918—1922 гг. (данные требуют уточнения). Всего убито и умерло от ран — 2,5 млн чел. В том числе: Красная армия — 0,95 млн чел. Белая армия — 0,65 млн чел. Партизаны — 0,9 млн чел. Погибло в результате террора — 1,9 млн чел. В том числе: от красного террора — 1,2 млн чел., от белого террора — 0,3 млн чел., от партизан — 0,4 млн чел. Умерло от голода и эпидемий — 6,0 млн чел. Всего погибло — 10,4 млн чел. Эмигрировало — 1,0 млн чел.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ника райотдела капитана милиции Лисицына, мордастого, сутулого, с бритой головой, надежно приделанной к широким плечам.

Встретил он лейтенанта приветливо. Представил личному составу, показал рабочее место, вкратце обрисовал обстановку в районе.

— Жить будешь в общежитии. Комната маленькая, зато рядом.

— Товарищ капитан, меня старый знакомый к себе пригласил. Если вы не против, я у него поселюсь. Его дом тоже близко к отделению. Живет он один, места много.

— Что за знакомый? Фамилия?

— Сафронов Василий Иванович.

У капитана от удивления взлетели вверх брови, но больше он ничего не спросил.

— Возражений нет. Устраивайся, а завтра с утра приступай к службе.

* * *

Погрузневший, уже вышедший на пенсию Василий Сафронов вставал рано, готовил завтрак и провожал любимца. Вечером непременно дожидался его возвращения и кормил ужином. Парень испытывал неловкость, оттого что старый человек так беспокоится о нем, и какое-то время пытался протестовать. Но дядя Вася улыбался, приговаривая, что эти хлопоты для него приятны, и заведенного порядка не менял.

Старик давно подбирал удобный момент для откровенного разговора с Игорем. Хотел открыться внуку, но все как-то не складывалось: то Игорь торопился в командировку, то приходил чуть живой от усталости, то соседи забежали на огонек, то его самого кто-нибудь звал в гости или не подходило для такого разговора настроение.

Вначале лета молодой оперативник за активное участие в задержании двух рецидивистов, совершивших разбойное ограбление склада «Якутторга», был награжден именными часами, а его начальник капитан Лисицын получил звание майора и назначение в областное управление.

Василий зашел поздравить своего давнего покровителя и попросил посодействовать в назначении Игоря на его место. Новоиспеченный майор обещал, но предупредил, что это сложно и потребуются нема-

ЗОЛОТО АЛДАНА

лые деньги. Да и вообще не мешало бы и ему самому помочь в связи с переездом.

Якут же, все годы щедро одаривавший Лисицына, считал, что и так расплатился сполна. Высказать это напрямую он не решился и стал намекать на неслыханные в прошлом щедроты с его стороны, плакался, что теперь с деньгами совсем плохо — на одну пенсию живет.

«Волк от голода воет, а богач от жадности», — подумал избалованный подношениями Лисицын, а вслух с недоброй усмешкой осадил:

— Брось, Василий Иванович, скулить! Доподлинно знаю — врешь. Кстати, чего это ты так хлопочешь за постояльца? — И так глянул на заартачившегося пенсионера, что у того язык заморозился.

Вернувшись домой, Василий открыл тайник — куда деваться, ради внука придется раскошелиться. Нащупал и достал первый попавшийся сверток, развернул. На ладони лежал богато украшенный драгоценными камнями наперсный крест, прихваченный им как-то в монастыре. От него давно следовало избавиться. Тем более что после того, как крест оказался у Василия, его стали преследовать неудачи: одна за другой срывались, казалось бы, надежные сделки, а если сделка и совершалась, то возникали иные проблемы: то обоз под лед уйдет, то потаенный склад обворуют зэки, то зайвится неожиданная ревизия.

«Вещь, по всему видно, старинная, дорогая. Отдам Лисицыну. И ему хорошо — и мне хорошо. Хорошо, когда всем хорошо», — засмеялся довольный старик и положил сверток на стул.

Закрыв тайник, принялся готовить ужин — к вечеру должен был вернуться из командировки внук.

Игорь приехал ближе к полуночи. Выдвинув стул из-под накрытого клеенкой стола, парень увидел сверток с выглядывающим из тряпок крестом. Он сразу узнал его.

— Так, выходит, это вы украли крест в монастыре?!

«Совсем дурак стал, забыл убрать», — обругал себя старик, но сделал обиженное лицо и протянул:

— Зачем украл? Должник дал.

— Кто?

— Много их было, разве упомнишь? Садись, кушай, картошка сегодня с конской колбасой.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

Игорь молча повернулся и вскоре вышел из своей комнаты с чемоданом в руке.

— Прощайте!

От неожиданности Василий ничего не смог ответить — стоял, как будто обухом топора оглушённый.

Не зря говорят — за все надо платить. Кара за прошлые грехи, падая с небесной высоты, рано или поздно настигает человека. Судьба не забыла предъявить счет и бывшему купцу. В эту же ночь его парализовало.

Через два дня соседи забеспокоились: всегда такой деятельный, подвижный старик не выходил из дома. Постучали — тихо. Дверь была заперта изнутри. Встревожились не на шутку — сообщили в милицию. Дежурный доложил начальнику. Лисицын струхнул. Первое, что пришло в голову: кажется, перестарался — припугнул сверх меры. Проверить сигнал пошел сам. Взломать крепкую дверь не удалось, пришлось выставлять окно.

Старик лежал у кровати на полу. Глаза были закрыты, но по судорожно дергающемуся уголку рта майор понял — жив. Торопливо обойдя комнаты, он быстро сунул за пазуху поблескивающий драгоценными камнями крест и открыл дверь.

Парализованного отвезли в больницу, а квартиру опечатали.

* * *

Вернувшись в кабинет, Лисицын размышлял: «Странная история. Явно не ограбление. Следов насилия на теле нет, да и врачи констатировали инсульт. Теперь понятно, почему Игорь после командировки в отделении ночует: видать, тыркнулся, а хозяин не отпирает. Ну и дела! Как бы старик не сболтнул ненароком чего лишнего».

Игорь, узнав, что дядю Василия парализовало, попросил у начальника разрешения сходить проведать. Но тот, дабы прежде самому успеть выяснить, в состоянии ли дед разговаривать, отправил его на очередное происшествие. А узнав у доктора, что больной вряд ли скоро заговорит, успокоился.

Игорь попал к дяде Васе только вечером. После уколов тот был в сознании. Правая половина тела более-менее слушалась, левую парализовало полностью. Зайдя в палату, лейтенант сразу отметил,

ЗОЛОТО АЛДАНА

что старик обрадовался ему. Еще бы! Василию надо было как можно скорее сообщить Игорю, что он его дед и всё припрятанное в тайнике огромное богатства для него. Но, пытаясь это сказать, он только мычал и дико вращал глазами. Кое-как, знаками, сумел объяснить Игорю, чтобы тот дал бумагу и карандаш. Утихомирив трясущуюся руку, он стал водить карандашом по бумаге, но получались лишь непонятные каракули.

Углы губ Василия дрогнули, горько поползли вниз. Мутные слезы, капля за каплей, потекли из по морщинистым щекам. Сознание того, что все накопленные богатства могут пропасть, мучило его сильнее, чем страх смерти.

Силясь что-то сказать, он весь напрягся, но вместо слов издавал лишь мычание. Игорю было жалко старика, однако не мог понять, чего тот хочет сообщить, и пошел за фельдшером. Когда через пару минут они вдвоем вошли в палату, якут был мертв. Подняв упавший на пол листок, лейтенант пригляделся к писанине. Не сумев разобрать каракули, смял бумагу и бросил в урну...

СОДЕРЖАНИЕ

АЛДАНСКИЕ СКИТНИКИ. О трилогии Камиля Зиганшина.....	3
ЗАЩИТНИК ДРЕВНЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ.....	12

СКИТНИКИ

ИСТОРИЯ ВАРЛААМА.....	22
ВАРЛААМОВА ОБИТЕЛЬ.....	24
ВЕТЛУЖСКИЙ МОНАСТЫРЬ.....	29
В ЗАБАЙКАЛЬЕ.....	39
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ СКИТ.....	44
СНОВА В ПУТИ.....	54
СКИТ «КЕДРОВАЯ ПАДЬ».....	61
ПОСЕЩЕНИЯ ЯРМАРКИ.....	68
БОЖЬЯ КАРА.....	74
РОЖДЕНИЕ КОРНЕЯ.....	80
БАРСУК.....	81
ОТШЕЛЬНИК.....	82
ПЕРВАЯ ОХОТА.....	86
ЛЮТЫЙ.....	89
СНЕЖОК.....	92
БЕРКУТ.....	97
СВОРА.....	101
ГОРНОЕ ОЗЕРО.....	110
ГОРБУН.....	116
КОСОЙ.....	122
ПОКАТАЛИСЬ.....	123
ПЕРЕЛОМ.....	124
ПЕРВОЕ СТРАНСТВИЕ.....	133
ЭВЕНКИ.....	136
ПЕРЕКОЧЕВКА.....	143
ВТОРОЕ СТРАНСТВИЕ.....	149
СКИТЫ-ПРИЗРАКИ.....	157
ВСТРЕЧА.....	168
ЗАВЕЩАНИЕ МАРКЕЛА.....	174

ЗОЛОТО АЛДАНА
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСПЫТАНИЕ	177
ВЕРНЫЕ ПРИСЯГЕ	182
У ЭВЕНКОВ	191
ТАЕЖНЫЙ «ГАРНИЗОН»	204
ПРИИСК «СЛУЧАЙНЫЙ»	212
НЕОЖИДАННОЕ ПОПОЛНЕНИЕ.....	222
ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА.....	233
КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ.....	238
МОНАСТЫРЬ	250
ВОЗРОЖДЕНИЕ	257
ТРАГЕДИЯ В ГАРНИЗОНЕ	275
СКИТНИКИ В МОНАСТЫРЕ.....	280
СВАТОВСТВО.....	298
С ТОПОГРАФАМИ	306
ДОРОГА ДОМОЙ	342

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НЕБЕСНЫЕ ГОСТИ	360
В ГОРОДЕ.....	369
В СКИТУ.....	381
БОЖЬЯ КАРА	385
В ЛАГЕРЕ.....	397
ПОИСКИ БЕЛОВОДЬЯ	406
КУПОЛ	411
ИЗВЕРЖЕНИЕ.....	418
ПЕЩЕРНИКИ.....	422
ЛАРЬ	429
ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРНЕЯ	436
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ОГНЕОПАЛЬНОГО ПРОТОПОПА	450
ТРЕТЬЕ СТРАНСТВИЕ КОРНЕЯ	455
НАСТАВНИК	462
ЯКУТСКИЙ ПОХОД ГЕНЕРАЛА ПЕПЕЛЯЕВА	469
ПОСЛЕДНЯЯ СДЕЛКА.....	489

Литературно-художественное издание

Сибиряда

Зиганшин Камиль Фарухшинович

СКИТНИКИ

Выпускающий редактор *О.М. Солдатов*

Корректор *Л.В. Суркова*

Верстка *И.В. Левченко*

Художник *Н.А. Васильев*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6, помещение 3, комната 1/1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 22.03.2022. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Гарнитура «Peterburg». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 31. Тираж 1800 экз. Заказ № .